Флавій Іосифъ

ІУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Переводъ съ греческаго.

Кандидата восточныхъ языковъ Г. Г. Генкеля.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Е. Ландау. Театральная площадь, 2.
1900.

ІУДЕЙСКІЯ ДРЕВНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Содержаніе:

Содержаніе книги обнимаетъ періодъ въ восемьдесятъ два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Въ предшествующей книгѣ мы разсказали, какимъ образомъ народъ іудейскій, угнетенный македонянами, вновь снискалъ себѣ свободу, и послѣ сколькихъ и какихъ ужасныхъ битвъ палъ его предводитель Іуда въ бою за народъ свой.

Послѣ смерти Іуды, всѣ находившіеся еще въ странѣ безбожники и законоотступники возстали противъ іудеевъ и со всѣхъ сторонъ стали наглымъ образомъ обижать послѣднихъ. Благодаря гнусности этихъ людей, страну постигъ голодъ, такъ что многіе изъ евреевъ вслѣдствіе недостатка во всемъ необходимомъ и вслѣдствіе невозможности противостоять еще, кромѣ этой бѣды, другой, именно кознямъ враговъ, перешли на сторону македонянъ. Между тѣмъ Вакхидъ собралъ всѣхъ тѣхъ, которые измѣнили древнимъ своимъ обычаямъ и примкнули къ новому (языческому) строю жизни, и поручилъ имъ управленіе страною. Тогда эти люди (немедленно) схватили друзей и приверженцевъ Іуды и выдали ихъ Вакхиду. Этотъ въ свою очередь подвергъ ихъ первонально пыткамъ, а затѣмъ, вдоволь помучивши ихъ, приказалъ ихъ умертвить. Такимъ образомъ іудеевъ постигло такое несчастіе, какого они не испытывали со времени исхода изъ Вавилона, и когда оставшіеся въ живыхъ товарищи Іуды увидѣли столь жалко гибнущій народъ, они обратились къ брату Іуды Іонаѳу съ просьбою пойти по слѣдамъ своего брата, принять на себя заботу о своихъ единоплеменникахъ, подобно Іудѣ, который палъ за свободу народа, и не допустить, чтобы народъ, оставаясь безъ руководителя, погибъ при такихъ ужасныхъ условіяхъ. Іонаѳъ отвѣчалъ, что онъ охотно готовъ умереть за нихъ, и, такъ какъ по всеобщему мнѣнію онъ ни въ чемъ не уступалъ своему брату, онъ былъ избранъ военачальникомъ іудейскимъ.

2. Когда Вакхидъ узналъ объ этомъ, то испугался, какъ бы Іонаѳъ не доставилъ разныхъ хлопотъ царю и македонянамъ, какъ то было нѣкогда съ Іудою, и сталъ искать способа хитростью умертвить его. Однако это рѣшеніе Вакхида не осталось скрытымъ ни отъ Іонаѳа, ни отъ его брата Симона. Когда они были поставлены объ этомъ въ извѣстность, то на-

скоро собрали всѣхъ своихъ товарищей и бѣжали въ ближайшую къ городу пустыню и, прибывъ къ находившемуся тамъ водоему, такъ называемому Асфару, остановились тутъ. Узнавъ объ ихъ уходѣ и о прибытіи ихъ въ указанное мѣсто, Вакхидъ двинулся противъ нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ и, расположившись лагеремъ на противоположной сторонѣ Іордана, остановилъ тутъ свою рать. Узнавъ о выступленіи Вакхида, Іонаѳъ отправилъ своего брата Іоанна, называвшагося также Гаддисомъ, къ наватейскимъ арабамъ, съ которыми евреи были въ дружбѣ, для того, чтобы укрыть у нихъ на время войны съ Вакхидомъ всю свою движимость. Однако на выѣхавшаго къ наватейцамъ Іоанна напали засѣвшіе въ засадѣ у города Мидавы потомки Амарея, схватили Іоанна и его спутниковъ, отняли у нихъ все ихъ имущество и умертвили какъ самого Іоанна, такъ и всѣхъ его товарищей. Однако за это они въ свою очередь должны были поплатиться и были наказаны братьями Іоанна, какъ мы сейчасъ разскажемъ.

3. Тѣмъ временемъ Вакхидъ узналъ, что Іонаѳъ расположился лагеремъ въ низинахъ Іорданскихъ, выждалъ субботу и напалъ на него въ разсчетѣ, что Іонаѳъ въ этотъ день сообразно своему закону сражаться не станетъ. Однако тотъ сталъ увѣщевать своихъ товарищей и указалъ имъ на то обстоятельство, что теперь идетъ вопросъ объ ихъ жизни и смерти, такъ какъ они настолько замкнуты между рѣкою и непріятелями, что нѣтъ никакой возможности спастись бѣгствомъ (враги наступали спереди, а съ тылу у нихъ была рѣка) и, обратясь къ Предвѣчному съ мольбою даровать побѣду, вышелъ на битву съ непріятелями. Повергнувъ многихъ изъ нихъ, Іонаѳъ увидѣлъ, что (самъ) Вакхидъ смѣло устремляется на него, и потому поднялъ уже руку, чтобы сразить его. Однако послѣдній предвидѣлъ это и успѣлъ уклониться,—тогда Іонаѳъ бросился съ товарищами въ рѣку и переплылъ ее. Такимъ образомъ іудеи спаслись на противуположный берегъ Іордана, тогда какъ враги все еще не рѣшались переправиться черезъ рѣку. Вскорѣ затѣмъ Вакхидъ вернулся въ іерусалимскую крѣпость. При этомъ онъ потерялъ изъ своего войска около двухъ тысячъ человѣкъ[1]. Занявъ затѣмъ множество іудейскихъ городовъ, и въ томъ числѣ Іерихонъ, Еммаусъ, Веѳоръ, Веиѳлъ, Ѳомнаѳу, Фараѳонъ, Тохою и Газару, онъ сталъ укрѣплять ихъ. Воздвигнувъ въ каждомъ изъ этихъ городовъ башни и окруживъ города огромными прочными стѣнами, онъ размѣстилъ тутъ гарнизоны, которые могли бы выступать отсюда и наносить вредъ іудеямъ.

[1] По даннымъ Св. Писанія (I кн. Макк. IX, 49), Вакхидъ потерялъ лишь тысячу человѣкъ.

Особенно же тщательно онъ укрѣпилъ замокъ іерусалимскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ въ качествѣ заложниковъ дѣтей самыхъ выдающихся іудеевъ, заперъ ихъ въ крѣпости и содержалъ ихъ тамъ.

4. Около этого времени къ Іонаѳу и брату его Симону явился человѣкъ съ извѣщеніемъ, что племя потомковъ Амарея готовится отпраздновать свадьбу и поведетъ невѣсту, дочь одного изъ знатныхъ арабовъ, съ большимъ торжествомъ и блескомъ изъ города Гаваѳы. Полагая, что тутъ представляется весьма удобный случай для того, чтобы отмстить за смерть Іоанна, товарищи Іонаѳа и Симона направились къ Мидавѣ и, засѣвъ въ горахъ, стали поджидать враговъ. Когда же они увидѣли наконецъ арабовъ, ведшихъ невѣсту и жениха, окруженныхъ по обыкновенію большою толпою друзей, іудеи выскочили изъ своей засады, перебили всѣхъ людей, и забравъ у нихъ всѣ свадебные подарки и всю остальную добычу, вернулись обратно. Такимъ образомъ отмстили они потомкамъ Амарея за смерть брата своего Іоанна; всѣ арабы, какъ сами они, такъ и сопровождавшіе ихъ друзья съ женами и дѣтьми, числомъ до четырехсотъ, были истреблены.

5. Симонъ и Іонаѳъ направились затѣмъ назадъ къ прирѣчнымъ болотамъ, Вакхидъ же, гарантировавъ себѣ спокойствіе по всей Іудеѣ путемъ цѣлаго ряда гарнизоновъ, вернулся къ царю. Послѣ этого въ теченіе двухъ лѣтъ въ Іудеѣ господствовало спокойствіе. Когда же затѣмъ перебѣжчики и отщепенцы (изъ іудеевъ) увидѣли, что Іонаѳъ и его товарищи совершенно безбоязненно проживаютъ въ странѣ вслѣдствіе царившаго тамъ мира, они отправили пословъ къ царю Димитрію съ совѣтомъ послать Вакхида для поимки Іонаѳа. При этомъ они указывали на то, что эта поимка не представитъ никакихъ затрудненій, и что если напасть на іудеевъ врасплохъ, то въ одну ночь ихъ можно перебить всѣхъ. Когда вслѣдствіе этого царь (дѣйствительно) выслалъ Вакхида и послѣдній прибылъ въ Іудею, Вакхидъ разослалъ всѣмъ своимъ іудейскимъ друзьямъ и прочимъ союзникамъ приглашеніе помочь ему при поимкѣ Іонаѳа. Но хотя всѣ и приложили всевозможныя къ тому старанія и всетаки не могли захватить Іонаѳа (послѣдній былъ все время насторожѣ, потому что узналъ о замыслѣ враговъ), то Вакхидъ разсердился на перебѣжчиковъ и, полагая, что они обманули какъ его самого, такъ и царя, приказалъ схватить и казнить пятьдесятъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Іонаѳъ между тѣмъ, боясь Вакхида, ушелъ со своимъ братомъ и съ товарищами въ нѣкую деревушку Веѳалагу, находившуюся въ пустынѣ. Тутъ онъ соорудилъ укрѣпленія, обнесъ ихъ стѣнами и замкнулся въ нихъ какъ въ безопасномъ убѣжищѣ.

Когда Вакхидъ узналъ объ этомъ, то двинулся съ своимъ войскомъ и іудейскими союзниками своими противъ Іонаѳа, подошелъ къ его укрѣпленіямъ и сталъ осаждать ихъ въ теченіе долгаго времени. Между тѣмъ Іонаѳъ, несмотря на усердную осаду, не поддавался, но выказалъ упорное сопротивленіе, а затѣмъ оставилъ въ городѣ брата своего Симона для продолженія борьбы съ Вакхидомъ, а самъ тайкомъ выбрался изъ крѣпости и отправился по странѣ; тутъ онъ собралъ значительный отрядъ единомышленниковъ, ночью нагрянулъ на лагерь Вакхида и перебилъ такое множество враговъ, что его нападеніе не осталось незамѣченнымъ для брата его Симона. Лишь только послѣдній замѣтилъ, что враги подвергаются избіенію съ его стороны, онъ и самъ двинулся на нихъ, поджегъ всѣ осадныя орудія македонянъ и учинилъ среди нихъ страшную рѣзню.

Увидя себя столь стѣсненнымъ врагами, изъ которыхъ одни налегали на него съ фронта, другіе съ тыла, Вакхидъ впалъ въ отчаяніе, и страхъ обуялъ его, потому что онъ былъ совершенно подавленъ столь неожиданнымъ исходомъ осады. Гнѣвъ свой онъ сорвалъ на перебѣжчикахъ, которые сманили его отъ царя и, по его мнѣнію, нарочно ввели въ заблужденіе. Теперь ему хотѣлось лишь какъ нибудь по возможности приличнѣе прекратить осаду и вернуться домой.

6. Когда Іонаѳъ узналъ объ этомъ его намѣреніи, онъ отправилъ къ нему посольство съ предложеніемъ заключить дружественный союзъ съ условіемъ, чтобы обѣ стороны могли обмѣняться военноплѣнными. Вакхидъ призналъ такое разрѣшеніе вопроса наиболѣе приличнымъ, поклялся Іонаѳу въ дружбѣ и затѣмъ оба полководца дали другъ другу клятвенное обѣщаніе болѣе не воевать между собою. Затѣмъ Вакхидъ обмѣнялся съ Іонаѳомъ военноплѣнными и вернулся съ своими людьми въ Антіохію къ царю; послѣ этого отступленія онъ уже болѣе никогда не вторгался въ Іудею. Іонаѳъ воспользовался наступившимъ теперь моментомъ личной безопасности, чтобы расположиться на жительство въ городѣ Махмѣ. Тутъ онъ творилъ судъ среди народа, наказывалъ преступныхъ и безбожныхъ людей и освобождалъ такимъ образомъ отъ нихъ народъ свой [1].

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Въ сто шестидесятомъ году [2] Александръ, сынъ Антіоха Епифана, вернулся въ Сирію и занялъ Птолемаиду благодаря измѣнѣ находившихся

[1] Срв. I кн. Макк. IX, 22—73.

[2] Т. е. въ 153 году до Р. Хр.

въ ней воиновъ, которые были возстановлены противъ Димитрія за его заносчивость и надменное къ нимъ отношеніе. Дѣло въ томъ, что Димитрій замкнулся въ какой-то дворецъ съ четырьмя башнями, постройку, которую онъ самъ воздвигъ себѣ невдалекѣ отъ Антіохіи, и никого не допускалъ къ себѣ; кромѣ того, онъ относился крайне легкомысленно къ своимъ обязанностямъ правителя и пренебрегалъ ими. Отсюда еще болѣе обострялась къ нему ненависть подчиненныхъ, какъ мы уже имѣли случай указать въ другомъ мѣстѣ [1].

Итакъ, когда Димитрій узналъ, что Александръ находится въ Птолемаидѣ, онъ двинулся на него со всѣмъ своимъ войскомъ, а также послалъ пословъ къ Іонаѳу съ просьбою о вступленіи съ нимъ въ дружественный союзъ. Такимъ образомъ онъ думалъ предупредить Александра, дабы послѣдній не могъ болѣе ранними предложеніями гарантировать себѣ поддержку Іонаѳа. Все это онъ сдѣлалъ, опасаясь, какъ бы Іонаѳъ, помня о прежнихъ непріятностяхъ, не оказался въ числѣ его противниковъ. Въ виду всего этого онъ поручилъ Іонаѳу собрать войско и заготовить боевые припасы и взамѣнъ того получить обратно іудейскихъ заложниковъ, которые были заключены Вакхидомъ въ Іерусалимской крѣпости. Въ силу этого предложенія со стороны Димитрія, Іонаѳъ отправился въ Іерусалимъ и по прибытіи туда прочиталъ въ присутствіи народа и крѣпостного гарнизона посланіе царя. Послѣ этого всѣ отступники и перебѣжчики, бѣжавшіе изъ крѣпости, сильно перепугались, потому что царь поручилъ Іонаѳу набрать войско и взять себѣ обратно заложниковъ. Заложниковъ Іонаѳъ всѣхъ вернулъ ихъ родителямъ.

Такимъ образомъ Іонаѳъ (опять) очутился въ Іерусалимѣ; онъ сталъ теперь обновлять городское управленіе и передѣлывать все по своему благоусмотрѣнію.

Между прочимъ онъ распорядился также выстроить городскія стѣны изъ четырехугольныхъ отесанныхъ камней, дабы стѣны эти представляли болѣе надежный оплотъ противъ враговъ. Когда объ этомъ узнали гарнизоны, находившіеся въ іудейскихъ крѣпостяхъ, то покинули свои стоянки и бѣжали въ Антіохію; такъ поступили всѣ, кромѣ гарнизоновъ города Веѳсуры и іерусалимской крѣпости, потому что тѣ большею частью состояли изъ іудейскихъ вѣроотступниковъ и перебѣжчиковъ; въ силу именно послѣдняго обстоятельства они и не покинули своихъ укрѣпленій.

[1] Ни въ „Древностяхъ", ни въ „Іуд. войнѣ", ни въ „Возраж. пр. Апіона" нѣтъ соотвѣтствующаго упоминанія.

2. Когда до свѣдѣнія Александра дошли обѣщанія, сдѣланныя Іонаѳу Димитріемъ, и когда онъ узналъ о храбрости Іонаѳа и какъ онъ отличался въ войнѣ съ македонянами, а съ другой стороны, сколько Іонаѳъ претерпѣлъ отъ Димитрія и его полководца Вакхида, онъ сказалъ своимъ друзьямъ, что въ настоящемъ случаѣ ему трудно найти болѣе подходящаго союзника, чѣмъ Іонаѳъ: послѣдній-де выказалъ необычайную храбрость въ борьбѣ съ врагами и долженъ отличаться особенною ненавистью къ Димитрію, такъ какъ онъ не только претерпѣлъ отъ него массу зла, но и въ свою очередь причинилъ ему не мало горя.

Поэтому, сказалъ Александръ, если слѣдуетъ его отвратить отъ союза съ Димитріемъ, то теперь наиболѣе подходящій моментъ къ тому, чтобы предложить Іонаѳу союзъ. И вотъ, такъ какъ онъ самъ и друзья его рѣшили отправить къ Іонаѳу пословъ съ соотвѣтствующимъ предложеніемъ, Александръ адресовалъ на его имя слѣдующее письмо:

«Царь Александръ посылаетъ привѣтъ брату Іонаѳу. Мы давно уже слышали о твоей храбрости и надежности и поэтому посылаемъ тебѣ предложеніе вступить въ дружественный союзъ съ нами. Въ виду этого мы сейчасъ же назначаемъ тебя іудейскимъ первосвященникомъ и принимаемъ тебя въ число нашихъ друзей. При этомъ я отправляю тебѣ въ даръ пурпуровую одежду и золотой вѣнецъ и прошу тебя относиться къ намъ съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ мы относимся къ тебѣ».

3. Получивъ это письмо, Іонаѳъ облекся въ первосвященническое облаченіе, такъ какъ наступилъ праздникъ кущей,—это было въ первый разъ въ теченіе тѣхъ четырехъ лѣтъ, которые протекли со времени смерти брата его Іуды (впродолженіе всего этого времени іудеи вовсе не имѣли первосвященника), сталъ собирать большое войско и заготовлять массу оружія.

Когда же Димитрій узналъ объ этомъ, онъ очень огорчился и сталъ себя укорять въ медлительности, что не съумѣлъ какъ слѣдуетъ предупредить Александра, снискать дружбу Іонаѳа, и далъ Александру возможность сдѣлать это. Въ виду этого онъ самъ также отправилъ Іонаѳу и еврейскому народу письмо слѣдующаго содержанія:

«Царь Димитрій посылаетъ привѣтъ свой Іонаѳу и всему іудейскому народу. Такъ какъ вы соблюдаете дружественную къ намъ вѣрность и не поддаетесь попыткамъ враговъ склонить васъ на свою сторону, то я не могу не воздать вамъ за это должную похвалу и прошу васъ оставаться мнѣ вѣрными; за это вы получите отъ насъ благодарность и всякія льготы. Я освобожу васъ отъ большинства налоговъ и сборовъ, которые вы платили прежнимъ царямъ и мнѣ, и слагаю съ васъ теперь всѣ

налоги, которые вы обыкновенно платили. Кромѣ того, я съ васъ слагаю сборы за соль и государственный налогъ въ пользу короны, которые вы намъ платили, а также освобождаю васъ съ сегодняшняго дня отъ платежа третьей части злаковъ и отъ половинной части древесныхъ плодовъ, которыя вы мнѣ обыкновенно отдавали. Равнымъ образомъ я отнынѣ и на вѣки слагаю съ васъ подушную подать, которую каждый изъ жителей Іудеи, равно какъ изъ населенія трехъ топархій, Самаріи, Галилеи и Переи, обязанъ былъ платить мнѣ. Городъ Іерусалимъ я объявляю священнымъ, неприкосновеннымъ и свободнымъ вплоть до границъ его отъ десятины и отъ всѣхъ прочихъ поборовъ. Крѣпость (іерусалимскую) я поручаю вашему первосвященнику Іонаѳу; пусть онъ помѣститъ въ ней такой гарнизонъ, который онъ сочтетъ достаточно надежнымъ и преданнымъ, дабы эти люди сберегали ее намъ. Всѣхъ находящихся въ нашей странѣ военноплѣнныхъ или впавшихъ въ рабство іудеевъ я отпускаю на волю и запрещаю употреблять на какія бы то ни было казенныя надобности принадлежащій іудеямъ вьючный скотъ. Пусть будутъ дни субботніе, всякій праздникъ и три предшествующихъ ему дня свободны отъ всякой принудительной работы. Равнымъ образомъ, возвращаю я свободу и всѣ права живущимъ у меня (въ Сиріи) іудеямъ и позволяю желающимъ изъ нихъ вступить ко мнѣ въ войско до тридцати тысячъ человѣкъ; люди эти будутъ получать, куда бы они ни пошли, такое же точно содержаніе, какое причитается моему собственному войску. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я помѣщу въ крѣпостные гарнизоны, другихъ сдѣлаю своими личными тѣлохранителями, отчасти же назначу ихъ начальниками моихъ придворныхъ войскъ. Я разрѣшаю (іудеямъ) жить по ихъ собственнымъ законамъ и соблюдать ихъ и желаю, чтобы эти же законы распространялись и на три прилегающія къ Іудеѣ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ угодно, чтобы первосвященникъ позаботился о томъ, чтобы ни одинъ іудей не поклонялся (Богу) въ другомъ святилищѣ, какъ только въ іерусалимскомъ. Изъ своихъ личныхъ средствъ я отпускаю на расходъ по жертвоприношеніямъ ежегодно сто пятьдесятъ (драхмъ) и желаю, чтобы изъ нихъ весь излишекъ поступалъ въ вашу же пользу. Тѣ же десять тысячъ драхмъ, которыя обыкновенно получали цари изъ средствъ храма, я также предоставляю вамъ въ пользу священниковъ, несущихъ обязанности по богослуженію въ храмѣ. Всѣ тѣ, кто сталъ бы искать убѣжища въ іерусалимскомъ храмѣ или въ одномъ изъ зависящихъ отъ послѣдняго учрежденій, будутъ отпущены на волю, и имущество ихъ останется въ цѣлости, хотя бы они искали спасенія по задолженности царю или

по какой либо иной причинѣ. Я разрѣшаю возобновить и достроить храмъ и отпускаю на то нужныя суммы изъ своихъ собственныхъ средствъ; равнымъ образомъ, я разрѣшаю и постройку городскихъ стѣнъ и позволяю возвести высокія башни, причемъ и на все это отпускаю свои средства. Если же понадобится гдѣ нибудь въ странѣ іудейской возвести сильную крѣпость, то да будетъ это сдѣлано также за мой личный счетъ».

4. Такія обѣщанія и льготы іудеямъ отмѣтилъ въ своемъ посланіи Димитрій. Между тѣмъ царь Александръ собралъ огромное войско изъ наемныхъ и присоединившихся къ нему сирійскихъ солдатъ и пошелъ походомъ на Димитрія. Когда же произошла битва, лѣвое крыло Димитрія обратило враговъ въ бѣгство и преслѣдовало ихъ на дальнее разстояніе, причемъ перебило множество ихъ и принялось разграблять лагерь. Между тѣмъ правое крыло, на которомъ находился Димитрій, потерпѣло пораженіе. Всѣ тутъ бросились бѣжать; Димитрій же, сражаясь геройски, перебилъ не малое количество противниковъ, но во время погони за остальными въѣхалъ на конѣ въ глубокую трясину, изъ которой уже не былъ въ состояніи выбраться. Тутъ ему, вслѣдствіе паденія лошади, пришлось поплатиться жизнью, такъ какъ не было никакой возможности спастись бѣгствомъ. Дѣло въ томъ, что когда непріятели увидѣли, что съ нимъ случилось, они вернулись и, окруживъ Димитрія, забросали его дротиками. Хотя онъ и пѣшій геройски отбивался отъ нихъ, однако въ концѣ концовъ былъ такъ израненъ, что палъ, не будучи уже болѣе въ силахъ сопротивляться.

Таковъ былъ конецъ Димитрія, успѣвшаго процарствовать одиннадцать лѣтъ, какъ мы уже упомянули въ другомъ мѣстѣ [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Когда Онія, сынъ первосвященника того же имени, бѣжавшій въ Александрію къ царю Птолемею Филометору и, какъ мы уже раньше указывали, [2] оставшійся тамъ на жительство, увидѣлъ угнетеніе Іудеи со стороны македонянъ и ихъ царей, то, желая снискать себѣ прочную славу и вѣчную память, рѣшилъ отправить къ царю Птолемею и царицѣ Клеопатрѣ просьбу о разрѣшеніи воздвигнуть въ Египтѣ храмъ подобный іерусалимскому и назначить къ нему левитовъ и священнослужителей изъ сво-

[1] Срв. данныя I кн. Маккав. гл. X.

[2] Это былъ, по всѣмъ даннымъ, Онія IV, который около 160 года основалъ храмъ въ египетскомъ городѣ Леонтополѣ. См. выше, т. I, стр. 680. прим. 2.

его собственнаго рода. Въ этомъ намѣреніи особенно укрѣплялъ его пророкъ Исаія, который за шестьсотъ съ лишнимъ лѣтъ до него предсказалъ, что въ Египтѣ безусловно будетъ воздвигнутъ нѣкимъ іудеемъ храмъ въ честь Всевышняго [1]. Основываясь на этомъ, Онія отправилъ Птолемею и Клеопатрѣ письмо слѣдующаго содержанія:

«Послѣ того какъ я съ помощью Всевышняго во время войны оказалъ вамъ цѣлый рядъ важныхъ услугъ, прибылъ въ Келесирію, Финикію, въ геліополитанскій городъ Леонтополь съ іудейскимъ населеніемъ, а также въ другія мѣстности, гдѣ живутъ представители этого племени, я нашелъ, что очень многіе изъ нихъ противъ всякаго закона имѣютъ свои святилища и изъ-за нихъ ссорятся между собою, что случается и среди египтянъ вслѣдствіе массы имѣющихся у нихъ храмовъ и происходящихъ изъ за разныхъ воззрѣній въ религіозныхъ дѣлахъ разногласій; я нашелъ тамъ весьма подходящее мѣсто въ области, посвященной полевой богинѣ Бубастисъ [2] гдѣ было множество лѣса и обиліе всевозможныхъ священныхъ животныхъ [3]; и вотъ я прошу тебя уступить мнѣ это заброшенное и неимѣющее опредѣленнаго назначенія святилище, чтобы я тутъ могъ воздвигнуть Всевышнему храмъ на подобіе іерусалимскаго, тѣхъ же самыхъ размѣровъ. Туда будутъ въ взаимномъ согласіи стекаться всѣ живущіе въ Египтѣ іудеи и, молясь за тебя, твою супругу и дѣтей, имѣть возможность выказывать тебѣ свою глубокую преданность. Вѣдь и пророкъ Исаія предсказалъ нѣкогда: «Всевышнему Богу будетъ жертвенникъ въ Египтѣ». При этомъ онъ предвѣщалъ еще многое другое относительно этого».

2. Такое письмо отправилъ Онія царю Птолемею, который въ свою очередь отвѣтилъ ему посланіемъ, могущимъ служить доказательствомъ благочестія какъ самого царя, такъ и супруги и сестры его Клеопатры. Дѣло въ томъ, что послѣдніе слагаютъ съ себя отвѣтственность за всякое нарушеніе закона и переносятъ ее на Онію. Вотъ какъ они отвѣтили (ему): «Царь Птолемей и царица Клеопатра посылаютъ Оніи привѣтъ свой. Мы прочли твою просьбу о разрѣшеніи предоставить тебѣ право возстановить запущенный храмъ, находящійся въ геліополитанскомъ домѣ близъ Леонтополя и приписываемый полевой Бубастисѣ. Однако мы очень

[1] Срв. Исаія XIX, 19, гдѣ сказано: „Въ тотъ день жертвенникъ Господу будетъ посреди земли Египетской, и памятникъ Господу—у предѣловъ ея".

[2] Такъ называлась у египтянъ богиня луны; она изображалась въ видѣ женщины съ кошачьею головою и ей были посвящены кошки.

[3] Это и были, вѣроятно, посвященныя богинѣ кошки.

удивляемся и сомнѣваемся, будетъ-ли угодно Предвѣчному святилище, воздвигаемое въ столь дурномъ мѣстѣ, да еще кишащемъ священными животными.

Но такъ какъ ты увѣряешь, что пророкъ Исаія предсказалъ объ этомъ давно, то мы предоставляемъ тебѣ это право, поскольку оно не противорѣчитъ (вашему) закону, и притомъ съ оговоркою, чтобы насъ не считали отвѣтственными за какія бы то ни было прегрѣшенія относительно Всевышняго».

3. Получивъ такимъ образомъ въ свое распоряженіе указанное мѣсто, Онія воздвигъ (тутъ) святилище и жертвенникъ Всевышнему, подобные іерусалимскимъ, хотя и поменьше и побѣднѣе. Мнѣ не казалось необходимымъ останавливаться теперь на размѣрахъ и убранствѣ этого храма, потому что объ этомъ уже писано мною въ седьмой книгѣ моей «Іудейской войны» [1]. Оніи удалось также найти нѣкоторыхъ единомышленниковъ изъ іудеевъ, которые собирались отправлять тамъ обязанности левитовъ и священнослужителей.

4. Однако объ этомъ храмѣ у насъ довольно было рѣчи.

Между тѣмъ среди александрійскихъ іудеевъ и самарянъ, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горѣ Гаризимъ, произошли распри, и они въ своемъ религіозномъ спорѣ обратились за рѣшеніемъ къ самому Птоломею; іудеи при этомъ увѣряли, будто по законамъ моисеевымъ построенъ (лишь) храмъ іерусалимскій, самаряне же утверждали то же самое относительно святилища на горѣ Гаризимъ. И вотъ обѣ стороны упросили царя образовать со своими приближенными судилище, выслушать доводы обѣихъ партій и наказать смертью неправую сторону. За самарянъ выступили Саввей и Θеодосій, а представителемъ интересовъ іудеевъ явился Андроникъ, сынъ Мессалама. Послѣдніе поклялись именемъ Господа и царя, что они будутъ давать свои показанія по сущей истинѣ, и просили Птоломея казнить того изъ нихъ, кто нарушилъ бы свою клятву. Тогда царь созвалъ множество приближенныхъ на совѣтъ и приготовился выслушать стороны. Александрійскіе іудеи очень безпокоились относительно тѣхъ мужей, которымъ теперь приходилось выступать на защиту правъ іерусалимскаго храма, потому что они были бы совершенно подавлены, если бы этотъ храмъ, столь древній и почитаемый на всей поверхности земной, не выдержалъ испытанія. Саввай и Θеодосій предоставили Андро-

[1] Срв. „Іуд. война", VII, 10, 3.

нику первому слово, и вотъ онъ началъ свою аргументанцію съ данныхъ закона и съ преемственности первосвященства, указалъ на то, какъ каждый первосвященникъ получалъ свой санъ отъ отца своего и стоялъ во главѣ храма, а также на то обстоятельство, что всѣ цари Азіи почтили (іерусалимскій) храмъ жертвенными приношеніями и необычайно богатыми подарками, но никто изъ нихъ ни однимъ словомъ не обмолвился о храмѣ на горѣ Гаризимъ, какъ будто бы его не было вовсе. Такими доводами и цѣлымъ рядомъ подобныхъ соображеній Андроникъ побудилъ царя признать, что святилище іерусалимское воздвигнуто сообразно постановленіямъ Моисеевымъ, и казнить Саввея и Θеодосія.

Таковы были дѣла александрійскихъ іудеевъ при Птоломеѣ Филометорѣ [2].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Когда Димитрій, какъ мы выше разсказали [3], палъ въ битвѣ, Александръ овладѣлъ царствомъ сирійскимъ и отправилъ къ Птоломею Филометору письмо, въ которомъ просилъ руки его дочери. При этомъ онъ указывалъ на то, что теперь, послѣ того какъ ему удалось возвратить себѣ царство отца и по милосердію Божію быть признаннымъ въ немъ послѣ побѣды надъ Димитріемъ, будетъ вполнѣ умѣстно вступить въ родство съ нимъ и что онъ во всемъ думаетъ выказать себя достойнымъ будущаго своего тестя. Птолемей отвѣтилъ ему, что охотно принимаетъ его предложеніе, ибо онъ радуется, что отцовское царство вернулось къ нему, и обѣщалъ выдать за него дочь свою; при этомъ онъ предложилъ Александру выѣхать въ Птолемаиду, куда фараонъ собирался привезти дочь свою. Туда Птолемей хотѣлъ проводить дочь свою изъ предѣловъ Египта и тамъ справить ея свадьбу. Отправивъ это письмо, Птолемей быстро поѣхалъ съ дочерью своею Клеопатрою въ Птолемаиду, встрѣтился тамъ съ Александромъ, сообразно уговору выѣхавшимъ къ нему на встрѣчу, выдалъ за него дочь и далъ ей въ приданое столько серебра и золота, сколько и подобало царю.

2. Послѣ окончанія свадебныхъ торжествъ Александръ отправилъ первосвященнику Іонаθу письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Птолемаиду. Прибывъ къ царямъ и привезя имъ блестящіе дары, первосвященникъ удо-

[1] Эта глава не имѣетъ никакого отношенія къ даннымъ Библіи.
[2] См. XIII, гл. II, 4. стр. 10.

стоился отъ нихъ обоихъ величайшаго почета. Александръ заставилъ его снять одежду и облечься въ порфиру, посадилъ его рядомъ съ собою на тронѣ, а также велѣлъ своимъ сановникамъ отправиться съ Іонаѳомъ въ самый центръ города и объявить, что никому не разрѣшается жаловаться на Іонаѳа или дѣлать ему какія бы то ни было непріятности. Когда сановники сдѣлали это, то всѣ тѣ, которые собрались было выступить съ обвиненіями противъ Іонаѳа и относились къ нему враждебно, при видѣ почета, котораго Іонаѳъ удостоился отъ царя, разбѣжались въ страхѣ, какъ бы имъ самимъ при этомъ случаѣ не пострадать. Царь Александръ вообще такъ отличилъ Іонаѳа, что даже велѣлъ внести его въ списокъ первыхъ своихъ приближенныхъ.

3. Въ сто шестьдесятъ пятомъ году [1] сынъ Димитрія, Димитрій, [2] отплылъ съ Крита въ Киликію во главѣ множества наемниковъ, которыми снабдилъ его критянинъ Ласѳенъ. Когда Александръ узналъ объ этомъ, то страшно смутился и перепугался и немедленно поспѣшилъ изъ Финикіи въ Антіохію, чтобы оградить ее раньше прибытія Димитрія. Въ качествѣ военачальника надъ Келесиріею онъ оставилъ Аполлонія Дава, который, направясь съ большимъ войскомъ къ городу Ямніи, отправилъ къ первосвященнику Іонаѳу пословъ съ заявленіемъ, что онъ считаетъ неприличнымъ, что Іонаѳъ одинъ не подчиняется царю, а живетъ себѣ въ полномъ спокойствіи и безмятежно, и это для него полный позоръ, что онъ не покоряется царю [3]. «Не обманывай самъ себя на счетъ того, будто бы ты, сидя въ горахъ, былъ силенъ (говорилъ Аполлоній); если же ты такъ полагаешься на свое войско, то спустись на равнину, сразись съ нашею ратью; исходъ битвы покажетъ, кто храбрѣе. Впрочемъ, знай, что лучшіе люди каждаго города сражаются въ рядахъ моего войска, а это какъ разъ тѣ люди, которые привыкли всегда побѣждать твоихъ предковъ. Вступи съ нами въ борьбу въ такой мѣстности, гдѣ нѣтъ возможности сражаться при помощи каменьевъ, но гдѣ приходится биться съ оружіемъ

[1] Т. е. въ 148 г. до Р. Хр.

[2] Прозванный Никаторомъ.

[3] Здѣсь существуетъ варіантъ текста, а именно: „для него (Аполлонія) это особенный позоръ, что онъ не подчинилъ Іонаѳа (до сихъ поръ) царю“.— Весь этотъ отрывокъ крайне неясенъ. По разсказу Флавія, нападеніе Аполлонія на Іонаѳа произошло противъ желанія царя Александра, тогда какъ данныя I кн. Маккав. X, 69 указываютъ на то, что Аполлоній успѣлъ уже отложиться отъ Александра и передаться на сторону Димитрія. („И поставилъ *Димитрій* военачальникомъ Аполлонія, правителя Келесиріи,—и онъ собралъ большое войско“ и т. д.).

въ рукахъ и гдѣ нѣтъ мѣста, куда можно было бы убѣжать побѣжденному».

4. Іонаѳъ разсердился на такія слова его и, собравъ десять тысячъ воиновъ, двинулся изъ Іерусалима въ сопровожденіи брата своего Симона. Прибывъ въ городъ Яффу, онъ расположился станомъ внѣ его, потому что жители, имѣя внутри города гарнизонъ Аполлонія, заперли передъ нимъ ворота. Когда же Іонаѳъ приготовился осаждать городъ, населеніе, боясь, какъ бы онъ силою не овладѣлъ городомъ, раскрыло передъ нимъ ворота. Узнавъ о взятіи Яффы Іонаѳаномъ, Аполлоній двинулся во главѣ трехъ тысячъ всадниковъ и восьми тысячъ пѣхоты къ Азоту и пошелъ оттуда медленно и не спѣша (на Яффу). Приблизившись къ Яффѣ, онъ сталъ притворно отступать и тѣмъ выманилъ Іонаѳа на равнину; при этомъ онъ гордо разъѣзжалъ на своемъ конѣ и былъ вполнѣ преисполненъ надежды на побѣду. Іонаѳъ двинулся вслѣдъ за Аполлоніемъ вплоть до Азота. Тогда Аполлоній, видя, что теперь приходится сражаться на ровномъ мѣстѣ [1], повернулъ фронтъ и вступилъ съ Іонаѳомъ въ бой. Хотя Іонаѳъ и узналъ, что у Аполлонія спрятана тысяча всадниковъ въ засадѣ въ нѣкоей ложбинѣ, чтобы съ тыла ударить на враговъ, онъ всетаки не испугался, но выстроилъ свое войско въ двухъ направленіяхъ, чтобы оно могло съ фронта и съ тыла встрѣтить нападеніе враговъ, и ободрилъ его отражать нападенія послѣднихъ съ обѣихъ сторонъ. Когда же бой затянулся до вечера, онъ далъ брату своему Симону часть своего войска и приказалъ ему врѣзаться съ нимъ въ строй враговъ; самъ же онъ велѣлъ своимъ войскамъ сомкнуть щиты и такимъ образомъ оградить себя отъ дротиковъ всадниковъ. Воины такъ и поступили, тогда какъ вражескіе всадники, выпустивъ на нихъ всѣ свои стрѣлы до послѣдней, не причинили имъ рѣшительно никакого вреда, потому что эти стрѣлы не могли ранить никого въ виду того, что сомкнутые въ одну непрерывную стѣну и тѣсно составленные щиты легко отражали ихъ и заставляли ихъ безрезультатно падать.

Когда же Симонъ замѣтилъ, что враги, метавшіе въ іудеевъ снаряды съ ранняго утра до поздняго вечера, утомились, то нагрянулъ на нихъ съ своимъ войскомъ и, благодаря необычайной храбрости послѣдняго, ему удалось обратить непріятелей въ бѣгство. Всадники, увидя бѣгство пѣхоты, сами тоже не выдержали, но, будучи также совершенно изнурены боемъ, затянувшимся до вечера, и потерявъ всякую надежду на поддержку со

[1] Гдѣ онъ могъ пользоваться своею конницею.

стороны пѣхотинцевъ, обратились въ безпорядочное и дикое бѣгство, такъ что они въ полномъ безпорядкѣ разсыпались по равнинѣ. Іонаѳъ преслѣдовалъ ихъ до Азота и перебилъ при этомъ множество ихъ, остальныхъ же, потерявшихъ надежду на спасеніе, принудилъ бѣжать въ находившійся въ Азотѣ храмъ бога Дагона. Затѣмъ Іонаѳъ взялъ городъ послѣ перваго же натиска и поджегъ его и близъ лежавшія деревни. Онъ также не пощадилъ и храма Дагона, но предалъ пламени какъ храмъ, такъ и укрывшихся въ немъ. Число павшихъ въ бою и сгорѣвшихъ въ храмѣ враговъ было восемь тысячъ. Одержавъ такимъ образомъ верхъ надъ столь многочисленной ратью, Іонаѳъ двинулся отъ Азота къ Аскалону и расположился лагеремъ передъ этимъ городомъ; тутъ то къ нему на встрѣчу вышли аскалонцы съ дарами и всячески стали выражать ему свое уваженіе. Принявъ ихъ добровольное подчиненіе, онъ вернулся въ Іерусалимъ съ богатою добычею, которую ему доставила побѣда надъ врагами.

Когда Александръ узналъ о пораженіи своего полководца Аполлонія, то сталъ притворно выражать свое удовольствіе по этому поводу, потому-де, что тотъ противъ его желанія напалъ на его друга и союзника Іонаѳа. При этомъ онъ отправилъ къ Іонаѳу посольство съ изъявленіемъ и засвидѣтельствованіемъ полнаго своего почтенія и послалъ ему въ даръ золотой браслетъ, что обыкновенно дарится лишь царскимъ родственникамъ, а также уступилъ ему въ собственность Аккаронъ и всю провинцію послѣдняго.

5. Около этого времени явился въ Сирію съ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ также царь Птолемей Филометоръ, чтобы поддержать Александра, тестемъ котораго онъ былъ. По повелѣнію Александра, всѣ города оказывали ему радушный пріемъ и такъ онъ добрался до города Азота; тутъ всѣ жители встрѣтили его громкимъ крикомъ по поводу поджога, которому подвергся ихъ храмъ Дагона, и стали обвинять Іонаѳа за то, что онъ уничтожилъ это святилище, предалъ огню и мечу всю область и перебилъ множество жителей. Птолемей, услыша это, хранилъ молчаніе; когда же Іонаѳъ выѣхалъ ему на встрѣчу въ Яффу, то удостоился получить отъ Птолемея богатые дары и всяческое уваженіе; послѣ этого Іонаѳъ сопровождалъ его до рѣки Елевѳера, а затѣмъ вернулся назадъ въ Іерусалимъ.

6. По прибытіи своемъ въ Птолемаиду, Птолемей чуть было противъ всякаго ожиданія не погибъ, потому что противъ него злоумышлялъ въ лицѣ дружественнаго ему Аммонія самъ Александръ. Когда всѣ эти козни обнаружились, Птолемей написалъ Александру письмо съ требованіемъ наказать Аммонія, такъ какъ послѣдній злоумышлялъ противъ его жизни и вслѣдствіе этого долженъ дать отвѣтъ. Но такъ какъ Александръ не выдавалъ ему Аммонія, то царь понялъ, что тотъ самъ злоумышлялъ противъ него, и потому страшно разсвирѣпѣлъ на него. Благодаря этому же Аммонію антіохійцы уже и раньше были возстановлены противъ Александра, потому что они претерпѣли отъ Аммонія массу зла. Однако (наконецъ) Аммоній подвергся заслуженному наказанію за всѣ свои преступленія: онъ подъ видомъ женщины былъ позорно зарѣзанъ, потому что, какъ мы разсказали въ другомъ мѣстѣ [1], хотѣлъ скрыться въ женскомъ одѣяніи.

7. Теперь Птолемей сталъ упрекать себя за то, что выдалъ дочь свою за Александра, равно какъ за то, что вступилъ съ нимъ въ союзъ противъ Димитрія. Поэтому онъ разорвалъ съ нимъ всѣ родственныя узы и отнялъ у него дочь свою. Затѣмъ онъ немедленно послалъ къ Димитрію для переговоровъ о заключеніи съ нимъ дружественнаго союза, причемъ обѣщалъ ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Димитрій очень обрадовался этому предложенію, немедленно заключилъ съ нимъ союзъ и вступилъ въ бракъ. Птолемею теперь оставалось устранить еще одно только затрудненіе, а именно уговорить антіохійцевъ признать Димитрія, такъ какъ антіохійцы были не расположены къ нему вслѣдствіе беззаконій, совершенныхъ надъ нимъ его отцомъ Димитріемъ. И вотъ ему удалось уладить и это дѣло. Антіохійцы ненавидѣли Александра изъ-за Аммонія, какъ мы уже сказали выше, и потому, не долго думая, изгнали его изъ Антіохіи, послѣ чего тотъ отправился въ Киликію. И вотъ когда къ антіохійцамъ прибылъ Птолемей, то они и войска провозгласили его своимъ царемъ; такимъ образомъ, фараону по необходимости пришлось возложить на себя двѣ короны: азіатскую и египетскую. Однако будучи человѣкомъ вполнѣ порядочнымъ, справедливымъ и нелюбостяжательнымъ, да къ тому же и очень прозорливымъ въ государственныхъ дѣлахъ, Птолемей рѣшилъ отказаться, чтобы не вызывать зависти къ себѣ со стороны римлянъ. Поэтому онъ созвалъ антіохійцевъ въ народное собраніе и сталъ уговаривать ихъ принять къ себѣ Димитрія, при чемъ указывалъ на то, что послѣдній, удостоившись съ ихъ стороны такого отличія, и не думаетъ вымещать на нихъ злобы за отца своего. Самъ фараонъ предлагалъ себя въ руководители и на-

[1] Впрочемъ и на это нигдѣ у Флавія нѣтъ подробныхъ и болѣе полныхъ указаній.

ставники Димитрію во всякомъ добромъ начинаніи и обѣщалъ ей допускать его до какихъ бы то ни было неудобныхъ предпріятій. Самъ же онъ, увѣрялъ фараонъ, готовъ удовлетвориться царствомъ египетскимъ. Такими рѣчами онъ убѣдилъ антіохійцевъ принять къ себѣ Димитрія.

8. Послѣ того, какъ Александръ во главѣ огромнаго войска и съ большими боевыми запасами двинулся изъ Киликіи въ Сирію и предалъ область антіохійскую огню и мечу, Птолемей выступилъ противъ него съ своимъ зятемъ Димитріемъ (которому онъ уже успѣлъ дать въ жены дочь свою); оба союзника разбили Александра и обратили его въ бѣгство.

Тогда послѣдній бѣжалъ въ Аравію. Въ битвѣ лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила съ себя своего всадника; враги же, увидѣвъ это, устремились на фараона, нанесли ему множество ранъ въ голову и бросили его, подвергнувъ смертельной опасности. Тѣлохранители фараона однако отбили его, но старикъ былъ въ такомъ тяжеломъ положеніи, что въ теченіе четырехъ дней не могъ произнести ни слова и даже не приходилъ въ сознаніе. Между тѣмъ арабскій правитель Завилъ послалъ Птолемею голову Александра, такъ что, когда фараонъ на пятый день очнулся отъ ранъ и пришелъ въ себя, то его ожидалъ пріятнѣйшій сюрпризъ, извѣстіе о смерти Александра и голова послѣдняго въ видѣ вещественнаго доказательства. Пораженный радостью по поводу смерти Александра, и самъ Птолемей немного спустя умеръ.

Этотъ Александръ, получившій прозвище Валаса, правилъ Азіею въ теченіе пяти лѣтъ, какъ о томъ повѣствуется въ другихъ мѣстахъ [1].

9. Не успѣлъ Димитрій, извѣстный подъ именемъ Никатора, вступить на царство, какъ началъ гнусно избивать войско Птолемея, совершенно забывъ о своемъ союзѣ съ фараономъ и о томъ, что Птолемей былъ ему тестемъ вслѣдствіе женитьбы Димитрія на его дочери Клеопатрѣ. Поэтому войска египетскія бѣжали отъ его злодѣяній въ Александрію; Димитрію же удалось завладѣть всѣми слонами Птолемея.

Между тѣмъ первосвященникъ Іонаѳъ собралъ войска со всей Іудеи и, подступивъ къ іерусалимской крѣпости, въ которой находились македонскій гарнизонъ а также нѣкоторые изъ вѣроотступниковъ и перебѣжчиковъ, и сталъ осаждать ее. Первоначально заключенные въ крѣпости отнеслись презрительно къ приготовленіямъ Іонаѳа къ осадѣ, потому что полагались на укрѣпленность своего мѣста; ночью однако нѣсколько отщепенцевъ вышло изъ крѣпости и отправилось къ Димитрію съ извѣщеніемъ объ

[1] Срв. Iustin. XXV, 2, Polyb. XXXIII, 14.

осадѣ ея. Разсвирѣпѣвъ при этомъ извѣстіи, Димитрій собралъ свое войско и двинулся изъ Антіохіи на Іонаѳа. Прибывъ въ Птолемаиду, онъ отправилъ къ Іонаѳу письменный приказъ немедленно поспѣшить къ нему въ Птолемаиду. Іонаѳъ однако осады не снялъ, но взялъ старѣйшинъ народа и священнослужителей и явился съ ними и съ запасомъ золота, серебра, одѣяній и различныхъ даровъ къ Димитрію. Этими подарками ему удалось смягчить гнѣвъ царя и даже удостоиться отъ него чести быть утвержденнымъ въ санѣ первосвященника, подобно тому какъ онъ этого добивался и у его предшественниковъ по престолу. Обвиненіямъ перебѣжчиковъ Димитрій также не придавалъ вѣры, но когда Іонаѳъ сталъ просить царя удовлетвориться оброкомъ въ тридцать талантовъ за всю Іудею и три топархіи «Самарію, Перею и Галилею», Димитрій согласился и на это и выдалъ Іонаѳу относительно всего этого письмо слѣдующаго содержанія: «Царь Димитрій привѣтствуетъ брата своего Іонаѳа и (весь) народъ іудейскій. Копію съ письма, которое мы написали нашему родственнику Ласѳену, препровождаемъ вамъ при семъ для того, чтобы вы познакомились съ нею». Вотъ она: «Царь Димитрій привѣтствуетъ отца своего Ласѳена. Такъ какъ народъ іудейскій дружествененъ намъ и соблюдаетъ по отношенію къ намъ свои обязанности, то я рѣшилъ выразить ему свое благоволеніе за эту его привязанность и закрѣпляю за нимъ три нома, Афериму, Лидду и Рамаѳу, которые они отняли у Самаріи и присоединили къ Іудеѣ, равно какъ принадлежащія къ этимъ номамъ земли. Кромѣ того, я освобождаю ихъ отъ доставленія мнѣ тѣхъ платежей, которые мои предшественники по престолу получали за іерусалимскія жертвоприношенія, а также отъ платежей налоговъ на злаки и древесные плоды, равно какъ отъ всѣхъ прочихъ поступавшихъ къ намъ повинностей, напр. съ соляныхъ копей и коронныхъ платежей. Отъ всего этого я освобождаю ихъ и желаю, чтобы мое распоряженіе не отмѣнялось отнынѣ на будущее время. Итакъ позаботься о томъ, чтобы была сдѣлана копія съ сего указа, дабы она была вручена Іонаѳу и помѣщена на видномъ мѣстѣ въ святомъ храмѣ».

Таково было содержаніе указа.

Тогда Димитрій, убѣдившись въ прочности мира, въ отсутствіи какой бы то ни было опасности и въ томъ, что теперь нечего бояться войны, распустилъ свое войско и сократилъ при этомъ вознагражденіе ему; онъ выплатилъ жалованье полностью лишь иноземнымъ наемникамъ, которые явились вмѣстѣ съ нимъ съ Крита и съ прочихъ острововъ. Этимъ онъ навлекъ на себя неудовольствіе и даже ненависть со стороны своихъ

солдатъ, потому что онъ имъ не заплатилъ, тогда какъ его царственные предшественники въ одинаковой мѣрѣ платили имъ плату, какъ во время войны, такъ и во время мира; этимъ они располагали ихъ къ себѣ и заручались ихъ поддержкою, въ случаѣ необходимости, также и на войнѣ [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Между тѣмъ, замѣтивъ это нерасположеніе солдатъ къ Димитрію, одинъ изъ прежнихъ военачальниковъ Александра, Діодотъ, прозванный Трифономъ и происходившій изъ города Апамеи, отправился къ арабу Малху. Послѣднему былъ отданъ на воспитаніе сынъ Александра, Антіохъ, и вотъ Трифонъ сообщилъ Малху о нерасположеніи войскъ къ Димитрію и уговорилъ араба отдать ему Антіоха: онъ собирался провозгласить его царемъ и вернуть ему отцовскій престолъ. Малхъ первоначально отнесся недовѣрчиво къ этому плану и Трифону, но такъ какъ послѣдній долгое время спустя всетаки настаивалъ на этомъ, то Малхъ наконецъ сдался на доводы Трифона. Однако сказаннаго пока довольно объ этомъ лицѣ.

2. Между тѣмъ первосвященнику Іонаѳу крайне хотѣлось удалить гарнизонъ изъ іерусалимской крѣпости, равно какъ освободиться отъ гнусныхъ іудейскихъ перебѣжчиковъ и македонскихъ гарнизоновъ въ разсѣянныхъ по всей странѣ крѣпостяхъ; онъ отправилъ къ Димитрію пословъ съ подарками и просилъ его удалить указанныя войска изъ Іудеи. На это Димитрій не только отвѣчалъ выраженіемъ своей полной готовности исполнить его просьбу, но даже обѣщалъ ему сдѣлать гораздо больше, только послѣ окончанія войны, въ которую онъ былъ запутанъ и которая теперь отнимала у него все свободное время. При этомъ Димитрій съ своей стороны просилъ первосвященника послать ему союзническій отрядъ, потому что его собственныя войска отпали отъ него. Въ виду этого Іонаѳъ отправилъ Димитрію три тысячи отборныхъ ратниковъ.

3. Тѣмъ временемъ ненавидѣвшіе Димитрія за причиненныя имъ, а еще болѣе отцомъ его Димитріемъ бѣдствія антіохійцы только и выжидали удобнаго случая, чтобы возстать противъ него. Когда же они узнали о прибытіи со стороны Іонаѳа, то тотчасъ поняли, что ему удастся собрать значительную рать, если они не предупредятъ его и не захватятъ его врасплохъ. Поэтому они раздобыли оружіе и обложили царскій дворецъ

[1] Срв. I кн. Макк. X, 51—XI, 38.

форменною осадою, заняли всѣ выходы изъ него и старались схватить царя. Увидя возстаніе антіохійской черни, которая въ полномъ вооруженіи приступила уже къ военнымъ противъ него дѣйствіямъ, Димитрій собралъ своихъ наемниковъ и присланныхъ ему Іонаѳомъ іудеевъ и сразился съ антіохійцами. Такъ какъ послѣднихъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, то ему пришлось потерпѣть отъ нихъ полное пораженіе. Тогда іудеи, видя, что антіохійцы одолѣваютъ, взобрались на крышу дворца и стали оттуда забрасывать наступающихъ дротиками. Такъ какъ они, благодаря высотѣ зданія, были слишкомъ удалены отъ нападающихъ, чтобы подвергаться съ ихъ стороны какой бы то ни было опасности, а напротивъ сами сверху наносили имъ огромный уронъ своей стрѣльбою сверху, то имъ удалось вскорѣ отогнать антіохійцевъ отъ ближайшихъ зданій. Затѣмъ іудеи немедленно подожгли эти зданія, а такъ какъ дома стояли близко другъ къ другу и большинство зданій были деревянныя, то пламя вскорѣ распространилось по всему городу и уничтожило его до тла. Тогда антіохійцы, не будучи въ силахъ дольше держаться и совладать съ огнемъ, обратились въ бѣгство. Тѣмъ временемъ іудеи бросались изъ дома въ домъ, преслѣдуя враговъ, и такимъ образомъ произошла эта единственная въ своемъ родѣ погоня. И вотъ, когда царь замѣтилъ, что антіохійцы думаютъ теперь только о томъ, чтобы спасти женъ и дѣтей и поэтому болѣе уже не сражаются, онъ напалъ на нихъ чрезъ другія улицы и перебилъ при этомъ такое множество жителей, что тѣмъ самымъ принудилъ ихъ побросать все оружіе и сдаться ему. Затѣмъ Димитрій простилъ имъ ихъ дерзкую попытку и тѣмъ самымъ положилъ предѣлъ этой смутѣ. Одаривъ іудеевъ изъ богатой добычи и отблагодаривъ послѣднихъ, какъ истинныхъ виновниковъ одержанной побѣды, царь отправилъ ихъ обратно въ Іерусалимъ къ Іонаѳу и еще разъ закрѣпилъ съ послѣднимъ союзъ свой. Впослѣдствіи однако онъ нечестно поступилъ по отношенію къ Іонаѳу и нарушилъ свои ему обѣщанія, пригрозивъ ему войною, въ случаѣ если тотъ не выплатитъ ему полностью той дани, которую платилъ прежнимъ царямъ народъ іудейскій. Димитрій дѣйствительно привелъ бы свою угрозу въ исполненіе, если бы его отъ этого не удержалъ Трифонъ и не заставилъ бы обратить всѣ направленныя противъ Іонаѳа приготовленія противъ самого его, Трифона.

Дѣло въ томъ, что послѣдній вернулся изъ Аравіи въ Сирію съ малолѣтнимъ еще сыномъ Антіоха [1] и провозгласилъ его царемъ. А такъ

[1] См. Т. I, стр. 706.

какъ на его сторону перешло все войско, которое покинуло Димитрія за неполученіе наемной платы, то Трифонъ объявилъ войну Димитрію, сошелся съ нимъ на полѣ брани, разбилъ его и захватилъ всѣхъ его слоновъ и самый городъ Антіохію.

4. Потерпѣвъ такое пораженіе, Димитрій отступилъ въ Киликію. Тѣмъ временемъ молодой Антіохъ отправилъ къ Іонаѳу пословъ съ письменнымъ увѣреніемъ въ своей дружбѣ и союзѣ и съ утвержденіемъ за нимъ первосвященническаго достоинства, равно какъ права на тѣ четыре нома, которые были присоединены къ странѣ іудейской. Сверхъ того, онъ послалъ также золотую утварь, посуду и пурпуровую одежду, съ разрѣшеніемъ носить ее, а также одарилъ его золотымъ запястьемъ и принялъ его въ число своихъ первыхъ приближенныхъ. Въ то же время онъ утвердилъ брата его, Симона, главнокомандующимъ надъ всѣми войсками отъ Тирійскихъ горъ вплоть до границъ Египта. Благодарный за такое отношеніе къ нему со стороны Антіоха, Іонаѳъ, въ свою очередь, отправилъ пословъ къ нему и къ Трифону, съ заявленіемъ своей дружбы и союза и съ обѣщаніемъ воевать съ нимъ противъ Димитрія. При этомъ Іонаѳъ объяснилъ, что и Димитрій не отплатилъ ему благодарностью за всѣ оказанныя ему въ тяжелую минуту услуги, но даже обидѣлъ его, воздавъ зломъ за добро.

5. Получивъ затѣмъ отъ Антіоха порученіе собрать изъ Сиріи и Финикіи значительную рать и вступить въ борьбу съ военачальниками Димитрія, Іонаѳъ немедленно выступилъ къ городамъ [1]. Послѣдніе хотя и оказали ему блестящій пріемъ, однако не дали ему войска. Отсюда онъ затѣмъ отправился въ городъ Аскалонъ, и когда жители встрѣтили его радушно и съ подарками, онъ сталъ убѣждать ихъ, равно какъ и жителей всѣхъ отдѣльныхъ городовъ въ Келесиріи, отпасть отъ Димитрія и, передавшись Антіоху, въ союзѣ съ Антіохомъ пытаться отистить Димитрію за всѣ тѣ притѣсненія, которыя имъ когда либо довелось испытать отъ него. При этомъ онъ указалъ, что на такой образъ дѣйствій у нихъ имѣется достаточно основаній.

Склонивъ такимъ образомъ эти города къ союзу съ Антіохомъ, онъ прибылъ въ Газу, чтобы ея жителей убѣдить перейти на сторону Антіоха. Однако жителей этого города онъ нашелъ совершенно иначе настроенными, чѣмъ онъ предполагалъ. Такъ, наприм., они заперли передъ нимъ ворота; не желали настолько же примыкать къ Антіоху, сколько и от-

[1] По I кн. Маккав. 11, 60, по ту сторону Іордана лежавшимъ (Kaulen).

казываться отъ Димитрія. Это побудило Іонаѳа подвергнуть городъ осадѣ, а область опустошенію; а именно, обложивъ частью войска Газу, онъ съ остальною ратью ринулся на окрестныя владѣнія, предавая все огню и мечу.

Увидѣвъ себя въ столь стѣсненномъ положеніи и не получая никакой помощи со стороны Димитрія въ такую ужасную минуту и видя эту помощь и пользу отъ нея лишь впереди, да и то крайне неопредѣленною, жители Газы порѣшили, что благоразумнѣе будетъ оставить Димитрія и подчиниться Антіоху. Поэтому они отправили къ Іонаѳу пословъ съ завѣреніями своей готовности заключить съ нимъ дружественный союзъ.

Таковы уже люди: раньше, чѣмъ испытать несчастіе, они не сознаютъ того, что имъ полезно. Лишь впавъ въ бѣду, они выбираютъ наконецъ то, что было бы лучше сдѣлать съ самаго начала, потому что теперь только начинаютъ соображать, что можно бы было безъ всякаго для себя ущерба остановиться на этомъ и раньше.

Іонаѳъ принялъ ихъ предложеніе, заключилъ съ ними дружественный союзъ и, взявъ заложниковъ, отправилъ послѣднихъ въ Іерусалимъ, а самъ прошелъ по всей странѣ, вплоть до Дамаска.

6. Тутъ онъ узналъ, что военачальники Димитрія, во главѣ большой рати, двинулись ему навстрѣчу, къ городу Кедасѣ, находящемуся какъ разъ на границѣ между областью тирійскою и Галилеею; полководцы разсчитывали на то, что они выманятъ его изъ Сиріи и направятъ въ сторону Галилеи, потому что онъ навѣрное не оставитъ безъ поддержки своихъ галилейскихъ приверженцевъ, которые теперь были удручены войною. Іонаѳъ выступилъ противъ нихъ и оставилъ въ Іудеѣ брата своего Симона.

Послѣдній собралъ изъ всей страны все наиболѣе подходящее войско и принялся за осаду Веѳсуры, самой укрѣпленной мѣстности во всей Іудеѣ, какъ нами объ этомъ было уже выше упомянуто. [1] Крѣпость эту занималъ гарнизонъ Димитрія. Когда же Симонъ воздвигъ осадные валы, помѣстилъ осадныя орудія и принялся по всѣмъ правиламъ искусства осаждать Веѳсуру, гарнизонъ испугался взятія крѣпости силою и собственной гибели. Поэтому онъ отправилъ къ Симону посланцевъ съ просьбою поклясться, что если имъ не будетъ причинено никакого зла, они могутъ покинуть эту мѣстность и уйти къ Димитрію. Іонаѳъ далъ имъ въ этомъ клятвенное увѣреніе, изгналъ ихъ изъ города и помѣстилъ въ немъ свой собственный гарнизонъ.

[1] Срав. Т. I, стр. 700.

Выступивъ изъ Галилеи отъ такъ называемаго Генисаретскаго озера, гдѣ онъ, было, расположился станомъ, Іонаѳъ прибылъ въ равнину Асоръ, не зная, что тутъ находятся враги. Солдаты же Димитрія, лишь наканунѣ узнавъ, что Іонаѳъ собирается придти къ нимъ, устроили ему засаду и тайкомъ помѣстили въ ущельи горы воиновъ, сами же съ остальною ратью двинулись ему на встрѣчу на равнину. Увидя ихъ готовыми къ бою, Іонаѳъ и самъ сталъ по силѣ возможности ободрять своихъ воиновъ къ битвѣ. Но когда враги, помѣщенные военачальниками Димитрія въ засадѣ, очутились въ тылу у іудеевъ, послѣдніе испугались, какъ бы имъ не очутиться отрѣзанными отъ своего войска и навѣрное погибнуть, и потому обратились въ бѣгство. Тогда и всѣ остальные покинули Іонаѳа, нѣсколько же, числомъ не болѣе пятидесяти человѣкъ, въ томъ числѣ сынъ Авсалома, Маттаѳія, и сынъ Хапсея, Іуда, бывшіе военачальниками надъ всею ратью, остались при немъ. Они храбро и съ полнымъ самозабвеніемъ ринулись на враговъ и, поразивъ ихъ своею смѣлостью, храбро обратили ихъ въ бѣгство. Когда вернувшіеся изъ воиновъ Іонаѳа увидѣли бѣгство враговъ, то и сами пріостановились, собрались въ кучу и принялись гнаться за врагами. Такъ гнали они ихъ до Кедасы, гдѣ находился лагерь непріятелей.

8. Одержавъ такую блестящую побѣду и перебивъ до двухъ тысячъ враговъ, Іонаѳъ вернулся въ Іерусалимъ. Видя, что съ помощью Божіей все ему удается, онъ отправилъ посольство къ римлянамъ съ предложеніемъ возобновить прежній дружественный союзъ іудейскаго народа съ ними. Этимъ своимъ посланнымъ онъ поручилъ завернуть на возвратномъ пути изъ Рима къ спартанцамъ и напомнить имъ объ ихъ дружественномъ союзѣ съ іудеями [1]. Когда же посланные прибыли въ Римъ и, придя въ сенатъ, объявили, что они пріѣхали отъ первосвященника Іонаѳа, который прислалъ ихъ съ цѣлью укрѣпленія союза, то сенатъ утвердилъ прежнее свое постановленіе относительно дружбы съ іудеями и снабдилъ посольство грамотами ко всѣмъ царямъ Азіи и Европы и къ правителямъ различныхъ городовъ, чтобы послы могли безопасно вернуться восвояси. На обратномъ пути посольство заѣхало въ Спарту и отдало тамъ грамоту, заготовленную съ этою цѣлью Іонаѳомъ. Содержаніе ея было слѣдующее:

«Первосвященникъ іудейскаго народа, Іонаѳъ, совѣтъ старѣйшинъ и народъ іудейскій посылаютъ привѣтъ свой эфорамъ лакедемонскимъ, ге-

[1] См. Т. I. XII, 4, 10 (стр. 688 и 689).

русіи [1] и братскому племени. Если вы здоровы и всѣ ваши общественныя и частныя дѣла идутъ хорошо, то это прекрасно и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашимъ желаніямъ. Сами же мы здоровы. Въ прежнія времена нашъ первосвященникъ Онія получилъ у насъ отъ вашего царя Арея чрезъ посредство Димотела посланіе относительно нашего общаго съ вами происхожденія. Копія его при семъ прилагается. Посланіе это мы приняли охотно и любовно отнеслись какъ къ Димотелу, такъ и къ Арею, тѣмъ болѣе, что намъ вовсе не было необходимости въ доказательствѣ этого нашего родства, такъ какъ въ томъ уже убѣждали насъ данныя нашего Св. Писанія. И если мы сами не сдѣлали перваго шага для признанія между нами указаннаго родства, то это произошло лишь оттого, что мы не желали показать вида, будто мы предвосхищаемъ у васъ оказанную вамъ честь. И всетаки, несмотря на то, что со времени установленія между нами нашихъ дружественныхъ отношеній прошло уже достаточное число лѣтъ, мы во всѣ праздники и во всѣ знаменательные дни при принесеніи Господу Богу жертвъ всегда молимся Ему о вашемъ здравіи и благополучіи. Несмотря на то, что благодаря дерзости и заносчивости нашихъ сосѣдей, намъ пришлось вести множество войнъ, мы всетаки не рѣшались впутывать въ нихъ ни васъ, ни другихъ намъ дружественныхъ лицъ. Окончивъ теперь борьбу съ непріятелями своими, мы по случаю отправки нами почтенныхъ членовъ совѣта, Нуменія, сына Антіоха, и Антипатра, сына Іасона, снабдили послѣднихъ также посланіемъ къ вамъ съ цѣлью возобновить съ вами нашъ дружественный союзъ. Поэтому вы поступите прекрасно, если и вы въ свою очередь напишете намъ, не нужно ли вамъ чего-либо отъ насъ, всегда готовыхъ во всѣхъ случаяхъ оказать вамъ посильную поддержку». Лакедемоняне любезно приняли пословъ и, постановивъ рѣшеніе о закрѣпленіи дружественнаго союза съ іудеями, отправили ихъ на родину.

9. Въ это время существовало среди евреевъ три секты, которыя отличались различнымъ другъ отъ друга міровоззрѣніемъ. Одна изъ этихъ сектъ называлась фарисейскою, другая саддукейскою, третья ессейскою. Фа-

[1] Эфорами назывались въ Спартѣ издавна существовавшіе и избиравшіеся на одинъ годъ пять чиновниковъ съ крупною законодательною властью, особенно расширившеюся послѣ паденія царя Клеомена III (221 до Р. Хр.). Срв. O. Müller, Dorier, I, 111 и слѣд. — Герусіею же было высшее государственное учрежденіе, состоявшее изъ 28 членовъ и представлявшее верховный совѣтъ страны, подъ предсѣдательствомъ самихъ царей. Каждому изъ членовъ должно было быть не менѣе 60 лѣтъ отъ роду.

рисеи утверждают, что кое что, хотя далеко и не все, совершается по предопредѣленію, иное же само по себѣ можетъ случаться [1]. Секта ессеевъ учитъ, что во всемъ проявляется мощь предопредѣленія и что все, постигающее людей, не можетъ случаться безъ и помимо этого предопредѣленія. Саддукеи, наконецъ, совершенно устраняютъ все ученіе о предопредѣленіи, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существованіе и нисколько не связывая съ нимъ результатовъ человѣческой дѣятельности. При этомъ они говорятъ, что все лежитъ въ нашихъ собственныхъ рукахъ, такъ что мы сами являемся отвѣтственными за наше благополучіе, равно какъ сами вызываемъ на себя несчастія своею нерѣшимостью. Впрочемъ, объ этомъ я подробно говорилъ уже во второй книгѣ своей Іудейской войны.

10. Между тѣмъ однако военачальники Димитрія, желая вознаградить себя за понесенное пораженіе, собрали значительно большую рать, чѣмъ въ первый разъ, и двинулись съ нею на Іонаѳа. Узнавъ объ ихъ нашествіи и желая предупредить ихъ вторженіе въ Іудею, послѣдній быстро пошелъ имъ на встрѣчу въ область Амаѳы. Расположившись станомъ въ разстояніи пятидесяти стадій отъ враговъ, онъ выслалъ соглядатаевъ, которымъ было поручено высмотрѣть ихъ лагерь и способъ укрѣпленія его. Лазутчики все донесли Іонаѳу и даже захватили ночью въ плѣнъ нѣсколькихъ непріятелей, которые сообщили ему о намѣреніи враговъ напасть на него. Поэтому онъ, будучи своевременно предупрежденъ, приготовился къ этому, выставилъ около своего лагеря сторожевые посты и въ теченіе всей ночи держалъ свое войско подъ оружіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣщевалъ своихъ людей мужаться и быть наготовѣ биться даже ночью, если бы это потребовалось, дабы враги знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Когда же военачальники Димитрія узнали, что Іонаѳу уже все извѣстно, они впали въ отчаяніе и ихъ смутило сознаніе, что они спасовали предъ непріятелями, что ихъ коварный умыселъ не удался и что имъ не придется осилить другого; для нихъ было очевидно, что имъ не совладать съ вой-

[1] Ниже Іосифъ, самъ принадлежавшій къ философской школѣ фарисеевъ, а также одно время бывшій ессеемъ и хорошо изучившій жизнь ихъ и все ихъ міровоззрѣніе, указываетъ на II кн. своей Іудейской войны (II кн. гл. VIII, стр. 169—177 русск. перевода), какъ на источникъ, гдѣ можно детально ознакомиться съ этими сектами, ихъ устройствомъ и ученіемъ. Данныя Флавія восполняютъ сказанное у Евсевія (praepar. evangelica VIII) и Плинія (Hist. Nat. V, 17).

скомъ Іонаѳа. Поэтому они рѣшились на бѣгство и отступили, зажегши предварительно множество костровъ, чтобы видъ послѣднихъ заставилъ враговъ предположить, будто они еще остаются въ лагерѣ. Когда же Іонаѳъ на зарѣ нагрянулъ на ихъ станъ и нашелъ его пустымъ, то понялъ, что они бѣжали, и бросился за ними въ погоню. Однако, ему такъ и не удалось настичь ихъ, потому что они уже успѣли переправиться чрезъ рѣку Елевѳеръ и быть въ безопасности. Поэтому онъ отсюда повернулъ въ сторону Аравіи, вступилъ въ борьбу съ навайтецами и отнялъ у нихъ значительную добычу и множество военноплѣнныхъ. Съ ними онъ двинулся къ Дамаску и всѣхъ ихъ тамъ продалъ. Около того же времени и братъ его, Симонъ, обошелъ всю Іудею и Палестину вплоть до Аскалона, завладѣлъ крѣпостями страны и, укрѣпивъ ихъ новыми постройками и новыми гарнизонами, добрался до Яффы. Занявъ и ее, онъ ввелъ туда значительный гарнизонъ, потому что слышалъ о желаніи жителей передать городъ военачальникамъ Димитрія.

11. Послѣ всѣхъ этихъ предпріятій какъ Симонъ, такъ и Іонаѳъ вернулись въ Іерусалимъ. Собравъ затѣмъ весь народъ въ святилище, Іонаѳъ посовѣтовалъ ему возстановить городскія стѣны, вновь отстроить разрушенную ограду вокругъ храма и укрѣпить ее высокими башнями; далѣе, воздвигнуть среди города другую стѣну и отрѣзать такимъ образомъ гарнизону крѣпости доступъ на рыночную площадь; тѣмъ самымъ онъ и предлагалъ лишить этотъ гарнизонъ возможности снабжаться съѣстными припасами; кромѣ того, онъ предлагалъ еще болѣе укрѣпить и тѣмъ обезопасить существовавшія въ странѣ крѣпости. Такъ какъ всѣ эти предложенія были благосклонно приняты народомъ, то онъ самъ принялся за отстройку города, а Симона отправилъ внутрь страны, чтобы обезопасить ее. Между тѣмъ Димитрій переправился въ Месопотамію, намѣреваясь овладѣть ею и Вавилономъ и, подчинивъ себѣ верхнія сатрапіи, овладѣть уже отсюда всѣмъ царствомъ. Дѣло въ томъ, что жившіе тамъ греки и македоняне постоянно отправляли къ нему посольства съ обѣщаніемъ передаться ему, если только онъ явится къ нимъ, и въ союзѣ съ нимъ идти войною на пареянскаго царя Арсака. Въ упованіи на это, Димитрій двинулся къ нимъ въ разсчетѣ, если только подчинитъ пареянъ и создастъ себѣ войско, начать войну съ Трифономъ и изгнать его изъ Сиріи. Жители страны приняли его радушно и онъ, собравъ войско, началъ борьбу съ Арсакомъ, но потерялъ при этомъ все свое войско и самъ попалъ въ плѣнъ, какъ мы разсказали въ другомъ мѣстѣ [1].

[1] Срв. I кн. Макк. XI, 39—XII, 38 и XIV, 1—3.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Лишь только Трифонъ узналъ, чѣмъ окончилось предпріятіе Димитрія, онъ уже болѣе не оставался вѣрнымъ Антіоху, но сталъ злоумышлять противъ него, рѣшивъ убить его и самому овладѣть царствомъ. Однако пока его удерживалъ отъ приведенія этого намѣренія въ исполненіе страхъ предъ Іонаѳомъ, который былъ другомъ Антіоху. Вслѣдствіе этого онъ хотѣлъ первоначально избавиться отъ Іонаѳа, а затѣмъ уже приняться и за Антіоха. Рѣшивъ избавиться отъ первосвященника коварствомъ и обманомъ, онъ отправился изъ Антіохіи въ Веѳсану, носившую у грековъ названіе Скиѳополя, куда на встрѣчу ему выступилъ Іонаѳъ во главѣ сорокатысячнаго отборнаго войска, потому что Іонаѳъ предвидѣлъ его воинственныя намѣренія. Видя готовность Іонаѳа къ бою, онъ отправился къ нему съ подарками, былъ съ нимъ ласковъ и любезенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ своимъ полководцамъ повиноваться Іонаѳу, думая такимъ способомъ увѣрить послѣдняго въ своей преданности и совершенно освободить его отъ подозрѣнія относительно того, будто онъ замышляетъ захватить его врасплохъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посовѣтовалъ Іонаѳу распустить войско, указывая на то, что въ настоящее время, когда нѣтъ войны и царствуетъ полный миръ, нѣтъ никакой необходимости держать это войско. Трифонъ совѣтовалъ Іонаѳу оставить при себѣ лишь небольшой отрядъ и двинуться вмѣстѣ съ нимъ къ Птолемаидѣ, которую онъ обѣщалъ передать ему, равно какъ помочь ему овладѣть всѣми остальными крѣпостями страны. На это-то, какъ бы на причину своего пріѣзда, и указывалъ Трифонъ.

2. Іонаѳъ, дѣйствительно, не предполагалъ во всемъ этомъ злого умысла, но повѣрилъ, что Трифонъ далъ ему дружескій и вполнѣ искренній совѣтъ, и потому распустилъ свое войско и удержалъ изъ него лишь три тысячи человѣкъ, изъ которыхъ 2,000 оставилъ въ Галилеѣ, а съ остальною тысячею вмѣстѣ съ Трифономъ пошелъ на Птолемаиду. Немедленно по его прибытіи туда, жители, по заранѣе данному имъ Трифономъ приказанію, заперли городскія ворота; тутъ-то Трифонъ взялъ Іонаѳа живьемъ въ плѣнъ, а всѣхъ товарищей его велѣлъ перебить. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ и за оставленными въ Галилеѣ двумя тысячами человѣкъ, чтобы и ихъ также перерѣзать. Однако до этихъ уже дошла молва о постигшемъ Іонаѳа злополучіи и потому они предупредили прибытіе посланныхъ Трифономъ отрядовъ и поспѣшили съ оружіемъ въ рукахъ удалиться изъ страны. Высланныя противъ нихъ войска, увидя евреевъ вполнѣ готовыми биться

до послѣдней крайности, не рискнули причинить имъ какой либо вредъ и вернулись къ Трифону.

3. Когда жители Іерусалима узнали о плѣнѣ Іонаѳа и о гибели его солдатъ, постигшее его несчастіе опечалило всѣхъ и всѣ стали жалѣть объ этомъ мужѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они страшно безпокоились и боялись, какъ бы теперь, когда они единовременно лишились талантливаго и столь храбраго Іонаѳа, враждебныя имъ и лишь сдерживавшіяся Іонаѳомъ окрестныя племена, нынѣ не напали на нихъ и не заставили ихъ вступить въ крайнюю борьбу не на животъ, а на смерть. А между тѣмъ эти опасенія вскорѣ же дѣйствительно осуществились; ибо лишь только сосѣднія племена узнали о смерти Іонаѳа, то начали войну съ іудеями, зная, что тѣ не имѣютъ руководителя, самъ же Трифонъ собралъ войско и рѣшилъ отправиться въ Іудею и объявить войну ея населенію.

Когда же Симонъ увидѣлъ, что іерусалимцевъ все это повергло въ такое отчаяніе, онъ, желая ободрить ихъ и словомъ вызвать ихъ мужество, чтобы смѣло встрѣтить нашествіе Трифона, собралъ весь народъ въ святилище и оттуда обратился къ нему съ слѣдующимъ увѣщеваніемъ:

«Единоплеменники! Вамъ не безъизвѣстно, насколько охотно, послѣ смерти отца моего, какъ я, такъ и братья мои шли за вашу погибель на разныя опасности, сопряженныя съ возможностью смерти. Полагаю, что какъ я лично, такъ и смерть членовъ нашей семьи за законы и богопочитаніе, дали вамъ достаточныя тому доказательства. Поэтому нѣтъ такого страха, который вытѣснилъ бы изъ души моей эту рѣшимость и вызвалъ бы въ ней особую привязанность къ жизни или презрѣніе къ славѣ. Итакъ, если уже у васъ нѣтъ теперь такого военачальника, который рѣшился бы за васъ на всякія крайности, то добровольно послѣдуйте за мною, куда бы я васъ ни повелъ. Если я не лучше своихъ братьевъ, чтобы не щадить своей жизни, то и не хуже ихъ и не отступлюсь позорно отъ того, что они признали за наилучшее, а именно умереть за ваши законы и ваше истинное богопочитаніе. Гдѣ понадобится явить себя достойнымъ ихъ, тамъ я и явлю себя таковымъ. Я смѣло надѣюсь не только наказать враговъ, но и избавить всѣхъ васъ съ вашими женами и дѣтьми отъ ихъ заносчивости и съ Божьею помощью сохранить въ цѣлости Его святой храмъ. Я отлично понимаю, что сосѣднія племена наступаютъ на васъ оттого лишь, что считаютъ васъ не имѣющими военачальника, который повелъ бы васъ въ бой».

4. Послѣ этой рѣчи Симона народъ воспрянулъ духомъ, и боязнь его смѣнилась новымъ упованіемъ на лучшее будущее. Поэтому весь народъ

единодушно провозгласилъ Симона своимъ военачальникомъ и замѣстителемъ его братьевъ, Іуды и Іонаѳа, причемъ обѣщалъ безусловное повиновеніе всѣмъ его распоряженіямъ. Тогда Симонъ немедленно собралъ всѣ свои боевыя силы и поспѣшилъ окончить постройку городской стѣны. Укрѣпивъ ее высокими и прочными башнями, онъ отправилъ одного изъ своихъ друзей, нѣкоего Іонаѳа, сына Апсалома, съ войскомъ въ Яффу и поручилъ ему изгнать оттуда всѣхъ жителей, потому что опасался, какъ бы они не сдали города Трифону. Самъ же онъ остался въ Іерусалимѣ для охраны его.

5. Тѣмъ временемъ Трифонъ во главѣ большого войска выступилъ изъ Птолемаиды и двинулся въ Іудею, ведя за собою плѣннаго Іонаѳа. На встрѣчу ему выступилъ Симонъ съ его ратью и подошелъ къ городу Аддидѣ [1], лежащемъ на горѣ, у подошвы которой разстилается іудейская равнина. Когда же Трифонъ узналъ, что іудеи выбрали Симона главнокомандующимъ, то онъ послалъ къ нему, имѣя въ виду обмануть и его, съ предложеніемъ выдать ему, въ видѣ выкупа за его брата Іонаѳа, сто талантовъ серебра и двоихъ изъ дѣтей Іонаѳа въ качествѣ заложниковъ, дабы Іонаѳъ, будучи выпущенъ на свободу, не вздумалъ склонить Іудею къ отпаденію отъ царя. При этомъ Трифонъ ссылался на то, будто Іонаѳъ держится въ плѣну за долгъ, котораго онъ не возвратилъ царю. Однако Симонъ отлично понялъ маневръ Трифона. Напротивъ, онъ зналъ, что если онъ отдастъ деньги, то и ихъ потеряетъ и брата не освободитъ, а лишь, кромѣ него, оставитъ во власти врага еще дѣтей своего брата. Однако, боясь навлечь на себя обвиненія народа въ томъ, что это онъ сталъ причиною смерти брата, если не отдастъ за него выкупа и не оставитъ заложниками дѣтей его, Симонъ собралъ свое войско и сообщилъ ему о предложеніи Трифона, причемъ замѣтилъ, что и тутъ кроется коварная ловушка. Однако при этомъ онъ сказалъ, что всетаки предпочитаетъ послать Трифону деньги и выслать дѣтей, чѣмъ отвергнуть предложеніе его и тѣмъ самымъ навлечь на себя подозрѣніе въ нежеланіи спасти брата. Въ виду всего этого Симонъ дѣйствительно послалъ Трифону дѣтей Іонаѳа и деньги, но, по полученіи ихъ, Трифонъ всетаки не сдержалъ своего слова и не отпустилъ Іонаѳа, но съ своимъ войскомъ обошелъ вокругъ Іудеи, рѣшивъ впослѣдствіи пройти къ Іерусалиму чрезъ Идумею.

[1] На счетъ точнаго мѣстоположенія этого города, упоминаемаго Іосифомъ ниже (глава 15, 2) и въ Іуд. войнѣ IV, 9, 1, (гдѣ имя это пишется чрезъ одно *д*) извѣстно довольно мало. Срв. Boettger, l. c. p. 11.

Такимъ образомъ онъ достигъ идумейскаго города Адоры. Симонъ однако съ своею ратью не отставалъ отъ него, но постоянно располагался лагеремъ противъ него.

6. Между тѣмъ гарнизонъ іерусалимской крѣпости отправилъ къ Трифону просьбу поспѣшить къ нимъ и выслать съѣстныхъ припасовъ. Поэтому онъ отрядилъ свою конницу и велѣлъ ей достигнуть въ теченіе ночи Іерусалима. Ночью однако выпало много снѣгу, который занесъ всѣ дороги, сдѣлалъ ихъ труднопроходимыми для лошадей и не далъ Трифону возможности добраться до Іерусалима. Поэтому онъ отсюда двинулся въ Келесирію и затѣмъ быстро вторгся въ область Галаадскую. Тутъ онъ велѣлъ казнить и похоронить Іонаѳа, а самъ вернулся въ Антіохію. Потомъ Симонъ послалъ въ городъ Баску за останками своего брата и похоронилъ ихъ на родинѣ, въ Модіи, причемъ глубокая печаль охватила весь народъ. При этомъ случаѣ Симонъ воздвигъ отцу своему и братьямъ своимъ огромный памятникъ изъ бѣлаго отесаннаго камня. Вышина этого памятника была очень велика, такъ что онъ былъ виденъ на далекое разстояніе; окруженъ былъ этотъ мавзолей портиками и обелисками удивительно искусной работы. Кромѣ того, онъ соорудилъ еще семь пирамидъ въ честь своихъ родителей и каждаго изъ братьевъ. Размѣрами и красотой эти сооруженія вызываютъ вообще удивленіе. Они сохранились по сей день [1]. Съ такимъ-то рвеніемъ позаботился Симонъ о гробницѣ Іонаѳа и надгробныхъ памятникахъ прочихъ членовъ семьи своей.—Іонаѳъ умеръ послѣ четырехлѣтняго первосвященничества. Онъ былъ главою своего рода [2]...

7. Такова была кончина Іонаѳа.

Симонъ былъ народомъ избранъ въ первосвященники и въ первый же годъ своего служенія избавилъ его отъ македонскаго ига настолько, что іудеямъ уже болѣе никогда не приходилось платить дани македонянамъ. Это освобожденіе какъ личное, такъ и отъ податей началось у іудеевъ съ стосемидесятаго года со времени ассирійскаго владычества, именно съ того времени, какъ Селевкъ, прозванный Никаторомъ, овладѣлъ Сиріею. Народъ былъ въ такомъ восторгѣ отъ Симона, что въ своихъ дѣловыхъ сношеніяхъ и всѣхъ народныхъ постановленіяхъ сталъ писать: «въ первый годъ правленія Симона, благодѣтеля и князя іудейскаго». При Симонѣ дѣла іудеевъ шли очень удачно и они осилили окрестныя племена. Дѣло въ томъ, что онъ взялъ города Газару, Яффу и

[1] См. Revue archéologique, nouvelle serie XXIV (1872), p. 265, статья Guérin: Découverte du tombeau des Maccabées.

[2] Здѣсь слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить „въ теченіе восемнадцати лѣтъ“.

Ямнію; затѣмъ онъ осадилъ іерусалимскую крѣпость и срылъ ее до основанія, чтобы врагамъ болѣе не представилось возможности имѣть въ ней опору для своихъ враждебныхъ дѣйствій, какъ то было раньше. Сдѣлавъ это, Симонъ призналъ за цѣлесообразное срыть всю гору, на которой помѣщалась крѣпость, дабы тѣмъ самымъ поднять холмъ, на которомъ стоитъ святилище [1]. Созвавъ народъ, онъ старался убѣдить его въ необходимости этого мѣропріятія, упомянувъ, сколько уже пришлось пострадать іудеямъ отъ непріятельскихъ гарнизоновъ и перебѣжчиковъ, и указывая на то, что имъ придется претерпѣть еще въ будущемъ, если власть вновь перейдетъ въ руки иновѣрнаго царя, который снова помѣститъ въ этой крѣпости своихъ воиновъ. Этими доводами ему удалось убѣдить народъ въ цѣлесообразности предлагаемой мѣры.

Всѣ охотно приступили къ этому дѣлу и принялись срывать гору. Послѣ трехлѣтней, не прерывавшейся ни днемъ, ни ночью работы они срыли гору до основанія и сравняли все занимаемое ею мѣсто; съ тѣхъ поръ, послѣ уничтоженія крѣпости и горы, надъ всѣмъ городомъ царитъ зданіе храма.

Таковы были дѣла, совершенныя Симономъ [2].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Немного спустя послѣ взятія въ плѣнъ Димитрія, Трифонъ умертвилъ сына Александра, Антіоха, который былъ прозванъ «Богомъ» и который во время своего четырехлѣтняго правленія находился подъ опекою Трифона. Послѣдній объявилъ о смерти Антіоха, будто она послѣдовала отъ операціи, и въ то же самое время послалъ наиболѣе преданныхъ и близкихъ друзей къ войскамъ съ обѣщаніемъ выплатить огромную сумму денегъ, если они провозгласятъ его царемъ. При этомъ онъ заявилъ, что Димитрій попалъ въ плѣнъ къ парѳянамъ, и если братъ Димитрія, Антіохъ, достигнетъ власти, то онъ сильнѣйшимъ образомъ накажетъ ихъ за ихъ отпаденіе. Въ виду этого солдаты, надѣясь на всякія блага, если изберутъ на царство Трифона, провозгласили его правителемъ. Достигнувъ такого положенія, Трифонъ немедленно выказался весь, во всемъ своемъ непривлекательномъ свѣтѣ: будучи частнымъ человѣкомъ, онъ служилъ народу и прикидывался добрымъ, угождая всѣмъ желаніямъ народа; достигнувъ же царской власти, онъ скинулъ съ себя маску и явился на-

[1] Въ Св. Писаніи объ этомъ нѣтъ упоминанія.

[2] Въ основу содержанія этой главы легли данныя I кн. Макк. XII, 39—XIII, 30 и 42.

стоящимъ Трифономъ. Однако этимъ самымъ онъ лишь сыгралъ въ руку врагамъ, потому что войско, ненавидѣвшее его, перешло на сторону жены Димитрія, Клеопатры, которая тогда заперлась съ дѣтьми своими въ Селевкіи. Въ то время по странѣ скитался братъ Димитрія, Антіохъ, прозванный Сотеромъ. Его ни одинъ городъ не принималъ къ себѣ изъ страха предъ Трифономъ. Къ нему то Клеопатра послала предложеніе жениться на ней и овладѣть царствомъ. Призвала она Антіоха не только потому, что къ тому побуждали ее приближенные, но и потому, что она боялась будущаго, такъ какъ нѣкоторые изъ жителей Селевкіи приготовились отдать городъ Трифону.

2. Прибывъ въ Селевкію и видя, что его положеніе со дня на день упрочивается, Антіохъ началъ войну съ Трифономъ, побѣдилъ его и прогналъ изъ Верхней Сиріи въ Финикію. Онъ преслѣдовалъ его до предѣловъ послѣдней и осадилъ въ неприступной крѣпости Дорѣ, куда тотъ спасся бѣгствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ къ іудейскому первосвященнику пословъ съ предложеніемъ заключить дружественный союзъ. Симонъ охотно принялъ его предложеніе, послалъ Антіоху значительное количество денегъ и много съѣстныхъ припасовъ для осаждавшихъ Дору войскъ и поступилъ при этомъ такъ великодушно, что въ короткое время сталъ считаться однимъ изъ наиболѣе преданныхъ друзей царя. Между тѣмъ Трифонъ бѣжалъ изъ Доры въ Апамею и былъ тамъ во время осады захваченъ въ плѣнъ и убитъ, успѣвъ процарствовать три года.

3. Однако Антіохъ, въ своей заносчивости и испорченности, вскорѣ забылъ объ оказанной ему Симономъ поддержкѣ и выслалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, Кендебея, съ войскомъ для разграбленія Іудеи и поимки Симона. Когда же послѣдній узналъ объ этомъ вѣроломствѣ Антіоха, то онъ хоть и старикъ, не взирая на свои годы и побуждаемый несправедливостью, допущенною по отношеніи къ нему Антіохомъ, съ юношескимъ пыломъ взялъ на себя начальствованіе въ походѣ. Сыновей своихъ онъ выслалъ съ ядромъ войска впередъ, а самъ съ другою частью рати двинулся съ другой стороны въ путь. Помѣстивъ часть своихъ силъ въ засадѣ въ ущельяхъ горъ, онъ не потерпѣлъ неудачи ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій, но повсюду разбивалъ враговъ. Послѣ этого онъ жилъ до скончанія дней своихъ въ глубокомъ мирѣ, успѣвъ еще заключить дружественный союзъ съ римлянами.

4. Всего восемь лѣтъ процарствовалъ Симонъ надъ іудеями и умеръ отъ коварнаго покушенія, которое совершилъ на него во время пира зять его, Птолемей. Послѣдній захватилъ также его жену и двоихъ сыновей

его [1] и, велѣвъ помѣстить ихъ въ темницу, подослалъ убійцъ къ его третьему сыну, Іоанну, который носилъ также имя Гиркана. Узнавъ однако объ ихъ приходѣ, юноша успѣлъ избѣжать грозившей ему опасности путемъ быстраго бѣгства въ городъ [2], рѣшаясь поручить себя здѣсь охранѣ народа и уповая при этомъ съ одной стороны на заслуги отца своего предъ этимъ народомъ, а съ другой на ненависть черни къ Птолемею. Когда же Птолемей пытался проникнуть въ городъ чрезъ другія ворота, то народъ не дозволилъ ему этого, потому что далъ уже пріютъ Гиркану [3].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Птолемей отступилъ въ одну изъ крѣпостей, именно Дагонъ, расположенную вблизи Іерихона. Тѣмъ временемъ Гирканъ, получивъ по наслѣдству первосвященническое достоинство и путемъ жертвоприношеній съ самаго начала умилостививъ Предвѣчнаго, выступилъ походомъ на Птолемея и приступилъ къ указанной крѣпости (Дагону). Тутъ онъ вообще успѣвалъ одерживать побѣды, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить, исключительно благодаря чувству состраданія къ своей матери и братьямъ. Птолемей, выведя послѣднихъ на (крѣпостную стѣну), сталъ подвергать ихъ на глазахъ у всѣхъ оскорбленіямъ и угрожалъ сбросить ихъ внизъ, если Гирканъ не прекратитъ осады. Хотя Гирканъ, старался овладѣть этою мѣстностью, однако считалъ нужнымъ щадить и наиболѣе близкихъ людей и не давать ихъ въ обиду и пріостановилъ свои нападенія. Однако мать его воздѣла руки къ небу и стала умолять его не поддаваться ради нея, но съ большею ревностью и стараніемъ взять мѣсто и отомстить врагу за насилія, причиненныя его близкимъ. При этомъ она замѣтила, что и безславная смерть въ мученіяхъ пріятна, если только врагу придется поплатиться за всѣ совершенныя имъ изувѣрства. Эти слова матери придали Гиркану извѣстную бодрость всетаки взять крѣпость приступомъ, но когда онъ увидалъ, какъ мать его подвергаютъ побоямъ и оскорбленіямъ, онъ палъ духомъ и уступилъ изъ чувства жалости къ ней. Такимъ образомъ осада затянулась надолго, пока наконецъ не насталъ тотъ годъ, въ который іудеямъ не приходится работать; это, подобно седьмому дню недѣли, обыкновенно происходитъ каждый седьмой годъ [1].

[1] По I кн. Макк. XVI, 16 онъ убилъ ихъ вмѣстѣ съ Симономъ.

[2] По I кн. Макк. XVI, 22 онъ велѣлъ схватить убійцъ.

[3] Въ основу разсказаннаго въ этой главѣ легли данныя I кн. Маккав. XIII, 31, 33 и XV, 1—XVI, 22. Этимъ заканчивается параллельный Библіи разсказъ Іосифа Флавія. Ближайшія свѣдѣнія, быть можетъ, почерпнуты изъ упомянутаго въ I кн. Макк. XVI, 24 и затерявшагося дневника Іоанна Гиркана.

Освободясь по этой причинѣ отъ войны, Птолемей казнилъ братьевъ Гиркана и мать его и послѣ этого отправился къ Зенону, носившему прозвище Котила и бывшему въ то время правителемъ города Филадельфіи.

2. Между тѣмъ Антіохъ все еще никакъ не могъ забыть того, что причинилъ ему Симонъ, и потому вторгся въ Іудею на четвертый годъ своего правленія и въ первый годъ правленія Гиркана, именно въ 162 олимпіаду [2]. Разграбивъ страну, онъ заперъ Гиркана въ его столицѣ. Окруживъ послѣднюю семью отрядами войска, онъ однако ничего не могъ съ нею подѣлать какъ вслѣдствіе высоты стѣнъ такъ и доблести осажденныхъ, несмотря на полный недостатокъ у нихъ воды. Отъ этого іерусалимцевъ избавилъ сильный проливной дождь, залившій всю мѣстность послѣ захода семизвѣздія Плеядъ. Но такъ какъ съ сѣверной стороны города было мѣсто, гдѣ стѣна являлась доступною, онъ распорядился выстроить тутъ сто трехъэтажныхъ осадныхъ башенъ и помѣстилъ на каждой изъ ней по отряду солдатъ. Кромѣ того, онъ дѣлалъ ежедневныя нападенія на городъ и велѣлъ вырыть глубокій и широкій двойной ровъ и тѣмъ крайне стѣснилъ жителей города. Послѣдніе въ свою очередь предпринимали частыя вылазки и наносили врагамъ значительный вредъ при всякомъ случаѣ, гдѣ могли напасть неожиданно; когда же враги замѣчали ихъ попытку, они поспѣшно возвращались въ городъ. Но такъ какъ Гирканъ видѣлъ, что чрезмѣрное населеніе города только вредитъ дѣлу и, способствуя скорѣйшему истощенію съѣстныхъ припасовъ, не ведетъ рѣшительно ни къ чему, а только всѣхъ стѣсняетъ, отобралъ изъ него всѣ безполезные элементы и изгналъ ихъ изъ города, оставивъ себѣ лишь сильныхъ и дѣйствительно способныхъ сражаться. Между тѣмъ, такъ какъ Антіохъ не давалъ изгнанникамъ возможности удалиться, то имъ пришлось скитаться около городскихъ стѣнъ и многіе изъ нихъ умерли отъ голода жалкою смертью. Когда же наступилъ праздникъ кущей, то заключенные въ городѣ сжалились надъ этими несчастными и вновь приняли ихъ къ себѣ.

Затѣмъ, когда Гирканъ обратился къ Антіоху съ просьбою назначить семидневное перемиріе вслѣдствіе наступленія праздника, Антіохъ, дви-

[1] Т. наз. субботній годъ.

[2] т. е. въ 132 г. до Р. Хр.

жимый уваженіемъ къ Предвѣчному, не только охотно согласился на перемиріе, но даже послалъ въ городъ драгоцѣнные жертвенные дары, именно быковъ съ вызолоченными рогами и серебряныя и золотыя чаши, полныя благовонныхъ куреній. Это жертвоприношеніе стража, стоявшая у воротъ, приняла отъ жертвователей и доставила его въ святилище. Антіохъ же въ то же самое время устроилъ войску угощеніе, чѣмъ сильно отличился отъ Антіоха Епифана, который по взятіи города сталъ закалывать на жертвенникахъ свиней, осквернилъ храмъ жиромъ этихъ животныхъ и тѣмъ надругался надъ установленіями іудеевъ и ихъ древнимъ благочестіемъ. Вслѣдствіе этого народъ и возсталъ на его и сталъ его непримиримымъ врагомъ, тогда какъ этого Антіоха всѣ прозвали «Благочестивымъ» за его высокое богопочитаніе.

3. Благодаря такой любезности Антіоха и убѣдившись въ благочестіи его, Гирканъ отправилъ къ нему посольство съ просьбою оставить іудеямъ ихъ прежнее государственное устройство. Антіохъ не внялъ совѣту приближенныхъ своихъ, требовавшихъ полнаго искорененія іудейскаго народа за его отчужденіе отъ прочихъ народовъ и окончательно отвергъ его. Повинуясь голосу благочестія и желая во всемъ слѣдовать послѣднему, онъ отвѣтилъ посланнымъ, что готовъ прекратить войну, если осажденные выдадутъ оружіе, предоставятъ ему право взиманія дани съ Яффы и другихъ сосѣднихъ съ Іудеею городовъ и, кромѣ того, примутъ къ себѣ его гарнизонъ. Іудеи согласились на всѣ его условія, но отказались принять къ себѣ гарнизонъ, указывая на ритуальное запрещеніе общенія съ иноземцами. Вмѣсто принятія гарнизона они выдали заложниковъ и пятьсотъ талантовъ серебра. Изъ этой суммы они немедленно выплатили триста талантовъ и выдали заложниковъ, по собственному выбору Антіоха. Въ числѣ этихъ заложниковъ находился и братъ Гиркана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Антіохъ велѣлъ срыть городскія укрѣпленія.

На этихъ условіяхъ Антіохъ снялъ осаду и удалился.

4. Затѣмъ Гирканъ распорядился вскрыть гробницу Давида, который нѣкогда превосходилъ богатствомъ всѣхъ прочихъ царей, и, вынувъ оттуда три тысячи талантовъ серебра, первый изъ іудеевъ началъ содержать наемныя войска.

Впослѣдствіи онъ заключилъ дружественный союзъ съ Антіохомъ, принялъ его въ свой городъ и въ изобиліи и съ удовольствіемъ доставилъ его войску все необходимое. Затѣмъ Гирканъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ походѣ на пареянъ. У насъ имѣется также свидѣтельство Николая Дамасскаго, повѣствующаго объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«На рѣкѣ Лакѣ Антіохъ воздвигъ памятникъ въ честь своей побѣды надъ пароянскимъ военачальникомъ Индатомъ и оставался на томъ мѣстѣ въ теченіе двухъ дней, потому что объ этомъ просилъ его іудей Гирканъ въ виду наступленія какого-то іудейскаго праздника, въ который іудеямъ по ихъ закону запрещено путешествовать [1]». И въ этомъ Николай вполнѣ правъ: послѣ субботы наступилъ праздникъ Пятидесятницы, и намъ, дѣйствительно, запрещено закономъ путешествовать какъ по субботамъ, такъ и въ праздникъ.

Когда же Антіохъ впослѣдствіи сразился съ пароянином Арсакомъ, онъ не только потерялъ большую часть своего войска, но и самъ погибъ тутъ. Сирійскій престолъ перешелъ затѣмъ къ его брату Димитрію, котораго Арсакъ отпустилъ изъ плѣна какъ разъ около того времени, когда Антіохъ вторгся въ страну пароянскую, какъ нами уже было разсказано въ другомъ мѣстѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Узнавъ о смерти Антіоха, Гирканъ немедленно отправился походомъ на сирійскіе города, потому что, какъ и оказалось на самомъ дѣлѣ, онъ разсчитывалъ ихъ застигнуть врасплохъ и безъ труда захватить. Дѣйствительно, ему удалось на шестой мѣсяцъ осады завладѣть Мидавою, причемъ войско его здѣсь подверглось многимъ серьезнымъ лишеніямъ. Затѣмъ онъ взялъ также Самегу и окрестныя мѣстности и, кромѣ нея, Сихемъ, Гаризимъ и подчинилъ себѣ племя куееицевъ, которые построили себѣ храмъ на подобіе іерусалимскаго святилища. Этотъ храмъ, какъ мы уже выше упомянули [2], Александръ разрѣшилъ построить своему военачальнику Санавалету для его зятя Манассіи, брата первосвященника Іадуя. Теперь, по прошествіи двухсотъ лѣтъ, этотъ храмъ былъ закрытъ.

Затѣмъ Гирканъ взялъ идумейскіе города Адару и Мариссу и, подчинивъ своей власти всѣхъ идумеянъ, позволилъ имъ оставаться въ странѣ, но лишь съ условіемъ, чтобы они приняли обрѣзаніе и стали жить по законамъ іудейскимъ. Идумеяне дѣйствительно изъ любви къ отчизнѣ приняли обрядъ обрѣзанія и построили вообще всю свою жизнь по іудейскому образцу. Съ этого самаго времени они совершенно стали іудеями.

2. Между прочимъ Гирканъ пожелалъ возобновить дружественный союзъ

[1] См Т. I, глава V, 11.
[2] См. Т. I, XI, 7, 2.

съ римлянами и въ виду этого отправилъ къ нимъ посольство. Сенатъ принялъ посланіе его и слѣдующимъ образомъ заключилъ съ Гирканомъ дружбу:

«За восемь дней до февральскихъ идъ [1] преторъ Фанній, сынъ Марка, открылъ собраніе въ комиціяхъ, въ присутствіи Луція Манлія, Луція Ментины, Гая Семпронія, Гнея Фалерна, и разсмотрѣлъ просьбу пословъ: Симона, сына Досаѳея, Аполлонія, сына Александра, и Діодора, сына Іасона, почтенныхъ мужей, посланныхъ іудейскимъ народомъ. Они изложили положеніе дѣла относительно наличности дружественнаго союза іудеевъ съ римлянами и познакомили собраніе съ своими политическими требованіями, а именно, чтобы Яффа съ ея гаванями, Газара съ источниками и вообще всѣ остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановленію, отнялъ у нихъ на войнѣ Антіохъ, были возвращены имъ; затѣмъ, чтобы царскимъ войскамъ не былъ разрѣшенъ проходъ по владѣніямъ іудейскимъ или областямъ подвластныхъ іудеямъ племенъ, чтобы все, Антіохомъ предпринятое во время той войны и не соотвѣтствующее сенатскимъ постановленіямъ, было признано недѣйствительнымъ; далѣе, чтобы особое посольство вернуло іудеямъ все отнятое у нихъ Антіохомъ и приступило къ новой переоцѣнкѣ всѣхъ опустошенныхъ этимъ царемъ земель, и наконецъ, чтобы римляне выдали имъ къ царямъ и неподвластнымъ имъ народамъ пропускныя грамоты, дабы они, послы, могли безпрепятственно совершить обратное путешествіе на родину. И вотъ сенатомъ постановлено слѣдующее: возобновить дружественный союзъ съ этими почтенными лицами, послами великаго и почтеннаго народа». Что касается писемъ (Гиркана), то римляне отвѣчали, что они объ этомъ будутъ совѣщаться между собою, когда сенатъ нѣсколько освободится отъ внутреннихъ текущихъ дѣлъ, дали увѣреніе, что на будущее время іудеевъ болѣе никогда не постигнетъ такая несправедливость, и распорядились, чтобы преторъ Фанній отпустилъ посламъ денежныя средства изъ казны для возвращенія посольства на родину. Въ виду этого Фанній снабдилъ іудейскихъ пословъ казенными деньгами на обратный путь и отправилъ ихъ домой, давъ имъ постановленіе сената для всѣхъ тѣхъ, къ кому они должны были на возвратномъ пути пріѣхать, дабы эти послѣдніе не ставили имъ никакихъ препятствій во время ихъ пребыванія и путешествія.

3. Сказаннаго относительно первосвященника Гиркана однако достаточно. Между тѣмъ царю Димитрію очень хотѣлось выступить въ походъ

[1] Идами называлось каждое 13 или 15 число мѣсяца. За восемь дней до февральскихъ идъ—5 февраля.

противъ Гиркана, но это ему не удалось, какъ вслѣдствіе неимѣнія времени, такъ и по недостатку средствъ, потому что сирійцы, да и войска ненавидѣли его за тяжелый характеръ. Какъ тѣ, такъ и другіе отправили къ Птоломею Фискону пословъ съ просьбою назначить имъ какого нибудь преемника изъ рода Селевка на царскій престолъ. На это Птоломей отправилъ къ нимъ съ войскомъ Александра, прозваннаго Зевиномъ. Когда Александръ вступилъ въ бой съ Димитріемъ, послѣдній потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ къ своей женѣ Клеопатрѣ въ Птолемаиду, но такъ какъ жена не приняла его къ себѣ, то онъ отсюда направился къ Тиру. Тутъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ въ страшныхъ мученіяхъ отъ рукъ ненавидѣвшихъ его враговъ. Послѣ этого Александръ, вступивъ на царство, заключилъ дружественный союзъ съ первосвященникомъ Гирканомъ. Затѣмъ однако, когда противъ него двинулся сынъ Димитрія, прозванный Грипомъ, онъ потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ и самъ палъ [1].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1. Овладѣвъ сирійскимъ престоломъ, Антіохъ тотчасъ же приготовился пойти войною на Іудею. Но когда онъ услышалъ, что единоутробный братъ его (также носившій имя Антіоха) набираетъ въ Кизикѣ [2] войско, чтобы предпринять противъ него походъ, онъ рѣшилъ пока остаться въ Сиріи и готовиться къ отраженію своего брата. Послѣдній носилъ также прозвище Кизикійца вслѣдствіе того, что воспитывался въ томъ городѣ, такъ какъ отцомъ его былъ Антіохъ Сотеръ, погибшій въ странѣ пароянской. Этотъ въ свою очередь доводился братомъ Димитрію, отцу Грина, Клеопатра же, какъ мы упомянули уже, вышла замужъ послѣдовательно за обоихъ братьевъ.

И вотъ, когда Кизикіецъ Антіохъ прибылъ въ Сирію, онъ въ теченіе многихъ лѣтъ велъ войну съ своимъ братомъ. Гирканъ же все это время пользовался полнымъ миромъ. Еще со времени смерти Антіоха онъ совершенно устранился отъ македонянъ и не доставлялъ имъ ничего, ни въ качествѣ подданнаго, ни въ качествѣ союзника. Вслѣдствіе этого во времена правленія Александра Зевина, а еще болѣе при названныхъ братьяхъ, онъ всецѣло занимался своими дѣлами, которыя стали поправляться и вскорѣ

[1] Срв. Іуд. войну I, 2. 5 и 6.

[2] Знаменитый по своему богатству и живописному положенію городъ въ Мизіи, основанный ѳессалійскими пелазгами. Ср. Kiepert, Handbuch der alten Geographie, p. 107.

достигли значительнаго процвѣтанія. Междоусобная же война двухъ братьевъ дала Гиркану полную возможность спокойно пользоваться плодами земли своей, такъ что ему за этотъ періодъ удалось скопить значительныя богатства. Когда же однажды Кизикіецъ вздумалъ опустошать его область, Гирканъ открыто оказалъ ему отпоръ, и такъ какъ онъ видѣлъ, что Антіохъ лишился поддержки со стороны египтянъ, и отлично понималъ, что оба брата ратуютъ за неправое дѣло, то онъ не обращалъ вниманія ни на того, ни на другого.

2. Впрочемъ онъ предпринялъ походъ на весьма укрѣпленный городъ Самарію, о которомъ, такъ какъ онъ теперь носитъ названіе Себасты и вновь былъ отстроенъ Иродомъ, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. [1] Онъ приступилъ къ этому городу и обложилъ его осадою, потому что самаряне, повинуясь сирійскимъ царямъ, жестоко обидѣли жителей Мариссы, которые были колонистами и союзниками іудеевъ. Кругомъ всего города, на разстояніи около восьмидесяти стадій, Гирканъ обвелъ ровъ и двойную стѣну и поручилъ ее надзору своихъ обоихъ сыновей, Антигона и Аристовула. Такъ какъ послѣдніе стали налегать на городъ, то онъ довелъ самарянъ до такого отчаяннаго положенія, что они съ голода стали ѣсть всякую мерзость и въ концѣ концовъ обратились за помощью къ Кизикійскому Антіоху. Послѣдній немедленно явился на этотъ зовъ, но потерпѣлъ пораженіе отъ войскъ Аристовула, а затѣмъ бѣжалъ, преслѣдуемый вплоть до Скиѳополя обоими братьями. Затѣмъ братья вернулись назадъ къ Самаріи и вновь замкнули ихъ за своими стѣнами, такъ что они вторично обратились за помощью, теперь уже къ (другому) Антіоху. Послѣдній обратился къ Птолемею Лаѳуру и получилъ отъ него около шести тысячъ войска, къ величайшему прискорбію матери фараона, которая, узнавъ объ этой посылкѣ солдатъ, чуть было не свергла сына своего съ престола. Антіохъ первоначально сталъ съ этими египтянами разорять страну Гиркана разбойничьими набѣгами, но не рѣшался вступать съ нимъ въ открытый бой, потому что для этого у него не было достаточно сильнаго войска. Такими разорительными набѣгами на страну онъ разсчитывалъ принудить Гиркана прекратить осаду Самаріи. Однако ему пришлось попасть въ засаду и при этомъ онъ потерялъ значительную часть своего войска, почему и отступилъ къ Триполису, поручивъ веденіе войны съ іудеями (своимъ военачальникамъ) Каллимандру и Епикрату.

3. Каллимандръ сталъ смѣлѣе дѣйствовать противъ враговъ, но былъ

[1] См. ниже, XV, 8, 5.

обращенъ въ бѣгство и немедленно погибъ. Епикратъ, въ свою очередь, побуждаемый сребролюбіемъ, открыто передалъ іудеямъ Скиѳополь и прочія прилегавшія къ нему мѣстности и не былъ въ состояніи освободить Самарію отъ осады. Поэтому послѣ годичной осады Гирканъ взялъ городъ и при этомъ не только не удовольствовался этимъ, но и разрушилъ его до тла, предоставивъ его дѣйствію бурныхъ горныхъ потоковъ. Дѣло въ томъ, что онъ совершенно подрылъ его, такъ что городъ провалился въ пропасть, и могло казаться, что у него навсегда отнята была возможность когда либо снова принять видъ настоящаго города.

При этомъ случаѣ разсказывается о совершенно исключительномъ явленіи, имѣвшемъ мѣсто по отношенію къ первосвященнику Гиркану, именно какимъ образомъ съ нимъ говорилъ Предвѣчный. Дѣло въ томъ, что въ тотъ самый день, въ который сыновья его сразились съ Кизикійцемъ, самъ первосвященникъ приносилъ въ храмѣ жертву Богу. Тутъ онъ услышалъ голосъ, возвѣстившій ему, что его сыновья только что одержали побѣду надъ Антіохомъ. Выйдя изъ храма, Гирканъ сообщилъ объ этомъ народу и извѣстіе это вполнѣ оправдалось.

4. Таковы данныя о Гирканѣ. Въ это же самое время дѣла не только іерусалимскихъ и вообще палестинскихъ евреевъ шли хорошо, но также удачно складывалась и жизнь іудейскихъ жителей Александріи, Египта и острова Кипра. Дѣло въ томъ, что египетская царица Клеопатра возстала противъ своего сына Птолемея Лаѳура и назначила правителями страны Хелкію и Ананію, сыновей того самаго Оніи, который, какъ мы разсказали выше [1], построилъ въ геліополитанскомъ номѣ храмъ на подобіе іерусалимскаго. Поручивъ имъ войско, Клеопатра ничего не предпринимала безъ ихъ одобренія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ и каппадокіецъ Страбонъ [2], выражаясь по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «Большинство солдатъ, явившихся вмѣстѣ съ ними и впослѣдствіи отправленныхъ на Кипръ, немедленно передались Птолемею; вѣрность сохранили ей одни только такъ называемые онійскіе евреи, потому что ихъ сограждане, Хелкія и Ананія, пользовались величайшимъ вліяніемъ у царицы». Такъ повѣствуетъ Страбонъ.

[1] См. XIII, 3, 3, стр. 12.

[2] Знаменитый, происходившій изъ каппадокійскаго города Амасіи и жившій при императорѣ Тиверіи географъ и составитель утерявшихся историческихъ хрестоматій. Его обширное географическое сочиненіе, написанное по гречески (Geographicorum libri XVII), весьма содержательно въ отношеніи обилія бытоваго матеріала.

Между тѣмъ удачи Гиркана и его сыновей возбудили къ нему зависть со стороны іудеевъ. Особенно нерасположены были къ нему фарисеи, іудейская секта, о которой мы упоминали уже выше [1]. Эти фарисеи пользуются такимъ авторитетомъ въ глазахъ народа, что имъ безусловно вѣрятъ, хотя бы они говорили противъ царя или первосвященника. Ученикомъ ихъ былъ нѣкогда и Гирканъ и пользовался съ ихъ стороны большимъ расположеніемъ.

Однажды Гирканъ пригласилъ ихъ къ себѣ на пиръ и принялъ ихъ весьма радушно. Когда же увидѣлъ, какъ они довольны, то сталъ говорить имъ, что они знаютъ, насколько онъ старается быть праведнымъ и дѣлать только угодное Богу и имъ (фарисеи стараются философски обосновать свое міровоззрѣніе). При этомъ онъ просилъ ихъ, если они замѣтятъ за нимъ какія бы то ни было ошибки или уклоненія отъ пути истины, направить его обратно на этотъ путь и наставить. На это присутствующіе громко засвидѣтельствовали Гиркану, что онъ человѣкъ праведный; онъ же порадовался ихъ похваламъ. Одинъ только изъ гостей, нѣкій Елеазаръ, человѣкъ дурного нрава и придирчивый, сказалъ: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливымъ, ты долженъ сложить съ себя санъ первосвященника и удовлетвориться положеніемъ правителя народа».

Когда же Гирканъ спросилъ его о причинѣ необходимости такого отреченія отъ первосвященнической власти, тотъ отвѣтилъ: «Мы слышали отъ стариковъ, что ты родился въ то время, когда мать твоя находилась въ плѣну у Антіоха Епифана».

Это замѣчаніе было совершенно ложно, но на него Гирканъ разгнѣвался, а всѣ фарисеи были глубоко возмущены этимъ.

6. Между тѣмъ среди секты саддукеевъ, которые держатся діаметрально противоположныхъ фарисеямъ взглядовъ, находился одинъ очень близкій Гиркану человѣкъ, по имени Іонаѳъ. Онъ сталъ увѣрять Гиркана, что Елеазаръ въ нанесенномъ ему оскорбленіи выражалъ какъ бы общее мнѣніе фарисеевъ, и указывалъ при этомъ на то, что Гирканъ можетъ убѣдиться въ этомъ путемъ предложенія фарисеямъ вопроса, какому наказанію подлежитъ то лицо за свое заявленіе. Когда же Гирканъ предложилъ имъ запросъ, какого наказанія считаютъ они Елеазара достойнымъ (при этомъ Гирканъ былъ убѣжденъ, что нанесенное ему оскорбленіе не исходило отъ всей фарисейской секты и что они возстановятъ его честь назначеніемъ должнаго возмездія), тѣ отвѣчали, что Елеазаръ заслужилъ наказаніе ударами и заключеніемъ въ темницу. Итакъ фарисеи въ данномъ случаѣ не остановились на смертной казни за клевету (какъ то полагалось по закону). Впрочемъ, фарисеи вообще весьма снисходительны въ своихъ наказаніяхъ.

[1] См. выше, стр. 25, 26.

На это Гирканъ очень разсердился и готовъ былъ повѣрить, что тотъ человѣкъ нанесъ ему оскорбленіе именно съ ихъ вѣдома. Въ этомъ его особенно поддерживалъ Іонаѳъ, который достигъ въ результатѣ того, что Гирканъ примкнулъ къ партіи саддукеевъ, совершенно отказавшись отъ фарисеевъ и не только разрѣшивъ народу не соблюдать установленныхъ фарисеями законоположеній, но даже установивъ наказаніе для тѣхъ, кто сталъ бы соблюдать ихъ. Благодаря послѣднему обстоятельству, какъ самъ Гирканъ, такъ и его сыновья стали ненавистны народу. Впрочемъ, объ этомъ мы разскажемъ немного ниже. Здѣсь же я только упомяну, что фарисеи передали народу, на основаніи древняго преданія, множество законоположеній, которые не входятъ въ составъ Моисеева законодательства. Въ виду этого то секта саддукеевъ совершенно отвергаетъ всѣ эти наслоенія, требуя обязательности лишь одного писаннаго закона и отнимая всякое значеніе у устнаго преданія. Благодаря этому, часто возникало множество споровъ и разногласій между обѣими сектами, причемъ на сторонѣ саддукеевъ стоялъ лишь зажиточный классъ, а не простой народъ, тогда какъ на сторонѣ фарисеевъ была чернь. Впрочемъ, объ этихъ двухъ сектахъ, равно какъ объ ессеяхъ у меня подробно разсказано во второй книгѣ моей «Іудейской войны» [1].

7. Гиркану однако удалось прекратить эти распри и прожить остатокъ дней своихъ въ полномъ спокойствіи. Являя изъ себя въ теченіи тридцати одного года образецъ примѣрнаго правителя, онъ затѣмъ умеръ, оставивъ послѣ себя пять сыновей и удостоившись отъ Господа Бога трехъ величайшихъ благъ: властвованія надъ своимъ народомъ, первосвященническаго достоинства и дара прорицанія. Господь Богъ не покидалъ его и далъ ему возможность предвидѣнія и пророчествованія. Такъ напр., онъ предсказалъ, что оба старшіе его сына не удержатся во главѣ правленія. Судьба этихъ послѣднихъ достойна болѣе подробнаго повѣствованія и послѣднее покажетъ, сколь мало сыновья были счастливы въ сравненіи съ отцомъ своимъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Послѣ смерти отца своего, старшій сынъ его, Аристовулъ, рѣшилъ измѣнить прежнюю форму правленія и провозгласить себя, по собственному

[1] Срв. Іуд. война, II, 8, 2—14 (стр. 169 и слѣд. русскаго перевода).

своему усмотрѣнію, царемъ. Дѣйствительно, четыреста восемьдесять одинъ годъ и три мѣсяца спустя послѣ возвращенія (іудейскаго) народа изъ вавилонскаго плѣна, онъ первый возложилъ на себя царскій вѣнецъ. Любя изъ своихъ братьевъ лишь ближайшаго къ нему по возрасту, именно Антигона, онъ только его держалъ наравнѣ съ собою, а остальныхъ ввергъ въ темницу. Равнымъ образомъ онъ подвергъ заключенію и родную мать свою, которая поссорилась съ нимъ изъ за правленія (дѣло въ томъ, что именно ее Гирканъ назначилъ главною послѣ себя правительницею), и дошелъ до такого изувѣрства, что уморилъ ее въ темницѣ голодомъ. Подобной же участи подвергся затѣмъ и братъ его Антигонъ, котораго онъ, повидимому, такъ сильно любилъ и котораго сдѣлалъ своимъ соправителемъ. Онъ сталъ отчуждаться отъ Антигона вслѣдствіе навѣтовъ, которымъ онъ первоначально не повѣрилъ, потому что сперва дѣйствительно любилъ его, а затѣмъ и потому, что считалъ эти доносы навѣтами, имѣвшими своимъ основаніемъ зависть недоброжелателей его брата. Но однажды Антигонъ со славою вернулся изъ какого-то похода (въ то время какъ разъ наступилъ праздникъ Кущей, Аристовулъ же заболѣлъ) и Антигону пришлось въ блестящемъ нарядѣ и въ сопровожденіи своихъ тяжеловооруженныхъ вступить въ храмъ, чтобы тѣмъ подать знакъ къ началу празднествъ, а еще болѣе, чтобы помолиться за выздоровленіе брата. Нашлись—таки гнусные люди, которымъ во что бы то ни стало хотѣлось посѣять раздоръ между братьями, и вотъ они воспользовались блескомъ шествія Антигона и его распоряженіями, чтобы отправиться къ царю и съ гнусною заднею мыслью значительно преувеличить торжественность обстановки, при которой Антигонъ началъ празднество. При этомъ они указывали на то, что все происшедшее тутъ вовсе не соотвѣтствовало положенію Антигона, какъ частнаго лица, и что все это указываетъ лишь на стремленіе его къ достиженію царской власти; далѣе, что Антигонъ очевидно собирается явиться къ Аристовулу съ значительною партіею и убить его, такъ какъ онъ совершенно логично разсуждаетъ, что вмѣсто того, чтобы участвовать, съ разрѣшенія брата, въ управленіи, онъ можетъ самъ овладѣть престоломъ и достигнуть высочайшаго почета.

2. Услыша это и повѣривъ этому, Аристовулъ не пожелалъ возбуждать никакого подозрѣнія въ братѣ, но и захотѣлъ позаботиться о своей личной безопасности. Поэтому онъ велѣлъ помѣстить своихъ тѣлохранителей въ темномъ подземельи (въ это время онъ самъ лежалъ въ укрѣпленномъ дворцѣ, переименованномъ въ замокъ Антоніевъ) и распорядился, чтобы они не трогали никого, кто бы пришелъ къ нему безъ оружія, но немедленно убить Антигона, если бы онъ явился къ нему вооруженнымъ. Тѣмъ временемъ онъ послалъ за Антигономъ и просилъ его придти къ нему безъ оружія. Однако царица и лица, злоумышлявшія вмѣстѣ съ нею противъ Антигона, уговорили посланнаго сказать какъ разъ обратное, а именно, что братъ слышалъ, будто Антигонъ завелъ себѣ новое оружіе и доспѣхи и поэтому проситъ его къ себѣ въ полномъ вооруженіи, чтобы онъ могъ полюбоваться имъ въ его военномъ убранствѣ.

Антигонъ, не предполагая тутъ никакого злого умысла и вполнѣ полагаясь на расположеніе брата, отправился въ вооруженіи къ Аристовулу, чтобы показать ему свое оружіе. Когда же онъ достигъ башни, носящей имя Стратоновой, гдѣ имѣется темный проходъ, тѣлохранители зарубили его. Смерть его служитъ явнымъ доказательствомъ мощи клеветы, которая разрываетъ всѣ узы благоволенія и родства и показываетъ, что никакое возвышенное и благородное чувство не достаточно сильно, чтобы оказать противодѣйствіе зависти.

Особенное же удивленіе вызвалъ къ себѣ по поводу этого случая нѣкій ессеянинъ, по имени Іуда, который никогда еще не ошибался въ своихъ предсказаніяхъ. Видя шествіе Антигона къ храму, этотъ человѣкъ, окруженный товарищами и учениками, посѣщавшими его ради того, чтобы обучаться у него прорицанію, воскликнулъ, что ему лучше умереть, такъ какъ онъ ошибся: Антигонъ, смерть котораго онъ предсказалъ на сегодня въ Стратоновой башнѣ, какъ видно, еще живъ, потому что проходитъ теперь мимо него; между тѣмъ эта мѣстность (Стратонова башня), гдѣ онъ предсказалъ ему смерть, отстоитъ отсюда на цѣлыхъ шестьсотъ стадій; теперь же прошла уже большая часть дня, такъ что по всей вѣроятности есть опасность, что его предсказаніе не сбудется. И вотъ въ то самое время, какъ Іуда жаловался на это, ему донесли, что Антигонъ убитъ въ подземельи, которое также носитъ названіе Стратоновой башни, подобно приморскому городу Кесарѣ. Послѣднее обстоятельство [1] и сбило прорицателя.

3. На Аристовула немедленно послѣ описаннаго событія напало раскаяніе въ совершенномъ братоубійствѣ, а затѣмъ онъ впалъ въ болѣзнь. Разсудокъ

---

[1] Дѣло въ томъ, что Стратоновою башнею назывался также городъ Кесарея (Caesarea Palästinae), отстоявшій отъ Іерусалима на 600 стадій. Имя Кесареи городъ получилъ отъ Ирода, переименовавшаго его такимъ образомъ изъ Strathonos pyrgos. См. ниже, XV, 8, 5 и 9, 5.

у него помрачился отъ постоянно испытываемаго позыва къ тошнотѣ, а внутренности его жестоко болѣли, такъ что онъ даже харкалъ кровью. И вотъ однажды одинъ изъ малолѣтнихъ прислужниковъ, вѣроятно по божественному предопредѣленію, вынося кровь Аристовула, поскользнулся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Антигонъ и гдѣ еще виднѣлись слѣды преступленія, и пролилъ кровь. Видѣвшіе это подняли крикъ и завопили, что слуга умышленно пролилъ тутъ кровь (царя). Тогда Аристовулъ справился, въ чемъ дѣло, но не получая отвѣта, тѣмъ болѣе заинтересовался причиною крика, какъ то совершенно естественно у людей, видящихъ въ молчаніи признакъ особеннаго несчастія. Когда же приближенные царя въ виду угрозъ его сказали ему всю правду, Аристовулъ, мучимый угрызеніями совѣсти по поводу вины своей, разразился потокомъ слезъ и громко застоналъ: «Итакъ Господь Богъ не забылъ такого нечестиваго и дерзкаго поступка моего и вотъ меня сейчасъ постигаетъ кара за убійство родного мнѣ человѣка! Доколѣ же, безстыжее тѣло, удержишь ты въ себѣ душу, запятнанную кровью брата и матери? Почему ты не выпускаешь ея, но по частямъ приносишь мою кровь въ жертву убитымъ?»

Это были его послѣднія слова, съ которыми онъ умеръ, успѣвъ процарствовать одинъ только годъ. Правда, онъ выказывалъ себя другомъ грековъ, но за то онъ оказалъ и большія услуги своему отечеству, ведя войну съ Итуреею и присоединивъ значительную часть этой страны къ Іудеѣ, причемъ принудилъ тѣхъ изъ итурейцевъ, которые захотѣли остаться въ своей области, принять обрѣзаніе и жить по законамъ іудейскимъ. По природѣ своей онъ былъ человѣкомъ мягкимъ и очень застѣнчивымъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ отъ имени Тимагена и Страбонъ, говоря: «Этотъ человѣкъ былъ мягокъ и принесъ іудеямъ большую пользу, потому что расширилъ область іудейскую и поселилъ среди своего народа часть итурейцевъ, принудивъ ихъ принять обрядъ обрѣзанія» [1].

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1. Послѣ смерти Аристовула жена его, Саломія, носившія у грековъ имя Александры, освободила изъ оковъ братьевъ своего покойнаго мужа (мы уже выше упомянули о томъ, что онъ ихъ держалъ въ темницѣ) и объявила царемъ Янная Александра, который былъ къ тому лицомъ наиболѣе подходящимъ, какъ по возрасту своему, такъ и по порядочности. Этому Яннаю пришлось съ перваго же момента своего рожденія навлечь

[1] Срв. Іуд. войну, I, 3, 1—6.

на себя ненависть отца своего, такъ что онъ, вплоть до его смерти, не смѣлъ никогда показываться отцу на глаза. Причиною этой ненависти, какъ говорятъ, послужило слѣдующее обстоятельство: Гирканъ больше всѣхъ другихъ дѣтей любилъ Антигона и Аристовула. И вотъ, когда онъ во снѣ однажды увидѣлъ самого Предвѣчнаго, то спросилъ Его, кто изъ дѣтей будетъ его преемникомъ. Господь Богъ указалъ на Янная. Тогда Гирканъ, огорчившись, что именно этотъ сынъ его станетъ наслѣдникомъ всѣхъ его благъ, распорядился, когда Яннай родился, отдать его на воспитаніе въ Галилею. Однако предсказаніе Предвѣчнаго Гиркану оправдалось.

Получивъ, послѣ смерти Аристовула, царскій престолъ, Яннай казнилъ того изъ своихъ братьевъ, который сдѣлалъ попытку лишить его царской власти, а къ другому, который предпочелъ жить вдали отъ дѣлъ, онъ относился съ большимъ почетомъ.

2. Устроивъ дѣла свои наилучшимъ, по его мнѣнію, образомъ, Яннай отправился въ походъ на Птолемаиду; разбивъ жителей въ открытомъ бою, онъ замкнулъ ихъ въ городѣ и обложивъ послѣдній, приступилъ къ его осадѣ. Въ прибрежной области ему оставалось только подчинить себѣ еще только Птолемаиду и Газу, а также Стратонову башню [1] и Дору, которыми владѣлъ Зоилъ. Но такъ какъ (въ это время) Антіохъ Филометоръ и братъ его Антіохъ, прозванный Кизикійцемъ, все еще воевали другъ съ другомъ и губили свои войска, то жителямъ Птолемаиды нечего было ждать отъ нихъ помощи. Однако въ стѣсненномъ вслѣдствіе осады положеніи къ нимъ на помощь явился Зоилъ, владѣвшій тогда Кесареею и Дорою, и привелъ съ собою отрядъ войска, и такъ какъ онъ разсчитывалъ на расширеніе своей власти благодаря распрѣ царей между собою, то онъ оказалъ нѣкоторую поддержку жителямъ Птолемаиды. Впрочемъ, цари вовсе уже не были столь расположены къ послѣднимъ, чтобы надѣяться на полученіе какой нибудь выгоды отъ нихъ. Такимъ образомъ какъ та, такъ и другая сторона поступили въ этомъ случаѣ подобно борцамъ, которые обезсилѣли въ борьбѣ, но, стыдясь уступить другъ другу, паузами и кратковременными передышками стараются затянуть ее подольше. Послѣднею надеждою населенія Птолемаиды являлись египетскіе фараоны и владѣвшій островомъ Кипромъ Птолемей Лаѳуръ, который перебрался на Кипръ послѣ того, какъ былъ матерью своею лишенъ власти. Итакъ жители Птолемаиды отправили къ послѣднему просьбу явиться къ нимъ на

[1] См. предпослѣднее примѣчаніе, выше, стр. 45.

помощь и вырвать ихъ изъ рукъ Александра, который подвергаетъ ихъ всевозможнымъ опасностямъ. А такъ какъ посланные укрѣпили Птолемея въ надеждѣ, что онъ сможетъ подчинить себѣ жителей Газы, находившихся въ союзѣ съ птолемаидцами, а также Зоила и кромѣ того сидонянъ и еще многіе другіе народы, если только переправится въ Сирію, то онъ въ упованіи на это согласился и поспѣшно сталъ готовиться къ отплытію.

3. Однако въ это же самое время жителей Птолемаиды старался разубѣдить въ ихъ рѣшеніи нѣкій Деменетъ, пользовавшійся тогда у нихъ большою популярностью народный ораторъ. Онъ указалъ на то, что лучше будетъ рискнуть опасностью войны съ іудеями, чѣмъ подвергать себя явному рабству, если отдаться (иноземцу) деспоту, который при этомъ вовлечетъ ихъ не только въ эту войну, но и подвергнетъ ихъ гораздо большей опасности со стороны Египта. Онъ указалъ также на то, что Клеопатра не отнесется безучастно къ тому, что Птолемей по сосѣдству съ нею составляетъ себѣ крупную военную мощь, но навѣрное нападетъ на нихъ съ огромнымъ войскомъ. Если Птолемей ошибется въ своихъ разсчетахъ, то ему предоставляется полная возможность вернуться назадъ на Кипръ, тогда какъ имъ самимъ во всякомъ случаѣ грозитъ крайняя опасность.

Между тѣмъ Птолемей, узнавъ въ пути объ измѣнившемся рѣшеніи жителей Птолемаиды, тѣмъ не менѣе поплылъ къ нимъ и, прибывъ въ Сикаминъ, высадилъ тамъ свое войско. Всего у него было, вмѣстѣ съ конницею, около тридцати тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ и повелъ къ окрестностямъ Птолемаиды. Тутъ онъ расположился лагеремъ, а такъ какъ жители города не только не приняли его посланныхъ, но и не стали слушать ихъ, то это его весьма озаботило.

4. Когда къ нему явились Зоилъ и представители города Газы съ просьбою вступить съ ними въ союзъ для борьбы противъ іудеевъ и Александра, разорявшихъ ихъ область, Александръ испугался Птолемея и снялъ осаду. Уведя свое войско домой, онъ теперь обратился къ хитрости, тайно пославъ къ Клеопатрѣ просьбу оказать поддержку противъ Птолемея, и въ то же самое время дѣлая видъ, будто заключаетъ съ послѣднимъ дружбу и союзъ. При этомъ онъ обѣщалъ уплатить Птолемею четыреста талантовъ, если тотъ подчинитъ ему правителя Зоила и присоединитъ его владѣнія къ Іудеѣ.

Птолемей тогда охотно заключилъ дружественный союзъ съ Александромъ и подчинилъ ему Зоила; но когда онъ впослѣдствіи узналъ, что Александръ тайно обращался къ матери его, Клеопатрѣ, за содѣйствіемъ, онъ счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ по отношеніи къ нему обязательствъ, отправился къ Птолемаидѣ и осадилъ ее за то, что жители этого города не приняли его къ себѣ. Осаду онъ поручилъ своимъ полководцамъ, которымъ предоставилъ съ этою цѣлью часть своего войска, а самъ онъ съ остальными солдатами принялся покорять Іудею.

Но такъ какъ Александръ (во-время) узналъ о намѣреніи Птолемея, то и онъ собралъ около пятидесяти тысячъ воиновъ, а по даннымъ у нѣкоторыхъ историковъ, даже восемьдесятъ тысячъ, и съ этою ратью двинулся на Птолемея. Тогда послѣдній неожиданно напалъ на галилейскій городъ Асоху, взялъ ее штурмомъ въ одну изъ субботъ и увелъ и унесъ оттуда около десяти тысячъ плѣнныхъ и значительную добычу.

5. Попробовавъ сдѣлать то же самое съ городомъ Сепфорисомъ, отстоявшимъ недалеко отъ разрушенной Асохи, онъ однако потерялъ здѣсь множество войска и (потому) пошелъ войною на Александра. Послѣдній встрѣтился съ нимъ около рѣки Іордана, въ мѣстности, носящей названіе Асофонъ, въ непосредственной близости около рѣки Іордана, и расположился лагеремъ вблизи враговъ. У Александра, между прочимъ, было до восьми тысячъ солдатъ, которымъ онъ далъ названіе гекатонтамаховъ [1] и которые были снабжены мѣдными щитами. Впрочемъ, и у передовыхъ бойцовъ Птолемея имѣлись мѣдные щиты. И хотя противники уступали во многомъ іудеямъ, все-таки солдаты Птолемея съ большою увѣренностью шли на опасность, потому что ихъ воодушевлялъ спеціалистъ по военной тактикѣ, Филостефанъ, который распорядился переправить войско съ того берега рѣки, гдѣ оно расположилось станомъ, на противоположный. Впрочемъ, Александръ рѣшилъ не препятствовать этому переходу, потому что онъ разсчитывалъ, что если рѣка останется у нихъ въ тылу, ему легче будетъ захватить враговъ, которые тогда будутъ лишены возможности бѣгства.

Когда противники сошлись, въ началѣ съ обѣихъ сторонъ мужество и энергія были выказаны одинаковыя и множество воиновъ пало, какъ тамъ, такъ и здѣсь. Когда же побѣда стала склоняться въ пользу воиновъ Александра, Филостефанъ раздѣлилъ свою рать и очень удачно послалъ подкрѣпленіе отступавшимъ. Часть іудеевъ дрогнула и такъ какъ ей не было оказано поддержки, то она ударилась въ бѣгство, причемъ близъ стоявшіе отряды не только не поддержали ихъ, но тоже обратились въ бѣгство, тогда какъ войска Птолемея поступили какъ разъ обратно. Слѣ-

[1] Т. е. такихъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ вступить въ бой съ сотнею противниковъ.

дуя за іудеями, которые въ концѣ концовъ всѣ бросились бѣжать, они стали такъ рубить бѣгущихъ, что мечи ихъ наконецъ притупились и руки устали. Такимъ образомъ пало, какъ говорятъ, тридцать тысячъ іудеевъ (Тимагенъ даже говоритъ о пятидесяти тысячахъ убитыхъ), остальные же либо попали въ плѣнъ, либо бѣжали на родину.

6. Послѣ этой побѣды Птолемей напалъ на окрестности и, при наступленіи вечера, остановился въ нѣкоторыхъ іудейскихъ деревняхъ, которыя нашелъ полными женщинъ и дѣтей. Тогда онъ приказалъ своимъ воинамъ всѣхъ ихъ перерѣзать и разрубить на мелкія части, а послѣднія затѣмъ бросить въ котлы съ кипяткомъ. Послѣ этого онъ удалился. Онъ сдѣлалъ это распоряженіе съ тою цѣлью, чтобы бѣглецы, вернувшись изъ битвы домой, предположили, что враги ихъ людоѣды, и при представившемся ихъ взорамъ зрѣлищѣ еще болѣе исполнялись страха предъ ними. О такихъ дѣйствіяхъ (Птолемея) разсказываютъ подобно мнѣ, также и Страбонъ и Николай (Дамасскій).

Послѣ этого Птолемей штурмомъ овладѣлъ также и Птолемаидой, какъ это сообщено мною въ другомъ мѣстѣ [1].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1. Когда Клеопатра увидѣла, какъ усиливается могущество ея сына, который безпрепятственно разорялъ Іудею и успѣлъ подчинить своей власти городъ Газу, она не могла спокойно отнестись къ тому, что Птолемей какъ бы уже находится предъ воротами въ ея царство и, благодаря своей силѣ, нагоняетъ страхъ на Египетъ. Поэтому она немедленно выступила противъ него съ флотомъ и войскомъ, назначивъ начальниками надъ всѣми своими силами іудеевъ Хелкію и Ананію.

Главныя же свои богатства, внуковъ своихъ и духовное завѣщаніе она отправила на островъ Косъ для сохраненія. Давъ затѣмъ своему сыну Александру повелѣніе отплыть съ огромнымъ флотомъ въ Финикію, сама Клеопатра со всѣмъ войскомъ прибыла къ Птолемаидѣ. Но такъ какъ жители послѣдней не захотѣли принять ее къ себѣ, то она приступила къ осадѣ города.

Тѣмъ временемъ Птолемей покинулъ Сирію и внезапно поспѣшилъ въ Египетъ, разсчитывая овладѣть имъ теперь, когда въ немъ не было болѣе войска. Однако ему пришлось ошибиться въ своемъ разсчетѣ. Около

[1] Срв. Іуд. война, I, 4: 1—2.

этого же времени Хелкія, одинъ изъ двухъ военачальниковъ Клеопатры, умеръ въ Келесиріи, преслѣдуя Птолемея.

2. Клеопатра, узнавъ о попыткѣ своего сына относительно Египта и о томъ, что попытка эта совершенно не удалась ему, отправила туда часть своего войска и изгнала его изъ страны. Такимъ образомъ ему вновь пришлось покинуть Египетъ и провести зиму въ Газѣ, между тѣмъ какъ гарнизонъ Птолемаиды не выдержалъ осады и Клеопатрѣ удалось взять городъ.

Не имѣя другой защиты, кромѣ Клеопатры, и сильно пострадавъ отъ ея сына Птолемея, Александръ Яннай прибылъ къ царицѣ съ дарами и оказалъ ей тѣ знаки уваженія, которыхъ она была достойна. Тогда нѣкоторые изъ приближенныхъ царицы посовѣтовали ей принять дары, но въ то же самое время напасть на Іудею, овладѣть ею и не забывать того, что отъ этого одного человѣка находится въ зависимости такое значительное количество храбрыхъ воиновъ. Однако Ананія воспротивился ихъ убѣжденіямъ, указывая на то, что царица поступитъ несправедливо, если лишитъ власти союзника своего, который вдобавокъ является единоплеменникомъ. «Знай, сказалъ онъ ей при этомъ, что если ты обидишь его, то возбудишь противъ себя ненависть со стороны всѣхъ насъ, іудеевъ».

Благодаря такому совѣту Ананіи, Клеопатра рѣшила не трогать Александра и даже заключила съ нимъ дружественный союзъ въ Келесиріи, въ городѣ Скиѳополѣ.

3. Избавившись такимъ образомъ отъ страха предъ Птолемеемъ, Александръ Яннай немедленно двинулся походомъ на Келесирію. Тутъ онъ послѣ десятимѣсячной осады взялъ Гадару, а также Амаѳунтъ, значительнѣйшую крѣпость на Іорданѣ, гдѣ сынъ Зенона, Ѳеодоръ, сохранялъ тогда самыя лучшія и цѣнныя свои сокровища. Однако Ѳеодоръ неожиданно нагрянулъ на іудеевъ, перебилъ изъ нихъ десять тысячъ человѣкъ и разграбилъ обозъ Александра. Однако послѣдній не испугался этого, а направился въ приморскія области, Рафію и Анѳедонъ, который царь Иродъ впослѣдствіи переименовалъ въ Агриппіаду. Послѣдній городъ ему удалось взять приступомъ. Видя затѣмъ, что Птолемей ушелъ изъ Газы на Кипръ, а мать его, Клеопатра, вернулась въ Египетъ, онъ въ гнѣвѣ на жителей Газы за то, что они призвали къ себѣ на помощь Птолемея, приступилъ къ осадѣ также и этого города и сталъ разорять всю примыкавшую къ нему область. Однако военачальникъ Газы напалъ ночью во главѣ двухъ тысячъ наемниковъ и десяти тысячъ жителей на іудейскій лагерь. Пока было темно, по-

бѣда оставалась на сторонѣ горожанъ, потому что въ іудеяхъ имъ удалось поселить увѣренность, будто на нихъ напалъ Птолемей. Когда-же разсвѣло, ошибка эта обнаружилась и іудеи увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; іудеи подбодрились, налегли на жителей Газы и перебили до тысячи человѣкъ ихъ. Тѣмъ не менѣе горожане стойко выдерживали нападенія и не сдавались, несмотря на отчаянное положеніе и на массу убиваемыхъ іудеями людей (они предпочитали вынести все, только бы не подчиниться врагамъ своимъ). Кромѣ того они крѣпились въ надеждѣ на то, что знаменитый арабскій царь Аретъ явится и окажетъ имъ поддержку. Впрочемъ, раньше этого Аполлодоту пришлось погибнуть: братъ его Лисимахъ, относившійся къ нему съ завистью вслѣдствіе его популярности у гражданъ города, умертвилъ его. Затѣмъ онъ склонилъ на свою сторону войско и сдалъ городъ Александру. Этотъ, войдя въ городъ, сперва воздержался отъ всякаго насилія, но затѣмъ напустилъ войско на жителей Газы и разрѣшилъ ему наказать ихъ. Солдаты повсюду ринулись на жителей города и стали умерщвлять ихъ. Впрочемъ и горожане оказались не робкими, и, оказывая сопротивленіе нападавшимъ на нихъ іудеямъ, перебили не малое число ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ покидали дома свои и зажигали ихъ при этомъ, чтобы ничего изъ имущества не попало въ руки враговъ. Другіе самолично убивали своихъ женъ и дѣтей, не видя другой возможности спасти ихъ отъ рабства у враговъ. Городской совѣтъ, состоявшій изъ пятисотъ членовъ и какъ разъ засѣдавшій въ то время, когда произошло нападеніе на жителей, въ полномъ составѣ бѣжалъ въ храмъ Аполлона и искалъ тамъ убѣжища. Однако Александръ велѣлъ перебить и этихъ людей и, предавъ затѣмъ городъ пламени, вернулся въ Іерусалимъ послѣ годичной осады Газы.

4. Около того же времени умеръ и Антіохъ Грипъ, коварно убитый нѣкіимъ злоумышленникомъ Гераклеономъ; прожилъ онъ всего сорокъ пять лѣтъ и былъ царемъ двадцать девять. Преемникомъ его сталъ сынъ его Селевкъ, который началъ войну съ дядей своимъ, Антіохомъ Кизикійскимъ, побѣдилъ его, захватилъ въ плѣнъ и велѣлъ казнить. Не много спустя сынъ послѣдняго, Антіохъ, прозванный Благочестивымъ, прибылъ въ Арадъ, провозгласилъ себя царемъ и пошелъ войною на Селевка, котораго ему наконецъ удалось побѣдить и совершенно изгнать изъ Сиріи. Тогда Селевкъ бѣжалъ въ Киликію и, прибывъ въ городъ Мопсуэсту [1], вновь сталъ

[1] Этотъ красивый и живописно расположенный киликійскій городъ особенно возвысился при императорѣ Констанціи. Страбонъ (XVI, p. 676) и Арріанъ (II, 5) упоминаютъ его красивое мѣстоположеніе. Теперь это грязная деревушка. Ср. Boettger, l. c. p. 188.

требовать отъ жителей денегъ. За это чернь города разсердилась на него, подожгла его дворецъ и умертвила его и приверженцевъ его.

Пока сынъ Антіоха Кизикійскаго правилъ въ Сиріи, братъ Селевка, Антіохъ, пошелъ на него войною, но былъ побѣжденъ и погибъ со своимъ войскомъ. Послѣ него братъ его, Филиппъ, возложилъ на себя корону и сталъ править одною частью Сиріи. Въ то же время Птолемей Лаѳуръ послалъ въ Книдъ за четвертымъ его братомъ Димитріемъ, носившимъ прозвище Эвкера [1] и провозгласилъ его царемъ въ Дамаскѣ. Антіохъ оказывалъ этимъ двумъ братьямъ сильное сопротивленіе, но вскорѣ умеръ, потому что нашелъ геройскую смерть въ бою съ пареянами, оказывая поддержку самійской царицѣ Лаодикѣ. Тогда Сиріею стали владѣть оба брата Димитрій и Филиппъ, какъ объ этомъ сказано нами въ другомъ мѣстѣ [2].

5. Между тѣмъ на Александра возстали его подчиненные (такъ какъ народъ былъ возбужденъ противъ него): когда наступилъ праздникъ и Александръ приблизился къ алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать въ него лимонами; дѣло въ томъ, что какъ намъ пришлось уже упоминать въ другомъ мѣстѣ [3], у іудеевъ былъ обычай держать въ рукахъ въ праздникъ Кущей вѣтки финиковыхъ пальмъ и лимонныхъ деревьевъ. Кромѣ того, народъ сталъ поносить его, что онъ родился отъ военноплѣнныхъ родителей и потому не можетъ быть признанъ достойнымъ чести совершать жертвоприношенія.

Разсердившись на это, Александръ велѣлъ перебить до шести тысячъ человѣкъ и кромѣ того распорядился отдѣлить деревянною перегородкою алтарь и часть храма вплоть до того мѣста, куда имѣли право доступа одни лишь священнослужители. Этимъ онъ оградилъ себя отъ оскорбленій черни.

Въ то же время онъ содержалъ наемныя писидійскія и киликійскія войска. Съ сирійцами же онъ не желалъ имѣть никакого дѣла, потому что они питали къ нему непріязнь. Затѣмъ онъ напалъ на жившихъ въ Аравіи моавитянъ и галаадцевъ и сдѣлалъ ихъ своими данниками, равно какъ разрушилъ Амаѳунтъ, причемъ Ѳеодоръ не посмѣлъ сразиться съ нимъ. Послѣ этого онъ вступилъ въ борьбу съ арабскимъ царемъ Ове-

[1] Рукописи расходятся въ чтеніи. Древнѣйшія называютъ его Εὔκαιρος (своевременнымъ), новѣйшіе же Ἄκαιρος (несвоевременнымъ).

[2] Ср. Іуд. войну, I, 4.

[3] См. выше, т. I, III, 10, 1.

домъ, но очутился въ засадѣ въ тѣсномъ и трудно проходимомъ мѣстѣ. Множество верблюдовъ [1] вогнало его въ глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары и онъ едва спасся оттуда бѣгствомъ въ Іерусалимъ. Къ довершенію его несчастія народъ тутъ возсталъ противъ него и онъ вступилъ съ нимъ въ ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ перебилъ не менѣе пятидесяти тысячъ іудеевъ. Не смотря на его увѣщеванія прекратить противъ него непріязненныя дѣйствія, народъ не унимался, но еще болѣе сталъ его ненавидѣть за всѣ свои несчастія. Когда же онъ предложилъ имъ высказаться, чего имъ собственно нужно, всѣ потребовали его смерти. Затѣмъ іудеи призвали къ себѣ на выручку Димитрія Эвкера.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1. Димитрій дѣйствительно явился со своимъ войскомъ, принялъ въ него тѣхъ, которые призвали его, и расположился лагеремъ въ окрестностяхъ города Сикима (Сихема). Александръ двинулся во главѣ 6200 наемниковъ и около 20.000 приверженцевъ своихъ изъ іудеевъ на встрѣчу Димитрію, въ распоряженіи котораго находилось три тысячи всадниковъ и сорокъ тысячъ пѣхоты. Тогда съ обѣихъ сторонъ были пущены въ ходъ всевозможныя средства, чтобы склонить наемныя войска Александра на сторону Димитрія указаніемъ того, что они эллины, а отъ Димитрія отвратить іудеевъ. Но когда ни тѣ, ни другіе не поддались этимъ убѣжденіямъ и предпочли сразиться, побѣда осталась за Димитріемъ. Тутъ пали всѣ наемники Александра, являя рѣдкій примѣръ вѣрности и храбрости; впрочемъ и Димитрій потерялъ многихъ изъ своихъ воиновъ.

2. Когда же Александръ бѣжалъ въ горы, то изъ жалости къ перемѣнчивой судьбѣ подъ его знаменами собралось шесть тысячъ іудеевъ. Испугавшись послѣднихъ, Димитрій тогда отступилъ. Однако послѣ этого іудеи начали войну съ Александромъ, но проиграли сраженіе и множество ихъ пало въ битвѣ. Потомъ Александръ заперъ самыхъ вліятельныхъ изъ іудеевъ въ городѣ Веѳомѣ и обложилъ его осадою. Взявъ затѣмъ городъ и овладѣвъ іудеями, онъ отвелъ ихъ въ Іерусалимъ и учинилъ надъ ними ужасное дѣло: находясь со своими наложницами въ уединенномъ уголкѣ и пируя тамъ съ ними, онъ велѣлъ распять около восьмисотъ іудеевъ

[1] Арабское войско ѣхало не только на коняхъ, но еще чаще на верблюдахъ, какъ то по сей день замѣчается у разныхъ африканскихъ племенъ.

и перерѣзать на виду ихъ всѣхъ женъ и дѣтей. Такимъ образомъ онъ наказалъ ихъ за всѣ причиненныя ему огорченія и этотъ способъ возмездія превзошелъ все, что когда либо совершалось въ этомъ родѣ. Правда, онъ чрезмѣрно и болѣе чѣмъ слѣдуетъ пострадалъ (въ своей жизни) отъ іудеевъ которые угрожали ему постоянными войнами и довели его до крайняго страха за жизнь и за цѣлость царства, такъ какъ они не удовлетворились сами сражаться за себя, но даже повели на него толпу иноземцевъ и наконецъ настолько стѣснили его, что ему пришлось уступить царю (сирійскому) всѣ владѣнія моавитскія, галаадскія и прочія области Аравіи, которыя онъ себѣ подчинилъ, и все это для того, чтобы царь не оказалъ іудеямъ поддержки въ войнѣ ихъ съ нимъ. Кромѣ того, іудеи десятки тысячъ разъ глумились и насмѣхались надъ нимъ. Однако, какъ бы тамъ ни было, поступать такъ было явно нелѣпо, и за свою чрезмѣрную жестокость онъ получилъ отъ іудеевъ прозвище Ѳракида. [1] Всѣ его противники, число которыхъ доходило до восьми тысячъ человѣкъ, ночью бѣжали и находились въ изгнаніи въ теченіи всего того времени, что Александръ былъ живъ. Этотъ же, освободясь отъ ихъ угрозъ, правилъ остальное время въ полномъ спокойствіи.

3. Между тѣмъ Димитрій, покинувъ Іудею, пошелъ къ городу Верѣе и съ десятью тысячами пѣхотинцевъ и тысячью всадниковъ приступилъ къ осадѣ ея, причемъ тамъ находился его братъ Филиппъ. Тогда союзникъ Филиппа, владѣтельный князь Вереи, Стратонъ, призвалъ на помощь Зиза, князя одного арабскаго племени, равно какъ Митридата Синака, властелина парѳянскаго. Послѣдніе прибыли съ огромнымъ войскомъ и стали осаждать Димитрія въ его же окопахъ. Тутъ ихъ метательные снаряды, равно какъ недостатокъ воды у осажденныхъ, принудили послѣднихъ сдаться. Опустошивъ всю страну и захвативъ въ плѣнъ Димитрія, они отправили его къ тогдашнему парѳянскому царю Митридату, а всѣхъ тѣхъ военноплѣнныхъ, которые были антіохійцами, они отдали антіохійцамъ безъ выкупа.

Парѳянскій царь Митридатъ оказывалъ Димитрію всякія почести, пока Димитрій не впалъ въ болѣзнь и умеръ. Филиппъ же немедленно послѣ битвы двинулся на Антіохію, занялъ ее и сталъ царствовать надъ Сиріею.

[1] Ѳракійцы пользовались славою безпримѣрной жестокости.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

1. Затѣмъ братъ Филиппа, Антіохъ, носившій прозвище Діониса, желая овладѣть престоломъ, явился въ Дамаскъ, забралъ тамъ все въ свои руки и сталъ царствовать. Пока онъ ходилъ войною на арабовъ, объ этомъ узналъ его братъ Филиппъ и двинулся на Дамаскъ. Нѣкій же Милезій, который былъ оставленъ для охраны дамасской крѣпости, передалъ ему городъ. Но такъ какъ Филиппъ оказался по отношеніи къ Милезію неблагодарнымъ и не даровалъ ему ничего изъ того, на что тотъ разсчитывалъ при впускѣ его въ городъ, и такъ какъ Филиппу было желательно, чтобы казалось, что онъ взялъ городъ, наведя страхъ на жителей, а не обязанъ былъ этимъ пріобрѣтеніемъ любезности Милезія, то онъ навлекъ на себя нерасположеніе (жителей) и вскорѣ долженъ былъ покинуть Дамаскъ. Дѣло было такъ: когда онъ однажды отправился на ипподромъ [1], Милезій заперъ городъ и сталъ оберегать послѣдній для Антіоха.

Когда же Антіохъ узналъ о предпріятіи Филиппа, то вернулся изъ Аравіи и двинулся немедленно въ Іудею во главѣ восьми тысячъ тяжеловооруженныхъ воиновъ и восьмисотъ всадниковъ. Испугавшись его нападенія, Александръ сталъ рыть глубокій ровъ отъ самаго города Хаварзавы, носящей теперь имя Антипатриды, до Яффскаго залива, т. е. въ той мѣстности, которая одна только и представляла опасность въ смыслѣ нападенія; равнымъ образомъ онъ воздвигъ стѣну съ деревянными башнями и съ бойницами на разстояніи полутораста стадій и сталъ ожидать нашествія Антіоха. Послѣдній однако поджегъ всѣ эти сооруженія и перевелъ затѣмъ по этой мѣстности войско свое въ Аравію. Сперва царь арабскій отступилъ, но затѣмъ внезапно вновь появился съ десятью тысячами всадниковъ. Выступивъ навстрѣчу имъ, Антіохъ вступилъ съ ними въ ожесточенный бой, одержалъ верхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ палъ жертвой, подавая помощь части войска, находившейся въ опасности. Когда палъ Антіохъ, и войско его бросилось бѣжать въ деревню Кану [2], гдѣ большинство воиновъ погибло отъ голода.

2. Послѣ него царемъ Келесиріи сталъ Аретъ, котораго призвали на царство войска, занимавшія Дамаскъ; къ тому побудила ихъ ненависть къ Птолемею Меннею. Напавъ отсюда на Іудею, Аретъ разбилъ

[1] Ипподромъ этотъ находился внѣ города и Филиппъ, очевидно, вышелъ туда со всѣмъ своимъ войскомъ, можетъ быть на ученье (Kaulen).

[2] Весьма вѣроятно, что эта Кана идентична съ упоминаемою въ Ев. отъ Іоанна (II, 1, 11; IV, 46; XXI, 2).

Александра въ сраженіи при Аддидѣ, но затѣмъ, на основаніи заключеннаго договора, вновь удалился изъ Іудеи.

3. Затѣмъ Александръ въ свою очередь двинулся на городъ Дій, взялъ его и пошелъ на Ессу, гдѣ въ то время находились главныя сокровища Зенона. Окруживъ этотъ городъ тройною стѣною, онъ овладѣлъ имъ и двинулся на города Гауланію и Селевкію. Занявъ эти пункты, онъ овладѣлъ также т. наз. Антіоховымъ ущельемъ и крѣпостцою Гамалою. Здѣсь онъ подъ всевозможными предлогами совершенно ограбилъ правителя тѣхъ мѣстъ, Димитрія, и затѣмъ возвратился, послѣ трехлѣтняго отсутствія на родину, гдѣ іудеи приняли его съ радостью, благодаря его военнымъ удачамъ.

4. Около этого же времени іудеи успѣли овладѣть цѣлымъ рядомъ сирійскихъ, идумейскихъ и финикійскихъ городовъ, а именно, приморскими городами: Башнею Стратоновою, Аполлоніею, Яффою, Ямніею, Азотомъ, Газою, Анѳедономъ, Рафіею, Ринокорурой; на сушѣ, вблизи границъ Идумеи, Адорою, Мариссою и вообще всею Идумеею, Самаріею, горою Кармелемъ и Итавирійскимъ хребтомъ, Скиѳополемъ, Гадарою, Гауланитидою, Селевкіею, Гавалою, моавитскими городами: Ессевономъ, Мидавою, Лемвою, Орономъ, Телиѳономъ, Зарою, ущельемъ киликійскимъ, Пеллою (этотъ городъ они разрушили до основанія, такъ какъ жители не согласились принять іудейскіе обычаи) и другими главнѣйшими сирійскими городами, которые они уничтожили до-тла.

5. Послѣ этого царь Александръ впалъ, вслѣдствіе невоздержности въ винѣ, въ болѣзнь и хотя въ теченіи трехъ лѣтъ страдалъ перемежающеюся (черезъ четыре дня) лихорадкою, однако не отказывался отъ своихъ походовъ, пока не умеръ отъ истощенія въ горахъ Герасинскихъ во время осады крѣпости Рагавы по ту сторону Іордана.

Когда царица увидѣла его столь близкимъ къ смерти и убѣдилась, что болѣе уже нѣтъ никакой надежды на его спасеніе, то она, ударяя себя въ грудь и плача, стала убиваться по поводу предстоявшаго ей и ея дѣтямъ одиночества и сказала мужу: «На кого оставляешь ты теперь меня и дѣтей, столь нуждающихся въ поддержкѣ, и какъ отнесется ко всему этому народъ, столь тебя ненавидящій, когда узнаетъ о твоей смерти?» На это царь просилъ ее слушаться его совѣтовъ, а именно, крѣпко съ дѣтьми держаться престола и скрыть отъ солдатъ его смерть, пока городъ не будетъ взятъ; затѣмъ же, когда она послѣ блестящей побѣды вернется въ Іерусалимъ, предоставить фарисеямъ какую-нибудь привиллегію, ибо если послѣдніе станутъ хвалить ее за дарованную имъ милость, то тѣмъ

самымъ они расположатъ и народъ въ ея пользу. При этомъ царь замѣтилъ, что фарисеи могутъ сильно повредить въ глазахъ іудеевъ тому, кто относится къ нимъ недружелюбно, равно какъ могутъ оказать поддержку тому, кто къ нимъ отнесется ласково. Дѣло въ томъ, что народъ имъ очень вѣритъ, если они изъ зависти говорятъ о комъ нибудь дурно; этому примѣромъ является онъ самъ, такъ какъ они, униженные имъ, поссорили его съ народомъ.

«Итакъ ты,—сказалъ онъ,—по прибытіи въ Іерусалимъ, призови къ себѣ самыхъ вліятельныхъ изъ нихъ (фарисеевъ), покажи имъ мой трупъ и предоставь имъ поступить съ нимъ, какъ угодно, захотятъ ли они лишить меня погребенія за всѣ нанесенныя имъ мною обиды, или какъ нибудь иначе въ гнѣвѣ опозорить меня. При этомъ обѣщай имъ не предпринимать ничего въ дѣлахъ правленія помимо совѣта ихъ. И вотъ, если ты такъ скажешь имъ, то они и меня удостоятъ болѣе почетныхъ похоронъ, чѣмъ могла бы ты устроить мнѣ, такъ какъ они уже болѣе не захотятъ обидѣть мертваго, да и ты будешь править спокойно».

Съ этимъ совѣтомъ женѣ своей царь умеръ, процарствовавъ двадцать семь лѣтъ и проживъ безъ одного года пятьдесятъ лѣтъ [1].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1. Между тѣмъ Александрѣ удалось взять крѣпость и затѣмъ она обратилась къ фарисеямъ сообразно указанію своего покойнаго мужа; передавъ имъ трупъ послѣдняго и бразды правленія, она успокоила гнѣвъ фарисеевъ на Александра и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательно расположила ихъ къ себѣ. Фарисеи стали послѣ этого распространять въ народѣ добрую славу о дѣяніяхъ Александра и увѣряли народъ, что у нихъ погибъ праведный царь. Этимъ они такъ разжалобили и своими похвалами такъ настроили народъ, что послѣдній почтилъ царя своего болѣе торжественными похоронами, чѣмъ кого либо изъ предшествовавшихъ правителей.

Александръ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Гиркана и Аристовула, а царство передалъ Александрѣ. Изъ сыновей этихъ Гирканъ былъ неспособенъ къ государственнымъ дѣламъ и болѣе всего предпочиталъ миръ и спокойный образъ жизни, тогда какъ младшій, Аристовулъ, былъ энергичнѣе и предпріимчивѣе его. Вмѣстѣ съ тѣмъ царица съумѣла снискать себѣ расположеніе народа тѣмъ, что открыто выказывала свое несочувствіе ко всему тому, что предпринималъ столь ошибочно ея покойный мужъ.

[1] Срв. Іуд. войну, I, 4, 7 и 8.

2. Царица назначила первосвященникомъ сына своего Гиркана, какъ вслѣдствіе его возраста, такъ еще болѣе для того, чтобы наполнить чѣмъ-нибудь его досугъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она передала всѣ дѣла фарисеямъ, повиноваться которымъ повелѣла и народу, причемъ вновь санкціонировала всѣ тѣ дополненія фарисеевъ къ установленному закону, которыя были введены фарисеями и затѣмъ отмѣнены ея свекромъ, Гирканомъ. Такимъ образомъ она носила лишь имя царицы, вся же власть на самомъ дѣлѣ была въ рукахъ фарисеевъ. Послѣдніе возвращали изгнанниковъ на родину, освобождали заключенныхъ, однимъ словомъ, ни чѣмъ не отличались отъ настоящихъ правителей.

Впрочемъ и царица не совсѣмъ оставляла своихъ заботъ о государствѣ. Она набрала огромное войско изъ наемниковъ и значительно расширила свою власть, побивъ окрестныхъ владѣтелей и взявъ съ нихъ заложниковъ. Тѣмъ временемъ вся страна жила въ глубокомъ мирѣ; волновались одни только фарисеи. Они стали терроризировать царицу, убѣждая ее перебить всѣхъ тѣхъ, кто посовѣтовалъ Александру избіеніе восьмисотъ (фарисеевъ). Затѣмъ они убили одного изъ такихъ людей, нѣкоего Діогена, а послѣ него послѣдовательно еще нѣсколько человѣкъ, пока нѣкоторыя изъ (наиболѣе) вліятельныхъ лицъ не явились во дворецъ. Въ числѣ ихъ находился и Аристовулъ (онъ открыто порицалъ все случившееся и заявилъ, что безусловно, когда только сможетъ, воспротивится начинаніямъ своей матери). Всѣ эти лица напомнили (царицѣ), сколько претерпѣли они во время опасностей войны и какъ они всегда являли государю своему вѣрность за что и удостоивались со стороны его величайшаго почета; при этомъ они просили царицу не лишать ихъ послѣдней надежды и не предоставлять ихъ безнаказанному избіенію, подобно скотинѣ, у себя дома послѣ того, какъ имъ удалось избѣжать опасностей войны. Если враги, говорили они, удовлетворятся числомъ пока загубленныхъ жертвъ, то они изъ уваженія къ царскому дому спокойно перенесутъ все случившееся, если же тѣ безобразія повторятся, то они просятъ объ увольненіи. Помимо ея, царицы, у нихъ нѣтъ спасенія и потому они даже были бы готовы умереть въ ея дворцѣ, если бы она не простила ихъ ухода. Впрочемъ, какъ для нихъ, такъ и для самой царицы будетъ позоромъ, если они, отстраненные ею, найдутъ пріютъ у враговъ ея мужа. Они встрѣтятъ навѣрное въ высшей степени радушный и почетный пріемъ у арабскаго князя Арета и у другихъ правителей, которые будутъ рады увидѣть на своей сторонѣ столькихъ мужей, при произнесеніи одного только имени коихъ они еще такъ недавно содрогались. Если же она на это не согласна

и предпочитаетъ другое, именно отдаться во власть фарисеямъ, то пусть она каждаго изъ нихъ назначитъ начальникомъ какой-либо крѣпостцы, ибо, если уже разъ такое несчастіе постигло домъ Александра, они готовы проводить жизнь свою хотя бы въ жалкой и низкой должности [1]...

3. Такъ какъ они еще долго и много говорили на эту тему и призывали духъ Александра сжалиться надъ умершими и подвергавшимися такой же участи, то всѣ окружающіе разразились слезами. Особенно непринужденно высказывалъ свое мнѣніе Аристовулъ и при этомъ отнюдь не щадилъ своей матери. Между тѣмъ придворные, собственно говоря, были сами виноваты въ постигшемъ ихъ несчастіи, тѣмъ что наперекоръ обычаю предоставили властолюбивой женщинѣ править государствомъ, тогда какъ у нея былъ вполнѣ подходящій для этого сынъ. Не зная, какъ съ честью выйти изъ этого затруднительнаго положенія, царица довѣрила имъ тогда охрану различныхъ мѣстностей, кромѣ, впрочемъ, Гирканіи, Александреума и Махерона, гдѣ она держала свои драгоцѣнности. Немного спустя она отправила сына своего, Аристовула, въ походъ противъ Дамаска, противъ Птолемея Меннея, который являлся тяжелымъ для города сосѣдомъ...

4. Однако Аристовулу пришлось вернуться, не совершивъ ничего достопримѣчательнаго. Около того же самаго времени пришло извѣстіе, что армянскій царь Тигранъ ворвался съ трехсоттысячнымъ войскомъ въ Сирію и собирается прибыть въ Іудею. Это, вполнѣ естественно, испугало царицу и народъ и потому, пока царь осаждалъ Птолемаиду, къ нему было отправлено посольство со многими цѣнными дарами. Въ то время Сиріею правила царица Селена, иначе называвшаяся Клеопатрою. Она-то и уговорила жителей Птолемаиды закрыть предъ Тиграномъ городскія ворота. И вотъ посланные явились къ Тиграну и стали просить его пощадить царицу и ихъ народъ, онъ же благосклонно принялъ ихъ, ибо они явились столь издалека для выраженія своей покорности, и обѣщалъ имъ свою милость.

Впрочемъ, Тигранъ только что успѣлъ взять Птолемаиду, какъ ему было донесено, что Лукуллъ, находясь въ погонѣ за Митридатомъ, упустилъ его, потому что Митридатъ спасся бѣгствомъ въ Иверію и теперь грабитъ Арменію и старается овладѣть ею. При этомъ извѣстіи Тигранъ немедленно поспѣшилъ къ себѣ домой.

5. Вскорѣ послѣ этого царица (Александра) впала въ тяжкую болѣзнь

[1] Здѣсь, какъ и нѣсколько ниже, въ греческомъ текстѣ замѣтенъ пропускъ.

и тогда Аристовулъ рѣшилъ овладѣть правленіемъ. Поэтому онъ однажды ночью, въ сопровожденіи одного только слуги, отправился къ тѣмъ крѣпостямъ, гдѣ находились преданные ему отцовскіе друзья его. Если онъ уже раньше былъ крайне недоволенъ мѣропріятіями своей матери, то теперь онъ очень опасался, какъ бы, съ ея смертью, вся семья не подпала окончательно вліянію фарисеевъ. Онъ отлично сознавалъ полную невозможность передачи правленія брату. Объ этомъ предпріятіи Аристовула знала одна лишь жена его, которую онъ съ дѣтьми оставилъ тутъ въ городѣ.

Сначала онъ прибылъ въ Агаву, гдѣ жилъ одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ приверженцевъ его, Галестъ, и тутъ нашелъ пріютъ.

Когда подъ утро царицѣ было донесено объ исчезновеніи Аристовула, она пока вовсе не думала приводить этотъ фактъ въ связь съ стремленіемъ сына совершить государственный переворотъ. Когда же затѣмъ постепенно стали прибывать другъ за другомъ новыя лица съ извѣщеніемъ, что Аристовулъ овладѣлъ первымъ укрѣпленіемъ, затѣмъ вторымъ и всѣми остальными (дѣло въ томъ, что покончивъ съ первою крѣпостью, онъ тѣмъ самымъ немедленно овладѣлъ и всѣми прочими), тогда и царицу и весь народъ обуяло величайшее безпокойство. Всѣ боялись, что весьма скоро Аристовулъ будетъ въ состояніи захватить всю власть, и особенно опасались мести съ его стороны за оскорбленія, нанесенныя его дому. Предварительно было рѣшено заключить жену и семью Аристовула въ крѣпость около святилища.

Между тѣмъ около Аристовула собралась такая значительная толпа приверженцевъ, что онъ уже сталъ походить на настоящаго царя. Менѣе чѣмъ въ пятнадцать дней онъ овладѣлъ двадцатью двумя городами, что дало ему возможность набрать войско на Ливанѣ, въ Трахонѣ и отъ сосѣднихъ правителей. Такъ какъ люди вообще охотно примыкаютъ къ болѣе могущественному, то и въ этомъ случаѣ легко подчинялись Аристовулу; кромѣ того, поддержавъ его теперь при не вполнѣ выяснившемся положеніи дѣла, разсчитывали извлечь впослѣдствіи пользу, когда онъ станетъ царемъ, потому что царство будетъ имъ добыто при помощи ихъ.

Тогда старѣйшины іудейскіе и Гирканъ явились къ царицѣ и просили ее высказать свое мнѣніе относительно положенія дѣлъ въ настоящій моментъ. Аристовулъ, овладѣвъ такимъ множествомъ пунктовъ, фактически почти уже безгранично владѣетъ всѣмъ, и хотя царица теперь такъ тяжко больна, они всетаки считаютъ неумѣстнымъ рѣшать что бы то ни было помимо ея, пока она еще жива; между тѣмъ опасность, угрожающая имъ, уже не за горами.

На это царица предоставила имъ рѣшить и поступить по ихъ усмотрѣнію, указавъ на то, что въ ихъ распоряженіи имѣется еще цѣлый рядъ значительныхъ средствъ, а именно: сильный народъ, войско и богатая казна. Она же сама мало интересуется дѣлами, такъ какъ тѣло ея уже сокрушено.

6. Вскорѣ послѣ этого царица умерла, процарствовавъ девять лѣтъ и проживя семьдесятъ три года. Это была женщина, ничѣмъ не уступавшая, несмотря на свой полъ, мужчинѣ по силѣ характера. Преисполненная ненасытнымъ властолюбіемъ, она въ серьезнѣйшихъ положеніяхъ жизни явила на практикѣ доказательства того, какъ тверда была ея воля и какъ неразумны мужчины, терпящіе крушеніе въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ какъ она всегда придавала большее значеніе настоящему, чѣмъ будущему, и на первомъ планѣ ставила неограниченную власть свою, она не заботилась ни о прекрасномъ, ни о справедливомъ. Такимъ образомъ она своими отнюдь не приличествовавшими именно женщинѣ вкусами довела свой домъ до того, что онъ вскорѣ утратилъ могущество, добытое столькими трудностями и опасностями, потому что она добровольно подчинилась вліянію тѣхъ, кто былъ непріязненно настроенъ противъ ея семьи, и лишила правительство искренно заботливыхъ и преданныхъ друзей. Такимъ образомъ она наполнила домъ свой бѣдствіями и смятеніемъ и своими поступками навлекла несчастіе на всю свою династію даже послѣ своей смерти. И всетаки, несмотря на такое правленіе, она сохранила для народа своего миръ. Такъ окончилась дѣятельность царицы Александры. Теперь же, въ слѣдующей своей книгѣ, я собираюсь разсказать о судьбѣ, постигшей послѣ ея смерти сыновей ея, Аристовула и Гиркана.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Содержаніе:

1. О томъ, какъ послѣ смерти Александры младшій изъ ея сыновей, Аристовулъ, велъ войну изъ за первенства съ своимъ братомъ Гирканомъ, побѣдилъ его и преслѣдовалъ до Іерусалимской крѣпости; о томъ, какъ они затѣмъ пришли къ соглашенію, въ силу котораго Аристовулъ получалъ царскую власть, а Гирканъ становился частнымъ человѣкомъ.

2. Объ Антипатрѣ и его семьѣ и о томъ, какъ онъ съ своими сыновьями, занимая первоначально скромное положеніе, достигъ вліянія, славы и великаго могущества; о томъ, какъ по его совѣту Гирканъ бѣжалъ изъ Іерусалима къ арабскому царю Арету и путемъ обѣщанія значительныхъ земельныхъ участковъ и крупныхъ денежныхъ суммъ убѣдилъ вновь поставить его на царство.

3. О томъ, какъ Аретъ дружелюбно принялъ Гиркана, пошелъ войною на Аристовула, разбилъ его и оттѣснилъ къ Іерусалиму, а затѣмъ обложилъ этотъ городъ войскомъ и осадилъ его.

4. О томъ, какъ Гирканъ и Аристовулъ отправили посольства съ просьбою о помощи къ Скавру, когда послѣдній былъ посланъ Помпеемъ Великимъ въ Арменію.

5. О томъ, какъ Скавръ, подкупленный цѣною четырехсотъ талантовъ, сталъ на сторону Аристовула.

6. О томъ, какъ Аристовулъ и Гирканъ обратились съ своимъ споромъ относительно царства къ явившемуся изъ Арменіи въ Дамаскъ Помпею и о томъ, какъ послѣдній рѣшилъ все дѣло указаніемъ, что изслѣдуетъ его по прибытіи въ ихъ страну.

7. О томъ, какъ Аристовулъ, замѣтивъ отношеніе къ нему Помпея, вернулся въ Іудею и удалился въ весьма укрѣпленный и трудно одолимый городъ Александреумъ, потому что Помпей, гнѣваясь на него, выступилъ противъ него походомъ.

8. О томъ, какъ Помпей, при извѣстіи объ этомъ, обратился къ военной хитрости и уговорилъ Аристовула покинуть крѣпость и явиться къ нему, такъ какъ онъ, Помпей, желалъ бы утвердить его въ царскомъ достоинствѣ. О томъ, какъ Помпей, послѣ того какъ Аристовулъ послушался его и нѣсколько разъ сносился по этому дѣлу съ своимъ братомъ, побудилъ его отправить начальникамъ крѣпостей собственноручное письмо съ приказаніемъ передать эти крѣпости Помпею.

9. О томъ, какъ Аристовулъ, испугавшись, такъ и поступилъ, а затѣмъ бѣжалъ, будучи недоволенъ тѣмъ, что Помпей ничего не сдѣлалъ, на что Аристовулъ разсчитывалъ; о томъ, какъ онъ затѣмъ хотѣлъ запереться въ Іерусалимѣ.

10. О томъ, какъ Аристовулъ, въ виду преслѣдованія со стороны Помпея и его войска, измѣнилъ свое рѣшеніе и вышелъ навстрѣчу римскому полководцу до Іерихона, какъ онъ просилъ простить ему прежнія ошибки и обѣщалъ передать ему городъ со всѣми городскими суммами; о томъ, какъ жители Іерусалима, видя, что Габиній, посланный съ отборнымъ отрядомъ Помпеемъ для занятія города и пріема денегъ, обращается съ Аристовуломъ какъ съ плѣнникомъ, заперли ворота передъ римлянами.

11. О томъ, какъ разгнѣванный всѣмъ этимъ Помпей велѣлъ заковать Аристовула въ оковы, со всею своею ратью обложилъ Іерусалимъ осадою и какъ при этомъ приверженцы Гиркана впустили его въ верхній городъ, а приверженцы Аристовула искали спасенія въ храмѣ.

12. О томъ, какъ Помпей на третій мѣсяцъ осады занялъ храмъ и нижній городъ, равно какъ объ его сдержанности и благочестіи.

13. Какъ Помпей не тронулъ ничего въ храмѣ, несмотря на массу собранныхъ тамъ денегъ.

14. О томъ, какъ онъ, совершивъ все это, подчинилъ Іудею римлянамъ, назначилъ Гиркана этнархомъ, перевелъ плѣннаго Аристовула съ его дѣтьми въ Римъ и поставилъ намѣстникомъ надъ Сиріею Скавра.

15. О походѣ Скавра на главный арабскій городъ Петру и объ ея осадѣ причемъ однако у его войска оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; какъ при этомъ Антипатръ уговорилъ арабскаго царя уплатить Скавру триста талантовъ и за это вступить въ союзъ съ нимъ.

16. О томъ, какъ сынъ Аристовула, Александръ, убѣжалъ отъ Помпея, прибылъ въ Іудею, собралъ тутъ большое войско и выступилъ въ походъ противъ Гиркана и Антипатра.

17. Какъ разбитый Габиніемъ въ бою Александръ былъ оттѣсненъ въ крѣпость Александреумъ и тутъ подвергся осадѣ.

18. О томъ, какъ Габиній отпустилъ Александра, котораго мать уговорила подчиниться и сдать крѣпость римлянамъ; о томъ, какъ Габиній сдѣлалъ сенату письменное предложеніе освободить братьевъ Александра, которые находились въ плѣну вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Аристовуломъ, и отправить ихъ къ матери, оказывающейся, вслѣдствіе своей вѣрной преданности римлянамъ, достойною такой милости.

19. О томъ, какъ нѣсколько позже Аристовулъ бѣжалъ изъ Рима въ Іудею, но былъ схваченъ Габиніемъ и вновь отправленъ въ Римъ.

20. О вторженіи Красса въ Іудею во время его похода противъ пароянъ объ учиненномъ имъ разграбленіи казны храма.

21. О бѣгствѣ Помпея въ Эпиръ и о прибытіи Сципіона въ Сирію съ приказомъ умертвить Александра.

22. О намѣреніи Цезаря, освободившаго Аристовула изъ плѣна, послать его съ двумя когортами въ Іудею и о томъ, какъ приверженцы Помпея освободились отъ Аристовула путемъ его отравленія.

23. О походѣ Цезаря въ Египетъ и о томъ, какъ Гирканъ и Антипатръ покорились ему и побудили іудеевъ перейти на его сторону.

24. О геройствѣ и доблести Антипатра, чѣмъ онъ снискалъ себѣ дружбу Цезаря; о томъ, какъ Цезарь, радуясь побѣдѣ, осыпалъ Гиркана почестями и разрѣшилъ ему вновь отстроить срытыя стѣны родного города; какъ Цезарь назначилъ Антипатра прокураторомъ Іудеи.

25. Письма Цезаря и сенатскія постановленія относительно дружественнаго союза съ іудеями.

26. О томъ, какъ Антипатръ передалъ управленіе своимъ дѣтямъ, а именно Ироду поручилъ завѣдываніе Галилеею, а Фасаилу—Іерусалимомъ, и о томъ какъ Секстій Цезарь возвеличилъ Ирода въ благодарность за подарки, полученные имъ отъ него въ бытность намѣстникомъ Сиріи, и назначилъ его намѣстникомъ Келесиріи.

27. О томъ, какъ Кассій, послѣ убіенія Цезаря, двинулся на Іудею, разгромилъ страну и вынудилъ у іудеевъ восемьсотъ талантовъ дани; о томъ какъ Иродъ заслужилъ расположеніе Кассія доставленіемъ этихъ денегъ.

28. О томъ, какъ Малихъ интриговалъ противъ Антипатра и отравилъ его, причемъ подкупленный имъ виночерпій Антипатра оказалъ дѣятельное содѣйствіе.

29. О томъ, какъ Иродъ разбилъ въ сраженіи сына Аристовула, Антигона, который выступилъ противъ него съ вспомогательными войсками сирійскаго владѣтеля Маріона, и изгналъ его изъ Іудеи.

31. О томъ, какъ Иродъ, послѣ побѣды Августа и Антонія надъ Кассіемъ въ Македоніи, богатыми дарами склонилъ въ свою пользу Антонія при его прибытіи въ Виѳинію, и какъ вслѣдствіе этого Антоній не принималъ никакихъ жалобъ на Ирода.

32. О томъ, какъ Антоній, при вторичномъ прибытіи своемъ въ Сирію, не только вновь не принялъ вторичнаго обвиненія Ирода и Фасаила, но назначилъ обоихъ этнархами и распорядился казнить десятерыхъ обвинителей.

33. О походѣ пароянъ на Сирію, причемъ они вновь провозгласили царемъ сына Аристовула, Антигона.

34. Какъ парояне взяли въ плѣнъ Гиркана и брата Ирода, Фасаила.

35. О томъ, какъ Иродъ бѣжалъ изъ Іерусалима, затѣмъ отправился въ Римъ и тамъ, благодаря настойчивымъ просьбамъ Антонія и обѣщанію крупныхъ денежныхъ суммъ, былъ сенатомъ и Октавіаномъ объявленъ царемъ іудейскимъ.

36. Морская поѣздка Ирода изъ Рима въ Іудею; его война съ Антигономъ, впродолженіе которой ему была оказана поддержка со стороны римскихъ войскъ и ихъ военачальника Силона.

37. О томъ, какъ при осадѣ Силономъ Іерусалима Антигонъ былъ побѣжденъ Сосіемъ и Иродомъ.

Содержаніе книги обнимаетъ періодъ въ тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. О дѣяніяхъ царицы Александры и объ ея смерти мы разсказали въ предшествующей нашей книгѣ. Теперь намъ слѣдуетъ непосредственно перейти къ ближайшимъ къ этому событіямъ, причемъ придется обратить все вниманіе на то, чтобы не упустить ничего, ни одной подробности, ни по невѣдѣнію, ни по забывчивости. Вѣдь читателямъ необходимо имѣть историческое повѣствованіе о такихъ фактахъ, которые по своей древности большинству совершенно неизвѣстны, мы же должны по силѣ возможности украсить этотъ разсказъ чистотою стиля, поскольку это въ смыслѣ гармоничности сочетаній отдѣльныхъ словъ зависитъ отъ насъ, дабы читатели получали свѣдѣнія въ красивой формѣ и съ удовольствіемъ усваивали ихъ; но на первомъ планѣ для историковъ все-таки должна стоять историческая точность и правда, потому что читатели путемъ чтенія ихъ сочиненій желаютъ пополнить пробѣлы своего знанія.

2. Когда на третій годъ стосемьдесятъ седьмой олимпіады [1], въ консульство Квинта Гортензія и Квинта Метелла, носившаго прозвище Критскаго, Гирканъ сталъ первосвященникомъ, Аристовулъ немедленно объявилъ ему войну, и вотъ во время битвы, происшедшей при Іерихонѣ, многіе изъ солдатъ (Гиркана) перешли на сторону его брата. Вслѣдствіе этого Гирканъ бѣжалъ въ крѣпость, гдѣ въ то время были заключены, по распоряженію его матери, какъ было нами изложено выше [2], жена и дѣти Аристовула. Послѣдній, однако, между тѣмъ успѣлъ напасть и захватить своихъ (главныхъ) противниковъ, искавшихъ спасенія въ портикѣ святилища. Затѣмъ Гирканъ вступилъ въ переговоры съ своимъ братомъ по поводу всего случившагося и споръ ихъ разрѣшился соглашеніемъ въ томъ смыслѣ, что править станетъ Аристовулъ, а самому ему жить внѣ дѣлъ, спокойно пользуясь своими личными средствами. Когда они порѣшили это въ храмѣ, то закрѣпили свой уговоръ клятвою и рукобитіемъ, а затѣмъ на виду у всего народа обняли другъ друга и разстались, причемъ Аристовулъ направился во дворецъ, а ставшій теперь частнымъ человѣкомъ Гирканъ въ (прежнее) жилище Аристовула.

[1] Т. е. въ 70 г. до Р. Хр.

[2] См. выше, стр. 61.

3. У Гиркана былъ другъ Антипатръ, идумеянинъ родомъ, который при значительномъ богатствѣ обладалъ весьма энергичнымъ и безпокойнымъ характеромъ; вслѣдствіе своего расположенія къ Гиркану онъ находился въ непріязненныхъ и натянутыхъ отношеніяхъ къ Аристовулу. Николай изъ Дамаска сообщаетъ, что онъ происходилъ отъ первыхъ вернувшихся изъ Вавилона въ Іудею евреевъ; но это онъ говоритъ лишь въ угоду сыну его Ироду, который по нѣкоей случайности сталъ царемъ іудейскимъ. Объ этомъ (Иродѣ) мы въ свое время побесѣдуемъ.

Итакъ этотъ Антипатръ первоначально, какъ и отецъ его, носилъ имя Антипа. Отца его царь Александръ и жена его назначили начальникомъ надъ всею Идумеею, а онъ, какъ говорятъ, заключилъ дружбу съ симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причемъ склонилъ ихъ на свою сторону многими богатыми дарами.

И вотъ Антипатръ младшій взглянулъ косо на захватъ власти Аристовуломъ и боясь, какъ бы ему самому не пострадать вслѣдствіе ненависти къ нему Аристовула, тайно собралъ къ себѣ наиболѣе вліятельныхъ и знатныхъ изъ іудеевъ на совѣщаніе, причемъ выставилъ имъ на видъ, что совершенно невозможно спокойно взирать на то, что Аристовулъ беззаконно захватилъ власть, лишивъ ея своего старшаго и вслѣдствіе этого старшинства гораздо болѣе правоспособнаго брата. Точно такія же рѣчи онъ постоянно твердилъ и Гиркану и указывалъ ему при этомъ на то, что онъ подвергаетъ свою жизнь опасности, если не оградитъ себя бѣгствомъ. Дѣло въ томъ,—говорилъ онъ, — что друзья Аристовула не пропускаютъ ни одного случая, чтобы не совѣтовать ему умертвить брата, такъ какъ только въ такомъ случаѣ онъ сможетъ прочно укрѣпить за собою власть. Однако Гирканъ не придавалъ вѣры этимъ рѣчамъ, потому что онъ по природѣ былъ честнымъ человѣкомъ и по своей порядочности не легко склонялся на сторону клеветы. Кромѣ того, его бездѣятельность и умственная вялость вызывала во всѣхъ, представленіе о немъ какъ о человѣкѣ слабомъ и немужественномъ, тогда какъ Аристовулъ былъ какъ разъ обратнаго нрава, человѣкомъ предпріимчивымъ и смышленымъ.

4. И вотъ когда Антипатръ увидѣлъ, что Гирканъ не склоняется на его рѣчи, онъ не пропускалъ ни единаго дня безъ того, чтобы не наговорить ему на брата и не убѣждать его въ томъ, что Аристовулъ собирается его умертвить. Лишь послѣ настойчивыхъ просьбъ ему удалось склонить его къ бѣгству къ арабскому царю Арету. При этомъ онъ обѣщалъ ему помощь послѣдняго, если онъ согласится внять его просьбамъ. Въ

виду этого (Гирканъ) дѣйствительно признадъ бѣгство къ Арету весьма полезнымъ, тѣмъ болѣе, что Аравія граничитъ съ Іудеею. Впрочемъ, сперва Гирканъ послалъ къ арабскому царю Антипатра, которому поручилъ взять съ царя клятвенное увѣреніе, что тотъ его не выдастъ врагамъ, если онъ явится къ нему съ просьбою объ убѣжищѣ. Получивъ отъ арабскаго царя нужное обѣщаніе, Антипатръ вернулся къ Гиркану въ Іерусалимъ и немного спустя вмѣстѣ съ нимъ покинулъ городъ ночью и послѣ продолжительнаго путешествія прибылъ съ нимъ въ такъ назыв. Петру, резиденцію Арета. Будучи очень друженъ съ царемъ, Антипатръ сталъ его уговаривать вернуть Гиркану Іудею; дѣлая это безпрестанно, ежедневно, и подкрѣпляя слова свои подарками, онъ наконецъ склонилъ Арета. Впрочемъ, и Гирканъ обѣщалъ послѣднему, въ случаѣ, если удастся вернуться въ страну и вновь овладѣть престоломъ, отдать ему область съ двѣнадцатью городами, которую отецъ его Александръ отнялъ у арабовъ. Города эти были слѣдующіе: Мидава, Навалло, Ливіада, Өараваса, Агалла, Аөона, Зоара, Оронъ, Марисса, Ридда, Луса и Орива.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Побуждаемый такими (заманчивыми) обѣщаніями, Аретъ, во главѣ пятидесятитысячнаго войска, отчасти коннаго, отчасти пѣшаго, выступилъ въ походъ противъ Аристовула и побѣдилъ его въ бою. Такъ какъ послѣ этой побѣды многіе воины передались на сторону Гиркана, Аристовулъ увидѣлъ себя покинутымъ и бѣжалъ въ Іерусалимъ. Тогда царь арабскій двинулся во главѣ всего войска за нимъ къ святилищу и приступилъ къ осадѣ Аристовула. При этомъ народъ съ своей стороны сталъ поддерживать Гиркана и помогать ему въ осадѣ (врага), тогда какъ на сторонѣ Аристовула оставались одни только священнослужители. Между тѣмъ Аретъ распорядился, чтобы арабы и іудеи расположились лагеремъ рядомъ, и затѣмъ со всѣмъ усердіемъ принялся за осаду. Такъ какъ всѣ эти событія произошли какъ разъ въ праздникъ опрѣсноковъ, носящій у насъ названіе Пасхи, то наиболѣе знатные изъ іудеевъ покинули теперь страну и бѣжали въ Египетъ.

Тѣмъ временемъ нѣкій праведный и боголюбивый мужъ, по имени Онія, который нѣкогда во время засухи обратился къ Предвѣчному съ молитвою о дарованіи дождя и молитвѣ котораго Богъ немедленно внялъ, скрывался, видя, что эта жестокая распря еще не скоро прекратится.

Когда же его привели въ лагерь іудеевъ, то стали упрашивать, чтобы

онъ, какъ нѣкогда молитвою своею прекратилъ бездождіе, и теперь проклялъ Аристовула и его приверженцевъ. Несмотря на всѣ возраженія и просьбы, Онія былъ принужденъ толпою стать посрединѣ ея; затѣмъ онъ сказалъ: «О, Предвѣчный, царь всего существующаго! Такъ какъ окружающіе теперь меня—народъ твой, а осаждаемые твои служители, то я молю Тебя не внимать ни просьбамъ первыхъ, ни же приводить въ исполненіе относительно вторыхъ ихъ просьбы».

За эту его молитву ближайшіе изъ стоявшихъ около него гнусныхъ іудеевъ убили его.

2. Однако Предвѣчный немедленно наказалъ ихъ за эту гнусность и слѣдующимъ образомъ воздалъ имъ за убіеніе Оніи: пока священнослужители и Аристовулъ подвергались осадѣ, наступилъ праздникъ Пасхи, въ который, по нашему обычаю, приносятся Предвѣчному обильныя жертвы. Тогда товарищи Аристовула, нуждаясь въ матеріалѣ для жертвоприношеній, обратились къ единовѣрцамъ съ просьбою снабдить ихъ таковыми за какія угодно деньги. Несмотря на то, что единовѣрцы назначили за каждую голову (жертвеннаго животнаго) по 1000 драхмъ [1], Аристовулъ и священнослужители охотно согласились заплатить эту цѣну и выплатили деньги, спустивъ ихъ на ремняхъ со стѣнъ. Однако осаждающіе, взявъ деньги, и не думали отдать за нихъ жертвенныхъ животныхъ, и даже дошли при этомъ до такой гнусности, что нарушили данное слово и глумились надъ Предвѣчнымъ, не выдавъ просителямъ нужнаго для жертвоприношенія. Увидѣвъ себя такимъ образомъ обманутыми, священнослужители стали молить Бога воздать единовѣрцамъ по заслугамъ. Предвѣчный же не откладывалъ возмездія, но наслалъ на страну сильный ураганъ, который уничтожилъ всѣ плоды страны, такъ что модій [2] зерна стоилъ тогда одиннадцать драхмъ.

3. Въ это время бывшій пока еще въ Арменіи Помпей, все еще воевавшій съ Тиграномъ, послалъ въ Сирію Скавра [3]. Когда послѣдній прибылъ въ Дамаскъ, то нашелъ тамъ Лоллія и Метелла, которые только что взяли этотъ городъ, и потому самъ поспѣшилъ въ Іудею. По прибытіи его туда, къ нему явились посланные какъ отъ Аристовула, такъ и отъ Гиркана съ просьбою оказать поддержку. За это Аристовулъ обѣщалъ заплатить ему четыреста талантовъ и такую же сумму обѣщалъ ему Гирканъ. Но

[1] На наши деньги около 375 рублей.

[2] Около 8 литровъ; стоимость такой мѣры опредѣлялась тогда, слѣдовательно, въ 4 рубля.

[3] Срв. Іуд. войну, I, 6, 3.

Скавръ склонился на сторону Аристовула, потому что этотъ былъ и богаче и великодушнѣе и менѣе требователенъ, тогда какъ Гирканъ былъ бѣденъ и скупъ и требовалъ за свое неопредѣленное обѣщаніе гораздо большаго. Большая была разница, насильно ли взять въ высшей степени укрѣпленный и сильный городъ, или же прогнать бѣглецовъ съ толпою набатейцевъ, даже не вполнѣ приготовленныхъ къ веденію войны.

Въ силу этихъ соображеній онъ склонился на сторону Аристовула, получилъ съ него деньги и освободилъ его отъ осады, причемъ повелѣлъ Арету удалиться, иначе онъ будетъ объявленъ врагомъ римлянъ. Послѣ этого Скавръ вернулся назадъ въ Дамаскъ, Аристовулъ же во главѣ большого войска двинулся на Арета и Гиркана, сразился съ ними при Папиронѣ и разбилъ ихъ. При этомъ онъ перебилъ до шести тысячъ враговъ, въ числѣ которыхъ палъ и братъ Антипатра, Фалліонъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Чрезъ нѣкоторое время Помпей прибылъ въ Дамаскъ и посѣтилъ Келесирію. Тогда къ нему явились посланные отъ всей Сиріи, отъ Египта и отъ Іудеи. Аристовулъ при этомъ послалъ ему крупный подарокъ, а именно золотой виноградникъ цѣною въ пятьсотъ талантовъ. Объ этомъ подаркѣ упоминаетъ также каппадокіецъ Страбонъ, выражаясь слѣдующимъ образомъ: «Изъ Египта также явилось посольство съ вѣнцомъ стоимостью въ четыре тысячи золотыхъ монетъ, и отъ іудеевъ съ цѣлымъ виноградникомъ или садомъ; это произведеніе было названо художниками «Усладою»:

Это подношеніе и мы видѣли въ Римѣ, выставленнымъ въ святилищѣ капитолійскаго Юпитера, съ надписью: «принадлежитъ Александру, царю іудейскому». Оцѣнено оно было въ пятьсотъ талантовъ и, по преданію, именно оно и было послано Аристовуломъ, правителемъ іудейскимъ.

2. Немного спустя, къ Помпею вновь явились посланные, а именно отъ лица Гиркана Антипатръ, а отъ лица Аристовула Никодимъ. Послѣдній сталъ обвинять во взяточничествѣ сперва Габинія, а потомъ Скавра, указывая, что одинъ изъ нихъ взялъ триста, а другой четыреста талантовъ. Этимъ онъ увеличилъ лишь въ лицѣ ихъ число враговъ Аристовула.

Приказавъ спорящимъ сторонамъ явиться въ другое время, Помпей съ наступленіемъ весны вывелъ войска свои изъ зимнихъ стоянокъ и двинулся въ область Дамаска. По дорогѣ онъ разрушилъ крѣпость Апамею, которую укрѣпилъ кизикіецъ Антіохъ, и разгромилъ владѣнія Птолемея Меннея, гнуснаго человѣка, который былъ нисколько не лучше своего родственника, обезглавленнаго Діонисія изъ Триполиса, самъ же за свои злодѣянія онъ избѣгъ кары цѣною десяти тысячъ талантовъ, которыми Помпей и выплатилъ жалованье своимъ солдатамъ. Послѣ этого Помпей овладѣлъ Лисіадою, гдѣ властвовалъ іудей Силасъ. Затѣмъ онъ прошелъ чрезъ города Геліополь и Халкиду и, перейдя чрезъ хребетъ, прорѣзающій Келесирію, вернулся чрезъ Пеллу въ Дамаскъ. Тутъ онъ занялся также разборомъ дѣлъ іудеевъ и ихъ споривших между собою вождей, Гиркана и Аристовула, тѣмъ болѣе, что и народъ былъ возстановленъ противъ обоихъ, не желая подчиняться ни тому, ни другому и мотивируя это тѣмъ, что у нихъ существуетъ обычай, въ силу котораго народъ обязанъ подчиняться лишь священнослужителямъ почитаемаго Бога. Между тѣмъ, хотя Гирканъ и Аристовулъ и потомки священниковъ, они старались ввести другую форму правленія, чтобы поработить себѣ народъ. Гирканъ обвинялъ брата въ томъ, что хотя онъ, Гирканъ, и старше его, былъ однако лишенъ Аристовуломъ права перворожденія и владѣетъ небольшою частью страны, тогда какъ всю остальную насильно захватилъ Аристовулъ. Именно Аристовулъ, по его обвиненію, совершаетъ постоянные набѣги на пограничныхъ сосѣдей, равно какъ занимается морскимъ разбоемъ; народъ никогда бы не думалъ возстать противъ него, если бы Аристовулъ не былъ такимъ своевольнымъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Это обвиненіе поддерживалось болѣе чѣмъ тысячью наиболѣе знатныхъ іудеевъ, которыхъ привелъ Антипатръ. Аристовулъ на это возражалъ, что виною потери власти брата является характеръ послѣдняго, его бездѣятельность и вслѣдствіе этого отсутствіе у него авторитетности. Самъ онъ по необходимости принужденъ былъ взять власть въ свои руки изъ опасенія, какъ бы ее не утратить вовсе, а теперь правитъ совершенно также и на томъ же основаніи, какъ нѣкогда его отецъ Александръ. Для подтвержденія своихъ словъ онъ сослался на молодыхъ франтовъ, которыхъ пурпуровыя одежды, головныя прически, запястья и прочія украшенія вызывали насмѣшки, такъ какъ эти щеголи явились сюда какъ будто не на судъ, а на какой-то парадъ.

3. Выслушавъ ихъ, Помпей призналъ фактъ насилія, совершеннаго Аристовуломъ, и затѣмъ съ ласковыми увѣщаніями отправилъ ихъ домой, обѣщая явиться въ ихъ страну и тамъ привести все въ порядокъ, лишь только покончитъ все съ набатейцами. Пока же онъ просилъ ихъ держаться спокойно. Вмѣстѣ съ этимъ онъ отличилъ Аристовула, чтобы удержать его отъ организаціи повстанія въ странѣ и отъ занятія проходовъ. Впрочемъ, Аристовулъ дѣйствительно такъ и сдѣлалъ: онъ не сталъ ожидать всего

того, что ему обѣщалъ Помпей, но отправился въ городъ Дій, а оттуда въ Іудею.

4. На это Помпей разгнѣвался и, собравъ войско, предназначенное для похода противъ набатеянъ, равно какъ вспомогательные отряды изъ Дамаска и прочей Сиріи, во главѣ всѣхъ римскихъ войскъ двинулся на Аристовула. Миновавъ Пеллу и Скиѳополь, онъ прибылъ въ Корею, самому сѣверному городу Іудеи, и отсюда отправилъ въ прекрасную, воздвигнутую на вершинѣ горы крѣпость Александрію, куда бѣжалъ Аристовулъ, (гонца) съ предложеніемъ явиться къ Помпею. Аристовулъ, побуждаемый многими не воевать съ римлянами, покинулъ крѣпость и, уговорившись съ братомъ относительно дальнѣйшаго правленія, вернулся затѣмъ, съ разрѣшенія Помпея, назадъ въ крѣпость. Такъ поступалъ онъ и во второй и въ третій разъ, постоянно льстя себя надеждою овладѣть еще царствомъ и притворяясь покорнымъ исполнителемъ всѣхъ рѣшительно приказаній Помпея, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ возвращаясь назадъ въ свою крѣпость, чтобы не лишать себя опоры и имѣть возможность готовиться (тамъ) на случай войны, постоянно опасаясь, какъ бы власть не перешла всетаки къ Гиркану. Когда же (въ концѣ концовъ) Помпей приказалъ ему сдать крѣпость и лично поручить это своимъ военачальникамъ (иначе нельзя было сдѣлать это), то Аристовулъ хотя и повиновался, но сдѣлалъ это съ злобою въ сердцѣ, вернулся затѣмъ въ Іерусалимъ и сталъ готовиться (тамъ) къ войнѣ. Немного спустя, когда Помпей былъ уже въ пути, собираясь воевать съ нимъ, къ Помпею прибыли посланные изъ Понта съ извѣстіемъ о смерти Митридата, павшаго отъ руки собственнаго своего сына, Фарнака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Расположившись станомъ около Іерихона, гдѣ растутъ финиковыя пальмы и добывается лучшій бальзамъ, вытекающій, если надрѣзать острымъ камнемъ плоды кустарниковъ, откуда и появляется пахучій сокъ [1], Помпей затѣмъ на зарѣ двинулся къ Іерусалиму.

[1] Срв. Іуд. война I, 6, 6: „Земля іерихонская — самая плодотворная въ Іудеѣ, производящая въ огромномъ изобиліи пальмовыя деревья и бальзамовые кустарники. Нижнія части стволовъ этихъ кустовъ надрѣзываются заостренными камнями и капающія изъ надрѣзовъ слезы собираютъ, какъ бальзамъ“. Вслѣдствіе этого во многихъ мѣстахъ Ветх. Зав. Іерихонъ называется городомъ пальмъ.—О подробностяхъ см. Boettger, l. c. p. 143—145.

Тогда Аристовулъ перемѣнилъ свое рѣшеніе, явился къ Помпею, обѣщалъ ему (значительную) сумму денегъ и впустилъ въ Іерусалимъ. При этомъ онъ просилъ его прекратить войну и мирно рѣшить дѣло, какъ ему будетъ угодно. Помпей внялъ его просьбамъ и простилъ его, а затѣмъ послалъ Габинія съ военнымъ отрядомъ въ городъ за деньгами. Впрочемъ, ни одно изъ этихъ обѣщаній не было приведено въ исполненіе: Габинію пришлось вернуться безъ денегъ и не бывъ впущеннымъ въ городъ, потому что воины Аристовула не допустили сдѣлать такъ, какъ было уговорено. На это Помпей страшно разсердился; онъ отдалъ Аристовула подъ стражу и самъ двинулся къ городу, который со всѣхъ сторонъ былъ очень укрѣпленъ и лишь съ сѣвера представлялъ менѣе надежный оплотъ; дѣло въ томъ, что городъ былъ окруженъ широкимъ и глубокимъ ущельемъ, шедшимъ вокругъ весьма сильно укрѣпленнаго каменною стѣною храма.

2. Внутри города тѣмъ временемъ происходилъ споръ партій, не соглашавшихся между собою относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій: однимъ казалось лучше всего отдать городъ Помпею, другіе же, именно приверженцы Аристовула, совѣтовали запереться въ городѣ и воевать, такъ какъ Аристовула держатъ подъ стражею. Затѣмъ послѣдніе предупредили первыхъ, заняли храмъ и уничтожили мостъ, который ведетъ отъ него къ городу; они рѣшились вполнѣ выдержать осаду. Прочіе жители впустили (римское) войско и передали Помпею городъ и царскій дворецъ.

Тогда Помпей послалъ своего военачальника Пизона съ войскомъ для занятія города и дворца и для того, чтобы укрѣплять дома вблизи и около храма. Сперва онъ еще предложилъ заключившимся въ храмѣ мирные переговоры, когда же тѣ не приняли его предложенія, онъ окружилъ стѣною всѣ окрестности храма, причемъ Гирканъ охотно помогалъ ему во всемъ. Помпей между тѣмъ на зарѣ расположился лагеремъ вблизи сѣверной части святилища, тамъ, гдѣ его легче всего можно было взять. Впрочемъ, и здѣсь воздымались огромныя башни и былъ проведенъ ровъ по ту сторону глубокаго ущелья. Сторона, направленная къ городу, представляла изъ себя крутой обрывъ, послѣ того какъ былъ разрушенъ мостъ, около котораго расположился Помпей, и валъ ежедневно подвигался лишь туго впередъ, причемъ римлянамъ приходилось вырубать окрестные лѣса. Послѣ того какъ валъ достигъ достаточной вышины и глубокій ровъ былъ болѣе или менѣе засыпанъ, Помпей придвинулъ привезенныя изъ Тира осадныя орудія и снаряды и, помѣстивъ ихъ (на валу), сталъ осыпать святилище градомъ камней. Если бы законъ нашъ не повелѣвалъ намъ не работать по субботнимъ днямъ, то валъ не достигъ бы своей вышины, потому что

этому воспрепятствовали бы осажденные; дѣло въ томъ, что законъ разрѣшаетъ отражать наступленіе и нападеніе, но не позволяетъ препятствовать какому-либо другому предпріятію непріятелей.

3. Когда римляне замѣтили это, то они по субботамъ перестали обстрѣливать іудеевъ или вступать съ ними въ бой, но занимались насыпаніемъ валовъ и сооруженіемъ башенъ, либо придвигали осадныя орудія, чтобы на слѣдующій день имѣть ихъ подъ рукою въ полной исправности. Въ сколь высокой мѣрѣ у насъ развито богопочитаніе и соблюденіе законовъ, видно изъ того, что священнослужителей не удерживалъ отъ отправленія своихъ обязанностей страхъ предъ осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утромъ и около девятаго часа, приносили свои жертвы на алтарѣ и не прекращали этихъ своихъ жертвоприношеній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ защиты храма отъ нападеній іудеи терпѣли какую нибудь неудачу. Такъ, напр., когда городъ былъ взятъ въ день поста третьяго мѣсяца въ сто семьдесятъ девятую олимпіаду, въ консульство Гая Антонія и Марка Туллія Цицерона, въ то время, какъ враги ворвались въ храмъ и стали избивать всѣхъ тамъ находившихся, священнослужители тѣмъ не менѣе не прерывали своего священнодѣйствія и ихъ не могли принудить къ бѣгству ни страхъ за свою жизнь, ни множество убитыхъ уже товарищей, потому что они были убѣждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенниковъ, чѣмъ въ чемъ бы то ни было нарушить предписанія законовъ. А что это не только пустыя рѣчи въ похвалу ложнаго благочестія, но истинная правда, это свидѣтельствуютъ всѣ историки, повѣствующіе о дѣяніяхъ Помпея, въ томъ числѣ и Страбонъ, и Николай, и вдобавокъ Ливій, написавшій римскую исторію.

4. Когда вслѣдствіе ударовъ подведеннаго тарана рушилась величайшая башня и образовалась нѣкоторая брешь, враги толпою влились (за стѣну). Первымъ вступилъ на стѣну сынъ Суллы, Корнелій Фаустъ, съ своими воинами, за нимъ въ другомъ мѣстѣ центуріонъ Фурій съ своими людьми, а между обоими другой центуріонъ, Фабій, съ значительнымъ отрядомъ. Тогда все преисполнилось убійства. Нѣкоторые изъ іудеевъ были перерѣзаны римлянами, другіе своими же земляками; были и такіе, которые кидались въ бездну или сгорали живьемъ, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей имъ гибели. Такимъ образомъ погибло до двѣнадцати тысячъ іудеевъ; римлянъ же мало очень немного.

Также и Апсаломъ, дядя и тесть Аристовула, попалъ при этомъ случаѣ въ плѣнъ. Сильное поруганіе постигло тогда и святилище, которое до

этого было закрыто и невидимо [1]. Дѣло въ томъ, что туда проникли Помпей и не малое число его товарищей, и узрѣли то, что не было разрѣшено видѣть никому, кромѣ первосвященниковъ. Не смотря на то, что онъ нашелъ здѣсь золотую трапезу со свѣтильникомъ, жертвенныя чаши и множество куреній, да кромѣ того въ казнѣ еще около двухъ тысячъ талантовъ священныхъ денегъ, онъ, въ силу своего благочестія, ничего этого не тронулъ, но поступилъ такъ, какъ того и слѣдовало ожидать отъ его добродѣтели.

Повелѣвъ на слѣдующій день храмовымъ прислужникамъ очистить храмъ и принести Предвѣчному установленныя жертвы, онъ передалъ первосвященство Гиркану за множество оказанныхъ имъ услугъ и между прочимъ за ту услугу, которую онъ оказалъ ему, удержавъ жившихъ въ той мѣстности іудеевъ отъ союза съ Аристовуломъ; затѣмъ онъ распорядился отрубить головы виновникамъ войны и наградилъ Фауста и остальныхъ его товарищей, которые храбро взобрались (первыми) на стѣну, соотвѣтственными знаками отличія.

Іерусалимъ онъ заставилъ платить дань римлянамъ, тѣ же города Келесиріи, которые прежде находились въ зависимости отъ жителей Іерусалима, онъ занялъ самъ и подчинилъ ихъ своему собственному полководцу, народъ же весь (іудейскій), дошедшій прежде до высокой степени могущества и распространенія, онъ втиснулъ обратно въ предѣлы его страны. Не задолго передъ тѣмъ разрушенный городъ Гадару онъ велѣлъ вновь отстроить въ угоду своему вольноотпущеннику Димитрію гадарскому, остальные же города, Иппосъ, Скиѳополь, Пеллу, Дій, Самарію, Мариссу, Азотъ, Ямнію и Ареѳусу, вернулъ прежнимъ обитателямъ. Всѣ эти расположенные внутри страны города, исключая тѣхъ, которые были окончательно разрушены, равно какъ приморскіе: Газу, Яффу, Дору и Стратонову башню, которая, великолѣпно отстроенная Иродомъ и украшенная гаванями и храмами, была теперь переименована въ Цесарею, всѣ эти города Помпей объявилъ независимыми и включилъ ихъ въ составъ (римской) провинціи.

5. Виновниками этого бѣдствія, постигшаго Іерусалимъ, являлись Гирканъ и Аристовулъ, ссорившіеся между собою. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянамъ, теперь намъ пришлось поневолѣ вернуть сирійцамъ страну, которую мы отняли у нихъ силою нашего

[1] Здѣсь очевидно имѣется въ виду Святая святыхъ, доступъ куда былъ разрѣшенъ лишь первосвященнику.

оружія; кромѣ того, римляне въ короткое время получили съ насъ болѣе десяти тысячъ талантовъ, а царская власть, которая прежде предоставлялась въ видѣ почета родовитымъ первосвященникамъ, теперь стала удѣломъ мужей изъ простонародья. Впрочемъ, объ этомъ намъ еще придется говорить въ своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ Помпей, передавъ Скавру Келесирію до рѣки Евфрата и Египта и оставивъ ему два римскихъ легіона, направился въ Киликію, чтобы скорѣе вернуться въ Римъ. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ въ оковахъ также и Аристовулъ съ его семействомъ; у Аристовула было двѣ дочери и столько же сыновей; изъ послѣднихъ одинъ, Александръ, по дорогѣ бѣжалъ, младшій же, Антигонъ, вмѣстѣ съ своими сестрами былъ доставленъ въ Римъ [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Между тѣмъ Скавръ предпринялъ походъ на аравійскую Петру и, такъ какъ ее было трудно взять и онъ кругомъ нея опустошилъ всю страну, войску его пришлось страдать отъ голода. Тогда, по распоряженію Гиркана, Антипатръ доставилъ ему изъ Іудеи хлѣба и всего, въ чемъ Скавръ нуждался. Когда же Скавръ послалъ Антипатра къ Арету, съ которымъ онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ, въ качествѣ посла, то Антипатръ убѣдилъ его заплатить Скавру извѣстную сумму денегъ за прекращеніе опустошенія страны и самъ явился поручителемъ въ суммѣ трехсотъ талантовъ. На этихъ условіяхъ Скавръ прекратилъ войну, впрочемъ не столько по желанію Арета, сколько потому, что и самъ давно хотѣлъ этого.

2. Когда впослѣдствіи сынъ Аристовула, Александръ, объѣзжалъ Іудею, то въ Сирію прибылъ преторомъ римскимъ Габиній. Въ числѣ прочихъ предпріятій послѣдняго можно отмѣтить также то, что онъ пошелъ войною на Александра. Гирканъ пока еще не былъ въ состояніи совладать съ силою римлянина, хотя и пытался уже вновь возстановить іерусалимскую стѣну, разрушенную Помпеемъ. Однако въ этомъ ему воспрепятствовали находившіеся въ городѣ римляне. Между тѣмъ Александръ объѣзжалъ всю страну и вооружалъ множество іудеевъ; въ короткое время ему удалось собрать десять тысячъ пѣхотинцевъ и къ нимъ пятьсотъ всадниковъ и укрѣпить Александреумъ, крѣпость около Кореи, равно какъ Махеронъ въ горахъ арабскихъ.

[1]. Срв. Іуд. война I, VI, 6—VII, 7.

Тогда на него двинулся Габиній, успѣвъ послать впередъ Марка Антонія съ остальными военачальниками. Послѣдніе вооружили своихъ римлянъ, равно какъ подвластныхъ имъ іудеевъ съ Пиѳолаемъ и Малихомъ во главѣ и, захвативъ также добровольцевъ Антипатра, выступили на встрѣчу Александру. За нимъ слѣдовалъ самъ Габиній во главѣ регулярнаго войска. Александръ отступилъ тогда въ мѣстность вблизи Іерусалима, и когда враги здѣсь сошлись и дѣло дошло до битвы, римляне перебили около трехъ тысячъ враговъ и не меньше того взяли въ плѣнъ.

3. Въ это время Габиній подошелъ къ Александреуму и предложилъ находившимся въ немъ воинамъ сдаться, обѣщая простить имъ всѣ ихъ прежнія провинности. Между тѣмъ передъ крѣпостью расположилось станомъ множество враговъ. На нихъ напали римляне и при этомъ случаѣ Маркъ Антоній отличился какъ храбрый воинъ, перебившій множество непріятелей. Между тѣмъ Габиній оставилъ тутъ часть своего войска, чтобы овладѣть этимъ мѣстомъ хотя бы путемъ осады, а самъ двинулся въ другую часть Іудеи, гдѣ распорядился вновь отстроить города, которые находилъ разрушенными. Такимъ образомъ вновь возникли Самарія, Азотъ, Скиѳополь, Анѳедонъ, Рафія, Дора, Марисса, Газа и множество другихъ. Такъ какъ люди охотно повиновались распоряженіямъ Габинія, тогда можно было опять спокойно жить въ тѣхъ городахъ, которые столь долгое время оставались пустыми.

4. Совершивъ все это въ предѣлахъ страны, Габиній вернулся къ Александреуму. Во время осады Александръ отправилъ къ нему посольство съ просьбою простить ему его провинности и получить взамѣнъ того крѣпости Гирканію и Махеронъ, а затѣмъ и Александреумъ. Эти укрѣпленія Габиній срылъ до основанія; когда же къ нему прибыла мать Александра, державшая сторону римлянъ, потому что ея мужъ и остальныя дѣти находились тогда въ Римѣ, Габиній исполнилъ всѣ ея просьбы. Удовлетворивъ ее, онъ ввелъ Гиркана въ Іерусалимъ и поручилъ ему на будущее время заботу о святилищѣ. Послѣ этого, Габиній учредилъ пять синедріоновъ [1] и раздѣлилъ весь народъ на пять округовъ, такъ что одна часть іудеевъ имѣла свое управленіе въ Іерусалимѣ, другая въ Гадарѣ, третья въ Амаѳунтѣ, четвертая въ Іерихонѣ, а пятая въ галилейскомъ Сепфорисѣ.

[1] Такимъ образомъ былъ упраздненъ центральный и раньше единственный синедріонъ страны, іерусалимскій, состоявшій изъ семидесяти членовъ и фактически управлявшій всей страной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Такимъ образомъ іудеи, утративъ монархическое устройство, подчинились аристократическому образу правленія. Тѣмъ временемъ Аристовулъ бѣжалъ изъ Рима въ Іудею и собрался вновь возстановить Александреумъ, только что окончательно разрушенный. Тогда Габиній выслалъ противъ Аристовула воиновъ подъ начальствомъ Сисенны, Антонія и Сервилія, чтобы они воспрепятствовали ему овладѣть мѣстностью и захватили его. Тогда многіе іудеи перешли на сторону Аристовула за его прежнюю доблесть, а также потому, что они всегда радовались какимъ нибудь новшествамъ. Такъ, напр., передался ему съ тысячью воиновъ нѣкій Пиѳолай бывшій помощникомъ военачальника въ Іерусалимѣ. Между тѣмъ многіе изъ перешедшихъ къ Аристовулу были безоружны. Аристовулъ отпустилъ всѣхъ ихъ въ Махеронъ, такъ какъ они ему только мѣшали, не будучи годны для дѣла, и двинулся впередъ во главѣ восьми тысячъ вооруженныхъ. Когда же на нихъ съ силою ударили римляне, іудеи были побѣждены, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, и подъ натискомъ враговъ обратились въ бѣгство. При этомъ ихъ было перебито до пяти тысячъ человѣкъ, остальные же разбѣжались и старались спастись кто какъ могъ. Впрочемъ, болѣе чѣмъ съ тысячью (товарищей) Аристовулъ бѣжалъ въ Махеронъ и сталъ тамъ укрѣпляться, предаваясь розовымъ надеждамъ, не взирая на понесенный уронъ. Въ теченіе двухъ дней ему удавалось выдерживать осаду; но затѣмъ, покрытый ранами, онъ попалъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ Антигономъ, бѣжавшимъ съ нимъ изъ Рима, въ плѣнъ къ Габинію. Послѣ этого несчастія Аристовулъ вновь былъ отосланъ въ Римъ и тамъ содержался въ темницѣ, процарствовавъ и бывъ первосвященникомъ три года и шесть мѣсяцевъ. Это былъ блестящій и великодушный человѣкъ. Дѣтей его сенатъ, впрочемъ, отпустилъ на волю, потому что Габиній написалъ, что обѣщалъ это ихъ матери въ награду за передачу (римлянамъ) крѣпостей.

2. Затѣмъ дѣти Аристовула вернулись назадъ въ Іудею. Габиній тѣмъ временемъ рѣшилъ предпринять походъ на пароянъ. Когда же онъ уже перешелъ чрезъ Евфратъ, ему заблагоразсудилось двинуться въ Египетъ и возстановить Птолемея на тронѣ. Впрочемъ, объ этомъ разсказано въ другомъ мѣстѣ [1].

[1] Срв. Іуд. война, I, VIII, 7. Въ примѣч. къ русск. переводу (стр. 42, пр. 1) сказано: „Въ Египетѣ въ то время были два царя, оба побочные сыновья Птолемея Лаеура: Птолемей Авлетъ въ Александріи и Птолемей Кипрскій,— на Кипрѣ. Оба пріобрѣли свою власть подкупомъ; но теперь римскій сенатъ разсудилъ, что пора прогнать безсильныхъ царей и присоединить ихъ владѣнія къ римскому государству. Посланный сенатомъ Катонъ безъ всякаго труда подчинилъ островъ, такъ какъ царь его отравился. Авлетъ же за свои жестокости былъ изгнанъ жителями Александріи, передавшими власть его зятю, жрецу Архелаю. Моментъ былъ очень удобный для того, чтобы уничтожить египетскую династію и превратить Египетъ въ римскую провинцію. Но Помпей и Крассъ, подкупленные Авлетомъ, поручили Габинію возвести его на престолъ. За исполненіе этого порученія Габиній былъ щедро награжденъ Авлетомъ, но по возвращеніи въ Римъ онъ былъ обвиненъ во взяточничествѣ и осужденъ на изгнаніе“.

Во время этого похода противъ Архелая Антипатръ снабдилъ Габинія хлѣбомъ, оружіемъ и деньгами, а также расположилъ въ его пользу и сдѣлалъ его союзниками тѣхъ іудеевъ, которые жили выше Пелузіума и должны были охранять доступъ въ Египетъ. Когда же онъ вернулся изъ Египта, то нашелъ Сирію въ полномъ возмущеніи и возстаніи. Дѣло въ томъ, что сынъ Аристовула, Александръ, которому вновь удалось насильно овладѣть царствомъ, возбудилъ многихъ іудеевъ, прошелъ во главѣ огромнаго войска по странѣ, убивалъ всѣхъ римлянъ, попадавшихся ему на пути и бѣжавшихъ на гору Гаризимъ, и наконецъ приступилъ къ осадѣ остальныхъ (римлянъ).

3. Когда же Габиній нашелъ Сирію въ такомъ положеніи, онъ, какъ умный человѣкъ, послалъ впередъ къ повстанцамъ Антипатра съ тѣмъ, чтобы тотъ постарался отговорить ихъ отъ безумнаго предпріятія и вернуться на болѣе разумный путь. Антипатру дѣйствительно удалось уговорить многихъ и вернуть ихъ къ своимъ обязанностямъ, но Александра онъ не былъ въ состояніи убѣдить. Послѣдній во главѣ тридцатитысячнаго іудейскаго войска выступилъ противъ Габинія, но потерпѣлъ въ бою пораженіе, причемъ у него пало у горы Итавирійской [1] десять тысячъ воиновъ.

4. Устроивъ затѣмъ дѣла въ Іерусалимѣ такимъ образомъ, какъ то казалось желательнымъ Антипатру, Габиній двинулся на наватейцевъ. Побѣдивъ ихъ въ бою, онъ послалъ впередъ (въ Римъ) пароянскихъ бѣглецовъ Митридата и Орсана, которые явились было къ нему подъ предлогомъ, что они убѣжали. Затѣмъ Габиній послѣ великихъ и славныхъ военныхъ подвиговъ самъ отправился въ Римъ, а провинцію передалъ Крассу.

[1] Библейская гора Таворъ нынѣ Djebeleth-Tur. Упоминается также въ Іуд. войнѣ, гдѣ дано слѣдующее описаніе (IV, 1, 8): „она подымается на высоту 30 стадій и едва досягаема съ сѣверной стороны; на ея вершинѣ разстилается равнина въ 26 стадій, вся заключенная укрѣпленіями“.

О походахъ Помпея и Габинія на іудеевъ писали также Николай Дамасскій и каппадокіецъ Страбонъ, причемъ ихъ сообщенія совершенно совпадаютъ между собою.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Собираясь въ походъ противъ пареянъ, Крассъ явился въ Іудею. Тутъ онъ похитилъ храмовыя деньги, оставшіяся отъ Помпея (на сумму двухъ тысячъ талантовъ), а также имѣлъ дерзость утащить изъ храма всю золотую утварь (на сумму восьми тысячъ талантовъ). При этомъ онъ присвоилъ себѣ также штангу изъ червоннаго золота, вѣсомъ въ триста минъ, а наша мина вѣситъ два съ половиною фунта. Эту жердь передалъ ему священнослужитель Елеазаръ, на обязанности котораго лежала охрана сокровищъ храма, и сдѣлалъ онъ это не изъ гнусности (напротивъ, это былъ человѣкъ почтенный и праведный), но потому, что видѣлъ, какъ Крассъ собирается захватить все золото храма. Такъ какъ Елеазару было поручено охранять также завѣсы храма, которыя были удивительной красоты и очень цѣнны, то онъ, опасаясь за всѣ храмовыя сокровища, рѣшился отдать Крассу золотую жердь вмѣсто всѣхъ остальныхъ цѣнностей, причемъ взялъ съ Красса клятвенное увѣреніе, что тотъ не тронетъ ничего болѣе, но удовлетворится этимъ подаркомъ стоимостью въ много десятковъ тысячъ. Золотая штанга была вдѣлана внутрь деревянной перекладины; объ этомъ было извѣстно одному только Елеазару, тогда какъ всѣ прочіе ничего о томъ не знали. Между тѣмъ Крассъ взялъ эту штангу, какъ будто бы дѣйствительно не имѣлъ въ виду взять еще что нибудь, но затѣмъ, вопреки своей клятвѣ, похитилъ изъ храма рѣшительно все золото.

2. Никого не должно удивлять, что въ нашемъ храмѣ была такая масса золота, потому что всѣ въ мірѣ іудеи, равно какъ прочіе почитатели Предвѣчнаго, въ Азіи и въ Европѣ, съ давнихъ временъ доставляли туда свои приношенія. Впрочемъ, масса упомянутыхъ нами сокровищъ вовсе не преувеличена нами изъ тщеславія или изъ хвастовства; множество другихъ историковъ подтверждаютъ наши данныя. Такъ, напр., у каппадокійца Страбона сказано слѣдующее: «Пославъ на (островъ) Косъ, Митридатъ велѣлъ взять цѣнности, спрятанныя тамъ царицею Клеопатрою, а также восемьсотъ талантовъ іудеевъ». У насъ нѣтъ другой общественной казны, кромѣ священной; поэтому очевидно, что азіатскіе евреи изъ страха предъ Митридатомъ перевезли свои богатства на островъ

Косъ: иначе совершенно непонятно, почему іудеи, обладавшіе укрѣпленнымъ городомъ и храмомъ, стали бы посылать свои цѣнности на Косъ. Въ равной мѣрѣ вполнѣ естественно, что этого не сдѣлали александрійскіе іудеи, которымъ нечего было бояться Митридата.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же самый Страбонъ сообщаетъ, что въ то время, какъ Сулла переправлялся въ Элладу для войны съ Митридатомъ, онъ послалъ въ Кирену Лукулла для подавленія возстанія нашихъ единоплеменниковъ, говоря, что послѣдними полонъ весь міръ. Его слова слѣдующія: «Четыре рода жителей было въ городѣ Киренѣ: граждане, земледѣльцы, колонисты и іудеи. Послѣдніе проникли уже во всѣ города, и не легко найти какое либо мѣсто на землѣ, гдѣ не нашлось бы это племя и которое не было бы занято имъ. Такъ, напр., Египетъ и Кирена, находящіеся подъ властью однихъ и тѣхъ же правителей, относятся ко всѣмъ остальнымъ безразлично, но охотно принимаютъ и содержатъ у себя толпы іудеевъ и процвѣтаютъ вмѣстѣ съ ними, слѣдуя законамъ іудейскимъ. Въ самомъ Египтѣ іудеи пользуются правомъ жительства и гражданства, и въ Александріи значительная часть города отведена этому племени. Надъ ними поставленъ даже ихъ собственный этнархъ, который управляетъ народомъ, разбираетъ его тяжбы и скрѣпляетъ сдѣлки и рѣшенія, совершенно на правахъ представителя самостоятельнаго народа. Итакъ, въ Египтѣ іудейское племя достигло такого могущества, потому что египтяне и іудеи одного происхожденія, а также оттого, что вышедшіе (изъ страны) іудеи поселились поблизости; а въ Кирену это перешло потому, что ея границы находятся въ соприкосновеніи съ Египтомъ, подобно Іудеѣ, которая вдобавокъ прежде была составною частью Египта». Таковы данныя Страбона.

3. Устроивъ все по своему желанію, Крассъ пошелъ войною на Пароію. Тутъ онъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, какъ то разсказано въ другомъ мѣстѣ [1]. Кассій между тѣмъ бѣжалъ въ Сирію и овладѣвъ ею, сталъ охранять ее отъ набѣга пареянъ, ставшихъ смѣлѣе послѣ побѣды надъ Крассомъ. Затѣмъ онъ прибылъ въ Тиръ и пошелъ также на Іудею. Тутъ онъ напалъ на Тарихею, быстро взялъ ее и, захвативъ около тридцати тысячъ человѣкъ въ плѣнъ, велѣлъ казнить Пиеолая, который смѣнилъ Аристовула въ качествѣ главаря мятежниковъ; къ этой казни побудилъ его Антипатръ, который пользовался огромнымъ авторитетомъ у него, также

[1] Срв. Іуд. война, I, 8, 8. Пареяне, по преданію, влили ненасытному и алчному Крассу въ ротъ расплавленное золото.

какъ и у идумеянъ, изъ среды которыхъ онъ взялъ себѣ и жену знатнаго арабскаго рода, по имени Капросъ. Отъ нея Антипатръ имѣлъ четырехъ сыновей, Фасаила, Ирода, который впослѣдствіи сталъ царемъ, Іосифа и Ферору, а также дочь Саломію.

Этотъ Антипатръ находился впрочемъ въ дружескихъ отношеніяхъ также съ другими правителями, особенно съ арабскимъ княземъ, которому онъ даже переслалъ дѣтей своихъ во время войны съ Аристовуломъ. Кассій, впрочемъ, вскорѣ двинулся къ Евфрату, чтобы тамъ встрѣтить нападеніе враговъ, какъ то повѣствуется и другими писателями.

4. Нѣсколько позже Цезарь овладѣлъ Римомъ послѣ бѣгства Помпея и сената за іонійское море и, освободивъ Аристовула изъ заточенія, рѣшилъ послать его во главѣ двухъ легіоновъ въ Сирію, чтобы, въ качествѣ вліятельнаго тамъ лица, дать благопріятный оборотъ тамошнимъ дѣламъ. Однако Аристовулу не пришлось порадоваться осуществленію надеждъ, которыя возникли у него, благодаря могуществу Цезаря: соумышленники Помпея поторопились отравить его и приверженцамъ Цезаря пришлось похоронить его. Его трупъ былъ набальзамированъ долгое время и сохранялся въ медѣ, пока впослѣдствіи Антоній не послалъ его въ Іудею, распорядившись похоронить его въ царскомъ склепѣ. Затѣмъ по порученію Помпея Сципіонъ велѣлъ отрубить голову сыну Аристовула, Александру, обвинивъ юношу въ проискахъ противъ римлянъ. Александръ такимъ образомъ погибъ въ Антіохіи, а братьевъ его принялъ къ себѣ Птолемей Меннеи, который правилъ надъ Халкидой, расположенной вблизи Ливанскаго хребта. Потомъ Птолемей послалъ сына своего Филиппіона въ Аскалонъ къ вдовѣ Аристовула, предлагая переслать къ нему ея сына Антигона и дочерей. Въ одну изъ нихъ, Александру, Филиппіонъ влюбился и женился на ней. Впрочемъ, впослѣдствіи Птолемей убилъ его и самъ женился на Александрѣ, а о братьяхъ ея постоянно заботился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Послѣ побѣды надъ Помпеемъ и его смерти, когда Цезарь сражался въ Египтѣ, ему весьма много услугъ оказывалъ Антипатръ, правитель іудеевъ сообразно повелѣнію Гиркана. Такъ, напр., когда Цезарь пытался привести вспомогательное войско пергамскому царю Митридату и не былъ въ состояніи пройти чрезъ Пелузіумъ, почему и долженъ былъ остановиться около Аскалона, къ нему явился на выручку Антипатръ съ тремя тысячами тяжеловооруженныхъ іудеевъ и въ концѣ концовъ побудилъ

также союзниковъ изъ Аравіи явиться къ нему на помощь. Ради Антипатра пошли въ походъ также всѣ сирійцы, не желавшіе отставать отъ другихъ въ своемъ воодушевленіи къ Цезарю, въ томъ числѣ князь Іамвлихъ и сынъ его Птолемей, населявшіе хребетъ Ливанскій, а также почти всѣ остальные города. Тогда Митридатъ выступилъ изъ Сиріи и прибылъ въ Пелузіумъ. Когда жители отказались принять его къ себѣ, онъ приступилъ къ осадѣ города. Тутъ опять отличился Антипатръ, а именно онъ первый пробилъ брешь въ одномъ мѣстѣ стѣны и тѣмъ далъ всѣмъ прочимъ возможность проникнуть въ городъ. Такимъ образомъ окончилось дѣло при Пелузіумѣ. Когда же Антипатръ и Митридатъ были на пути къ Цезарю, іудеи, населявшіе домъ Оніи, воспротивились ихъ проходу. Впрочемъ, и ихъ убѣдилъ перейти на свою сторону Антипатръ, особенно тѣмъ, что предъявилъ имъ письмо первосвященника Гиркана, гдѣ тотъ убѣждалъ ихъ быть друзьями Цезарю и доставлять его войску съѣстные припасы и все необходимое. Когда же іудеи убѣдились въ солидарности Антипатра и первосвященника, то охотно подчинились; а на основаніи слуховъ объ ихъ покорности жители окрестностей Мемфиса также пригласили къ себѣ Митридата, который явился къ нимъ и подчинилъ ихъ себѣ.

2. Когда онъ обошелъ такъ называемую Дельту, онъ сразился съ врагами около іудейскаго стана. Надъ правымъ крыломъ начальствовалъ Митридатъ, надъ лѣвымъ Антипатръ. Когда войска сошлись въ бою, крыло Митридата отступило и ему пришлось бы подвергнуться страшнѣйшей опасности, если бы Антипатръ, который успѣлъ уже разбить враговъ, не прибѣжалъ съ своими солдатами вдоль берега рѣки, не освободилъ бы Митридата и не обратилъ бы въ бѣгство уже побѣждавшихъ египтянъ. Во время преслѣдованія послѣднихъ Антипатръ овладѣлъ также ихъ лагеремъ, а Митридата удержалъ отъ дальнѣйшаго бѣгства. У Митридата пало при этомъ восемьсотъ человѣкъ, у Антипатра же сорокъ. Обо всемъ этомъ Митридатъ сообщилъ Цезарю, указывая при томъ на Антипатра, какъ на виновника не только побѣды, но и ихъ спасенія, такъ что тогда Цезарь выразилъ Антипатру похвалу и впослѣдствіи, въ самыя критическія минуты войны, всегда пользовался его поддержкою. Во время этихъ битвъ Антипатръ былъ раненъ.

3. Когда впослѣдствіи Цезарь окончилъ войну и отплылъ обратно въ Сирію онъ удостоилъ Гиркана и Антипатра великихъ почестей: перваго онъ утвердилъ въ санѣ первосвященника, а второму далъ право римскаго гражданства и освободилъ отъ всѣхъ рѣшительно повинностей.

Многіе увѣряютъ, будто и Гирканъ участвовалъ въ томъ походѣ и

(вмѣстѣ съ Антипатромъ) былъ въ Египтѣ. Это доказывается сообщеніемъ каппадокійца Страбона, говорящаго отъ имени Азинія слѣдующее: «послѣ вторженія Митридата и *іудейскаго первосвященника Гиркана*» въ Египетъ. Тотъ же самый Страбонъ въ другомъ мѣстѣ, ссылаясь на Ипсикрата, говоритъ, что Митридатъ выступилъ (противъ Египта) одинъ, а затѣмъ призвалъ къ себѣ въ Аскалонъ Антипатра, правителя Іудеи, который и доставилъ ему 3000 воиновъ, равно какъ склонилъ на его (Митридата) сторону также и другихъ правителей, и что въ этомъ походѣ участвовалъ тоже первосвященникъ Гирканъ.

4. Такъ повѣствуетъ Страбонъ. Въ это время явился къ Цезарю Антигонъ, сынъ Аристовула, и жалуясь на печальную участь отца своего, который по винѣ Цезаря палъ жертвою отравленія, и на то, что братъ его былъ казненъ Сципіономъ, просилъ сжалиться надъ его грустнымъ положеніемъ человѣка, изгнаннаго изъ своихъ владѣній. При этомъ онъ обвинялъ Гиркана и Антипатра въ томъ, что они правятъ народомъ лишь при помощи насилія и поступили съ нимъ (Антигономъ) крайне несправедливо. Бывшій при этомъ Антипатръ сталъ оправдываться въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ, указалъ на то, что Антигонъ окруженъ мятежными и безпокойными людьми, а также упомянулъ о своихъ трудахъ и подвигахъ во время походовъ, коихъ, по его словамъ, самъ Цезарь былъ свидѣтелемъ. Онъ при этомъ указывалъ на то, что Аристовулъ совершенно основательно былъ увезенъ въ Римъ, потому что являлся всегда заклятымъ врагомъ римлянъ; что же касается его брата, то его казнь Сципіономъ была лишь заслуженнымъ возмездіемъ за его разбойничьи набѣги, и онъ потерпѣлъ наказаніе совершенно основательно и справедливо.

5. Послѣ такого объясненія Антипатра Цезарь объявилъ Гиркана первосвященникомъ, а Антипатру предоставилъ всѣ права, которыхъ тотъ домогался, и рѣшилъ сдѣлать его полновластнымъ намѣстникомъ въ Іудеѣ. При этомъ онъ разрѣшилъ Гиркану, на основаніи его просьбы о такой милости, возстановить стѣны родного города, которыя оставались послѣ Помпея все еще разрушенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился, чтобы консулы въ Римѣ записали это постановленіе и помѣстили его въ Капитоліи. Рѣшеніе сената по этому было редактировано слѣдующимъ образомъ:

«Преторъ Люцій Валерій, сынъ Люція, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе сенату въ декабрьскія иды [1], въ храмѣ Согласія. Присутствовали при

[1] Т. е. 13 декабря.

записи рѣшенія Люцій Копоній, сынъ Люція, изъ коллинской, и Папирій изъ квиринской (трибы).

Относительно предложенія іудейскихъ старѣйшинъ: Александра, сына Іасона, Нуменія, сына Антіоха, и Александра, сына Дороѳея, мужей доблестныхъ и (римскихъ) союзниковъ, возобновить прежде заключенный съ римлянами дружественный союзъ, въ знакъ чего они привезли золотой щитъ цѣнностью въ пятьдесятъ тысячъ червонцевъ и просили выдать имъ охранныя грамоты къ независимымъ городамъ и царямъ, чтобы безпрепятственно и безопасно проѣзжать по ихъ владѣніямъ и входить въ ихъ гавани,—постановлено: вступить съ ними въ дружественный союзъ, исполнить ихъ просьбы и принять привезенный щитъ». Этотъ договоръ былъ заключенъ при первосвященникѣ и правителѣ Гирканѣ, въ девятый годъ его правленія, въ мѣсяцѣ Панемѣ.

И отъ аѳинскаго народа Гирканъ, оказавшій ему множество услугъ, добился подобной же чести. Аѳиняне прислали ему народное постановленіе слѣдующаго содержанія: «При пританніи [1] и священствѣ Діонисія, сына Асклепіада, въ пятый день послѣ мѣсяца Панема, было передано старѣйшинамъ сіе рѣшеніе аѳинянъ. Записалъ при архонтѣ Агаѳоклѣ Эвклъ, сынъ Менандра изъ Алимусы, въ одиннадцатый день мѣсяца Мунихія, въ одиннадцатую пританнію, во время засѣданія въ театрѣ; за правильностью голосованія слѣдилъ ерхіецъ Дороѳей съ помощниками; докладывалъ Діонисій, сынъ Діонисія. Постановлено народомъ: такъ какъ Гирканъ, сынъ Александра, первосвященникъ и правитель іудейскій, постоянно являлъ по отношеніи ко всему (аѳинскому) народу и по отношеніи къ отдѣльнымъ его представителямъ благоволеніе и всяческую о нихъ заботливость, какъ относительно тѣхъ аѳинянъ, которые являлись къ нему въ качествѣ пословъ, такъ и по своимъ личнымъ дѣламъ, всегда радушно принималъ ихъ и заботился о доставленіи имъ безопаснаго проѣзда по странѣ, что было и прежде засвидѣтельствовано нами и подтверждается нынѣ сообщеніями сунійца Ѳеодосія, сына Ѳеодора, который сдѣлалъ объ этомъ докладъ народу и упомянулъ о доблести названнаго мужа, присовокупивъ, что послѣдній имѣетъ въ виду и впредь оказывать намъ по силѣ возможности

[1] Пританніями назывались промежутки въ 35, позже въ 29—30 дней, въ теченіе которыхъ извѣстное отдѣленіе совѣта пятисотъ аѳинскихъ старѣйшинъ вѣдало всѣ общественныя дѣла. По этимъ пританніямъ велся счетъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, въ началѣ которыхъ обыкновенно помѣщалось еще упоминаніе имени перваго изъ десяти архонтовъ, стоявшихъ во главѣ республики.

всякую поддержку, — мы рѣшаемъ почтить Гиркана золотымъ почетнымъ вѣнкомъ по закону, воздвигнуть въ храмахъ народномъ и Харитъ его бронзовую статую и возвѣстить объ этомъ чрезъ глашатаевъ въ театрѣ, во время праздниковъ Діонисія, при представленіи новыхъ трагедій, а также въ праздники Панаѳинейскіе и элевсинскіе во время гимнастическихъ игръ. Чиновники должны позаботиться о томъ, чтобы Гиркану, пока онъ будетъ пребывать въ столь дружественномъ къ намъ расположеніи, оказывались всевозможныя льготы и любезности, дабы видно было, что народъ нашъ чествуетъ славныхъ мужей и питаетъ такія чувства признательности къ достойнымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ избрать изъ среды аѳинянъ пословъ, которые отвезли бы Гиркану данное постановленіе и предложили бы ему, послѣ оказанія ему указанныхъ почестей, и впредь всегда относиться благожелательно къ нашему городу».

Однако довольно этихъ доказательствъ того, какимъ почетомъ пользовался Гирканъ у римлянъ и у аѳинскаго народа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Устроивъ дѣла въ Сиріи, Цезарь отплылъ назадъ. Лишь только Антипатръ, сопровождавшій Цезаря во время отбытія его изъ Сиріи, вернулся въ Іудею, онъ приступилъ немедленно къ возстановленію разрушенной Помпеемъ стѣны и разъѣзжая по странѣ успокаивалъ смуту либо угрозами, либо увѣщаніями держаться спокойно. При этомъ онъ поставлялъ на видъ, что тѣ, кто будетъ преданъ Гиркану, будутъ жить въ полномъ благополучіи и спокойно и безмятежно пользоваться своимъ имуществомъ, тогда какъ всѣ тѣ, которые станутъ предаваться пустымъ надеждамъ на возможность возстанія и разсчитывать на могущія явиться въ результатѣ его выгоды, будутъ имѣть въ немъ, вмѣсто намѣстника, властелина, въ Гирканѣ вмѣсто царя, тирана, а въ римлянахъ и Цезарѣ вмѣсто покровителей злыхъ враговъ. При этомъ Антипатръ присовокуплялъ, что и римляне не допустятъ смѣщенія того, кто ими самими поставленъ во главѣ страны. Такими убѣжденіями онъ водворялъ порядокъ по всей странѣ.

2. Видя, что Гирканъ медлителенъ и апатиченъ, Антипатръ назначилъ старшаго изъ сыновей своихъ, Фасаила, начальникомъ надъ Іерусалимомъ и его окрестностями, а слѣдующему за нимъ сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь двадцать пять лѣтъ [1] поручилъ управленіе

[1] Таково обычное чтеніе. Въ изданіи Naber'a по Casaubon. правильнѣе поставлено число 15.

Галилеею. Впрочемъ, послѣднему нисколько не мѣшала его юность; будучи человѣкомъ разсудительнымъ, юноша немедленно нашелъ возможность выказать свою доблесть, а именно, ему удалось захватить Езекію, атамана разбойниковъ, совершавшаго во главѣ огромнаго отряда набѣги на пограничныя съ Сиріею области; затѣмъ онъ казнилъ его и многихъ его товарищей по шайкѣ. Это дѣло вызвало въ сирійцахъ большую симпатію къ Ироду, потому что онъ очистилъ страну отъ разбоевъ, о чемъ они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это въ деревняхъ и городахъ, такъ какъ онъ вернулъ имъ миръ и спокойное, безмятежное пользованіе благами жизни. Благодаря этому, Иродъ сталъ извѣстенъ также и Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великаго, намѣстнику Сиріи. Тогда у брата Ирода, Фасаила, также явилось желаніе совершить подобные подвиги и, побуждаемый славою брата, онъ желалъ снискать себѣ такую же популярность. Ему удалось достигнуть этого и снискать полное благоволеніе жителей іерусалимскихъ, самостоятельно управляя городомъ, не возносясь, какъ то свойственно неблагороднымъ людямъ, и не злоупотребляя своею властью. Все это привело къ тому, что Антипатръ пользовался въ глазахъ народа прямо царскою властью и почестями, которыя обыкновенно выпадаютъ на долю лишь неограниченнымъ властителямъ. Между тѣмъ однако Антипатръ нисколько, какъ то часто случается, въ своемъ всемогуществѣ не умалялъ своей преданности по отношенію къ Гиркану.

3. Когда тѣ изъ іудеевъ, которые занимали общественныя должности, увидѣли насколько возвысились Антипатръ и его сыновья благодаря популярности ихъ и денежнымъ средствамъ Іудеи и Гиркана, они почувствовали злобу противъ Антипатра. Дѣло въ томъ, что онъ заключилъ дружбу съ римскими властелинами, а затѣмъ уговорилъ Гиркана послать имъ денегъ, которыя тотъ передавалъ ему, а Антипатръ пересылалъ римлянамъ эти суммы уже отъ своего имени, а не отъ лица Гиркана. Когда Гирканъ узналъ объ этомъ, онъ не только не разсердился, но даже очень былъ радъ этому.

Между тѣмъ болѣе выдающіеся іудеи, видя, какъ своевластенъ, отваженъ и властолюбивъ становится Иродъ, явились къ Гиркану и стали уже открыто обвинять Антипатра, говоря: «доколѣ же станешь ты спокойно взирать на все происходящее? Или ты не видишь, что Антипатръ и его сыновья раздѣлили между собою всю власть, тогда какъ ты лишь по имени остаешься царемъ? Не закрывай же на это глазъ своихъ, не считай себя вполнѣ безопаснымъ, относясь столь легкомысленно къ себѣ и царской

власти. Не обманывай себя убѣжденіемъ, будто Антипатръ и его сыновья теперь все еще твои замѣстители, но обрати вниманіе на то, что они открыто признаются полновластными правителями. Такъ, напр., сынъ его Иродъ нарушилъ нашъ законъ, казнивъ Езекію и его товарищей. А между тѣмъ законъ запрещаетъ казнить безъ приговора суда даже преступника. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился на такое дѣяніе, не имѣя отъ тебя на то полномочія».

4. При этихъ словахъ Гирканъ склонился (въ пользу обвинителей), тѣмъ болѣе, что и матери убитыхъ Иродомъ возбуждали его гнѣвъ тѣмъ, что ежедневно напоминали въ храмѣ царю и народу, что онъ долженъ предать Ирода суду синедріона. Все это наконецъ побудило Гиркана вызвать Ирода въ судъ, дабы онъ оправдалъ себя въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Иродъ дѣйствительно явился въ судъ, причемъ отецъ посовѣтовалъ ему явиться туда не въ качествѣ частнаго лица, но съ предосторожностями и отрядомъ тѣлохранителей. Сдѣлавъ въ Галилеѣ нужныя на всякій случай распоряженія, Иродъ явился въ сопровожденіи такого отряда, который по сравнительной малочисленности своей не могъ возбудить опасеній въ Гирканѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ достаточенъ для того, чтобы въ случаѣ необходимости защитить его въ судѣ. Тѣмъ временемъ намѣстникъ сирійскій Секстъ написалъ Гиркану письмо съ предложеніемъ оправдать Ирода и съ выраженіемъ угрозы въ противномъ случаѣ. Письмо Секста явилось для Гиркана желаннымъ поводомъ освободить Ирода, котораго онъ любилъ какъ родного сына, отъ отвѣтственности предъ синедріономъ. И вотъ, когда Иродъ, окруженный своимъ отрядомъ, явился въ синедріонъ, онъ нагналъ на всѣхъ такой страхъ, что никто изъ прежнихъ его обвинителей не рѣшился сказать противъ него ни одного слова, наступила минута всеобщаго молчанія и всѣ были въ полномъ недоумѣніи, что дѣлать дальше. Въ такомъ положеніи одинъ только человѣкъ, нѣкій Самея, мужъ праведный и стоявшій, вслѣдствіе того, выше всякаго страха, поднялся съ своего мѣста и сказалъ: «товарищи судьи и ты, царь! Ни я самъ, ни вы, вѣроятно, никогда еще не видали, чтобы такимъ образомъ являлся въ судъ обвиняемый. Всякій, кому приходилось когда либо являться сюда на судьбище въ качествѣ обвиняемаго, являлся сюда въ смущеніи и съ робостью, съ видомъ человѣка, желающаго возбудить нашу жалость, съ распущенными волосами и въ темномъ одѣяніи. Между тѣмъ нашъ любезнѣйшій Иродъ, обвиняемый въ убійствѣ и съ этою цѣлью приглашенный сюда, облекся въ пурпуръ, убралъ по праздничному свою голову и явился къ намъ въ сопровожденіи воиновъ съ цѣлью перебить всѣхъ

насъ, если мы по закону осудимъ его, а самому спастись, совершивъ насиліе надъ правосудіемъ. Впрочемъ, я не стану обвинять Ирода, что онъ болѣе занятъ огражденіемъ своей личной безопасности, чѣмъ соблюденіемъ закона: вѣдь вы сами, равно какъ и царь, пріучили его къ такой смѣлости. Однако знайте, что Господь Богъ всемогущъ и что этотъ (юноша), котораго вы теперь желаете въ угоду Гиркану оправдать, нѣкогда накажетъ васъ и самого царя за это».

Все это дѣйствительно впослѣдствіи вполнѣ сбылось: Иродъ, самъ ставъ царемъ, казнилъ всѣхъ судей синедріона, кромѣ одного Самеи, равно какъ самого Гиркана. Самею Иродъ ставилъ очень высоко за его праведность, равно какъ за то, что, когда впослѣдствіи городъ былъ осаждаемъ Иродомъ и Соссіемъ, Самея уговорилъ народъ впустить ихъ, ссылаясь при этомъ на то, что вслѣдствіе грѣховности народа это неизбѣжно. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

5. Когда Гирканъ замѣтилъ, что члены синедріона (всетаки) собираются осудить Ирода, онъ отложилъ засѣданіе до другого дня, а самъ тайно послалъ Ироду совѣтъ бѣжать изъ города и тѣмъ избѣжать опасности. Иродъ дѣйствительно удалился въ Дамаскъ, какъ будто убѣгая отъ царя, когда же онъ прибылъ къ Иродъ Сексту Цезарю и почувствовалъ себя у него въ безопасности, то явно высказалъ нежеланіе повиноваться, если бы синедріонъ вздумалъ вызвать его вторично въ судъ. На это члены синедріона разсердились и всѣми силами старались убѣдить Гиркана, что все это онъ дѣлаетъ себѣ же во вредъ. Гирканъ это отлично сознавалъ, но ничего не могъ подѣлать, по отсутствію мужества и бездѣятельности.

Когда же Секстъ назначилъ Ирода (за извѣстную сумму денегъ) намѣстникомъ надъ Келесиріею, Гирканъ испугался, какъ бы Иродъ не вздумалъ пойти на него войною. Немного спустя это его опасеніе дѣйствительно сбылось, потому что Иродъ двинулся во главѣ войска войною, чтобы отомстить за свой вызовъ въ судъ и за то, что ему пришлось выслушать въ засѣданіи синедріона. Впрочемъ, отъ нападенія на Іерусалимъ его удержали выступившіе ему на встрѣчу отецъ Антипатръ и братъ его; имъ удалось успокоить его гнѣвъ и убѣдить не предпринимать ничего, но удовлетвориться тѣмъ, что онъ нагналъ страхъ на того, кто помогъ ему достигнуть такого высокаго положенія. Если Иродъ, говорили они, сердится на то, что ему пришлось предстать предъ судомъ, то пусть онъ вспомнитъ также о своемъ освобожденіи и будетъ благодарнымъ за него, вмѣсто того, чтобы платить за это насиліемъ и не быть признательнымъ за свое спасеніе; кромѣ того, пусть онъ подумаетъ также о томъ, что,

если Господь рѣшаетъ судьбы войны, этотъ походъ крайне несправедливъ; поэтому онъ не можетъ и разсчитывать на побѣду, такъ какъ собирается воевать съ царемъ и близкимъ человѣкомъ, отъ котораго онъ испыталъ много хорошаго и который не оказалъ ему никакого зла; если-же этотъ человѣкъ навлекъ на себя его подозрѣніе и хотя бы тѣнь неудовольствія, то въ этомъ можно обвинять не его самого, а скорѣе его совѣтниковъ....

Иродъ внялъ такимъ убѣжденіямъ, полагая при этомъ, что для его личныхъ разсчетовъ вполнѣ уже достаточно, если ему удалось хотя бы только показать народу свое могущество.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1. Таковы были тогда дѣла въ Іудеѣ. Тѣмъ временемъ Цезарь, вернувшись въ Римъ, готовился къ отплытію въ Африку, чтобы воевать тамъ съ Сципіономъ и Катономъ. Тогда Гирканъ отправилъ къ нему пословъ съ просьбою утвердить дружественный союзъ съ нимъ. При этомъ случаѣ я считаю необходимымъ упомянуть здѣсь о всѣхъ почетныхъ союзахъ, заключенныхъ между римлянами, ихъ властителями и нашимъ народомъ, дабы всѣ знали, какъ хорошо относились къ намъ цари Азіи и Европы, уважая нашу храбрость и вѣрность. Такъ какъ многіе изъ нерасположенія къ намъ не довѣряютъ тому, что писано о насъ персидскими и македонскими авторами, которые къ тому же не находятся въ публичныхъ библіотекахъ, но имѣются только у насъ и у нѣкоторыхъ другихъ варварскихъ народовъ, тогда какъ сообщенія римлянъ неоспоримы (дѣло въ томъ, что всѣ эти данныя записаны въ городскихъ архивахъ и въ Капитоліи до сихъ поръ находятся вырѣзанными на мѣдныхъ таблицахъ, подобно тому какъ Цезарь Юлій, сдѣлавъ александрійскихъ іудеевъ полноправными гражданами, объявилъ о томъ, распорядившись воздвигнуть мѣдную колонну въ Александріи съ соотвѣтствующею надписью), — въ виду всего этого я и остановлюсь на данномъ вопросѣ. Я приведу факты на основаніи рѣшеній римскаго сената и Юлія Цезаря, касающихся Гиркана и нашего народа.

2. «Гай Юлій Цезарь, императоръ и верховный жрецъ [1], вторично избранный диктаторомъ, посылаетъ свой привѣтъ начальству, совѣту и

[1] Такъ назыв. pontifex maximus, титулъ одного изъ наиболѣе выдающихся чиновниковъ въ Римѣ.

народу сидонійскому. Если вы себя чувствуете хорошо, то я радуюсь, ибо я со своимъ войскомъ тоже доволенъ.

Посылаю вамъ при семъ копію постановленія, внесеннаго на (мѣдную) доску и касающагося Гиркана, сына Александра, первосвященника и правителя іудейскаго, дабы вы внесли его въ вашъ государственный архивъ, и выражаю при этомъ желаніе, чтобы вы выставили это постановленіе на мѣдной таблицѣ написаннымъ погречески и полатински. Вотъ эта копія: Юлій Цезарь, вторично императоръ и верховный жрецъ, постановилъ на основаніи рѣшенія совѣта: Такъ какъ іудей Гирканъ, сынъ Александра, какъ нынѣ такъ и раньше, во время мира и на войнѣ, являлъ себя всегда вѣрнымъ и ревностнымъ представителемъ нашихъ интересовъ, какъ то засвидѣтельствовано цѣлымъ рядомъ другихъ полководцевъ, и въ виду того, что онъ во время послѣдняго александрійскаго похода явился къ намъ на помощь во главѣ полуторатысячнаго отряда, а во время отправки его мною противъ Митридата превзошелъ всѣхъ, бывшихъ въ строю, храбростью, то по всѣмъ этимъ причинамъ я назначаю Гиркана, сына Александра, съ потомствомъ іудейскими этнархами, желаю, чтобы они навсегда сохранили за собою установленное ихъ законами первосвященническое достоинство, и желаю видѣть въ немъ и его сыновьяхъ нашихъ союзниковъ, которые должны постоянно считаться въ числѣ преданнѣйшихъ друзей нашихъ. Всѣ дѣла, касающіяся культа или внутреннихъ отношеній іудеевъ между собою, пусть разрѣшаетъ онъ самъ или вѣдаютъ его сыновья. Равнымъ образомъ, если бы возникъ какой-либо споръ между іудеями, я признаю авторитетность его рѣшенія (Гирканомъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаю, чтобы войска располагались у него на зимнія стоянки или чтобы съ него взимались какія либо денежныя суммы».

3. «Рѣшеніе и постановленіе консула Гая Цезаря таково: пусть сыновья его (Гиркана) правятъ народомъ іудейскимъ и пользуются доходами съ предоставленныхъ имъ земель, а первосвященникъ, онъ же и правитель іудеевъ, пусть творитъ верховный судъ. Къ Гиркану, сыну Александра, іудейскому первосвященнику, слѣдуетъ отправить пословъ для заключенія съ нимъ дружественнаго наступательнаго и оборонительнаго союза. Должно выставить на Капитоліи, равно какъ въ храмахъ сидонскомъ, тирійскомъ и аскалонскомъ, по мѣдной таблицѣ съ соотвѣтственною надписью на римскомъ и греческомъ языкахъ. Пусть это постановленіе будетъ сообщено всѣмъ городскимъ начальникамъ и ихъ подчиненнымъ, равно какъ всѣмъ нашимъ друзьямъ. Слѣдуетъ вручить посламъ дары и повсюду разослать это (наше) рѣшеніе».

4. «Гай Цезарь, императоръ, диктаторъ и консулъ, симъ объявляетъ сенату и римскому народу, что за доблесть и расположенiе назначаетъ самого Гиркана, сына Александра, и его потомковъ первосвященниками и священнослужителями iерусалимскими и судьями народа на томъ самомъ основанiи, въ силу котораго ихъ предки занимали священническiя должности».

5. «Гай Цезарь, въ пятый разъ консулъ, симъ постановляетъ, что первосвященникъ и этнархъ iудейскiй Гирканъ, сынъ Александра, можетъ владѣть, управлять городомъ Iерусалимомъ по своему усмотрѣнiю и укрѣпить его стѣнами. Пусть будутъ iудеи освобождены въ каждый второй податной годъ отъ взноса одного кора (пшеницы) и пусть они не будутъ употребляемы на какiя бы то ни было общественныя работы и освобождены отъ всякихъ другихъ повинностей».

6. «Гай Цезарь, вторично императоръ, симъ постановилъ: всѣ iудейскiе города, за исключенiемъ Яффы, должны платить извѣстную сумму въ пользу Iерусалима ежегодно, исключая каждаго седьмого года, который называется iудеями субботнимъ, въ каковой ни сѣютъ, ни собираютъ плодовъ древесныхъ; жители Сидона обязаны каждый второй годъ въ видѣ пошлины выплачивать четвертую часть жатвы; кромѣ того, они обязаны платить Гиркану и его сыновьямъ десятину, какъ они платили таковую также предкамъ его; пусть ни одинъ чиновникъ, ни одинъ преторъ ни одинъ легатъ не набираетъ войскъ въ предѣлахъ iудейскихъ, равно какъ не допускаетъ солдатъ вымогать отъ iудеевъ деньги ни для зимовокъ, ни подъ какимъ-либо другимъ предлогомъ; пусть iудеи будутъ свободны отъ всѣхъ рѣшительно повинностей; все, что впослѣдствiи будетъ принадлежать iудеямъ въ силу прiобрѣтенiя или покупки, должно принадлежать имъ невозбранно. Мы желаемъ, чтобы городъ Яффа, который первоначально уже принадлежалъ iудеямъ при заключенiи ими дружественнаго договора съ римлянами, будетъ, какъ и прежде, ихъ собственностью; пусть въ качествѣ натуральной повинности сынъ Александра, Гирканъ, и его потомки получаютъ съ окрестныхъ землевладѣльцевъ, за вывозимую ежегодно изъ страны въ сидонскую гавань пшеницу, двадцать шесть тысячъ семьдесятъ пять мѣръ, исключая седьмой годъ, т. назыв. субботнiй, когда iудеи ни сѣютъ, ни собираютъ плодовъ древесныхъ; всѣ поселенiя, находящiяся въ такъ назыв. Великой равнинѣ, которыми раньше владѣли Гирканъ и его предки, по рѣшенiю сената должны и впредь принадлежать ему на прежнихъ основанiяхъ. Равнымъ образомъ остаются въ силѣ всѣ древнiя отношенiя какъ между отдѣльными iудеями, такъ и между первосвященниками

и священнослужителями, равно какъ всѣ постановленiя (римскаго) народа и сената относительно iудеевъ. Всѣ эти права ихъ распространяются также на жителей города Лидды. Всѣ мѣстности, земли и поселенiя, которыми владѣли сирiйскiе и финикiйскiе цари въ награду за свой союзъ съ римлянами, сенатъ признаетъ (отнынѣ) собственностью этнарха Гиркана и iудеевъ. Гиркану, его сыновьямъ и ихъ посламъ предоставляется право сидѣть въ театрѣ среди сенаторовъ во время гладiаторскихъ боевъ или боя звѣрей и, въ случаяхъ, если бы они просили у диктатора или высшаго сановника права присутствовать на засѣданiяхъ сената, то они должны быть допускаемы туда и постановленiя сената должны сообщаться имъ не позже десятидневнаго срока послѣ постановленiя рѣшенiя».

7. «Гай Цезарь, въ четвертый разъ выбранный полномочнымъ диктаторомъ и уже пожизненнымъ и въ пятый разъ назначенный консуломъ, постановилъ слѣдующее рѣшенiе относительно правъ iудейскаго первосвященника и этнарха Гиркана, сына Александра: въ виду того, что мои предшественники по управленiю провинцiями засвидѣтельствовали все лучшее относительно первосвященника iудейскаго Гиркана и самихъ iудеевъ предъ лицомъ сената и народа римскаго, причемъ какъ народъ такъ и сенатъ выразили iудеямъ свою за это признательность, то и намъ слѣдуетъ вспомнить о томъ и позаботиться, чтобы со стороны сената и римскаго народа еще разъ воспослѣдовало выраженiе благодарности Гиркану, всему iудейскому народу и сыновьямъ Гиркана за выраженное ими къ намъ расположенiе и всяческiя ихъ намъ услуги».

8. «Юлiй Гай, преторъ и консулъ римскiй, посылаетъ привѣтъ свой начальникамъ, совѣту и народу (острова) Пароса. Въ присутствiи вашихъ пословъ ко мнѣ явились делегаты отъ делосскихъ iудеевъ и нѣкоторые изъ iудейскихъ поселенцевъ и заявили мнѣ, что вы путемъ законодательныхъ рѣшенiй препятствуете имъ жить по ихъ роднымъ обычаямъ и отправлять ихъ богослуженiе. Мнѣ вовсе не нравятся такiя рѣшенiя ваши относительно нашихъ друзей и союзниковъ, что вы имъ препятствуете жить по ихъ собственнымъ обычаямъ, собирать деньги на ихъ личныя и богослужебныя нужды, тогда какъ это не возбраняется имъ даже въ Римѣ. Нашъ преторъ и консулъ Гай Цезарь въ своемъ постановленiи относительно запрещенiя всякихъ сходокъ въ городѣ (Римѣ) изъялъ именно iудеевъ изъ общаго правила и разрѣшилъ имъ собирать деньги и собираться на совѣщанiя. Равнымъ образомъ и я, запретивъ всѣ прочiя сходки, разрѣшаю однимъ только iудеямъ собираться сообразно ихъ установленiямъ и отправлять требованiя ихъ закона. Поэтому и вы должны отмѣнить всѣ свои поста-

новленія, которыя вы сдѣлали относительно нашихъ друзей и союзниковъ, вслѣдствіе доблестнаго и прекраснаго къ намъ отношенія іудеевъ».

9. Когда послѣ смерти Гая консулами были Маркъ Антоній и Публій Долабелла, они собрали сенатъ и, введя туда посланныхъ Гиркана, стали поддерживать ихъ просьбу, т. е. также заключили дружественный союзъ съ ними. Всѣ ихъ просьбы исполнилъ сенатъ, сдѣлавъ соотвѣтственное распоряженіе. Для того, чтобы читатели этого сочиненія имѣли подъ руками точное тому доказательство, я привожу здѣсь самый текстъ сенатскаго рѣшенія. Вотъ оно:

10. «Сенатское рѣшеніе, взятое изъ архива и изъ общественныхъ таблицъ квесторовъ, при квесторахъ Квинтѣ Рутиліи и Квинтѣ Корнеліи. Таблицы второй начало: постановлено за три дня до апрѣльскихъ идъ [1] въ храмѣ богини Согласія, въ присутствіи Люція Кальпурнія Пизона изъ мененской трибы, Сервія Папинія Квинта изъ лемонской трибы, Гая Каниція Ревила изъ теретинской трибы, Публія Тидетія, сына Левкія изъ поллійской трибы, Левкія Апулина, сына Левкія изъ серпійской трибы, Флавія Левкія изъ лемонской трибы, Публія Плавтія, сына Публія, изъ папирской трибы, Марка Акилія, сына Марка, изъ мекійской трибы, Левкія Ерукія, сына Левкія изъ стеллатинской трибы, Марка Квинта Планкилла, сына Марка изъ поллійской трибы, и Публія Серія. Докладъ сдѣлали консулы Публій Долабелла и Маркъ Антоній. Въ виду того, что сенатское постановленіе, состоявшееся относительно іудеевъ при Гаѣ Цезарѣ, не было внесено въ квесторскій архивъ, мы, по предложенію консуловъ Публія Долабеллы и Марка Антонія, рѣшили внести его на мѣдныя таблицы и сообщить городскимъ квесторамъ, дабы и они помѣстили у себя двойную копію его. Постановленіе это состоялось за пять дней до февральскихъ идъ въ храмѣ Согласія. Представителями первосвященника Гиркана были при этомъ слѣдующія лица: Лисимахъ, сынъ Павсанія, Александръ, сынъ Ѳеодора, Патроклъ, сынъ Херея, и Іонаѳъ, сынъ Оніи».

11. Одного изъ этихъ делегатовъ Гирканъ послалъ также къ тогдашнему претору въ Азіи, Долабеллѣ, съ просьбою освободить іудеевъ отъ военной службы и разрѣшить имъ, держась старинныхъ обычаевъ, не нарушать исконнаго ихъ образа жизни. Полученіе этого разрѣшенія ему не стоило большого труда: получивъ письмо Гиркана, Долабелла безъ дальнихъ совѣщаній разослалъ по всѣмъ городамъ Азіи, на первомъ же

[1] Т. е. 11 апрѣля.

планѣ главному тогда городу въ Азіи, Ефесу, относительно іудеевъ циркуляръ слѣдующаго содержанія:

12. «Въ первое число мѣсяца Ленея при пританнѣ Артемонѣ, преторъ Долабелла посылаетъ совѣту, начальникамъ и народу города Ефеса свой привѣтъ. Александръ, сынъ Ѳеодора, посланный первосвященника и этнарха іудейскаго Гиркана, сына Александра, доложилъ мнѣ о невозможности его единоплеменникамъ носить оружіе и участвовать въ походахъ въ субботніе дни, равно какъ о невозможности доставать предписанную имъ закономъ пищу. Поэтому и я, сообразно примѣру моихъ предшественниковъ, освобождаю іудеевъ отъ военной службы, разрѣшаю имъ слѣдовать ихъ законнымъ исконнымъ ритуальнымъ установленіямъ и отправлять священныя жертвы, равно какъ собирать съ этою цѣлью нужныя для того денежныя суммы и предлагаю вамъ сіе мое рѣшеніе оповѣстить по городамъ».

13. Такую любезность оказалъ Долабелла Гиркану, отправившему къ нему посла.

Постановленіе консула Люція Лентула:

«Симъ освобождаю римскихъ гражданъ іудейскаго исповѣданія, живущихъ и отправляющихъ свое богослуженіе въ Ефесѣ, въ виду ихъ религіозныхъ убѣжденій, въ этомъ засѣданіи, состоявшемся за двѣнадцать дней до октябрьскихъ календъ [1], въ консульство Люція Лентула и Гая Марцелла, отъ военной службы. Постановленіе это состоялось въ присутствіи трибуна Тита Аппія Бальба, сына Тита, изъ гарантинской трибы, Тита Тонгія, сына Тита, изъ кростоминской трибы, Квинта Раисія, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, военнаго трибуна Гая Сервилія Бракха, сына Гая, изъ теретинской трибы, Публія Клузія Галла, сына Публія, изъ ветурійской трибы, и Гая Сенція, сына Гая, изъ саботинской трибы».

«Трибунъ и пропреторъ Титъ Аппій Бальбъ, сынъ Тита, симъ посылаетъ должностнымъ лицамъ, совѣту и народу города Ефеса свой привѣтъ. Въ виду моего ходатайства за живущихъ въ Азіи іудеевъ консулъ Люцій Лентулъ освободилъ ихъ отъ военной службы. Послѣ этого я достигъ того же самаго постановленія отъ пропретора Фаннія и проквестора Люція Антонія, почему прошу васъ позаботиться о томъ, чтобы никто не побуждалъ (къ военной службѣ) іудеевъ».

14. Народное рѣшеніе делосцевъ:

«Распоряженіе начальства при архонтѣ Беотѣ, въ двадцатый день мѣсяца Ѳаргеліона. Квартирующій въ нашемъ городѣ и завѣдующій вои-

[1] Т. е. двадцатаго сентября.

скимъ наборомъ легатъ Маркъ Пизонъ, созвавъ насъ и правоспособныхъ гражданъ, распорядился не набирать въ военную службу никого изъ римско-подданныхъ іудеевъ, въ виду того, что они по ритуальнымъ соображеніямъ освобождены отъ военной службы консуломъ Люціемъ Корнеліемъ Лентуломъ. Въ силу этого мы должны повиноваться рѣшенію легата».

Подобное же постановленіе сдѣлали относительно насъ также граждане города Сардъ.

15. «Гай Фанній, сынъ Гая, проконсулъ, посылаетъ привѣтъ должностнымъ лицамъ Коса. Симъ извѣщаю васъ, что посланные іудейскіе обратились ко мнѣ съ просьбою получить копію постановленнаго относительно ихъ сенатскаго рѣшенія, которое при семъ и прилагается. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, на основаніи сенатскаго декрета, позаботиться объ этихъ людяхъ и приложить стараніе, чтобы они могли безпрепятственно проѣхать къ себѣ домой чрезъ ваши владѣнія».

16. «Консулъ Люцій Лентулъ объявляетъ: тѣхъ іудеевъ римскоподданныхъ, которыхъ я нашелъ отправляющими свое богослуженіе въ Ефесѣ, я освобождаю симъ вслѣдствіе соображеній ритуальнаго свойства (отъ военной службы). Постановленіе это сдѣлано за двѣнадцать дней до календъ мѣсяца Квинктилія». [1]

17. «Проквесторъ и пропреторъ Люцій Антоній, сынъ Марка, симъ шлетъ привѣтъ свой должностнымъ лицамъ, совѣту и населенію города Сардъ. Такъ какъ римскіе граждане іудейскаго закона явились ко мнѣ съ заявленіемъ, что у нихъ имѣются издревле существующія собранія и судилище, гдѣ они разрѣшаютъ всѣ свои (внутреннія) дѣла и личные споры, и просили меня сохранить за ними эти учрежденія, я рѣшилъ исполнить ихъ просьбу и предоставить и дальше имъ его.»

18. «Маркъ Публій, сынъ Спурія, Маркъ, сынъ Марка, и Люцій, сынъ Публія, заявляютъ: послѣ того, какъ мы доложили проконсулу Лентулу о просьбѣ александрійца Досиѳея, сына Клеопатрида, чтобы римскіе граждане іудейскаго вѣроисповѣданія, отправляющіе издавна свое богослуженіе, были освобождены отъ военной службы, и спросили его мнѣнія на сей счетъ, онъ освободилъ этихъ іудеевъ въ виду соображеній ритуальнаго свойства. Постановленіе его состоялось за двѣнадцать дней до календъ мѣсяца Квинктилія.»

19. При консулахъ Люціи, Лентулѣ и Гаѣ Марцеллѣ, въ присутствіи трибуна Тита Аппія Бальба, сына Тита, изъ гораціанской трибы, Тита

[1] Т. е. 19 сентября.

Тонгія изъ крустоминской трибы, Квинта Раисія, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, изъ корнелійской трибы, военнаго трибуна Гая Сервилія Гракха, сына Гая, изъ трибы теретинской, Публія Клузія Галла, сына Публія, изъ ветурійской трибы, военнаго трибуна Гая Тевтія, сына Гая, изъ эмилійской трибы, Секста Атилія Серрана, сына Секста, изъ эмилиевой трибы, Гая Помпея, сына Гая, изъ сабатинской трибы, Тита Аппія Менандра, сына Тита, Публія Сервилія Страбона, сына Публія, Люція Пакція Капитона, сына Люція, изъ коллинской трибы, Авла Фурія Тертія, сына Авла, и Аппія Менаса — въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ Лентулъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: симъ освобождаю (отъ военной службы) тѣхъ римскихъ гражданъ іудейскаго вѣроисповѣданія, которые издавна отправляютъ свое богослуженіе въ Ефесѣ; я дѣлаю это въ настоящемъ засѣданіи въ виду соображеній ритуальнаго свойства.

20. «Должностныя лица города Лаодикеи симъ привѣтствуютъ консула Гая Рабилія, сына Гая. Отправленный первосвященникомъ Гирканомъ посолъ Сопатръ вручилъ намъ письмо твое, въ которомъ ты пишешь намъ, что отъ первосвященника іудейскаго Гиркана явились послы съ письменною просьбою разрѣшить іудеямъ отправленіе субботъ и остального культа сообразно ихъ древнимъ религіознымъ постановленіямъ, дабы никто не имѣлъ права вмѣшиваться въ ихъ дѣла, такъ какъ они наши друзья и союзники, и дабы никто не обижалъ ихъ въ нашей области. Такъ какъ жители Траллъ открыто воспротивились этому твоему постановленію, а ты всетаки принудилъ ихъ къ этому, то іудеи просили тебя также отписать и намъ относительно ихъ. Итакъ мы готовы повиноваться твоему предложенію и заявляемъ, что получивъ твое посланіе, мы внесли его въ нашъ общественный архивъ. Относительно же всего того, что ты намъ предлагаешь, мы примемъ надлежащія мѣры къ точному его исполненію».

21. «Проконсулъ Публій Сервилій Гальба, сынъ Публія, посылаетъ привѣтъ должностнымъ лицамъ, совѣту и народу Милета. Вашъ согражданинъ Пританисъ, сынъ Герма, обратился ко мнѣ, когда я былъ въ засѣданіи въ Траллахъ, съ заявленіемъ, что вы относитесь къ іудеямъ не сообразно нашимъ установленіямъ, препятствуете имъ справлять ихъ субботы и собирать плоды сообразно съ ихъ обычаями, тогда какъ онъ постановилъ рѣшеніе на законномъ основаніи. Въ виду этого заявляю вамъ, что по выслушаніи обѣихъ сторонъ я рѣшилъ, что не слѣдуетъ препятствовать іудеямъ въ отправленіи ихъ обычаевъ».

22. Постановленіе жителей Пергама. «При пританнѣ Кратиппѣ, въ первый день мѣсяца Десія состоялось слѣдующее рѣшеніе властей: Такъ

какъ римляне, слѣдуя похвальному примѣру своихъ предковъ, охотно заступаются за сохраненіе безопасности всѣхъ вообще людей и особенное вниманіе и стараніе прилагаютъ къ тому, чтобы доставлять своимъ союзникамъ и друзьямъ благоденствіе и прочный миръ, то, когда къ нимъ были посланы отъ іудейскаго народа и его первосвященника Гиркана послы въ лицѣ почтенныхъ и заслуженныхъ Стратона, сына Өеодота, Аполлонія, сына Александра, Энея, сына Антипатра, Аристовула, сына Аминта, Сосипатра, сына Филиппа, сенатъ, по выслушаніи всѣхъ отдѣльныхъ пунктовъ ихъ предложеній и просьбъ, постановилъ: чтобы царь Антіохъ, сынъ Антіоха, не смѣлъ ни въ чемъ обижать іудеевъ, римскихъ союзниковъ; чтобы онъ возвратилъ имъ всѣ укрѣпленія, гавани и вообще мѣстности и все, что онъ у нихъ отнялъ; затѣмъ, чтобы былъ разрѣшенъ вывозъ товаровъ изъ ихъ гаваней, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы никто, ни царь, ни народъ какой либо, не смѣлъ вывозить изъ страны или гаваней іудейскихъ ничего безпошлинно, исключая одного только александрійскаго царя Птолемея такъ какъ онъ союзникъ и другъ нашъ; наконецъ, чтобы былъ удаленъ, сообразно ихъ просьбѣ, яффскій гарнизонъ. Въ силу этого одинъ изъ сочленовъ нашего совѣта, Люцій Петтій, человѣкъ доблестный и почтенный, предложилъ выразить нашу полную готовность слѣдовать во всемъ предписанію сената и позаботиться о доставленіи посланнымъ возможности возвратиться безпрепятственно и безопасно домой. Потомъ мы пригласили въ засѣданія совѣта и народнаго собранія Өеодора, который вручилъ намъ свою грамоту съ изложеніемъ сенатскаго рѣшенія и выслушали его горячую рѣчь, въ которой онъ описалъ намъ всю доблесть и все великодушіе Гиркана, ко всѣмъ вообще прекрасно относящагося и особенно любезно принимающаго у себя всякаго иностранца. Затѣмъ мы отправили грамоту (Өеодора) въ общественный архивъ, а сами рѣшили, сообразно сенатскому постановленію, оказать всякую поддержку іудеямъ, какъ союзникамъ римлянъ. Послѣ этого Өеодоръ, вручивъ намъ грамоту, обратился съ просьбою къ нашимъ властямъ отправить Гиркану копію рѣшенія съ послами, которымъ поручить сообщить ему о прекрасномъ отношеніи къ нему народа нашего, а также просить его и впредь сохранять и не умалять къ намъ дружбы и поддержать насъ при случаѣ, за что ему будетъ выражена должная благодарность, равно какъ напомнить, что еще во времена іудейскаго патріарха Аврама наши предки были въ дружественныхъ съ ними отношеніяхъ, какъ мы находимъ о томъ оффиціальныя записи въ общественныхъ архивахъ».

23. Постановленіе жителей Галикарнаса. «По предложенію Марка

Александра, при священствѣ Мемнона, родного сына Аристида и пріемнаго сына Эвонима, (такого-то числа, мѣсяца) Анөестеріона, постановлено народомъ: Такъ какъ мы всегда относились и относимся съ благоговѣніемъ къ выраженію всякаго религіознаго чувства, то, слѣдуя великодушному по отношеніи всѣхъ людей народу римскому, извѣстившему нашу общину относительно своей дружбы и союза съ іудеями и пожелавшему, чтобы послѣднимъ были разрѣшены ихъ богослуженіе, установленныя празднества и собранія, мы также рѣшили, чтобы всѣмъ желающимъ іудеямъ, будь то мущины или женщины, было позволено справлять ихъ субботы, приносить жертвы по іудейскому ритуалу и совершать богослуженія у моря, сообразно ихъ установленіямъ. Буде же кто либо, частное лицо или оффиціальное, воспрепятствуетъ имъ въ томъ, да будетъ обложенъ въ пользу города денежнымъ штрафомъ.»

24. Постановленіе жителей Сардъ. «По предложенію должностныхъ лицъ, совѣтъ и народное собраніе рѣшили: послѣ того какъ наши іудейскіе сограждане, которые всегда пользовались большими симпатіями со стороны нашего народа, теперь обратились къ совѣту и народному собранію съ просьбою разрѣшить имъ, въ виду возстановленія имъ со стороны римскаго сената и народа права пользоваться свободно собственными установленіями и жить по своимъ законамъ, свободно и безпрепятственно отправлять свой культъ, а также отвести имъ мѣсто, гдѣ бы они могли собираться съ женами и дѣтьми своими для отправленія своего богослуженія и принесенія Господу Богу своихъ жертвъ,—совѣтъ и народное собраніе постановили: разрѣшить іудеямъ собираться въ опредѣленные дни для отправленія установленнаго ихъ законами богослуженія и предписать начальникамъ отвести имъ соотвѣтствующее для постройки мѣсто, которое они найдутъ подходящимъ, равно какъ вмѣнить въ обязанность городскимъ сборщикамъ доставлять имъ все для того необходимое».

25. Постановленіе жителей Ефеса. «Въ пританнію Минофила, въ первый день мѣсяца Артемисія, народъ рѣшилъ, по докладу Никандра, сына Евфима и по предложенію должностныхъ лицъ: въ виду того, что іудейскіе жители (нашего) города обратились къ проконсулу Марку Юнію Бруту, сыну Понтія, съ просьбою разрѣшить имъ отправленіе субботъ и безпрепятственное богослуженіе сообразно ихъ установленіямъ, и въ виду того, что онъ согласился на ихъ просьбу, совѣтъ и народное собраніе, въ солидарности съ римскими интересами, симъ постановили, чтобы никто не смѣлъ препятствовать іудеямъ справлять субботы, чтобы они за это не

подвергались никакому взысканію, а напротивъ, чтобы имъ было разрѣшено руководствоваться во всемъ ихъ собственными законоположеніями».

26. Существуетъ еще множество другихъ подобныхъ постановленій римскаго сената и должностныхъ лицъ относительно Гиркана и нашего народа, равно какъ имѣется масса рѣшеній отдѣльныхъ городовъ и охранныхъ грамотъ должностныхъ лицъ для утвержденія за нами правъ, повѣрить содержанію коихъ могутъ спокойно читатели наши въ виду всего того, что мы пока привели. Такъ какъ мы привели цѣлый рядъ явныхъ и наглядныхъ доказательствъ дружественнаго къ намъ отношенія со стороны римлянъ, доказательствъ, записанныхъ на мѣдныхъ столбахъ и таблицахъ, по сей день хранящихся въ Капитоліи, гдѣ они и впредь будутъ храниться, то мы сочли приведеніе всѣхъ рѣшительно постановленій (такого рода) излишнимъ и неинтереснымъ, и полагаемъ, что не найдется столь неумнаго читателя, который бы не повѣрилъ нашей искренности и правдивости нашихъ словъ относительно дружественнаго расположенія къ намъ римлянъ послѣ приведенія выше указанныхъ тому доказательствъ, и потребовалъ бы еще больше ихъ. Итакъ, мы (въ достаточной мѣрѣ) показали, сколь дружественны были (намъ) римляне въ тѣ времена.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Около того же времени вспыхнули смуты въ Сиріи и притомъ по слѣдующей причинѣ: одинъ изъ единомышленниковъ Помпея, Бассъ Цецилій, составилъ заговоръ противъ Секста Цезаря и, убивъ его, сталъ во главѣ войска и овладѣлъ верховною властью. Въ виду этого возгорѣлась ожесточенная война вблизи Апамеи, такъ какъ военачальники Цезаря двинулись (противъ Басса) во главѣ отряда конницы и пѣшей рати. Въ видѣ помощи Антипатръ также послалъ имъ отрядъ подъ начальствомъ своихъ сыновей, потому что помнилъ всѣ оказанныя ему Цезаремъ благодѣянія и считалъ вслѣдствіе этого своею обязанностью отомстить за его убійство и наказать его убійцу. Пока затягивалась эта война, замѣстителемъ должности Секста явился изъ Рима Муркъ. Въ это время былъ убитъ въ куріи Кассіемъ и Брутомъ также и (Юлій) Цезарь, послѣ того какъ владѣлъ верховною властью три года и шесть мѣсяцевъ.

2. Когда вслѣдствіе возникшей изъ за смерти Цезаря войны всѣ болѣе или менѣе вліятельныя лица разсѣялись повсюду съ цѣлью набирать войска, въ Сирію прибылъ изъ Рима Кассій съ тѣмъ, чтобы принять командованіе надъ стоявшими при Апамеѣ войсками. Затѣмъ онъ снялъ осаду, примиривъ Басса и Мурка, направился къ прочимъ городамъ, чтобы набрать тамъ оружіе и войска, и наложилъ на эти города значительную дань. При этомъ онъ особенно обидѣлъ Іудею, требуя съ нея семьсотъ талантовъ серебра. Видя ужасъ и большое смущеніе населенія, Антипатръ распорядился распредѣлить сборъ этой дани между своими сыновьями и другими лицами, въ числѣ которыхъ находился также нѣкій Малихъ, очень плохо относившійся къ нему. Первымъ внесъ назначенную сумму отъ лица Галилеи Иродъ и тѣмъ снискалъ себѣ особенную дружбу Кассія, такъ какъ Иродъ разумно рѣшилъ, что теперь слѣдуетъ выслуживаться предъ римлянами и за чужой счетъ снискивать ихъ благоволеніе. Тѣмъ временемъ поплатились своею личною свободою управители всѣхъ другихъ городовъ и Кассій лишилъ самостоятельности четыре города; наиболѣе могущественными изъ нихъ были Гофна и Эммаусъ; другими же двумя являлись Лидда и Ѳамна. Кассій при этомъ былъ такъ разгнѣванъ, что убилъ бы Малиха (рискнувшаго оказать ему противодѣйствіе), если бы Гирканъ не удержалъ его отъ рѣшительнаго шага при посредствѣ Антипатра, пославъ ему сто талантовъ изъ собственныхъ своихъ средствъ.

3. Когда Кассій покинулъ Іудею, Малихъ сталъ злоумышлять противъ Антипатра, разсчитывая, что смерть его станетъ для Гиркана залогомъ прочности власти послѣдняго. Между тѣмъ этотъ планъ не остался секретомъ для Антипатра. Узнавъ о немъ, Антипатръ двинулся за Іорданъ и сталъ набирать (себѣ) войско изъ арабовъ и туземцевъ. Будучи однако хитрымъ человѣкомъ, Малихъ отрицалъ свои козни и сталъ клятвенно увѣрять Антипатра и его сыновей, что ему никогда и въ голову не могла придти такая мысль, потому что вѣдь Фасаилъ охраняетъ Іерусалимъ, да и склады оружія находятся въ вѣдѣніи Ирода. Видя невозможность осуществленія своихъ плановъ, онъ примирился съ Антипатромъ. Въ это время преторомъ Сиріи былъ Муркъ. Узнавъ о готовящемся Малихомъ переворотѣ въ Іудеѣ, онъ чуть было не казнилъ его, но Малиха спасъ заступившійся за него Антипатръ.

4. Однако Антипатръ не думалъ, что въ лицѣ Малиха онъ спасъ своего собственнаго убійцу. Дѣло въ томъ, что, собравъ войско, Кассій и Муркъ поручили завѣдываніе всѣми дѣлами Ироду, назначили его правителемъ Келесиріи и, давъ ему флотъ и конные и пѣшіе отряды, обѣщали провозгласить его царемъ іудейскимъ послѣ войны, которая тогда возникла между Антоніемъ и молодымъ Цезаремъ (Августомъ). Испугавшись такого оборота дѣлъ, Малихъ теперь сталъ особенно стараться избавиться отъ Антипатра; съ этою цѣлью онъ подкупилъ виночерпія Гиркана, у котораго

Антипатръ обѣдалъ, и тотъ отравилъ послѣдняго. Держа на готовѣ солдатъ, Малихъ овладѣлъ всѣмъ городомъ. Когда же Иродъ и Фасаилъ узнали о покушеніи Малиха на ихъ отца и гнѣвно потребовали отъ него объясненія, Малихъ вновь сталъ отрицать свою вину и такъ и не сознался въ убійствѣ. Такимъ образомъ умеръ Антипатръ, отличавшійся благочестіемъ, справедливостью и любовью къ своей отчизнѣ. Сынъ его Иродъ немедленно рѣшилъ отистить за отца и двинуться съ этою цѣлью во главѣ войска на Малиха, тогда какъ старшему сыну, Фасаилу, казалось болѣе подходящимъ захватить Малиха хитростью, чтобы не навлекать на себя обвиненія въ возбужденіи междоусобной войны. Поэтому онъ принялъ къ свѣдѣнію оправданія Малиха и подалъ видъ, будто вѣритъ, что тотъ отнюдь не виновенъ въ смерти Антипатра. Тѣмъ временемъ онъ сталъ воздвигать отцу своему роскошный надгробный памятникъ. Между тѣмъ Иродъ отправился въ Самарію, которую нашелъ въ грустномъ положеніи, и прекратилъ распри населенія ея.

5. Когда вскорѣ затѣмъ наступилъ праздникъ въ Іерусалимѣ, онъ явился во главѣ своего войска къ городу. Малихъ испугался и сталъ уговаривать Гиркана не позволять Ироду вступать въ городъ. Гирканъ послушался его и привелъ въ качествѣ объясненія своего запрещенія, что нельзя вводить въ городъ иностранцевъ во время священнаго праздника. Однако Иродъ, не обративъ никакого вниманія на вѣстника (Гиркана), ночью вступилъ въ городъ. Этимъ онъ ввергъ въ ужасъ Малиха, который, впрочемъ, не переставалъ разыгрывать комедію, открыто оплакивая Антипатра и называя его своимъ другомъ, на самомъ же дѣлѣ втайнѣ принимая мѣры предосторожности для огражденія своей личности. Тогда и приверженцы Ирода рѣшили не подавать вида, что понимаютъ эту комедію, а, какъ будто ничего не подозрѣвая, относились къ нему любезно и предупредительно.

6. Тѣмъ временемъ Иродъ письмомъ сообщилъ Кассію о смерти отца своего. Кассій, отлично зная характеръ Малиха, написалъ ему въ отвѣтъ, что должно отистить за смерть отца, а самъ тайно разослалъ предписанія тирійскимъ военачальникамъ оказывать всякое содѣйствіе Ироду, когда тотъ начнетъ требовать (съ Малиха) удовлетворенія. Когда Кассій взялъ Лаодикею и къ нему стали со всѣхъ сторонъ привозить вѣнки и дары, то Иродъ разсчиталъ, что туда прибудетъ Малихъ и получитъ тамъ свое возмездіе. Однако Малихъ, находившійся тогда около финикійскаго города Тира, сталъ подозрѣвать о всемъ этомъ и рѣшился на исполненіе еще болѣе отчаяннаго плана, а именно, такъ какъ его собственный сынъ на-

ходился тогда въ Тирѣ въ качествѣ заложника, онъ рѣшилъ, проникнувъ въ городъ, похитить ребенка, двинуться въ Іудею и, пока Кассій будетъ занятъ войною съ Антоніемъ, склонить народъ къ отпаденію и самому занять престолъ. Однако этотъ планъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе противодѣйствія со стороны Предвѣчнаго и потому, что болѣе хитрый Иродъ разгадалъ его. Онъ послалъ въ городъ одного изъ своихъ служителей подъ предлогомъ приготовить все къ пиру (на который были приглашены всѣ его друзья), на дѣлѣ же къ начальникамъ съ предложеніемъ выступить противъ Малиха съ кинжалами. Начальники вышли изъ города, нашли Малиха по близости на морскомъ берегу и убили его тамъ. Въ ужасѣ Гирканъ лишился языка; когда же онъ затѣмъ пришелъ въ себя, то спросилъ у людей Ирода о подробностяхъ этого случая и кто явился убійцею Малиха. Когда же ему отвѣтили, что тотъ убитъ по повелѣнію Кассія, Гирканъ выразилъ свое одобреніе, потому что Малихъ былъ весьма гнуснымъ человѣкомъ и (часто) злоумышлялъ противъ отчизны.

7. Такое возмездіе понесъ Малихъ за свое предательство относительно Антипатра.

Лишь только Кассій покинулъ Сирію, въ Іудеѣ (опять) возникла смута. Дѣло въ томъ, что оставленный въ Іерусалимѣ нѣкій Геликсъ двинулся во главѣ войска на Фасаила. Такимъ образомъ народу (опять) пришлось взяться за оружіе. Тогда Иродъ двинулся къ дамасскому военачальнику Фабію, но въ своемъ желаніи поспѣшить на помощь къ брату былъ удержанъ болѣзнью. Тѣмъ временемъ впрочемъ Фасаилъ собственными силами одержалъ верхъ надъ Геликсомъ, заключилъ его въ башню, а затѣмъ уже, заключивъ съ нимъ договоръ, отпустилъ опять на волю. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ укорять Гиркана въ томъ, что онъ, которому они оказывали столько услугъ, поддерживаетъ ихъ враговъ. Дѣло въ томъ, что братъ Малиха склонилъ тогда не мало мѣстностей къ отпаденію и сталъ укрѣплять ихъ, въ томъ числѣ также и наиболѣе недоступный городъ Масаду. Впрочемъ въ это же самое время Иродъ успѣлъ оправиться отъ своей болѣзни; онъ отнялъ у него всѣ занятыя имъ мѣстности и, на основаніи заключеннаго договора, отпустилъ его на волю [1].

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1. Тѣмъ временемъ расположенный къ сыну Аристовула, Антигону, который успѣлъ набрать войско и деньгами склонить на свою сторону

[1] Срв. Іуд. война, I, 10, 10—12, 1.

Фабія, Птолемей Менней изъ родственныхъ чувствъ сдѣлалъ попытку вернуть Антигону власть. Вмѣстѣ съ нимъ двинулся въ походъ также оставленный Кассіемъ въ Тирѣ въ качествѣ правителя Маріонъ. Этотъ Кассій раздѣлилъ вообще всю Сирію на отдѣльныя намѣстничества. Маріонъ вторгся въ находившуюся по сосѣдству Галилею, захватилъ тамъ три укрѣпленныхъ пункта и занялъ ихъ своими гарнизонами. Противъ него двинулся Иродъ и отнялъ у него всѣ его пріобрѣтенія; но при этомъ онъ отнесся крайне снисходительно къ тирійскимъ гарнизонамъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ даже далъ подарки изъ расположенія своего къ ихъ городу. Совершивъ это, Иродъ выступилъ навстрѣчу Антигону, сразился съ нимъ и, побѣдивъ его, изгналъ изъ Іудеи, пока тотъ еще не достигъ (пограничныхъ) возвышенностей. По возвращеніи своемъ въ Іерусалимъ Иродъ удостоился отъ Гиркана и народа награжденія вѣнками. Въ то время онъ успѣлъ уже стать въ близкія отношенія къ семьѣ Гиркана и потому оказывалъ послѣднему особенное вниманіе; онъ былъ нареченнымъ женихомъ дочери Аристовулова сына Александра и внучки Гиркана со стороны матери. Впослѣдствіи она родила ему трехъ сыновей и двухъ дочерей. Впрочемъ, раньше онъ успѣлъ уже взять себѣ жену изъ простонародья, нѣкую Дорисъ, отъ которой у него родился его старшій сынъ, Антипатръ.

2. Тѣмъ временемъ Антонію и Цезарю (Августу) удалось побѣдить Кассія при Филиппахъ, какъ о томъ повѣствуется и другими историками. Послѣ этой побѣды Цезарь отправился въ Италію, Антоній же въ Азію. Когда Антоній прибылъ въ Виѳинію, къ нему отовсюду потянулись посольства. Въ числѣ прочихъ явились также и знатные представители іудеевъ и стали жаловаться на Фасаила и Ирода, указывая на то, что Гирканъ царствуетъ, лишь по имени тогда какъ на дѣлѣ вся власть въ рукахъ послѣднихъ. Между тѣмъ Антоній относился весьма хорошо къ Ироду. Когда послѣдній прибылъ къ нему, чтобы оправдаться въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, ему удалось добиться, что обвинителей перестали даже слушать. Этого достигъ Иродъ у Антонія путемъ подкупа.

Когда Антоній прибылъ въ Ефесъ, первосвященникъ Гирканъ и весь народъ (іудейскій) отправили къ нему посольство съ порученіемъ вручить ему золотой вѣнецъ и съ просьбою издать указъ, въ силу котораго были бы отпущены на свободу по отдѣльнымъ эпархіямъ всѣ неправильно захваченные Кассіемъ въ плѣнъ іудеи и имъ была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены во времена Кассія. Признавъ это ходатайство іудеевъ правильнымъ, Антоній немедленно отправилъ Гиркану и іудеямъ, равно какъ и тирійцамъ, постановленіе слѣдующаго содержанія:

3. «Маркъ Антоній императоръ посылаетъ привѣтъ первосвященнику и этнарху Гиркану, а также (всему) іудейскому народу. Если дѣла ваши хороши, я доволенъ; самъ я съ войскомъ своимъ нахожусь въ вожделѣнномъ здравіи. Лисимахъ, сынъ Павзанія, Іосифъ, сынъ Меннея, и Александръ, сынъ Ѳеодора, явились ко мнѣ въ Ефесъ въ качествѣ пословъ, исполнили теперь, какъ и нѣкогда въ Римѣ, данное имъ порученіе твое и народа, и усердно описали мнѣ твое къ намъ расположеніе. Убѣжденный ихъ вещественными доказательствами и доводами въ томъ, что вы дѣйствительно весьма преданы намъ, и узнавъ вашъ благородный образъ мыслей и ваше благочестіе, позволяю себѣ выразить вамъ свое благоволеніе. Послѣ того какъ враги ваши и римскаго народа прошли по всей Азіи, не щадя ни священныхъ мѣстъ, ни храмовъ и не соблюдая данныхъ клятвъ, мы, которые заступаемся не только за наши личные интересы, но преслѣдуемъ общее благо, наказали всѣхъ виновныхъ въ беззаконіяхъ относительно людей и безобразіяхъ по отношенію къ богамъ. Этими своими преступленіями враги, по нашему мнѣнію, вызвали и то, что солнце отвернулось, лишь бы не взирать на гнусное убійство Цезаря. Однако мы разстроили ихъ богопротивные замыслы, для приведенія въ исполненіе которыхъ Македонія представляла самое подходящее и самою природою какъ бы предназначенное мѣсто, и разбили гнусную толпу ихъ единомышленниковъ, которую они собрали вблизи македонскаго города Филиппы, причемъ имъ удалось занять отличныя позиціи за оградою тянущихся до самаго моря горъ, такъ что доступъ туда представлялся возможнымъ лишь чрезъ одинъ только проходъ. Несмотря на все это, мы побили ихъ, потому что боги рѣшили наказать ихъ за всѣ ихъ безбожныя начинанія. Бѣжавшій въ Филиппы и подвергшійся тамъ осадѣ нашей Брутъ раздѣлилъ съ Кассіемъ его печальную участь. Итакъ теперь, когда тѣ подверглись наказанію, мы надѣемся, что Азія впредь сможетъ наслаждаться миромъ и отдохнуть отъ войны. Дарованный намъ Господомъ Богомъ миръ мы желаемъ распространить и на союзниковъ нашихъ, такъ что нынѣ, благодаря нашей побѣдѣ, тѣло Азіи сможетъ какъ бы оправиться отъ продолжительной болѣзни. Поэтому я теперь памятую особенно о тебѣ и о (твоемъ) народѣ, заботясь о развитіи вашего благосостоянія. Въ виду сего я разсылаю указы по отдѣльнымъ городамъ, чтобы была возвращена свобода всѣмъ тѣмъ свободнорожденнымъ или рабамъ, которые были проданы съ публичнаго торга Гаемъ Кассіемъ или его подчиненными. Вмѣстѣ съ тѣмъ

я утверждаю за вами невозбранное пользованіе всѣмъ тѣмъ, что даровано вамъ было мною и Долабеллой. Тирійцамъ я симъ запрещаю подвергать васъ какимъ бы то ни было насиліямъ и повелѣваю имъ возвратить все то, что они отняли у іудеевъ. Присланный тобою вѣнецъ (съ благодарностью) я принялъ».

4. «Императоръ Маркъ Антоній посылаетъ привѣтъ должностнымъ лицамъ, совѣту и народу города Тира. Въ виду того, что ко мнѣ въ Ефесъ прибыли послы первосвященника и этнарха Гиркана и заявили мнѣ, что вы владѣете ихъ областью, которую вы заняли во время владычества нашихъ противниковъ, я желаю, такъ какъ мы начали войну за главенство и, заботясь о всѣхъ благочестивыхъ и праведныхъ людяхъ, наказали тѣхъ, кто забывалъ оказанныя благодѣянія и нарушалъ данныя клятвы, — итакъ я желаю, чтобы тотъ миръ, которымъ пользуетесь вы, распространился также на союзниковъ нашихъ, и повелѣваю вамъ долѣе не задерживать имущества, полученнаго отъ нашихъ противниковъ, но возвратить его тѣмъ, у кого вы его отняли. Вѣдь никто (изъ противниковъ нашихъ) не получалъ ни своей области, ни своего войска отъ сената; напротивъ, овладѣвъ всѣмъ этимъ насильно, они держались за это силою и вознаграждали этимъ своихъ сообщниковъ по преступности.

Такъ какъ они подверглись теперь заслуженному наказанію, то мы желаемъ, чтобы наши союзники невозбранно владѣли своею прежнею собственностью и чтобы вы вернули іудейскому этнарху Гиркану всѣ занятыя вами теперь земли, которыя принадлежали ему хотя бы за день до начала преступной войны Гая Кассія противъ нашей провинціи, равно какъ запрещаемъ вамъ насильно мѣшать имъ въ пользованіи ихъ личной собственностью. Если же у васъ есть какія нибудь въ этомъ отношеніи оправданія, то вы можете привести ихъ въ свою пользу, когда мы пріѣдемъ въ ваши мѣста, ибо мы намѣрены соблюдать въ одинаковой мѣрѣ интересы всѣхъ союзниковъ нашихъ».

5. «Императоръ Маркъ Антоній посылаетъ привѣтъ свой должностнымъ лицамъ, совѣту и населенію Тира. Симъ посылаю вамъ свое распоряженіе, которое прошу принять къ свѣдѣнію и относительно котораго прошу распорядиться помѣстить его въ общественномъ архивѣ съ латинскими и греческими копіями. Самый же оригиналъ прошу держать на особенно видномъ мѣстѣ, чтобы всѣ желающіе могли прочитать его. Императоръ Маркъ Антоній, одинъ изъ тріумвировъ, постановилъ: Въ виду того, что во время послѣдняго бунта Гай Кассій разграбилъ чужую провинцію, занятую войсками союзниковъ, и притѣснялъ дружественныхъ римскому

народу іудеевъ, мы, наказавъ его за наглость съ оружіемъ въ рукахъ, путемъ нашихъ постановленій и рѣшеній повелѣваемъ, чтобы все отнятое у нашихъ союзниковъ, равно какъ все то, что у іудеевъ было продано (съ публичнаго торга), будь то люди или вещи, было возвращено имъ, а именно, чтобы всѣмъ людямъ была возвращена ихъ первоначальная свобода, а вещи были отданы прежнимъ владѣльцамъ. Всякаго, кто осмѣлится ослушаться моего распоряженія, постигнетъ кара. Въ случаѣ нарушенія мнѣ предоставляется право распорядиться съ ослушникомъ сообразно моему личному каждый разъ усмотрѣнію».

6. Совершенно то же самое онъ написалъ также сидонянамъ, антіохійцамъ и арадійцамъ. Мы считали умѣстнымъ привести здѣсь все это въ подтвержденіе указаннаго нами расположенія и попеченія римлянъ о нашемъ народѣ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1. Когда впослѣдствіи Антоній прибылъ въ Сирію, то выѣхавшая къ нему навстрѣчу и свидѣвшаяся съ нимъ въ Киликіи Клеопатра очаровала его своими прелестями. Тогда вновь явились къ нему сто самыхъ вліятельныхъ іудеевъ съ жалобами на Ирода и его клевретовъ, причемъ они выбрали изъ своей среды наиболѣе ловкихъ ораторовъ. Но противъ нихъ сталъ говорить отъ имени молодого поколѣнія Мессала и сдѣлалъ это въ присутствіи самого Гиркана, который тѣмъ временемъ уже успѣлъ породниться (съ Иродомъ). Антоній выслушалъ обѣ стороны въ Дафнѣ [1] и затѣмъ спросилъ Гиркана, кто изъ нихъ лучше умѣетъ править народомъ. Когда же тотъ указалъ на Ирода, Антоній, который и раньше относился къ нему благосклонно въ память своей давнишней дружбы къ отцу его, съ которымъ онъ и Габиній нѣкогда были въ наилучшихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, назначилъ обоихъ братьевъ тетрархами [2] и поручилъ имъ завѣдываніе всѣми дѣлами іудеевъ, причемъ утвердилъ ихъ въ этомъ санѣ спеціальною грамотою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился арестовать

---

[1] Такъ называлось предмѣстье Антіохіи, славившееся своею красотою и служившее любимою резиденціею сперва селевкидовъ, затѣмъ и римскихъ полководцевъ. Здѣсь находилась знаменитая роща изъ лавровыхъ деревьевъ (отсюда и названіе мѣстности) съ храмомъ Аполлона. Срв. Boettger, l. c. p. 101.

[2] Первоначально такъ назывались князья, подѣлившіе между собою какую-нибудь область, разбивъ ее на четыре отдѣльныя части. Впослѣдствіи это названіе стало синонимомъ независимаго мелкаго царька, не имѣвшаго права открыто именоваться царемъ.

пятнадцать противниковъ ихъ. Когда же онъ собрался казнить ихъ, его отговорили отъ этого намѣренія приверженцы Ирода.

2. Впрочемъ, вернувшіеся съ такою неудачею послы всетаки не отчаявались, но послали еще тысячу человѣкъ къ Антонію въ Тиръ, куда тотъ по слухамъ долженъ былъ пріѣхать. Однако Антоній, успѣвшій получить отъ Ирода и его брата большія взятки, отдалъ приказъ намѣстнику казнить іудейскихъ посланныхъ, которые-де стремятся къ возбужденію смутъ, и поддерживать приверженцевъ Ирода. Въ то же время Иродъ (находившійся вмѣстѣ съ Гирканомъ на песчаной равнинѣ предъ городомъ) тотчасъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу и посовѣтовалъ имъ удалиться, чтобы, въ противномъ случаѣ, не подвергнуться крупной бѣдѣ. Послы не послушались этого совѣта, и тогда внезапно выбѣжавшіе (изъ города) и вооруженные короткими мечами римляне многихъ изъ нихъ перебили, а нѣкоторыхъ ранили. Остальные же обратились въ бѣгство, вернулись домой и притаились въ ужасѣ. Когда народъ сталъ громко роптать на Ирода, Антоній разгнѣвался и приказалъ умертвить арестованныхъ.

3. На слѣдующій годъ Сиріею овладѣли царскій сынъ Пакоръ и пареянскій сатрапъ Барзафарнъ. Въ это время умеръ также и Птолемей Менней; получившій послѣ него престолъ сынъ его Лисаній заключилъ дружбу съ сыномъ Аристовула, Антигономъ, причемъ это дѣло уладилъ (выше указанный) сатрапъ, который пользовался у него огромнымъ вліяніемъ. Антигонъ обѣщалъ дать пареянамъ тысячу талантовъ и пятьсотъ женщинъ, если они лишатъ Гиркана власти и передадутъ ее ему и убьютъ приверженцевъ Ирода. Впрочемъ, обѣщанія своего онъ (впослѣдствіи) не сдержалъ. Въ виду этого пареяне пошли войною на Іудею, собираясь сдѣлать царемъ Антигона; Пакоръ двинулся по прибрежной полосѣ, Барзафарнъ же вторгся извнутри страны. Тирійцы не впустили Пакора, сидоняне же и птолемаидцы приняли его къ себѣ.

Тогда Пакоръ отправилъ въ страну іудейскую конный отрядъ для рекогносцировки и поддержки Антигона. Начальствовалъ надъ этимъ отрядомъ царскій виночерпій, носившій съ нимъ одно и то же имя. Когда же многіе изъ жившихъ около горы Кармела іудеевъ явились къ Антигону съ изъявленіемъ желанія принять участіе въ его экспедиціи, Антигону показалось вѣроятнымъ, что онъ при ихъ помощи овладѣетъ частью страны. Мѣсто это называется Дримы. Но здѣсь имъ было оказано сопротивленіе и они распались и двинулись (окольными путями) къ Іерусалиму. Такъ какъ по дорогѣ къ нимъ присоединялись новые приверженцы, что въ концѣ концовъ образовался значительный отрядъ, который явился къ царскому

дворцу и приступилъ къ его осадѣ. Однако люди Фасаила и Ирода немедленно явились на помощь; произошелъ бой на площади, и тогда молодежь побила враговъ, вогнала ихъ въ храмъ и разослала по ближайшимъ домамъ воиновъ для огражденія ихъ. Однако поднявшійся противъ нихъ народъ, видя ихъ покинутыми союзниками, сжегъ ихъ вмѣстѣ съ этими домами. За это насиліе, впрочемъ, немного спустя Иродъ сильно отмстилъ своимъ противникамъ, сразился съ ними и перебилъ многихъ изъ нихъ.

4. Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать изъ страны прибытія простонародья, которое должно было явиться къ такъ назыв. празднику пятидесятницы. Когда же наступилъ этотъ праздникъ, около храма собралось нѣсколько десятковъ тысячъ людей вооруженныхъ и безоружныхъ. Они заняли святилище и весь городъ, исключая окрестностей дворца, который былъ еще во власти Ирода и его немногочисленнаго военнаго отряда. И вотъ, пока Фасаилъ охранялъ стѣну, Иродъ во главѣ отряда двинулся на враговъ чрезъ городское предмѣстье и, сразившись тутъ съ ними въ жестокомъ бою, обратилъ въ бѣгство много десятковъ тысячъ, причемъ одни изъ его противниковъ бѣжали въ городъ, другіе въ храмъ, третьи въ находящееся внѣ города небольшое укрѣпленіе, которое тамъ имѣется.

При этомъ Фасаилъ оказалъ брату должную поддержку. Тѣмъ временемъ пареянскій военачальникъ Пакоръ, по просьбѣ Антигона, прибылъ въ городъ во главѣ немногочисленнаго коннаго отряда подъ предлогомъ подавить возстаніе, на самомъ же дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы помочь Антигону добиться власти. Такъ какъ Фасаилъ выѣхалъ ему навстрѣчу и принялъ его дружелюбно въ свой домъ, то Пакоръ сталъ уговаривать его отправить его во главѣ посольства къ Барзафарну, причемъ имѣлъ въ виду коварный какой-то замыселъ. Ничего дурного не подозрѣвавшій Фасаилъ такъ бы и поступилъ, если бы Иродъ не удержалъ его отъ этого шага, не довѣряя варварамъ. Напротивъ, онъ совѣтовалъ принять мѣры предосторожности относительно Пакора и его спутниковъ.

5. Впрочемъ, Гирканъ и Фасаилъ всетаки отправились (къ сатрапу) и Пакоръ, оставя у Ирода двѣсти всадниковъ и десять человѣкъ отборнаго отряда, извѣстнаго подъ именемъ «свободныхъ», поѣхалъ вмѣстѣ съ ними. Когда они прибыли въ Галилею, къ нимъ на встрѣчу выступили съ оружіемъ въ рукахъ начальники тамошнихъ городовъ. Барзафарнъ принялъ (іудеевъ) сперва любезно и одарилъ ихъ подарками, а затѣмъ сталъ зло-

умышлять противъ нихъ. Фасаилъ съ товарищами былъ помѣщенъ вблизи (города) Экдиппона [1] недалеко отъ моря.

Когда они тутъ узнали; что Антигонъ обѣщалъ пароянамъ за нихъ тысячу талантовъ и пятьсотъ женщинъ, то они стали уже съ подозрѣніемъ относиться къ варварамъ, тѣмъ болѣе, что кто-то сообщилъ имъ, будто на нихъ ночью готовится нападеніе и будто съ этою цѣлью за ними наблюдаетъ специальная стража. Они, дѣйствительно были бы схвачены, если бы варвары не вздумали подождать, пока остававшіеся въ Іерусалимѣ пароянe не схватятъ Ирода, чтобы онъ не убѣжалъ отъ нихъ, если узнаетъ объ избіеніи своихъ товарищей. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, и іудеи (своими собственными глазами) видѣли стражу. Тогда кое кто посовѣтовалъ Фасаилу сѣсть на коня и не ждать дольше. Особенно побуждалъ его къ этому Офеллій, который узналъ (о коварныхъ помышленіяхъ пароянъ) отъ нѣкоего Самаралла, самаго богатаго въ то время сирійца, и обѣщалъ приготовить корабли для бѣгства, ибо море было близко. Однако Фасаилъ не желалъ покидать Гиркана и навлекать опасность на брата. Поэтому онъ отправился къ Барзафарну и представилъ ему всю незаконность его дѣйствій, если онъ такъ злоумышляетъ противъ нихъ. При этомъ онъ обѣщалъ ему заплатить больше денегъ, чѣмъ далъ бы ему Антигонъ, и указалъ на то, что для него было бы опасно убивать явившихся къ нему на основаніи его слова послами ни чѣмъ не обидѣвшихъ его людей. На это варваръ сталъ клясться, что всѣ эти опасенія нисколько не основательны и что онъ мучается ложною подозрительностью. Затѣмъ онъ отправился къ Пакору. Послѣ его отъѣзда нѣсколько пароянъ заключили Гиркана и Фасаила въ оковы, а эти несчастные стали осыпать пароянъ бранью за ихъ вѣроломство.

6. Отправленный къ Ироду виночерпій получилъ порученіе выманить Ирода за стѣны города и тамъ схватить его. Между тѣмъ Фасаиломъ были посланы люди съ извѣщеніемъ о коварствѣ пароянъ, но эти вѣстники были перехвачены врагами. Когда объ этомъ узналъ Иродъ, онъ обратился къ Пакору и къ пароянскимъ военачальникамъ, которые, въ силу своего высокаго положенія, являлись начальниками остальныхъ пароянъ. Хотя имъ на самомъ дѣлѣ и было все извѣстно, однако они коварно прикинулись, будто ничего не знаютъ, и предложили Ироду выѣхать въ ихъ обществѣ за городъ на встрѣчу посламъ, которые привезутъ извѣщеніе; при этомъ пароянe увѣряли, что эти посланные отнюдь не захвачены врагами, но скоро явятся съ извѣщеніями о томъ, какъ устроился Фасаилъ. Иродъ имъ не повѣрилъ, потому что узналъ изъ другихъ источниковъ о плѣнѣ своего брата. Когда же его предупредила о томъ еще его теща, дочь Гиркана, онъ сталъ еще осторожнѣе относиться къ пароянамъ. Хотя другіе и не очень довѣряли ей, однако самъ Иродъ повѣрилъ этой въ высшей степени умной женщинѣ.

[1] Приморскій городъ въ Галилеѣ, между Тиромъ и Птолемаидой.

7. Пока пароянe совѣщались о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій (они не рѣшались открыто напасть на человѣка, занимавшаго столь видное положеніе) и сговаривались отложить исполненіе своего плана до слѣдующаго дня, Иродъ былъ крайне смущенъ, и болѣе довѣряя тому, что онъ узналъ о судьбѣ своего брата и о козняхъ пароянъ, чѣмъ увѣреніямъ противоположнаго характера, съ наступленіемъ вечера рѣшилъ воспользоваться темнотою для бѣгства и болѣе не медлить, какъ будто бы угрожавшая ему со стороны враговъ опасность была еще не достаточно опредѣленна. Поэтому онъ собралъ своихъ воиновъ, посадилъ на вьючныхъ животныхъ женщинъ, а именно мать, сестру и невѣсту, внучку Аристовула, равно какъ мать послѣдней (дочь Гиркана), а также младшаго своего брата, равно какъ всю прислугу и домочадцевъ, Иродъ незамѣтно отъ враговъ двинулся по направленію къ Идумеѣ. Впрочемъ наврядъ ли нашелся бы тогда столь черствый сердцемъ врагъ, который присутствуя при этомъ, не пожалѣлъ бы о судьбѣ этихъ людей, видя, какъ женщины прижимали къ себѣ младенцевъ и съ слезами и рыданіями покидали теперь свою отчизну и томившихся въ оковахъ друзей своихъ, идя на встрѣчу собственной весьма неопредѣленной будущности.

8. Между тѣмъ Иродъ, возвышаясь надъ постигшимъ его страшнымъ ударомъ, самъ нисколько не терялъ мужества и присутствія духа, но во время пути утѣшалъ еще своихъ спутниковъ и уговаривалъ ихъ не предаваться слишкомъ печали, потому что это только помѣшаетъ ихъ бѣгству, въ которомъ одномъ заключается все ихъ спасеніе.

Въ виду утѣшеній Ирода тѣ дѣйствительно по мѣрѣ силъ старались спокойнѣе переносить постигшее ихъ горе. Впрочемъ, самъ Иродъ чуть было не наложилъ на себя рукъ, когда одинъ изъ муловъ оступился и мать Ирода подверглась при этомъ большой опасности. Этотъ порывъ его былъ вызванъ не только мыслью о матери, но и опасеніемъ, какъ бы не попасть въ руки гнавшихся за ними непріятелей, вслѣдствіе происшедшей отъ этого паденія задержки. Онъ было уже извлекъ свой мечъ и собирался пронзить себя имъ, но тутъ его удержали болѣе многочисленные спутники и указали ему, что онъ не можетъ бросить ихъ

на произволъ врагамъ, ибо не благородно избѣгать самому опасности и тѣмъ самымъ ввергать въ нее близкихъ людей. Такимъ образомъ Иродъ былъ удержанъ отъ приведенія въ исполненіе своего отчаяннаго намѣренія отчасти чувствомъ самолюбія, отчасти убѣжденіями, отчасти же множествомъ лицъ, не допустившихъ его наложить на себя руки. Когда же тѣмъ временемъ и мать его опять пришла въ себя и оправилась насколько позволяли обстоятельства благодаря окружавшимъ ее попеченіямъ, Иродъ сталъ продолжать начатый путь и по возможности скорѣе пытался достигнуть крѣпости Масады. По дорогѣ ему пришлось часто сражаться съ выступавшими ему на встрѣчу и преслѣдовавшими его пареянами, но онъ (постоянно) оставался побѣдителемъ.

9. Впрочемъ, во время своего бѣгства, Иродъ подвергался опасностямъ также со стороны іудеевъ, которые напали на него съ оружіемъ въ рукахъ по пути, когда онъ успѣлъ удалиться отъ города на разстояніе шестидесяти стадій. Однако онъ побилъ ихъ такъ, какъ будто бы онъ не былъ захваченъ въ тяжелую и критическую минуту, но былъ наилучшимъ образомъ вооруженъ и стоялъ во главѣ огромнаго спеціально готоваго къ бою войска.

Впослѣдствіи, когда Иродъ сталъ уже царемъ, онъ воздвигъ на мѣстѣ этой своей побѣды надъ іудеями великолѣпный дворецъ и положилъ основаніе городу, который назвалъ Иродіадою. Когда Иродъ достигъ идумейскаго города Өрисы, навстрѣчу ему выступилъ братъ его Іосифъ и сталъ совѣщаться съ нимъ о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, потому что съ Иродомъ шла значительная масса народа, помимо наемныхъ воиновъ, а Масада, куда онъ хотѣлъ укрыться, не могла вмѣстить въ себѣ такого огромнаго числа людей. Тогда Иродъ отпустилъ отъ себя большинство ихъ, болѣе девяти тысячъ человѣкъ, предложивъ имъ по мѣрѣ возможности укрываться въ Идумеѣ и давъ имъ деньги на дорогу. Самъ же онъ съ самыми ловкими и преданными удалился въ крѣпость, оставилъ тамъ женщинъ и свиту (около восьмисотъ человѣкъ) благодаря значительнымъ въ крѣпости запасамъ хлѣба, воды и прочихъ припасовъ, а самъ двинулся къ Петрѣ Аравійской.

Тѣмъ временемъ съ наступленіемъ дня пареяне стали грабить все въ Іерусалимѣ и между прочимъ царскій дворецъ, оставивъ, впрочемъ, нетронутымъ имущество Гиркана, доходившее стоимостью до трехсотъ талантовъ. Однако многое изъ имущества Ирода ускользнуло отъ нихъ, главнымъ образомъ потому, что этотъ умный и предусмотрительный человѣкъ заранѣе предупредилъ ихъ, отославъ главныя свои цѣнности въ Идумею. Однако пареяне не удовлетворились тѣмъ, что нашли въ городѣ; поэтому они предавали грабежу и разоренію также всѣ его окрестности и разрушили при этомъ весьма могущественный городъ Мариссу.

10. Послѣ того какъ Антигонъ такимъ образомъ былъ вновь водворенъ въ Іудеѣ, при помощи пареянскаго царя онъ получилъ отъ него плѣнныхъ Гиркана и Фасаила. Впрочемъ онъ былъ въ довольно безвыходномъ положеніи, такъ какъ у него ускользнули тѣ женщины, которыхъ онъ долженъ былъ сообразно своему обѣщанію, отдать врагамъ вмѣстѣ съ деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался также, какъ бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану (котораго стерегли пареяне), и потому онъ велѣлъ отрубить ему уши, разсчитывая лишить его такимъ образомъ возможности быть первосвященникомъ вслѣдствіе тѣлеснаго порока, такъ какъ законъ требовалъ, чтобы санъ первосвященника занимало лицо нормально сложенное.

Нужно изумляться присутствію духа Фасаила, который, при извѣстіи о предстоящей ему казни, вовсе не устрашился смерти, но, считая такую смерть отъ руки врага слишкомъ тяжелою и позорною, не имѣя возможности лично наложить на себя руки вслѣдствіе оковъ, рѣшилъ, разбить себѣ голову о стѣну. Такимъ образомъ онъ самъ лишилъ себя жизни, при чемъ этотъ родъ смерти казался ему наиболѣе достойнымъ въ его безисходномъ положеніи: онъ всетаки лишилъ врага своего удовольствія казнить его по своему усмотрѣнію. Говорятъ, что когда онъ умиралъ отъ своей тяжкой раны, Антигонъ послалъ къ нему врачей, якобы для поданія помощи, но на самомъ дѣлѣ, чтобы окончательно отравить его. Но раньше, чѣмъ Фасаилъ испустилъ духъ, нѣкая женщина принесла ему извѣстіе, что его братъ Иродъ избѣгъ преслѣдованій враговъ. Поэтому Фасаилъ спокойно встрѣтилъ смерть, зная, что остается въ живыхъ человѣкъ, который сможетъ отомстить за его смерть и жестоко наказать враговъ [1].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

1. Тѣмъ временемъ Иродъ не отчаявался въ постигшихъ его крупныхъ несчастіяхъ, но изо всѣхъ силъ старался выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Напр., онъ отправился къ арабскому царю Малху, которому онъ раньше оказалъ цѣлый рядъ услугъ, и разсчитывалъ получить отъ него столь нужную ему теперь денежную помощь, въ видѣ ли ссуды или въ формѣ подарка, такъ какъ царь самъ въ свое время не мало исполь-

[1] Срв. Іуд. войну, I, 12, 5—I, 13 10.

зовался его щедростью. Такъ какъ Иродъ пока не зналъ еще ничего о постигшей его брата судьбѣ, то онъ спѣшилъ освободить его изъ рукъ враговъ и былъ готовъ заплатить за него крупный выкупъ, хотя бы стоимостью въ триста талантовъ. Въ виду этого онъ захватилъ съ собою также семилѣтняго сына Фасаила, чтобы оставить его арабамъ въ качествѣ заложника. Когда же ему навстрѣчу выѣхали послы Малха съ просьбою вернуться назадъ (дѣло въ томъ, что Малхъ утверждалъ, будто бы пареяне запретили ему принять Ирода; впрочемъ, эта отговорка служила лишь предлогомъ, чтобы не возвращать Ироду долга, а также была вызвана убѣжденіями знатнѣйшихъ арабовъ, которые не желали лишаться денежныхъ суммъ, оставленныхъ имъ нѣкогда Антипатромъ), тогда Иродъ отвѣтилъ имъ, что цѣлью его пріѣзда вовсе не является желаніе стѣснить арабовъ, но необходимость посовѣтоваться (съ царемъ) о крайне неотложныхъ дѣлахъ.

2. Затѣмъ однако Иродъ всетаки считалъ болѣе разумнымъ удалиться въ Египетъ. Тогда онъ прибылъ въ какое-то святилище (гдѣ онъ оставилъ небольшой отрядъ своихъ приверженцевъ), а на слѣдующій день въ Ринокоруру, гдѣ узналъ о судьбѣ, постигшей его брата. Тѣмъ временемъ впрочемъ Малхъ успѣлъ одуматься и поспѣшилъ вслѣдъ за Иродомъ, однако не могъ его догнать, потому что послѣдній, спѣша къ Пелузіуму, удалился значительно впередъ. Когда онъ прибылъ туда и находившіеся тамъ корабельщики не захотѣли повезти его въ Александрію, онъ обратился къ начальствующимъ лицамъ. Принятый послѣдними съ почтеніемъ и сопутствуемый ими къ городу, онъ прибылъ туда и былъ тамъ удерживаемъ Клеопатрою. Однако Клеопатра не смогла уговорить его остаться у нея, потому что онъ вслѣдствіе наступленія зимы спѣшилъ въ Римъ, тѣмъ болѣе, что изъ Италіи приходили вѣсти о тамошнихъ смутахъ и большихъ политическихъ перемѣнахъ.

3. Поэтому Иродъ поѣхалъ отсюда (на кораблѣ) въ Памфилію; его застигла страшная буря и онъ съ трудомъ спасся въ Родосъ, потерявъ при этомъ однако свой багажъ. Тутъ онъ встрѣтилъ двухъ друзей, Саппина и Птолемея. Найдя городъ страшно разореннымъ вслѣдствіе войны Кассія, онъ, несмотря на личный недостатокъ средствъ, всетаки не могъ удержаться отъ того, чтобы не поддержать его, и помогъ ему свыше силъ своихъ. Затѣмъ онъ велѣлъ снарядить себѣ трирему и поѣхалъ на ней въ сопровожденіи друзей своихъ въ Италію, гдѣ и высадился въ Брундузіумѣ. ...бывъ затѣмъ въ Римъ, онъ сперва сообщилъ Антонію о событіяхъ въ ... а именно, какъ былъ загубленъ взятый пареянами въ плѣнъ братъ

его Фасаилъ, какъ Гирканъ (до сихъ поръ) находится у нихъ въ плѣну, какъ пареяне провозгласили царемъ Антигона, обѣщавшаго имъ (за это) тысячу талантовъ деньгами и пятьсотъ женщинъ изъ наиболѣе знатныхъ семействъ, какъ онъ самъ, Иродъ, однако увезъ этихъ женщинъ ночью и какъ ему удалось избѣжать враговъ, претерпѣвъ множество лишеній; какъ затѣмъ его домашніе подвергаются крайней опасности вслѣдствіе осады, и какъ онъ самъ, несмотря на зимнее время и забывъ о всякихъ личныхъ неудобствахъ, приплылъ сюда въ уповании исключительно на его, Антонія, помощь.

4. Антоній сжалился надъ постигшимъ Ирода бѣдствіемъ и такъ какъ подумалъ о томъ, что и самые могущественные люди зависятъ отъ превратностей судьбы въ такой же точно мѣрѣ, какъ и угнетенные, онъ, въ память прежнихъ дружественныхъ отношеній къ Антипатру, а также побуждаемый обѣщанными Иродомъ, въ случаѣ назначенія своего царемъ, денежными суммами, (онъ заплатилъ ему и раньше, когда былъ назначенъ тетрархомъ) особенно же вслѣдствіе ненависти къ Антигону (въ которомъ видѣлъ опаснаго для римлянъ мятежника), охотно согласился поддержать Ирода и исполнить его просьбу. Самъ Цезарь также выразилъ готовность исполнить желаніе Ирода и поддержать его, потому что онъ памятовалъ о походѣ Антипатра вмѣстѣ съ отцомъ его въ Египетъ, равно какъ его гостепріимство и во всѣхъ отношеніяхъ предупредительную любезность, а также потому, что желалъ сдѣлать угодное Антонію, который особенно отстаивалъ интересы Ирода. Когда затѣмъ собрался совѣтъ, представленные Иродомъ Мессала, а за нимъ Атратинъ разсказали объ услугахъ, оказанныхъ отцомъ его (Антипатромъ) римлянамъ, вспомнили о всегдашнемъ его расположеніи къ нимъ, а также стали обвинять Антигона во враждебныхъ римлянамъ замыслахъ, что видно не изъ одного того только, что онъ напалъ на нихъ, но главнымъ образомъ изъ того, что онъ, совершенно помимо римлянъ, добился власти при помощи пареянъ. Такъ какъ сенатъ не скрылъ при этомъ своего гнѣва, то Антоній немедленно явился съ указаніемъ, что для предстоящей пареянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царемъ. Это предложеніе было принято и единогласно утверждено.

5. Такъ ревностно соблюдалъ Антоній интересы Ирода, что не только выхлопоталъ ему, не разсчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, чего уже никакъ не ожидалъ Иродъ, что онъ могъ въ качествѣ царя выѣхать спустя семь дней изъ Италіи. (Дѣло въ томъ, что Иродъ хотѣлъ домогаться царскаго достоинства не для себя лично,

такъ какъ не разсчитывалъ на это, потому что римляне имѣли обыкновеніе провозглашать царями лишь лицъ соотвѣтствующаго происхожденія, а для своего шурина Аристовула, который былъ внукомъ Аристовула со стороны отца и внукомъ Гиркана по матери). Этого молодого человѣка Иродъ, впрочемъ, казнилъ, какъ мы покажемъ въ свое время.

Когда окончилось засѣданіе сената, Антоній и Цезарь вышли оттуда въ сопровожденіи Ирода, консуловъ и всѣхъ остальныхъ должностныхъ лицъ, для того чтобы принести (установленную) жертву и помѣстить состоявшееся рѣшеніе въ Капитоліи. Затѣмъ Иродъ въ первый день своего царствованія обѣдалъ у Антонія.

Такимъ образомъ онъ достигъ царской власти, въ сто восемьдесятъ четвертую олимпіаду, во вторичное консульство Гнея Дометія Кальвина и (въ первое) Гая Азинія Полліона.

6. Въ теченіе всего этого времени Антигонъ осаждалъ заключившихся въ Масадѣ, причемъ у нихъ было вдоволь всякихъ жизненныхъ припасовъ и ощущался лишь недостатокъ въ водѣ, такъ что вслѣдствіе этого братъ Ирода, Іосифъ, рѣшилъ было съ двумя стами своихъ людей бѣжать къ арабамъ, такъ какъ до него дошли слухи, что Малхъ раскаивается въ своемъ проступкѣ относительно Ирода. Отъ исполненія этого предпріятія впрочемъ самъ Господь Богъ удержалъ Іосифа, пославъ ночью дождь: когда водоемы наполнились влагою, не было болѣе необходимости бѣжать и всѣ теперь снова ободрились тѣмъ болѣе, что въ пополненіи недостававшаго запаса воды они усматривали поддержку, оказанную имъ самимъ Предвѣчнымъ. Поэтому они рискнули сдѣлать вылазку и сразиться съ войсками Антигона, отчасти въ открытомъ полѣ, отчасти подъ прикрытіемъ. При этомъ они перебили множество непріятелей. Въ то время прибылъ за пареянами въ Іудею римскій полководецъ Вентидій, посланный изъ Сиріи для того, чтобы прогнать пареянъ. Онъ явился якобы на помощь Іосифу, на самомъ же дѣлѣ вся цѣль его была при этомъ получить взятку съ Антигона. Расположившись поэтому вблизи самаго Іерусалима, онъ тотчасъ получилъ отъ Антигона деньги и самъ удалился съ большею частью своего войска; а для того, чтобы не навлекать на себя подозрѣнія (въ подкупѣ), онъ оставилъ тутъ Силона съ отрядомъ. Антигонъ впрочемъ подкупилъ и его и обезопасилъ себя этимъ, разсчитывая между прочимъ на то, что пареяне вторично поддержатъ его [1].

---

[1] Ср. Іуд. войну, I, 14, 1—15, 2.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

1. Когда вскорѣ затѣмъ Иродъ пріѣхалъ изъ Италіи въ Птолемаиду и набралъ тамъ значительное войско, состоявшее отчасти изъ наемниковъ, отчасти изъ единоплеменниковъ (іудеевъ), онъ направился по Галилеѣ противъ Антигона. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему примкнули также Силонъ и Вентидій, которыхъ уговорилъ посланный Антоніемъ Деллій поддержать Ирода. Вентидій былъ какъ разъ занятъ тѣмъ, что подавлялъ безпорядки, возникшіе въ различныхъ городахъ благодаря пареянамъ, тогда какъ Силонъ, подкупленный Антигономъ, пребывалъ въ Іудеѣ. Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Иродъ подвигался впередъ, могущество его росло съ каждымъ днемъ и, за малыми исключеніями, къ нему присоединилась вся Галилея. Когда же онъ двинулся къ Масадѣ (гдѣ было необходимо выручить осажденныхъ родственниковъ), городъ Яффа представилъ ему нѣкоторую задержку; въ виду его враждебности пришлось сперва взять этотъ городъ, чтобы, при дальнѣйшемъ слѣдованіи Ирода къ Іерусалиму, не оставалось крѣпости въ тылу для враговъ. При этомъ Силонъ воспользовался представившимся случаемъ измѣнить свою позицію; когда же іудеи принялись преслѣдовать его, Иродъ пошелъ во главѣ небольшого отряда поспѣшилъ къ нему на выручку, обратилъ іудеевъ въ бѣгство и тѣмъ спасъ Силона, очутившагося было въ крайне затруднительномъ положеніи. Взявъ затѣмъ Яффу, Иродъ поспѣшилъ на выручку своихъ родныхъ. Изъ жителей многіе теперь примкнули къ нему отчасти вслѣдствіе расположенія къ отцу Ирода, отчасти въ виду славы, которая слѣдовала за Иродомъ, отчасти въ воздаяніе оказанныхъ имъ обоими услугъ, большинство же было побуждаемо къ тому надеждами, которыя возникали у нихъ относительно будущаго, когда Иродъ утвердитъ за собою царскую власть.

2. Такимъ образомъ у Ирода набиралось внушительное войско, и по мѣрѣ того, какъ онъ двигался впередъ, Антигонъ занималъ своими отрядами самые важные пункты по пути слѣдованія его или помѣщалъ въ нихъ засады; впрочемъ, все это вовсе или по крайней мѣрѣ очень мало не вредило врагамъ. Иродъ освободилъ своихъ родственниковъ въ Масадѣ, взялъ крѣпость Ѳрису и двинулся на Іерусалимъ, причемъ вмѣстѣ съ нимъ шло не только войско Силона, но къ нему примкнули также многіе изъ жителей Іерусалима, испугавшіеся его могущества. Когда Иродъ расположился лагеремъ на западной сторонѣ города, то поставленная здѣсь стража стала стрѣлять изъ луковъ и метать дротики; нѣкоторые отряды рискнули даже выйти изъ города и вступили въ борьбу съ авангардомъ Ирода.

Тогда Иродъ въ первый разъ приказалъ возвѣстить подъ стѣнами (города), что онъ, явившись лишь для блага народа и спасенія города, готовъ не только забыть всѣ обиды, нанесенныя ему его отъявленными врагами, но и дать амнистію за самыя тяжкія провинности. Въ отвѣтъ на это воззваніе Ирода Антигонъ обратился къ Силону и римскому войску, что они нарушатъ всякую справедливость, если отдадутъ царскую власть Ироду, который является совершенно частнымъ лицомъ и притомъ идумеяниномъ, т. е. полуевреемъ, тогда какъ по справедливости и обычаямъ (страны) эта власть должна принадлежать лишь кровнымъ іудеямъ. Если,—продолжалъ онъ,—іудеи теперь и недовольны тѣмъ, что онъ (Антигонъ) добился царской власти при помощи парѳянъ, и рѣшили ее отнять у него, то всетаки имѣется еще много членовъ его семьи, которые, не причинивъ никакого зла римлянамъ и вдобавокъ будучи священниками, совершенно несправедливо терпятъ обиду, будучи лишены этой власти; впрочемъ они съумѣютъ добиться ея. Пока происходили переговоры, перешедшіе затѣмъ въ ругань, Антигонъ распорядился отогнать враговъ отъ стѣны. Послѣдніе однако принялись за стрѣльбу изъ луковъ и, пустивъ въ ходъ всю свою храбрость, безъ труда согнали противниковъ съ ихъ башенъ.

3. Тогда-то Силонъ явно обнаружилъ, что его подкупили. Дѣло въ томъ, что по его наущенію многіе изъ солдатъ стали громко роптать на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и требовать денегъ для пріобрѣтенія ихъ, причемъ просили, чтобы ихъ отвели въ болѣе удобныя мѣста на зимнія стоянки, потому что всѣ окрестности города разорены солдатами Антигона. Вслѣдствіе этого весь лагерь заволновался и сдѣлалъ попытку удалиться. Однако Иродъ сталъ энергично убѣждать военачальниковъ Силона и его солдатъ не покидать его, ссылаясь при этомъ на то, что они слѣдуютъ за нимъ по приказанію Цезаря, Антонія и сената. При этомъ онъ говорилъ, что позаботится объ ихъ благополучіи и безъ труда доставитъ имъ въ изобиліи все, чего бы они ни пожелали. Послѣ этого обѣщанія онъ немедленно двинулся вглубь страны и тѣмъ самымъ лишилъ Силона всякаго повода къ отступленію; при этомъ ему удалось добыть такое множество припасовъ, на какое никто не могъ разсчитывать, и послалъ своимъ друзьямъ въ Самаріи просьбу доставить къ нему въ Іерихонъ хлѣба, вина, оливковаго масла, скота и всего прочаго, дабы его войско не терпѣло ни малѣйшаго недостатка. Объ этомъ узналъ также Антигонъ и потому онъ немедленно распорядился разослать по окрестностямъ отряды, которые должны были перехватить обозы (Ирода). Сообразно приказанію Антигона, около Іерихона собралось значительное войско, которое

засѣло въ горахъ и стало ожидать прохода транспортовъ. Впрочемъ, и Иродъ въ свою очередь не дремалъ. Съ десятью когортами, пятью римскими и пятью іудейскими, равно какъ съ отрядомъ наемниковъ, къ которымъ было присоединено еще нѣсколько кавалеріи, онъ двинулся къ Іерихону. Городъ этотъ онъ нашелъ покинутымъ жителями; лишь пятьсотъ человѣкъ заняли съ женами и дѣтьми крѣпость, но Иродъ взялъ ее и отпустилъ ихъ; римляне тѣмъ временемъ разсыпались по городу и стали грабить его, причемъ нашли въ жилищахъ множество всевозможныхъ драгоцѣнностей. Затѣмъ царь оставилъ въ Іерихонѣ гарнизонъ, самъ вернулся назадъ и отпустилъ римское войско на зимовье въ преданныя ему области: Идумею, Галилею и Самарію. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Антигонъ путемъ подкупа добился отъ Силона согласія на оставленіе части войска въ Лиддѣ; этимъ онъ думалъ снискать себѣ расположеніе Антонія. Такимъ образомъ римляне, освободясь отъ военной службы, устроились отлично.

4. Иродъ однако не желалъ пребывать въ бездѣйствіи. Пославъ въ Идумею брата своего Іосифа во главѣ двухъ тысячъ пѣхотинцевъ и четырехсотъ всадниковъ, онъ самъ направился къ Самаріи. Устроивъ тутъ свою мать и прочихъ домашнихъ, освободившихся тѣмъ временемъ отъ заключенія въ Масадѣ, Иродъ пошелъ въ Галилею съ цѣлью занять нѣсколько пунктовъ, гдѣ были помѣщены гарнизоны Антигона. Прибывъ при снѣжной вьюгѣ въ Сепфорисъ, причемъ отрядъ Антигона покинулъ городъ, онъ завладѣлъ богатымъ запасомъ продовольствія. Такъ какъ тамъ жило въ пещерахъ нѣсколько разбойничьихъ шаекъ, онъ выслалъ противъ нихъ отрядъ конницы и три когорты пѣхоты и рѣшилъ прекратить грабежи. Это произошло въ непосредственной близости къ деревнѣ Арбелѣ. На сороковой день явился самъ Иродъ во главѣ всего своего войска, и хотя враги выступили ему навстрѣчу весьма храбро, однако правое крыло ихъ дрогнуло; когда же они вступили въ бой съ отрядомъ самого Ирода, то они которые одержали уже побѣду, обратились въ бѣгство и воины царя преслѣдовали ихъ. Такимъ образомъ Иродъ гнался за ними до рѣки Іордана, а также за тѣми, которые бѣжали по другимъ дорогамъ. Такимъ путемъ Иродъ подчинилъ себѣ всю Галилею, исключая разбойничьихъ шаекъ въ (горныхъ пещерахъ). Послѣ этого онъ роздалъ войску денежныя награды, а именно каждому солдату вручилъ полтораста драхмъ, а начальникамъ гораздо болѣе. Затѣмъ уже онъ размѣстилъ все войско по зимнимъ квартирамъ. Въ это время прибыли къ нему Силонъ и другіе, находившіеся на зимнихъ стоянкахъ военачальники, потому что Антигонъ отказался давать имъ продовольствіе дольше мѣсячнаго срока. Вмѣстѣ съ тѣмъ Антигонъ

распорядился отдать всѣмъ своимъ приверженцамъ въ окрестностяхъ приказъ собрать всѣ припасы, имѣющіеся въ странѣ, и бѣжать съ ними въ горы, дабы римляне, лишенные всего необходимаго, погибли отъ голода. Между тѣмъ Иродъ поручилъ своему младшему брату Ферорѣ позаботиться объ этихъ людяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ ему вновь отстроить Александреумъ; послѣдній быстро доставилъ войску въ изобиліи все нужное, а также укрѣпилъ покинутый всѣми городъ Александреумъ.

5. Около того же времени Антоній находился въ Аѳинахъ. Вентидій между тѣмъ, пославъ Силона противъ пароянъ въ Сирію, поручилъ ему сперва поддержать въ этой войнѣ Ирода, а затѣмъ уже собрать союзниковъ для римскаго похода. Иродъ однако отправилъ Силона обратно къ Вентидію, а самъ собрался лично покончить съ разбойничьими шайками въ пещерахъ и съ этою цѣлью двинулся противъ нихъ. Пещеры находились въ крайне недоступныхъ горахъ и входъ въ нихъ былъ среди почти отвѣсныхъ скалъ, защищенныхъ остроконечными утесами. Въ этихъ пещерахъ разбойники укрывались съ своими семействами. Тогда царь распорядился соорудить большіе кованые ящики и спустить ихъ на желѣзныхъ цѣпяхъ съ вершины горъ, потому что его люди не могли спуститься по скатамъ благодаря ихъ отвѣсности, ниже подняться на верхъ (по той ж причинѣ). Эти ящики были полны воиновъ, снабженныхъ длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящихъ изъ пещеръ разбойниковъ и сбрасывать ихъ затѣмъ внизъ. Впрочемъ, спускъ этихъ ящиковъ представлялъ значительную опасность въ виду необычайной глубины пропастей. Въ то же самое время разбойники (въ пещерахъ) были снабжены въ достаточной мѣрѣ продовольствіемъ и всѣмъ нужнымъ, когда же ящики были спущены внизъ, никто изъ разбойниковъ не рѣшился выйти на площадки предъ пещерами, но всѣ были въ большомъ страхѣ. Тогда одинъ изъ воиновъ (Ирода) опоясался мечемъ, ухватился обѣими руками за цѣпь, на которой висѣлъ ящикъ, и выскочилъ на площадку, сердясь на то, что разбойники нерѣшаются выйти къ нему. Подойдя затѣмъ къ входу въ пещеру, онъ сперва своими копьями перебилъ множество столпившихся у входа, а затѣмъ схватилъ багромъ тѣхъ, кто двинулся впередъ, вытащилъ ихъ на площадку и сбросилъ въ пропасть. Послѣ этого онъ проникъ въ самую пещеру, убилъ тамъ множество разбойниковъ, а затѣмъ спокойно прыгнулъ обратно въ свой ящикъ. Тогда на остальныхъ враговъ напалъ страхъ, они услыхали стоны умирающихъ и стали отчаяваться въ своемъ спасеніи. Однако наступленіе ночи положило конецъ всему этому предпріятію. Когда царь возвѣстилъ имъ требо-

ваніе сдаться, многіе вышли, отдались во власть его и обѣщали ему покорность. Точно такимъ же образомъ продолжалась осада (остальныхъ) на слѣдующій день, тѣмъ болѣе, что солдаты стали смѣлѣе выскакивать изъ ящиковъ и драться у входа въ пещеры, куда они также кидали огонь, чтобы опустошить внутренности пещеръ, гдѣ было собрано много дровъ. При этомъ одинъ старикъ, заключенный въ пещерѣ съ семью сыновьями своими и женою, сдѣлалъ слѣдующее: когда члены его семьи просили его разрѣшить имъ выйти на площадку и отдаться во власть римлянъ, онъ самъ всталъ у входа и поочередно перебилъ всѣхъ выходившихъ дѣтей своихъ, равно какъ и жену. Затѣмъ онъ сбросилъ тѣла ихъ въ пропасть и за ними самъ ринулся внизъ, предпочитая смерть рабству. Передъ этимъ онъ еще сталъ хулить Ирода за его низкое происхожденіе, хотя царь (присутствовавшій при всемъ этомъ) и простиралъ къ нему правую руку, обѣщая полную безопасность. Такимъ образомъ всѣ пещеры въ концѣ концовъ были заняты.

6. Послѣ этого царь поручилъ Птолемею охрану этихъ мѣстностей, а самъ во главѣ шестисотъ всадниковъ и трехъ тысячъ пѣхотинцевъ двинулся къ Самаріи съ цѣлью рѣшить споръ свой съ Антигономъ на полѣ брани. Однако командованіе Птолемея окончилось для него неудачею, потому что тѣ отряды, которые и раньше производили смуты въ Галилеѣ, напали на него и убили его, послѣ чего бѣжали въ болота и неприступныя мѣстности, предавая все на пути своемъ разграбленію. Однако Иродъ сейчасъ же вернулся и наказалъ ихъ, перебивъ часть мятежниковъ и подвергнувъ осадѣ другихъ, которые бѣжали въ укрѣпленія. Укрѣпленія эти онъ взялъ, а людей перебилъ. Этимъ онъ разъ на всегда подавилъ въ нихъ стремленіе къ мятежамъ, а города въ наказаніе обложилъ данью въ сто талантовъ.

7. Тѣмъ временемъ Пакоръ палъ въ битвѣ и счастіе отвернулось отъ пароянъ. Тогда, по приказанію Антонія, Вентидій послалъ Ироду на помощь Махера съ двумя легіонами и тысячью всадниковъ. Между прочимъ Махеръ, несмотря на увѣщеванія Ирода, склонился на подкупъ со стороны Антигона и удалился подъ предлогомъ ближе ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ послѣдняго. Но подозрѣвая его истинныя намѣренія, Антигонъ не сталъ дожидаться его прибытія, но встрѣтилъ его градомъ камней пращниковъ, тѣмъ самымъ показывая ему, что онъ понялъ его планы. Когда теперь Махеръ убѣдился, что Иродъ посовѣтовалъ ему наилучшее и что онъ, не внявъ его совѣту, поступилъ нехорошо, онъ двинулся назадъ къ городу Эммаусу и въ гнѣвѣ на постигшую его неудачу сталъ избивать всѣхъ попадавшихся ему по пути

іудеевъ, не взирая на то, враждебны ли они или дружественны ему. Тогда царь въ свою очередь страшно разсердился и пошелъ къ Самаріи. Онъ рѣшилъ пожаловаться Антонію и сказать ему, что не нуждается въ такихъ союзникахъ, которые приносятъ больше вреда ему, чѣмъ врагамъ, и что онъ самъ въ силахъ справиться съ Антигономъ. Однако Махеръ послѣдовалъ за нимъ и сталъ упрашивать остаться здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ ухода, всетаки оставить при немъ брата своего Іосифа, чтобы онъ вмѣстѣ съ нимъ могъ воевать съ Антигономъ. Усиленныя просьбы Махера заставили Ирода склониться на его сторону; онъ оставилъ ему Іосифа съ войскомъ, но совѣтовалъ брату остерегаться опасности и не ссориться съ Махеромъ.

8. Самъ Иродъ поспѣшилъ къ Антонію (который какъ разъ въ это время осаждалъ городъ Самосату на Евфратѣ), имѣя для своего прикрытія отряды конный и пѣшій. Прибывъ въ Антіохію и найдя тамъ множество лицъ, которыя непремѣнно желали поѣхать къ Антонію, но не рѣшались на это изъ боязни подвергнуться по пути нападенію варваровъ и погибнуть, онъ смѣло предложилъ взять на себя главенство въ этой экспедиціи. Въ разстояніи двухдневнаго перехода отъ Самосаты туземцы устроили засаду, чтобы лишить Антонія подвоза (припасовъ), причемъ эти люди заняли лѣсныя опушки при входѣ въ равнину, а значительные спрятанные тамъ-же конные отряды должны были дожидаться, пока проѣзжающіе не вступятъ на равнину. Когда проѣхали первыя части и прослѣдовалъ въ арріергардѣ Иродъ, на него внезапно бросилось изъ засады до пятисотъ враговъ. Первые ряды быстро были обращены въ бѣгство, царь же ринулся немедленно впередъ на выручку товарищей и сталъ рубить враговъ; этимъ онъ вновь возбудилъ мужество своихъ людей и придалъ имъ отваги, а такъ какъ тѣмъ временемъ бѣжавшіе вернулись назадъ, то на варваровъ отовсюду посыпались удары и множество ихъ подверглось избіенію. Царь самъ налегъ на нихъ изо всѣхъ силъ и двинулся впередъ тогда лишь, когда ему удалось отбить у враговъ все то, что они успѣли было похитить (множество вьючнаго скота и рабовъ). Когда же затѣмъ на нихъ напало еще болѣе значительное количество враговъ, находившихся въ засадѣ въ лѣсахъ при выходѣ изъ равнины, Иродъ вступилъ и съ ними въ отчаянный бой, обратилъ ихъ въ бѣгство и, перебивъ множество ихъ, далъ своимъ спутникамъ, которые называли его теперь своимъ спасителемъ и заступникомъ, возможность безпрепятственно совершать дальнѣйшій путь свой.

9. Когда Иродъ приблизился къ Самосатѣ, Антоній выслалъ ему на-

встрѣчу войско и личную свою свиту, чтобы выразить ему этимъ свое почтеніе и оказать поддержку: Антоній уже зналъ о нападеніи варваровъ. Онъ съ удовольствіемъ ждалъ пріѣзда Ирода, и такъ какъ узналъ о подвигахъ, совершенныхъ имъ въ пути, то принялъ его съ выраженіемъ удивленія его храбрости, немедленно заключилъ его въ объятія и принялъ его съ тѣмъ большимъ почетомъ, что онъ самъ недавно провозгласилъ его царемъ. Такъ какъ немного спустя Антіохъ сдалъ Антонію свою крѣпость и тѣмъ самымъ война окончилась, Антоній поручилъ Соссію Сирію съ приказаніемъ поддерживать Ирода, а самъ двинулся въ Египетъ. Соссій тотчасъ выслалъ два легіона въ Іудею для поддержки Ирода, а самъ съ ядромъ своего войска послѣдовалъ за нимъ.

10. Въ это время въ Іудеѣ умеръ Іосифъ слѣдующимъ образомъ: онъ совершенно забылъ о томъ, что совѣтовалъ ему братъ его при отъѣздѣ къ Антонію, и расположился лагеремъ на склонахъ горъ (дѣло въ томъ, что онъ во главѣ предоставленныхъ ему Махеромъ пяти когортъ собирался двинуться на Іерихонъ, чтобы овладѣть посѣяннымъ тамошними хлѣбомъ). Но такъ какъ римскій отрядъ состоялъ изъ однихъ только новобранцевъ, которые были еще неопытны въ военномъ дѣлѣ (тѣмъ болѣе, что большинство этихъ людей было набрано въ Сиріи) то, когда на него тамъ напали враги, онъ увидѣлъ себя въ критическомъ положеніи и долженъ былъ умереть. Палъ онъ сражаясь геройски и потерялъ при этомъ всѣхъ своихъ воиновъ, именно шесть когортъ. Побѣдивъ такимъ образомъ враговъ, Антигонъ велѣлъ отрубить Іосифу голову, а братъ послѣдняго Ферора предложилъ ему за нее пятьдесятъ талантовъ. Послѣ этого галилеяне отложились отъ своихъ намѣстниковъ и потопили приверженцевъ Ирода въ озерѣ.[1] Въ Іудеѣ (также) произошли значительныя смуты. Тѣмъ временемъ Махеръ принялся за укрѣпленіе мѣстечка Гитты.

11. Къ царю между тѣмъ явились вѣстники съ сообщеніемъ о случившемся и довели до его свѣдѣнія въ антіохійской Дафнѣ о судьбѣ его брата, причемъ самъ Иродъ уже былъ предваренъ различными непреложными сновидѣніями о смерти брата. Поэтому онъ ускорилъ свое выступленіе къ Ливанскому хребту, прибылъ туда и, принявъ въ свое войско, состоявшее изъ одного римскаго легіона, еще около восьмисотъ туземцевъ, направился къ Птолемаидѣ. Отсюда онъ ночью выступилъ во главѣ своего войска и пошелъ чрезъ Галилею. Тутъ противъ него выступили враги но будучи побѣждены въ битвѣ, должны были вновь запереться въ той крѣ-

[1] Т. е. въ Галилейскомъ морѣ (Kaulen).

пости, откуда они вышли наканунѣ. На зарѣ Иродъ совершилъ нападеніе на эту крѣпость, но такъ какъ онъ вслѣдствіе сильной снѣжной бури ничего не могъ тутъ подѣлать, то отступилъ съ своимъ войскомъ въ ближайшія деревни. Когда же сюда прибылъ къ нему второй, присланный ему Антоніемъ легіонъ, то враги, занимавшіе укрѣпленіе, испугались и ночью покинули его. Затѣмъ царь поспѣшилъ къ Іерихону, имѣя въ виду отмстить жителямъ за смерть своего брата. Расположившись станомъ и угостивъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, Иродъ затѣмъ отпустилъ ихъ, а самъ отправился въ свою половину. Тутъ явилось доказательство милости Божіей къ царю: дѣло въ томъ, что въ этотъ самый моментъ рушилась крыша дома, причемъ никого не ранила. Изъ этого всѣ могли убѣдиться, какъ Предвѣчный любитъ Ирода, разъ Онъ далъ ему возможность избѣгнуть такой явной и великой опасности.

12. На слѣдующій день шесть тысячъ враговъ спустились съ горныхъ вершинъ и своимъ желаніемъ вступить въ бой испугали римлянъ. Непріятельскіе легковооруженные выступили впередъ и стали закидывать дротиками и камнями вышедшій противъ нихъ отрядъ царя, причемъ какой-то воинъ ударилъ самого Ирода копьемъ въ бокъ.

Тѣмъ временемъ Антигонъ послалъ въ Самарію полководца по имени Паппа, съ небольшимъ отрядомъ, желая возбудить въ врагахъ убѣжденіе, что онъ ведетъ войну съ большими силами, чѣмъ бы слѣдовало. Этотъ полководецъ укрѣпился станомъ противъ Махера. Между тѣмъ Иродъ (вскорѣ) взялъ пять городовъ, перебилъ найденныхъ и захваченныхъ тамъ жителей, число которыхъ доходило до двухъ тысячъ, а самъ, сжегши эти города, двинулся на Паппа. Послѣдній расположился станомъ около деревни Иканы. Тутъ (къ Ироду) пристало множество людей изъ Іерихона и другихъ частей Іудеи; когда же онъ подошелъ ближе и враги отчаянно ринулись ему навстрѣчу, онъ сразился съ ними и разбилъ ихъ, а затѣмъ въ отместку за убіеніе брата преслѣдовалъ ихъ до самой деревни, въ которую они бѣжали, и по пути предавалъ ихъ избіенію. Такъ какъ всѣ жилища были наполнены воинами и многіе искали убѣжища на крышахъ, то Ироду пришлось взять ихъ силою; когда же онъ велѣлъ разрушать крыши, то увидѣлъ, что внутри дома были полны воиновъ. Тогда сверху стали на нихъ швырять глыбами камней и убивать ихъ кучами. Это было самое ужасное зрѣлище за всю ту войну; груды тѣлъ были затѣмъ свалены другъ на друга около стѣнъ. Это обстоятельство совершенно подавило мужество враговъ, которымъ приходилось ожидать и себѣ такой же (печальной) участи.

Тогда вблизи деревни можно было видѣть множество народа. Это были бѣглецы. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное побѣдою царское войско пришло бы къ самому Іерусалиму и все дѣло было бы сдѣлано, тѣмъ болѣе, что и Антигонъ въ виду всеобщаго бѣгства теперь думалъ лишь объ окончательномъ оставленіи города.

13. Тогда царь, въ виду наступленія вечера, отпустилъ солдатъ своихъ обѣдать, а самъ, будучи очень утомленъ, вошелъ въ одинъ изъ домовъ и сталъ купаться. Здѣсь (опять) онъ подвергся крайней опасности, изъ которой спасло его лишь Божіе Провидѣніе. Дѣло въ томъ, что Иродъ совсѣмъ уже раздѣлся и при немъ находился для услугъ одинъ только мальчикъ, какъ вдругъ мимо него пробѣжалъ какой то воинъ съ обнаженнымъ мечемъ и выскочилъ въ дверь, за нимъ послѣдовали съ такимъ же оружіемъ второй и третій. Эти воины бѣжали было въ тотъ домъ и скрывались внутри его изъ страха. Теперь они такъ были напуганы, что не тронули царя, думая объ одномъ лишь, какъ бы самимъ безпрепятственно спастись изъ дома. На слѣдующій день Иродъ распорядился отрубить у павшаго Паппа голову и отослать ее Ферорѣ въ знакъ отмщенія за судьбу брата: Паппъ собственноручно убилъ послѣдняго.

14. По окончаніи зимы Иродъ двинулся отсюда, подошелъ къ самому Іерусалиму и расположился вблизи его лагеремъ. То былъ уже третій годъ, что его назначили въ Римѣ царемъ. Затѣмъ онъ двинулся впередъ, подошелъ совсѣмъ близко къ той части городской стѣны, которая была менѣе всего укрѣплена, и расположился лагеремъ предъ самымъ храмомъ, имѣя въ виду вести аттаку точно такимъ же образомъ, какъ то нѣкогда сдѣлалъ Помпей. Онъ распорядился соорудить три вала въ этой мѣстности и воздвигнуть на нихъ башни, причемъ работа шла крайне энергично и всѣ окрестныя деревья были срублены. Поручивъ эти работы спеціалистамъ, самъ Иродъ, пока его войско стояло здѣсь еще лагеремъ, поѣхалъ на свою свадьбу въ Самарію, чтобы жениться тамъ на дочери Александра и внучкѣ Аристовула, съ которою, какъ мною было выше упомянуто, онъ былъ обрученъ [1].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

1. Свадьба эта была уже справлена, какъ чрезъ Финикію двинулся Соссій, выславшій впередъ часть своего войска извнутри страны, а самъ во главѣ многочисленнаго коннаго и пѣшаго отряда слѣдовавшій за нимъ.

[1] Срв. Іуд. войну, I, 15, 3—17, 8.

Тогда явился изъ самарянской области и царь, ведя съ собою значительное подкрѣпленіе къ прежнимъ своимъ боевымъ силамъ: у него было теперь около тридцати тысячъ человѣкъ. Всѣ эти войска, въ составѣ одиннадцати легіоновъ, шести тысячъ конницы и прочихъ вспомогательныхъ сирійскихъ силъ, собрались подъ стѣнами Іерусалима и расположились станомъ у сѣверной части города. Войска эти были подъ командою двухъ лицъ, Соссія, посланнаго Антоніемъ въ качествѣ союзника, и Ирода, старавшагося ради себя самого лишить власти Антигона, который въ Римѣ былъ объявленъ врагомъ (республики), чтобы самому вмѣсто него занять, сообразно сенатскому постановленію, царскій престолъ.

2. Собравшіеся отовсюду іудеи тѣмъ временемъ съ большимъ рвеніемъ и мужествомъ сопротивлялись войскамъ Ирода и, будучи заключены въ стѣнахъ города, сильно хвастались (неприступностью) храма и прославляли народъ свой, котораго Господь освободитъ-де отъ угрожающихъ опасностей. Все то, что изъ припасовъ находилось еще внѣ города, они собрали къ себѣ, чтобы ни самимъ врагамъ, ни ихъ вьючнымъ животнымъ не оставалось никакой пищи, причемъ доставляли врагамъ затрудненія своими неожиданными разбойничьими набѣгами. Когда объ этомъ узналъ Иродъ, онъ помѣстилъ въ наиболѣе соотвѣтствующихъ мѣстахъ засады для поимки разбойниковъ, а для доставленія припасовъ разослалъ на далекое пространство вооруженные отряды и такимъ образомъ собралъ столько продовольствія, что вскорѣ у его войска было въ изобиліи все необходимое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря дружной работѣ столькихъ рукъ, вскорѣ были сооружены и три вала. Теперь было лѣтнее время, такъ что ни погода, ни люди не могли помѣшать успѣшному ходу этихъ работъ. Затѣмъ помѣстили (на валахъ) осадныя орудія, стали поражать стѣну и пустили въ ходъ всѣ способы, чтобы овладѣть городомъ. Тѣмъ временемъ однако осажденные нисколько этимъ не смущались, но въ свою очередь употребляли всѣ старанія, чтобы ослабить начинанія враговъ; такъ, напр. при своихъ вылазкахъ они поджигали полуготовыя или уже совсѣмъ готовыя осадныя орудія, а въ происходившихъ при этомъ стычкахъ нисколько не уступали римлянамъ въ смѣлости, хотя и не обладали ихъ опытностью (въ военномъ дѣлѣ). Когда они разрушили первыя осадныя сооруженія (римлянъ), непріятели воздвигли новыя; іудеи приняли въ свою очередь всѣ мѣры, сражались подъ землею съ солдатами, занятыми прокладкою подземныхъ подкоповъ, и вообще бились въ этой войнѣ до крайности, скорѣе,

впрочемъ, изъ отчаянія, чѣмъ по предварительно строго опредѣленному плану, тѣмъ болѣе, что ихъ осаждало такое значительное войско, да и донимали ихъ голодъ и недостатокъ во всемъ необходимомъ, потому что тотъ годъ былъ субботнимъ. И вотъ первыми изъ враговъ взошли на стѣну двадцать добровольцевъ, а затѣмъ и центуріоны Соссія. Первая стѣна была взята по истеченіи сорока дней, а вторая по прошествіи пятнадцати дней. При этомъ были подожжены нѣкорые изъ храмовыхъ портиковъ, въ чемъ Иродъ обвинилъ Антигона, имѣя въ виду тѣмъ самымъ возбудить противъ него ненависть іудеевъ. Когда же были взяты окрестности храма и нижній городъ, іудеи бѣжали въ самый храмъ и въ верхнюю часть города. А такъ какъ они боялись, что римляне помѣшаютъ продолжать ежедневныя жертвоприношенія Господу Богу, то они отправили къ нимъ посольство съ просьбою разрѣшить имъ ввозъ исключительно жертвенныхъ животныхъ. Иродъ позволилъ имъ это въ разсчетѣ что они теперь сдадутся ему. Когда же онъ увидѣлъ, что ошибся въ своихъ надеждахъ и что іудеи особенно рьяно стоятъ за Антигона, онъ собралъ всѣ свои силы и штурмомъ взялъ городъ. Произошла страшная рѣзня, такъ какъ римляне были разъярены продолжительностью осады, а іудейскіе приверженцы Ирода не желали оставлять въ живыхъ ни одного противника. Тогда происходили массовыя избіенія въ улицахъ, домахъ и въ храмѣ, гдѣ жители искали убѣжища. Не было пощады никому, ни дѣтямъ, ни старцамъ, ни слабымъ женщинамъ. Хотя царь повсюду посылалъ своихъ людей съ просьбою щадить враговъ, однако никто уже не сдерживалъ своихъ порывовъ, но предавалъ, какъ бы въ опьяненіи, всѣхъ и все избіенію. Тогда и Антигонъ, не думая о своей прежней, равно какъ и настоящей участи, покинулъ башню и бросился къ ногамъ Соссія. Послѣдній однако отнюдь не сжалился надъ постигшею его неудачею, но рѣзко накинулся на него и обзывалъ его Антигоною; впрочемъ это не помѣшало ему не отпустить его, какъ женщину, на свободу; напротивъ, онъ велѣлъ связать его и отдать подъ стражу.

3. Теперь, побѣдивъ враговъ, Иродъ задался цѣлью обуздать также и своихъ иновѣрныхъ союзниковъ, потому что чужеземныя войска собирались подвергнуть осмотру храмъ и его святыни. Однихъ царь удержалъ отъ этого путемъ убѣжденій, другихъ угрозами, а нѣкоторыхъ пришлось прогнать даже съ оружіемъ въ рукахъ, потому что, если бы они узрѣли что либо изъ запрещеннаго (видѣть въ храмѣ), онъ считалъ бы побѣду хуже пораженія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запретилъ также вполнѣ разграблять городъ, неоднократно спрашивая Соссія, развѣ римляне желаютъ лишить городъ окончательно людей и имущества и оставить его (Ирода) царемъ пустыни, тогда какъ ему не хотѣлось бы купить владычество даже надъ всею вселенною убіеніемъ столькихъ согражданъ. Когда же тотъ возразилъ, что солдаты имѣютъ право на грабежъ вслѣдствіе участія своего въ осадѣ Иродъ сказалъ, что онъ готовъ выдать каждому изъ нихъ вознагражденіе изъ своихъ собственныхъ средствъ. Выкупивъ такимъ образомъ остальную часть города, царь исполнилъ свое обѣщаніе: онъ блестяще вознаградилъ каждаго воина, подобающимъ образомъ одарилъ военачальниковъ, а Соссію сдѣлалъ прямо царскій подарокъ, такъ что римляне разстались съ нимъ богатыми людьми.

4. Это бѣдствіе постигло Іерусалимъ въ консульство Марка Агриппы и Каннинія Галла, въ третій мѣсяцъ сто восемьдесять пятой олимпіады [1] и опять таки въ день поста, какъ бы для повторенія постигшаго іудеевъ несчастія при Помпеѣ: двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ этотъ же самый день городъ былъ взятъ послѣднимъ. Принеся затѣмъ въ жертву Господу Богу золотой вѣнецъ, Соссій ушелъ изъ-подъ Іерусалима и повезъ съ собою въ оковахъ Антигона, чтобы отдать его Антонію. Однако Иродъ опасался, какъ бы Антигонъ не былъ пощаженъ Антоніемъ, привезенъ имъ въ Римъ, и тамъ не былъ бы оправданъ сенатомъ, если только онъ тамъ заявитъ, что самъ онъ происходитъ изъ царскаго рода, Иродъ же простой человѣкъ, и что поэтому, несмотря на нѣкоторыя его провинности относительно римлянъ, всетаки по происхожденію царская власть принадлежитъ дѣтямъ Антигона. Опасаясь такого оборота дѣла, онъ большою суммою денегъ уговорилъ Антонія казнить Антигона. Послѣ этого Иродъ избавился отъ своего страха, а владычество асмонеевъ прекратилось послѣ ста двадцати шести лѣтъ.

Эта семья отличалась блескомъ и славою, не только происходя изъ знатнаго рода и обладая первосвященническимъ саномъ, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными предками на пользу наро-

[1] Т. е. въ 37 году до Р. Хр. Что касается выраженія „въ третій мѣсяцъ", то оно еще не вполнѣ выяснено. Вообще, хронологическія данныя Іосифа съ момента восшествія на престолъ Іоанна Гиркана до сихъ поръ весьма не точны. Срав. D. Cassel, Jüdische Gesch. u. Litterat. p. 98, anm.

да [1]. Но асмонеи потеряли власть благодаря своимъ постояннымъ распрямъ, и власть эта перешла къ сыну Антипатра, Ироду, происходившему изъ простонародья и изъ семьи, подчиненной царямъ. Однако довольно о семействѣ асмонеевъ [2].

[1] Родословная асмонеевъ:

Іоаннъ Гирканъ
1. Аристовулъ — Саломія Александра; 2. Антигонъ; 3. Александръ Яннай — Саломія Александра; 4. Авессаломъ
1. Гирканъ. — Дочь; 2. Аристовулъ — Александръ, Антигонъ, Дочь (Птолемей), Дочь (Меннай)
Александра
Аристовулъ, Маріамна — Иродъ.

[2] Срв. Іуд. войну, I, 17, 9—18, 4.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

1. О томъ, какъ Антоній, по занятіи Іерусалима Соссіемъ и Иродомъ, велѣлъ въ Антіохіи отрубить Антигону голову, и какъ Иродъ приказалъ казнить сорокъ пять друзей Антигона, знатныхъ іерусалимскихъ гражданъ, и предалъ городъ разграбленію.

2. О томъ, какъ Гирканъ, прежній правитель и первосвященникъ іудейскій, былъ отпущенъ на волю пареянскимъ царемъ и вернулся къ Ироду.

3. О томъ, какъ Иродъ назначилъ шурина своего Аристовула первосвященникомъ и немного спустя велѣлъ его умертвить.

4. О томъ, какъ Клеопатра, домогавшаяся власти надъ іудеями и арабами, добилась отъ Антонія части областей ихъ.

5. О прибытія Клеопатры въ Іудею.

6. О войнѣ, предпринятой Иродомъ противъ Арета какъ разъ въ то самое время, какъ Антоній потерпѣлъ при Акціумѣ пораженіе отъ Цезаря.

7. О происшедшемъ въ Іудеѣ землетрясеніи, погубившемъ много людей и животныхъ.

8. Рѣчь Ирода къ іудеямъ, потерявшимъ при такихъ напастяхъ и ударахъ судьбы все свое мужество.

9. О томъ, какъ Иродъ, отправляясь къ побѣдителю—Цезарю, велѣлъ умертвить Гиркана, какъ онъ получилъ отъ Цезаря царское достоинство и сопровождалъ Цезаря въ Египетъ.

10. О томъ, съ какимъ почетомъ Цезарь относился къ Ироду, пока они не пріѣхали въ Александрію.

11. Какъ затѣмъ, по возвращеніи изъ Египта, Иродъ поддался навѣтамъ и далъ склонить себя къ умерщвленію Маріамны.

12. О постигшей Іудею и Сирію голодовкѣ и о заботливости Ирода о странѣ и объ ея населеніи.

13. О построеніи греческихъ городовъ, богато украшаемыхъ царемъ Иродомъ.

14. О томъ, какъ Иродъ распорядился снести старый храмъ іудейскій простоявшій шестьсотъ лѣтъ, и соорудилъ вмѣсто него новый, вдвое большій.

Содержаніе книги обнимаетъ восемьнадцатилѣтній періодъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. О томъ, какъ Соссій и Иродъ силою взяли Іерусалимъ и при этомъ полонили Антигона, нами было разсказано въ предшествующей книгѣ. Теперь намъ придется говорить о событіяхъ, находящихся въ связи съ предъидущими.

Послѣ того какъ Иродъ подчинилъ себѣ всю Іудею, онъ удостоилъ высокаго почета всѣхъ тѣхъ, кто поддерживалъ его, пока онъ еще не достигъ власти; всѣхъ же приверженцевъ своихъ противниковъ онъ постоянно и непрерывно преслѣдовалъ, и не проходило дня, чтобы онъ не подвергалъ ихъ мученіямъ. Особеннаго же почета съ его стороны удостоивались фарисей Полліонъ и ученикъ послѣдняго, Самея, потому что эти люди совѣтовали своимъ согражданамъ во время осады Іерусалима принять къ себѣ Ирода. Теперь они получали за это заслуженную награду. Этотъ же самый Самея нѣкогда предсказалъ Гиркану и судьямъ, когда они судили Ирода въ преступленіи, за которое полагалась смертная казнь, что, если они оправдаютъ Ирода, послѣдній всѣхъ ихъ умертвитъ. Это предсказаніе, по волѣ Господа Бога, впослѣдствіи дѣйствительно оправдалось.

2. Теперь же, овладѣвъ Іерусалимомъ, Иродъ сталъ собирать всѣ царскія драгоцѣнности. При этомъ онъ не стѣснялся грабить лицъ состоятельныхъ. Набравъ такимъ образомъ множество серебра и золота, онъ одарилъ всѣмъ этимъ Антонія и его друзей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ распорядился умертвить сорокъ пять главныхъ приверженцевъ Антигона и велѣлъ поставить къ городскимъ воротамъ стражу съ приказомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ города не было унесено имущество казненныхъ. При этомъ убитые подвергались тщательному обыску и все серебро и золото, равно какъ всѣ находившіяся при нихъ драгоцѣнности, передавались царю. Вообще дѣлались всякія безобразія въ виду того, что царь отличался отчасти большою любостяжательностью, отчасти очень нуждался въ деньгахъ, потому что въ виду субботняго года земля оставалась совершенно невоздѣланною. Именно теперь наступилъ субботній годъ, когда намъ запрещено сѣять.

Между тѣмъ, взявшій въ плѣнъ Антигона и державшій его въ оковахъ Антоній разсчитывалъ сохранить его для своего тріумфа. Когда же онъ узналъ, что народъ волнуется и относится съ расположеніемъ къ Антигону,

ненавидя Ирода, онъ рѣшилъ отрубить Антигону голову въ Антіохіи, ибо иначе нельзя было никакъ успокоить іудеевъ. Подтвержденіе моимъ словамъ находится у каппадокійца Страбона, который говоритъ (по этому поводу) слѣдующее:

«Привезя іудея Антигона въ Антіохію, Антоній отрубилъ ему тамъ голову. Онъ былъ первымъ римляниномъ, который велѣлъ такимъ образомъ казнить царственное лицо; по его мнѣнію, иначе нельзя было заставить іудеевъ признать вмѣсто него вновь провозглашеннаго царемъ Ирода, потому что даже пытки не могли побудить іудеевъ называть послѣдняго царемъ. Такъ высоко было ихъ мнѣніе о прежнемъ царѣ. Антоній при этомъ полагалъ, что безславная смерть царя заставитъ забыть іудеевъ о немъ, а съ другой стороны ослабитъ ненависть ихъ къ Ироду». Таково свидѣтельство Страбона.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Когда первосвященникъ Гирканъ, находившійся въ плѣну у парѳянъ, узналъ, что царская власть перешла къ Ироду, онъ явился къ послѣднему, бѣжавъ слѣдующимъ образомъ изъ плѣна: Барзафарнъ и Пакоръ, военачальники парѳянскіе, захвативъ въ плѣнъ Гиркана, бывшаго сперва первосвященникомъ, а затѣмъ и царемъ, а также брата Ирода, Фасаила, увели ихъ къ себѣ въ страну парѳянскую. Фасаилъ, не снесшій позора быть въ оковахъ и предпочитавшій славную смерть какой нибудь жалкой жизни, самъ наложилъ на себя руки, какъ я разсказалъ уже выше [1].

2. Когда же Гирканъ былъ привезенъ къ парѳянскому царю Фраату и послѣдній узналъ объ его знатномъ происхожденіи, то къ нему стали относиться болѣе мягко. Въ виду этого царь освободилъ Гиркана отъ оковъ и разрѣшилъ ему жить въ Вавилонѣ, гдѣ тогда было много іудеевъ. Послѣдніе почитали Гиркана какъ первосвященника и царя, равно какъ дѣлали это и все прочіе іудеи, жившіе у Евфрата. Это было Гиркану пріятно. Когда же онъ узналъ, что царская власть перешла къ Ироду, онъ воспрянулъ духомъ, во-первыхъ потому, что былъ вообще расположенъ къ Ироду, а затѣмъ и оттого, что разсчитывалъ, что Иродъ вспомнитъ объ оказанной ему нѣкогда услугѣ, когда Гирканъ спасъ его отъ опасности смерти во время суда, которому подвергся Иродъ. При этомъ Гирканъ

[1] Срв. выше, стр 113.

говорилъ съ іудеями о томъ, какъ бы ему хотѣлось отправиться къ Ироду. Тѣ однако удерживали Гиркана отъ этого и уговаривали его остаться, указывая на то, что онъ пользуется у нихъ всяческою властью и почетомъ какъ первосвященникъ и царь, тогда какъ онъ на это не будетъ тамъ имѣть права вслѣдствіе того, что его нѣкогда искалѣчилъ Антигонъ [1] при этомъ они поставляли ему еще на видъ, что цари не всегда помнятъ услуги, оказанныя имъ, когда они были еще простыми людьми, и что поворотъ въ ихъ судьбѣ нерѣдко измѣняетъ ихъ міросозерцаніе.

3. Несмотря на всѣ эти представленія, имѣвшія въ виду одно лишь благо Гиркана, послѣдній однако всетаки хотѣлъ уѣхать, тѣмъ болѣе, что и Иродъ прислалъ ему письмо, въ которомъ совѣтовалъ упросить Фраата и тамошнихъ іудеевъ не сердиться на него, если онъ, Гирканъ, раздѣлитъ царскую власть съ Иродомъ. При этомъ Иродъ упоминалъ еще, что теперь какъ разъ наступилъ моментъ, когда онъ сможетъ отблагодарить его за всѣ оказанныя ему благодѣянія—какъ за полученное воспитаніе, такъ и за спасеніе ему жизни—и когда Гирканъ сможетъ воспользоваться этимъ. Отправивъ такое письмо Гиркану, Иродъ единовременно съ этимъ послалъ къ Фраату посломъ Сарамаллу съ богатыми дарами и просьбою дольше не препятствовать ему воздать должное по заслугамъ своему благодѣтелю. Впрочемъ, Иродъ тутъ вовсе не имѣлъ въ виду оказать услугу Гиркану: но такъ какъ онъ правилъ вовсе не такъ, какъ слѣдовало, то онъ опасался всякихъ осложненій и потому скорѣе желалъ имѣть въ рукахъ Гиркана или же совершенно отъ него избавиться. Послѣднее онъ, впрочемъ, нѣсколько позже и сдѣлалъ.

4. Гирканъ склонился на эти убѣжденія и, будучи отпущенъ царемъ парѳянскимъ и снабженъ деньгами со стороны іудеевъ, прибылъ (къ Ироду), который принялъ его со всякими почестями и далъ ему первое мѣсто во время совѣщаній и обѣдовъ, называя его при этомъ обманнымъ образомъ отцомъ своимъ и всячески стараясь подавить въ немъ всякое подозрѣніе въ его лойяльности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иродъ предпринялъ также многое другое, чтобы такимъ путемъ закрѣпить за собою власть. Но изъ этого вышли лишь осложненія для него самого и для его семьи. Остерегаясь назначить на постъ первосвященника какого-нибудь представителя знати, онъ нарочно послалъ въ Вавилонъ за нѣкіимъ Ананиломъ, простымъ священникомъ, и поручилъ ему первосвященство.

[1] Онъ отрѣзалъ ему уши. См. выше, стр. 113.

5. Однако дочь Гиркана, Александра, жена Александра, сына царя Аристовула, родившая Александру двоихъ дѣтей, прекраснаго Аристовула и миловидную Маріамну, жену Ирода, не отнеслась спокойно къ такому унизительному съ нею обращенію. Она очень обезпокоилась и смутилась, позоромъ ея сына въ томъ смыслѣ, что при его жизни первосвященническое достоинство перешло къ какому то выскочкѣ. Поэтому она отправила при содѣйствіи одного музыканта письмо Клеопатрѣ съ просьбою добиться отъ Антонія назначенія на постъ первосвященника ея сына.

6. Но Антоній медлилъ исполненіемъ этой просьбы; (въ это время) въ Іудею прибылъ по своимъ дѣламъ другъ его Деллій. Увидя Аристовула, онъ былъ въ восторгѣ отъ его красоты и статнаго сложенія, равно какъ преклонился предъ красотою царицы Маріамны и сказалъ, что Александра является матерью рѣдко красивыхъ дѣтей. Когда же Александра стала говорить съ нимъ, онъ убѣдилъ ее велѣть срисовать обоихъ дѣтей и послать портреты Антонію, который-де при видѣ ихъ не откажетъ ей ни въ чемъ. Александра изъ тщеславія поддалась этимъ убѣжденіямъ и послала портреты Антонію. При этомъ Деллій не прекращалъ своихъ восхваленій и дошелъ до того, что сказалъ, что эти дѣти не человѣческія, но отъ какого нибудь бога. Этимъ онъ хотѣлъ возбудить въ Антоніи чувство похотливости. Антоній впрочемъ побоялся послать за царицею, женою Ирода, но отправилъ пословъ за юношею съ оговоркою, впрочемъ: «если это не представитъ затрудненій». Когда это было сообщено Ироду, онъ рѣшилъ, что не безопасно послать такого красавца, какимъ тогда былъ шестнадцатилѣтній Аристовулъ, да вдобавокъ еще знатнаго рода, къ Антонію, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможнымъ эротическимъ увлеченіямъ и имѣлъ возможность безпрепятственно доставлять себѣ какія угодно удовольствія. Поэтому онъ отписалъ ему, что если только этотъ юноша выѣдетъ изъ страны, это подастъ немедленно поводъ къ войнѣ и всякимъ смутамъ, потому что іудеи только и разсчитываютъ на новаго царя для совершенія государственныхъ переворотовъ.

7. Приведя это въ свое оправданіе предъ Антоніемъ, Иродъ рѣшилъ дольше не оскорблять юноши и Александры, тѣмъ болѣе, что и жена его Маріамна усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ея брату; къ тому же и Иродъ былъ убѣжденъ въ соблюденіи своихъ личныхъ при этомъ интересовъ, потому что Аристовулъ, достигнувъ такого почета, не сможетъ уже уйти изъ страны. Поэтому онъ созвалъ друзей своихъ на совѣщаніе и сталъ сильно жаловаться на Александру,

говоря, что она злоумышляетъ противъ царства и при посредствѣ Клеопатры домогается сверженія его съ престола, дабы, при помощи Антонія, юный Аристовулъ получилъ престолъ вмѣсто него. При этомъ онъ указалъ на незаконность и безчестность ея домогательствъ, потому что Александра тѣмъ самымъ лишила бы и дочь свою ея высокаго почетнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала бы смуты въ самомъ царствѣ, которое онъ создалъ съ такими трудностями и котораго добился путемъ неимовѣрныхъ опасностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, продолжалъ онъ, онъ готовъ забыть всѣ несправедливыя домогательства и попытки ея лишить его законной власти и готовъ теперь передать первосвященническое достоинство ея сыну, вмѣсто котораго онъ раньше назначилъ Ананила, такъ какъ (въ то время) Аристовулъ былъ еще совсѣмъ ребенкомъ. Все это Иродъ говорилъ не безъ задней мысли и крайне обдуманно, имѣя въ виду ввести въ полнѣйшее заблужденіе присутствующихъ женщинъ и друзей. Тогда Александра въ волненіи отчасти отъ радости вслѣдствіе выпавшей на долю сына ея чести, которой она теперь никакъ уже не ожидала, отчасти изъ страха предъ тѣмъ, какъ бы не навлечь на себя подозрѣнія, стала со слезами на глазахъ оправдываться, говоря, что она дѣйствительно изо всѣхъ силъ старалась добиться для сына первосвященническаго достоинства, но отнюдь не злоумышляла противъ царской власти. Впрочемъ, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться послѣдней, если бы ей и пришлось достигнуть ея, такъ какъ уже теперь на ея долю выпала достаточно великая честь, что царствуетъ Иродъ, который одинъ передъ всѣми умѣетъ дать всей семьѣ достаточную безопасность. Нынѣ же, закончила она рѣчь свою, она совершенно подавлена благодѣяніемъ, оказаннымъ ея сыну въ формѣ предоставленной ему чести быть первосвященникомъ, и она сама готова безусловно повиноваться во всемъ (Ироду), причемъ проситъ извинить ее, если она вслѣдствіе родственныхъ отношеній или слишкомъ понадѣявшись на себя совершила что нибудь непристойное.

Послѣ этого всѣ они помирились и въ знакъ того подали другъ другу руки. Этимъ, казалось, было устранено всякое недоразумѣніе [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Тогда Иродъ немедленно смѣнилъ первосвященника Ананила, который, какъ мы упомянули выше, не былъ туземнымъ евреемъ, но про-

[1] Срв. Іуд. войну, I, 22. 3.

исходилъ изъ переселившихся за Евфратъ іудеевъ, ибо много десятковъ тысячъ представителей этого народа поселилось въ Вавилоніи. Въ числѣ ихъ былъ и Ананилъ, происходившій, впрочемъ, изъ первосвященническаго рода. Издавна у него были дружественныя отношенія къ Ироду. Захвативъ царскій престолъ, Иродъ почтилъ Ананила (высокимъ саномъ первосвященника), а теперь опять смѣстилъ его для того, чтобы уладить внутреннія, семейныя неурядицы. Впрочемъ, тутъ Иродъ поступилъ противозаконно, потому что первосвященникъ, разъ утвержденный въ этомъ санѣ, считался несмѣняемымъ. Впрочемъ, первымъ нарушилъ это правило Антіохъ Епифанъ, смѣнившій Іисуса и поставившій на его мѣсто Онію, вторымъ былъ Аристовулъ, отнявшій санъ у своего брата Гиркана, а третьимъ явился Иродъ, предоставившій это мѣсто юному Аристовулу.

2. Такимъ образомъ Ироду казалось, что онъ уладилъ свои семейныя дѣла, хотя онъ и не переставалъ, какъ бы то слѣдовало въ виду состоявшагося примиренія, относиться съ подозрѣніемъ къ Александрѣ, боясь, чтобы она, по примѣру прежнихъ интригъ, не вздумала улучить минуту для совершенія государственнаго переворота. Поэтому онъ распорядился, чтобы она не покидала царскаго дворца и ничего не смѣла предпринимать самостоятельно; кромѣ того, была назначена стража, которая должна была слѣдить, чтобы она безъ вѣдома царя не дѣлала ничего, что не входило бы въ кругъ ея ежедневныхъ обязанностей. Все это вскорѣ возстановило противъ него Александру и вызвало въ ней ненависть къ Ироду. Преисполненная женскаго тщеславія, она не выносила подозрительнаго за собою наблюденія, предпочитая подвергаться чему угодно, чѣмъ лишаться, подъ видомъ почета, свободы и жить въ рабствѣ и (постоянномъ) опасеніи.

Поэтому она отправила Клеопатрѣ письмо съ горькими сѣтованіями на свою судьбу и съ просьбою оказать ей посильную помощь. Клеопатра посовѣтовала ей тайно бѣжать съ сыномъ къ ней въ Египетъ. Этотъ совѣтъ пришелся Александрѣ по вкусу и она слѣдующимъ образомъ стала приводить его въ исполненіе. Велѣвъ приготовить два гроба, она легла въ одинъ и приказала сыну лечь въ другой, причемъ распорядилась, чтобы посвященные въ планъ слуги вынесли ихъ ночью. Путь отсюда лежалъ у нихъ къ морю, гдѣ уже былъ готовъ корабль, на которомъ бѣглецы намѣревались переправиться въ Египетъ. Этотъ планъ сообщилъ при случайной встрѣчѣ Саббіону, одному изъ приверженцевъ Александры, ея прислужникъ Эзопъ, полагая, что тотъ уже знаетъ о немъ.

Узнавъ объ этомъ, Саббіонъ, который былъ на дурномъ счету у Ирода,

считавшаго его однимъ изъ отравителей отца своего, Антипатра, вздумалъ вновь снискать себѣ благоволеніе царя доносомъ и сообщилъ ему о всемъ планѣ Александры. Иродъ далъ послѣдней дойти до исполненія задуманнаго намѣренія и затѣмъ велѣлъ схватить ее съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія. Несмотря на все желаніе наказать ее, Иродъ тѣмъ не менѣе посмотрѣлъ сквозь пальцы на ея провинность (тѣмъ болѣе, что не желалъ возбуждать и безъ того недовольную имъ Клеопатру) и сдѣлалъ видъ, будто прощаетъ ей изъ великодушія. Однако вмѣстѣ съ тѣмъ онъ окончательно рѣшилъ избавиться отъ юноши; впрочемъ, онъ рѣшилъ отложить пока это дѣло, чтобы совпаденіе двухъ событій не слишкомъ рѣзко бросилось всѣмъ въ глаза.

3. Когда вскорѣ наступилъ праздникъ кущей (празднующійся у насъ съ большой пышностью), онъ весело провелъ эти дни, предаваясь вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ народомъ удовольствіямъ. Впрочемъ по этому поводу чувство зависти вскорѣ побудило его привести въ исполненіе задуманное намѣреніе. Дѣло въ томъ, что когда юный Аристовулъ, достигшій тогда семнадцатилѣтняго возраста, въ полномъ первосвященническомъ облаченіи приступилъ къ алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этомъ обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признакъ его родовитаго происхожденія, собравшуюся толпу народную охватилъ нескрываемый экстазъ и всѣ вспомнили о дѣяніяхъ, совершенныхъ его дѣдомъ Аристовуломъ. Побѣжденная этимъ чувствомъ, толпа сейчасъ же обнаружила свое настроеніе, стала громко и бурно выражать свой восторгъ кликами и пожеланіями всякаго благополучія, такъ что тутъ обнаружился весь восторгъ народа, притомъ въ болѣе высокой степени выражалась благодарность за прежде полученныя благодѣянія, чѣмъ то было позволено въ присутствіи настоящаго царя. Вслѣдствіе всего этого Иродъ рѣшился привести въ исполненіе свой замыселъ относительно юноши. Когда однажды, по минованіи праздника, Иродъ обѣдалъ въ Іерихонѣ, куда Александра пригласила его вмѣстѣ съ сыномъ, царь весело шутилъ съ юношею, а затѣмъ увлекъ его въ отдаленное мѣсто и здѣсь сталъ предаваться въ его обществѣ различнымъ играмъ и юношескимъ забавамъ. Но такъ какъ здѣсь стало слишкомъ жарко, то они скоро утомились и вышли освѣжиться къ тѣмъ большимъ прудамъ, которые находились на дворѣ и нѣсколько освѣжали полуденный зной. Они сперва глядѣли, какъ купались служители и приближенные, а затѣмъ и Аристовулъ, по совѣту Ирода, полѣзъ въ воду. Тутъ пріятели, которымъ Иродъ заранѣе отдалъ соотвѣтственное распоряженіе,

стали какъ бы въ шутку погружать Аристовула въ воду и не раньше отпустили его, пока онъ не потонулъ. Такимъ образомъ погибъ Аристовулъ, которому было всего только восемьнадцать лѣтъ. Въ теченіе одного года онъ былъ первосвященникомъ, а преемникомъ ему вновь сталъ Ананилъ.

4. Когда вѣсть объ этомъ несчастіи дошла до женщинъ, ихъ радость сразу смѣнилась горемъ и глубокою печалью о безвременно погибшемъ; также и во всемъ городѣ, при полученіи скорбнаго извѣстія, былъ трауръ, причемъ каждая семья оплакивала юношу какъ своего родного. Еще болѣе скорбѣла Александра, особенно когда узнала, какимъ образомъ произошла гибель ея сына; но ей приходилось сдерживать себя, чтобы избѣгнуть еще большаго горя. Она нѣсколько разъ думала покончить съ собою самоубійствомъ, но воздерживалась отъ этого при мысли, что если она останется въ живыхъ ей легче будетъ отомстить за столь гнусно загубленнаго юношу. Поэтому она рѣшила оставаться дольше въ живыхъ и не подавать никакого вида, будто знаетъ, что ея сынъ погибъ не случайно, самой же тѣмъ временемъ выжидать удобнаго случая для мести. Такимъ образомъ Александра всѣми силами отвлекала отъ себя подозрѣніе. Иродъ же съ своей стороны старался предъ всѣми показать, что смерть юноши произошла совершенно случайно, и потому не только представлялся глубоко опечаленнымъ, но горько плакалъ и выражалъ печаль свою открыто, причемъ, быть можетъ, истинная скорбь и обуяла его, когда онъ видѣлъ предъ собою трупъ цвѣтущаго и прекраснаго усопшаго, хотя и считалъ смерть послѣдняго необходимою для своей личной безопасности. Очевидно, всѣмъ этимъ Иродъ старался отвлечь отъ себя подозрѣніе виновности въ смерти юноши. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ревностно отнесся къ устройству особенно торжественныхъ похоронъ, велѣлъ соорудить великолѣпный гробъ и позаботился объ обиліи куреній; равнымъ образомъ онъ распорядился положить въ гробъ также множество драгоцѣнностей. Этимъ онъ разсчитывалъ нѣсколько умѣрить горе женщинъ и ободрить ихъ своею щедростью.

5. Между тѣмъ всѣмъ этимъ онъ однако нисколько не обманулъ Александры; напротивъ, постоянное напоминаніе ей о постигшемъ ее бѣдствіи дѣлало ей царя еще ненавистнѣе и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатрѣ о коварствѣ Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, которой несчастію она соболѣзновала, и потому она приложила всяческое стараніе, не переставая побуждать Антонія отомстить за смерть юноши.

Несправедливо, говорила она при этомъ, что Иродъ, получившій отъ Антонія безъ всякаго съ своей стороны права царскую власть, теперь совершаетъ такія беззаконія по отношенію къ настоящимъ царямъ. Антоній склонился на ея доводы и когда прибылъ въ Лаодикею, послалъ за Иродомъ, чтобы онъ оправдался въ гибели Аристовула, причемъ Антоній присовокупилъ, что, если это убійство случилось съ его вѣдома, онъ поступилъ совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражить Клеопатру, не перестававшую возбуждать противъ него Антонія, Иродъ рѣшилъ повиноваться (другого выхода тутъ не было); поэтому онъ передалъ всѣ дѣла шурину своему Іосифу, тайно наказавъ ему, въ случаѣ если ему, Ироду, придется погибнуть отъ руки Антонія, немедленно убить также Маріамну: самъ онъ былъ слишкомъ привязанъ къ этой женщинѣ и опасался, какъ бы, въ случаѣ его смерти, ея красота не послужила для кого либо другого предметомъ искушенія. Такого позора Иродъ особенно боялся, имѣя въ виду главнымъ образомъ Антонія, который домогался этой женщины, потому что уже успѣлъ прослышать объ ея красотѣ и влюбиться въ нее. Распорядившись такимъ образомъ, Иродъ отправился къ Антонію, причемъ вообще не ожидалъ ничего для себя хорошаго.

6. Завѣдывая всѣми дѣлами во дворцѣ и потому часто встрѣчаясь съ Маріамнею, которую приходилось навѣщать изъ чувства приличія, Іосифъ многократно бывалъ у нея и каждый разъ особенно распространялся о любви и преданности къ ней Ирода. А такъ какъ они, и въ особенности Александра, по женски принимали его слова за комплименты, Іосифъ въ своемъ рвеніи показать расположеніе царя къ Маріамнѣ дошелъ однажды до того, что сообщилъ имъ о приказаніи царя. Этимъ онъ думалъ увѣрить царицу, что Иродъ не можетъ жить безъ нея и не желалъ бы даже разлучаться съ нею послѣ смерти, если бы его постигло какое нибудь несчастіе. Таковы были намѣренія Іосифа. Между тѣмъ женщины, какъ и можно было предполагать, вовсе не усмотрѣли въ этомъ любви Ирода, а напротивъ, вывели заключеніе о гнусности его, который при своей смерти думалъ лишь о ихъ гибели и насильственной кончинѣ, и отнеслись къ словамъ (Іосифа) съ сильною подозрительностью.

7. Въ это же время со стороны недруговъ Ирода по городу Іерусалиму былъ пущенъ слухъ, что Антоній позорно казнилъ его. Конечно этотъ слухъ привелъ въ замѣшательство всѣхъ во дворцѣ, особенно женщинъ. Александра стала уговаривать Іосифа бѣжать съ ними изъ дворца къ знаменамъ римскаго легіона, который тогда расположился станомъ подъ стѣ-

нами города для охраны царской власти и находился подъ командою Юлія. Такимъ путемъ, говорила она, во-первыхъ, расположенные въ ихъ пользу римляне дадутъ имъ безопасное убѣжище въ случаѣ возникновенія бунта во дворцѣ, а во вторыхъ, онѣ смогутъ разсчитывать на исполненіе всевозможныхъ желаній, если только Маріамну увидитъ Антоній, при помощи котораго можно будетъ вернуть утраченную власть и все то, что по праву принадлежитъ людямъ истинно царскаго происхожденія.

8. Между тѣмъ, пока онѣ все еще разсуждали объ этомъ, пришло письмо Ирода съ сообщеніемъ всего хода дѣла, изъ котораго видно было, что слухи безусловно ложны и неправильны. Прибывъ къ Антонію, Иродъ быстро склонилъ его на свою сторону тѣми дарами, которые привезъ съ собою изъ Іерусалима, а дружественнымъ разговоромъ вскорѣ достигъ того, что Антоній перестаетъ сердиться на него и прежніе навѣты Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этомъ Антоній выразился въ томъ смыслѣ, что не хорошо привлекать царя къ отвѣтственности за то, что происходитъ у него въ царствѣ (въ такомъ случаѣ онъ самъ не желалъ бы быть царемъ), ибо тѣ, кто предоставилъ царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сказалъ, что не позволитъ болѣе Клеопатрѣ вмѣшиваться въ дѣла правителей. О всемъ этомъ писалъ Иродъ и описывалъ при этомъ о почестяхъ, которыми удостоилъ его Антоній, ежедневно приглашавшій его на совѣщанія и къ своему столу, несмотря на всѣ происки Клеопатры, сильно желавшей завладѣть его страною и добиться царской власти, а потому старавшейся всѣми способами избавиться отъ него. А разъ онъ достигъ благоволенія Антонія, ему, Ироду, уже нечего опасаться болѣе непріятностей съ его стороны; онъ скоро вернется, а расположеніе Антонія укрѣпитъ его на престолѣ и упрочитъ за нимъ его положеніе. Клеопатрѣ тоже болѣе не на что разсчитывать, потому что, въ отвѣтъ на ея домогательства, Иродъ предоставилъ ей Келесирію, чѣмъ удовлетворилъ ее и положилъ предѣлъ ея вожделѣніямъ, которыя она всегда питала относительно Іудеи.

9. По полученіи этого письма, женщины отказались отъ своего намѣренія бѣжать къ римлянамъ, въ случаѣ смерти Ирода. Однако планъ ихъ не остался въ тайнѣ. Когда Антоній двинулся на парѳянъ, а Иродъ вернулся въ Іудею, сестра царя Саломія и мать его немедленно донесли ему то, что онѣ узнали объ Александрѣ, причемъ Саломія стала еще обвинять мужа своего Іосифа въ сожительствѣ съ Маріамною. Саломія говорила все это изъ чувства давнишней вражды къ царицѣ, потому что послѣдняя во

время случавшихся между ними размолвокъ всегда держала себя свысока съ нею и укоряла ее въ низкомъ происхожденіи. Такъ какъ Иродъ былъ страстно влюбленъ въ Маріамну, то страшно взволновался и едва могъ удержаться отъ выраженія своей ревности какимъ нибудь насильственнымъ актомъ. Однако онъ сдержалъ свой порывъ и съ глазу на глазъ спросилъ Маріамну объ ея отношеніяхъ къ Іосифу. Та стала клясться и привела въ доказательство своей невиновности все, что только могла, и тогда царь понемногу склонился въ ея пользу. Побѣжденный любовью къ женѣ онъ вскорѣ забылъ свой гнѣвъ, такъ что даже сталъ извиняться, что повѣрилъ навѣтамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ горячо благодарилъ ее за ея цѣломудріе и сталъ увѣрять ее въ своей пылкой любви. Въ концѣ концовъ, какъ это бываетъ въ такихъ случаяхъ, оба расплакались и заключили другъ друга въ объятія. Пока царь хотѣлъ все больше и больше увѣрить ее въ своей любви къ ней и вызвать въ ней то же самое чувство къ нему, Маріамна вдругъ сказала: «однако вовсе не доказательство твоей любви, что ты приказалъ сдѣлать, если бы погибъ отъ руки Антонія, а именно, чтобы и я безвинно погибла». Эти слова совершенно разстроили царя, онъ немедленно оттолкнулъ отъ себя жену, зарыдалъ, сталъ рвать на себѣ волосы и говорилъ, что теперь имѣется на лицо явное доказательство ея интимныхъ отношеній къ Іосифу, ибо тотъ не проговорился бы о тайно полученномъ порученіи, еслибы у нихъ не установились слишкомъ близкія отношенія. Въ такомъ состояніи царь чуть не убилъ своей жены; однако и на этотъ разъ любовь къ ней осилила порывъ его и онъ сдержался, хотя это стоило ему громадныхъ усилій. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, даже не повидавъ Іосифа, велѣлъ казнить его; Александру же, какъ виновницу всего несчастія, приказалъ заключить въ темницу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Въ это время въ Сиріи опять возникли волненія, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антонія противъ всѣхъ. Она уговаривала его отнимать у всѣхъ престолы и предоставлять ихъ ей, а такъ какъ она имѣла огромное вліяніе на страстно влюбленнаго въ нее Антонія и при своей врожденной любостяжательности отличалась неразборчивостью въ средствахъ, то рѣшилась отравить своего пятнадцатилѣтняго брата, къ которому, какъ она знала, долженъ былъ перейти престолъ; при помощи Антонія она также умертвила свою сестру Арсинію, несмотря на то, что та искала убѣжища въ храмѣ эфесской Артемиды. Гдѣ только Клеопатра могла

разсчитывать на деньги, тамъ она не стѣснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священнаго мѣста, чтобы она не лишила его украшенія, не было алтаря, съ котораго она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбіе. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего либо, къ чему стремилась. Вслѣдствіе этого она постоянно побуждала Антонія отнимать все у другихъ и отдавать ей; точно такимъ же образомъ она вздумала добиться Сиріи, послѣ того какъ съ нимъ проѣхала по ней. Такъ она добилась смерти Лисанія, сына [1]Птолемея, подъ предлогомъ, будто онъ соединился, для совершенія переворота, съ парѳянами, а затѣмъ стала требовать отъ Антонія, чтобы онъ отнялъ у царей Іудею и Аравію и предоставилъ эти страны ей. Хотя Антоній вообще во всемъ уступалъ этой женщинѣ, однако расположеніе и страстная любовь къ ней не допустили его до готовности во всемъ слушаться ее, потому что онъ не желалъ навлекать на себя укоръ, будто онъ для нея не останавливается даже предъ самыми тяжкими преступленіями. Итакъ, для того, чтобы не навлекать на себя обвиненія въ явной гнусности въ силу исполненія всѣхъ рѣшительно желаній этой женщины, онъ отнялъ у каждаго изъ царей по части ихъ владѣній и подарилъ ихъ Клеопатрѣ. Онъ отдалъ ей города въ предѣлахъ области отъ рѣки Елевтера до границъ Египта, исключая Тиръ и Сидонъ, которые, какъ онъ зналъ, издавна пользовались независимостью, хотя Клеопатра и сильно приступала къ нему съ просьбами отдать ихъ ей.

2. Добившись этого и проводивъ до Евфрата, Антонія, отправлявшагося въ походъ противъ Арменіи, Клеопатра вернулась назадъ и прибыла въ Апамею и Дамаскъ. Затѣмъ она поѣхала также въ Іудею и здѣсь съ нею встрѣтился Иродъ, который заарендовалъ у нея полученную ею въ даръ часть Аравіи и окрестности Іерихона. Эта область даетъ наилучшій бальзамъ, равно какъ имѣетъ множество прекрасныхъ финиковыхъ пальмъ. При этихъ обстоятельствахъ, когда ей приходилось имѣть довольно много дѣла съ Producing Иродомъ, Клеопатра, природою своею побуждаемая къ чувственнымъ удовольствіямъ, а можетъ быть и охваченная дѣйствительно чувствомъ искренней любви къ нему, пыталась интимнѣе сблизиться съ царемъ; можетъ быть, она тутъ преслѣдовала цѣль, и это вѣроятнѣе, имѣть новый поводъ овладѣть имъ для исполненія своихъ коварныхъ замысловъ. Какъ бы то ни было, она дѣлала видъ, будто совершенно покоряется Ироду. Однако послѣдній и раньше не былъ расположенъ къ Клеопатрѣ, зная, что она всѣмъ въ тягость; онъ сталъ ее еще болѣе ненавидѣть за то, что она дошла до такого безстыдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшилъ предупредить ея коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому онъ отвергъ ея предложенія и сталъ совѣщаться съ своими приближенными, не лучше ли будетъ убить ее, разъ она теперь въ его рукахъ. Такимъ образомъ онъ полагалъ освободить изъ затрудненія всѣхъ тѣхъ, кто уже испыталъ на себѣ гнетъ Клеопатры, равно какъ будущія ея жертвы. Этимъ самымъ онъ думалъ оказать услугу самому Антонію, такъ какъ Клеопатра измѣнитъ ему, если только онъ очутится въ какомъ нибудь затрудненіи и обратится къ ея помощи. Отъ исполненія этого замысла Ирода однако удержали друзья его, поставляя ему во первыхъ на видъ, что ему, который имѣетъ совершить болѣе важныя предпріятія, вовсе не подобаетъ подвергать себя такой явной опасности, а затѣмъ умоляя его не предпринимать ничего слишкомъ поспѣшно, ибо Антоній не снесетъ этого спокойно, даже если ему кто нибудь наглядно съумѣетъ представить всю пользу такого поступка. Его страсть къ Клеопатрѣ лишь еще болѣе возгорится отъ сознанія, что его лишили ея насильственнымъ или коварнымъ образомъ. При этомъ Иродъ не будетъ въ состояніи привести какое либо достаточное основаніе того, что онъ рискнулъ поднять руку на женщину, обладавшую величайшимъ значеніемъ своей эпохи. А пользу, которая проистечетъ изъ этого, наврядъ ли кто либо приметъ во вниманіе, несмотря на то, что Иродъ добьется ея цѣною такой смѣлости и рискомъ потерять расположеніе (Антонія). Изъ всего этого очевидно, что онъ потрясетъ царство свое массою невообразимыхъ бѣдствій и подвергнетъ таковымъ всю семью свою, тогда какъ онъ вполнѣ приличнымъ образомъ можетъ отклонить столь преступное предложеніе (Клеопатры). Такими соображеніями и представленіемъ очевидной опасности приближенные удержали Ирода отъ приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ плана. Поэтому онъ щедро одарилъ Клеопатру и проводилъ ее до Египта.

3. Въ это время Антоній овладѣлъ Арменіею и отослалъ въ Египетъ плѣнными сына Тиграна, Артабаза, съ его семьею и сатрапами. При этомъ онъ подарилъ всѣхъ ихъ, равно какъ всѣ награбленныя сокровища, Клеопатрѣ. Впослѣдствіи въ Арменіи воцарился Артаксій, старшій изъ сыновей царя, успѣвшій спастись тогда бѣгствомъ. Съ теченіемъ времени однако Архелай и Неронъ Цезарь прогнали его изъ страны и возвели на престолъ его младшаго брата Тиграна.

4. Но объ этомъ потомъ; что же касается дани, которую Клеопатра

[1] Срв. выше, стр. 72, прим.

должна была получать съ подаренной ей Антоніемъ области, то Иродъ былъ въ этомъ отношеніи аккуратенъ, не считая безопаснымъ подавать Клеопатрѣ поводъ къ ненависти. Арабскій царь, за котораго поручителемъ являлся Иродъ, нѣкоторое время выплачивалъ двѣсти талантовъ, но затѣмъ сталъ неисправенъ въ своихъ платежахъ, и если иногда и выплачивалъ часть наложенной на него дани, то дѣлалъ это не безъ принудительныхъ мѣръ [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Иродъ въ свою очередь, видя такую неискренность (арабскаго царя), который въ концѣ концовъ не желалъ болѣе исполнять свои обязанности, рѣшилъ пойти на него походомъ, но былъ удержанъ отъ этого римскою (междоусобною) войною. Такъ какъ теперь ожидалась битва при Акціумѣ, которая и произошла въ сто восемьдесятъ седьмую олимпіаду [2] причемъ Цезарь сражался съ Антоніемъ изъ-за верховнаго владычества, Иродъ рѣшилъ собрать для Антонія отборное вспомогательное войско, потому что страна Ирода давно уже давала обильные урожаи, а самъ царь достигъ значительнаго благосостоянія. Впрочемъ, Антоній отклонилъ эту помощь, и (вмѣсто того) предложилъ Ироду вступить въ борьбу съ царемъ арабскимъ, недобросовѣстность котораго по отношенію къ нему и къ Клеопатрѣ уже была извѣстна ему. Этого также желала Клеопатра, разсчитывая сама выиграть, если тѣ ослабятъ другъ друга. Въ виду такого порученія со стороны Антонія, Иродъ вернулся восвояси, но не отпускалъ еще своего войска, чтобы немедленно вторгнуться въ предѣлы Аравіи. Поэтому онъ приготовилъ значительные конные и пѣшіе отряды и двинулся къ Діосполису, гдѣ его уже поджидали арабы, которые успѣли узнать о готовящейся противъ нихъ войнѣ. Въ ожесточенной послѣдовавшей затѣмъ битвѣ побѣдителями остались іудеи. Послѣ этого въ Канѣ, мѣстности Келесиріи, собралось огромное арабское войско. Заранѣе объ этомъ извѣщенный Иродъ явился туда во главѣ ядра своего войска и, приблизившись къ Канѣ, рѣшилъ расположиться тамъ лагеремъ, чтобы въ удобный моментъ вступить въ бой. Пока онъ былъ занятъ этимъ, іудейское войско стало кричать, что довольно потеряно времени и что слѣдуетъ идти на арабовъ. Войско желало немедленно вступить въ бой съ врагами, потому что оно уповало на свою отличную боевую готовность и

[1] Срв. Іуд. войну, I, 19. 1.

[2] Въ 30 г. до Р. Хр.

потому что особенно храбрились всѣ тѣ, которые участвовали въ побѣдоносной первой схваткѣ съ арабами.

При такой явной и шумной воинственности царь рѣшилъ воспользоваться тыломъ своего войска и увѣряя солдатъ, что не желаетъ стѣснять ихъ мужество, выѣхалъ въ полномъ вооруженіи впередъ, тогда какъ всѣ остальные слѣдовали за нимъ въ боевомъ порядкѣ. Тотчасъ арабовъ обуялъ ужасъ; хотя они сперва и оказали нѣкоторое сопротивленіе, однако, увидавъ непоколебимость и отчаянную рѣшимость враговъ, большинство ихъ дрогнуло и побѣжало. Арабы навѣрное погибли бы при этомъ случаѣ, если бы (нѣкій) Аѳиніонъ не повредилъ Ироду и іудеямъ. Будучи военачальникомъ надъ той частью Аравіи, которая находилась въ зависимости отъ Клеопатры, и (постоянно) враждуя съ Иродомъ, онъ не сталъ равнодушно смотрѣть на ходъ событій, но рѣшилъ держаться въ сторонѣ, если побѣдителями выйдутъ арабы, а въ случаѣ ихъ пораженія, какъ то и было на самомъ дѣлѣ, напасть на іудеевъ во главѣ отряда, заранѣе набраннаго и приготовленнаго къ бою. И вотъ, когда іудеи успѣли утомиться и уже считали себя побѣдителями, онъ внезапно напалъ на нихъ и сталъ избивать ихъ. Дѣло въ томъ, что іудеи уже успѣли израсходовать весь запасъ энергіи въ борьбѣ съ явными врагами, да и слишкомъ безпечно пользовались своею побѣдою надъ ними. Поэтому они потерпѣли пораженіе отъ быстраго натиска враговъ и понесли тяжкія утраты въ этой неудобной для кавалеріи гористой мѣстности, къ которой нападающіе однако привыкли. Видя пораженіе іудеевъ, арабы также вновь собрались съ силами, вернулись еще разъ и стали избивать уже обратившихся въ бѣгство іудеевъ.

Такимъ образомъ всюду происходила ожесточенная рѣзня, а изъ тѣхъ, кто успѣлъ спастись, немногіе вернулись назадъ въ лагерь. Видя такой исходъ битвы, Иродъ немедленно поѣхалъ за помощью; однако онъ не успѣлъ во время вернуться, потому что лагерь іудеевъ былъ уже взятъ и арабы не мало радовались, что имъ неожиданно удалось одержать такую побѣду надъ грознымъ врагомъ и уничтожить столь значительное непріятельское войско. Послѣ этого Иродъ принялся за грабежи и, дѣлая частые набѣги на страну арабовъ, наносилъ имъ крупный вредъ. При этомъ онъ располагался станомъ на горахъ, но воздерживался отъ открытаго боя. Безпокоя и разстраивая враговъ своими постоянными набѣгами, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заботился также о томъ, чтобы всячески исправить уронъ, нанесенный его воинамъ.

2. Въ это время между Цезаремъ и Антоніемъ произошла также битва

при Акціумѣ, а именно въ седьмой годъ царствованія Ирода. Тогда же страну іудеевъ постигло небывалое дотолѣ землетрясеніе, результатомъ котораго была массовая гибель скота. Также погибло до тридцати тысячъ человѣкъ подъ развалинами рушившихся зданій. Впрочемъ, одни только солдаты, жившіе подъ открытымъ небомъ, не потерпѣли при этомъ никакого урона. Когда о томъ узнали арабы отъ тѣхъ людей, которые сообщеніемъ этихъ свѣдѣній хотѣли особенно выслужиться передъ ними, то арабы еще болѣе возгордились, полагая, что теперь, послѣ постигшаго непріятельскую страну бѣдствія и погибели стольких людей, имъ уже не трудно будетъ овладѣть этою страною. Они даже схватили посланныхъ іудейскихъ (явившихся для заключенія съ ними, послѣ всего случившагося, мира) и убили ихъ, чтобы затѣмъ съ отчаянною храбростью двинуться на самое войско іудеевъ. Однако іудеи не рѣшились встрѣтить нападеніе враговъ, отчасти потому что впали въ оцѣпенѣніе послѣ стольких бѣдствій, отчасти же и еще болѣе потому, что не забыли недавняго пораженія; поэтому у нихъ не было уже никакой надежды побѣдить арабовъ въ открытомъ бою, тѣмъ болѣе, что нельзя было разсчитывать на помощь единоплеменниковъ, столь тяжко у себя дома пострадавшихъ. Въ такомъ положеніи царь старался всячески образумить военачальниковъ и пытался ободрить тѣхъ, которые совершенно пали духомъ. Когда ему удалось успокоить и ободрить главнѣйшихъ между ними, онъ рѣшился обратиться также къ войску. Этого онъ не посмѣлъ раньше, чтобы при такихъ грустныхъ обстоятельствахъ не возбудить его еще болѣе. Теперь же онъ обратился къ солдатамъ съ слѣдующею рѣчью:

3. «Я, люди, отлично понимаю, что въ настоящее время произошло многое такое, что препятствуетъ нашему преуспѣянію; вполнѣ естественно, что даже самые храбрые люди при такихъ обстоятельствахъ теряютъ свое мужество. Однако такъ какъ война теперь неизбѣжна и постигшія насъ бѣдствія не таковы, чтобы однимъ славнымъ подвигомъ нельзя было поправить все сдѣланное, я рѣшился поговорить съ вами и указать, какимъ образомъ вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную вамъ храбрость. Сперва я желаю объяснить вамъ всю правоту этой нашей войны, къ которой мы вынуждены благодаря наглости нашихъ враговъ. Если вы объ этомъ хорошенько подумаете, то это должно быть для васъ главною побудительною причиною къ храбрости. Послѣ этого я намѣренъ доказать вамъ, что постигшія насъ теперь бѣдствія вовсе уже не такъ страшны и что у насъ есть не мало надежды на побѣду.

Итакъ, я начну съ перваго пункта, причемъ беру васъ въ свидѣтели

правильности моихъ словъ. Вы конечно знаете беззаконный образъ дѣйствій арабовъ, которые всегда всюду отличаются вѣролоиствомъ, какъ то и естественно въ варварахъ, не знающихъ Господа Бога. Особенно же они насолили намъ своимъ корыстолюбіемъ, своею завистливостью и своими коварными интригами. Зачѣмъ мнѣ много говорить объ этомъ? Кто другой, какъ не мы спасли ихъ отъ опасности потерять власть и подпасть подъ иго Клеопатры? Только моя дружба съ Антоніемъ и расположеніе его къ намъ было причиною того, что ихъ не постигли слишкомъ тяжелыя бѣдствія, такъ какъ Антоній старательно избѣгалъ предпринимать все такое, что могло бы возбудить наше подозрѣніе. Когда же Антоній пожелалъ предоставить Клеопатрѣ по части нашихъ обоюдныхъ владѣній, я также уладилъ это дѣло, одаривъ его изъ своихъ средствъ богатыми подарками и снискавъ обоимъ дальнѣйшую безопасность. Расходы по этому дѣлу я также взялъ на себя, выплативъ двѣсти талантовъ и поручившись (за арабовъ) въ такой же суммѣ. Эти деньги должны были бы пасть на всю страну, а теперь мы освобождены отъ этого платежа. Если уже несправедливо, чтобы іудеи платили кому нибудь подати или поземельные налоги, то еще болѣе не основательно, чтобы мы платили таковые за тѣхъ, кого мы сами выручили. Особенно это относится къ арабамъ, которые, по собственному признанію, удержали за собою свою независимость благодаря намъ и которые теперь желаютъ лишить насъ всего и обидѣть насъ, причемъ мы не враги ихъ, но друзья. Если вѣрность должна имѣть мѣсто относительно самыхъ ярыхъ враговъ, то тѣмъ болѣе она неизмѣнно должна быть соблюдаема по отношенію къ друзьямъ. Впрочемъ, это не относится къ арабамъ, которые на первомъ планѣ преслѣдуютъ одну свою личную выгоду, причемъ не отступаютъ даже предъ (явною) несправедливостью, лишь бы имѣть возможность обогатиться. Итакъ, неужели у васъ еще возникаетъ сомнѣніе въ томъ, слѣдуетъ ли наказать нечестивцевъ, когда того желаетъ самъ Предвѣчный и требуетъ, чтобы (мы) всегда ненавидѣли заносчивость и несправедливость, тѣмъ болѣе, что мы въ данномъ случаѣ начали не только вполнѣ справедливую, но и необходимую войну? То, что (даже) у эллиновъ и варваровъ признается за величайшее беззаконіе, они сдѣлали съ нашими посланными, а именно убили ихъ. Греки считаютъ пословъ людьми священными и неприкосновенными, мы же получили величайшія откровенія и священнѣйшіе законы наши отъ вѣстниковъ самого Господа Бога. Священное имя пословъ можетъ напоминать людямъ о Господѣ Богѣ и въ состояніи примирять враговъ между собою. Итакъ, развѣ можно совершить

болѣе крупное беззаконіе, какъ убить пословъ, отправленныхъ для выясненія истины? И какимъ образомъ такіе люди смогутъ впредь быть счастливыми въ жизни или разсчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодѣяніе? Я полагаю, что это невозможно. Впрочемъ, быть можетъ найдется человѣкъ, который скажетъ, что правда на нашей сторонѣ, тогда какъ враги и многочисленнѣе и храбрѣе нашего. Но такъ говорить совершенно недостойно васъ, ибо на чьей сторонѣ право, тамъ и Богъ, а гдѣ Господь Богъ, тамъ и сила и мужество. Если мы разберемъ наше положеніе, то придемъ къ слѣдующимъ результатамъ: въ первой битвѣ мы остались побѣдителями; когда мы вторично сразились съ ними, то они также не выдержали нашего нападенія, но тотчасъ ударились въ бѣгство, не будучи въ состояніи выдержать нашъ натискъ и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали побѣду, на насъ напалъ Аѳиніонъ, не извѣстивъ насъ о своей войнѣ съ нами. Развѣ это свидѣтельствуетъ о храбрости враговъ, а не о вторичной гнусности и коварствѣ? Чего намъ поэтому отчаяваться въ такомъ положеніи, которое напротивъ раскрываетъ намъ наилучшія надежды? Неужели намъ страшиться такихъ людей, которые всегда побѣждаемы, когда сражаются по всѣмъ правиламъ, а когда считаютъ себя побѣдителями, то всегда достигаютъ этого незаконнымъ способомъ? Итакъ, если кто нибудь всетаки станетъ еще считать ихъ храбрыми, развѣ онъ самъ при такомъ положеніи вещей не бросится на нихъ съ еще большимъ мужествомъ? Ибо отвага заключается не въ бою съ слабыми противниками, а въ умѣніи побить болѣе сильныхъ враговъ. Если же кого либо устрашаютъ наши домашнія бѣдствія и результаты землетрясенія, то пусть онъ подумаетъ о томъ, что этими самыми бѣдствіями введены въ заблужденіе тѣ же арабы, имѣющіе о нихъ самое преувеличенное представленіе, а также о томъ, какъ недостойно намъ трусить изъ за того, что придаетъ имъ столько смѣлости. Вѣдь враги наши набираются храбрости не вслѣдствіе какой нибудь своей личной удачи, но потому, что разсчитываютъ, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бѣдствіями.

Когда же мы двинемся на нихъ, то съумѣемъ умѣрить ихъ пылъ, причемъ наше мужество возрастетъ по мѣрѣ того, какъ они въ битвѣ будутъ падать духомъ. Вѣдь мы вовсе не понесли уже столь крупнаго урона, да и постигшее насъ бѣдствіе вовсе не является, какъ готовы думать нѣкоторые, знакомъ гнѣва Предвѣчнаго на насъ. Вся эта неудача дѣло простого случая. Если же все это случилось по желанію Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по Его желанію, ибо Онъ удовлетворяется прошедшимъ; если бы Онъ и дальше думалъ наказывать насъ, то не измѣнилъ бы теперь Своего рѣшенія. А что самъ Господь желаетъ этой войны и считаетъ ее справедливою, это видно изъ слѣдующаго: въ то самое время, когда многіе въ странѣ погибли отъ землетрясенія, всѣ солдаты остались невредимыми и всѣ вы спаслись, такъ что тѣмъ самымъ Предвѣчный показалъ вамъ, что если бы вы двинулись въ походъ всѣмъ народомъ, съ дѣтьми и женами, никто изъ васъ не потерпѣлъ бы никакого урона. Имѣя все это въ виду, особливо же памятуя, что въ Господѣ Богѣ вы имѣете всегдашняго заступника, вы теперь смѣло и спокойно можете выступить противъ тѣхъ, кто нечестивъ къ друзьямъ, кто вѣроломенъ въ битвахъ, кто насильственъ по отношенію къ посламъ и кто всегда былъ побѣждаемъ вашею доблестью».

4. Послѣ этой рѣчи іудеи почувствовали больше храбрости вступить въ бой. Иродъ же совершилъ установленныя жертвоприношенія и быстро двинулся на арабовъ, перейдя чрезъ рѣку Іорданъ. Затѣмъ онъ расположился лагеремъ вблизи враговъ, имѣя въ виду занять лежавшее между нимъ и непріятелями укрѣпленіе, которое считалъ полезнымъ для себя какъ въ случаѣ быстраго начала битвы, такъ и въ томъ случаѣ, если бы дѣло затянулось, такъ какъ у него былъ бы въ распоряженіи укрѣпленный станъ. Такъ какъ и арабы разсчитывали такимъ же точно образомъ, то произошелъ бой изъ за крѣпости. Сперва завязалась перестрѣлка, затѣмъ большія толпы вступили между собою въ рукопашный бой, причемъ порядочное число людей пало съ обѣихъ сторонъ, и наконецъ арабы были побѣждены и отступили.

Это тотчасъ же сильно воодушевило іудеевъ; Иродъ же,[1] понимая, что войско арабское теперь рѣшится скорѣе на все другое, только не на бой, началъ храбро срывать ихъ укрѣпленія и двинулся впередъ съ цѣлью овладѣть ихъ лагеремъ. Такимъ образомъ враги были принуждены биться и выступили въ безпорядкѣ и робко, потерявъ всякую надежду на одержаніе побѣды. И всетаки они вступили въ бой, уповая на свое большинство и побуждаемые къ тому необходимостью. Произошла ожесточенная битва, въ которой пало не мало людей съ обѣихъ сторонъ. Подъ конецъ однако арабы были обращены въ бѣгство. При этомъ началась страшная

[1] Здѣсь въ большинствѣ рукописей замѣчается пропускъ, возстановляемый Niese, по Bell. iudaic. I, 19, 5, слѣдующимъ образомъ: „выведя войско свое впередъ, Иродъ сталъ вызывать враговъ на бой, видя, что ихъ войско охвачено ужасомъ, особенно же непріятельскій военачальникъ Ельѳемъ рѣшится и т. д.“

рѣзня среди бѣгущихъ, потому что они не только умирали отъ руки враговъ, но сами губили другъ друга, ибо при массѣ и безпорядочности бѣглецовъ послѣдніе топтали другъ друга или ранили себя своимъ же собственнымъ оружіемъ. Такимъ образомъ ихъ пало около 5000 человѣкъ, остальная же масса враговъ поспѣшно бѣжала въ (какое-то) укрѣпленіе, гдѣ ей однако представлялось мало надежды спастись вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, особенно же въ водѣ. Преслѣдовавшимъ ихъ іудеямъ не удалось проникнуть вмѣстѣ съ ними въ крѣпость; поэтому они окружили ее и отрѣзали къ ней рѣшительно всякій доступъ, не впуская и не выпуская изъ нея никого.

5. Въ такой крайности арабы отправили парламентеровъ къ Ироду, чтобы переговорить съ нимъ объ условіяхъ сдачи, а также (вслѣдствіе ужасной жажды) съ предложеніемъ какихъ угодно условій, лишь бы онъ далъ имъ воды. Однако царь не принялъ ни пословъ, ни выкупа за плѣнныхъ, ни другого чего либо, потому что намѣревался наказать ихъ за всѣ несправедливости, нанесенныя ими іудеямъ. Такимъ образомъ побуждаемые недостаткомъ всего прочаго и особенно жаждою, нѣкоторые арабы вышли изъ крѣпости, отдались въ руки враговъ и дали связать себя. Такъ въ теченіи пяти дней отдались въ плѣнъ около четырехъ тысячъ человѣкъ; на шестой день всѣ остальные рѣшили сдѣлать изъ крѣпости нападеніе на враговъ и вступить съ ними въ бой, предпочитая пасть на полѣ брани въ случаѣ необходимости, чѣмъ безславно погибать по одиночкѣ. Рѣшивъ это, они вышли изъ укрѣпленія, но не могли долго биться и храбро сопротивляться, потому что были утомлены душею и тѣломъ и видѣли благодѣяніе въ смерти и позоръ, если бы остались въ живыхъ. Въ этой первой битвѣ пало около семи тысячъ человѣкъ. Послѣ такого удара, арабы окончательно утратили все свое прежнее мужество. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи арабы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителемъ своего народа. Иродъ, очень радуясь своимъ успѣхамъ, вернулся въ свою страну, гдѣ его сильно превозносили за этотъ его доблестный подвигъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Послѣ того какъ Иродъ устроилъ дѣла свои вообще хорошо и во всѣхъ отношеніяхъ гарантировалъ себя, онъ подвергся опасности сразу потерять все, такъ какъ Цезарю удалось побѣдить Антонія въ сраженіи при Акціумѣ. Тогда измѣнилось положеніе не только самого Ирода, но вмѣстѣ съ тѣмъ также всѣхъ его друзей и враговъ, потому что казалось невѣроятнымъ, чтобы Иродъ остался теперь безнаказаннымъ вслѣдствіе его столь тѣсной дружбы съ Антоніемъ. Друзья Ирода перестали уповать на возможность поддержки съ его стороны, что же касается до его враговъ, то они дѣлали видъ, будто соболѣзнуютъ ему, а въ тайникахъ души своей лелѣяли надежду на перемѣну къ лучшему. При такихъ обстоятельствахъ Иродъ считалъ полезнымъ избавиться отъ Гиркана, въ которомъ видѣлъ единственнаго себѣ соперника, имѣющаго право на царскій престолъ; при этомъ онъ разсчитывалъ, что, если онъ самъ (Иродъ) удержится и избѣгнетъ грозящей опасности, въ настоящемъ положеніи дѣлъ для него будетъ выгоднѣе, если не найдется человѣка, имѣющаго больше правъ на царскій престолъ, чѣмъ онъ самъ, если же придется потерпѣть отъ Цезаря, то онъ всетаки считалъ болѣе цѣлесообразнымъ избавиться отъ Гиркана, не желая, чтобы послѣдній сталъ его преемникомъ по престолу.

2. Пока царь обдумывалъ это дѣло, съ другой стороны ему само собою представился поводъ привести его въ исполненіе. Вслѣдствіе мягкости своего характера Гирканъ ни въ это, ни въ другое время не желалъ интриговать и вообще касаться политики, удовлетворяясь тѣмъ положеніемъ, которое дала ему судьба. Между тѣмъ отличавшаяся честолюбіемъ и постоянно разсчитывавшая на поворотъ дѣлъ Александра стала теперь уговаривать отца своего (Гиркана) не допускать, чтобы Иродъ навсегда продолжалъ свои беззаконія относительно членовъ своей семьи, но воспользоваться случаемъ и въ упованіи на лучшее будущее постараться гарантировать себѣ безопасность. Поэтому, уговаривала она, нужно о всемъ написать правителю арабскому, Малху, и просить его принять ихъ къ себѣ и дать имъ безопасное убѣжище, ибо, если по ихъ удаленіи дѣла Ирода примутъ такой оборотъ, какъ они должны принять вслѣдствіе вражды къ нему Цезаря, имъ однимъ будетъ принадлежать законное право на престолъ какъ по ихъ происхожденію, такъ и вслѣдствіе расположенія къ нимъ народной массы. Первоначально Гирканъ не обращалъ на эти слова никакого вниманія, но когда Александра, въ пылу своего честолюбія и женской настойчивости, не переставала уговаривать его денно и нощно и всегда указывала ему на подходящій моментъ и на козни Ирода, старикъ наконецъ рѣшился вручить одному изъ преданныхъ друзей своихъ, нѣкоему Досиѳею, письмо, гдѣ онъ просилъ араба прислать ему всадниковъ, которые могли бы взять ихъ и проводить до Асфальтоваго озера, отстоящаго отъ предѣловъ Іерусалима на разстояніи 300 стадій. Гирканъ потому довѣрилъ это письмо Досиѳею, что онъ былъ преданъ ему и Александрѣ и къ тому же имѣлъ не мало поводовъ быть враждебнымъ Ироду. Дѣло въ

томъ, что Досиеей приходился родственникомъ казненнаго Иродомъ Іосифа и братомъ тѣхъ, которые въ Тирѣ были раньше перебиты Антоніемъ. Впрочемъ, все это не побудило Досиеея оставаться вѣрнымъ Гиркану, но, предпочитая снискать себѣ милость царя, онъ передалъ письмо Ироду. Послѣдній похвалилъ его за расположеніе и приказалъ ему довести дѣло до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить его Малху и получить отъ него отвѣтъ, потому что Ироду очень хотѣлось узнать при этомъ случаѣ мнѣніе Малха. Досиеей старательно исполнилъ порученіе, арабскій же правитель отвѣтилъ, что готовъ принять къ себѣ Гиркана и членовъ его семьи, равно какъ всѣхъ его единомышленниковъ изъ іудеевъ, и обѣщалъ прислать рать, которая могла бы эскортировать ихъ, причемъ обѣщалъ всякую поддержку, въ чемъ бы іудеи ни нуждались. Получивъ и это письмо, Иродъ немедленно послалъ за Гирканомъ и спросилъ его, не заключилъ-ли онъ союза съ Малхомъ. Когда же Гирканъ сталъ отрекаться, онъ въ засѣданіи синедріона предъявилъ ему письмо и затѣмъ велѣлъ казнить его.

3. Все это мы описываемъ, какъ разсказано въ мемуарахъ самого царя Ирода. У другихъ писателей имѣются, впрочемъ, на этотъ счетъ разногласія, а именно, будто Иродъ велѣлъ казнить Гиркана не за это дѣло, но основываясь на всегдашнихъ интригахъ послѣдняго противъ него. По этимъ источникамъ выходитъ, будто Иродъ задалъ во время пира ничего не подозрѣвавшему Гиркану вопросъ, не получалъ-ли онъ какихъ либо писемъ отъ Малха; когда Гирканъ сказалъ, что въ письмѣ Малхъ послалъ ему только привѣтъ, то Иродъ будто бы спросилъ, не получилъ-ли при этомъ Гирканъ чего-либо въ подарокъ (отъ арабскаго правителя). Когда же старикъ отвѣтилъ, что принялъ отъ араба лишь четырехъ верховыхъ коней, Иродъ въ этомъ усмотрѣлъ подкупъ и измѣну и велѣлъ казнить старика. Въ видѣ же доказательства того, что Гирканъ совершенно невинно умеръ такимъ образомъ, писатели приводятъ не только мягкость его характера, въ силу которой онъ даже въ юности не выказывалъ ни смѣлости, ни предпріимчивости, почему онъ въ то время, какъ самъ имѣлъ въ рукахъ своихъ царскую власть, лично вовсе не пользовался ею, но предоставилъ ее почти цѣликомъ Антипатру, изъ расположенія къ послѣднему. Въ данное же время ему шелъ уже восемьдесятъ второй годъ; онъ зналъ, что Иродъ вполнѣ упрочилъ за собою власть свою; при этомъ онъ вѣдь также пріѣхалъ изъ-за Евфрата, гдѣ покинулъ глубоко чтившее его населеніе, чтобы совершенно отдаться во власть Ирода. Въ виду всего этого совершенно неправдоподобно, будто

Гирканъ домогался чего либо или принималъ участіе въ заговорѣ; всему этому препятствовалъ весь складъ его характера и (потому) все это произошло вслѣдствіе подозрительности одного только Ирода.

4. Такой конецъ постигъ Гиркана, послѣ того какъ онъ въ жизни испыталъ всевозможныя перемѣны и превратности судьбы. Съ самаго начала, когда царство перешло къ его матери Александрѣ, онъ былъ тотчасъ назначенъ первосвященникомъ іудейскаго народа и девять лѣтъ занималъ эту почетную должность. Затѣмъ, послѣ смерти матери, царство перешло къ нему и онъ правилъ три мѣсяца, послѣ чего былъ смѣщенъ своимъ братомъ Аристовуломъ, но затѣмъ вновь возстановленъ въ своихъ правахъ Помпеемъ. Пользуясь всѣми знаками почета, онъ пребывалъ царемъ въ теченіе сорока лѣтъ. Будучи вторично свергнутъ съ престола, а именно Антигономъ, и изувѣченъ имъ, онъ жилъ въ плѣну у пареянъ. Чрезъ нѣкоторое время онъ вернулся отъ нихъ на родину, побуждаемый къ тому упованіемъ на поддержку со стороны Ирода. Однако во всѣхъ своихъ на этотъ счетъ надеждахъ онъ ошибся, найдя (во дворцѣ царя) лишь многотрудныя условія существованія. Самое тяжелое несчастіе его постигло въ моментъ выше разсказанной нами смерти его. Онъ былъ человѣкомъ покладистымъ и нерѣшительнымъ, а такъ какъ онъ не задавался широкими замыслами и въ сущности не былъ способенъ заниматься государственными дѣлами, то и предоставлялъ главную заботу объ управленіи близкимъ людямъ. Вслѣдствіе мягкости Гиркана Антипатру и Ироду и удалось добиться своего высокаго положенія, а между тѣмъ они то и уготовили ему столь незаслуженный и безбожный конецъ.

5. Избавясь такимъ образомъ отъ Гиркана, Иродъ поспѣшилъ къ Цезарю, причемъ не могъ разсчитывать со стороны послѣдняго за всѣ свои дѣянія, а особенно за дружбу къ Антонію, на отличный пріемъ. Такъ какъ Иродъ опасался, что Александра воспользуется удобнымъ случаемъ, взбунтуетъ народъ и возстановитъ его противъ царя, то онъ поручилъ всѣ дѣла брату своему Ферорѣ, отправилъ мать свою Кипру, сестру и всѣхъ дѣтей своихъ въ Масаду и поручилъ брату, въ случаѣ если онъ услышитъ о какомъ-либо постигшемъ его бѣдствіи, не выпускать изъ рукъ власти. А такъ какъ жена его Маріамна, вслѣдствіе размолвки между нею и его матерью и сестрою, не могла жить вмѣстѣ съ послѣдними, то онъ помѣстилъ ее съ ея матерью Александрою въ Александреумѣ, причемъ оставилъ ихъ тамъ подъ присмотромъ своего казначея Іосифа и итурейца Соэма, которые съ самаго начала доказали ему свою полнѣйшую вѣрность. Теперь онъ поручилъ имъ надзоръ за этими женщинами подъ предлогомъ оказанія имъ

особеннаго почета. При этомъ Іосифу и Соемѣ было дано порученіе немедленно убить обѣихъ женщинъ, если бы они узнали о какомъ либо несчастіи, постигшемъ Ирода и всѣми силами стараться закрѣпить царскую власть за его дѣтьми и братомъ Феророю.

6. Сдѣлавъ всѣ эти распоряженія, Иродъ поспѣшилъ въ Родосъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ Цезаремъ. Пріѣхавъ въ городъ, онъ снялъ діадему но остался во всемъ прочемъ царскомъ убранствѣ своемъ. Когда ему удалось добиться аудіенціи, онъ въ полной мѣрѣ выказалъ всю свою неустрашимость, а именно не прибѣгъ, какъ то дѣлается обыкновенно въ такихъ случаяхъ, къ просьбамъ и не выказалъ ни малѣйшаго опасенія за всѣ совершенные имъ проступки, но безбоязненно далъ отчетъ во (всѣхъ) своихъ поступкахъ. Онъ разсказалъ Цезарю о своей большой дружбѣ съ Антоніемъ, о томъ, что онъ не участвовалъ въ его походахъ, такъ какъ самъ былъ вовлеченъ въ борьбу съ арабами, но что онъ посылалъ Антонію деньги и хлѣбъ. Этого было, впрочемъ, слишкомъ мало, что онъ сдѣлалъ для Антонія, потому что, по его мнѣнію, тотъ, кто объявляетъ себя чьимъ либо другомъ и видитъ въ немъ своего благодѣтеля, долженъ всѣми силами души и тѣла, по скольку это въ его власти, поддерживать друга. Хотя онъ (Иродъ) и оказалъ такимъ образомъ Антонію меньше услугъ, чѣмъ бы слѣдовало, онъ всетаки очень доволенъ дальнѣйшимъ образомъ своихъ дѣйствій относительно его, а именно, онъ не покинулъ Антонія послѣ пораженія его при Акціумѣ и не перешелъ на сторону того, которому теперь улыбнулось счастіе, но остался если и не фактическимъ товарищемъ Антонія по полю брани, всетаки его наилучшимъ совѣтникомъ, а именно онъ указалъ ему, какъ на единственную возможность спастись и не утратить власти на всегда, на необходимость умертвить Клеопатру. «Если бы онъ избавился отъ нея—продолжалъ Иродъ—то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче найти средство примириться во враждѣ своей къ тебѣ. Однако Антоній не внялъ этому совѣту, себѣ во вредъ, а тебѣ въ пользу, и предпочелъ отвергнуть его. Итакъ, если ты теперь, въ гнѣвѣ на Антонія, поставишь мнѣ въ вину мое къ нему расположеніе, то я не только не стану отрекаться, но не задумаюсь еще разъ открыто подтвердить здѣсь мою пріязнь къ нему. Если же ты, оставя его въ сторонѣ, посмотришь, каковъ я къ своимъ благодѣтелямъ и каковъ я въ дружбѣ, то у тебя доказательство на лицо въ видѣ совершенныхъ мною дѣяній. Если перемѣнилось имя, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы моя дружба пошатнулась къ тому, кто является замѣстителемъ и преемникомъ моего друга».

7. Такими словами, въ которыхъ ясно звучала полная независимость, Иродъ безъ труда склонилъ на свою сторону Цезаря, человѣка, отличавшаяся благородствомъ духа, такъ что то, что представлялось первоначально поводомъ къ обвиненіямъ, теперь вызвало благоволеніе къ нему императора. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній вновь вѣнчалъ Ирода царскимъ вѣнцомъ и просилъ его объ одномъ лишь, быть съ нимъ такъ же дружнымъ, какъ друженъ онъ раньше былъ съ Антоніемъ. Къ этому Цезарь присовокупилъ, что ему написалъ Квинтъ Дидій, насколько отважно Иродъ поддержалъ его въ бою съ гладіаторами. Удостоившись такого пріема и видя, что теперь онъ укрѣпился еще болѣе въ своей власти отчасти благодаря подарку Цезаря, отчасти же вслѣдствіе римскаго (сенатскаго) постановленія, котораго онъ добился для большей увѣренности, Иродъ рѣшилъ сопровождать Цезаря въ Египетъ послѣ того, какъ успѣлъ по мѣрѣ силъ одарить и самого императора и его приближенныхъ и выказать имъ все свое великодушіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рискнулъ даже заступиться за одного изъ близкихъ Антонію людей, именно за Александра, прося пощадить его. Однако достигнуть этого Ироду не удалось, потому что Цезарь клятвенно обѣщалъ казнить его. Затѣмъ Иродъ вновь вернулся въ Іудею съ большимъ почетомъ и большею увѣренностью, чѣмъ крайне поразилъ всѣхъ, кто ожидалъ совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по милости Предвѣчнаго, всегда выходитъ изъ опасности лишь съ большимъ и новымъ блескомъ. Иродъ немедленно приступилъ къ приготовленіямъ къ встрѣчѣ Цезаря, собиравшагося вторгнуться изъ Сиріи въ Египетъ. Когда императоръ прибылъ, онъ принялъ его съ царскою пышностью въ Птолемаидѣ, причемъ угостилъ все его войско и изобильно снабдилъ его всѣми припасами. Такимъ образомъ онъ вскорѣ попалъ въ число наиболѣе близкихъ императору людей. Во время военныхъ смотровъ онъ сопровождалъ Цезаря верхомъ, примкнувъ къ его свитѣ съ отрядомъ изъ блестяще и богато вооруженныхъ ста пятидесяти человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сопровождалъ императорское войско также по пустынннымъ мѣстностямъ. Самому Цезарю онъ преподнесъ въ подарокъ восемьсотъ талантовъ и этимъ заставилъ всѣхъ предположить, что данный подарокъ превзошелъ всѣ платежныя силы его царства. Это увѣрило всѣхъ еще болѣе въ его преданности и расположеніи и для него было весьма полезно, что онъ умѣлъ такъ кстати выказать свое великодушіе. Когда римляне возвращались назадъ изъ Египта, онъ также явилъ снова полную готовность снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ и оказывать имъ услуги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Вернувшись назадъ, Иродъ засталъ всю семью свою въ сильномъ смятеніи и жену свою Маріамну и ея мать Александру крайне разстроенными. Онѣ были очень огорчены, потому что поняли, какъ и можно было подозрѣвать, что ихъ заключили въ Александреумъ не въ видахъ ихъ личной безопасности, но какъ въ крѣпость, гдѣ онѣ не только потеряли всякую власть надъ другими, но и не были въ состояніи распоряжаться собою. Маріамна стала подозрѣвать, что вся любовь царя къ ней является лишь притворною и притомъ въ его же личныхъ интересахъ, и печалилась о томъ, что если бы что нибудь случилось съ Иродомъ, и у нея была бы отнята всякая надежда остаться долѣе въ живыхъ. При этомъ она вспомнила о порученіи, нѣкогда данномъ Іосифу, и старалась всячески склонить въ свою пользу стражу, особенно же Соэма, понимая, что судьба ея всецѣло зависитъ отъ послѣдняго. Сначала Соэмъ соблюдалъ вѣрность Ироду и въ точности исполнялъ всѣ его предписанія, но нѣсколько позже поддался увѣщаніямъ и подаркамъ льстившихъ ему женщинъ и кончилъ тѣмъ, что сообщилъ имъ обо всемъ, что поручилъ ему царь. Сдѣлалъ онъ это главнымъ образомъ потому, что уже не разсчитывалъ, что Иродъ вернется назадъ облеченнымъ прежнею властью. Разсчитывая въ виду этого не подвергнуться со стороны Ирода особенно большой опасности, онъ рѣшилъ сдѣлать многое въ угоду этихъ женщинъ, которыхъ, по его разсчетамъ, никакъ не минуетъ власть и которыя впослѣдствіи особенно щедро наградятъ его, когда сами овладѣютъ престоломъ или по крайней мѣрѣ станутъ въ близкія отношенія къ (будущему) царю. Но онъ не боялся ничего даже въ томъ случаѣ, если бы Иродъ, устроивъ все по своему желанію, вернулся назадъ, потому что и въ такомъ случаѣ Иродъ ни въ чемъ не откажетъ женѣ своей, такъ какъ Соэмъ отлично зналъ необыкновенную любовь царя къ Маріамнѣ. Всѣ эти соображенія побудили его сказать Маріамнѣ о полученномъ порученіи. Маріамна тутъ съ ожесточеніемъ узнала, что ей предстоятъ со стороны Ирода однѣ только опасности, и была бы очень опечалена, если бы царя не постигла заслуженная имъ участь, причемъ рѣшила, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь ея съ Иродомъ невозможна, если онъ вернется.

Впослѣдствіи она все это высказала Ироду, нисколько не скрывая отъ него всей своей печали.

2. Когда царь возвратился съ большею, чѣмъ на какую могъ разсчитывать удачею, онъ какъ и слѣдовало, раньше всѣхъ подѣлился своею радостью съ женою, которую любилъ больше всего на свѣтѣ. Маріамна однако во время его разсказа объ удачномъ путешествіи видимо не столько радовалась, сколько казалась огорченною, и не могла скрыть неудовольствіе, но въ сознаніи своего достоинства и благородства вздохнула въ отвѣтъ на привѣтствіе Ирода, причемъ открыто показала, что скорѣе печалится при его разсказахъ, чѣмъ радуется. Слѣдствіемъ этого было то, что теперь Иродъ смутился не только на основаніи (неопредѣленныхъ) подозрѣній, но и вслѣдствіе наличности фактовъ. Онъ совершенно растерялся при видѣ такой нескрываемой ненависти со стороны жены, опечалился но не считалъ возможнымъ отказаться отъ любви своей къ ней. Онъ то не могъ сдержать свой гнѣвъ, то снова примирялся съ нею, переходя отъ одного къ другому и всегда сильно страдая. Такимъ образомъ, обуреваемый и ненавистью и любовью къ ней, онъ нѣсколько разъ былъ готовъ казнить ее за ея пренебреженіе (къ нему), но каждый разъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ для того, чтобы устранить отъ себя эту женщину (на всегда). Вообще же онъ охотно казнилъ бы ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся разлуки и полагалъ, что если Маріамна умретъ, онъ самъ будетъ болѣе ея наказанъ.

3. Видя такія отношенія Ирода къ Маріамнѣ, сестра и мать его признали этотъ моментъ наиболѣе подходящимъ для выраженія своей ненависти къ ней и въ разговорѣ стали постоянно возбуждать противъ нея Ирода такими тяжкими обвиненіями, которыя были въ состояніи возбудить въ немъ единовременно какъ ненависть, такъ и отвращеніе къ Маріамнѣ. Иродъ слушалъ всѣ эти рѣчи не безъ удовольствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не рѣшался на основаніи ихъ предпринять что либо противъ нея, такъ какъ былъ далеко не увѣренъ. Однако отношенія къ ней становились у него все хуже и хуже и наконецъ возникли несказанныя страданія, такъ какъ Маріамна не скрывала своего неудовольствія, а у Ирода любовь понемногу смѣнялась гнѣвомъ. Въ концѣ концовъ онъ принялъ бы рѣшительныя мѣры, но въ это время получилъ извѣщеніе, что Цезарь вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, что Антоній и Клеопатра умерли, и что онъ овладѣлъ теперь Египтомъ. Поэтому онъ поѣхалъ на встрѣчу Цезарю и оставилъ домашнія дѣла въ прежнемъ ихъ положеніи. При отъѣздѣ царя Маріамна стала просить у него награды Соэму за его ревностную службу, а именно мѣста военачальника. Соэмъ дѣйствительно получилъ это почетное назначеніе. Иродъ же, встрѣтившись съ Цезаремъ въ Египтѣ, могъ теперь свободнѣе общаться съ нимъ, считаясь его другомъ, и удостоился при этомъ величайшихъ почестей: Цезарь подарилъ ему четырехсотъ галловъ,

тѣлохранителей Клеопатры, и вновь отдалъ ему область, отнятую у него царицею, равно какъ включилъ въ предѣлы его царства также Гадару, Гиппосъ и Самарію, а также приморскіе города Газу, Анѳедонъ, Яффу и Стратонову башню.

4. Достигнувъ этого, Иродъ еще болѣе возвысился и сопровождалъ Цезаря въ Антіохію. Насколько его внѣшнія дѣла шли удачно, настолько печальными нашелъ онъ при возвращеніи домашнія дѣла свои, особенно относительно жены, со стороны которой онъ прежде всегда пользовался такимъ счастіемъ. Любилъ онъ Маріамну дѣйствительно такъ сильно, какъ никто другой, о которомъ повѣствуетъ исторія. Хотя она и соблюдала царю вѣрность и вообще держала себя во всѣхъ отношеніяхъ къ нему благопристойно, однако, по привычкѣ всѣхъ женщинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ относилась къ нему съ непріязнью, причемъ иногда обходилась съ нимъ, невзирая на всю его страсть къ ней, крайне рѣзко и, несмотря на все свое подчиненіе и покорность ему, нерѣдко давала ему чувствовать свои капризы. Но всего этого Иродъ какъ будто не замѣчалъ вовсе и съ достоинствомъ и терпѣніемъ переносилъ все. Вмѣстѣ съ тѣмъ она открыто стала укорять мать и сестру царя въ низкомъ происхожденіи, такъ что результатомъ этого явилась ненависть и непримиримая вражда между всѣми этими женщинами; въ то же время появились и болѣе тяжкія обвиненія. Такимъ образомъ подозрительность царя получала обильную пищу и возростала въ теченіе цѣлыхъ полугода съ тѣхъ поръ, какъ Иродъ вернулся отъ Цезаря. Въ концѣ концовъ эта все болѣе и болѣе раздуваемая вражда обнаружилась по слѣдующему поводу. Когда однажды Иродъ въ полдень отправился въ опочивальню, чтобы отдохнуть отъ жары, онъ позвалъ къ себѣ Маріамну, побуждаемый большою любовью къ ней. Царица явилась къ нему, но отказалась раздѣлить съ нимъ ложе и стала укорять и поносить его за убійства ея отца и брата.

Царь съ трудомъ снесъ это оскорбленіе и готовъ былъ рѣшиться на крайность, но въ это время услышавшая необычайный шумъ сестра царя Саломія послала къ нему заранѣе подготовленнаго къ тому виночерпія, которому было приказано сказать Ироду, будто Маріамна просила снабдить его любовнымъ питьемъ для царя. Если же царь смутится и спроситъ его, что это за питье, то виночерпій долженъ отдать его царю по приказанію послѣдняго; если же царь не смутится этимъ, пусть онъ воздержится отъ дальнѣйшихъ разговоровъ; при этимъ Саломія увѣрила виночерпія, что здѣсь нѣтъ никакой опасности. Подготовивъ все такимъ образомъ, Саломія именно теперь послала виночерпія къ царю. Виночерпій увѣренно и свободно явился къ царю съ заявленіемъ, что Маріамна дала ему подарки и уговорила его предложить царю любовное питье. Когда Иродъ крайне заволновался и спросилъ его, что это за питье, тотъ отвѣтилъ, что Маріамна дала ему нѣчто такое, содержаніе чего онъ самъ не знаетъ. Поэтому-то онъ и объявляетъ ему объ этомъ, чтобы оградить себя отъ отвѣтственности и предупредить царя. Услышавъ это, и безъ того уже возбужденный Иродъ еще болѣе разгнѣвался и велѣлъ пытать евнуха, наиболѣе преданнаго Маріамнѣ, потому что зналъ, что помимо этого евнуха жена его не могла рѣшительно ничего предпринять. Въ такой крайности евнухъ подъ пыткою ничего, правда, не могъ сказать относительно любовнаго питья, но за то разсказалъ, какъ у царицы явилась ненависть къ Ироду вслѣдствіе разоблаченій, сдѣланныхъ ей Соэмомъ. Не успѣлъ тотъ произнести свои слова, какъ царь громко закричалъ, что всегда бывшій вѣрнымъ ему и царству Соэмъ не осмѣлился бы проговориться о полученномъ порученіи, если бы не былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Маріамнѣ. Поэтому онъ распорядился немедленно схватить и казнить Соэма, а жену свою предалъ суду самыхъ преданныхъ друзей своихъ, ожесточенно обвиняя ее въ приготовленіи любовнаго питья и отравы. При этомъ Иродъ нисколько не сдерживалъ себя и былъ вспыльчивѣе, чѣмъ бы слѣдовало при судебномъ разбирательствѣ. Въ концѣ концовъ присутствующіе, видя такое настроенія царя, приговорили Маріамну къ смерти. По произнесеніи этого приговора, какъ самъ царь, такъ и нѣкоторые изъ судей рѣшили не сразу приводить его въ исполненіе, но пока посадить царицу въ одну изъ темницъ при дворцѣ. Однако Ироду пришлось внять настойчивымъ требованіямъ Саломіи, совѣтовавшей ему умертвить Маріамну, чтобы тѣмъ самымъ избѣгнуть народныхъ смутъ, которыя могли бы возникнуть, если бы народъ узналъ, что царица еще жива.

5. Итакъ Маріамна была отведена на казнь. Тогда Александра, видя, въ какомъ положеніи дѣла, и понимая, что ей осталось мало надежды не потерпѣть такимъ же точно образомъ отъ Ирода, круто и весьма неприлично измѣнила прежнее свое высокомѣрное поведеніе. Желая доказать полную свою непричастность къ взводимому на царицу обвиненію, она выбѣжала (на улицу) и стала при всѣхъ поносить дочь свою, называя ее гадкою и неблагодарною къ мужу женщиною и говоря, что теперь она подвергается заслуженному наказанію за свои дерзости, такъ какъ поступила непристойно относительно своего главнаго благодѣтеля. Такъ какъ Александра столь наглымъ образомъ притворялась и даже

вцѣпилась при этомъ дочери своей въ волосы, то ее, какъ и слѣдовало, многіе сочли неприличною ханжею; особенно дала понять это Александрѣ сама осужденная, которая съ самаго начала не отвѣтила ей ни слова и, нисколько не смутясь, лишь съ презрѣніемъ посмотрѣла на эту гнусную женщину, очевидно показывая ей все ея жалкое ничтожество. Сама она совершенно безстрашно и не измѣнившись въ лицѣ пошла на казнь, даже въ послѣднюю минуту являя всѣмъ доказательство своего благородства.

6. Такимъ образомъ умерла Маріамна, этотъ высочайшій идеалъ женской цѣломудренности и великодушія. Впрочемъ, ей недоставало сдержанности и въ характерѣ ея въ слишкомъ сильной степени замѣчалась нѣкоторая неуживчивость. Красотою своею и умѣньемъ съ достоинствомъ держать себя она превосходила всѣхъ своихъ современницъ; это и явилось главною причиною того, что она не достаточно любезно встрѣчала царя и относилась къ нему съ недостаточною предупредительностью, пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имѣя повода предполагать съ его стороны какой-нибудь непріятности, она позволяла себѣ съ нимъ слишкомъ много. А такъ какъ ее угнетала судьба, постигшая близкихъ ей людей, и она нисколько не стѣснялась высказывать ему это прямо, то она въ концѣ концовъ навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно послѣдняго между тѣмъ она всегда была увѣрена, что онъ оградитъ ее отъ всякихъ непріятностей.

7. Послѣ казни Маріамны любовь царя къ ней возросла еще болѣе, чѣмъ то было когда либо раньше, какъ мы уже имѣли случай упоминать. Дѣло въ томъ, что эта любовь къ ней царя вовсе не была временною или ослабилась вслѣдствіе привычки, но какъ она съ самого начала отличалась страстнымъ энтузіазмомъ, такъ она не ослабѣвала и впослѣдствіи при постоянномъ сожительствѣ. Теперь же казалось, что, въ видѣ наказанія за казнь Маріамны, любовь къ ней охватила его въ еще гораздо болѣе сильной степени, такъ что онъ часто громко призывалъ ее къ себѣ, предавался ничѣмъ не сдерживаемымъ слезамъ, въ концѣ концовъ сталъ придумывать всевозможные способы забыться и развлечься и съ этою цѣлью задавалъ попойки и пиры. Впрочемъ, все это отнюдь не помогало, такъ что онъ запустилъ даже всѣ государственныя дѣла и страдалъ въ столь высокой степени, что приказалъ своимъ слугамъ громко звать Маріамну, какъ будто бы она была еще жива и могла слышать это и явиться. Въ то время, какъ царь находился въ такомъ состояніи, (въ странѣ) появилась чума, которая похитила не только массу простонародья, но и

наиболѣе близкихъ къ царю друзей его, причемъ у всѣхъ явилась мысль, что это бѣдствіе служитъ доказательствомъ гнѣва Божьяго за беззаконіе, совершенное относительно Маріамны. Все это еще болѣе разстраивало царя, такъ что онъ подъ предлогомъ охоты отправился наконецъ въ пустынное мѣсто. Но здѣсь ему удалось пробыть лишь короткое время, ибо черезъ нѣсколько дней онъ впалъ въ опасную болѣзнь. Его поразило сильное и сопряженное съ страшными болями воспаденіе затылка, связанное съ сотрясеніемъ мозга и разстройствомъ умственныхъ способностей. Всѣ примѣненныя средства однако нисколько не помогали, такъ что наконецъ явилось сомнѣніе въ возможности выздоровленія царя. Такъ какъ всѣ попытки въ этомъ отношеніи оказывались тщетными, и самъ царь могъ соблюдать лишь ту діэту, къ которой принуждалъ его характеръ болѣзни, врачи согласились давать ему все, чего бы онъ ни пожелалъ, и предоставили случаю выздоровленіе его, на которое, впрочемъ, было мало надежды. Болѣзнь эта охватила царя въ Самаріи, прозванной Себастою.

8. Тѣмъ временемъ пребывавшая въ Іерусалимѣ Александра, успѣвъ узнать о положеніи царя, приложила всѣ старанія, чтобы овладѣть укрѣпленными пунктами города. Этихъ пунктовъ было два; изъ нихъ одинъ находился въ самомъ городѣ, другой же въ храмѣ. Всякій, кто овладѣвалъ ими, тѣмъ самымъ подчинялъ себѣ и весь народъ іудейскій: помимо этихъ пунктовъ не могли совершаться жертвоприношенія, безъ которыхъ не можетъ жить ни одинъ іудей, потому что всѣ они готовы скорѣе лишиться жизни, чѣмъ отступить отъ установленнаго служенія Предвѣчному. Поэтому Александра вступила въ переговоры съ стражею, указывая на необходимость передать эти укрѣпленія ей и дѣтямъ Ирода, чтобы въ случаѣ кончины послѣдняго никто не могъ предупредить ихъ и захватить власть. Въ случаѣ же, если бы царь выздоровѣлъ, по ея мнѣнію, опять таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. Гарнизоны отнеслись къ этому предложенію Александры съ неудовольствіемъ, и оставаясь прежде вѣрными царю, тѣмъ болѣе рѣшили оставаться таковыми и теперь, такъ какъ чувствовали ненависть къ Александрѣ и считали безбожнымъ измѣнить находившемуся еще въ живыхъ Ироду. Они были издавна преданы ему, а одинъ изъ нихъ, Ахіавъ, даже доводился племянникомъ царю. Поэтому они немедленно донесли послѣднему о планахъ Александры. Иродъ распорядился тотчасъ казнить ее, а такъ какъ онъ самъ едва успѣлъ оправиться отъ болѣзни и все еще страдалъ душою и тѣломъ, то былъ крайне раздражителенъ и сталъ казнить по самымъ ничтожнымъ причинамъ всѣхъ, кто попадался ему подъ руку.

Такъ напр., онъ казнилъ многихъ изъ самыхъ преданныхъ друзей своихъ, а именно Костобара, Лисимаха, Гадію, носившаго прозвище Антипатра, а также Досиѳея. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее:

9. Костобаръ былъ идумеяниномъ и принадлежалъ къ числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейскаго божества Котзе. Послѣ того, какъ Гирканъ ввелъ у идумеянъ іудейскіе обычаи и религію, Иродъ овладѣлъ страною и назначилъ правителемъ Идумеи и Газы Костобара, причемъ выдалъ за него сестру свою Саломію, послѣ казни ея перваго мужа Іосифа, о которой мы сообщали выше [1]. Достигнувъ неожиданно столь высокаго положенія, Костобаръ вознесся въ своемъ счастіи и нѣсколько вышелъ изъ своихъ границъ, не считая себя болѣе обязаннымъ повиноваться предписаніямъ Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли іудаизмъ, чтобы быть въ подчиненіи у іудеевъ. Поэтому онъ послалъ сказать Клеопатрѣ, что, такъ какъ Идумея всегда находилась подъ властью ея предковъ, она имѣетъ право требовать себѣ отъ Антонія эту страну, причемъ онъ самъ выражалъ полную готовность примкнуть къ царицѣ. Впрочемъ, все это Костобаръ сдѣлалъ не для того, чтобы угодить Клеопатрѣ и усилить ея власть, а потому, что разсчитывалъ самъ стать полновластнымъ правителемъ идумейскаго народа и увеличить свое могущество за счетъ ослабленія Ирода. Этимъ надеждамъ онъ предавался съ тѣмъ большею охотою, что имѣлъ крупную поддержку не только въ знатности своего происхожденія и въ значительныхъ денежныхъ средствахъ, добытыхъ путемъ систематической экономіи, но и въ томъ, что всегда энергично преслѣдовалъ разъ намѣченную цѣль.

Итакъ, Клеопатра стала просить у Антонія этой страны, но не получила ея, тогда какъ Ироду было сообщено все это и онъ совсѣмъ уже было приготовился казнить Костобара. Однако въ виду заступничества сестры и матери своихъ онъ простилъ его, причемъ, однако, все остальное время никакъ не могъ освободиться отъ недовѣрія къ Костобару за его тогдашнюю попытку.

10. Спустя нѣкоторое время Саломія поссорилась съ Костобаромъ. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо съ цѣлью расторженія своего брака. Такъ поступила она вопреки іудейскимъ законамъ, [2] потому что это у насъ разрѣшается мужу, тогда какъ женщина не вправѣ

---

[1] Срв. выше, стр. Т. II, стр. 141.

[2] Второзак. XXVI, 1—4, разрѣшаетъ такой разводъ лишь исходящимъ со стороны мужа.

вступить въ новый бракъ, пока она не получила развода отъ перваго своего мужа. Однако Саломія пренебрегла этимъ основнымъ закономъ и поступила здѣсь совершенно произвольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа изъ любви къ нему, Ироду: она узнала, что мужъ ея, вмѣстѣ съ Антипатромъ, Лисимахомъ и Досиѳеемъ, злоумышляютъ противъ безопасности государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ для подтвержденія своихъ словъ она указала на то, что Костобаръ держитъ у себя вотъ уже двѣнадцать лѣтъ сыновей Вава, что и было въ дѣйствительности такъ. Все это, узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя и онъ очень заволновался, такъ какъ не ожидалъ ничего подобнаго. Что касается сыновей Вава, Иродъ первоначально собирался казнить ихъ, такъ какъ они стали во враждебныя къ нему отношенія, впослѣдствіи же онъ совершенно забылъ о нихъ, и съ тѣхъ поръ прошло много времени. Вражда же и ненависть къ нимъ возникла слѣдующимъ образомъ: Когда еще царская власть была въ рукахъ Антигона, и Иродъ во главѣ войска осаждалъ Іерусалимъ, нашлось много лицъ, которыя вслѣдствіе массы связанныхъ съ осадою бѣдствій желали впустить Ирода въ городъ и уже были готовы возложить на послѣдняго всѣ свои надежды. Происходившіе однако изъ знатнаго рода и пользовавшіеся въ глазахъ толпы авторитетомъ сыновья Вава продолжали оставаться вѣрными Антигону, постоянно поносили Ирода и побуждали народъ сохранить за Антигономъ принадлежащую ему по праву рожденія власть. И вотъ народъ держался ихъ взгляда на вещи, считая это болѣе полезнымъ и цѣлесообразнымъ. Когда же Иродъ взялъ городъ и верховная власть оказалась въ его рукахъ, Костобаръ, которому было поручено занять и оберегать всѣ выходы изъ города, чтобы изъ него какъ нибудь не ускользнули виновные граждане или противники царя, принялъ сыновей Вава и отвезъ ихъ къ себѣ, зная, въ какомъ они почетѣ у народа и разсчитывая, что, въ случаѣ переворота, спасеніе ихъ можетъ сослужить ему самому крупную службу. Впослѣдствіи онъ чтобы освободиться отъ всякаго съ его стороны подозрѣнія, клятвенно увѣрилъ Ирода, что ему ничего неизвѣстно о судьбѣ ихъ. Также и позже, когда Иродъ велѣлъ объявить о томъ во всеобщее свѣдѣніе и обѣщалъ награду за поимку и всячески старался найти ихъ, Костобаръ не сознался. Разъ онъ однажды солгалъ, то онъ считалъ теперь для самого себя небезопаснымъ выдать этихъ людей и еще старательнѣе скрывалъ ихъ не только изъ расположенія къ нимъ, но и по необходимости.

Послѣ того какъ Иродъ узналъ все это отъ сестры своей, онъ послалъ въ указанное мѣсто, гдѣ находились сыновья Вава, и велѣлъ каз-

нить какъ ихъ, такъ и всѣхъ вмѣстѣ съ ними обвиненныхъ. Теперь не оставалось въ живыхъ уже никого изъ родни Гиркана и Иродъ властвовалъ единолично, такъ что никто болѣе не осмѣливался противодѣйствовать его беззаконнымъ начинаніямъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Такимъ образомъ Иродъ все болѣе и болѣе уклонялся отъ соблюденія древнихъ установленій и обычаевъ и введеніемъ иноземныхъ начинаній подтачивалъ издревлесложившійся и собственно ненарушимый строй жизни. Такъ какъ все то, что раньше поддерживало въ народной массѣ прежнее благочестіе, теперь подвергалось презрѣнію, то мы въ результатѣ отъ этого не мало пострадали въ позднѣйшее время. Во первыхъ, онъ ввелъ въ честь Цезаря чрезъ каждыя пять лѣтъ повторявшіяся общественныя игры и построилъ въ (самомъ) Іерусалимѣ театръ, равно какъ на равнинѣ огромнѣйшій амфитеатръ, которыхъ роскошь бросалась всѣмъ въ глаза, но которые отнюдь не соотвѣтствовали міровоззрѣнію іудеевъ, ибо іудеи были непривычны къ такого рода зрѣлищамъ. Празднованіе этихъ игръ онъ производилъ съ большою торжественностью, приглашая съ этою цѣлью зрителей изъ сосѣднихъ странъ и собирая весь (іудейскій) народъ на нихъ. Также и борцы и всякіе другіе участники въ состязаніяхъ приглашались со всѣхъ концовъ земли и они являлись въ надеждѣ на призы и на славу побѣды, причемъ тутъ участвовали крупнѣйшіе корифеи своего дѣла. Иродъ назначалъ выдающіеся призы не только участникамъ въ гимнастическихъ состязаніяхъ, но также и знатокамъ музыки и танцевъ и тѣмъ побуждалъ лучшія силы вступать въ состязанія. Равнымъ образомъ онъ назначалъ также большіе призы квадригамъ,[1] парнымъ экипажамъ и одиночкамъ; однимъ словомъ все, что гдѣ бы то ни было выдавалось роскошью и блескомъ, онъ старался превзойти еще большею красотою. Кругомъ всего театра тянулись надписи въ честь Цезаря и были воздвигнуты изъ червоннаго золота и серебра изображенія трофеевъ его отъ тѣхъ народовъ, которыхъ онъ побѣдилъ на войнѣ. Не было такихъ драгоцѣнныхъ и прекрасныхъ одѣяній и камней, которые бы не показывались зрителямъ на этихъ состязаніяхъ. При театрѣ имѣлся запасъ дикихъ звѣрей, въ томъ числѣ масса львовъ и всякихъ другихъ звѣрей, отличавшихся чрезмѣрною силою или особенною рѣдкостью. Этихъ звѣрей выпускали на бой какъ между собою, такъ и съ

[1] Колесницы, въ которыя впрягалась четверка лошадей.

присужденными къ смерти людьми, причемъ иноземцамъ въ одинаковой мѣрѣ доставляли удовольствіе какъ роскошь обстановки, такъ и волненіе, вызываемое этими опасными зрѣлищами, тогда какъ для туземцевъ тутъ было лишь доказательство явнаго разложенія нравовъ, чистоту которыхъ они такъ свято соблюдали. Іудеи считали явнымъ безбожіемъ предоставлять дикимъ звѣрямъ людей для удовольствія другихъ людей и въ столь же высокой степени безбожнымъ вводить въ свою личную жизнь чужеземные обычаи. Больше же всего оскорбляли ихъ трофеи, и они не мало печалились, видя въ нихъ запрещенныя закономъ изображенія вооруженныхъ людей.

2. Впрочемъ, отъ Ирода не ускользнуло возмущеніе народа и, такъ какъ онъ счелъ неумѣстнымъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ силою, то позвалъ къ себѣ нѣсколько лицъ и пытался убѣдить ихъ, что тутъ нѣтъ ни малѣйшаго богохульства. Однако это ему не удалось и всѣ въ негодованіи на его безпутство единогласно закричали, что если они пока сносили многое, теперь они никакъ не допустятъ въ городѣ идоловъ, причемъ имѣли въ виду трофеи. При этомъ они ссылались на то, что это возбранено имъ ихъ закономъ. Видя такое ихъ волненіе и что не легко будетъ ихъ успокоить иначе, какъ путемъ нагляднаго доказательства, Иродъ пригласилъ наиболѣе вліятельныхъ изъ нихъ въ театръ и, указавъ на трофеи, спросилъ, за что они принимаютъ ихъ. Когда же тѣ закричали, что это изображенія людей, онъ распорядился снять оружіе и показалъ имъ голые деревянные столбы. Это тотчасъ же вызвало неудержимый смѣхъ, и общая веселость еще болѣе увеличилась оттого, что іудеи раньше столь иронически относились къ убранству этихъ трофеевъ.

3. Успокоивъ такимъ образомъ народъ и умѣривъ его гнѣвъ, Иродъ увидѣлъ, что большинство убѣдилось въ безопасности (этихъ трофеевъ) и болѣе не волнуется. Впрочемъ, было еще нѣсколько лицъ, которыя никакъ не желали примириться съ противными народному духу нововведеніями и видѣли въ нарушеніи основныхъ обычаевъ начало великихъ бѣдствій. Эти люди считали своею священною обязанностью скорѣе подвергнуться опасности, чѣмъ допускать такія нововведенія въ государствѣ и спокойно взирать на то, какъ Иродъ насильно насаждаетъ противныя народному духу начала, причемъ является царемъ лишь по имени, а на дѣлѣ представляетъ изъ себя врага народа. Вслѣдствіе этого десять граждан составили заговоръ и поклялись подвергнуться любой опасности (въ числѣ заговорщиковъ былъ также одинъ слѣпой, котораго принудили примкнуть тревожные слухи; хотя онъ и не былъ въ состояніи принять въ дѣлѣ

личное участіе, однако онъ приготовился пострадать со всѣми прочими, если бы заговорщиковъ постигла неудача; этимъ онъ не мало содѣйствовалъ подъему духа въ остальныхъ своихъ товарищахъ).

4. Спрятавъ подъ плащами кинжалы, заговорщики немедленно отправились въ театръ въ надеждѣ, что Иродъ не уйдетъ отъ нихъ, такъ какъ они нападутъ на него внезапно, и что въ крайнемъ случаѣ, даже если имъ не удастся убить его самого, они перебьютъ многихъ изъ его приверженцевъ; они готовы были удовольствоваться хотя тѣмъ, что смерть ихъ заставитъ по крайней мѣрѣ царя образумиться и подумать, насколько онъ поглумился надъ народомъ. Заговорщики были вполнѣ приготовлены ко всему и отличались большою отвагою. Но одинъ изъ шпіоновъ Ирода разузналъ все дѣло и сообщилъ о всемъ планѣ царю, когда послѣдній собирался войти въ театръ. Такъ какъ Иродъ зналъ, что большинство его реформъ вызывало лишь возбужденіе и ненависть, то счелъ это сообщеніе довольно вѣроятнымъ и потому вернулся во дворецъ и велѣлъ поодиночкѣ позвать къ себѣ обвиняемыхъ. Въ виду того, что заговорщики были схвачены слугами царя съ поличнымъ, они стали думать не о томъ, какъ бы избѣгнуть наказанія, но рѣшили встрѣтить неизбѣжную теперь смерть съ возможно большимъ мужествомъ. Поэтому они не выказали раскаянія и не пытались отрицать свою вину, но тотчасъ послѣ ареста отдали свои кинжалы и храбро сознались, что составили заговоръ съ благою и честною цѣлью, причемъ не было и рѣчи о какой нибудь личной для себя выгодѣ или о личной мести, но преслѣдовалось лишь общее благо народа, которое оберегать и за которое умирать долженъ быть готовъ всякій. Послѣ того какъ они такъ смѣло разсказали весь ходъ своего заговора, они были арестованы царскими тѣлохранителями и умерщвлены подъ пыткой. Не много впрочемъ спустя нѣкоторыя лица схватили и навлекшаго на себя всеобщую ненависть доносчика и не только убили его, но разорвали на части и бросили псамъ. Хотя многіе изъ гражданъ присутствовали при этомъ, но никто не донесъ о томъ. Наконецъ Иродъ распорядился нарядить строжайшее слѣдствіе и тогда нѣсколько женщинъ во время пытки показали то, чему онѣ были свидѣтельницами. Послѣ этого всѣхъ виновныхъ вмѣстѣ съ ихъ семействами постигла кара, причемъ пощады не было никому. Но народное волненіе и привязанность іудеевъ къ своимъ законамъ поставили Ирода въ затруднительное положеніе и ему пришлось изыскивать мѣры обезопасить свое правленіе. Поэтому онъ рѣшилъ всячески удерживать въ повиновеніи народъ

и поставить его въ такія условія, чтобы онъ при такомъ стремленіи къ перевороту не могъ перейти въ открытое возстаніе.

5. У него въ городѣ имѣлось два укрѣпленныхъ пункта, а именно дворецъ, въ которомъ онъ самъ жилъ, и храмовая крѣпость, названная Антоніею и сооруженная имъ. Теперь онъ задумалъ возвести для огражденія себя отъ народа третью крѣпость, а именно въ Самаріи, которую онъ назвалъ Себастою. Итакъ, онъ рѣшилъ укрѣпить это мѣсто, находившееся въ разстояніи одного дня пути отъ Іерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличнымъ средствомъ для обузданія не только города, но и всей страны. Для огражденія себя отъ всенароднаго возстанія Иродъ приступилъ къ перестройкѣ города, носившаго названіе Стратоновой башни и теперь прозваннаго Иродомъ Цезареею. На великой равнинѣ онъ воздвигъ укрѣпленіе и помѣстилъ въ немъ отрядъ всадниковъ, выбранный для того по жребію; въ Галилеѣ онъ построилъ Гаву, въ Переѣ Есевонъ. Иродъ воздвигъ всѣ эти крѣпости въ разныхъ мѣстностяхъ, постоянно озабочиваясь укрѣпить и обезопасить свое положеніе и стараясь держать въ своихъ рукахъ весь народъ, чтобы онъ менѣе думалъ о возмущеніи; (впрочемъ нѣкоторое небольшое броженіе замѣчалось всегда), и чтобы ни малѣйшее движеніе не оставалось незамѣченнымъ, такъ какъ всегда имѣлись на лицо силы, бывшія въ состояніи немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку. Когда онъ отправился, чтобы укрѣплять Самарію, онъ пригласилъ поселиться тамъ многихъ изъ своихъ прежнихъ солдатъ, равно какъ и многихъ пограничныхъ жителей, причемъ соблазнилъ ихъ перспективою постройки новаго храма. Вмѣстѣ съ этимъ онъ также желалъ поднять такимъ образомъ значеніе этого города, который раньше не принадлежалъ къ числу особенно блестящихъ. Главною побудительною для этихъ иноземцевъ причиною было то, что Иродъ въ видахъ своей личной безопасности не скупился на деньги. При этомъ Иродъ переименовалъ городъ въ Себасту и распредѣлилъ между жителями ближайшую, лучшую во всей странѣ землю, дабы они при своемъ поселеніи сейчасъ же пользовались извѣстнымъ благосостояніемъ. Онъ окружилъ городъ крѣпкою стѣною и воспользовался покатостью мѣстности, причемъ далъ городу такіе размѣры, что онъ не уступалъ въ этомъ отношеніи даже наиболѣе знаменитымъ городамъ. Онъ обнималъ двадцать стадій. Внутри города онъ оставилъ красивую открытую площадь въ полторы стадіи и воздвигъ здѣсь храмъ, принадлежавшій по величинѣ и красотѣ къ числу самыхъ выдающихся. Отдѣльныя части города также были имъ постоянно украшаемы,

причемъ это вызывалось соображеніями о личной безопасности, стремленіемъ воспользоваться крѣпкими стѣнами для обращенія всего города въ огромную крѣпость, а также желаніемъ оставить послѣ себя достойный памятникъ своего вкуса и человѣколюбія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Въ этотъ же самый годъ, именно въ тринадцатый годъ царствованія Ирода, великія бѣдствія постигли страну вслѣдствіе ли гнѣва Господня или потому, что несчастія повторяются періодично. Сперва наступила продолжительная засуха, такъ что земля стала совершенно безплодною и не принесла даже того, что она обыкновенно даетъ въ необработанномъ видѣ. Затѣмъ, такъ какъ вслѣдствіе недостатка хлѣба пришлось измѣнить весь образъ жизни, явились болѣзни и родъ чумы, причемъ одно бѣдствіе смѣняло другое. Въ виду отсутствія должнаго ухода и пищи, чума уносила все больше и больше жертвъ, а гибель послѣднихъ уменьшала бодрость остальныхъ, тѣмъ болѣе, что они не были въ состояніи противопоставить этому бѣдствію что бы то ни было. Такъ какъ посѣвы текущаго года погибли и запасы прежнихъ лѣтъ истощились, то не было уже никакой надежды на благопріятное будущее, тѣмъ болѣе, что чума противъ ожиданія затягивалась все дольше и дольше. Итакъ теперь уже ничего не оставалось; были уничтожены также и сѣмена для будущаго посѣва, такъ что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибѣгать въ этой крайности къ многоразличнымъ средствамъ. Въ не меньшей мѣрѣ ощущалъ ее и самъ царь, такъ какъ онъ теперь лишился обычныхъ земельныхъ податей и въ своей щедрости успѣлъ израсходовать всѣ свои деньги на тѣхъ, чьи города онъ возстановилъ. Онъ не видѣлъ тутъ никакой возможности помочь бѣдѣ, а послѣдняя между тѣмъ росла и съ ней росла также ненависть его подданныхъ: въ неудачѣ обыкновенно обвиняются лица начальствующія.

2. Находясь въ такомъ положеніи, Иродъ сталъ всячески измышлять средства помочь бѣдѣ. Его положеніе затруднялось тѣмъ, что и у сосѣдей, которыхъ постигло то же бѣдствіе, нельзя было получить хлѣба, и что у него не хватило бы денегъ, если бы даже они нашлись, помочь такой массѣ страждущихъ. Но такъ какъ царь считалъ обязанностью всѣми возможными средствами помочь бѣдѣ, то онъ собралъ всѣ цѣнности своего дворца и велѣлъ сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоцѣнной, ни художественной утвари. Затѣмъ онъ послалъ эти деньги въ Египетъ,

гдѣ намѣстникомъ Цезаря (тогда) былъ Петроній. Несмотря на то, что многіе искали у послѣдняго помощи въ этой бѣдѣ, онъ всетаки, будучи очень расположенъ къ Ироду и желая помочь его подданнымъ, далъ ему первому право вывезти (изъ Египта) хлѣбъ, причемъ всячески содѣйствовалъ покупкѣ этого хлѣба и его вывозу. Такимъ образомъ Иродъ былъ главнымъ виновникомъ этой помощи. И вотъ Иродъ, по прибытіи хлѣбныхъ запасовъ, легко заставилъ народъ приписать именно его заботливости эту помощь и тѣмъ самымъ не только измѣнить мнѣніе своихъ прежнихъ недоброжелателей, но и постарался высказать народу свою особенную о немъ заботливость и свое попеченіе. Классифицировавъ населеніе точнѣйшимъ образомъ, онъ сперва роздалъ часть хлѣба всѣмъ тѣмъ, которые были въ состояніи сами озаботиться приготовленіемъ себѣ пищи; потомъ онъ направилъ къ пекарямъ и доставилъ готовую пищу всѣмъ тѣмъ многочисленнымъ лицамъ, которыя по старости или другой какой либо причинѣ не могли сами спечь себѣ хлѣбъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь позаботился также оградить отъ бѣдствій зимы многихъ, которые не имѣли теплой одежды, потому что въ этой бѣдѣ погибъ также весь скотъ, такъ что не было ни шерсти, ни другой возможности сдѣлать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, онъ оказалъ помощь сосѣднимъ городамъ и послалъ въ Сирію сѣмянъ для посѣвовъ. Тѣмъ самымъ онъ оказалъ не въ меньшей мѣрѣ и самому себѣ услугу, потому что вернулъ странѣ ея плодородіе и далъ всѣмъ возможность впредь имѣть обиліе хлѣба. Когда же вновь наступило время жатвы, онъ разослалъ по странѣ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ самъ кормилъ за это время и которымъ помогъ оправиться, и такимъ образомъ вернулъ себѣ расположеніе всего своего столь сильно пострадавшаго царства, причемъ не мало оказывалъ поддержки и окрестнымъ племенамъ, очутившимся въ столь же бѣдственномъ положеніи. Не было такого лица, постигнутаго нуждою, которому онъ не помогъ бы сообразно средствамъ; при этомъ онъ оказалъ поддержку даже цѣлымъ народамъ и городамъ, не говоря уже о тѣхъ частныхъ лицахъ, которыя впали въ нужду вслѣдствіе многочисленности своихъ семей. Всѣ, кто обращался къ нему, получали просимое, такъ что по точному подсчету оказалось, что царь роздалъ иностранцамъ десять тысячъ коровъ хлѣба (коръ равняется десяти аттическимъ медимнамъ), а своимъ подданнымъ около восьмидесяти тысячъ. Эта заботливость и своевременная помощь царя настолько упрочили его положеніе среди іудеевъ и такъ прославили его у другихъ народовъ, что возникшая прежде къ нему ненависть изъ за введенія новыхъ порядковъ въ царствѣ теперь прекратилась у всего народа, потому что

царь своею щедрою помощью въ столь опасную минуту примирилъ съ собою всѣхъ. Слава его росла за предѣлами его владѣній и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность. Такъ какъ Иродъ во время бѣдствія выказалъ столь неожиданное великодушіе, то отношеніе простонародья къ нему совершенно измѣнилось: народъ смотрѣлъ теперь на него не такъ, какъ привыкъ судить о немъ по его прежнимъ дѣяніямъ, а видѣлъ въ немъ своего заступника въ бѣдѣ.

3. Около этого же времени царь послалъ также Цезарю пятьсотъ избранныхъ тѣлохранителей своихъ для войны. Галлъ Элій повелъ ихъ къ Черному морю [1] и здѣсь они оказали ему весьма цѣнную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились въ достаточномъ количествѣ деньги, онъ приступилъ къ постройкѣ дворца въ верхней части города, причемъ устроилъ въ немъ обширныя помѣщенія, которыя богато изукрасилъ золотомъ, камнями и диванами; въ каждомъ изъ нихъ имѣлось много кроватей, чтобы принять большое количество людей. Сообразно съ объемами этихъ помѣщеній царь далъ имъ и названія, наименовавъ, напр., одно изъ нихъ въ честь Цезаря, другое въ честь Агриппы.

Въ это же время Иродъ вновь вступилъ въ бракъ. Его побудили къ тому его эротическія наклонности, причемъ онъ вообще никогда не упускалъ случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствія. Мысль о бракѣ явилась у него слѣдующимъ образомъ: жившій въ Іерусалимѣ нѣкій Симонъ, сынъ александрійца Воэта, выдающійся священнослужитель, обладалъ дочерью, считавшейся тогда первою красавицею. О ней говорили въ городѣ и слухи о ней дошли до Ирода. Когда же онъ увидѣлъ эту дѣвушку, красота ея поразила его. Но царь отказался отъ мысли прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ насилію, справедливо боясь навлечь на себя обвиненіе въ тираніи. Поэтому онъ предпочелъ вступить съ дѣвушкою въ (законный) бракъ. Но такъ какъ Симонъ занималъ слишкомъ незначительное мѣсто, чтобы быть въ состояніи породниться съ царемъ, съ другой же стороны былъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы не считаться съ нимъ, то Иродъ нашелъ удобное средство исполнить свое желаніе, рѣшивъ поднять общественное положеніе всей семьи и дать ей болѣе почетное мѣсто. Поэтому онъ немедленно смѣстилъ первосвященника Іисуса, сына Фавита, и назначилъ на его мѣсто Симона. Затѣмъ онъ вступилъ съ нимъ въ родственныя отношенія.

[1] Цезарь Августъ велъ тогда войну съ арабами.

4. По окончаніи брачныхъ празднествъ онъ соорудилъ укрѣпленіе въ той мѣстности, гдѣ когда-то одержалъ побѣду надъ іудеями, когда онъ самъ утратилъ власть и она была въ рукахъ Антигона. Эта крѣпость отстоитъ отъ Іерусалима на разстояніи около шестидесяти стадій и самою природою предназначалась быть удобнымъ укрѣпленіемъ, такъ какъ по близости находился довольно значительный холмъ, искусственно увеличенный человѣческими руками и наверху срѣзанный и выравненный. На немъ возвышались круглыя башни, къ которымъ вела крутая лѣсница изъ двухсотъ отесанныхъ камней. Внутри этихъ башенъ находятся красивые царскіе покои, сооруженные не только въ видахъ безопасности, но и для красоты. Около подножія холма возвышались грандіозныя зданія, служившія между прочимъ водопроводами (въ этой мѣстности воды нѣтъ), причемъ вода течетъ сюда издалека. Зданія эти сооружены съ огромными издержками. Равнина покрыта домами на подобіе цѣлаго города, а на холмѣ возвышается крѣпость, господствующая надъ всею этою мѣстностью.

5. Такъ какъ Ироду все удалось сообразно его надеждамъ, то онъ болѣе уже не боялся возникновенія смутъ въ государствѣ: подданныхъ онъ держалъ вполнѣ въ рукахъ, отчасти нагоняя на нихъ страхъ, будучи неумолимъ въ случаѣ необходимости наказанія, отчасти же выказывая къ нимъ великодушную заботливость въ бѣдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ прибѣгъ къ помощи иностранцевъ для укрѣпленія своей личной безопасности, какъ будто бы ему нуженъ былъ такого рода оплотъ противъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Съ иностранными государствами онъ поддерживалъ отличныя отношенія и при случаѣ оказывалъ имъ услуги, чѣмъ еще болѣе располагалъ ихъ въ свою пользу, причемъ выказывалъ всю свою истинно царскую щедрость. Благодаря этому и постоянной удачѣ, вліяніе его росло. Такое ревностное его отношеніе и такая услужливость его къ Цезарю и къ наиболѣе вліятельнымъ римлянамъ поневолѣ заставили его уклониться отъ установленныхъ родныхъ обычаевъ и во многомъ нарушать іудейскія законоположенія. Онъ въ своемъ усердіи основывалъ города и воздвигалъ храмы, правда не въ Іудеѣ (іудеи этого не потерпѣли бы, такъ какъ почитаніе статуй и изображеній на манеръ греческихъ намъ запрещено), но дѣлалъ это внѣ предѣловъ страны. При этомъ онъ оправдывался передъ іудеями тѣмъ, что все это онъ предпринимаетъ не по собственному желанію, но по порученію и предписаніямъ свыше, тогда какъ предъ Цезаремъ и римлянами онъ выказывалъ достаточное пренебреженіе къ установленнымъ законоположеніямъ и дѣлалъ видъ, будто ставитъ почитаніе римлянъ выше послѣднихъ. Впрочемъ, самъ

онъ больше всего имѣлъ тутъ въ виду свою собственную пользу, такъ какъ сгоралъ желаніемъ оставить потомству выдающіеся памятники своего правленія. Это-то и побуждало его основывать города и не жалѣть для того никакихъ расходовъ.

6. Найдя на морскомъ берегу мѣстность, въ высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновою башнею, онъ велѣлъ составить обширный планъ и приступилъ къ постройкамъ, возстановилъ весь городъ, притомъ изъ бѣлаго мрамора, и украсилъ его роскошными дворцами и общественными зданіями. Самымъ же замѣчательнымъ его сооруженіемъ, отличавшимся какъ величиною, такъ и массою употребленнаго на него труда, была обширная гавань, величиною съ Пирейскую, [1] представлявшая внутри отличную стоянку и двойной рядъ пристаней. Сооруженіе это было замѣчательно особенно тѣмъ, что царь не имѣлъ нужныхъ матеріаловъ на мѣстѣ, но долженъ былъ съ большими издержками доставать ихъ издалека. Городъ этотъ расположенъ въ Финикіи, по дорогѣ въ Египетъ, между Яффою и Доромъ. Это два приморскихъ пункта, неудобные по своей доступности вѣтрамъ, которые здѣсь наносятъ песокъ морской на берегъ и затрудняютъ причалъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ купцамъ приходится становиться на якорь въ открытомъ морѣ. Желая измѣнить характеръ этой мѣстности, царь назначилъ для гавани настолько обширное пространство, что тутъ могли укрыться цѣлыя большія флотиліи, и съ этою цѣлью приказалъ бросить въ воду на глубину двадцати аршинъ огромнѣйшіе камни. Большинство изъ нихъ имѣло пятьдесятъ футовъ въ длину, не менѣе восемнадцати футовъ въ ширину и около девяти футовъ въ вышину. Впрочемъ, тутъ были камни и больше, и поменьше. Весь молъ, который онъ воздвигъ въ морѣ, достигалъ двухсотъ футовъ въ длину. Половина этого сооруженія представляла оплотъ противъ набѣгавшихъ волнъ (почему и называлась моломъ), а другая половина представляла изъ себя каменную стѣну съ башнями. Самая большая башня получила названіе Друзовой и была особенно красива. Прозвище свое она получила въ честь пасынка Цезаря, Друза, умершаго въ юныхъ лѣтахъ. Тутъ же были устроены и сводчатыя помѣщенія, служившія мѣстомъ отдыха и пристанищемъ для моряковъ. Пространство передъ ними представляло шедшую кругомъ всей гавани набережную, которая служила отличнымъ мѣстомъ прогулки для желающихъ. Входъ въ

[1] Такъ назывался городъ вблизи Аѳинъ, служившій послѣднимъ отличною гаванью.

гавань былъ устроенъ съ сѣверный стороны, потому что именно сѣверный вѣтеръ тутъ наиболѣе мягкій. При въѣздѣ въ гавань съ лѣвой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочномъ основаніи, чтобы противостоять напору волнъ, а съ правой стороны были поставлены какъ разъ противъ башни два огромныхъ и соединенныхъ между собою каменныхъ столба. Кругомъ всей гавани тянулись дома изъ бѣлаго мрамора; среди нихъ воздымался холмъ, на которомъ стоялъ храмъ въ честь Цезаря. Храмъ этотъ былъ виденъ еще издали съ моря; въ немъ находились двѣ статуи: одна, изображавшая Римъ, другая самого Цезаря. Вслѣдствіе красоты и дороговизны матеріаловъ самый городъ получилъ названіе Цезареи. Подземные его каналы и ходы были не менѣе грандіозны, чѣмъ наружныя сооруженія. Нѣкоторыя изъ нихъ, отдѣленныя другъ отъ друга равными промежутками, тянулись вплоть до самаго моря. Всѣхъ ихъ перерѣзывалъ одинъ большой каналъ, куда стекались дождевая вода и нечистоты; а такъ какъ онъ выходилъ въ самое море, то волны морскія проникали сюда извнѣ и очищали такимъ образомъ весь городъ. Царь соорудилъ въ самомъ городѣ также и театръ, равно какъ амфитеатръ за городомъ, у южной оконечности гавани. Этотъ амфитеатръ могъ вмѣстить огромное количество народа и былъ помѣщенъ такъ удобно, что изъ него открывался видъ на море. Городъ принялъ такой видъ свой въ теченіе двѣнадцатилѣтняго періода, потому что царь не щадилъ въ этомъ случаѣ ни силъ, ни денегъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1. Окончивъ это дѣло, равно какъ успѣвъ отстроить и Себасту, Иродъ рѣшилъ послать сыновей своихъ, Александра и Аристовула, въ Римъ, чтобы они представились Цезарю. Когда они прибыли въ Римъ, то нашли пристанище въ домѣ особенно преданнаго друга Ирода, Полліона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Послѣдній принялъ юношей въ высшей степени любезно и предоставилъ Ироду право назначить одного изъ нихъ, по собственному желанію, своимъ наслѣдникомъ. При этомъ онъ отдалъ ему также области Трахона, Ватанеи и Авранитиды. Подарокъ этотъ былъ вызванъ слѣдующимъ поводомъ: нѣкій Зинодоръ арендовалъ у Лисанія его область, но такъ какъ онъ не удовлетворялся доходами съ нея, то увеличивалъ послѣдніе путемъ разбойничьихъ набѣговъ на Трахонъ. Въ этой мѣстности обитали вообще погибшіе люди, грабившіе владѣнія дамасцевъ. Между тѣмъ Зинодоръ нисколько не пре-

пятствовалъ этому, но напротивъ самъ имѣлъ долю въ добычѣ. Страдавшіе отъ этого пограничные жители обратились къ тогдашнему намѣстнику Варрону съ жалобою и просили написать Цезарю о безобразномъ поступкѣ Зинодора. Въ отвѣтъ на это Цезарь послалъ распоряженіе прекратить эти разбои, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о томъ, чтобы сосѣди болѣе не подвергались непріятностямъ со стороны жителей Трахона. Впрочемъ поимка разбойниковъ представлялась дѣломъ далеко не легкимъ, такъ какъ они привыкли къ грабежамъ, представлявшимъ для нихъ единственный источникъ доходовъ: у нихъ не было ни города, ни земельной собственности, и они укрывались въ подземныхъ пещерахъ, которыя служили имъ убѣжищемъ и гдѣ они жили со своимъ скотомъ. Такъ какъ они запаслись водою и пищею, то очевидно могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы въ ихъ пещеры были узки и въ нихъ приходилось входить гуськомъ, тогда какъ внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вмѣстить множество народу; при этомъ верхъ ихъ выступалъ немного наружу, будучи почти сравненъ съ поверхностью. Вся мѣстность представлялась скалистой и трудно проходимой, если не пользоваться указаніями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившіе здѣсь люди не могли совершать насилія надъ ближайшими сосѣдями, они грабили другъ друга, не останавливаясь ни предъ какими преступленіями. И вотъ, когда Иродъ отправился въ эту мѣстность, полученную имъ въ даръ отъ Цезаря, онъ при содѣйствіи проводниковъ прекратилъ всѣ прежнія безобразія и даровалъ окрестнымъ жителямъ спокойствіе и миръ.

2. Разсердившись сперва на отнятіе области, а еще болѣе возбужденный тѣмъ, что она досталась Ироду, Зинодоръ отправился въ Римъ, чтобы пожаловаться на Ирода. Но ему пришлось вернуться безуспѣшно. Тѣмъ временемъ въ мѣстности за Іоническимъ моремъ былъ въ качествѣ представителя Цезаря посланъ Агриппа. Когда послѣдній остановился для зимовья въ Митиленѣ, находившійся съ нимъ въ короткихъ пріятельскихъ отношеніяхъ Иродъ прибылъ также туда, а затѣмъ возвратился обратно въ Іудею. Тогда къ Агриппѣ явилось нѣсколько гадарцевъ съ обвиненіями противъ Ирода, но Агриппа даже не выслушалъ ихъ и отправилъ ихъ въ оковахъ обратно къ царю. Также и арабы, которые издавна были недовольны образомъ правленія Ирода, всполошились и пытались устроить повстаніе, притомъ, какъ кажется, по довольно вѣскимъ соображеніямъ. Дѣло въ томъ, что когда Зинодоръ увидѣлъ, что ему уже не на что болѣе разсчитывать, онъ поспѣшилъ отдать арабамъ за пятьдесятъ талантовъ

часть своихъ земель, а именно Авранитиду. Такъ какъ эта область входила въ составъ подаренныхъ Ироду Цезаремъ, то арабы усмотрѣли въ этомъ насиліе лично по отношенію къ себѣ, совершали поэтому частые набѣги, желая овладѣть страною насильно, или же прибѣгали къ жалобамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они склоняли на свою сторону также несостоятельныхъ солдатъ, вообще были очень враждебно настроены противъ Ирода и надѣялись всегда на какой нибудь переворотъ, на который обыкновенно разсчитываютъ всякіе неудачники. Давно видя это и не желая подавать повода къ открытымъ смутамъ, Иродъ не обращалъ вниманія на ихъ угрожающія выходки, а старался успокоить ихъ добрыми рѣчами.

3. По истеченіи семнадцатаго года царствованія Ирода въ Сирію прибылъ Цезарь. Тогда значительное количество жителей Гадары обратилось къ нему съ жалобою на Ирода, обвиняя его въ жестокости и тиранническомъ образѣ правленія. На этотъ шагъ они рѣшились главнымъ образомъ на настояніямъ и наущенію Зинодора, который при этомъ клятвенно увѣрялъ ихъ, что не преминетъ всяческимъ образомъ освободить ихъ изъ подъ власти Ирода и подчинить ихъ исключительно и непосредственно одному только Цезарю. Гадарцы дали себя убѣдить такими соображеніями и энергично принялись обвинять царя, причемъ большую смѣлость придавалъ имъ фактъ, что выданные Агриппой Ироду связанными жалобщики не подверглись никакому наказанію, ибо Иродъ отпустилъ ихъ, не причинивъ имъ ни малѣйшаго зла. Вообще насколько Иродъ былъ неумолимъ по отношенію къ своимъ собственнымъ подданнымъ, настолько же великодушно онъ прощалъ проступки чужеземцевъ. И вотъ когда гадарцы стали обвинять его въ насиліяхъ, грабежахъ и раззореніи храмовъ, Иродъ безстрашно сталъ готовиться къ защитѣ; однако Цезарь крѣпко пожалъ ему руку и нисколько не перемѣнилъ своего къ нему отношенія, несмотря на волненіе народной толпы. Разслѣдованіе этого дѣла продолжалось цѣлый день, а на слѣдующій оно стало совершенно лишнимъ, потому что гадарцы, видя расположеніе къ нему Цазаря и синедріона и предполагая, что и было естественно, что ихъ выдадутъ царю, боясь пытокъ, рѣшили ночью покончить съ собою; при этомъ одни изъ нихъ зарѣзались, другіе низверглись со скалъ, третьи искали добровольной смерти въ волнахъ рѣки. Итакъ они сами осудили себя за свое легкомысліе и за свою виновность, вслѣдствіе чего Цезарь немедленно оправдалъ Ирода. Къ этой удачѣ царя присоединилась другая, довольно крупная, а именно Зинодоръ повредилъ себѣ кишку, такъ что, обезсилѣвъ отъ большой потери крови, умеръ въ сирійской Антіохіи. Тогда Цезарь отдалъ Ироду также довольно значи-

тельную область Зинодора, а именно всю мѣстность Улаѳу и Паніады съ окрестностями, лежавшими между Трахономъ и Галилеею. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ познакомилъ его также съ сирійскими намѣстниками, причемъ приказалъ имъ предпринимать все только съ одобренія Ирода. Вообще царь имѣлъ во всемъ большую удачу, а именно, два правителя огромнаго римскаго государства, Цезарь и Агриппа, относились къ нему съ такимъ расположеніемъ: Цезарь послѣ Агриппы любилъ больше всего Ирода, Агриппа же отводилъ Ироду въ своемъ сердцѣ второе мѣсто послѣ Цезаря. Пользуясь такимъ большимъ вліяніемъ, Иродъ выпросилъ у Цезаря для брата своего Фероры тетрархію, причемъ удѣлилъ брату изъ своей собственной казны капиталъ въ сто талантовъ, чтобы, въ случаѣ несчастія, онъ былъ бы лично гарантированъ и не очутился въ зависимости отъ сыновей его (Ирода). Проводивъ затѣмъ Цезаря до моря, Иродъ на возвратномъ пути воздвигъ въ честь его въ бывшей области Зинодора, вблизи мѣста, называющагося Паніемъ, великолѣпнѣйшій храмъ изъ бѣлаго мрамора. Здѣсь въ горѣ находится очень красивая пещера, подъ которою земля образуетъ глубокую бездонную, наполненную стоячею водою бездну, а сверху возвышается огромнѣйшая гора. У подошвы ея, вблизи пещеры, находятся истоки рѣки Іордана. Это чудное мѣсто Иродъ украсилъ храмомъ, посвященнымъ Цезарю.

4. Въ это же время онъ освободилъ подданныхъ своихъ отъ взноса третьей части податей, подъ предлогомъ, чтобы люди оправились отъ неурожая, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлью вернуть себѣ утраченное расположеніе согражданъ. Дѣло въ томъ, что послѣдніе были недовольны всѣми этими новыми сооруженіями, въ которыхъ усматривали залогъ гибели прежняго благочестія и паденіе нравовъ, причемъ на это постоянно глухо раздавался ропотъ недовольнаго народа. Впрочемъ Иродъ зорко слѣдилъ за всѣмъ этимъ, лишая подданныхъ удобнаго случая для выраженія неудовольствія и постоянно принуждая ихъ къ работамъ. Сходки были запрещены гражданамъ, равно какъ совмѣстныя прогулки и собранія, причемъ вездѣ былъ установленъ строжайшій надзоръ. Ослушниковъ постигали жестокія наказанія. Много людей открыто и тайно были уводимы въ крѣпость Гирканію и тамъ предаваемы казни. Какъ въ городѣ, такъ и по большимъ дорогамъ имѣлись смотрѣвшіе за этимъ шпіоны. Разсказываютъ, что самъ Иродъ не брезгалъ этимъ средствомъ, но часто, облекшись въ одежду простолюдина, ночью смѣшивался съ толпою простонародья, чтобы узнать настроеніе его относительно правительства. Тѣхъ, кто всячески и рѣшительно противились нововведеніямъ, онъ преслѣдовалъ многоразличнымъ образомъ, прочій же народъ онъ принуждалъ присягать на соблюденіе ему вѣрности и повиновенія всѣмъ правительственнымъ предначертаніямъ. Большинство уступало этимъ требованіямъ отчасти изъ расположенія, отчасти изъ страха, всѣхъ же недовольныхъ и озлобленныхъ этими насиліями онъ всяческимъ образомъ губилъ. При этомъ Иродъ потребовалъ присяги на вѣрность также отъ учениковъ фарисея Полліона и отъ Самеи, равно какъ отъ большинства ихъ приверженцевъ; но послѣдніе отказались отъ этого и, несмотря на такой отказъ, всетаки не подверглись карѣ, благодаря заступничеству Полліона. Равнымъ образомъ были освобождены отъ этой принудительной мѣры такъ называемые эссеи. Это секта, образъ жизни которой устроенъ по образцу школы греческаго мудреца Пиѳагора. Впрочемъ, о нихъ я въ другомъ мѣстѣ скажу подробнѣе [1]. Здѣсь слѣдуетъ указать, почему царь такъ глубоко чтилъ эссеевъ и считалъ ихъ выше прочихъ людей, тѣмъ болѣе, что такимъ путемъ выяснится и взглядъ общества на эту секту.

5. Былъ нѣкій эссеянинъ по имени Манаимъ (Менахемъ), который вообще, особенно же вслѣдствіе своего праведнаго образа жизни, пользовался общимъ уваженіемъ, тѣмъ болѣе, что Господь Богъ открылъ ему знаніе будущаго. Этотъ человѣкъ взглянулъ однажды на маленькаго Ирода, когда тотъ шелъ въ школу, и предсказалъ ему, что онъ будетъ царемъ іудейскимъ. На это Иродъ, полагавшій, что тотъ его не знаетъ или шутитъ съ нимъ, отвѣтилъ, что онъ вѣдь принадлежитъ къ простому классу. Манаимъ однако улыбнулся, ударилъ его рукою по спинѣ и сказалъ: «И тѣмъ не менѣе ты будешь царствовать и притомъ счастливо, ибо Предвѣчный такъ рѣшилъ. Помни также объ ударахъ Манаима и пусть они будутъ тебѣ символомъ перемѣнчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если бы ты всегда любилъ справедливость и благочестіе, равно какъ всегда былъ бы мягокъ съ своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковымъ. Правда, ты будешь счастливъ, какъ никто другой, и уготовишь себѣ вѣчную славу, но вмѣстѣ съ тѣмъ ты забудешь также о благочестіи и справедливости. Все это извѣстно Предвѣчному и въ концѣ своей жизни ты вспомнишь объ Его гнѣвѣ на тебя».

На эти слова Иродъ тогда не обратилъ вниманія, потому что не могъ разсчитывать на ихъ осуществленіе. Впослѣдствіи однако онъ возвысился, достигъ царской власти и высшаго счастія. Тогда онъ во всемъ величіи своей власти послалъ за Манаимомъ и сталъ разспрашивать его, сколько времени онъ будетъ править. Манаимъ воздержался отъ точнаго отвѣта.

[1] См. ниже, XVIII, 1, 2 и слѣд., а также выше стр. 26. прим.

Тогда, въ виду его молчанія, Иродъ спросилъ его, будетъ ли его царствованіе продолжаться десять лѣтъ, на что Манаимъ отвѣчалъ, что и двадцать и тридцать; но при этомъ онъ воздержался отъ точнаго опредѣленія этого срока. Иродъ удовлетворился и этимъ, обласкалъ старика и отпустилъ его и съ тѣхъ поръ въ честь его относился всегда съ уваженіемъ къ эссеямъ. Несмотря на всю странность этого факта, мы всетаки сочли необходимымъ удѣлить ему здѣсь мѣсто и сообщить нашимъ читателямъ все о немъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ эссеевъ высоко чтимы (у насъ) за свой праведный образъ жизни и за знаніе всего божественнаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Послѣ столькихъ прекрасныхъ сооруженій Иродъ приступилъ при началѣ восемнадцатаго [1] года своего царствованія къ невиданному дотолѣ дѣлу, а именно къ перестройкѣ храма Господня. Онъ желалъ расширить его объемы и увеличить его высоту, считая, что тѣмъ онъ окончитъ самое замѣчательное изъ всѣхъ своихъ сооруженій. Такъ оно и было въ дѣйствительности и этимъ Иродъ снискалъ себѣ вѣчную славу. Но такъ какъ онъ зналъ, что народъ нерасположенъ къ нему, и отлично понималъ трудности такого сооруженія, онъ счелъ за лучшее, раньше чѣмъ приступить къ дѣлу, убѣдить народъ рѣчью въ цѣлесообразности такого начинанія. Поэтому онъ собралъ народъ и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Сограждане! Говорить о всемъ, что сдѣлано мною во время моего царствованія, я теперь считаю излишнимъ; впрочемъ все это я сдѣлалъ не столько для своей собственной славы, сколько въ видахъ вашей же личной безопасности. И вотъ, послѣ того какъ я не забывалъ о васъ въ многоразличныхъ и крайнихъ бѣдствіяхъ и при сооруженіи разныхъ построекъ думалъ менѣе о себѣ, чѣмъ о вашемъ благѣ, я полагаю, что мнѣ съ помощью и по желанію Предвѣчнаго удалось довести васъ до такого цвѣтущаго благосостоянія, котораго раньше не достигалъ народъ іудейскій.

Поэтому мнѣ кажется теперь лишнимъ говорить здѣсь вамъ, которые вы это сами прекрасно знаете, о томъ, что я сдѣлалъ для страны, сколько городовъ мы воздвигли въ странѣ и вновь присоединенныхъ къ ней владѣніяхъ, чѣмъ отличнѣйшимъ образомъ мы сами возвысились; здѣсь я хочу

[1] Срв. Іуд. войну, I, 21, 1 (гдѣ названъ 15-ый годъ). Впрочемъ, Древн. XXVIII, 9, 7 также цитируютъ восемнадцатый годъ.

указать лишь на то, сколько подниметъ наше благочестіе и прославитъ насъ то сооруженіе, приступить къ которому я теперь имѣю въ виду. Этотъ храмъ построили въ честь Всесильнаго Бога наши отцы по возвращеніи изъ Вавилона; но ему недостаетъ цѣлыхъ шестидесяти локтей въ вышину, чтобы сравняться съ древнимъ Соломоновымъ храмомъ. Но пусть никто не вздумаетъ при этомъ случаѣ обвинять предковъ нашихъ въ недостаткѣ благочестія. Они сами имѣли въ виду соорудить его въ должныхъ размѣрахъ, но мѣры были тутъ предписаны имъ Киромъ и Даріемъ Гистаспомъ, которымъ и потомкамъ которыхъ были подвластны наши предки, равно какъ впослѣдствіи они были подчинены македонянамъ. Поэтому они не имѣли возможности построить храмъ такой высоты, какой бы требовали его прототипъ и ихъ собственное благочестіе. А такъ какъ я теперь, по милости Божіей, правлю (самостоятельно), наслаждаюсь полнымъ миромъ, у меня много денегъ и большіе доходы, а главнымъ образомъ такъ какъ къ намъ расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, какъ говорится, міра, то я попытаюсь исправить ошибку прежнихъ временъ, объясняющуюся стѣсненнымъ положеніемъ зависимыхъ людей, и воздамъ Предвѣчному дань благочестія за всѣ тѣ благодѣянія, которыми Онъ осыпалъ меня во время этого моего царствованія».

2. Такъ говорилъ Иродъ и его неожиданная рѣчь поразила большинство присутствовавшихъ. Отсутствіе твердой увѣренности не придавало имъ бодрости и они безпокоились, что царь уничтожитъ все (старое) зданіе храма раньше, чѣмъ сможетъ довести до конца свое предпріятіе. Эта опасность казалась имъ тѣмъ болѣе серьезной, чѣмъ серьезнѣе представлялись имъ размѣры новаго сооруженія. Видя ихъ въ такомъ настроеніи, царь сталъ ихъ успокоивать, говоря, что не раньше снесетъ храмъ, чѣмъ когда у него будетъ все готово для сооруженія (новаго святилища). Въ этомъ онъ, дѣйствительно, и не обманулъ ихъ: приготовивъ тысячу телѣгъ для перевозки камней, выбравъ десять тысячъ наиболѣе опытныхъ работниковъ, купивъ для тысячи священниковъ облаченія и позаботившись обучить однихъ изъ этихъ священнослужителей плотничьему, другихъ же строительному искусству, [1] онъ при такой подготовкѣ приступилъ къ самому сооруженію новаго храма.

3. Срывъ древніе фундаменты и возведя вмѣсто нихъ новые, онъ воздвигъ на нихъ храмъ, длиною въ сто локтей, шириною въ сто, вышиною

[1] Эти священнослужители должны были строить тѣ части храма, куда былъ запрещенъ входъ мірянамъ.

же въ сто двадцать локтей, изъ которыхъ послѣдніе двадцать съ теченіемъ времени ушли въ землю, когда фундаментъ опустился. [1] Впрочемъ возвести эти добавочные двадцать локтей мы собрались во времена Нерона. Храмъ былъ сооруженъ изъ прочныхъ бѣлыхъ камней, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ длину двадцать пять, въ вышину восемь, а въ ширину около двѣнадцати локтей. Все зданіе, подобно царскому чертогу, понижалось къ краямъ, тогда какъ высшею частью являлась средина, такъ что ее можно было видѣть издалека на разстояніи многихъ стадій; особенно же хорошо видно было это тѣмъ, кто жилъ какъ разъ напротивъ зданія или подходилъ къ нему. Входныя двери и ихъ карнизы были, на подобіе входа въ самый храмъ, украшены пестрыми занавѣсами, на которыхъ были вышиты узорами цвѣты и которые свѣшивались съ столбовъ. Сверху надъ входомъ съ фриза свѣшивалась золотая виноградная лоза, кисти которой спадали внизъ. Зрители поражались въ одинаковой мѣрѣ какъ величиною, такъ и искусствомъ этого украшенія, равно какъ цѣнностью употребленнаго на него матеріала. Царь окружилъ зданіе храма рядами покоевъ, которые всѣ находились по величинѣ своей въ соотвѣтствіи съ зданіемъ храма. При этомъ онъ потратилъ на нихъ такое множество денегъ, что казалось, никто раньше его не могъ такъ украсить храмъ. Эти зданія покоились на огромной стѣнѣ, въ свою очередь представлявшей одно изъ замѣчательнѣйшихъ человѣческихъ сооруженій. Гора (на которой стоялъ храмъ) представляла значительный каменистый холмъ, постепенно повышавшійся къ восточной сторонѣ города и заканчивавшійся тамъ крутою вершиною. По повелѣнію Предвѣчнаго первый нашъ царь Соломонъ [2] вершину этого холма отдѣлилъ и обстроилъ крупными сооруженіями, равно какъ воздвигъ стѣну и снизу у подошвы холма, тамъ гдѣ открывается глубокое ущелье. Тутъ онъ постепенно охватилъ края холма большими. соединенными свинцовыми скрѣпами, глыбами камня, такъ что въ концѣ концовъ получилась четвероугольная терасса, удивительная какъ по своему объему, такъ и по высотѣ,

[1] Здѣсь текстъ представляетъ пропускъ, возстановляемый мною по латинскому переводу (Naber III, p. XLVII) на основаніи Bell. jud. V, 5, 4 Antiquit. XX.

[2] Конечно, Соломонъ вовсе не былъ *первымъ* царемъ іудейскимъ. Его здѣсь и въ другихъ мѣстахъ (напр. кн. XX, гл. 8) Флавій называетъ такъ, потому что желаетъ характеризовать Соломона, какъ перваго дѣйствительно блестящаго и могущественнаго государя евреевъ.

на которой она находится. Огромныя глыбы показывали снаружи всю свою величину, тогда какъ внутри онѣ были связаны между собою прочными желѣзными скрѣпленіями, дѣлавшими ихъ устойчивыми на вѣки. Когда это сооруженіе было доведено такимъ образомъ до вершины холма, царь велѣлъ сравнять верхъ тѣмъ, что засыпалъ промежутокъ между скалою и стѣною и устроилъ такимъ образомъ совершенно гладкое и ровное мѣсто безъ выступовъ. Вся окружность этой площади обнимала въ совокупности четыре стадіи, причемъ каждая сторона ея имѣла одну стадію въ длину. Внутри, вокругъ всей вершины горы тянулась еще стѣна, къ которой съ востока примыкала двойная галлерея одинаковой съ стѣною длины и лежала какъ разъ противъ находившагося въ центрѣ площадки входа въ зданіе храма. Эту галлерею украсили многіе изъ прежнихъ царей. Вокругъ всего зданія храма тянулись прибитые къ стѣнамъ доспѣхи варваровъ и къ этимъ трофеямъ, которые Иродъ опять помѣстилъ теперь на ихъ прежнемъ мѣстѣ, онъ присоединилъ еще доспѣхи, отнятые имъ у арабовъ.

4. Съ сѣверной стороны этого сооруженія была построена прямоугольная сильная крѣпость, славившаяся своею неприступностью. Ее воздвигли еще предшественники Ирода, цари и первосвященники изъ дома асмонейскаго, и назвали ее Варисъ. Здѣсь сохранялось у нихъ священное облаченіе, которое надѣвалъ на себя только первосвященникъ въ случаѣ необходимости принести жертву. Также и Иродъ сохранялъ здѣсь это облаченіе; послѣ его смерти оно попало въ руки римлянъ, у которыхъ и оставалось вплоть до временъ императора Тиверія. При послѣднемъ сирійскій намѣстникъ Вителлій, прибывъ въ Іерусалимъ и удостоившись отъ жителей весьма блестящаго пріема, желалъ имъ выказать свою за это благодарность и, такъ какъ они просили вернуть имъ это священное облаченіе, написалъ о томъ императору Тиверію. Тиверій согласился вернуть священное одѣяніе іудеямъ, и такимъ образомъ оно оставалось у нихъ до смерти царя Агриппы. Послѣ него тогдашній намѣстникъ сирійскій Кассій Лонгинъ и намѣстникъ Іудеи Кусній Фадъ приказали іудеямъ, положить это облаченіе въ крѣпость Антонію, ибо римляне одни должны были быть хозяевами, какъ они были таковыми и раньше. Тогда іудеи послали пословъ къ императору Клавдію съ соотвѣтственными представленіями. Когда послы эти прибыли въ Римъ, находившійся тамъ какъ разъ царь Агриппа младшій обратился по этому поводу съ просьбою къ императору и получилъ разрѣшеніе вернуть іудеямъ облаченіе, причемъ соотвѣтственное распоряженіе было послано верховному сирійскому намѣ-

стнику Вителлію. Прежде первосвященническое облаченіе было обыкновенно запечатано печатями самого первосвященника и казначеевъ, такъ что за день до наступленія праздника казначеи являлись къ начальнику римскаго гарнизона и по поверкѣ печатей получали отъ него облаченіе. Затѣмъ, по минованіи праздника, они относили его обратно на прежнее мѣсто, показывали начальнику крѣпости и осматривали и удостовѣряли печати.—Все это я упомянулъ здѣсь вслѣдствіе многоразличныхъ горестныхъ событій, имѣвшихъ совершиться въ будущемъ.

Въ то время іудейскій царь Иродъ еще болѣе укрѣпилъ эту цитадель въ цѣляхъ усиленія и огражденія храма и назвалъ ее, Антоніею въ честь своего друга, бывшаго римскаго военачальника Антонія.

5. Въ западной стѣнѣ, окружавшей всѣ храмовыя постройки, было 4 воротъ. Одни изъ нихъ вели къ царскому дворцу, причемъ необходимо было пересѣчь лежавшую по пути котловину, двое вели къ предмѣстью города, а четвертыя ворота обращены были къ самому городу. При этомъ спускъ въ ложбину и выходъ изъ нея совершался по ряду спеціально устроенныхъ для того ступеней. Городъ лежалъ какъ разъ напротивъ святилища, образуя амфитеатръ, за которымъ съ южной стороны тянулось глубокое ущелье.

Фасадъ святилища также имѣлъ съ южной стороны въ серединѣ входы и вмѣстѣ съ тѣмъ тройную царскую галлерею, тянувшуюся отъ восточнаго до западнаго склона въ долину; провести ее дальше оказалось невозможнымъ. Это было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ сооруженій въ мірѣ. Дѣло въ томъ, что долина была такъ глубока, что голова кружилась, если смотрѣть въ нее сверху; а тутъ была построена еще огромная галлерея, такъ что у каждаго кружилась голова еще раньше, чѣмъ взоръ достигалъ дна долины, потому что здѣсь присоединялась глубина послѣдней къ высотѣ галлереи. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ одного конца галлереи до другого были воздвигнуты четыре параллельныхъ ряда колоннъ; изъ нихъ послѣдній, четвертый рядъ входилъ въ самую стѣну зданія. Толщина каждой колонны была такъ значительна, что для обхвата ея требовалось три человѣка; высота каждой достигала двадцати семи футовъ, причемъ подножіе ея составляло двойную базу. Всѣхъ колоннъ было сто шестьдесятъ двѣ; капители ихъ были снабжены коринѳскими украшеніями и поражали тонкостью своей работы. Такъ какъ колонны тянулись четырьмя рядами, то получались три (крытыхъ) галлереи. Изъ нихъ двѣ были совершенно одинаковы, а именно имѣли по тридцати футовъ въ ширину, по стадіи въ длину и болѣе чѣмъ по пятидесяти футовъ въ вы-

шину. Ширина же средней галлереи была въ полтора, а высота въ два раза больше крайнихъ галлерей, такъ что она значительно возвышалась надъ послѣдними. Крыши этихъ зданій были украшены рельефными рѣзными деревянными изображеніями. Крыша средней галлереи была выше прочихъ и кругомъ вдоль стѣны были поставлены небольшія колонки, дѣлившія все пространство на отдѣльныя поля. Все это было такъ гладко отполировано, что иной, кто не видалъ этого, пожалуй, и не повѣритъ, и что никто не могъ взирать на это безъ величайшаго изумленія.

Такова была внѣшняя ограда храма. Внутри, въ небольшомъ отъ нея разстояніи, была другая, снабженная нѣсколькими ступенями. Она образовалась изъ каменной стѣны, на которой находилась надпись, подъ страхомъ смертной казни запрещавшая иностранцамъ доступъ сюда [1]. Эта внутренняя ограда имѣла на южной и сѣверной сторонѣ по три входа, отстоявшихъ другъ отъ друга на равномъ разстояніи, съ восточной же стороны однѣ большія ворота, чрезъ которыя входимъ мы съ женами своими въ состояніи ритуальной чистоты. За этою оградою находилось недоступное женщинамъ святилище, а дальше третье отдѣленіе, доступъ куда былъ открытъ однимъ только священнослужителямъ. Тутъ находился самый храмъ, а передъ нимъ возвышался алтарь, на которомъ мы приносимъ Господу Богу жертвы всесожженія. Ни въ одно изъ этихъ трехъ отдѣленій царь Иродъ не вступалъ (ему это было запрещено какъ несвященнослужителю); онъ лично участвовалъ лишь въ возведеніи галлерей и внѣшнихъ стѣнъ, которыя и были воздвигнуты имъ въ теченіе восьми лѣтъ.

6. Самый храмъ былъ отстроенъ священнослужителями за одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ. Весь народъ преисполнился радости и возблагодарилъ Господа Бога во-первыхъ за быстрое окончаніе работы, а затѣмъ и за ревность царя. При этомъ они устроили радостный праздникъ въ честь освященія храма. Царь принесъ въ жертву Предвѣчному триста воловъ; остальные жертвовали каждый сообразно своимъ средствамъ; впрочемъ, невозможно установить совершенно точное число принесенныхъ тогда въ жертву животныхъ. При этомъ день освященія храма совпалъ съ днемъ восшествія царя на престолъ (а этотъ день уже всегда праздновался) и поэтому теперь празднество отличалось особеннымъ блескомъ.

[1] Вотъ этотъ текстъ, найденный недавно: Μηδένα ἀλλογενῆ εἰσπορεύεσθαι ἐντὸς περὶ τὸ ἱερὸν τρυφάκτου καὶ περιβόλου. ὃς δ᾽ἂν λήφθῃ ἑαυτῷ αἴτιος ἔσται διὰ τὸ ἐξακολουθεῖν θάνατον. „Ни одинъ иноземецъ не смѣетъ войти за рѣшетку и ограду святилища. Кто будетъ схваченъ, тотъ самъ станетъ виновникомъ собственной смерти“. Срв. Nowack, l. c. II, p. 77.

7. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ сооруженъ для царя также подземный ходъ, ведшій изъ цитадели Антоніи до самаго храма, вплоть до восточнаго входа. Тутъ Иродъ воздвигъ для себя башню, куда онъ могъ проникнуть подземнымъ ходомъ, если бы пришлось опасаться народныхъ волненій. Существуетъ преданіе, что во все время производства работъ по постройкѣ храма днемъ ни разу не было дождя, который шелъ исключительно ночью чтобы не препятствовать правильному ходу работъ. Это преданіе сохранилось у насъ отъ предковъ. Оно вполнѣ правдоподобно, потому что вѣдь и въ другихъ случаяхъ виденъ былъ перстъ Божій.

Такимъ-то образомъ закончилась постройка храма [1].

---

[1] Вопросъ о храмѣ Ирода породилъ огромную литературу, указанія на которую имѣются у Nowack'a, l. c. II, p. 74, 75.—Главными древними источниками служатъ, кромѣ данной главы Іосифа Флавія, гдѣ находимъ преимущественно описаніе перваго наружнаго двора храма, еще данныя въ его Іудейской войнѣ (V, 5) и главнымъ образомъ трактатъ Мишны, Миддотъ. Сообщенія талмудическаго трактата крайне цѣнны не только какъ дополненіе къ даннымъ Флавія, но и потому, что еще разъ подтверждаютъ значительную точность указаній послѣдняго.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

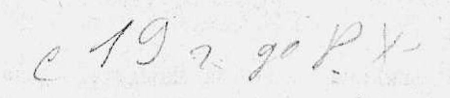
чинщиковъ бунта и какъ онъ, по полученіи отказа, устроилъ походъ туда при Сатурнинѣ.

18. О томъ, какъ арабскій князь Силлей пожаловался императору на это вторженіе Ирода и какъ послѣдній чрезъ Николая смягчилъ гнѣвъ императора.

19. О навѣтахъ Еврикла Ироду на обоихъ сыновей его и о томъ, какъ царь велѣлъ посадить ихъ въ тюрьму и написалъ о нихъ императору.

20. О томъ, какъ уполномоченный на то императоромъ Иродъ обвинилъ сыновей своихъ въ Беритѣ предъ синедріономъ, какъ обвиненные были казнены и какъ ихъ похоронили въ Александреумѣ.

Книга обнимаетъ періодъ въ двѣнадцать лѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Ревностно заботясь при устройствѣ всего общественнаго строя объ искорененіи всяческаго зла какъ изъ предѣловъ самаго города, такъ и вообще изъ страны, царь личною властью издалъ законъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ прежнимъ установленіямъ и который требовалъ продажи воровъ въ рабство внѣ предѣловъ царства. Это постановленіе было не только слишкомъ сурово за подобныя провинности, но и шло въ разрѣзъ съ основными іудейскими законами: быть рабомъ у иноземцевъ, ведшихъ различный съ іудеями образъ жизни, и быть вынужденнымъ исполнять всѣ требованія иноземцевъ, само по себѣ представляло уже нарушеніе благочестія, а вовсе не наказаніе виновныхъ, относительно которыхъ древнее законодательство сохранило извѣстное постановленіе, гласившее: воръ долженъ былъ вчетверо возмѣстить убытокъ, а въ случаѣ невозможности быть проданнымъ въ рабство, впрочемъ никакъ не къ иноземцамъ и отнюдь не навсегда; онъ обязательно получалъ обратно свою свободу по истеченіи шестилѣтняго срока. [1] И вотъ когда вышло это (царское) постановленіе, опредѣлявшее столь суровое и незаконное наказаніе, въ этомъ была усмотрѣна извѣстная доля заносчивости царя, который издалъ свое постановленіе не какъ царь, а какъ тиранъ въ насмѣшку надъ подданными; а такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствовало вообще характеру всѣхъ прочихъ его постановленій, то оно послужило поводомъ къ упрекамъ и недовольству по адресу его.

2. Около этого же времени царь предпринялъ поѣздку въ Италію, чтобы повидаться съ Цезаремъ, а также съ своими сыновьями, жившими въ Римѣ. Цезарь принялъ его во всѣхъ отношеніяхъ любезно и разрѣшилъ ему отвезти обратно на родину сыновей, которые уже успѣли закончить свое образованіе. Когда Иродъ вернулся съ ними изъ Италіи, простонародье восторженно отнеслось къ юношамъ, снискавшимъ себѣ всеобщее благоволеніе какъ дарами счастія, которыми ихъ надѣлила судьба, такъ и своею царственною внѣшностью и осанкою. Но за то они тотчасъ же навлекли на себя и недоброжелательство со стороны Саломіи, сестры царя,

---

[1] Срв. кн. Исх. гл. 21, 2: „если купишь раба еврея, пусть онъ работаетъ (тебѣ) шесть лѣтъ; а въ седьмой пусть выйдетъ на волю даромъ“.

и тѣхъ, что своими навѣтами загубили Маріамну. Дѣло въ томъ, что послѣдніе уже теперь боялись, что когда юноши сами вступятъ на престолъ имъ придется поплатиться за незаконные свои поступки по отношеніи къ ихъ матери. Это опасеніе опять побуждало (придворныхъ) къ клеветническимъ навѣтамъ на юношей, причемъ выставлялось на видъ, что тѣ вовсе не находятъ удовольствія въ обществѣ отца своего, такъ какъ считаютъ безнравственнымъ жить вмѣстѣ съ тѣмъ, кто являлся убійцею ихъ матери. Такъ какъ подобные навѣты походили на истину, основываясь на убѣдительномъ фактѣ, то врагамъ удалось преуспѣть въ своихъ козняхъ и лишить юношей расположенія, которое питалъ къ нимъ отецъ ихъ. Конечно, недоброжелатели ничего этого не высказывали царю прямо, но распространяли такіе слухи въ народѣ; когда же объ этомъ было донесено Ироду, въ немъ понемногу стала развиваться та ненависть (къ сыновьямъ), подавить которую онъ съ теченіемъ времени уже по самой природѣ своей не былъ въ состояніи. Впрочемъ, пока у царя чувство родительской любви было еще сильнѣе всякой подозрительности и клеветы, и потому онъ заботился, чтобы его сыновьямъ оказывались всевозможныя почести; когда же они достигли соотвѣтственнаго возраста, онъ женилъ ихъ, а именно Аристовулу далъ въ жены Беренику, дочь Саломіи, а Александру—Глафиру, дочь каппадокійскаго царя Архелая.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Устроивъ это и узнавъ, что Маркъ Агриппа вновь прибылъ изъ Италіи въ Азію, Иродъ тотчасъ поѣхалъ къ нему и просилъ его пріѣхать въ іудейское царство, чтобы найти тамъ гостепріимство преданнаго ему друга. Тотъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ царя и пріѣхалъ въ Іудею Иродъ принялъ его съ возможною любезностью во вновь отстроенныхъ городахъ своихъ, гдѣ показывалъ ему всѣ замѣчательныя сооруженія, а затѣмъ доставлялъ ему и друзьямъ его всевозможныя развлеченія и удовольствія, не щадя на это никакихъ средствъ. Такъ онъ показалъ ему Себасту и вновь отстроенную приморскую Цезарею, равно какъ и сооруженныя съ такими крупными издержками крѣпости Александреумъ, Иродіаду и Гирканію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повезъ его также въ Іерусалимъ, гдѣ народъ встрѣтилъ Агриппу въ праздничныхъ одѣяніяхъ и съ кликами восторга. Агриппа въ свою очередь принесъ Всевышнему въ жертву гекатомбу и устроилъ народу угощеніе, причемъ не давалъ никому перещеголять себя въ щедрости. Несмотря на то, что онъ охотно остался

бы здѣсь еще нѣсколько дней, Агриппа однако былъ стѣсненъ временемъ: будучи принужденъ вернуться вновь въ Іонію, онъ въ виду приближенія зимы не считалъ безопаснымъ отлагать свое плаваніе.

2. Итакъ Агриппа отплылъ назадъ, богато одаренный Иродомъ, который почтилъ подарками также наиболѣе выдающихся лицъ его свиты.

Царь провелъ зиму у себя дома, а съ наступленіемъ весны направился опять къ Агриппѣ, который, какъ онъ зналъ, имѣлъ въ виду предпринять походъ на Босфоръ. Такимъ образомъ онъ проплылъ мимо острововъ Родоса и Коса, разсчитывая у Лесбоса встрѣтиться съ Агриппою. Но тутъ застигъ его сѣверный вѣтеръ, который не далъ кораблямъ возможности войти въ гавань. Простоявъ поэтому нѣсколько дней у Хіоса, онъ принялъ тутъ множество просителей и отпустилъ ихъ, одаривъ поцарски; когда же онъ увидѣлъ городскіе портики, разрушенные во время войны съ Митридатомъ и не легко возстановимые, какъ другія зданія, вслѣдствіе своей величины и красоты, Иродъ отпустилъ (гражданамъ) столько денегъ, сколько было нужно для возстановленія этого сооруженія, и даже больше, и приказалъ не мѣшкать, а поскорѣе приняться за постройку, чтобы вернуть городу его прежнее украшеніе.

Когда наконецъ вѣтеръ улегся, царь поѣхалъ въ Митилену, а оттуда въ Византію; узнавъ же, что Агриппа успѣлъ уже миновать Кіанейскія скалы [1], онъ поспѣшилъ нагнать его. Около Синопа на Черномъ морѣ Агриппа неожиданно увидалъ флотилію Ирода, и это доставило ему удовольствіе. Свиданіе было очень радостно, такъ какъ Агриппа увидѣлъ доказательство величайшей преданности и любви къ нему Ирода, который пустился въ столь продолжительное плаваніе и не желалъ покидать его въ нужную минуту, причемъ бросилъ свою страну и поставилъ на второмъ планѣ управленіе своими собственными дѣлами. Во время этого похода Иродъ былъ неотлучно съ нимъ, являясь его союзникомъ въ бояхъ, совѣтникомъ въ серьезныя минуты и пріятнымъ товарищемъ въ удовольствіяхъ; всегда и вездѣ былъ онъ съ нимъ, дѣля съ нимъ всѣ тягости вслѣдствіе своего къ нему расположенія и радости, чтобы почтить его.

Когда окончилось у нихъ то дѣло на Понтѣ, ради котораго Агриппа былъ посланъ туда, они рѣшили возвратиться назадъ уже не моремъ, но проѣхать чрезъ Пафлагонію и Каппадокію. Переѣзжавъ затѣмъ Великую

[1] Такъ назывались два островка, лежащіе при впаденіи Босфора въ Черное море. Они извѣстны по миѳу объ аргонавтахъ. На большемъ изъ этихъ острововъ воздымается такъ назыв. колонна Помпея. Срав. Boettger, l. c. p. 96 и 97.

Фригію, они прибыли въ Ефесъ, а оттуда моремъ переправились на Самосъ. Тутъ въ каждомъ городѣ царь оказывалъ великія милости всѣмъ обращавшимся къ нему за помощью. Онъ никогда не останавливался въ раздачѣ денегъ или въ оказаніи любезности, беря всѣ издержки на свой счетъ. Онъ являлся также у Агриппы заступникомъ за тѣхъ, которые имѣли къ нему какія либо просьбы, и достигалъ того, что никто изъ просителей не уходилъ недовольнымъ. Такъ какъ самъ Агриппа былъ человѣкомъ хорошимъ, великодушнымъ и готовымъ быть всякому по мѣрѣ силъ своихъ полезнымъ, лишь бы не обижать никого, то заступничество царя находило себѣ здѣсь широкое поле примѣненія, побуждая и безъ того тароватаго Агриппу къ оказанію всевозможныхъ благодѣяній. Такъ, напр., царь примирилъ его съ иліонцами, на которыхъ тотъ гнѣвался, заплатилъ за хіоссцевъ сумму, которую они должны были императорскимъ намѣстникамъ, освободилъ ихъ отъ ввозныхъ пошлинъ и вообще поддерживалъ всѣхъ по мѣрѣ силъ, въ ихъ нуждахъ.

3. Когда они такимъ образомъ прибыли въ Іонію, къ нимъ явилась огромная толпа жившихъ въ (іонійскихъ) городахъ іудеевъ, которые воспользовались представившимся удобнымъ случаемъ, чтобы пожаловаться на тѣ притѣсненія, которымъ ихъ подвергаютъ, а именно, что имъ мѣшаютъ жить сообразно ихъ обычаямъ, что ихъ нарочно заставляютъ являться въ судъ въ дни священныхъ праздниковъ, что у нихъ отнимаютъ предназначенныя для Іерусалима деньги, что ихъ заставляютъ нести военную службу и заниматься общественными работами, причемъ принуждаютъ тратить на это священныя деньги, тогда какъ отъ всего этого они навсегда освобождены римлянами, предоставившими имъ право жить по собственнымъ ихъ законамъ. И вотъ, когда они такъ кричали, царь просилъ Агриппу выслушать ихъ жалобу и приказалъ одному изъ своихъ друзей, нѣкоему Николаю, выступить въ качествѣ ихъ заступника и представителя. Агриппа собралъ римскихъ должностныхъ лицъ и присутствовавшихъ тамъ царей и властителей, а Николай выступилъ впередъ и началъ за іудеевъ (слѣдующую) рѣчь:

4. «Всесильный Агриппа! Всѣ тѣ, которые находятся въ стѣсненномъ положеніи, должны обращаться за помощью къ лицамъ, могущимъ поддержать ихъ. Особенное право на это имѣютъ здѣсь предстоящіе нынѣ. Получая отъ васъ прежде неоднократно тѣ милости, которыя служили къ ихъ благополучію, они теперь просятъ, чтобы вы, даровавшіе имъ эти милости, теперь не лишали ихъ таковыхъ.

Вѣдь они получили свои привиллегіи отъ тѣхъ, у которыхъ исключительно и есть на то возможность и власть, а теперь у нихъ отнимаютъ эти преимущества не болѣе сильные, но такіе же точно, какъ они сами, подданные ваши. Если они удостоились большихъ преимуществъ, то въ этомъ самомъ и заключается уже похвала имъ; значитъ они оказались достойными такихъ великихъ милостей.

Если же эти преимущества незначительны, то гнусно, что даровавшіе ихъ не даютъ имъ возможности спокойно пользоваться ими. Вполнѣ вѣдь ясно, что тѣ, которые стѣсняютъ и гнетутъ іудеевъ, оскорбляютъ обѣ стороны, какъ тѣхъ, кто удостоился милостей, не признавая порядочными людьми тѣхъ, кого таковыми признали болѣе могущественные, почему и даровали имъ указанныя привиллегіи, такъ и самихъ даровавшихъ эти преимущества, потому что стараются свести на ничто дарованныя ими привиллегіи. И вотъ, если бы кто нибудь спросилъ ихъ, чего они предпочли бы лишиться, жизни или родныхъ своихъ обычаевъ, процессій, жертвоприношеній и празднествъ, устраиваемыхъ ими въ честь такъ называемыхъ боговъ ихъ, то я отлично знаю, что они готовы были бы претерпѣть все, лишь бы не тронуть чего либо изъ обычаевъ. Вѣдь большинство ихъ и предпринимаетъ войны для огражденія этихъ установленій. Мы же тѣмъ измѣряемъ благополучіе, которымъ нынѣ благодаря вамъ пользуется все человѣчество, что каждой странѣ предоставлена возможность справлять почитаемые родные обычаи и жить по нимъ. И вотъ теперь люди, которые сами не согласились бы претерпѣть таковое, изо всѣхъ силъ пытаются навязать это другимъ, совершенно упуская изъ виду, что они поступаютъ одинаково безбожно когда пренебрегаютъ собственными священными постановленіями относительно своихъ боговъ или когда святотатственно посягаютъ на подобныя чужія установленія. Посмотримъ теперь на дѣло еще съ другой стороны. Развѣ существуетъ такое племя, такой городъ или цѣлый народъ, которымъ покровительство вашей власти и могущество римлянъ не представлялось бы величайшимъ благомъ? Развѣ найдется кто либо, который бы отказался отъ вашихъ милостей? Нѣтъ, не найдется такого сумасшедшаго. Нѣтъ никого, ни частнаго лица, ни общины, которыя бы не чувствовали на себѣ этихъ милостей. Дѣйствительно всѣ, кто собирается отнять у кого бы то ни было вами дарованныя милости, должны отказаться въ свою очередь и отъ своихъ собственныхъ вами дарованныхъ привиллегій; при этомъ всѣ такія милости не могутъ быть даже вполнѣ оцѣнены во всемъ ихъ значеніи: если сопоставить прежнюю форму правленія съ теперешнею, то среди многихъ прочихъ преимуществъ послѣдней, направленныхъ къ всеобщему благополучію, слѣдуетъ особенно остановиться

на томъ, что нынѣ люди болѣе не рабы, но свободны. И тѣмъ не менѣе, не взирая на всѣ наши преимущества, послѣднія всетаки не могутъ возбуждать зависти. Благодаря вамъ, мы живемъ счастливо во всѣхъ отношеніяхъ и теперь просимъ только одного, именно и впредь пользоваться правомъ безпрепятственно соблюдать требованія древняго благочестія, а это какъ само по себѣ не можетъ быть вредно, такъ не можетъ стѣснять и тѣхъ, кто намъ разрѣшилъ это. Вѣдь Божество въ одинаковой мѣрѣ охотно принимаетъ поклоненіе, какъ и относится доброжелательно къ тѣмъ, кто способствуетъ поклоненію Ему. Въ нашихъ установленіяхъ нѣтъ рѣшительно ничего несовмѣстимаго съ человѣческимъ достоинствомъ, а все направлено къ благочестію и благотворной справедливости. Мы отнюдь не утаиваемъ данныхъ намъ для повседневной жизни предписаній, которыя являются лишь напоминаніемъ о нашемъ благочестіи и свидѣтельствуютъ о прекрасномъ отношеніи нашемъ къ людямъ вообще; каждый седьмой день (недѣли) мы посвящаемъ изученію законовъ и предписаній, считая необходимымъ такое напоминаніе и изученіе всего, что избавило бы насъ отъ будущихъ прегрѣшеній. Если кто разсмотритъ эти законы наши поближе, то увидитъ, что они, и сами по себѣ прекрасные, особенно выигрываютъ въ нашихъ глазахъ отъ своей древности, хотя нѣкоторые и отрицаютъ это; а эта древность ихъ вызываетъ къ нимъ тѣмъ болѣе почтенія и любознательности въ тѣхъ, кто, принявъ эти законы, свято чтитъ ихъ. Теперь насъ лишаютъ этихъ преимуществъ, насильственно отнимая у насъ деньги, собранныя нами съ богоугодною цѣлью, и такимъ образомъ открыто кощунствуя, назначаютъ намъ принудительныя работы, заставляютъ насъ въ праздники являться въ судилища и на работы, и все это не на основаніи заранѣе заключеннаго договора, но чтобы поглумиться надъ нашею хорошо всѣмъ извѣстною религіозностью и для того, чтобы выразить намъ свою ни на чемъ не основанную и безпредѣльную ненависть. Впрочемъ, ваше распространившееся по всей землѣ владычество одно въ состояніи поддерживать въ одинаковой мѣрѣ добрыя стремленія, какъ и сдерживать всякое недоброжелательство, высказываемое одними противъ другихъ.

Поэтому, могущественный Агриппа, мы теперь просимъ о томъ, чтобы не подвергаться обидамъ и глумленіямъ, чтобы не быть стѣсненными въ нашихъ обычаяхъ, чтобы не лишаться нашего имущества и не подвергаться насиліямъ со стороны тѣхъ, кого мы сами ни въ чемъ не стѣсняемъ.

Всѣ эти требованія наши не только справедливы, но уже раньше были признаны съ вашей стороны вполнѣ законными. Мы могли бы со-

слаться на цѣлый рядъ сенатскихъ постановленій и на таблицы, помѣщенныя на Капитоліи, относительно нашихъ привиллегій, которыя наглядно показали бы, что они дарованы намъ вами за испытанную вѣрность нашу, и которыя имѣли бы всетаки законную силу, даже если бы мы ихъ вовсе не заслужили своимъ къ вамъ отношеніемъ. Охраняя права не только наши, но вообще всѣхъ людей, вы благодѣтельствуете въ вашемъ владычествѣ всѣмъ, даруя милости въ большей мѣрѣ, чѣмъ можно было бы разсчитывать; всякій, кто вздумалъ бы перечислять всѣ оказанныя вами благодѣянія, могъ бы вести рѣчь свою безъ конца. Впрочемъ, для того чтобы доказать что мы достигли всѣхъ милостей совершенно справедливо, намъ достаточно, умолчавъ о всемъ прочемъ, назвать одно лишь имя теперешняго царя нашего, который нынѣ сидитъ здѣсь рядомъ съ тобою.

Развѣ онъ хоть разъ измѣнилъ своему расположенію къ вашему дому, развѣ онъ когда либо обнаружилъ какую нибудь невѣрность? Развѣ можно говорить о какой нибудь такой чести, которой онъ не оказалъ бы вамъ? развѣ есть такая услуга, въ оказаніи которой онъ не явился бы первымъ? Что же препятствуетъ тому, чтобы число нашихъ услугъ не сравнялось съ числомъ вашихъ намъ благодѣяній? Конечно, вполнѣ умѣстно, чтобы я не оставилъ теперь безъ упоминанія также и доблести отца его Антипатра, который явился на помощь Цезарю съ двумя тысячами воиновъ при вторженіи его въ Египетъ и не уступалъ въ храбрости никому ни во время сухопутныхъ сраженій, ни во время морскихъ битвъ. Что теперь говорить о томъ, какою поддержкою явились тогда эти воины и какихъ великихъ наградъ удостоился каждый изъ нихъ отъ Цезаря; мнѣ слѣдовало бы тутъ напомнить о письмахъ, посланныхъ тогда Цезаремъ сенату, о томъ почетѣ котораго публично удостоился Антипатръ, получившій тогда и право (римскаго) гражданства.

Итакъ, все съ достаточною убѣдительностью свидѣтельствуетъ о томъ, что мы вполнѣ заслужили (римскія) милости и теперь на вполнѣ законномъ основаніи требуемъ отъ тебя подтвержденія этихъ нашихъ преимуществъ, на которыя мы могли бы, если бы они даже не были дарованы намъ раньше, нынѣ разсчитывать, видя добрыя отношенія нашего царя къ вамъ, а ваши къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ сообщили тамошніе (іерусалимскіе) іудеи, сколь милостиво ты посѣтилъ страну ихъ, какъ ты принесъ богатыя жертвы Предвѣчному, выразивъ свое къ Нему почтеніе молитвами, какъ ты угостилъ народъ и благосклонно принялъ отъ него его дары.

Такой пріемъ, оказанный тебѣ, человѣку съ столь обширною властью,

народомъ и городомъ (Іерусалимомъ), долженъ служить символомъ твоей дружбы къ народу іудейскому, дружбы, возникшей благодаря посредничеству дома Ирода. Напоминая тебѣ о всемъ этомъ, мы теперь, въ присутствіи здѣсь сидящаго царя нашего, не просимъ ничего сверхъ того, что вы сами уже даровали намъ, и умоляемъ не относиться безразлично къ тому, что этихъ вашихъ милостей собираются теперь лишить насъ посторонніе лица».

5. На такую рѣчь Николая греки и не думали возражать, тѣмъ болѣе, что тутъ не было никакого судебнаго разбирательства, но лишь возбуждался вопросъ о насильственномъ нарушеніи фактическихъ правъ. Поэтому греки вовсе и не отрицали правильности приведенныхъ фактовъ, но ограничились лишь указаніемъ на то, что іудеи совершенно завладѣли теперь ихъ территоріею и позволяютъ себѣ всяческія несправедливости. На это іудеи отвѣчали, что они сами являются такими же коренными жителями страны (какъ и греки) и, соблюдая свои родныя установленія, никому не причиняютъ ни малѣйшаго зла. Тогда Агриппа призналъ, что іудеи являются потерпѣвшею стороною, и въ виду расположенія къ нему и дружбы Ирода выразилъ готовность оказать іудеямъ всяческую поддержку въ ихъ совершенно законныхъ требованіяхъ, сказавъ при этомъ, что онъ готовъ исполнить и всякія другія просьбы ихъ, лишь бы это не умаляло власти римлянъ. Что же касается ихъ просьбы о подтвержденіи уже прежде дарованныхъ имъ правъ ихъ, то онъ симъ вновь утверждаетъ ихъ за ними и требуетъ, чтобы никто не препятствовалъ имъ спокойно жить сообразно ихъ собственнымъ установленіямъ.

Съ этими словами онъ распустилъ собраніе. Иродъ же поднялся съ мѣста, обнялъ Агриппу и выразилъ ему свою признательность за его расположеніе къ нему. Обрадованный этимъ Агриппа въ свою очередь заключилъ царя въ объятія и расцѣловался съ нимъ.

Послѣ этого Агриппа уѣхалъ съ Лесбоса, царь же рѣшилъ отъ Самоса вернуться домой и поэтому простился съ Агриппою. Нѣсколько дней спустя онъ прибылъ, благодаря попутному вѣтру, въ Цезарею. Отправившись отсюда въ Іерусалимъ, онъ созвалъ народъ въ собраніе; тамъ было также много обитателей внутреннихъ частей страны. Тутъ онъ выступилъ впередъ, далъ отчетъ о своемъ путешествіи и особенно подчеркнулъ то обстоятельство, что ему удалось добиться для всѣхъ іудеевъ повсемѣстно въ Азіи невозбранное на будущее время отправленіе своихъ установленій. О своей удачѣ и объ устройствѣ своихъ дѣлъ онъ съумѣлъ также упомянуть, равно какъ о томъ, что онъ не упускалъ никогда случая заботиться о благѣ іудеевъ. Въ радости онъ отпустилъ народу четвертую часть повинностей за истекшій годъ. Народъ въ восторгѣ отъ его рѣчи и оказанной милости разошелся въ великой радости, выражая царю своему всяческія благопожеланія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Тѣмъ временемъ неурядица въ домѣ царя росла и росла, принимая все болѣе угрожающій характеръ; съ одной стороны Саломія какъ бы по наслѣдству перенесла всю свою ненависть на юношей и, принимая во вниманіе успѣшность своихъ интригъ противъ ихъ (покойной) матери, совершенно потеряла чувство мѣры и дошла до того, что рѣшилась не оставить въ живыхъ никого изъ родни покойной, ею загубленной, царицы, кто могъ бы отомстить за смерть ея; съ другой же стороны и у юношей кипѣла глухая злоба противъ отца отчасти при воспоминаніи о страданіяхъ ихъ матери (и эта злоба была вполнѣ основательна), отчасти вслѣдствіе пробуждавшагося и въ нихъ страстнаго желанія власти. И вотъ вновь началось горе, подобное прежнему, а именно, раздались укоры юношей по адресу Саломіи и Фероры, возникали ненависть послѣднихъ къ юношамъ и интриги противъ нихъ. Обѣ стороны отличались одинаковою ненавистью другъ къ другу; неодинаковъ былъ лишь характеръ проявленія этой ненависти. Въ то время, какъ юноши видѣли признакъ благородства въ томъ, что по неопытности не сдерживали своего гнѣва и всегда были готовы открыто высказывать хулу и порицанія, придворная партія поступала такимъ же образомъ, но прибѣгала при этомъ къ ловкимъ и остроумно подведеннымъ навѣтамъ, постоянно тѣмъ самымъ подзадоривая юношей и побуждая ихъ къ рѣшительному и рискованному шагу относительно ихъ родителя. Такъ какъ юноши не обращали вниманія на приписываемыя ихъ матери провинности и полагали, что она во всякомъ случаѣ пострадала невинно, то придворные не сомнѣвались, что они лично отомстятъ тому, кто видимо являлся виновникомъ ея смерти. Въ концѣ концовъ этими слухами преисполнился весь городъ и, какъ это бываетъ въ борьбѣ, всѣ сожалѣли о неопытности юношей; вмѣстѣ съ тѣмъ росла и бдительность Саломіи, которая старалась въ поведеніи самихъ юношей найти доказательство непреложности своихъ словъ. Они такъ скорбѣли о смерти своей матери, и смерть ея по ихъ мнѣнію ложилась позоромъ и на нихъ самихъ, что старались повсюду вызвать законную жалость не только къ участи своей матери, но и къ самимъ себѣ, которые принуждены жить вмѣстѣ съ убійцами ея и дѣлить съ ними все.

2. Всѣ эти распри быстро росли, такъ какъ удобною для того почвою являлось отсутствіе царя. Когда Иродъ вернулся и обратился, какъ мы выше упомянули, съ рѣчью къ народу, Ферора и Саломія немедленно явились къ нему съ представленіемъ, какъ велика для него опасность со стороны юношей, которые-де безъ стѣсненія грозятъ не отлагать мщенія за убійство своей матери. Вмѣстѣ съ тѣмъ они указывали Ироду также на то, что тѣ разсчитываютъ при помощи каппадокійца Архелая предстать предъ Цезаремъ и обратиться къ нему съ обвиненіями противъ отца своего. Услышавъ это, Иродъ очень встревожился и еще болѣе смутился, когда ему о томъ же сообщили также и другіе. При этомъ онъ не могъ не подумать о прежде постигшихъ его бѣдствіяхъ, какъ онъ лишился своихъ лучшихъ друзей и любимой жены вслѣдствіе возникшихъ въ семьѣ распрей, а такъ какъ онъ предвидѣлъ, что ближайшее будущее сулитъ ему гораздо болѣе тяжкое горе и несчастіе, онъ былъ крайне разстроенъ. Дѣло въ томъ, что несмотря на дарованные ему Господомъ Богомъ и превосходившіе всякія ожиданія внѣшніе успѣхи, онъ въ домашней жизни былъ невыразимо несчастенъ и рознь эта доходила до такихъ предѣловъ, что никто себѣ этого даже не могъ представить; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не зналъ, не отдать ли ему всѣ внѣшніе свои успѣхи за устраненіе золъ въ домашней средѣ и не лучше ли будетъ избавиться отъ такого обилія домашнихъ неурядицъ отреченіемъ отъ высокаго царственнаго положенія.

3. Находясь въ такомъ смущеніи и столь неопредѣленномъ положеніи, онъ рѣшилъ, чтобы обуздать юношей, призвать другого сына своего, Антипатра, который родился у него, когда онъ еще былъ частнымъ человѣкомъ, и дать ему почетное положеніе, впрочемъ не въ такой степени, какъ сдѣлалъ онъ это впослѣдствіи, уступивъ и отдавъ ему все. Такимъ путемъ Иродъ разсчитывалъ сократить притязанія сыновей Маріамны и думалъ, что они тѣмъ скорѣе придутъ въ себя, чѣмъ скорѣе поймутъ, что не они являются единственными господами положенія и что не имъ однимъ и притомъ обязательно предстоитъ унаслѣдованіе царской власти. Поэтому онъ ввелъ при дворѣ Антипатра въ качествѣ ихъ соперника, разсчитывая не безъ основанія на цѣлесообразность такой мѣры для себя лично и на то, что если онъ поставитъ юношей на второй планъ, они современемъ исправятся. Однако все случилось иначе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Сыновьямъ (Ирода) отнюдь не понравилось стѣсненіе, которому они теперь подверглись, съ другой же стороны Антипатръ выказалъ всю силу своего характера, внезапно добившись власти, на которую раньше никакъ

не могъ разсчитывать: теперь у него была одна только цѣль—вредить своимъ братьямъ и не допускать ихъ къ занятію первенствующаго положенія, равно какъ не отходить отъ отца, который уже поддался навѣтамъ со стороны и благодаря стараніямъ (Антипатра) могъ быть еще болѣе возбуждаемъ противъ опороченныхъ юношей. Всѣ такіе навѣты исходили отъ Антипатра, причемъ послѣдній однако остерегался подавать видъ, что онъ является виновникомъ ихъ; напротивъ, онъ пользовался для этого совершенно неподозрительными клевретами, которые тѣмъ самымъ лишь еще болѣе доказывали свое мнимое расположеніе къ царю. Въ то время (при дворѣ) было уже много лицъ, которыя примкнули къ Антипатру въ разсчетѣ на награды и которыя заставляли Ирода вѣрить, что они говорятъ все это изъ преданности ему. При такомъ дружномъ и вѣрно разсчитанномъ образѣ дѣйствій, сами юноши съ своей стороны подавали все новые поводы къ сплетнямъ. Они нерѣдко плакали надъ постигшимъ ихъ униженіемъ, взывали къ матери своей и открыто въ присутствіи приближенныхъ царя обвиняли послѣдняго въ нарушеніи права. Все это ловко подхватывалось гнусными сообщниками Антипатра и доносилось Ироду въ прикрашенномъ видѣ, такъ что домашнія смуты только росли и росли. Царь разстраивался этими доносами и желая еще болѣе унизить сыновей Маріамны, все болѣе возвышалъ Антипатра, такъ что въ концѣ концовъ рѣшился даже пригласить къ двору мать его; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неоднократно писалъ о немъ императору и выставлялъ его, какъ особенно дѣльнаго человѣка.

Когда же Агриппа послѣ десятилѣтняго правленія въ Азіи собрался вернуться въ Римъ, Иродъ отплылъ къ нему изъ Іудеи и взялъ съ собою при этомъ случаѣ одного лишь Антипатра. Послѣдняго онъ поручилъ Агриппѣ съ просьбою взять его съ большими подарками въ Римъ, чтобы Антипатръ тамъ могъ заслужить благоволеніе Цезаря. Такимъ образомъ могло казаться, что Антипатръ забралъ всю власть въ свои руки, тогда какъ его юные братья окончательно и разъ на всегда были лишены ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Во время этого путешествія Антипатръ достигъ дѣйствительно всякаго почета и видимо пользовался огромнымъ успѣхомъ; такъ какъ Иродъ заранѣе оповѣстилъ всѣхъ друзей своихъ объ его пріѣздѣ, то въ Римѣ ему былъ оказанъ блестящій пріемъ. Но Антипатръ теперь страдалъ отъ того, что онъ вдали отъ отца и что ему не представляется болѣе

случая по прежнему клеветать на братьевъ; поэтому онъ опасался возможности перемѣны въ отцѣ, который могъ бы вздумать относиться къ сыновьямъ Маріамны болѣе ласково. Носясь съ этими мыслями, Антипатръ не отступалъ отъ разъ принятаго намѣренія своего, но посылалъ и отсюда частыя письма отцу своему, чтобы возстановлять послѣдняго и раздражать его относительно братьевъ; предлогомъ ему служило при этомъ сильное безпокойство объ отцѣ; на самомъ же дѣлѣ тутъ цѣликомъ сказывалась вся гнусность его характера и вся сила его и безъ того необузданнаго властолюбія. Въ концѣ концовъ ему удалось довести Ирода до такого гнѣва и такой злобы, что послѣдній окончательно возненавидѣлъ юношей; впрочемъ пока онъ еще воздерживался отъ приведенія въ исполненіе своихъ (мрачныхъ) плановъ касательно ихъ. Чтобы однако не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишкомъ большой поспѣшности, Иродъ предпочелъ поѣхать въ Римъ и тамъ пожаловаться императору на дѣтей своихъ. При этомъ онъ желалъ избѣгнуть всего, чѣмъ онъ могъ бы навлечь на себя подозрѣніе въ слишкомъ большой жестокости. Прибывъ въ Римъ, онъ поспѣшилъ въ Аквилею, чтобы тутъ поскорѣе повидаться съ Цезаремъ. Получивъ аудіенцію и попросивъ разрѣшенія побесѣдовать о крупномъ, постигшемъ его горѣ, Иродъ представилъ (императору) сыновей своихъ и сталъ жаловаться на ихъ недружелюбіе и дерзкіе замыслы, направленные къ тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которыя де клонятся къ тому, чтобы умертвить его и такимъ безбожнымъ образомъ овладѣть царскимъ престоломъ. При этомъ Иродъ указывалъ на то свое, дарованное ему самимъ Цезаремъ право, въ силу котораго онъ передъ смертью вовсе не былъ обязанъ отдать царство тому или другому сыну, но пользовался правомъ свободной передачи престола тому изъ сыновей своихъ, котораго онъ сочтетъ по его преданности ему наиболѣе достойнымъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, они вовсе уже не столь заботятся о власти, но охотно отказались бы даже вовсе не только отъ нея, но и отъ собственной своей жизни, лишь бы имѣть возможность умертвить отца своего: такая дикая и свирѣпая ненависть къ нему развилась въ сердцахъ ихъ. Это свое горе, которое онъ долго былъ принужденъ таить въ себѣ, ему теперь приходится раскрывать предъ Цезаремъ и такими рѣчами оскорблять его слухъ. Пусть скажутъ юноши, подвергались ли они когда либо какому нибудь стѣсненію съ его стороны? Когда онъ былъ жестокъ съ ними? Какъ же они смѣютъ у него, столь справедливаго человѣка, оспаривать право власти, которой онъ самъ достигъ послѣ долгихъ трудовъ и

опасностей! какъ они могутъ мѣшать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого найдетъ достойнымъ ея? Вѣдь такая награда, наравнѣ со всякою другою за благочестіе, выпадаетъ лишь на долю того, кто старается за это сравниться въ достаточной заботливости съ своимъ предшественникомъ. Итакъ очевидно, что всѣ ихъ интриги противъ него никакъ не могутъ быть названы приличными. Вѣдь тотъ, кто только и думаетъ о полученіи царской власти, тѣмъ самымъ все время разсчитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на смерть отца своего: иначе ему не достигнуть власти. Самъ онъ давалъ до сихъ поръ (всѣмъ) своимъ подданнымъ и особенно своимъ царственнымъ дѣтямъ все въ изобиліи, позаботившись не только о приличной обстановкѣ, о служителяхъ и о содержаніи ихъ, но и поженивъ ихъ блестящимъ образомъ, а именно давъ одному изъ нихъ въ жены дочь сестры своей, Александру же дочь царя Архелая. Самое важное однако теперь то, что онъ самъ при такихъ обстоятельствахъ не воспользовался своею личною властью, но рѣшилъ привезти юношей къ ихъ общему благодѣтелю, Цезарю, и, отказавшись теперь отъ всего, на что можетъ имѣть право оскорбленный отецъ и подвергшійся козням царь, готовъ вмѣстѣ съ ними выслушать рѣшеніе императора. Впрочемъ, онъ проситъ, чтобы его права не были попраны и чтобы ему не приходилось дольше жить въ постоянномъ страхѣ за себя; онъ надѣется, что Цезарь не оставитъ дольше въ живыхъ тѣхъ, кто рѣшился на такое ужасное дѣло: если они теперь избѣгнутъ кары, то имъ самимъ впослѣдствіи придется такъ же сильно пострадать отъ людей, какъ они теперь причинили страданія другому.

2. Съ такою страстностью жаловался Иродъ Цезарю на сыновей своихъ. Пока онъ говорилъ, юноши въ крайнемъ смущеніи разразились слезами, а еще громче заплакали, когда онъ кончилъ, потому что въ нихъ было искреннее сознаніе, что они никогда не доходили до такого безбожнаго намѣренія; но вмѣстѣ съ тѣмъ они отлично сознавали, какъ трудно на самомъ дѣлѣ оправдаться имъ въ взведенныхъ на нихъ Иродомъ обвиненіяхъ; несмотря на то, что теперь представлялся къ тому наиболѣе подходящій случай, они всетаки не сочли умѣстнымъ выяснить, насколько отецъ былъ введенъ въ заблужденіе своею собственною страстностью и поспѣшностью. Поэтому они совершенно не знали, что имъ говорить, только плакали и въ концѣ концовъ разразились громкими рыданіями; они боялись, что, если будутъ молчать, это можетъ подтвердить ихъ виновность, а съ другой стороны затруднялись, по юности и вслѣдствіе страшнаго смущенія, въ способѣ своей защиты. Впрочемъ отъ Цезаря, ко-

торый слѣдилъ за ними, отнюдь не ускользнуло, что они молчатъ не столько по сознанію своей виновности, сколько по неопытности и смущенію. Жалость къ нимъ обуяла всѣхъ присутствовавшихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самъ отецъ ихъ въ тайникахъ души своей не могъ не чувствовать состраданія къ нимъ.

3. Увидя нѣкоторое расположеніе какъ со стороны отца, такъ и со стороны Цезаря, видя также, что многіе изъ присутствующихъ плачутъ и всѣ глубоко опечалены, одинъ изъ братьевъ, Александръ, обратился къ отцу съ слѣдующею рѣчью, въ которой пытался опровергнуть взводимыя обвиненія:

«Отецъ! Расположеніе твое къ намъ подтверждается уже всѣмъ этимъ дѣломъ; вѣдь если бы ты замышлялъ противъ насъ что-нибудь ужасное, ты не привелъ бы насъ къ тому, кто является общимъ спасителемъ. Тебѣ, въ силу твоей царской и отцовской власти, было вполнѣ возможно расправиться съ людьми, тебя обидѣвшими. Но то, что ты привезъ насъ въ Римъ и посвящаешь его (императора) во все это дѣло, служитъ гарантіей нашего спасенія. Вѣдь никто не поведетъ того, убить кого имѣетъ въ виду, въ святилища и храмы. Но наше положеніе отчаянное: мы не желали бы оставаться долѣе въ живыхъ, если во всѣхъ укоренилась увѣренность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь въ вѣчномъ подозрѣніи. Итакъ, если наше сознаніе, что мы говоримъ правду, имѣетъ нѣкоторую силу въ глазахъ твоихъ, намъ доставила бы блаженство возможность единовременно убѣдить тебя въ своей невиновности и избѣгнуть грозящей намъ опасности; но если всетаки клевета удержится на своемъ мѣстѣ, то къ чему намъ это солнце, на которое мы взирали бы, запятнанные подозрѣніемъ? Конечно, указаніе на то, что мы стремимся къ власти, является достаточно ловкимъ обвиненіемъ по отношеніи такихъ молодыхъ людей, какъ мы, а если къ тому еще присоединить упоминаніе о нашей достойной матери, то этого вполнѣ достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастіе и довести насъ до настоящаго горя. Но взгляни на то, не общій ли это случай и не примѣнимо ли подобное обвиненіе въ сходныхъ случаяхъ. Вѣдь ничто никогда не мѣшаетъ царю, у котораго есть молодые сыновья, мать коихъ умерла, видѣть въ нихъ подозрительныхъ лицъ, домогающихся престола своего отца. Однако, одного только подозрѣнія не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвиненіе. Пусть кто-либо осмѣлится сказать намъ, что случилось нѣчто такое, въ силу чего при всемъ легковѣріи (людей) нѣчто невѣроятное стало непреложнымъ. Развѣ кто-либо

смѣетъ обвинять насъ въ составленіи отравы, или совершеніи заговора среди сверстниковъ, или въ подкупѣ прислуги, или въ распространеніи воззваній противъ тебя? И всетаки каждое изъ такихъ преступленій, даже если оно и не имѣло мѣсто, легко служитъ предметомъ клеветы. Правда, отсутствіе единодушія въ царской семьѣ является крупнымъ несчастіемъ и та власть, которую ты называешь наградою за благочестіе, часто вызываетъ въ гнуснѣйшихъ людяхъ такія надежды, ради которыхъ они готовы не сдерживать своихъ дурныхъ наклонностей. Никто не сможетъ упрекнуть насъ въ чемъ-либо противозаконномъ. Но какъ устранитъ клевету тотъ, кто не желаетъ слушать? Быть можетъ, мы сказали что-либо лишнее?

Если это такъ, то во всякомъ случаѣ это не относилось къ тебѣ, ибо это было бы несправедливо, но относилось къ тѣмъ, которые не умалчиваютъ ни о чемъ сказанномъ. Кто либо изъ насъ оплакивалъ свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и послѣ смерти она подвергается поруганію со стороны недостойныхъ людей. Обвиняемся мы въ томъ, что стремимся къ власти, которая, какъ намъ извѣстно, въ рукахъ отца нашего? Но съ какой стати? Если, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, мы пользуемся царскимъ почетомъ, развѣ мы стараемся не напрасно? Или если мы имъ не еще пользуемся, то развѣ мы не можемъ впослѣдствіи разсчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтоживъ тебя? Но послѣ такого злодѣянія насъ не несла бы земля и не держало бы море. Развѣ благочестіе и религіозность всего народа допустили бы, чтобы во главѣ правленія стали отцеубійцы и чтобы такіе люди входили въ священный храмъ, тобою же сооруженный? Далѣе наконецъ! Оставя въ сторонѣ все прочее, развѣ могъ бы, пока живъ императоръ, оставаться безнаказаннымъ какой либо убійца? Сыновья твои не такъ безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнѣе, чѣмъ бы слѣдовало для тебя. Если же у тебя нѣтъ поводовъ къ обвиненіямъ, если ты не находишь козней, что же укрѣпляетъ тебя въ увѣренности совершенія такого страшнаго преступленія? Мать наша умерла. Но ея судьба не могла насъ возстановить (противъ тебя), а лишь сдѣлать насъ болѣе разсудительными. Мы хотѣли бы еще многое привести въ свое оправданіе, но у насъ нѣтъ словъ для этого, такъ какъ ничего не случилось. Поэтому мы предлагаемъ всемогущему Цезарю, являющемуся въ настоящую минуту судьею между нами, слѣдующій исходъ: если ты, отецъ, вновь желаешь относиться къ намъ безъ подозрительности и вѣрить намъ, то мы готовы оставаться въ живыхъ, хотя, ко-

нечно, уже не будемъ попрежнему счастливы, ибо среди крупныхъ несчастій одно изъ наиболѣе тяжкихъ—быть ложно обвиненнымъ; если же у тебя еще есть какое либо опасеніе относительно насъ, то спокойно принимай себѣ мѣры къ огражденію своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознаніемъ своей невиновности: намъ жизнь вовсе не такъ дорога, чтобы сохранять ее цѣною безпокойства того, кто даровалъ намъ ее».

4. Пока юноша говорилъ такимъ образомъ, Цезарь, который и раньше не вѣрилъ чудовищной клеветѣ, теперь еще болѣе склонялся въ его пользу и не спускалъ глазъ съ Ирода, видя, какъ онъ разстроенъ. Волненіе охватило также всѣхъ присутствовавшихъ и въ залѣ раздался ропотъ противъ жестокосердія царя. Всеобщее сожалѣніе вызвало столь невѣроятное обвиненіе цвѣтущихъ и красивыхъ юношей и всѣ готовы были оказать имъ поддержку, особенно послѣ того, какъ Александръ такъ ловко и умѣло возразилъ на обвиненіе. Впрочемъ, и юноши сами еще не были въ состояніи придти въ себя, плакали и убитые горемъ смотрѣли въ землю.

Такимъ образомъ однако у нихъ опять явилась надежда на благополучный исходъ этого дѣла, тѣмъ болѣе, что царь, видимо построившій свое обвиненіе на весьма шаткомъ основаніи, нуждался въ нѣкоторой поддержкѣ, такъ какъ самъ не былъ въ состояніи что либо возразить. Немного погодя, Цезарь сказалъ, что если, по его мнѣнію, юноши и были довольно далеки отъ желанія совершить взводимое на нихъ преступленіе, они всетаки не такъ держали себя по отношенія къ отцу своему, чтобы не подавать повода къ такому обвиненію. При этомъ императоръ предложилъ Ироду оставить всякое подозрѣніе и помириться съ своими сыновьями, потому что несправедливо съ его стороны вѣрить въ такія козни собственныхъ дѣтей. Взаимное примиреніе, говорилъ онъ, заставитъ забыть все случившееся и лишь усилитъ любовь ихъ другъ къ другу, причемъ обѣ стороны должны будутъ простить другъ другу слишкомъ поспѣшное подозрѣніе и постараться загладить послѣднее еще большею преданностью. Увѣщевая ихъ такимъ образомъ, императоръ сдѣлалъ юношамъ знакъ (рукою). Когда же они хотѣли броситься къ ногамъ отца и со слезами вымолить себѣ у него прощеніе, Иродъ предупредилъ ихъ, заключилъ ихъ въ объятія и сталъ осыпать ихъ поцѣлуями, такъ что никто изъ присутствовавшихъ, ни свободнорожденный, ни рабъ, не былъ въ состояніи скрыть свое волненіе.

5. Поблагодаривъ затѣмъ Цезаря, юноши вмѣстѣ удалились, и съ ними ушелъ Антипатръ, притворно выражавшій свою радость по поводу ихъ

примиренія. Въ теченіе ближайшихъ дней Иродъ одарилъ Цезаря, который какъ разъ устраивалъ для римскаго народа игры и раздачу хлѣба, тремя стами талантовъ. Цезарь въ свою очередь подарилъ ему половину доходовъ съ кипрскихъ мѣдныхъ рудниковъ и поручилъ ему завѣдываніе другою половиною ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почтилъ царя всяческими другими дарами и вниманіемъ, относительно же престолонаслѣдія предоставилъ Ироду полную свободу въ выборѣ себѣ либо одного преемника, либо нѣсколькихъ, между которыми онъ, по личному усмотрѣнію, могъ раздѣлить свое царство. Иродъ хотѣлъ это сдѣлать немедленно, но императоръ не разрѣшилъ, указывая на то, что при жизни не слѣдуетъ отказываться отъ власти ни надъ царствомъ ни надъ дѣтьми своими.

6. Послѣ этого Иродъ вернулся назадъ въ Іудею. Пока онъ былъ въ отсутствіи, значительная часть, а именно область Трахонская, отпала отъ него. Впрочемъ, оставленные въ ней военачальники вскорѣ опять справились съ нею и побудили ее къ повиновенію. Когда Иродъ съ сыновьями приплылъ къ киликійскому городу Елеусѣ, который теперь переименованъ въ Себасту, онъ встрѣтился тутъ съ каппадокійскимъ царемъ Архелаемъ; тотъ радушно привѣтствовалъ его, радуясь его примиренію съ сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александръ опровергъ взведенное на нихъ обвиненіе. Тутъ они обмѣнялись истинно царскими дарами. Отсюда Иродъ поѣхалъ въ Іудею и, прибывъ туда, вступилъ въ храмъ, гдѣ сообщилъ о всемъ случившемся во время путешествія, упомянулъ о расположеніи къ нему Цезаря и о всемъ прочемъ, что считалъ полезнымъ довести до свѣдѣнія народа. Закончилъ онъ рѣчь свою увѣщаніемъ жить дружно и обратился съ этимъ увѣщаніемъ не только къ сыновьямъ своимъ, но и къ придворнымъ и ко всему прочему населенію и объявилъ, что назначаетъ себѣ въ преемники по престолу сыновей своихъ, сперва Антипатра, а затѣмъ и сыновей отъ Маріамны, Александра и Аристовула. Пока же онъ просилъ смотрѣть на него одного, какъ на царя и властелина, такъ какъ ему не мѣшаютъ ни его старость, являющаяся наилучшимъ моментомъ для царствованія въ виду пріобрѣтеннаго опыта, ни что другое держать еще бразды правленія: онъ еще въ силахъ управлять государствомъ и держать въ повиновеніи дѣтей своихъ. Затѣмъ онъ обратился къ военачальникамъ и войску съ указаніемъ, что если они будутъ пока смотрѣть на него одного какъ на государя, жизнь ихъ потечетъ спокойно и они сами будутъ способствовать собственному благополучію.

Съ этими словами царь распустилъ собраніе. Большинству присутство-

вавшихъ рѣчь его понравилась. Впрочемъ, были также нѣкоторые, не оставшіеся довольными ею, потому что вслѣдствіе его борьбы съ сыновьями и надеждъ, возлагавшихся на нихъ, многое въ государствѣ измѣнилось и населеніе допускало возможность коренного переворота. [1]

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Около этого времени закончилась отстройка города Цезареи Себасты, которую вновь отдѣлалъ Иродъ [2]; десятый годъ со времени начала работъ близился къ концу, а освященіе города пало на двадцать восьмой годъ правленія царя, въ сто девяносто вторую олимпіаду. Для ознаменованія освященія города былъ устроенъ необычайный праздникъ, къ которому были сдѣланы блестящія приготовленія. Царь обѣщалъ при этомъ случаѣ устроить музыкальныя и гимнастическія состязанія, заготовилъ огромное число гладіаторовъ и дикихъ звѣрей, позаботился о конскомъ ристалищѣ и вообще обставилъ все празднество большимъ блескомъ, чѣмъ то было принято даже въ Римѣ или въ другихъ мѣстахъ. Эти игры онъ посвятилъ Цезарю и распорядился, чтобы онѣ повторялись каждыя пять лѣтъ. Императоръ, въ свою очередь, желая почтить преданность Ирода, посылалъ ему изъ личныхъ средствъ все нужное для игръ. Равнымъ образомъ и жена Цезаря, Юлія, послала отъ себя много особенно цѣнныхъ (въ Палестинѣ) вещей, дабы ни въ чемъ не было недостатка. Стоимость всѣхъ этихъ даровъ исчислялась въ общемъ до пятисотъ талантовъ.

Въ городъ на игры собрались огромныя массы народа и цѣлыя посольства, которыя отправили отдѣльныя общины въ знакъ благодарности за полученныя благодѣянія. Всѣхъ ихъ Иродъ принялъ радушно и гостепріимно и почтилъ ихъ безпрерывными удовольствіями: днемъ увеселяли ихъ театральныя зрѣлища, а по ночамъ ихъ ждали изысканныя и дорогія удовольствія, такъ что щедрость царя вошла въ поговорку. Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ Иродъ всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорятъ даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишкомъ мала для его великодушія и что онъ достоинъ быть царемъ всей Сиріи и Египта.

2. Послѣ этого празднества и игръ царь воздвигъ новый городъ на равнинѣ, носящей названіе Кафарсава, выбравъ для того богато орошенную и плодородную мѣстность. Вокругъ новаго города текла рѣка,

[1] Срв. Іуд. войну, I, 23, 3—I, 23, 5.

[2] Это бывшая такъ называемая Стратонова башня.

а надъ нимъ возвышалась замѣчательная по величинѣ деревьевъ роща. Въ честь отца своего, Антипатра, Иродъ назвалъ этотъ городъ Антипатридою. Кромѣ того, онъ построилъ выше Іерихона въ честь своей матери укрѣпленіе, отличавшееся какъ неприступностью, такъ и красотою, и назвалъ его Кипромъ. Въ честь своего нѣжнолюбимаго брата Фасаила онъ воздвигъ великолѣпный мавзолей, а именно соорудилъ надъ самымъ городомъ (Іерусалимомъ) башню, не уступавшую по величинѣ своей маяку въ Фаросѣ. Башню эту онъ назвалъ Фасаиловой, и она служила какъ для охраны города, такъ и для сохраненія воспоминанія объ умершемъ братѣ, въ честь котораго и была названа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основалъ въ честь того же брата также городъ при входѣ въ сѣверную часть іерихонской долины, и благодаря ему онъ поднялъ благосостояніе дотолѣ безплодныхъ окрестностей города, такъ какъ о томъ позаботилось новое населеніе его. И этотъ городъ былъ названъ имъ Фасаилидою.

3. Было бы затруднительно перечислить здѣсь всѣ прочія благодѣянія, которыми онъ осыпалъ города Сиріи и Эллады, равно какъ другія мѣстности, куда ему приходилось заѣзжать во время своихъ путешествій. Для общественныхъ и казенныхъ зданій онъ, видимо, израсходовалъ дѣйствительно крупныя денежныя средства, равно какъ доставлялъ таковыя для окончанія начатыхъ построекъ, если первоначально ассигнованныя суммы оказывались недостаточными. Самыми крупными и знаменитыми изъ его сооруженій и дѣяній являются слѣдующія:

Родосцамъ онъ на собственныя средства отстроилъ пиѳійскій храмъ и далъ имъ много талантовъ серебра на снаряженіе флота; жителямъ Никополя, основаннаго императоромъ вблизи Акціума, онъ помогъ соорудить большинство ихъ общественныхъ зданій; антіохійцамъ, жителямъ крупнѣйшаго сирійскаго центра, онъ украсилъ двумя рядами портиковъ ту широкую улицу, которая пересѣкаетъ весь городъ, и велѣлъ всю занимаемую городомъ площадь вымостить шлифованными плитами, для большаго украшенія города и удобства жителей; олимпійскимъ играмъ, по безденежью утратившимъ свою прежнюю славу, онъ даровалъ прежнее ихъ значеніе и почетъ тѣмъ, что назначилъ имъ денежную субсидію и путемъ жертвоприношеній и прочими подарками сдѣлалъ ихъ вновь популярными. Благодаря своей щедрости онъ былъ навѣки записанъ элидцами въ число почетныхъ устроителей игръ.

4. При такихъ обстоятельствахъ конечно многіе изумляются противорѣчіямъ въ характерѣ Ирода. Если мы взглянемъ на щедрость и благодѣянія, которыми онъ осыпалъ всѣхъ людей, то никто, сколь низко ни оцѣ-

нивалъ бы его, не смогъ бы не согласиться, что царь обладалъ весьма доброю душою. Если же, съ другой стороны, обратить вниманіе на насилія и несправедливости, которыя онъ совершалъ относительно своихъ подчиненныхъ и ближайшихъ родственниковъ, и вспомнить о жестокости и неумолимости его характера, то придется склониться къ убѣжденію, что Иродъ являлся чудовищемъ, чуждымъ всякой мягкости. Вслѣдствіе этого нѣкоторые полагаютъ, что онъ страдалъ внутреннимъ разладомъ и всегда боролся самъ съ собою. Я, впрочемъ, съ этимъ не согласенъ и думаю, что обѣ указанныя черты его характера имѣютъ одну общую причину. Такъ какъ онъ былъ честолюбивъ и совершенно подчинялся этой страсти, то онъ предавался порывамъ великодушной щедрости, лишь бы у него была надежда сейчасъ же снискать себѣ славу или впослѣдствіи увѣковѣчить себя; благодаря однако непосильнымъ при этомъ денежнымъ затратамъ, ему поневолѣ приходилось быть жестокимъ къ своимъ подданнымъ. Все то, что онъ изобильно тратилъ на однихъ, приходилось насильно отнимать у другихъ. Отлично сознавая, насколько подданные ненавидятъ его за всѣ притѣсненія, а съ другой стороны, не будучи въ состояніи прекратить насилія (что отозвалось бы неблагопріятно на его доходахъ), онъ пользовался этимъ самымъ нерасположеніемъ народа въ цѣляхъ личнаго своего обогащенія. Что касается далѣе его приближенныхъ и домашнихъ, то если кто либо изъ нихъ не льстилъ ему на словахъ, или не признавалъ себя рабомъ его, или возбуждалъ къ себѣ подозрѣніе въ смыслѣ злоумышленія противъ царской власти, то Иродъ не умѣлъ владѣть собою и свирѣпствовалъ безъ мѣры противъ родственниковъ и друзей своихъ, обходясь съ ними какъ съ врагами; всѣ эти гнусности онъ позволялъ себѣ относительно ихъ исключительно потому, что безумно жаждалъ личнаго почета. Доказательствомъ столь сильно въ немъ развитой страсти этой служатъ мнѣ почести, оказанныя имъ Цезарю, Агриппѣ и прочимъ друзьямъ своимъ. Поскольку онъ самъ преклонялся предъ болѣе могущественными, постольку же онъ желалъ почета и для себя лично, и такое сильное приложеніе съ его стороны старанія доказывало лишь, что онъ самъ домогался подобнаго. Народъ іудейскій по своему закону чуждъ всему подобному и привыкъ ставить справедливость выше славолюбія. Въ силу всего этого онъ и не пользовался благосклонностью въ глазахъ Ирода, такъ какъ не умѣлъ льстить честолюбію царя ни статуями, ни храмами, ни подобными средствами. Во всемъ этомъ я вижу причину безобразнаго отношенія Ирода къ своимъ домашнимъ и приближеннымъ, а также объясненіе его потворства иноземцамъ и людямъ вообще недостойнымъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Отдѣльныя общины притѣсняли іудеевъ, жившихъ въ Азіи, равно какъ въ ливійской Киренѣ; хотя прежніе правители когда-то даровали имъ равноправіе, но въ это время греки относились къ нимъ отвратительно, отнимая у нихъ священныя деньги и нанося имъ вредъ въ ихъ частныхъ владѣніяхъ. Сильно отъ этого страдая и не предвидя предѣла безчеловѣчному отношенію къ нимъ грековъ, іудеи отправили къ императору посольство съ жалобою на свое положеніе. Цезарь возстановилъ имъ ихъ прежнюю равноправность и послалъ въ указанныя провинціи соотвѣтственныя распоряженія. Здѣсь мы приводимъ копіи съ этихъ постановленій въ доказательство расположенія, которое питали къ намъ древніе правители.

2. Цезарь Августъ, верховный жрецъ, облеченный властью народнаго трибуна, объявляетъ: Въ виду того, что народъ іудейскій не только въ настоящее время, но и прежде, особенно при отцѣ моемъ, императорѣ Цезарѣ, являлъ себя преданнымъ римскому народу, особливо когда іудейскимъ первосвященникомъ былъ Гирканъ, я и присяжные совѣтчики мои, по рѣшенію римскаго народа, постановляемъ: чтобы іудеи пользовались правомъ невозбранно жить по своимъ законамъ, какъ то было при первосвященникѣ Всевышняго Гирканѣ; чтобы священныя деньги были неприкосновенны, посылались въ Іерусалимъ и вручались тамъ казначеямъ іерусалимскимъ; чтобы іудеевъ не привлекали въ судебныя засѣданія ни по субботамъ, ни наканунѣ суббот съ девятаго часа. Если кто нибудь будетъ уличенъ въ кражѣ священныхъ книгъ или священныхъ денегъ изъ молитвеннаго дома или залы іудейскаго совѣта, тотъ будетъ обвиненъ въ кощунствѣ, а имущество ее поступитъ въ римскую казну. Свидѣтельство, данное мнѣ іудеями относительно моего гуманнаго отношенія ко всѣмъ людямъ, а также о Гаѣ Марціи Цензоринѣ, равно какъ настоящее постановленіе я приказываю вывѣсить въ знаменитомъ посвященномъ мнѣ всѣми жителями Азіи храмѣ анкирскомъ [1]. Кто нарушитъ въ чемъ либо это постановленіе, будетъ жестоко наказанъ». Это было записано на колоннѣ въ святилищѣ Цезаря.

---

[1] Городъ Анкира, первоначально входившій въ составъ Фригіи, сталъ впослѣдствіи столицею Галатіи. Тутъ проходила большая дорога изъ

3. «Императоръ посылаетъ привѣтъ свой Норбану Флакку. Всѣ тѣ іудеи, которые по древнему обычаю собираютъ и отправляютъ въ Іерусалимъ священныя деньги, пусть дѣлаютъ это безпрепятственно».

4. Таковы постановленія императора. Также и Агриппа издалъ слѣдующее постановленіе объ іудеяхъ: «Агриппа посылаетъ привѣтъ свой начальству, совѣту и населенію города Ефеса. Я желалъ бы, чтобы контроль и охрана отправляемыхъ въ іерусалимскій храмъ священныхъ денежныхъ суммъ лежали, сообразно издревле установленному обычаю, на живущихъ въ Азіи іудеяхъ. Всѣ тѣ, кто украдетъ священныя деньги іудеевъ и будетъ искать убѣжища въ священномъ мѣстѣ, должны быть схватываемы и выдаваемы для заслуженной кары іудеямъ, какъ лица кощунствующія. Вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ также претору Силану письменный приказъ о томъ, чтобы въ субботніе дни ни одинъ іудей не привлекался къ суду».

5. «Маркъ Агриппа посылаетъ привѣтъ начальству, совѣту и народу Кирены. Киренскіе іудеи, относительно которыхъ уже Августъ запретилъ ливійскому претору Флавію и остальнымъ лицамъ провинціи затруднять отсылку священныхъ по ихъ обычаямъ денегъ въ Іерусалимъ, теперь обратились ко мнѣ съ жалобою, что нѣкоторые чиновники препятствуютъ имъ въ этомъ, совершенно неосновательно и незаконно домогаясь различныхъ поборовъ. Поэтому я приказываю отнынѣ ни въ чемъ не стѣснять іудеевъ и, если у нѣкоторыхъ общинъ были отняты священныя деньги, возвратить ихъ тѣмъ, кому поручено было собрать ихъ, или живущимъ тамъ іудеямъ».

6. Проконсулъ «Гай Норбанъ Флаккъ посылаетъ привѣтъ свой должностнымъ лицамъ и совѣту города Сардъ. Цезарь прислалъ мнѣ приказаніе не мѣшать никому изъ іудеевъ, сколько бы ихъ ни было и собирать по установленному у нихъ обычаю и отсылать въ Іерусалимъ священныя деньги. Я пишу вамъ объ этомъ, дабы вы знали, что то желаніе не только мое, но и самого императора».

7. Равнымъ образомъ и проконсулъ Юлій Антоній писалъ: «Посылаю привѣтъ свой должностнымъ лицамъ, совѣту и населенію города Ефеса. Живущіе въ Азіи іудеи явились ко мнѣ въ февральскія иды во время судебнаго засѣданія въ Ефесѣ и заявили мнѣ, что Цезарь Августъ и Агриппа разрѣшили имъ пользоваться собственными ихъ законоположеніями

Византіи въ Сирію. Замѣчательно так. наз. monumentum Ancyranum съ надписью о подвигахъ Октавіана Августа.

жить по ихъ установленіямъ и въ знакъ благочестія приносить въ жертву Всевышнему по собственному усмотрѣнію и невозбранно все перворожденное; равнымъ образомъ они просили теперь меня закрѣпить за ними это право, дарованное имъ Августомъ и Агриппою. Посему я объявляю вамъ, что сообразно постановленіямъ Августа и Агриппы я самъ также разрѣшаю имъ это дѣлать безпрепятственно на основаніи ихъ древнихъ постановленій».

8. Все это я привелъ здѣсь по необходимости, потому что наша исторія попадетъ главнымъ образомъ въ руки грековъ. Имъ я хочу доказать, что мы не только издревле удостоивались всякихъ почестей и правители никогда не возбраняли намъ жить по нашимъ установленіямъ, но что они даже поддерживали насъ въ нашемъ благочестіи и въ воздаваніи почестей Всевышнему. Я часто упоминаю объ этомъ, чтобы примирить народы съ нами и уничтожить причину врожденной во многихъ неразумныхъ людяхъ вражды къ намъ и этимъ нашимъ установленіямъ. Среди отдѣльныхъ племенъ нѣтъ ни одного, которое жило бы по обычаямъ вполнѣ тождественнымъ съ нравами другихъ народовъ; между государствами мы въ этомъ отношеніи находимъ множество различій. Между тѣмъ у всѣхъ людей, у грековъ и у варваровъ, справедливость представляетъ одинаковое понятіе и считается вездѣ въ равной мѣрѣ полезнымъ началомъ для всѣхъ. А такъ какъ наши законы въ особенно сильной мѣрѣ отличаются этой справедливостью, то естественно, что если мы только точно слѣдуемъ этимъ законамъ, мы становимся ко всѣмъ рѣшительно расположенными и любвеобильными людьми. Поэтому мы можемъ и отъ другихъ требовать къ себѣ хорошаго отношенія и недопустимъ, чтобы съ нами обходились какъ съ чужеземцами лишь вслѣдствіе различія въ нашихъ установленіяхъ; напротивъ, мы желали бы признанія нашей пригодности и порядочности. Стремленіе въ послѣдней обще всѣмъ людямъ и представляетъ изъ себя единственное средство какъ слѣдуетъ устроить жизнь.

Возвращусь, однако, къ своему повѣствованію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Расходовавши большія деньги на внѣшнія и внутреннія дѣла царства, Иродъ какъ то узналъ, что предшественникъ его, Гирканъ, открылъ гробницу Давида и похитилъ оттуда три тысячи талантовъ серебра, но что тамъ осталось весьма много денегъ, которыми

---

[1] Срв. выше, кн. XIII, 8, 4 (стр. 36 перев.).

можно было бы покрыть всѣ расходы; поэтому онъ довольно долго обдумывалъ планъ воспользоваться этими суммами. И вотъ однажды ночью онъ съ большими предосторожностями, чтобы никто изъ гражданъ не узналъ о томъ, распорядился открыть гробницу и въ сопровожденіи преданнѣйшихъ друзей своихъ вошелъ въ нее. Впрочемъ денегъ, подобно Гиркану, онъ тутъ не нашелъ, но за то обрелъ огромное множество золотыхъ украшеній и разныхъ драгоцѣнностей. Все это онъ взялъ себѣ. Желая основательно ознакомиться съ содержимымъ склеповъ, онъ захотѣлъ проникнуть глубже въ гробницы, къ тому самому мѣсту, гдѣ покоились тѣла Давида и Соломона. Тутъ однако погибли двое изъ его оруженосцевъ какъ говорятъ, отъ пламени, которое вылетѣло на нихъ, когда они сдѣлали попытку проникнуть внутрь склепа. Въ полномъ ужасѣ Иродъ выбѣжалъ изъ склепа и затѣмъ распорядился воздвигнуть, въ знакъ умилостивленія Предвѣчнаго, памятникъ изъ бѣлаго камня при входѣ въ гробницу. На это онъ израсходовалъ огромную сумму денегъ. Объ этомъ памятникѣ упоминаетъ также современный Ироду историкъ Николай, но не говоритъ, чтобы царь проникъ въ самую гробницу, такъ какъ онъ (Николай) понималъ все неприличіе подобнаго дѣянія. Впрочемъ, и въ другихъ случаяхъ этотъ писатель поступаетъ подобнымъ же образомъ. Живя въ его царствѣ и находясь съ царемъ въ личныхъ сношеніяхъ, онъ писалъ лишь въ угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этомъ исключительно на такихъ фактахъ, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многія изъ явныхъ его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая ихъ. Такъ, напр., онъ старается превознести царя даже въ такихъ его поступкахъ, какъ казнь Маріамны и умерщвленіе сыновей ея, и для этого клевещетъ, обвиняя царицу въ отсутствіи цѣломудрія, а юношей въ интригахъ (противъ царя). Вообще, во всей своей исторіи этотъ авторъ чрезмѣрно превозноситъ всѣ справедливые поступки царя и въ такой же мѣрѣ старается извинить всѣ совершенныя имъ беззаконія. Впрочемъ, какъ я уже говорилъ, ему это вполнѣ простительно: онъ писалъ не исторію, а оказывалъ лишь услугу царю. Мы же, которые сами происходимъ изъ асмонейскаго царскаго рода и поэтому сами принадлежимъ къ священническому сословію, не сочли удобнымъ говорить о немъ неправду и чистосердечно и сообразно истинѣ излагаемъ ходъ событій; правда, мы высоко чтимъ многихъ царственныхъ потомковъ Ирода, но гораздо выше ихъ мы ставимъ истину, которой, когда Иродъ поступалъ справедливо.....[1]. Поэтому случилось, что мы навлекли на себя гнѣвъ ихъ.

[1] Здѣсь въ текстѣ пропускъ.

2. Послѣ его безбожнаго посягательства на гробницу домашнія дѣла Ирода видимо стали ухудшаться оттого ли, что уже прежде замѣчались изъяны, которые теперь стали рости отъ его грѣховности и наконецъ привели къ неописаннымъ бѣдствіямъ, или потому, что царя преслѣдовалъ злой рокъ; при этомъ то обстоятельство, что онъ (въ прочихъ дѣлахъ) былъ счастливъ, могло вызвать предположеніе, что всѣ эти (домашнія) неурядицы являлись слѣдствіемъ его грѣховности. Въ придворномъ кругу былъ такой разладъ, какой бываетъ въ моментъ междоусобной войны: всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся въ чудовищныхъ взаимныхъ навѣтахъ. Антипатръ постоянно ковалъ крамолу противъ своихъ братьевъ; онъ очень ловко навлекалъ на нихъ обвиненія извнѣ, тогда какъ самъ притворялся нерѣдко ихъ заступникомъ. Дѣлалъ онъ это съ цѣлью выказать имъ якобы свое расположеніе и преданность; на самомъ дѣлѣ онъ преслѣдовалъ лишь свои личные планы. Такимъ образомъ дѣйствій онъ ловко обманывалъ даже отца своего, такъ что послѣдній былъ убѣжденъ, что онъ все предпринимаетъ исключительно въ видахъ его блага. Въ виду этого Иродъ подчинилъ Антипатру даже своего главнаго министра Птолемея, и сталъ совѣтоваться относительно государственныхъ дѣлъ съ его матерью. Однимъ словомъ, эти люди стали отнынѣ играть главнѣйшую роль, могли дѣлать, что бы ни пожелали и возбуждать царя противъ кого угодно. Тѣмъ временемъ сыновья Маріамны все сильнѣе ощущали тягость своего положенія и въ сознаніи своего благороднаго происхожденія никакъ не могли примириться съ постигшимъ ихъ безчестьемъ, именно, что они были отторгнуты (отъ семьи) и занимали такое неблестящее положеніе. Что касается женщинъ, то жена Александра, дочь Архелая, Глафира, питала ненависть къ Саломіи, отчасти изъ чувства привязанности къ своему мужу, отчасти потому, что ее обвиняли въ слишкомъ высокомѣрномъ отношеніи къ дочери Саломіи. Дочь послѣдней была замужемъ за Аристовуломъ, и Глафира не выносила, что та держала себя какъ равная ей.

3. Когда эта ссора обнаружилась во второй разъ, сюда оказался замѣшаннымъ даже братъ царя, Ферора. Онъ навлекалъ на себя особенное подозрѣніе и ненависть, потому что совершенно подчинился одной изъ своихъ рабынь, такъ недостойно увлекся любовью къ ней и въ столь сильной мѣрѣ отдался ей, что совершенно забросилъ невѣсту, дочь царя, и только думалъ о рабынѣ. Иродъ почувствовалъ себя опозореннымъ со стороны брата, которому онъ оказалъ такія значительныя благодѣянія, котораго онъ сдѣлалъ своимъ соправителемъ и который, какъ онъ видѣлъ, платилъ ему теперь зломъ за добро. Онъ не желалъ его даже видѣть. Не

считая Ферору достойнымъ этой дѣвушки, Иродъ выдалъ ее за сына Фасаила; лишь долго спустя, когда онъ могъ предположить, что страсть погасла въ его братѣ, онъ вступилъ съ нимъ вновь въ переговоры о бракѣ и предложилъ ему въ жены свою вторую дочь, называвшуюся Кипрой. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Птолемей сталъ совѣтовать Ферорѣ прекратить оскорбительное для брата поведеніе и покончить съ своимъ любовнымъ увлеченіемъ. При этомъ (министръ) указывалъ, что постыдно въ угоду рабынѣ лишать себя расположенія со стороны царя, возбуждать послѣдняго и подавать ему поводъ къ сильной ненависти.

Видя всю пользу такого измѣненія вещей, Ферора вспомнилъ, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнулъ рабыню, успѣвшую родить ему ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ царю согласіе на бракъ съ второю его дочерью, назначилъ срокомъ свадьбы тридцать дней и поклялся при этомъ, что отнынѣ прекратитъ всѣ свои отношенія къ отторгнутой рабынѣ. По истеченіи тридцатидневнаго срока однако онъ настолько былъ одержимъ любовью къ рабынѣ, что отказался рѣшительно отъ всѣхъ своихъ намѣреній и вновь вернулся къ любимой женщинѣ. Это окончательно разстроило и взорвало Ирода, который не скрывалъ своего гнѣва. Отнынѣ царь въ разговорахъ постоянно дѣлалъ разные намеки, и многіе, основываясь на гнѣвѣ Ирода, дѣлали эти замѣчанія исходною точкою разныхъ навѣтовъ противъ Фероры. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Напротивъ, постоянно ему докладывали о новыхъ распряхъ между его родными и наиболѣе близкими ему людьми. Такъ, напр., Саломія дошла въ своемъ сильномъ озлобленіи противъ сыновей Маріамны до того, что вмѣшалась въ супружескія отношенія своей родной дочери, бывшей замужемъ за Аристовуломъ, однимъ изъ юныхъ сыновей Маріамны, и побудила ее разсказать и сообщить ей о многомъ, чего бы та собственно не должна была говорить. Этимъ она вызывала раздоры и вводила новые поводы къ подозрѣніямъ. Такимъ образомъ она сама разузнавала все, что происходило между юношами, и сѣяла разладъ между дочерью и ея мужемъ. Въ угоду своей матери дочь часто сообщала Саломіи, какъ братья, оставаясь наединѣ, вспоминаютъ о Маріамнѣ, какъ ненавидятъ отца и какъ постоянно грозятъ, въ случаѣ, если когда либо достигнутъ царства, обратить сыновей Ирода отъ прочихъ женъ въ сельскихъ писарей (къ чему-де они благодаря своимъ теперешнимъ занятіямъ и по своей подготовкѣ только и способны), и какъ они грозятъ, если увидятъ женщинъ въ царственномъ убранствѣ ихъ матери, облечь ихъ въ

мѣшки и бросить въ темницы, гдѣ бы онѣ не видѣли даже солнечнаго свѣта. Все это чрезъ посредство Саломіи немедленно сообщалось царю, который узнавалъ о томъ, правда, съ скорбью въ сердцѣ, но всетаки старался объ общемъ умиротвореніи. Впрочемъ, всѣ эти подозрительныя вѣсти мучили его, онъ лишь болѣе озлоблялся и въ концѣ концовъ начиналъ вѣрить всему. Хотя онъ тогда относительно своихъ сыновей держалъ себя все еще довольно милостиво, вслѣдствіе того, что они съумѣли оправдаться передъ нимъ, однако за то впослѣдствіи произошло гораздо болѣе крупное горе.

4. Дѣло въ томъ, что Ферора явился къ Александру, женатому, какъ мы упомянули, на дочери Архелая, Глафирѣ, и сообщилъ ему будто бы со словъ Саломіи, что Иродъ воспылалъ страстью къ Глафирѣ и притомъ страстью неудержимою. Услышавъ это, Александръ по юности и страстности своей страшно разгорячился и на основаніи случайно прорвавшагося замѣчанія сталъ особенно подозрительно относиться къ проявленіямъ нѣжности Ирода къ молодой женщинѣ (а Иродъ дѣйствительно неоднократно выражалъ ей свое расположеніе) и принимать ихъ съ самой скверной стороны. Наконецъ, онъ чувствовалъ себя болѣе не въ силахъ сдерживать свое горе, отправился къ отцу и со слезами повѣдалъ ему то, что сообщилъ ему Ферора. Иродъ окончательно вышелъ изъ себя и, не будучи въ состояніи снести столь гнусной для него и притомъ ложной клеветы, страшно заволновался; онъ громко сталъ жаловаться на гнусность своихъ родныхъ, которымъ онъ оказалъ столько добра и которые въ свою очередь возвели на него такую напраслину, послалъ затѣмъ за Феророю и обратился къ нему съ проклятіями: «Гнуснѣйшій мерзавецъ, сказалъ онъ ему, неужели ты дошелъ до такой степени неблагодарности, что могъ обо мнѣ подумать и распространять такія вещи? Развѣ я не вполнѣ ясно вижу въ этомъ твои намѣренія; вѣдь ты являешься къ моему сыну съ такими рѣчами не только для того, чтобы опозорить меня, но и добиваешься моей гибели, заставляя дѣтей моихъ ковать крамолу противъ меня и готовить мнѣ ядъ ихъ руками? Какой бы сынъ, если бы его не охраняли, подобно этому, добрые геніи, удержался отъ убійства родного отца при такомъ обвиненіи, возводимомъ на него? Развѣ ты желалъ вселить въ его душу одинъ лишь разладъ или же дать ему въ руку и мечъ противъ родителя? Чего же ты желалъ, когда ты въ ненависти своей къ нему и къ его брату, прикидываясь другомъ, клеветалъ ему на меня и говорилъ ему такія вещи, которыя измыслить и вымолвить могла лишь твоя гнусность? Прочь, негодяй, который такъ подло поступилъ отно-

сительно своего благодѣтеля и брата; пусть позоръ твой будетъ вѣчно на тебѣ, я же не только не стану преслѣдовать моихъ дѣтей, какъ они того заслуживаютъ, но превзойду самого себя въ ласковомъ къ нимъ отношеніи въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ они того достойны».

5. Такъ говорилъ царь, Ферора же, который на мѣстѣ попался въ своей гнусности, сказалъ, что все выдумала Саломія, отъ которой де и исходятъ всѣ эти рѣчи. Лишь только услышала это присутствовавшая тутъ же Саломія, какъ она притворно возопила, что все это ложь относительно ея, что всѣ прилагаютъ всяческія усилія навлечь на нее ненависть царя и что всякимъ образомъ хотятъ погубить ее за ея преданность Ироду, котораго она всегда предваряетъ объ угрожающихъ ему опасностяхъ. Въ настоящую минуту возбужденіе противъ нея достигло еще гораздо большихъ размѣровъ, потому что она была единственною, которая убѣждала брата отречься отъ теперешней жены своей и жениться на дочери царя. Очевидно, что онъ и возненавидѣлъ её за это. Пока она такъ говорила, она рвала на себѣ волосы и неоднократно била себя въ грудь. Все это по виду убѣждало въ ея искренности, но гнусность ея характера явно свидѣтельствовала о притворствѣ съ ея стороны. Тѣмъ временемъ Ферора стоялъ посреди нихъ и не имѣлъ возможности приличнымъ образомъ оправдаться; онъ долженъ былъ признаться въ томъ, что дѣйствительно распускалъ такіе слухи про царя, но ему не вѣрили, что онъ говорилъ съ чужихъ словъ. Эта перебранка и споръ между ними продолжались порядочное время. Наконецъ царь съ чувствомъ гадливости отпустилъ отъ себя какъ брата, такъ и сестру, похвалилъ сына за силу воли и за то, что онъ передалъ ему всѣ эти навѣты, и уже поздно вечеромъ подумалъ о томъ, чтобы дать тѣлу своему покой и отдыхъ. Вся эта внезапно обнаружившаяся исторія сильно повредила репутаціи Саломіи (всѣ были увѣрены, что навѣтъ всетаки исходилъ отъ нея). Жены царя были и безъ того возстановлены противъ нея, такъ какъ знали ея скверный характеръ и ея непостоянство, въ силу котораго она становилась съ ними то во враждебныя, то въ дружескія отношенія. Поэтому онѣ постоянно имѣли сказать что нибудь Ироду противъ нея, а одинъ случай еще болѣе укрѣпилъ ихъ въ этой рѣшимости.

6. Арабскій царь Ободъ былъ человѣкомъ недѣятельнымъ и апатичнымъ по характеру и (поэтому) всѣ дѣла его лежали на Силлеѣ, мужѣ способномъ, еще молодомъ и красивомъ. Однажды Силлей по какому то дѣлу прибылъ къ Ироду. Обѣдая вмѣстѣ съ послѣднимъ, онъ увидѣлъ Саломію и почувствовалъ влеченіе къ ней. Зная къ тому же, что она вдова,

онъ вступилъ съ нею въ разговоръ. Саломія, въ свою очередь теперь не пользовавшаяся такимъ расположеніемъ брата, какъ нѣкогда, и отнесшаяся тепло къ молодому человѣку, согласилась на бракъ съ нимъ. Съ этого момента всѣ присутствовавшія за столомъ (женщины) убѣдились, что между Силлеемъ и Саломіею явно установились необыкновенно короткія отношенія. Обо всемъ этомъ женщины донесли царю, причемъ смѣялись надъ неприличнымъ поведеніемъ обоихъ. Иродъ обратился по этому поводу также къ Ферорѣ и поручилъ ему прослѣдить за столомъ, какъ тѣ относятся другъ къ другу. Ферора сообщилъ, что судя по ихъ жестам[illegible] взорамъ они очевидно пришли къ взаимному между собою соглашенію. П[illegible]этого арабъ уѣхалъ, оставаясь подъ подозрѣніемъ. Спустя однако дв[illegible]и три мѣсяца, онъ вновь вернулся и теперь уже прямо явился къ Ироду съ предложеніемъ выдать за него замужъ Саломію. При этомъ онъ указывалъ, что такое родство будетъ не безполезно для него въ смыслѣ вступленія царя въ болѣе тѣсное общеніе съ царствомъ арабскимъ, которое въ сущности у него уже теперь почти въ рукахъ, а впослѣдствіи навѣрно перейдетъ къ нему. Когда Иродъ передалъ сестрѣ своей это предложеніе и спросилъ ее, согласна ли она на такой бракъ, та немедленно отвѣтила утвердительно. Тогда отъ Силлея потребовали перехода въ еврейство (иначе бракъ былъ невозможенъ); тотъ однако на это не согласился, ссылаясь на то, что въ такомъ случаѣ арабы побьютъ его камнями. Съ этимъ онъ уѣхалъ. Между тѣмъ Ферора сталъ обвинять Саломію въ несоблюденіи цѣломудренности, тѣмъ болѣе, что и женщины утверждали, что у нея установились слишкомъ интимныя отношенія къ арабу. Тогда Саломія попросила выдать за сына своего отъ брака съ Костобаромъ ту дѣвушку, которую царь первоначально предназначалъ въ жены своему брату, но которой не взялъ Ферора, такъ какъ, сообразно нашему сообщенію, онъ былъ увлеченъ другой женщиной. Царь первоначально согласился на этотъ бракъ, но затѣмъ склонился на убѣжденія Фероры, который указывалъ на то, что юноша этотъ не будетъ надежнымъ зятемъ, такъ какъ его отецъ былъ убитъ Иродомъ, и что было бы куда правильнѣе выдать дѣвушку замужъ за его собственнаго сына, будущаго владѣльца тетрархіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ прощенія у Ирода и тотъ согласился на это. Такимъ образомъ дѣвушка, перемѣнивъ жениха, вышла за сына Фероры, и царь подарилъ ей въ приданое сто талантовъ [1].

---

[1] Срв. Іуд. войну, I, 24, 1—6.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Домашнія смуты однако отнюдь не прекращались, но постоянно вызывали все новыя и большія осложненія. И вотъ случилось нѣчто, что, проистекая изъ довольно сквернаго источника, повело впослѣдствіи къ крупнымъ затрудненіямъ. У царя были евнухи, которыхъ онъ крайне любилъ за ихъ красоту. Изъ нихъ одинъ исполнялъ обязанности виночерпія, другой служилъ за столомъ, а третій, какъ наиболѣе преданный, долженъ былъ заботиться о ложѣ царя. Вліяніе ихъ на государственныя дѣла было огромно.

Кто то донесъ царю, что сынъ Ирода, Александръ, п[illegible]дъ этихъ евнуховъ огромною суммою денегъ. Когда они были доп[illegible] относительно дружественныхъ сношеній съ Александромъ и близости къ нему, они этого не отрицали, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивали на невиновности своей въ смыслѣ какихъ либо козней противъ отца Александра. Однако, когда ихъ подвергли пыткѣ, и они очутились въ безвыходномъ положеніи, причемъ палачи въ угоду Антипатру особенно старательно мучили ихъ, несчастные сказали, что въ душѣ Александра (дѣйствительно) были нерасположеніе и ненависть къ отцу и что Александръ убѣждалъ ихъ покинуть уже слишкомъ состарившагося Ирода, который де старался скрыть свои лѣта, крася волосы и такимъ образомъ вводя всѣхъ въ заблужденіе относительно своего возраста. Если же, говорилъ онъ, они будутъ преданы ему, то, лишь только онъ добьется царскаго престола, который, несмотря ни на какія желанія царя, всетаки долженъ перейти только къ нему (Александру), они быстро получатъ первыя мѣста въ государствѣ. При этомъ онъ будто бы указывалъ на то, что не только благодаря своему происхожденію, но и вслѣдствіе того, что у него все уже приготовлено, власть не можетъ миновать его, такъ какъ многіе изъ военачальниковъ и цѣлый рядъ вѣрныхъ и надежныхъ друзей вполнѣ готовы сдѣлать для него все и подвергнуться чему угодно.

2. Узнавъ объ этомъ, Иродъ весь преисполнился гнѣва и страха; онъ озлобился такими гнусными рѣчами, и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ испугали его, заставляя видѣть всюду опасность. Все это въ совокупности только еще больше раздражало его, и онъ въ своемъ озлобленіи опасался, какъ бы въ эту минуту ему не угрожала болѣе серьезная опасность, чѣмъ отъ какой онъ былъ въ силахъ оградить себя. Въ виду этого онъ не приступалъ къ открытому разслѣдованію дѣла, но подослалъ къ подозрительнымъ лицамъ соглядатаевъ. Такъ какъ онъ относился съ недовѣріемъ и ненавистью рѣ-

шительно ко всѣмъ и всюду видѣлъ угрожающую опасность, то сталъ питать подозрѣніе даже относительно ни въ чемъ неповинныхъ людей. Въ этомъ онъ совершенно не зналъ никакихъ границъ: тѣ, кто на его взглядъ были при немъ слишкомъ долго, казались ему опасными, такъ какъ онъ считалъ ихъ болѣе способными нанести ему зло; тѣхъ же, кто почему либо не общался съ нимъ, было достаточно только назвать: этого ему было довольно, чтобы загубить ихъ и тѣмъ гарантировать себѣ личную безопасность.

Въ концѣ концовъ его приближенные, потерявъ всякую увѣренность въ своей безопасности, стали доносить другъ на друга, торопясь предупредить въ этомъ своихъ товарищей и думая лишь сами оградить себя; когда случалось, что они достигали своей цѣли, то въ свою очередь навлекали на себя подозрѣнія и оказывались сами (въ глазахъ царя) достойными того же наказанія, которое они столь предупредительно и преступно уготовили своимъ товарищамъ. Такимъ то образомъ поступали всѣ тѣ, кто имѣлъ съ кѣмъ либо личные счеты, но месть ихъ падала назадъ на ихъ же собственныя головы; каждый случай представлялся имъ удобнымъ для того, чтобы устроить ловушку противникамъ; впрочемъ они сами попадались такимъ же способомъ, какимъ старались устроить козни другимъ. Дѣло въ томъ, что на царя вскорѣ нападало раскаяніе въ гибели людей очевидно невиновныхъ, но это тяжелое чувство отнюдь неудерживало его отъ дальнѣйшихъ подобныхъ мѣропріятій, а скорѣе побуждало его подвергать доносчиковъ такой же участи.

3. Таковы были смуты при дворѣ. Царь объявилъ уже многимъ приближеннымъ своимъ, что впредь не требуетъ болѣе ихъ посѣщеній. Это распоряженіе онъ сдѣлалъ для того, чтобы имѣть большую свободу дѣйствій и не стѣсняться попрежнему. При этомъ случаѣ онъ удалилъ отъ себя также двухъ издавна преданныхъ ему друзей, Андромаха и Гемелла, которые оказали ему многочисленныя услуги при дворѣ и не мало поддерживали его во время посольствъ и разныхъ совѣщаній, равно какъ воспитали сыновей Ирода; они раньше занимали высокое мѣсто при дворѣ. Андромаха царь удалилъ оттого, что сынъ его былъ близокъ къ Александру, Гемелла же потому, что онъ зналъ личную преданность старика Александру, котораго онъ воспиталъ и обучилъ и съ которымъ не разлучался во все время пребыванія его въ Римѣ. Царь охотно избавился бы отъ нихъ менѣе деликатнымъ способомъ, но такъ какъ онъ не могъ этого сдѣлать относительно столь выдающихся и недавно еще игравшихъ у него столь крупную роль мужей, то лишилъ ихъ только

внѣшняго почета и тѣмъ предупредилъ возможность преступныхъ замысловъ съ ихъ стороны.

4. Виновникомъ всего этого являлся Антипатръ, который, понявъ страшное дѣйствіе распущенности отца своего, издавна былъ его ближайшимъ совѣтникомъ и разсчитывалъ скорѣе всего добиться своей цѣли, если избавится рѣшительно отъ всѣхъ лицъ, которыя могли бы оказывать ему сопротивленіе. И вотъ, лишивъ такимъ образомъ Андромаха всякаго вліянія, царь сталъ подвергать пыткамъ всѣхъ, кого признавалъ за лицъ преданныхъ Александру, и добиваться, не знаютъ ли они о какой нибудь интригѣ противъ него. Всѣ эти люди умирали, не имѣя что сказать. Это (еще болѣе) озлобляло царя, такъ какъ онъ не могъ допытаться ничего изъ предполагавшагося имъ. Антипатръ при этомъ выказалъ необычайное умѣнье представлять дѣйствительно невинныхъ людей въ качествѣ непоколебимыхъ и преданныхъ приверженцевъ (Александра) и побуждать тѣмъ самымъ царя къ еще болѣе тщательнымъ розыскамъ въ области тайныхъ мѣропріятій. Однажды одна изъ многочисленныхъ жертвъ пытки сказала, что знаетъ, какъ юноша неоднократно, когда его хвалили за высокій ростъ и умѣнье стрѣлять и прославляли его доблесть, говаривалъ, что всѣ эти блага, которыми надѣлила его природа, скорѣе вредны ему, чѣмъ полезны: за нихъ де отецъ сердится на него и завидуетъ ему. Поэтому онъ во время совмѣстныхъ прогулокъ всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охотѣ въ присутствіи отца всегда даетъ промахъ, ибо ему хорошо извѣстно завистливое чувство отца къ всякимъ соперникамъ. Когда подвергшійся пыткѣ вслѣдствіе этихъ словъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе, онъ присовокупилъ къ сказанному, что Александръ въ сообществѣ брата своего Аристовула рѣшилъ устроить во время охоты засаду и умертвить отца, затѣмъ, по совершеніи этого преступленія, бѣжать въ Римъ и добиться тамъ утвержденія на царскомъ престолѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было захвачено также письмо юноши къ брату, гдѣ Александръ обвинялъ отца въ несправедливости, такъ какъ онъ предоставилъ Антипатру область, дававшую доходъ въ двѣсти талантовъ. Иродъ рѣшилъ, что тутъ у него въ рукахъ имѣется уже существенное и непреложное на его взглядъ доказательство виновности сыновей. Поэтому онъ распорядился схватить Александра и посадить въ тюрьму. Впрочемъ, онъ всетаки и теперь еще не успокоился, такъ какъ не очень вѣрилъ доходившимъ до него слухамъ (при нѣкоторомъ размышленіи царь приходилъ къ выводу, что пока еще нисколько не обнаружились коварные замыслы юношей, а напротивъ, только ихъ неудовольствіе и извѣстное юношеское самолюбіе,

да и очевидно было, что убійца никакъ не отправится въ Римъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ бы имѣть въ рукахъ какое либо болѣе солидное доказательство беззаконныхъ происковъ сына и очень бы не желалъ, чтобы казалось, будто онъ слишкомъ поспѣшно рѣшилъ посадить его въ тюрьму. Поэтому онъ подвергъ пыткѣ наиболѣе выдающихся друзей Александра, загубилъ множество ихъ, но не добился отъ нихъ ничего, на что разсчитывалъ. И вотъ въ то самое время, какъ Иродъ рѣшился на такія мѣропріятія, а во дворцѣ все было преисполнено страха и смущенія, одинъ молодой человѣкъ сказалъ подъ пыткою, что Александръ поручилъ своимъ римскимъ друзьямъ добиться у Цезаря скорѣйшаго приглашенія его (Александра) въ Римъ, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить подробности направленнаго противъ императора плана, въ силу котораго отецъ его склонилъ на свою сторону противъ римлянъ парѳянскаго царя Митридата. Къ этому юноша присовокупилъ, что Александръ приготовилъ и держитъ въ Аскалонѣ наготовѣ ядъ.

5. Этому навѣту Иродъ повѣрилъ, находя нѣкоторое утѣшеніе относительно своей поспѣшности въ льстивыхъ увѣреніяхъ гнусныхъ приближенныхъ. Впрочемъ, несмотря на немедленно принятыя мѣры, яда не нашлось. Между тѣмъ Александръ, упрямо желая преисполнить чашу своихъ бѣдствій, нисколько не сталъ отрицать взводимыя на него обвиненія, но встрѣтилъ страстность отца еще большею ошибкою, быть можетъ съ цѣлью пристыдить такимъ путемъ отца, столь готоваго внимать клеветѣ, а быть можетъ и для того, чтобы, въ случаѣ если ему повѣрятъ, загубить Ирода со всѣмъ его дворомъ. Дѣло въ томъ, что Александръ составилъ въ четырехъ экземплярахъ и разослалъ заявленіе, гдѣ говорилось, что нечего прибѣгать къ пыткамъ и дальнѣйшему слѣдствію, такъ какъ онъ дѣйствительно составилъ заговоръ, въ которомъ приняли участіе также Ферора и наиболѣе преданные друзья его, и что здѣсь противъ его воли замѣшана явившаяся къ нему ночью Саломія. Всѣ заговорщики (говорилось далѣе) пришли къ одному и тому же выводу, а именно рѣшили какъ можно скорѣе избавиться отъ царя и возстановить прочный миръ и безопасность. Въ этомъ заявленіи находились также указанія на причастность къ дѣлу Птолемея и Сапиннія, наиболѣе преданныхъ царю людей. Старинные друзья теперь свирѣпствовали другъ противъ друга, какъ будто бы только что всѣхъ охватило какое то ослѣпленіе; ни защита, ни обвиненія не принимались болѣе въ разсчетъ; надъ всѣми тяготѣло сознаніе неизбѣжной роковой гибели. Пока одни томились въ оковахъ, другіе шли на смерть, а третьи съ ужасомъ думали о подобной же предстоявшей имъ

самимъ судьбѣ, во дворцѣ, на мѣстѣ прежняго веселья, воцарились уединеніе и грусть... Невыносимою показалась Ироду вся жизнь его, онъ былъ сильно разстроенъ; великимъ наказаніемъ ему было—никому больше не вѣрить и отъ всѣхъ чего то ожидать. Нерѣдко его разстроенному воображенію чудилось, что сынъ его возстаетъ противъ него и онъ видитъ его подлѣ себя съ обнаженнымъ мечемъ. При такомъ, длившемся день и ночь, душевномъ состояніи царя обуяла болѣзнь, не уступавшая бѣшенству или (полному) разстройству умственныхъ способностей.

6. Въ такомъ положеніи находился Иродъ. Узнавъ объ этомъ его состояніи, озабочиваясь судьбою дочери и мужа ея и сочувствуя Ироду, съ которымъ былъ друженъ и бѣдственное положеніе котораго зналъ, каппадокійскій царь Архелай прибылъ (въ Іерусалимъ), потому что не дѣлалъ себѣ иллюзій на счетъ дѣйствительности. Заставъ Ирода въ такомъ состояніи, онъ счелъ въ данный моментъ совершенно неумѣстнымъ ни укорять его, ни указывать на преждевременность нѣкоторыхъ его мѣръ; онъ понималъ, что если начнетъ хулить его, то только укрѣпитъ его въ настойчивости, если же поспѣшитъ защищать, то вызоветъ въ немъ лишь еще большій гнѣвъ. Поэтому онъ началъ другую тактику, чтобы поправить столь несчастное положеніе, прикинулся разгнѣваннымъ на юнаго зятя своего и говорилъ, что Иродъ еще достаточно мягокъ, что не предпринимаетъ ничего поспѣшно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ на свое желаніе расторгнуть бракъ дочери съ Александромъ и не щадить даже дочери, если бы оказалось, что она знала что либо и не донесла о томъ.

Когда Иродъ сверхъ всякаго ожиданія нашелъ Архелая таковымъ, особенно же когда увидѣлъ, какъ онъ сердится за него, царь сталъ нѣсколько мягче и, полагая, что онъ по всей видимости всетаки былъ не вполнѣ справедливъ въ своихъ предшествующихъ мѣропріятіяхъ, понемногу далъ охватить себя прежнему отцовскому чувству. Однако теперь онъ оказался вполнѣ достойнымъ сожалѣнія: когда кто нибудь сталъ отвергать взведенныя на юношу обвиненія, какъ клеветническія, онъ выходилъ изъ себя, если же Архелай поддерживалъ обвиненіе, онъ преисполнялся страшною скорбью, плакалъ и даже просилъ его не расторгать брака и не такъ сердиться на совершенныя юношею злодѣянія. Когда Архелай нашелъ, что Иродъ смягчился, онъ сталъ переносить обвиненія на друзей Александра, указывать на то, что молодого и неопытнаго человѣка загубили тѣ, и все болѣе навлекать подозрѣнія Ирода на его брата. А такъ какъ Иродъ и безъ того былъ возстановленъ противъ Фероры, то послѣдній, не имѣя посредника и видя вліяніе Архелая, самъ явился къ

нему въ черной одеждѣ. Видя предъ собою въ недалекомъ будущемъ всѣ признаки неизбѣжной гибели, онъ сдѣлалъ это. Архелай не отказался отъ заступничества, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ также на полное свое безсиліе скоро убѣдить царя, находящагося въ такомъ состояніи. Онъ сказалъ, что гораздо лучше будетъ, если Ферора самъ отправится просить у него прощенія и при этомъ возьметъ всю вину на себя. Такимъ образомъ онъ нѣсколько умѣритъ гнѣвъ Ирода приэтомъ Архелай обѣщалъ поддержать его своимъ присутствіемъ. Убѣдивъ Ферору въ цѣлесообразности этого, онъ достигъ двухъ благихъ результатовъ: во первыхъ, юный Александръ освобождался отъ тяготѣвшихъ на немъ клеветническихъ обвиненій, и во вторыхъ Ферора примирился съ братомъ. Послѣ этого Архелай вернулся въ Каппадокію, успѣвъ себѣ какъ никто въ тѣ времена снискать благоволеніе Ирода, который почтилъ его весьма цѣнными подарками и между прочимъ торжественно причислилъ его къ наиболѣе преданнымъ друзьямъ своимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ ему также поѣхать въ Римъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ уже было написано императору. До Антіохіи они ѣхали вмѣстѣ. Тутъ Иродъ устроилъ примиреніе между сирійскимъ намѣстникомъ Титіемъ и Архелаемъ, которые поссорились другъ съ другомъ, и затѣмъ вернулся обратно въ Іудею [1].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Пробывъ въ Римѣ и вернувшись оттуда, Иродъ началъ войну съ арабами по слѣдующему поводу: жители Трахона, область которыхъ императоръ отнялъ у Зенодора и отдалъ Ироду, не имѣли болѣе возможности заниматься разбоями, но были принуждены жить теперь спокойно, занимаясь земледѣліемъ. Однако этимъ они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала трудъ ихъ. Вначалѣ впрочемъ, они воздерживались отъ насилій надъ сосѣдями, потому что царь не допускалъ этого, и своею заботливостью Иродъ стяжалъ себѣ великую славу. Когда же онъ отплылъ въ Римъ съ цѣлью обвинить тамъ своего сына Александра и представить императору Антипатра, жители Трахона стали распускать слухи, будто Иродъ погибъ, отпали отъ царства и обратились къ прежнимъ обычнымъ своимъ насиліямъ относительно сосѣдей. Впрочемъ, тогда ихъ усмирили военачальники отсутствовавшаго царя. Около сорока главныхъ разбойниковъ покинули страну въ страхѣ, что ихъ постигнетъ участь попавшихся въ плѣнъ, отправились въ Аравію и были тамъ приняты Силлеемъ въ отместку за

---

[1] Срв. Іуд. войну, I, 24, 8—25, 3.

неудавшійся бракъ его съ Саломіею. Онъ предоставилъ имъ укрѣпленное мѣсто, гдѣ они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набѣги не только на Іудею, но и на всю Келесирію, причемъ Силлей оказывалъ имъ поддержку въ ихъ злодѣяніяхъ.

Когда Иродъ вернулся изъ Рима, то узналъ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи обстоятъ дѣла въ его странѣ; а такъ какъ онъ не былъ въ состояніи совладать съ разбойниками, благодаря поддержкѣ, оказываемой имъ арабами, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ внѣ себя отъ ихъ злодѣйствъ, то отправился въ Трахонъ и сталъ умерщвлять родственниковъ разбойниковъ. Вслѣдствіе этихъ бѣдствій разбойники еще болѣе озлобились, а такъ какъ у нихъ былъ законъ, въ силу котораго требовалось всяческимъ образомъ мстить убійцамъ родныхъ, они усиленно продолжали разорять и грабить всю страну Ирода. Тогда царь переговорилъ объ этомъ съ императорскими намѣстниками Сатурниномъ и Волумніемъ и потребовалъ наказанія разбойниковъ. Но отъ этого тѣ въ своемъ возбужденіи стали еще болѣе дерзки, приводили въ полное смятеніе области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли плѣнныхъ, такъ что ихъ беззаконія походили на настоящую войну. Теперь число разбойниковъ доходило уже до тысячи. Въ гнѣвѣ на это Иродъ сталъ требовать выдачи разбойниковъ и кромѣ того возвращенія долга въ шестьдесятъ талантовъ, которые онъ при посредствѣ Силлея далъ Ободу и срокъ отдачи которыхъ миновалъ. Между тѣмъ совершенно отстранившій Обода Силлей самостоятельно правилъ страною; онъ отрицалъ, чтобы въ Аравіи находились разбойники, отдачу же долга отложилъ впредь до постановленія на этотъ счетъ рѣшенія Сатурнина и Волумнія, намѣстниковъ сирійскихъ. Въ концѣ концовъ послѣдніе постановили, что деньги должны быть выданы Ироду въ тридцатидневный срокъ, равно какъ должна состояться взаимная выдача подданныхъ. Въ странѣ Ирода не нашлось, впрочемъ, рѣшительно ни единаго араба, бѣжавшаго туда вслѣдствіе совершенія какого либо преступленія или по иной причинѣ, арабамъ же было доказано, что они даютъ у себя пріютъ разбойникамъ.

2. По минованіи условленнаго срока Силлей отправился въ Римъ, не исполнивъ ничего изъ постановленнаго рѣшенія. Иродъ сталъ настойчиво требовать возвращенія денегъ и выдачи разбойниковъ, а такъ какъ Сатурнинъ и Волумній дали ему разрѣшеніе пойти на арабовъ походомъ, то онъ во главѣ войска двинулся на Аравію и сдѣлалъ въ теченіе трехъ дней семь (обычныхъ) переходовъ. Достигнувъ крѣпости, гдѣ засѣли разбойники, онъ приступомъ взялъ ихъ всѣхъ, сравнялъ крѣпость, носив-

шую названіе Раипты, съ землею, но впрочемъ никого при этомъ не обидѣлъ. Арабы подъ предводительствомъ Накеба поспѣшили имъ на помощь и произошла битва, въ которой пало не много людей Ирода, но были убиты самъ предводитель Накебъ и около двадцати пяти людей его. Остальные обратились въ бѣгство. Наказавъ ихъ, Иродъ переселилъ въ Трахонъ 3000 идумейцевъ, которые должны были держать разбойниковъ въ повиновеніи. Затѣмъ онъ отправилъ находившимся тогда въ Финикіи (римскимъ) намѣстникамъ донесеніе объ этомъ и сообщилъ, что онъ ничѣмъ не преступилъ даннаго ему относительно арабовъ полномочія. По точномъ разслѣдованіи намѣстники нашли это донесеніе вполнѣ согласнымъ съ истиною.

3. Поспѣшившіе въ Римъ вѣстники немедленно сообщили Силлею о всемъ происшедшемъ и при этомъ по обыкновенію сильно все преувеличили. Силлей тѣмъ временемъ уже успѣлъ стать извѣстнымъ императору. Лишь только онъ узналъ о посольствѣ, какъ немедленно отправился къ двору, облекшись въ черную одежду, и предсталъ предъ Цезаремъ съ жалобою на то, что Аравія опустошена войною и все его царство приведено въ смятеніе, такъ какъ Иродъ разгромилъ его со своимъ войскомъ. Со слезами на глазахъ онъ увѣрялъ, что 2500 самыхъ лучшихъ арабовъ пало и въ числѣ ихъ былъ убитъ также предводитель Накебъ, его другъ и родственникъ, что богатства, находившіеся въ Раиптѣ, разграблены, и что никакого вниманія не обратили на Обода, который не въ состояніи вести войну, такъ какъ не было на лицо ни его, Силлея, ни ядра арабской рати. Такъ говорилъ Силлей и хитро прибавилъ, что онъ самъ не покинулъ бы страны, если бы не былъ увѣренъ въ желаніи Цезаря, чтобы вездѣ и всюду царствовалъ миръ, и что война не окончилась бы благопріятно для Ирода, если бы онъ самъ оставался дома. Цезарь разгнѣвался на это и сталъ спрашивать находившихся на лицо приверженцевъ Ирода и его посланныхъ изъ Сиріи о томъ только, дѣйствительно ли Иродъ предпринялъ походъ. Такъ какъ тѣ были принуждены подтвердить это, императоръ же не входилъ въ разсужденіе, по какой причинѣ все это случилось, гнѣвъ Цезаря еще возросъ и онъ написалъ Ироду рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ, что если онъ обходился съ нимъ раньше какъ съ другомъ, онъ будетъ видѣть въ немъ теперь лишь своего подданнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и Силлей сообщилъ арабамъ письмомъ о поворотѣ дѣла. Арабы воспрянули духомъ, не стали вовсе выдавать разбойниковъ искавшихъ у нихъ убѣжища и не заплатили денегъ; напротивъ, они те-

перь совершенно свободно овладѣли пастбищами, которыя имъ Иродъ предоставилъ за плату и говорили, что вслѣдствіе гнѣва императора царь іудейскій смѣщенъ. Этимъ же моментомъ воспользовались трахонцы, возстали противъ идумейскихъ гарнизоновъ и стали разбойничать вмѣстѣ съ арабами, которые разоряли страну іудейскую, преслѣдуя здѣсь не только цѣли наживы, но особенно свирѣпствуя въ видахъ гнуснаго мщенія.

4. Когда Иродъ потерялъ расположеніе Цезаря, то всѣмъ этимъ крайне опечалился; но онъ долженъ былъ переносить это и еще худшее, что вскорѣ случилось и что его еще больше разстроило. Дѣло въ томъ, что Цезарь не принялъ его посольства, которое царь отправилъ (въ Римъ), чтобы оправдаться, равно какъ отослалъ обратно безъ аудіенціи и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасенія; еще больше огорчало его, что Силлей находился въ Римѣ и снискалъ себѣ довѣріе, въ то же самое время домогаясь всевозможныхъ altьготъ. Ободъ успѣлъ тѣмъ временемъ умереть и власть его надъ арабами перешла къ Энею, измѣнившему свое имя въ Арета. Силлей старался клеветою устранить послѣдняго отъ власти, чтобы самому овладѣть ею, и съ этою цѣлью роздалъ крупныя суммы царедворцамъ, обѣщая заплатить самому Цезарю тоже большія деньги. Императоръ успѣлъ уже разсердиться на Арета за то, что онъ вступилъ на престолъ, не списавшись предварительно съ нимъ. Между тѣмъ Аретъ послалъ императору письмо и дары, въ числѣ которыхъ находился золотой вѣнецъ стоимостью въ много талантовъ. Въ этомъ письмѣ онъ обвинялъ Силлея, говоря, что это презрѣнный рабъ, который отравилъ Обода и еще при жизни его захватилъ высшую власть, что онъ совершалъ постоянныя прелюбодѣянія съ арабскими женами и что онъ занималъ деньги, чтобы такимъ образомъ добиться власти. Однако императоръ не обратилъ на это письмо никакого вниманія, но отправилъ его обратно вмѣстѣ со всѣми дарами.

Между тѣмъ положеніе Іудеи и Аравіи все ухудшалось, такъ какъ въ одной царствовала неурядица, а въ другой все расползалось за отсутствіемъ хозяина. Царь арабскій пока не имѣлъ возможности подавлять всѣхъ нечестивцевъ, такъ какъ не успѣлъ еще упрочить власть свою, Иродъ же былъ принужденъ сносить всѣ незаслуженныя оскорбленія, потому что императоръ сердился на него за его слишкомъ поспѣшныя мѣропріятія. Не видя исхода изъ столь бѣдственнаго положенія, Иродъ рѣшилъ еще разъ отправить посольство въ Римъ съ цѣлью вновь снискать себѣ расположеніе Цезаря при помощи друзей или непосредственнымъ обращеніемъ къ самому императору.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1. Туда уѣхалъ Николай Дамасскій. Въ это время дѣла съ семействомъ и сыновьями стали у Ирода гораздо хуже (прежняго). Вообще, если раньше было очевидно, что злой рокъ уготовалъ царю самое ужасное горе, которое можетъ испытать человѣкъ, то теперь еще болѣе крупное бѣдствіе постигло царя. Эвриклъ изъ Лакедемона, человѣкъ происходившій изъ довольно знатнаго рода, но вполнѣ испорченный, равно какъ отличавшійся большимъ сладострастіемъ и льстивостью, но умѣвшій скрывать то и другое, пріѣхалъ къ Ироду, привезъ ему подарки, за которые, впрочемъ, получилъ гораздо болѣе цѣнные, и съумѣлъ ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себѣ въ особенно высокой степени расположеніе царя. Собственно онъ остановился у Антипатра, но посѣщалъ больше всего Александра, потому что говорилъ, что находится въ близкихъ отношеніяхъ къ каппадокійскому царю Архелаю. Такимъ точно образомъ онъ представлялся также поклонникомъ Глафиры и вообще незамѣтно съумѣлъ всѣхъ склонить на свою сторону, причемъ постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось и дѣлалось, чтобы выводить изъ этого сплетни.

Въ концѣ концовъ оказывалось, что каждый считалъ его исключительно своимъ только другомъ, тогда какъ всѣмъ прочимъ казалось, что онъ общается съ другими лишь имъ на пользу. И такъ удалось ему склонить на свою сторону юнаго еще Александра и убѣдить его въ томъ, что онъ только ему одному можетъ сказать рѣшительно все. Тогда тотъ со скорбью разсказалъ ему о своемъ отчужденіи отъ отца, сообщилъ ему о судьбѣ своей матери и объ отношеніяхъ въ Антипатру, какъ послѣдній, отстранивъ ихъ совсѣмъ, пользуется теперь неограниченною властью. Все это, говорилъ Александръ, прямо невыносимо, тѣмъ болѣе, что отецъ настолько уже всѣхъ ихъ возненавидѣлъ, что не принимаетъ больше участія въ ихъ обѣдахъ и вовсе не говоритъ съ ними. Такъ, вполнѣ естественно, повѣдалъ ему Александръ все, о чемъ скорбѣлъ.

Всѣ эти разговоры Эвриклъ передалъ Антипатру, указывая на то, что онъ дѣлаетъ это не изъ корыстныхъ или личныхъ цѣлей, но потому, что его, котораго Антипатръ принялъ съ такими почестями, совершенно подавляетъ вся серьезность этого положенія: онъ присовокупилъ еще совѣтъ остерегаться Александра. Вѣроятно, говорилъ онъ, все это было сказано не спроста: очевидно, что въ основаніи всѣхъ этихъ словъ лежитъ какое-нибудь крайнее рѣшеніе. Видя въ этомъ доказательство его дружбы и

расположенія, Антипатръ сталъ теперь дѣлать Эвриклу при разныхъ случаяхъ подарки и въ концѣ концовъ уговорилъ его даже сообщить о всемъ Ироду. Царь изъ его убѣдительныхъ рѣчей вполнѣ вывелъ заключеніе о правильности непріязни Александра, и Эвриклу постоянными ловкими нашептываніями удалось настолько настроить и возбудить царя, что ненависть послѣдняго не знала теперь предѣловъ. Это онъ показалъ сейчасъ же, сдѣлавъ Эвриклу подарокъ въ пятнадцать талантовъ. Получивъ эти деньги, Эвриклъ поѣхалъ къ каппадокійскому царю Архелаю и сталъ тамъ восхвалять Александра и Ирода, говоря, что онъ самъ оказалъ ему крупную услугу, примиривъ Александра съ отцомъ его. Получивъ затѣмъ деньги и отъ Архелая, онъ уѣхалъ раньше, чѣмъ обнаружилась его гнусность. Впрочемъ, и въ Лакедемонѣ Эвриклъ не прекратилъ своего сквернаго образа жизни и за цѣлый рядъ гнусностей былъ затѣмъ изгнанъ изъ отечества.

2. Іудейскій царь теперь уже относился къ Александру и Аристовулу не такъ, какъ прежде, когда онъ только выслушивалъ взводимую на нихъ клевету, онъ сталъ настолько озлобленъ противъ нихъ, что, если ему не клеветали на нихъ, самъ доискивался чего либо, заставляя слѣдить рѣшительно за всѣмъ, все разузнавая и охотно слушая каждаго, кто могъ сказать противъ юношей что бы то ни было. (И вотъ онъ узналъ), [1] что Эваратъ съ острова Коса вошелъ въ соглашеніе съ Александромъ. Это извѣстіе доставило Ироду особенное наслажденіе.

3. Такъ какъ клевета противъ юношей росла, и всѣ какъ будто видѣли особую, такъ сказать, заслугу въ томъ, что могли сообщить относительно ихъ что либо тяжкое, донесеніе о чемъ могло казаться преслѣдующимъ лишь благо царя, то случилось нѣчто весьма серьезное въ жизни молодыхъ людей. У Ирода было два тѣлохранителя, Юкундъ и Тираннъ, особенно цѣнимые имъ за силу и ростъ. Царь разсердился на нихъ и удалилъ ихъ отъ себя; и вотъ они стали сопровождать Александра, который цѣнилъ ихъ за ихъ гимнастическую ловкость, давалъ имъ кое какія деньги и вообще дѣлалъ имъ разные подарки. Царю немедленно они показались подозрительными, и онъ велѣлъ подвергнуть ихъ пыткѣ. Сперва они долго крѣпились, но затѣмъ сознались, что Александръ убѣждалъ ихъ умертвить Ирода, если онъ во время охоты за дикими звѣрями очутится вблизи ихъ. Тогда-де возможно будетъ сказать, что царь свалился съ лошади и упалъ на ихъ копья, какъ это разъ съ нимъ дѣйствительно и

[1] Тутъ въ текстѣ пропускъ, возстановляемый нами по смыслу.

случилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ они показали, что въ конюшнѣ у нихъ зарыто золото, и обвинили начальника охоты въ томъ, что онъ далъ имъ копья изъ царскаго арсенала, равно какъ, по приказанію Александра, снабдилъ оружіемъ также и слугъ послѣдняго.

4. Послѣ нихъ былъ схваченъ также комендантъ крѣпости Александреума и подвергнутъ пыткѣ. Его обвинили въ томъ, что онъ хотѣлъ принять въ эту крѣпость (царственныхъ) юношей и выдать имъ хранившуюся тамъ царскую казну. Однако онъ не признался въ этомъ, но явившійся Іуда, сынъ его, подтвердилъ правильность обвиненія и представилъ видимо писанное рукою Александра письмо слѣдующаго содержанія: «Если мы, съ Божіею помощью, совершимъ все то, что имѣемъ въ виду, то мы прибудемъ къ вамъ. Поэтому, сообразно обѣщанію, приготовьте все къ нашему пріему въ крѣпости». Послѣ полученія этого письма, Иродъ уже нисколько не сомнѣвался въ существованіи заговора сыновей противъ него. Александръ однако увѣрялъ, что писецъ Діофантъ поддѣлалъ его почеркъ и вся эта записка является плодомъ коварства Антипатра. Діофантъ слылъ знатокомъ своего дѣла и впослѣдствіи умеръ, изобличенный въ такомъ же точно поступкѣ.

5. Всѣхъ тѣхъ, кто подвергся пыткѣ, царь представилъ въ Іерихонѣ толпѣ народной, дабы добиться обвиненія сыновей своихъ. Чернь побила ихъ собственноручно камнями. Когда же толпа приготовилась подобнымъ же образомъ умертвить и Александра, царь удержалъ ее отъ этого и выслалъ для успокоенія ея Птолемея и Ферору. Юношей заключили подъ стражу и учредили за ними тщательный надзоръ; къ нимъ болѣе не допускали никого, всѣ ихъ поступки и слова замѣчались, однимъ словомъ они очутились въ ужасномъ положеніи безчестныхъ преступниковъ. Одинъ изъ арестантовъ, именно Аристовулъ, былъ доведенъ до такого отчаянія, что заставилъ даже свою тещу и тетку (Саломію), пожалѣть о постигшихъ его бѣдствіяхъ и возненавидѣть виновника ихъ. «Развѣ, говорилъ онъ, и тебѣ не угрожаетъ опасность гибели, потому что о тебѣ клевещутъ, будто ты, въ надеждѣ на бракъ съ Силлеемъ, сообщаешь ему все здѣсь происходящее?» Впрочемъ, та немедленно поспѣшила сообщить объ этихъ рѣчахъ брату. Послѣдній тогда болѣе уже не могъ сдержать себя, приказалъ заковать ихъ въ оковы и разлучить, а также велѣлъ имъ самимъ написать императору, какое зло они причинили отцу своему. Такъ имъ это было велѣно, но они написали, что вовсе не злоумышляли противъ отца своего и не принимали никакихъ мѣръ относительно его; что они (правда) задумали бѣжать, да и то

по необходимости, потому что вѣчныя подозрѣнія дѣлали имъ жизнь невыносимою.

6. Около этого времени изъ Каппадокіи отъ Архелая прибылъ посолъ, нѣкій Мела, который принадлежалъ къ числу сановниковъ царя. Иродъ, желая ему доказать нерасположеніе къ нему Архелая, велѣлъ позвать Александра, который и явился, какъ былъ, въ кандалахъ, и вновь сталъ разспрашивать его куда и какъ (братья) рѣшили бѣжать. Александръ сказалъ, что къ Архелаю, потому что послѣдній обѣщалъ доставить ихъ въ Римъ. Впрочемъ, говорилъ онъ, они не имѣли въ виду ничего неумѣстнаго или гнуснаго относительно отца и нѣтъ ни слова правды въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ихъ безсовѣстные противники. Имъ бы хотѣлось, въ видахъ болѣе точнаго разслѣдованія, чтобы Тираннъ и его товарищи еще оставались въ живыхъ, но и ихъ загубили скорѣе, причемъ Антипатръ подослалъ въ народъ своихъ собственныхъ клевретовъ.

7. При этихъ словахъ его царь приказалъ отвести Мелу и Александра вмѣстѣ къ дочери Архелая Глафирѣ и спросить у нея, не знаетъ ли она чего либо относительно злого умысла противъ Ирода. Лишь только они явились и Глафира увидала Александра въ оковахъ, какъ стала биться головою объ стѣну и внѣ себя громко и жалостно рыдать. У молодого человѣка также выступили на глазахъ слезы и всѣмъ присутствующимъ зрѣлище это было крайне тягостно, такъ что они долго не были въ состояніи сдѣлать или говорить то, ради чего явились. Нѣсколько позже Птолемей, которому было поручено привести Александра, обратился съ просьбой сказать, знала ли его жена что либо изъ его плановъ, и тогда Александръ воскликнулъ: «Да развѣ она этого не знала, она, которую я люблю больше жизни своей и которая является матерью дѣтей моихъ?» На это Глафира съ рыданіями отвѣчала, что она не знала ни о чемъ дурномъ; если же она тѣмъ сможетъ способствовать спасенію мужа, то она готова лгать на себя и разсказать все, что угодно. Александръ сказалъ: «Ни я самъ, ни ты мы не знаемъ ни о чемъ гнусномъ, что предполагаютъ тѣ, кому это всего менѣе къ лицу; тебѣ извѣстно только, что мы рѣшили удалиться къ Архелаю, а оттуда въ Римъ». Когда Глафира въ свою очередь подтвердила это, Иродъ, полагая, что онъ изобличилъ Архелая въ проискахъ противъ него, вручилъ Олимпу и Волумнію письма и приказалъ имъ во время проѣзда отдать ихъ въ Элеусѣ Киликійской, выразить ему свое неудовольствіе на то, что онъ принялъ участіе въ заговорѣ сыновей его, а оттуда поѣхать въ Римъ; если тамъ Николай сообщитъ имъ, что Цезарь болѣе не гнѣвается на него, то пусть они вручатъ ему прилагаемыя письма, которыя вполнѣ изобличаютъ козни юношей. Архелаю удалось оправдаться признаніемъ что онъ дѣйствительно собирался принять у себя юношей, но лишь съ цѣлью оказать пользу имъ и ихъ отцу, дабы послѣдній въ своемъ гнѣвѣ на взводимыя противъ нихъ обвиненія не прибѣгъ къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ; при этомъ Архелай совершенно отрицалъ свое намѣреніе направить юношей къ императору, равно какъ не обѣщалъ имъ ничего, что могло бы служить доказательствомъ его отпаденія отъ Ирода.

8. Когда посланные пріѣхали въ Римъ, имъ вскорѣ представился случай вручить письмо императору, уже успѣвшему примириться съ Иродомъ. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда онъ прибылъ въ Римъ и явился ко двору, то рѣшилъ говорить сперва не только о цѣли своего пріѣзда, но и прямо приступить къ обвиненію Саллея. Дѣло въ томъ, что арабы, еще до его прибытія, очевидно распались на враждебныя другъ другу партіи. Надѣясь найти поддержку въ немъ, многіе арабы примкнули къ Николаю, сообщили ему о всѣхъ преступленіяхъ, совершонныхъ Саллеемъ, и доставили ему очевидныя доказательства того, что онъ умертвилъ весьма многихъ приближенныхъ Обода. У нихъ въ рукахъ были и письма, попавшія къ нимъ во время ссоры и вполнѣ изобличавшія Саллея. Видя въ этомъ особенно благопріятный случай, Николай воспользовался имъ для приведенія своихъ намѣреній въ исполненіе и ревностно занялся примиреніемъ Ирода съ Цезаремъ. Онъ отлично понималъ, что если вздумаетъ оправдывать образъ дѣйствій Ирода, то не достигнетъ ничего и поэтому рѣшилъ обвинять Саллея, полагая, что тутъ представится случай замолвить словечко и за Ирода. Когда при такомъ положеніи дѣлъ былъ назначенъ день для разбора обоюдныхъ жалобъ, Николай въ присутствіи пословъ Арета сталъ во многомъ обвинять Саллея, особенно же въ томъ, что онъ умертвилъ царя и многихъ арабовъ, что онъ занималъ деньги не для полезныхъ мѣропріятій, и доказалъ, что онъ виновенъ въ изнасилованіи не только многихъ арабскихъ, но и римскихъ женщинъ. Ко всему этому онъ присоединилъ затѣмъ самое важное обвиненіе, а именно, что онъ обманулъ Цезаря, разсказавъ ему совершенно неправильно о поступкахъ Ирода. Когда Николай дошелъ до этого пункта, Цезарь остановилъ его, требуя, чтобы онъ говорилъ лишь объ Иродѣ, правда ли, что тотъ повелъ свое войско на Аравію, что онъ умертвилъ 2500 жителей и подвергъ страну разграбленію и увелъ массу плѣнныхъ. Николай сказалъ, что именно объ этомъ онъ и собирался говорить и объяснить, что ничего не прои-

зошло изъ того, что донесли императору, и что вполнѣ несправедливо сердиться на все это. При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла Цезарь сталъ особенно внимательно слушать Николая, который разсказалъ о ссудѣ въ пятьсотъ талантовъ и о существованіи росписки, въ которой сказано, что, если будетъ пропущенъ срокъ платежа, Ироду предоставляется право гарантировать себѣ уплату захватомъ всей территоріи. При такихъ условіяхъ, говорилъ онъ, весь походъ царя является уже не походомъ, а лишь поѣздкою съ цѣлью потребовать себѣ обратно собственныя свои деньги. Къ тому же и этотъ походъ не былъ предпринятъ скоро и опрометчиво и не совпалъ съ срокомъ обязательства. Иродъ рѣшился на крайнюю мѣру лишь послѣ того, какъ неоднократно обращался къ содѣйствію сирійскихъ намѣстниковъ Сатурнина и Волумнія и послѣ того, какъ Силлей наконецъ въ присутствіи ихъ поклялся именемъ императора, что онъ въ тридцатидневный срокъ уплатитъ деньги и выдастъ Ироду бѣжавшихъ изъ Іудеи къ нему подданныхъ его. А такъ какъ Силлей не сдержалъ своего обѣщанія, то Иродъ опять отправился къ (римскимъ) намѣстникамъ; когда же они разрѣшили ему взять свое, то и тогда онъ нехотя выступилъ со своимъ войскомъ. «Такова то была война, сказалъ Николай; каковою представляли ее тебѣ эти артисты, таковъ былъ весь походъ. Какая же это война, разрѣшеніе на которую дали твои собственные военачальники, которую допускалъ договоръ, причемъ подверглось поруганію имя не только прочихъ боговъ, но и твое собственное, Цезарь? Теперь же мнѣ слѣдуетъ поговорить также относительно плѣнныхъ. Бѣжавшіе отъ гнѣва Ирода сперва сорокъ, трахонскихъ разбойниковъ а потомъ и больше, сдѣлали своимъ убѣжищемъ Аравію. Ихъ принялъ къ себѣ Силлей и сталъ кормить ихъ на зло всѣмъ прочимъ обитателямъ страны. Имъ онъ роздалъ земли и съ ними онъ самъ дѣлилъ добычу отъ грабежей ихъ. Онъ клятвенно обѣщалъ выдать этихъ людей (Ироду) въ день возвращенія своего долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто былъ бы уведенъ царемъ изъ Аравіи, кромѣ именно этихъ разбойниковъ, притомъ даже не всѣхъ, а тѣхъ лишь, которые не нашли возможности скрыться. И вотъ такъ какъ вся исторія о плѣнникахъ является ложнымъ и злобнымъ измышленіемъ, то ты, Цезарь, узнаешь, какое огромное зданіе лжи воздвигъ Силлей для того только, чтобы вызвать гнѣвъ твой. Я утверждаю, что когда на насъ напала арабская рать и лишь послѣ того, какъ на сторонѣ Ирода палъ одинъ или двое а Иродъ слабо отбивался, явился на поле битвы арабскій военачальникъ Накебъ, потерявшій при этомъ случаѣ

около двадцати пяти воиновъ. Число ихъ Силлей умножилъ на сто и заявилъ, что пало двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ».

9. Это еще болѣе подѣйствовало на императора и, обратясь къ Силлею, онъ, преисполненный гнѣва спросилъ, сколько арабовъ пало. Когда тотъ смутился и сказалъ, что его ввели въ заблужденіе, тогда были прочитаны письменный договоръ, документы намѣстниковъ и цѣлый рядъ жалобъ (разныхъ) городовъ на грабежи. Цезарь былъ внѣ себя отъ ярости, такъ что присудилъ было Силлея къ смертной казни; затѣмъ онъ помирился съ Иродомъ, высказалъ ему сожалѣніе по поводу слишкомъ рѣзкаго письма своего, вызваннаго клеветою, и упрекнулъ Силлея въ томъ, что тотъ лживымъ доносомъ принудилъ его опозорить преданнаго друга. Въ концѣ концовъ Силлей былъ отправленъ домой для того, чтобы исполнить свои обязательства, согласно договору, а затѣмъ потерпѣть заслуженное наказаніе. Цезарь однако не благоволилъ Арету за то, что онъ не чрезъ него, а самовольно сѣлъ на престолъ. Онъ рѣшилъ-было отдать и Аравію Ироду, но отъ этого его удержали посланныя послѣднимъ письма. Узнавъ о томъ, что императоръ (вновь) благосклоненъ Ироду, Олимпъ и Волумній, сообразно приказанію царя, рѣшили немедленно вручить Цезарю письменное извѣщеніе о виновности сыновей Ирода. По прочтеніи этихъ писемъ императоръ рѣшилъ, что будетъ неудобно предоставить новую область старику, который не въ ладахъ съ своими собственными дѣтьми. Поэтому онъ принялъ пословъ Арета и укоривъ ихъ только въ томъ, что царь ихъ поступилъ слишкомъ поспѣшно, не дождавшись съ его стороны утвержденія на престолѣ, взялъ у нихъ дары ихъ и утвердилъ за Аретомъ власть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Примирившись съ Иродомъ, императоръ написалъ ему объ этомъ, выразилъ свое соболѣзнованіе по поводу неурядицъ его съ сыновьями и сказалъ, что если послѣдніе дѣйствительно рѣшились на какую либо крайнюю мѣру, съ ними слѣдуетъ обойтись какъ съ отцеубійцами, на что онъ его самъ и уполномочиваетъ; если же они имѣли въ виду только бѣгство, то ему слѣдуетъ измѣнить свое рѣшеніе и не предпринимать относительно ихъ ничего серьезнаго. При этомъ Цезарь совѣтовалъ ему созвать судъ, въ Беритъ, гдѣ имѣлось римское населеніе, пригласить туда намѣстниковъ и каппадокійскаго царя Архелая, равно какъ всѣхъ тѣхъ, кого Иродъ считаетъ настоящими и неизмѣнными своими друзьями, и порѣшить съ ними, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Такое письмо Це-

зарь послалъ Ироду. По полученіи его, царь очень обрадовался состоявшемуся примиренію, но еще болѣе былъ доволенъ, что ему предоставлена относительно своихъ сыновей, полная свобода дѣйствій. И поскольку прежнія несчастія сдѣлали его человѣкомъ тяжелымъ, хотя и не могли бы подвинуть его на кровавую расправу съ собственными дѣтьми, постольку онъ теперь, въ виду поворота дѣлъ къ лучшему и возвращенія свободы дѣйствій, совершенно отдался мощному чувству своей ненависти. Итакъ, онъ запослалъ въ судъ такое количество человѣкъ, какое ему заблагоразсудилось, за исключеніемъ, впрочемъ, одного Архелая: онъ не считалъ возможнымъ пригласить его, въ виду его враждебности а также оттого, что предусматривалъ съ его стороны серьезный отпоръ.

2. Когда въ Беритъ прибыли (римскіе) намѣстники и всѣ вызванные царемъ изъ различныхъ городовъ, Иродъ помѣстилъ сыновей своихъ (не желая ихъ представлять судьямъ) въ сидонской деревушкѣ Платанѣ, вблизи города, чтобы всегда имѣть возможность представить ихъ въ случаѣ ихъ вызова въ судъ. Самъ онъ лично предсталъ предъ полутораста судьями и началъ свое обвиненіе, которое казалось не слишкомъ тяжкимъ, поскольку его принуждали къ тому печальныя обстоятельства, но которое было совершенно неумѣстно въ устахъ отца относительно дѣтей своихъ. Онъ былъ крайне раздраженъ и выходилъ изъ себя, доказывая виновность юношей; при этомъ онъ выказалъ явные признаки своего гнѣва и необузданной дикости, не давая судьямъ возможности лично провѣрять доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвиненіе дѣтей, самъ читая ихъ письма, въ которыхъ, впрочемъ, вовсе не упоминалось ни о заговорѣ, ни о какомъ либо другомъ преступномъ замыслѣ, но гдѣ только говорилось объ ихъ планахъ бѣгства и встрѣчались нѣкоторыя крупныя рѣзкости по его адресу, вызывавшіяся его собственною враждебностью къ дѣтямъ. На такихъ мѣстахъ царь возвышалъ голосъ и говорилъ, что тутъ лишнее доказательство очевиднаго существованія заговора, причемъ клялся, что охотнѣе лишился бы жизни, чѣмъ выслушивать такія рѣчи. Въ заключеніе онъ сказалъ, что какъ по природѣ, такъ и въ силу предоставленной ему императоромъ власти онъ имѣлъ бы право рѣшить данный вопросъ по собственному усмотрѣнію, и привелъ древнее постановленіе, въ силу котораго, если родители человѣка выступали противъ него съ обвиненіемъ и возлагали руки свои на голову сына, послѣдній обязательно подвергался побитію камнями со стороны всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ. Несмотря на то, что онъ (царь) властенъ дѣлать въ своей странѣ и въ своемъ царствѣ все, что угодно, онъ всетаки готовъ

выслушать приговоръ судей. Послѣдніе, говорилъ онъ, здѣсь не столько въ качествѣ судей, долженствующихъ вынести приговоръ по очевидному преступленію дѣтей, которыя его чуть не погубили, сколько въ качествѣ свидѣтелей, имѣющихъ возможность понять гнѣвъ его, такъ какъ никто, даже иноземецъ, не отнесется безучастно къ столь коварному замыслу.

3. Послѣ этой рѣчи царя судьи, даже не пригласивъ юношей въ засѣданіе для возраженія на обвиненія, рѣшили, что невозможно смягчить гнѣвъ Ирода или побудить его къ примиренію, и поэтому согласились съ нимъ. Первымъ высказалъ свое мнѣніе Сатурнинъ, бывшій консулъ и человѣкъ съ вѣсомъ, выражаясь сдержанно, какъ то подобало его высокому общественному положенію. Онъ сказалъ, что Иродъ можетъ судить сыновей своихъ, но не считаетъ его вправѣ умерщвлять ихъ. Онъ де говоритъ, какъ отецъ, также имѣющій сыновей, и оставался бы при своемъ мнѣніи даже при болѣе тяжкихъ условіяхъ, если бы дѣти его причинили ему даже болѣе крупное горе. За нимъ высказались совершенно въ такомъ же точно смыслѣ и сыновья Сатурнина; ихъ было трое и они сопровождали отца своего въ качествѣ легатовъ. Волумній, напротивъ, настаивалъ на смертной казни людей, совершившихъ такое преступленіе относительно отца своего. То же самое по очереди говорило и большинство судей, такъ что казалось, что теперь уже ничто не спасетъ юношей отъ смерти.

Вдругъ Иродъ увезъ юношей въ Тиръ. Сюда прибылъ къ нему изъ Рима Николай. Разсказавъ ему предварительно о всемъ, происшедшемъ въ Беритѣ, царь сталъ разспрашивать его, какого мнѣнія держатся его римскіе друзья насчетъ сыновей его. Тотъ отвѣтилъ, что друзья считаютъ ихъ намѣренія преступными, но совѣтовалъ при этомъ заключить ихъ только въ тюрьму и стеречь ихъ тамъ. «Если ты, впрочемъ, сказалъ онъ, всетаки рѣшишь казнить ихъ, то сдѣлай это погодя, чтобы не навлечь на себя обвиненія, будто ты дѣйствовалъ по внушенію гнѣва, а не разсудка. Если же ты, напротивъ, думаешь помиловать ихъ, то отпусти ихъ, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой бѣды. Таково мнѣніе и большинства твоихъ римскихъ друзей». Онъ умолкъ а царь погрузился въ глубокое раздумье и затѣмъ приказалъ Николаю ѣхать вмѣстѣ съ нимъ.

4. Когда Иродъ пріѣхалъ въ Цезарею, все населеніе тотчасъ стало говорить только объ его сыновьяхъ, и вся столица была въ волненіи, какой исходъ приметъ дѣло. Страхъ обуялъ всѣхъ при мысли, что старая неурядица приведетъ теперь къ крайне тягостному концу и, хотя всѣ со-

чувствовали страданіямъ (узниковъ), безъ риска нельзя ничего говорить и даже слушать другихъ. Всѣ скрывали въ душѣ свое соболѣзнованіе и замѣтно переносили страшнѣйшія страданія. Впрочемъ, нашелся нѣкій ветеранъ, по имени Тиронъ, сынъ котораго, будучи сверстникомъ Александра, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ послѣднимъ. Все то, о чемъ думали другіе и о чемъ они молчали, онъ свободно высказывалъ, при чемъ неоднократно и безъ стѣсненія говорилъ народу, что истина погибла, что справедливость въ людяхъ исчезла, что ложь и порочность овладѣли ими и что дѣла находятся въ такомъ непригладномъ свѣтѣ, что преступники не видятъ даже всего ужаса человѣческихъ страданій. Все это онъ говорилъ свободно, подвергаясь при этомъ значительной опасности. Правильность его взглядовъ трогала всѣхъ, такъ какъ онъ столь смѣло и мужественно выступилъ съ ними въ такую минуту. Поэтому всѣ, кто слышали его рѣчи, относились къ нему съ уваженіемъ и съ удивленіемъ взирали на его безстрашіе въ то самое время, какъ сами считали болѣе безопаснымъ хранить молчаніе. Перспектива самимъ пострадать заставляла всѣхъ раздѣлять его взгляды.

5. Тиронъ затѣмъ явился совершенно свободно къ самому царю и потребовалъ, чтобы ему позволили переговорить съ нимъ одинъ на одинъ. Когда ему была дана эта возможность, онъ сказалъ: «Не будучи, о царь, въ состояніи удерживаться долѣе въ такомъ бѣдственномъ положеніи, я рѣшился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себѣ эту вольность, которая однако необходима въ твоихъ же собственныхъ интересахъ и принесетъ тебѣ пользу, если ты только какъ слѣдуетъ отнесешься къ ней. Куда дѣвался твой разсудокъ, (очевидно) тебя покинувшій? Гдѣ тотъ тонкій умъ, при помощи котораго ты совершилъ столько великихъ дѣяній? Почему это тебя покинули друзья твои и близкіе тебѣ люди? Я не въ состояніи признать въ приближенныхъ твоихъ искренне преданныхъ тебѣ друзей, которые спокойно взираютъ на такое злодѣяніе, совершаемое въ нѣкогда столь счастливой странѣ. Развѣ ты самъ не хочешь понять, что дѣлается? Неужели ты собираешься умертвить двухъ юношей, которыхъ родила тебѣ твоя царственная супруга, юношей, надѣленныхъ всякими преимуществами, и на старости лѣтъ отдашься въ распоряженіе сына, который плохо оправдалъ возлагаемыя на него надежды, или въ распоряженіе родныхъ, которыхъ ты самъ уже столько разъ приговаривалъ къ смерти? Развѣ ты не можешь понять, что молчащая чернь всетаки видитъ совершаемое преступленіе и преисполняется ненависти къ этому бѣдствію, и что солдаты, особенно же ихъ начальники, питаютъ состраданіе къ

несчастнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ненависть къ виновникамъ всего этого?» Сначала царь выслушивалъ все это довольно безучастно; но онъ естественно разсвирѣпѣлъ, когда Тиронъ прямо коснулся его слабаго мѣста и упомянулъ о невѣрности его приближенныхъ. Въ свою очередь Тиронъ, по необразованности не примѣняясь къ обстоятельствамъ, постепенно расходился все болѣе и болѣе и говорилъ съ исто солдатскою развязностью. Тогда Иродъ сильно возмутился и принялъ слова его скорѣе за поношеніе, чѣмъ за полезный совѣтъ. Когда же царь услышалъ о неудовольствіи солдатъ и о возбужденіи ихъ предводителей, то приказалъ схватить и посадить въ тюрьму всѣхъ тѣхъ, кого поименовалъ Тиронъ, равно какъ его самого.

6. Этимъ случаемъ ловко воспользовался нѣкій Трифонъ, царскій брадобрѣй. Явившись къ царю, онъ заявилъ, будто Тиронъ неоднократно уговаривалъ его зарѣзать Ирода бритвой во время исполненія его служебныхъ обязанностей. При этомъ будто бы старикъ указывалъ ему на то, что такимъ путемъ Трифонъ добьется высокаго положенія у Александра и получитъ отъ него крупные подарки. Послѣ этого царь велѣлъ схватить Трифона и подвергнуть пыткамъ Тирона, его сына и брадобрѣя. Тиронъ оставался непреклоненъ, но сынъ его, видя, какъ уже измученъ отецъ, и не имѣя никакой надежды на спасеніе, наоборотъ предвидя для себя еще большія мученія вслѣдствіе бѣдственнаго положенія старика, обѣщалъ повѣдать царю всю правду, лишь бы только такою цѣною избавить отъ пытки и истязаній самого себя и отца своего. Когда царь честнымъ словомъ обѣщалъ ему это, онъ объявилъ, что было рѣшено, чтобы Тиронъ лично расправился съ Иродомъ, такъ какъ, оставаясь съ нимъ наединѣ, такого рода замыселъ могъ быть легко приведенъ въ исполненіе; въ такомъ случаѣ по совершеніи этого намѣренія онъ могъ навѣрное разсчитывать на благодарность и признательность со стороны Александра. Этими словами юноша дѣйствительно избавилъ отца своего отъ пытки; остается лишь неизвѣстнымъ, сказалъ ли онъ сущую правду или выдумалъ все это, чтобы избавить себя и родителя своего отъ тяжкаго положенія.

7. Если Иродъ раньше хоть нѣсколько задумывался и въ тайникахъ души своей стыдился казнить сыновей своихъ, то теперь онъ устранилъ все, что могло бы его подвинуть на болѣе гуманное рѣшеніе, и спѣшилъ поскорѣе привести свое намѣреніе въ исполненіе. Сперва онъ вывелъ на площадь 300 обвиненныхъ начальниковъ, Тирона съ сыномъ и обвинявшаго ихъ брадобрѣя. Всѣхъ ихъ онъ осудилъ, а чернь закидала ихъ на смерть всѣмъ, что попадало ей подъ руку. Александръ и Аристовулъ были доставлены въ Себасту и казнены тамъ, по повелѣнію отца, чрезъ повѣшеніе.

Трупы ихъ ночью были похоронены въ Александреумѣ, гдѣ уже покоились ихъ дядя со стороны матери и весьма многіе изъ предковъ.

8. Вѣроятно кое кому покажется довольно неестественнымъ, что давно питаемая ненависть могла возрасти до такихъ предѣловъ и, перейдя всѣ границы, побороть даже самую природу. Равнымъ образомъ можно было бы спросить, какая вина была взведена на юношей: развѣ они чѣмъ нибудь основательнымъ довели отца своего до такого гнѣва, что впослѣдствіи уже никакъ не могли примирить его съ собою? Или, быть можетъ, онъ былъ такъ безсердеченъ, такъ властолюбивъ и тщеславенъ, что не терпѣлъ рядомъ съ собою никого, лишь бы одному нераздѣльно владѣть всѣмъ? Или слѣдуетъ признать здѣсь вмѣшательство рока, который въ состояніи осилить всякое самое толковое разсужденіе, того рока, который, какъ мы увѣрены, неизбѣжно направляетъ всѣ дѣянія людей, который мы называемъ судьбою и помимо котораго не случается ничего? Мнѣ кажется, будетъ вполнѣ достаточно опредѣлить это представленіе совершенно различнымъ отъ того, въ силу котораго мы якобы сами себѣ приписываемъ все и становимся лично отвѣтственными за всѣ свои начинанія. Впрочемъ, о всемъ этомъ еще раньше насъ далъ свое опредѣленіе законъ. Что касается двухъ другихъ причинъ, то, пожалуй, можно было бы упрекнуть юношей въ томъ, что они въ своемъ юношескомъ самообольщеніи и своемъ царственномъ тщеславіи были доступны всякимъ взводимымъ на отца навѣтамъ, что они не достаточно терпимо относились къ его поступкамъ и привычкамъ, что они легко вѣрили всѣмъ гнусностямъ и не были сдержаны на языкъ; вслѣдствіе обѣихъ послѣднихъ причинъ не трудно было поймать ихъ шпіонамъ, слѣдившимъ за ними и доносившимъ о нихъ въ угоду царю. Однако и отецъ ихъ очевидно никакъ не можетъ разсчитывать на оправданіе своего преступнаго рѣшенія, такъ какъ вовсе не собралъ достаточно ясныхъ уликъ существованія заговора и рискнулъ умертвить собственныхъ дѣтей своихъ безъ достаточнаго разслѣдованія. Между тѣмъ эти сыновья его были красивы и популярны, никому ни въ чемъ не уступали, были одинаково искусны какъ на охотѣ, такъ и на войнѣ и при случаѣ могли блеснуть краснорѣчіемъ. Во всемъ этомъ они преуспѣвали, особенно старшій, Александръ. Если Иродъ рѣшилъ уже окончательно осудить ихъ, то было бы достаточно, оставя ихъ въ живыхъ, бросить ихъ въ темницу или изгнать ихъ и держать вдали отъ власти, причемъ римское могущество представило бы ему полную гарантію того, что они не повредили бы ему ни нападеніемъ, ни какимъ либо насильственнымъ дѣйствіемъ.

Между тѣмъ столь поспѣшная казнь сыновей, вызванная лишь обуявшею его страстностью, является доказательствомъ его необузданной преступности; при этомъ онъ совершилъ такое преступленіе въ старческомъ уже возрастѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его не можетъ извинить также то обстоятельство, что онъ такъ долго тянулъ дѣло и постоянно откладывалъ казнь. Иногда бываетъ, что человѣкъ въ (первомъ) волненіи рѣшается на какой нибудь неумѣстный поступокъ; но если онъ обдумываетъ этотъ поступокъ и колеблется, то рѣшаясь на него, то опять отступая, и въ концѣ концовъ всетаки приводитъ его въ исполненіе, это доказательство гнуснѣйшей кровожадности характера. Это Иродъ дѣйствительно впослѣдствіи и подтвердилъ, не остановясь передъ казнью остальныхъ своихъ друзей, которыхъ особенно любилъ; хотя о нихъ и можно было сожалѣть меньше, такъ какъ они вполнѣ заслужили гибель, однако и здѣсь царь проявилъ прежнюю жестокость и не пощадилъ никого. Впрочемъ, объ этомъ ниже придется еще говорить.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

1. О томъ, какъ Антипатръ, благодаря убійству братьевъ, навлекъ на себя ненависть всего народа и какъ онъ поэтому старался крупными денежными суммами склонить на свою сторону правителей римскихъ, сирійскаго намѣстника Сатурнина и его чиновниковъ.

2. О томъ, какъ царь Иродъ, убѣжденный, что область трахонская не можетъ процвѣтать вслѣдствіе вторженій арабовъ, пригласилъ къ себѣ происходившаго изъ Вавилоніи и жительствовавшаго въ Антіохіи іудея Замариса и поселилъ его въ Трахонѣ, пользуясь имъ въ качествѣ оплота противъ арабовъ.

3. О томъ, какъ Антипатръ уговорилъ отца своего, когда послѣдній усыновилъ дѣтей Александра и Аристовула и помолвилъ ихъ съ дочерьми Фероры, помолвить ихъ съ его (Антипатра) сыновьями, и о томъ, какъ онъ затѣмъ льстилъФерорѣ, чтобы воспользоваться имъ впослѣдствіи для интригъ противъ своего же отца.

4. О томъ, какъ сестра царя, Саломія, все это поняла и тайно сообщила о томъ брату.

5. О томъ, какъ Иродъ запретилъ Антипатру посѣщать Ферору и вообще водить съ нимъ дружбу; о томъ, какъ Антипатръ преступилъ это запрещеніе, правда, не открыто, но втайнѣ, и какъ это немедленно стало извѣстно Ироду.

6. О томъ, какъ Антипатръ послалъ своимъ римскимъ друзьямъ письма съ просьбою отписать его отцу и побудить Ирода отправить его съ крупными денежными суммами къ императору; о томъ, какъ Иродъ склонился на это и дѣйствительно отправилъ своего сына.

7. О томъ, какъ Антипатръ уговорилъ Ферору отравить Ирода и какъ онъ доставилъФерорѣ ядъ, о томъ, какъ царь Иродъ представилъ брату своемуФерорѣ выборъ между устраненіемъ жены или удаленіемъ изъ страны; о томъ, какъ Ферора согласился на первое, удалился въ свою тетрархію и недолго спустя послѣ этого умеръ.

8. Обвиненіе жены Фероры его братомъ, будто она отравила мужа; о томъ, какъ Ироду во время разслѣдованія дѣла попался въ руки ядъ, который заготовилъ для него сынъ его Антипатръ, и какъ Иродъ при помощи пытки узналъ о всѣхъ интригахъ Антипатра.

9. О возвращеніи Антипатра изъ Рима къ отцу; о томъ, какъ его обвинилъ Николай Дамасскій, какъ онъ былъ приговоренъ отцомъ своимъ къ смерти и брошенъ тогдашнимъ сирійскимъ намѣстникомъ, Квинтиліемъ Варомъ, въ тюрьму до утвержденія приговора императоромъ.

10. О посольствѣ Ирода къ императору по дѣлу Антипатра и о томъ, какъ императоръ приговорилъ послѣдняго къ смерти, убѣдившись въ основательности обвиненія.

11. О болѣзни Ирода, о возникшемъ вслѣдствіе этого волненія среди іудеевъ; о томъ, какъ бунтовщики были наказаны.

12. О томъ, какъ Антипатръ, полагая, что Иродъ умеръ, хотѣлъ уговорить тюремщика освободить его. Результатомъ этого—казнь Антипатра.

13. О смерти Ирода; его завѣщаніе въ пользу императора и о раздѣлѣ владѣній среди его троихъ сыновей; Архелай назначается царемъ іудейскимъ.

14. Письмо Ирода къ войску; объ его подаркахъ каждому солдату. Его сынъ Архелай провозглашается царемъ.

15. О погребеніи Ирода въ крѣпости Иродіадѣ. О томъ, какъ народъ возсталъ противъ его сына Архелая во время пасхальныхъ праздниковъ.

16. О томъ, какъ Архелай распорядился перебить 3000 бутовщиковъ и какъ онъ самъ въ сопровожденіи своего брата Ирода поѣхалъ къ императору въ Римъ, причемъ поручилъ управленіе дѣлами своему брату Филиппу.

17. О томъ, какъ императорскій намѣстникъ сирійскій, Сабинъ, силою проникъ въ Іерусалимъ и потребовалъ отъ чиновниковъ Архелая выдачи сокровищъ Ирода и передачи крѣпостей.

18. О томъ, какъ чиновники Архелая побудили народъ взяться за оружіе и осадить Сабина съ его отрядомъ въ Антоніи; о томъ, какъ узнавшій объ этомъ Варъ явился во главѣ огромной рати къ Іерусалиму, смѣстилъ Сабина, наказалъ зачинщиковъ мятежа, ввелъ въ Іудеѣ порядокъ и донесъ императору о всемъ случившемся.

19. О томъ, какъ императоръ утвердилъ завѣщаніе Ирода и гарантировалъ его сыновьямъ право преемства. О томъ, какъ Архелай былъ обвиненъ своими родственниками предъ императоромъ, какъ онъ оправдался и былъ утвержденъ царемъ, какъ его послѣ десятилѣтняго гнуснаго правленія вновь обвинили, какъ онъ былъ сосланъ въ Віенну и какъ императоръ провозгласилъ его страну римскою провинціею.

Содержаніе книги обнимаетъ періодъ въ 14 лѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Послѣ того какъ Антипатръ погубилъ своихъ братьевъ и заставилъ отца рѣшиться на гнуснѣйшую относительно ихъ крайность и безбожную преступность, ему уже не приходилось разсчитывать впослѣдствіи на особенную жизненную удачу. Хотя онъ и былъ избавленъ отъ страха за прочность своей власти вслѣдствіе невозможности вмѣшательства со стороны братьевъ, но находилъ, что овладѣть царствомъ представитъ ему крупныя затрудненія и тягости: такъ глубоко внѣдрилась въ народѣ ненависть противъ него. Если уже это было для него весьма тягостно, то еще болѣе огорчало его нерасположеніе къ нему войска; а между тѣмъ на войскѣ всегда зиждилось внутреннее благополучіе, если чернь проявляла склонность къ мятежамъ. Такую опасность уготовила ему гибель его братьевъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ теперь соправителемъ отца своего и собственно настоящимъ царемъ; отецъ ему довѣрялъ больше прежняго, причемъ Антипатръ укрѣпилъ свое положеніе именно тѣмъ, за что онъ собственно былъ достоинъ гибели; но при этомъ онъ загубилъ братьевъ своихъ какъ будто бы заботясь о спасеніи Ирода, а не потому, что его побуждала къ тому ненависть къ этимъ братьямъ; больше нихъ онъ самъ былъ враждебенъ отцу своему. Такія мученія терзали теперь Антипатра. Онъ во всемъ этомъ положеніи предвидѣлъ возможность удалить съ своего пути Ирода и тѣмъ предупредить, что кто либо станетъ обвинять его въ чемъ нибудь и этимъ поставитъ его въ затрудненіе; съ другой стороны онъ предвидѣлъ для Ирода возможность найти поддержку, если бы онъ, Антипатръ, открыто выступилъ въ качествѣ его врага. И вотъ подобно тому какъ одна лишь ненависть къ отцу побудила его посягнуть на братьевъ, эта же самая ненависть теперь еще болѣе подзадорила его не выпускать изъ рукъ начатаго дѣла. Онъ разсчитывалъ, что если Иродъ умретъ, то онъ тѣмъ самымъ прочно утвердитъ за собою власть, если же дольше останется въ живыхъ, то это лишь усугубитъ его опасность, потому что раскрытіе всѣхъ тѣхъ плановъ, которые онъ затѣялъ по необходимости заставятъ отца смотрѣть на него, какъ на заклятаго врага. Поэтому онъ не щадилъ средствъ, чтобы снискать себѣ расположеніе приближенныхъ отца стараясь крупными денежными подарками

подавить ненависть многихъ къ себѣ и особенно добиваясь путемъ блестящихъ и щедрыхъ даровъ снискать благоволеніе друзей своихъ въ Римѣ, на первомъ же планѣ расположеніе сирійскаго намѣстника, Сатурнина. Щедростью даровъ онъ надѣялся склонить на свою сторону также и брата Сатурнина, равно какъ сестру царя, которая была замужемъ за однимъ изъ виднѣйшихъ приближенныхъ Ирода. Въ искусствѣ притворяться другомъ людей, съ которыми онъ общался, онъ достигъ величайшихъ результатовъ и снискалъ довѣріе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съумѣлъ отлично заглушить во многихъ ненависть къ себѣ. Впрочемъ, онъ не былъ въ состояніи обмануть свою тетку, которая уже давно его поняла, которую нельзя было ввести въ заблужденіе и которая вполнѣ приготовилась оказать отпоръ его гнуснымъ начинаніямъ. Несмотря на то, что ея дочь была замужемъ за дядей Антипатра со стороны матери, (причемъ этотъ дядя женился на ней, которая раньше была женою Аристовула, благодаря посредничеству и заботливости именно Антипатра, тогда какъ другая дочь ея была замужемъ за Каллеемъ, сыномъ Саломіи отъ второго брака), однако это родство не могло оградить его отъ того, что вся его гнусность была понята. Также точно его не избавили отъ (всеобщей) ненависти и прежнія его родственныя отношенія. Дѣло въ томъ, что Иродъ заставилъ Саломію, влюбленную въ араба Силлея и желавшую выйти за него замужъ, вступить въ бракъ съ нѣкіимъ Алексомъ. При этомъ Ироду оказывала поддержку (императрица) Юлія; она-то именно и уговорила Саломію не отказываться отъ этого брака, чтобы не вызывать открытой вражды, такъ какъ Иродъ поклялся, что поссорится съ Саломіею, если она не выйдетъ за Алекса. Саломія подчинилась отчасти потому, что ее уговаривала Юлія, жена самого Цезаря, а отчасти и потому, что та указала ей на всю выгоду этого брака. Въ это же самое время Иродъ отправилъ дочь царя Архелая, бывшую замужемъ за его сыномъ Александромъ, назадъ къ отцу ея и вернулъ ей изъ своихъ личныхъ средствъ ея приданое, чтобы не было на этотъ счетъ никакихъ недоразумѣній между ними.

2. Иродъ самъ весьма заботливо занялся воспитаніемъ дѣтей сыновей своихъ (у Александра было отъ Глафиры двое мальчиковъ, а у Аристовула отъ Береники, дочери Саломіи, трое мальчиковъ и двѣ дѣвочки); когда его навѣщали друзья, онъ показывалъ имъ внуковъ и при этомъ (всегда) оплакивалъ судьбу, постигшую его собственныхъ сыновей. При этомъ онъ молилъ Бога, чтобы его внуковъ не постигла подобная же участь, но чтобы они росли въ добродѣтели и любви къ справедливости и тѣмъ отплатили ему за всѣ его попеченія о нихъ.

Когда внуки его достигли соотвѣтственнаго возраста, онъ подумалъ объ ихъ бракѣ и помолвилъ старшаго изъ сыновей Александра съ дочерью Фероры, а сына Аристовула съ дочерью Антипатра; одну изъ дочерей Аристовула онъ рѣшилъ выдать замужъ за сына Антипатра, другую же дочь Аристовула за своего собственнаго сына Ирода, который родился у него отъ дочери первосвященника. У насъ вѣдь въ обычаѣ, что мужчина въ одно и то же время имѣетъ нѣсколькихъ женъ [1]. Эти помолвки царь устроилъ изъ состраданія къ сиротамъ, думая путемъ новаго родства вызвать въ Антипатрѣ расположеніе къ нимъ.

Однако Антипатръ не преминулъ выказать къ этимъ юнымъ существамъ такую же непріязнь, какую онъ питалъ къ ихъ родителямъ, своимъ братьямъ; заботливость Ирода о нихъ только раздражала его, такъ какъ онъ предполагалъ, что вліяніе ихъ будетъ гораздо больше вліянія ихъ отцовъ и что особенно, когда они подростутъ, царь Архелай станетъ поддерживать своихъ внуковъ, да и Ферора, который уже былъ тетрархомъ, дастъ одну изъ дѣвушекъ въ жены сыну своему. Вмѣстѣ съ тѣмъ его возмущало также простонародье своею постоянно выказываемою жалостью къ сиротамъ, а также тѣмъ, что оно изъ ненависти къ нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьевъ. Поэтому онъ особенно старался побудить отца къ отмѣнѣ его рѣшенія, устрашая его представленьями объ опасности, связанной съ дарованіемъ (юношамъ) такой силы. Наконецъ Иродъ уступилъ просьбамъ Антипатра, такъ что послѣдній самъ рѣшилъ жениться на дочери Аристовула, а его сынъ на дочери Фероры. Такимъ образомъ состоявшіяся помолвки были, благодаря уступчивости царя, отмѣнены.

3. У царя Ирода въ это время было девять женъ: мать Антипатра, дочь первосвященника, которая родила ему сына его же имени (Ирода), дочь его брата и дочь его сестры, у которыхъ обѣихъ, впрочемъ, не было дѣтей. Въ числѣ его женъ находилась также одна самарянка, отъ которой онъ имѣлъ двухъ сыновей, Антипаса и Архелая, и дочь Олимпіаду, которую впослѣдствіи взялъ въ жены Іосифъ, племянникъ царя. Архелай и Антипасъ воспитывались у одного частнаго лица въ Римѣ. Кромѣ того, женою Ирода была также іерусалимская гражданка Клеопатра, отъ которой у него были сыновья Иродъ и Филиппъ, также воспитывавшіеся въ Римѣ.

[1] Какъ извѣстно, нигдѣ въ кн. Ветхаго Завѣта не запрещено евреямъ многоженство. Евреи, живущіе въ мусульманскихъ странахъ, до сихъ поръ держатся полигаміи. Въ Европѣ р. Гершомъ въ 1018 году установилъ моногамію.

Другая жена его была нѣкая Паллада, родившая ему сына Фасаила. Помимо этихъ женъ, онъ жилъ еще съ Федрою и Эльпидою, родившими ему двухъ дочерей, Роксану и Саломію. Что касается старшихъ дочерей Ирода отъ Маріамны, отъ брака съ которыми отказался Ферора, то одну изъ нихъ царь выдалъ замужъ за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фасаила.

Вотъ изъ кого состояла семья Ирода.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Желая обезопасить себя относительно трахонцевъ, царь рѣшилъ въ центрѣ ихъ страны основать іудейское поселеніе, по размѣрамъ своимъ не уступавшее городу. Этимъ онъ желалъ не только оградить свою собственную страну, но и имѣть пунктъ, откуда онъ могъ бы быстро нападать на враговъ своихъ. Узнавъ, что нѣкій вавилонскій еврей перешелъ чрезъ Евфратъ во главѣ пятисотъ вооруженныхъ луками всадниковъ и около ста родственниковъ и поселился наудачу въ сирійскомъ городѣ Антіохіи Епидафнѣ, причемъ тогдашній преторъ Сатурнинъ предоставилъ ему для поселенія мѣстность Валаѳу, Иродъ послалъ за нимъ и за его отрядомъ и обѣщалъ отдать ему область въ топархіи Батанеѣ, граничащей съ Трахономъ, желая тѣмъ самымъ создать оплотъ лично для себя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ эту область свободною отъ всѣхъ налоговъ и обычныхъ повинностей и предоставилъ ее ему въ безвозмездное пользованіе.

2. Привлеченный этими обѣщаніями, вавилонянинъ прибылъ къ (царю), принялъ отъ него землю и настроилъ въ ней крѣпости, а также поселеніе, которому далъ имя Баѳиры. Этотъ человѣкъ сталъ дѣйствительно оплотомъ какъ туземцамъ, такъ и іудеямъ, являвшимся изъ Вавилона въ Іерусалимъ для жертвоприношеній, и ограждалъ ихъ отъ разбоевъ трахонцевъ. Поэтому многіе, которымъ были дороги іудейскія установленія, со всѣхъ сторонъ стекались къ нему. Такимъ образомъ эта страна (быстро) заселилась, тѣмъ болѣе, что при полной безопасности она была еще свободна отъ налоговъ. Это продолжалось все время, пока Иродъ былъ живъ. Когда власть перешла послѣ него къ Филиппу, послѣдній короткое время взималъ незначительныя подати. Однако, Агриппа Великій и сынъ его Агриппа въ значительной степени повысосали соки изъ населенія этой области, причемъ, впрочемъ, не желали лишать его свободы. Римляне, къ которымъ перешла власть послѣ нихъ, оставили за населеніемъ его прежнюю свободу, но сильно притѣсняли его повышеніемъ налоговъ.

Впрочемъ, о томъ я еще поговорю въ своемъ мѣстѣ, когда зайдетъ рѣчь объ этомъ.

3. Когда скончался вавилонянинъ Замарисъ, который оказалъ Ироду такую услугу сохраненіемъ за нимъ указанной области, всю жизнь свою отличался доблестью и оставилъ послѣ себя доблестныхъ сыновей, одинъ изъ нихъ, Іоакимъ, выдававшійся своею храбростью, пріучилъ своихъ вавилонянъ къ конскимъ ристаніямъ, такъ что отрядъ изъ этихъ лицъ служилъ тѣлохранителями указаннымъ царямъ. Когда Іоакимъ въ преклонныхъ лѣтахъ умеръ, онъ оставилъ послѣ себя доблестнаго и отважнаго сына Филиппа, который могъ быть во всѣхъ отношеніяхъ сопоставленъ съ крупнѣйшими героями. Поэтому-то царь Агриппа соблюдалъ вѣрную съ нимъ дружбу и питалъ непреклонное къ нему благоволеніе. Какое бы крупное войско царь ни содержалъ, этотъ Филиппъ постоянно долженъ былъ завѣдывать обученіемъ его и всегда, во всѣхъ походахъ, на его долю выпадала обязанность предводительствовать этою ратью.

4. Но возвращаюсь къ Ироду. Всѣ дѣла при немъ были поручены Антипатру. Иродъ не стѣснялъ его рѣшительно ни въ чемъ, такъ какъ Антипатръ окончательно съумѣлъ овладѣть расположеніемъ и довѣріемъ отца. Полагаясь на послѣдняго, Антипатръ сталъ серьезно помышлять о томъ, какъ бы еще расширить свою власть, тѣмъ болѣе, что отецъ чувствовалъ себя совершенно безопаснымъ со стороны его. Между тѣмъ Антипатръ внушалъ всѣмъ страхъ не столько своимъ могуществомъ, сколько гнусностью своихъ интригъ.

Впрочемъ, Ферора особенно льстилъ ему, равно какъ тотъ въ свою очередь отвѣчалъ ему въ высокой степени тѣмъ же, причемъ, однако, Антипатръ, склонивъ на свою сторону всю женскую половину двора, завлекъ его въ искусно разставленныя сѣти. Дѣло въ томъ, что Ферора находился въ полномъ подчиненіи у своей жены, тещи и свояченицы, несмотря на всю ненависть къ послѣднимъ вслѣдствіе оскорбительнаго ихъ поведенія относительно его незамужнихъ дочерей. Тѣмъ не менѣе онъ подчинялся имъ и не могъ ничего предпринять помимо этихъ женщинъ, которыя совершенно обставили его и окончательно между собою спѣлись. Такимъ же точно образомъ и Антипатръ повиновался имъ, какъ по собственному своему желанію, такъ и въ угоду своей матери: эти четыре женщины были вполнѣ солидарны между собою. Впрочемъ, разъ между Феророй и Антипатромъ возникла размолвка изъ-за пустяковъ. Поводъ къ этому подала сестра царя, которая давно поняла положеніе дѣлъ. Видя, что эта солидарность всѣхъ ихъ направлена во вредъ Ироду, она не задумалась сообщить послѣднему обо всемъ. Понимая, что ихъ дружба непріятна царю, они рѣшили съ виду болѣе не сходиться другъ съ другомъ, но выказывать взаимную ненависть и хулить другъ друга, особенно въ присутствіи самого Ирода, или кого либо изъ лицъ, могущихъ донести ему объ этомъ, втайнѣ же еще тѣснѣе сплотиться между собою. Такъ они и поступили. Однако, отъ Саломіи не осталась скрытою съ самаго начала ни ихъ солидарность, ни значеніе ихъ дальнѣйшаго поведенія. Она не дала ввести себя въ заблужденіе, но вывѣдывала все и сообщала объ этомъ съ крупными преувеличеніями брату, разсказывая ему объ ихъ тайныхъ собраніяхъ и пиршествахъ, а также объ ихъ сокровенныхъ планахъ. Если бы послѣдніе не преслѣдовали гибели царя, то ничто, по ея мнѣнію, не препятствовало бы дѣйствовать имъ открыто. Теперь же они, будучи на глазахъ у всѣхъ, враждуютъ между собою и всячески стараются якобы повредить другъ другу, когда же они вдали отъ народа, они какъ лучшіе друзья стараются во всемъ быть солидарными между собою и соглашаются относительно (совмѣстной) борьбы съ тѣми, отъ которыхъ столь старательно скрываютъ свою дружбу. Все это она разузнавала и при случаѣ въ точности доносила брату, который и самъ уже понималъ положеніе, но не рѣшался принять крутыя мѣры на основаніи почти голословныхъ обвиненій сестры. Дѣло въ томъ, что среди іудеевъ существовала партія, которая кичилась своимъ точнымъ соблюденіемъ предписаній закона и имѣла притязаніе на особое благоволеніе Всевышняго. Въ полномъ подчиненіи у этой секты были женщины. Партія эта именуется фарисеями. Они могли въ сильной степени оказывать противодѣйствіе царямъ, будучи въ одинаковой мѣрѣ хитры и готовы открыто воевать съ ними и подрывать ихъ авторитетъ. Когда всѣ іудеи клятвенно подтвердили свою вѣрность Цезарю и повиновеніе постановленіямъ царя, эти лица въ числѣ болѣе шести тысячъ человѣкъ отказались отъ присяги. Когда царь приговорилъ ихъ за это къ уплатѣ денежнаго штрафа, жена Фероры внесла за нихъ требуемую сумму. Въ отвѣтъ на эту ея любезность они предсказали ей (всѣ вѣрили, что Господь Богъ даровалъ имъ предвидѣніе будущаго), что по рѣшенію Предвѣчнаго власть будетъ отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдетъ къ ней и ея дѣтямъ отъ Фероры. Это не осталось скрытымъ отъ Саломіи и было объявлено царю съ присовокупленіемъ того, будто нѣкоторые изъ придворныхъ уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболѣе виновныхъ фарисеевъ, а также своего евнуха Багою, равно какъ одного изъ наиболѣе красивыхъ въ то время прислужниковъ своихъ, нѣкоего Кара. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился предать казни также всѣхъ тѣхъ своихъ близкихъ, ко-

торые повѣрили предсказанію и рѣчамъ фарисеевъ. Они подѣйствовали на тщеславіе Багои, предсказавъ ему, что онъ еще будетъ носить имя отца и благодѣтеля ими объявленнаго будущаго царя. Они говорили, что онъ современемъ будетъ держать всѣхъ въ своихъ рукахъ, потому что къ нему вернется способность вступить въ бракъ и имѣть законныхъ дѣтей [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Наказавъ такимъ образомъ изобличенныхъ фарисеевъ, Иродъ собралъ синедріонъ изъ своихъ друзей, обвинилъ жену Фероры въ дерзкихъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ею его племянницамъ, и объявилъ, что онъ самъ чувствуетъ себя обезчещеннымъ ею: она-де сѣетъ раздоръ и распрю между нимъ и его братомъ, по силѣ возможности, словомъ и дѣломъ, она виновна въ томъ, что фарисеямъ удалось увернуться отъ наложеннаго на нихъ денежнаго штрафа, и она виновницею всего того, что теперь происходитъ «Итакъ, Ферора, сказалъ онъ, если ты, не настаивая на моихъ на этотъ счетъ объясненіяхъ, самъ по личной иниціативѣ разстанешься съ этою женщиною, которая только подаетъ поводъ къ распрямъ между нами, и если теперь же рѣшишь отпустить ее, дорожа родственнымъ ко мнѣ чувствомъ, то только такимъ образомъ ты останешься мнѣ братомъ и ничто не нарушитъ нашихъ отличныхъ отношеній».

Однако Ферора, правда сильно потрясенный этими прекрасными словами, сказалъ, онъ не считаетъ возможнымъ ни отказаться отъ родственныхъ чувствъ къ брату, ни же отрекаться отъ любви къ женѣ своей, но охотнѣе бы умеръ, чѣмъ лишился любимой жены. Несмотря на тяжкое оскорбленіе, заключавшееся для царя въ этихъ словахъ, Иродъ однако пока подавилъ въ себѣ гнѣвъ противъ Фероры, но запретилъ Антипатру и его матери общаться съ Феророю, а также совѣтовалъ удерживать отъ этого остальныхъ женщинъ. Тѣ обѣщали это, но при случаѣ Ферора и Антипатръ продолжали видѣться и даже пировать вмѣстѣ. Въ то же время поговаривали также о томъ, будто жена Фероры находится въ близкихъ отношеніяхъ съ Антипатромъ, причемъ посредницей служитъ мать Антипатра.

2. Побаиваясь однако отца и опасаясь, какъ бы далѣе не навлечь на себя еще больше неудовольствія съ его стороны, Антипатръ написалъ своимъ римскимъ друзьямъ, чтобы они посовѣтовали Ироду отправить его какъ можно скорѣе къ императору. На основаніи этого Иродъ послалъ Антипатра (въ Римъ), давъ ему съ собою цѣннѣйшіе подарки и завѣщаніе, въ которомъ назначалъ послѣ своей смерти Антипатра своимъ преемникомъ или, въ случаѣ, если бы онъ умеръ раньше его, своего сына Ирода, который былъ у него отъ дочери первосвященника. Единовременно съ Антипатромъ и арабъ Силлей пріѣхалъ (въ Римъ); впрочемъ, онъ не сдѣлалъ ничего изъ того, что повелѣлъ ему Цезарь. Поэтому Антипатръ сталъ обвинять его предъ императоромъ въ тѣхъ же преступленіяхъ, въ какихъ обвинялъ его раньше Николай. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Аретъ выступилъ съ жалобою на Силлея, такъ какъ послѣдній распорядился противъ его воли казнить многихъ выдающихся лицъ, въ томъ числѣ Соэма, человѣка заслуживавшаго во всѣхъ отношеніяхъ глубокаго уваженія, а также императорскаго слугу Фабата. Поводомъ къ послѣднему обвиненію, возбужденному противъ Силлея, послужило слѣдующее обстоятельство: у Ирода былъ въ качествѣ особенно довѣреннаго тѣлохранителя нѣкій Коринѳій. Силлей уговаривалъ его крупною суммою денегъ умертвить Ирода, и тотъ согласился. Объ этомъ узналъ Фабатъ отъ самого Силлея и сообщилъ о томъ царю. Послѣдній велѣлъ схватить и пытать Коринѳія и въ концѣ концовъ добился отъ него полнаго признанія. На основаніи оговора Коринѳія онъ распорядился также арестовать двухъ другихъ арабовъ; одинъ изъ нихъ былъ начальникомъ племени, другой другомъ Силлея. Эти люди которыхъ царь также подвергъ пыткѣ, сознались, что они явились съ тѣмъ, чтобы ободрить Коринѳія въ его намѣреніи и оказать ему, въ случаѣ необходимости, поддержку въ дѣлѣ убіенія Ирода. Послѣ того какъ Иродъ донесъ обовсемъ томъ Сатурнину, этотъ распорядился отправить ихъ въ Римъ.

3. Такъ какъ Ферора не измѣнялъ любви своей къ женѣ, то Иродъ приказалъ ему удалиться въ свою тетрархію. Ферора съ удовольствіемъ повиновался этому повелѣнію и далъ священную клятву въ томъ, что возвратится не раньше, чѣмъ узнаетъ о смерти Ирода. Въ силу этой клятвы онъ не повиновался царю даже тогда, когда Иродъ передъ смертью просилъ его къ себѣ, чтобы оставить ему кое какія распоряженія. Однако Иродъ не поступилъ по его примѣру, но самъ безъ приглашенія явился впослѣдствіи къ Ферорѣ, когда тотъ заболѣлъ. Когда же Ферора умеръ, онъ торжественно перевезъ его тѣло въ Іерусалимъ и похоронилъ его тамъ, назначивъ продолжительный трауръ по немъ. Это обстоятельство стало для Антипатра, несмотря на его отплытіе въ Римъ, причиною бѣдствій и Гос-

[1] Срв. Исаія, LVI, 3—4.

подь Богъ наказалъ его теперь за братоубійство. Я въ подробностяхъ разскажу всю его исторію, которая можетъ служить примѣромъ того, по скольку во всемъ главную роль играетъ добродѣтель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Послѣ смерти и погребенія Фероры къ Ироду явились два особенно чтимыхъФеророю вольноотпущенника его и просили не оставлять такъ смерти брата, но подвергнуть разслѣдованію его неожиданную и грустную кончину. Иродъ внимательно отнесся къ этимъ рѣчамъ, которыя вызвали въ немъ довѣріе, и вольноотпущенники заявили, что Ферора наканунѣ заболѣванія обѣдалъ у своей жены и что онъ умеръ оттого, что былъ тамъ отравленъ ядомъ, всыпаннымъ въ дотолѣ неизвѣстное ему блюдо. Этотъ ядъ былъ привезенъ какой то арабскою женщиною и долженъ былъ якобы служить любовнымъ зельемъ (откуда онъ носитъ и названіе свое), но на самомъ дѣлѣ былъ предназначенъ для отравленія Фероры. Какъ извѣстно, всѣ арабскія женщины искусны въ составленіи ядовъ. Та же женщина, которую они теперь обвиняютъ, сама созналась, что была особенно дружна съ одною изъ пріятельницъ Силлея. Вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждали, что для покупки яда къ ней отправились также теща Фероры и его свояченица, которыя наканунѣ указаннаго обѣда и возвратились въ обществѣ той аравитянки. Разгнѣванный этими сообщеніями, Иродъ приказалъ подвергнуть пыткѣ прислужницъ указанныхъ женщинъ, а также нѣсколькихъ свободнорожденныхъ женщинъ, но вслѣдствіе ихъ упорнаго молчанія дѣло оставалось темнымъ, пока наконецъ одна изъ рабынь, терзаемая пыткою, не сказала только того, что проситъ Предвѣчнаго уготовить такія же мученія Антипатровой матери, которая одна является виновницею всѣхъ ихъ страданій. Все это раскрыло глаза Ироду и въ концѣ концовъ онъ помощью пытокъ вывѣдалъ отъ женщинъ все, о пиршествахъ и тайныхъ сходкахъ, о томъ, что Антипатръ передавалъ Ферорѣ самыя тайныя вещи, сообщенныя ему подъ секретомъ (а между тѣмъ Антипатръ получилъ отъ отца подарокъ въ сто талантовъ въ награду за обѣщаніе ничего не сообщать Ферорѣ), о ненависти Антипатра къ отцу и объ его постоянныхъ жалобахъ своей матери на живучесть Ирода, тогда какъ къ самому Антипатру уже приближается старость, такъ что, если онъ когда либо добьется власти, послѣдняя наврядъ ли порадуетъ его; о томъ, что многіе изъ его братьевъ и ихъ сыновей воспитываются, какъ будущіе правители и тѣмъ самымъ безусловно лишаютъ его твердой

увѣренности въ полученіи власти. Уже теперь, говорилъ Антипатръ, въ случаѣ какого нибудь несчастія, преемникомъ на престолѣ объявленъ его братъ, а не сынъ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ Антипатръ обвинялъ царя въ крайней жестокости, выразившейся между прочимъ въ умерщвленіи сыновей. При этомъ онъ говорилъ, что, опасаясь подобной же участи, онъ самъ придумалъ свою поѣздку въ Римъ, а Ферора по той же причинѣ удалился въ тетрархію.

2. Все это совпадало съ доносами сестры царя (Саломіи) и заставляло болѣе не сомнѣваться въ искренности показаній женщинъ. Въ отместку за гнусность Антипатра Иродъ отнялъ у его матери Дорисъ всѣ ея драгоцѣнности стоимостью на много талантовъ и изгналъ ее изъ страны, съ женщинами же Фероры онъ вступилъ опять въ дружескія отношенія. Особенно возбуждалъ гнѣвъ царя противъ его сына самарянинъ Антипатръ, управляющій дѣлами царскаго сына Антипатра.

Между прочимъ этотъ самарянинъ сообщилъ подъ пыткою, что Антипатръ приготовилъ ядъ и вручилъ его Ферорѣ съ совѣтомъ всыпать его отцу во время его (Антипатра) отсутствія, чтобы тѣмъ менѣе навлечь подозрѣніе именно на него. Этотъ ядъ привезъ изъ Египта Антифилъ, одинъ изъ друзей Антипатра; затѣмъ ядъ этотъ былъ посланъ Ферорѣ чрезъ Ѳейдіона, дядю Антипатра со стороны матери; такимъ то образомъ [illegible]алъ въ руки жены Фероры, которой послѣдній передалъ его н[illegible]аненіе. При допросѣ со стороны царя та созналась во всемъ и, побѣжавъ якобы для того, чтобы принести ядъ, бросилась съ крыши дома; однако она не убилась на смерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затѣмъ въ чувство, царь обѣщалъ ей и ея роднымъ полную безопасность, если только она скажетъ всю правду, тогда какъ пригрозилъ ей ужаснѣйшими мученіями, если она вздумаетъ скрывать что либо. Тогда она клятвенно обѣщала разсказать все по правдѣ и дѣйствительно, по мнѣнію многихъ, разсказала эту правду слѣдующимъ образомъ: «ядъ былъ привезенъ изъ Египта Антифиломъ, которому далъ его братъ-врачъ. Затѣмъ этотъ ядъ доставилъ намъ Ѳейдіонъ и я спрятала его, получивъ его отъ Фероры, которому вручилъ его для тебя Антипатръ; когда же Ферора заболѣлъ и ты, прибывъ къ нему, отнесся къ нему столь ласково, онъ увидѣлъ твое къ нему расположеніе и перемѣнилъ свое первоначальное намѣреніе. Призвавъ меня, онъ сказалъ: жена, Антипатръ соблазнилъ меня и подговорилъ меня къ умерщвленію своего отца, моего брата, задумавъ адское дѣло и давъ мнѣ ядъ для совершенія его. Теперь же, когда братъ мой ясно доказалъ неизмѣнность своихъ прежнихъ чувствъ ко мнѣ, а самъ я собираюсь по-

кончить всѣ свои счеты съ жизнью, я не желаю осквернять памяти своихъ предковъ, соглашаясь на братоубійство. Принеси поэтому ядъ и сожги его на моихъ глазахъ».

Затѣмъ она сказала, что принесла ядъ и поступила совершенно сообразно повелѣнію своего мужа, сжегши большую часть яда и оставивъ лишь ничтожную долю его, чтобы, послѣ смерти Фероры, въ случаѣ притѣсненій со стороны царя, самой принять отраву и тѣмъ покончить съ собою и своими бѣдствіями. Сказавъ это, она представила флаконъ съ ядомъ. Второй братъ Антифила и его мать подтвердили все это подъ пыткою и признали флаконъ за настоящій. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглась обвиненію также и жена царя, дочь первосвященника, въ томъ, что она, зная о всемъ, захотѣла скрыть все. Въ силу этого Иродъ прогналъ ее съ сыномъ и вычеркнулъ его изъ своего завѣщанія, гдѣ онъ первоначально фигурировалъ въ качествѣ претендента на царскій престолъ. Тестя своего Симона, сына Боэта, онъ лишилъ первосвященническаго сана и назначилъ на его мѣсто іерусалимца Матоія, сына Өеофила.

3. Въ это время прибылъ изъ Рима и Батиллъ, вольноотпущенникъ Антипатра. Будучи допрошенъ подъ пыткою, онъ показалъ, что привезъ ядъ для врученія его матери Антипатра и Ферорѣ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ неудачи первой попытки отравленія царя, теперь можно было навѣрняка избавиться отъ Ирода. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иродъ п[illegible] также письма отъ своихъ римскихъ друзей, которые извѣщали его, чт[illegible] наущенію Антипатра обвиняются Архелай и Филиппъ въ томъ, что они будто бы ненавидятъ отца за убіеніе Аристовула и Александра и начинаютъ уже жалѣть о своей собственной судьбѣ, причемъ будто бы высказываютъ предположеніе, что отецъ зоветъ ихъ назадъ съ исключительною цѣлью и ихъ также загубить. Этой клеветы приверженцы Антипатра добились цѣною крупныхъ денежныхъ суммъ. Вмѣстѣ съ этимъ и самъ Антипатръ писалъ о братьяхъ отцу, приводя всѣ взводимыя на нихъ тяжкія обвиненія, но при этомъ прося совершенно простить юношей, ссылаясь на ихъ возрастъ и объясняя этимъ ихъ невоздержныя рѣчи. Самъ онъ въ то время продолжалъ свою борьбу съ Силлеемъ и ухаживалъ за вліятельными лицами, пріобрѣтя съ этою цѣлью всякихъ дорогихъ подарковъ на сумму до двухсотъ талантовъ. Страннымъ является во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что онъ самъ ничего не узналъ изъ того, что готовилось противъ него въ теченіи послѣднихъ семи мѣсяцевъ. Причиною того были надзоръ и охрана путей и общая ненависть всѣхъ къ Антипатру: не было никого,

кто бы подвергъ себя опасности ради доставленія Антипатру свѣдѣній, касавшихся его спокойствія [1].

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Когда Антипатръ написалъ отцу, что вскорѣ окончитъ всѣ свои дѣла, какъ слѣдуетъ, и затѣмъ пріѣдетъ, Иродъ скрылъ свой гнѣвъ и отвѣтилъ ему, чтобы онъ не замѣшкался въ пути, дабы съ нимъ (Иродомъ) не произошло чего либо во время его отсутствія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ коснулся слегка и обвиненій, взведенныхъ на его мать, но обѣщалъ покончить все дѣло миромъ, лишь только Антипатръ пріѣдетъ. Иродъ пустилъ здѣсь въ ходъ всю свою любезность, боясь, какъ бы сынъ его не заподозрилъ чего либо и не только не отложилъ бы своего путешествія, но, и оставаясь въ Римѣ, не сталъ бы интриговать противъ царской его власти и не добился бы въ этомъ отношеніи чего нибудь существеннаго. Антипатръ получилъ это письмо въ Киликіи, послѣ того какъ ему уже успѣли сообщить въ Тарентѣ о смерти Фероры. Послѣднее извѣстіе сильно смутило его, впрочемъ не потому, чтобы онъ былъ столь сильно расположенъ къ Ферорѣ, но оттого, что Ферора умеръ, не отравивъ, сообразно обѣщанію своему, Ирода. Прибывъ въ киликійскій городъ Келендерисъ, онъ уже сталъ колебаться, слѣдуетъ ли ему вообще возвращаться домой: очень ужъ его огорчало изгнаніе матери. При этомъ одни изъ друзей его совѣтовали ему гдѣ нибудь обождать исхода дѣла, другіе же настаивали на необходимости его возвращенія домой, говоря, что онъ своимъ появленіемъ прекратитъ всѣ обвиненія, подобно тому какъ и теперь обвинители его только потому такъ сильны, что онъ отсутствовалъ. Антипатръ внялъ совѣту послѣднихъ и поѣхалъ въ гавань Себасту, которую дорогою цѣною соорудилъ Иродъ и которую назвалъ въ честь Цезаря Себастою [2]. Тутъ Антипатръ уже явно могъ догаться о грозящей ему бѣдѣ, потому что никто не встрѣтилъ и не привѣтствовалъ его, тогда какъ при его отплытіи народъ провожалъ его благословеніями и пожеланіями всего лучшаго. Теперь то же населеніе не задумалось встрѣтить его съ самыми враждебными проклятіями, видя, что ему приходится поплатиться за смерть братьевъ.

2. Въ это самое время въ Іерусалимѣ находился преемникъ сирійскаго намѣстника Сатурнина, Варъ Квинктилій. Иродъ послалъ за нимъ, прося

---

[1] Срв. Іуд.войну, I, 30, 1, 4, 5—31, 1.

[2] Эпитетъ „Августъ", обязательно присоединявшійся къ имени римскаго императора, передается по гречески чрезъ Sebastos.

его выступить совѣтчикомъ въ данномъ дѣлѣ. Пока они совѣщались между собою, прибылъ Антипатръ, который былъ совершенно неосвѣдомленъ о случившемся. Онъ еще облеченный въ порфиру, вошелъ во дворецъ. Привратники впустили его, но запретили доступъ его друзьямъ. Теперь онъ сильно испугался, отлично понявъ, въ какое попалъ положеніе; особенно же поразило его, что, когда онъ приблизился къ отцу, чтобы обнять его, царь оттолкнулъ его отъ себя, сталъ упрекать его въ братоубійствѣ и въ злоумышленіи противъ его собственной жизни и сказалъ, что на слѣдующій день Варъ все разберетъ и разсудитъ. Лишь только Антипатръ узналъ о такомъ постигшемъ его бѣдствіи, какъ удалился удрученный этимъ горемъ. Тутъ ему встрѣтились его мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на іудейскомъ престолѣ). Узнавъ отъ нихъ всѣ подробности, онъ занялся приготовленіями къ своей защитѣ.

3. На слѣдующій день Варъ и Иродъ собрались на засѣданіе, куда были призваны также приверженцы обѣихъ партій, родственники царя и его сестра Саломія, равно какъ всѣ тѣ, которые могли дать какія бы то ни было показанія, тѣ, которые подверглись пыткамъ, и схваченные незадолго до его пріѣзда рабы матери Антипатра. Послѣдніе представили также письмо, содержаніе котораго главнымъ образомъ сводилось къ тому, чтобы Антипатръ не возвращался, такъ какъ царь освѣдомленъ о всемъ, и что единственнымъ теперь для него заступникомъ является императоръ, гдѣ онъ можетъ разсчитывать не попасться въ руки отцу. Антипатръ бросился предъ отцомъ на колѣни и сталъ умолять его не произносить приговора, не разслѣдовавъ дѣла, но выслушать его, потому что онъ имѣетъ возможность оправдаться. Однако Иродъ приказалъ отвести Антипатра въ середину залы и затѣмъ сталъ громко жаловаться на то, что у него такія дѣти, отъ которыхъ онъ уже столько страдалъ раньше, теперь ему на старости лѣтъ пришлось убѣдиться въ столь ужасной гнусности Антипатра; при этомъ Иродъ упомянулъ о томъ, какъ онъ постоянно старался о воспитаніи и образованіи своихъ дѣтей, не жалѣя для этого ничего и всегда предоставляя для удовлетворенія всѣхъ ихъ желаній крупныя денежныя суммы. За это, говорилъ онъ, воздаяніемъ теперь служитъ то, что они коварно старались загубить его жизнь и преступно домогаются царства, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ это дозволяется закономъ, желаніемъ отца и чувствомъ справедливости. Онъ удивляется Антипатру и тому, въ разсчетѣ на что тотъ рѣшился на столь отчаянный шагъ. Вѣдь онъ документально уже назначенъ его преемникомъ на престолѣ и при жизни царя ни въ чемъ не уступалъ ему, ни въ внѣшнемъ блескѣ, ни въ фактическомъ могуществѣ; вѣдь Иродъ предоставилъ ему ежегодную ренту въ пятьдесятъ талантовъ и далъ ему на дорогу въ Римъ триста талантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ напомнилъ ему, что онъ теперь вполнѣ уподобился своимъ братьямъ, если они дѣйствительно виновны въ томъ, въ чемъ онъ ихъ осуждалъ; что если же они не виновны, то онъ напрасно взвалилъ на нихъ вину и обвинилъ въ тяжкомъ преступленіи (столь близкихъ) родственниковъ. Вѣдь все то, что постановилъ относительно ихъ онъ самъ, онъ постановилъ исключительно на основаніи донесеній и сообщеній его (Антипатра). Теперь братья считаются вполнѣ оправданными, такъ какъ онъ самъ навлекъ на себя подозрѣніе въ покушеніи на отцеубійство.

4. При этихъ словахъ Иродъ разразился слезами и не былъ въ состояніи говорить дальше. По просьбѣ царя заступить его мѣсто Николай Дамасскій, который былъ друженъ съ Иродомъ, долго жилъ при немъ и зналъ всѣ дѣла его, сталъ приводить затѣмъ всѣ доводы за и противъ Антипатра. Антипатръ обратился съ защитительною рѣчью къ отцу своему и сталъ указывать на множество примѣровъ своей ему преданности, равно какъ на тѣ почести, которыхъ онъ за это удостоился и которыя не имѣли бы мѣста, если бы онъ не доказалъ ему своей полнѣйшей вѣрности. «Вездѣ, говорилъ онъ, гдѣ представлялась необходимость въ особой заботливости, я прилагалъ всѣ старанія, чтобы предусмотрѣть все; если требовалось личное вмѣшательство, я все бралъ лично на себя». Поэтому, продолжалъ онъ, нисколько неосновательно предполагать, что онъ, который столько разъ ограждалъ отца своего отъ гнусныхъ интригъ, теперь самъ является злоумышленникомъ и замѣняетъ явную, засвидѣтельствованную ему преданность гнусностью такого намѣренія. Вѣдь онъ уже давно провозглашенъ преемникомъ отца своего и никто не оспаривалъ у него въ будущемъ тѣхъ почестей, которыя воздаются ему уже теперь; нисколько не вѣроятно, чтобы человѣкъ, невозбранно и заслуженно владѣющій половиною чего либо, сталъ съ рискомъ и опасностью для себя домогаться цѣлаго, причемъ остается вполнѣ невыясненнымъ, насколько ему удастся достигнуть своей цѣли. Неужели онъ предпринялъ бы нѣчто такое, онъ, который былъ свидѣтелемъ казни своихъ братьевъ, онъ, который выступилъ доносчикомъ и обвинителемъ, когда дѣло могло оставаться скрытымъ, и исполнителемъ самого приговора, когда гнусное ихъ намѣреніе относительно отца выяснилось цѣликомъ. Всѣ эти поступки его служатъ поэтому доказательствомъ того, насколько благожелательно онъ, Антипатръ, всегда поступалъ относительно отца своего. Касательно его поступковъ въ Римѣ онъ ссылается на свидѣтельство императора, котораго

столь же трудно обмануть, какъ самого Господа Бога. Все это могутъ подтвердить письма императора, причемъ нехорошо, что больше вѣры, чѣмъ имъ, приписывается тѣмъ, которые клеветою стараются посѣять смуту; большинство этихъ лицъ воспользовалось для проявленія своей враждебности досугомъ, явившимся у нихъ вслѣдствіе его отъѣзда, и они ничего не смогли бы сдѣлать, если бы онъ не уѣхалъ. Послѣ этого Антипатръ сталъ проклинать пытки, говоря, что онѣ приводятъ лишь ко лжи, потому что по самой природѣ вещей пытаемые говорятъ въ своихъ мученіяхъ все, что угодно палачамъ; впрочемъ онъ самъ предложилъ подвергнуть его пыткѣ.

5. Послѣ этого въ судилищѣ произошло движеніе. Всѣ очень жалѣли Антипатра, который обливался слезами и жестоко царапалъ себѣ лицо; даже во врагахъ его явилось чувство жалости и видно было, что и Иродъ поколебленъ, хотя не желалъ показать это. Тѣмъ временемъ, однако, Николай сталъ дальше и подробнѣе развивать мысль, высказанную въ началѣ царемъ, привелъ доказательства виновности обвиняемаго на основаніи признаній подъ пыткою и сообщеній прочихъ свидѣтелей, особенно же онъ остановился на явномъ мягкосердечіи царя, который не щадилъ никогда ничего для воспитанія и образованія своихъ сыновей и теперь попадаетъ изъ одного тяжелаго положенія въ другое. Правда,—говорилъ онъ,—его не столько изумляетъ дерзость тѣхъ братьевъ, потому что они были слишкомъ юны и подпали вліянію гнусныхъ людей, совѣтовавшихъ имъ попрать всѣ законы природы и поспѣшить овладѣть могуществомъ раньше, чѣмъ слѣдовало. Но за то его естественно крайне поражаетъ гнусность Антипатра, который не только остался безучастенъ къ величайшимъ благодѣяніямъ, оказаннымъ ему отцомъ, (подобно самымъ ядовитымъ змѣямъ, хотя и въ послѣднихъ замѣчается стремленіе не жалить своихъ благодѣтелей) но и въ своей жестокости не принялъ во вниманіе ужасную судьбу, постигшую его братьевъ, самъ велъ слѣдствіе надъ ними и самъ настаивалъ на приведеніе въ исполненіе приговора надъ изобличенными; «Мы, однако, не укоряемъ теперь тебя въ томъ, что ты не сдержалъ своего гнѣва на нихъ, но мы поражены тѣмъ, чтобы поспѣшилъ уподобиться имъ по преступности. Мы убѣждаемся, что всѣ твои начинанія въ этомъ смыслѣ вовсе не были направлены къ тому, чтобы оградить отца, но преслѣдовали лишь гибель братьевъ, дабы своею ненавистью къ нимъ ты могъ болѣе увѣрить всѣхъ въ своей сыновней преданности и тѣмъ получить возможность вѣрнѣе погубить его самаго. Все это ты подтвердилъ своими поступками.

Ты умертвилъ своихъ братьевъ, доказавъ ихъ виновность, но не выдалъ

ихъ единомышленниковъ. Этимъ ты всѣмъ доказалъ, что ты наканунѣ обвиненія вошелъ съ ними въ сдѣлку, направленную противъ твоего отца, желая одинъ воспользоваться плодами отцеубійства и изъ обоихъ преступленій извлечь удовольствіе, вполнѣ достойное твоего характера. Впрочемъ, явно передъ всѣми ты выступилъ въ роли преслѣдователя своихъ братьевъ, за что тебя всѣ какъ и слѣдовало, превозносили высоко. Если же это было не такъ, то ты являешься еще большимъ негодяемъ, такъ какъ ты втайнѣ ковалъ козни противъ отца своего, не схвативъ братьевъ какъ злоумышленниковъ противъ него (самъ ты не задумался предъ такимъ же преступленіемъ), но ненавидя ихъ, какъ преемниковъ власти, на которую они имѣли больше правъ, чѣмъ ты. Кромѣ того, ты желалъ послѣ братьевъ умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть изобличеннымъ въ ложномъ обвиненіи ихъ. Ту смерть, которую ты теперь самъ заслужилъ, ты уготовилъ несчастному отцу своему, задумавъ не обыкновенное отцеубійство, но такое, какого до сихъ поръ не знала исторія.

Ты злоумыслилъ не только какъ сынъ противъ отца, но поднялъ руку на своего друга и благодѣтеля, которому ты помогалъ въ государственныхъ дѣлахъ и преемникомъ котораго ты былъ объявленъ, причемъ тебѣ не было возбранено теперь уже пользоваться всѣми благами власти; напротивъ, желанія отца твоего и его письменное постановленіе гарантировали тебѣ исполненіе всѣхъ твоихъ надеждъ. Между тѣмъ ты не имѣлъ въ этомъ дѣлѣ въ виду расположенія Ирода, но рѣшилъ все это по своему личному усмотрѣнію и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всемъ слѣпо довѣрялъ тебѣ, его часть, причемъ однако ты на словахъ выставлялъ себя его спасителемъ. На самомъ же дѣлѣ ты искалъ случая умертвить его и не только довольствовался при этомъ своею личною испорченностью, но втянулъ въ интриги также и мать свою, посѣялъ смуту въ семьѣ относительно своихъ братьевъ и даже осмѣлился называть отца своего разъяреннымъ звѣремъ. Этимъ ты выказалъ злобу, которая сильнѣе злобы всякой змѣи. Вѣдь ты напустилъ своего яду въ душу ближайшихъ родныхъ и благодѣтелей своихъ. Ты втянулъ въ свое дѣло тѣлохранителей и впуталъ въ свои интриги противъ старца мужчинъ и женщинъ, какъ будто тебѣ не было довольно удовлетвориться чувствомъ своей личной ненависти. И теперь, послѣ того, какъ ради тебя подверглись пыткамъ свободнорожденные и рабы, и послѣ того какъ мужчины и женщины сознались въ существованіи заговора, ты явился сюда и спѣшишь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывалъ умерщвленія отца своего, но и возстаешь противъ принятаго

относительно тебя рѣшенія, противъ добропорядочности Вара и противъ всякой справедливости! И вотъ ты настолько увѣренъ въ своемъ собственномъ безстыдствѣ, что выражаешь самъ готовность подвергнуться пыткѣ, чтобы всѣ, преданные отцу твоему, оказались лжецами, а твоимъ заявленіямъ подъ пыткою была придана вѣра. Конечно, ты, Варъ, не станешь ограждать царя противъ дерзкихъ поползновеній его родныхъ, ты не умертвишь того гнуснаго животнаго, которое притворяется преданнымъ отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своихъ братьевъ и затѣмъ поскорѣе овладѣть самолично престоломъ, при чемъ оно выказываетъ всю свою смертельную ненависть къ нему. Вѣдь ты знаешь, что отцеубійство является одинаковымъ преступленіемъ какъ противъ природы, такъ и противъ всѣхъ жизненныхъ условій, причемъ исполненіе его нисколько не отличается отъ самаго замышленія его. Тотъ, кто за это не наказываетъ, самъ совершаетъ преступленіе противъ природы».

6. Къ этому (ораторъ) присоединилъ еще цѣлый рядъ обвиненій противъ матери Антипатра, указалъ на то, сколь много она по женскому легкомыслію болтала, упомянулъ объ ея заговорахъ и жертвоприношеніяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью повліять на царя, разсказалъ, какъ разнузданно и цинично держалъ себя Антипатръ съ женами Фероры, и остановился на данныхъ, добытыхъ пыткою и свидѣтельскими показаніями. Онъ заранѣе заготовилъ много различныхъ пунктовъ обвиненія и ловко пользовался въ этихъ видахъ также случайно раскрывавшимися теперь фактами. Всѣ тѣ люди, которые раньше, боясь мщенія Антипатра въ случаѣ его оправданія, умалчивали о многомъ, теперь открыто выдали его врагамъ и не скрывали болѣе своей къ нему ненависти, потому что видѣли, насколько онъ подавленъ всѣми обвиненіями и насколько измѣняетъ ему его обычное счастье. Все это ускорило обвинительный надъ нимъ приговоръ и при томъ не столько въ силу нерасположенія къ нему обвинителей, сколько вслѣдствіе чудовищной его дерзости, вслѣдствіе его ненависти къ отцу и братьямъ, такъ какъ онъ преисполнилъ домъ свой смутою и убійствами и всегда относился ко всѣмъ либо съ ненавистью либо дружелюбно не по заслугамъ, но по степени возможной пользы, которую могли ему впослѣдствіи оказать. Большинство этихъ людей уже давно ясно видѣли все это, именно тѣ изъ нихъ, которые обладали критическимъ чутьемъ и могли нелицепріятно судить о фактахъ; но прежде они не рѣшались громко объявлять о томъ, теперь же, когда имъ нечего было бояться, они выложили рѣшительно все, что знали. И вотъ тогда то посыпались всевозможныя разоблаченія, причемъ ихъ нельзя было оспаривать ни ссылкою

на то, будто большинство своими показаніями заискиваетъ у Ирода, ни тѣмъ, что они умалчиваютъ о чемъ либо въ видахъ личной безопасности. Все это люди высказывали потому, что дѣйствительно считали поведеніе Антипатра гнуснымъ и побуждались къ тому не огражденіемъ безопасности Ирода, но были убѣждены въ необходимости наказанія Антипатра. Многіе выступили со своими разоблаченіями даже безъ приглашенія, такъ что Антипатръ, несмотря на свое умѣнье отрицать все и не краснѣть, не имѣлъ возможности раскрыть ротъ для возраженія.—Когда Николай закончилъ обвинительную рѣчь свою, Варъ предложилъ Антипатру приступить къ опроверженію обвиненій, если у него имѣются доказательства невиновности. При этомъ Варъ указалъ какъ на свое желаніе, такъ и, какъ ему извѣстно, на желаніе отца его, чтобы Антипатръ вышелъ изъ суда оправданнымъ. Тогда Антипатръ, вмѣсто того, чтобы предъявить непреложныя доказательства своей невиновности въ заговорѣ противъ отца, бросился на-земь и сталъ взывать къ Господу Богу и ко всѣмъ, прося ихъ засвидѣтельствовать его невинность. Таковъ уже пріемъ всѣхъ непорядочныхъ людей: когда они задумываютъ какую либо гнусность, то забываютъ совершенно о Богѣ и приступаютъ къ своему дѣлу по личному усмотрѣнію; когда же ихъ накрываютъ и они подвергаются опасности поплатиться за свои дѣянія, они всегда прибѣгаютъ къ Предвѣчному, прося его засвидѣтельствовать ихъ невинность. Такъ было и съ Антипатромъ. Сперва онъ рѣшился на все, какъ будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему былъ отрѣзанъ всякій путь къ самооправданію и не на что было опереться, чтобы опровергнуть взведенныя обвиненія, онъ положился на милость Божію, прося Его свидѣтельствовать за него и явить чудо для его спасенія. При этомъ онъ не переставалъ выставлять передъ отцомъ на видъ всѣ свои заслуги.

7. Послѣ того какъ Варъ нѣсколько разъ обращался къ Антипатру, но не добился отъ него ничего, кромѣ взыванія къ Всевышнему, онъ, видя неуспѣшность своей попытки, приказалъ принести ядъ, чтобы убѣдиться въ его дѣйствительности. Когда ядъ былъ принесенъ, то, по требованію Вара, его долженъ былъ выпить осужденный на казнь преступникъ. Онъ немедленно палъ мертвымъ. Послѣ этого Варъ поднялся съ мѣста и распустилъ собраніе. На слѣдующій день онъ поѣхалъ въ Антіохію, гдѣ, какъ въ столицѣ Сиріи, чаще всего и пребывалъ.

Иродъ распорядился немедленно заключить сына въ оковы. Впрочемъ, никто не узналъ, въ какихъ отношеніяхъ были Варъ и Иродъ и что сказалъ послѣднему Варъ предъ своимъ отъѣздомъ. Однако, большинству ка-

залось, что все, предпринятое впослѣдствіи Иродомъ относительно Антипатра, было сдѣлано имъ съ одобренія Вара.

Посадивъ Антипатра въ темницу, царь послалъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ императору въ Римъ и поручилъ лицамъ, везшимъ это письмо, устно сообщить Цезарю о гнусности Антипатра. Въ эти же дни было перехвачено также и письмо Антифила къ Антипатру (первый находился тогда въ Египтѣ) и, когда царь распечаталъ его, то прочиталъ слѣдующее: «съ опасностью для своей собственной жизни я посылаю тебѣ письмо Акмеи. Тебѣ извѣстно, что, если это узнаютъ, я подвергнусь опасности съ двухъ сторонъ. Желаю тебѣ впрочемъ успѣха въ своемъ дѣлѣ».

Таково было содержаніе письма. Царь же сталъ искать второго письма, котораго нигдѣ нельзя было найти. Рабъ Антифила, доставившій это посланіе, говорилъ, что не получалъ другого. Царь былъ въ большомъ смущеніи. Тогда кто то изъ приближенныхъ Ирода увидалъ сшитую на хитонѣ раба складку (на немъ было два платья) и подумалъ, не спрятано ли письмо внутри этой складки. Такъ оно и оказалось. Письмо было захвачено и оказалось слѣдующаго содержанія: «Акмея—Антипатру. Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелалъ, и послала копію съ него моей госпожѣ якобы отъ имени Саломіи; когда (Иродъ) прочитаетъ это письмо, онъ навѣрное накажетъ Саломію, какъ злоумышляющую противъ его жизни». Письмо это было якобы адресовано Саломіею на имя госпожи Акмеи и было по заказу Антипатра составлено отъ имени Саломіи, причемъ Акмея сама сочинила его по указаніямъ Антипатра. Содержаніе его было слѣдующее: «Акмея—царю Ироду. Задавшись цѣлью сообщать тебѣ рѣшительно о всѣхъ направленныхъ противъ тебя начинаніяхъ и найдя письмо Саломіи къ моей госпожѣ, я съ личною для себя опасностью, но имѣя въ виду твою пользу, сняла съ него копію и послала тебѣ ее. Это письмо Саломія писала еще тогда, когда собиралась выйти замужъ за Силлея. Разорви письмо, чтобы моя жизнь не подверглась опасности». Это было написано также Антипатру, дабы онъ зналъ, что по его желанію Акмея извѣстила Ирода, будто Саломія прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы злоумышлять противъ царя, и что Акмея послала ему копію съ подложнаго письма Саломіи къ ея госпожѣ. Акмея была еврейка, находившаяся въ услуженіи у императрицы Юліи. Все это она сдѣлала въ угоду Антипатру, потому что была подкуплена имъ цѣною крупной суммы денегъ для того, чтобы способствовать ему въ его начинаніяхъ, направленныхъ противъ его отца и тетки.

8. Иродъ разсвирѣпѣлъ отъ неслыханной гнусности Антипатра и рѣшилъ было немедленно казнить его, какъ виновника такого преступленія и злоумышленника, направившаго всѣ силы свои не только противъ него и его сестры, но и какъ человѣка, внесшаго смуту въ семью Цезаря. Къ этому побуждала его также Саломія, которая била себя въ грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что это обвиненіе правильно. Иродъ послалъ за сыномъ и подвергъ его допросу, причемъ предложилъ ему безъ страха говорить все, что онъ можетъ привести въ свое оправданіе. Когда же Антипатръ молчалъ, царь просилъ его, такъ какъ все равно онъ по всѣмъ пунктамъ изобличенъ, по крайней мѣрѣ не скрывать отъ него именъ своихъ сообщниковъ по преступленію.

Антипатръ взвалилъ всю вину на Антифила, но больше не выдалъ никого. Въ гнѣвѣ Иродъ рѣшилъ отправить сына къ императору въ Римъ, чтобы онъ тамъ далъ отвѣтъ въ своихъ страшныхъ замыслахъ. Но затѣмъ онъ побоялся, какъ бы Антипатру не удалось при помощи друзей избѣгнуть угрожающей ему опасности, и потому по прежнему велѣлъ держать его въ темницѣ въ оковахъ, самъ же послалъ новыхъ пословъ съ письменнымъ обвиненіемъ противъ сына, сообщилъ, въ какой мѣрѣ Акмея являлась соучастницей въ преступленіяхъ Антипатра, и приложилъ къ этому копіи писемъ [1].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Посланные, получивъ инструкціи о томъ, что говорить на вопросъ (императора), и снабженные письмами, поѣхали въ Римъ. Царь же тѣмъ временемъ заболѣлъ и составилъ новое завѣщаніе, въ которомъ, изъ ненависти къ сыновьямъ Антипатра, Архелаю и Филиппу, за козни ихъ отца, предоставлялъ престолъ младшему своему сыну; кромѣ того онъ оставлялъ императору тысячу, женѣ его Юліи, его дѣтямъ, друзьямъ и вольноотпущенникамъ пятьсотъ талантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначалъ въ завѣщаніи также сыновьямъ и внукамъ своимъ денежныя суммы, ренты и земельные надѣлы. Сестру свою Саломію онъ наградилъ особенно щедро, ибо она всегда оставалась ему вѣрна и никогда не рѣшалась злоумышлять противъ него. Такъ какъ царь отчаявался въ своемъ выздоровленіи (ему было уже около семидесяти лѣтъ), то онъ сталъ особенно раздражителенъ противъ всѣхъ и легко сердился. Причиною такому раздраженію его служило предположеніе, что всѣ его презираютъ и народъ радуется по-

[1] Содержаніе этой главы отчасти затронуто въ Іуд. войнѣ. I, 31, 3, 5; 32, 2, 4, 5, 6 и 7.

стигшему его горю, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ болѣе вліятельныхъ въ глазахъ народа лицъ возстали противъ него по слѣдующему поводу:

2. Іуда сынъ Сарифея и Матѳій сынъ Маргалоѳа считались самыми краснорѣчивыми и наиболѣе опытными знатоками іудейскихъ законовъ; эти люди пользовались большимъ расположеніемъ въ глазахъ народа за то, что они воспитывали юношество (всѣ, кто желали усовершенствоваться въ добродѣтели, бывали у нихъ ежедневно). Узнавъ, что теперешняя болѣзнь царя неизлѣчима, они побудили юношество уничтожить всѣ начинанія царя, противорѣчившія основнымъ древнимъ законамъ, и начать борьбу благочестія за эти законы. Благодаря дерзкимъ нововведеніямъ царя, говорили они, и противорѣчію этихъ нововведеній основному закону, его и постигли не только неслыханныя для обыкновеннаго человѣка несчастія, но и самая болѣзнь его является послѣдствіемъ этого. Дѣйствительно, Иродъ кое въ чемъ нарушилъ законъ, въ чемъ его и могли упрекать послѣдователи Іуды и Матѳія. Такъ, напр., царь воздвигъ надъ главнымъ фронтономъ храма очень дорогой жертвенный даръ въ формѣ огромнаго золотого орла. Между тѣмъ законъ возбраняетъ своимъ послѣдователямъ постановку статуй и вообще изображеній живыхъ существъ. Учителя потребовали снятія этого орла, причемъ говорили, что, если тутъ и есть опасность, людямъ, которые собираются пожертвовать жизнью для спасенія и сохраненія родныхъ обычаевъ, приходится значительно выше удовольствій жизни цѣнить свою доблесть, потому что они тѣмъ самымъ создадутъ себѣ вѣчную славу какъ теперь, такъ и впослѣдствіи: ихъ жизнь будетъ всегда вспоминаться съ уваженіемъ. Вѣдь и тѣмъ, кто безпрепятственно и спокойно живетъ теперь, придется неизбѣжно когда либо умереть, и поэтому всѣ, кто стремится къ самоусовершенствованію, должны твердо рѣшиться разстаться съ жизнью со славою и почетомъ. Вѣдь великое успокоеніе заключается въ томъ, что умираешь, совершая славные подвиги, связанные съ опасностью, и въ такомъ случаѣ какъ сыновья умирающихъ, такъ и всѣ родственники ихъ, мужчины и женщины, дѣлаются участниками ихъ славы.

3. Такими рѣчами Іуда и Матѳій возбуждали молодежь; въ это время до нихъ донесся благопріятный имъ слухъ, будто царь скончался. Поэтому они въ полдень отправились къ храму, сорвали, на глазахъ у множества бывшаго въ храмѣ народа, золотого орла и рузрубили его на куски. Царскій военачальникъ (которому немедленно сообщили объ этомъ дѣлѣ) посмотрѣлъ на это серьезнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, и явился во главѣ значительнаго отряда, достаточнаго для того, чтобы дать отпоръ черни, собиравшейся снять священное изображеніе. Онъ совершенно неожиданно напалъ на толпу; какъ это обыкновенно бываетъ, чернь рѣшилась на свою рѣшительную попытку скорѣе необдуманно, чѣмъ по здравомъ разсужденіи, и потому пришла въ замѣшательство и совершенно не знала, что ей дѣлать. Поэтому военачальнику удалось захватить не менѣе сорока юношей, которые смѣло остались на мѣстѣ, когда остальная толпа бѣжала, а также взять въ плѣнъ Іуду и Матѳія, считавшихъ позорнымъ бѣжать при его появленіи; онъ представилъ ихъ царю. Когда ихъ привели и царь спросилъ ихъ, почему они осмѣлились уничтожить имъ воздвигнутый жертвенный подарокъ, они отвѣчали: «То, что мы задумали, мы рѣшили исполнить и исполнили все такъ, какъ подобаетъ настоящимъ мужчинамъ. Мы желали оградить святилище, которое посвящено Господу Богу, тѣмъ болѣе, что укрѣпило насъ въ нашемъ рѣшеніи постоянное ознакомленіе съ закономъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мы выше оцѣнили тѣ законы, которые преподалъ намъ Моисей и которые онъ по указанію Предвѣчного оставилъ намъ записанными, чѣмъ твои постановленія. Мы съ удовольствіемъ подвергнемся смерти и какому угодно наказанію съ твоей стороны, потому что сознаемъ, что мы подвергнемся этому не за преступныя дѣянія, но за любовь къ истинному благочестію». То же самое сказали всѣ они и доказали на словахъ такую же рѣшимость, какая заставила ихъ и дѣйствовать.

Тогда царь велѣлъ заковать ихъ въ оковы и послать въ Іерихонъ, куда онъ созвалъ всѣхъ вліятельныхъ іудеевъ. Когда послѣдніе съѣхались, царь пригласилъ ихъ въ амфитеатръ. Тамъ, лежа на постели и не будучи болѣе въ силахъ держаться на ногахъ, онъ принялся перечислять всѣ свои заслуги передъ ними, упомянулъ, съ какими расходами онъ построилъ храмъ, чего не могли сдѣлать въ теченіе своего стадвадцатилѣтняго царствованія Асмонеи, и сказалъ, что онъ соорудилъ его во славу Предвѣчному и украсилъ его драгоцѣнными приношеніями, память о которыхъ, какъ онъ надѣется, и слава которыхъ останется за нимъ и послѣ смерти. Затѣмъ онъ возвысилъ голосъ и началъ кричать, что они еще при его жизни не стѣсняются оскорблять его, что днемъ на виду у всѣхъ нагло прикасаются къ его жертвеннымъ дарамъ и что, хотя какъ будто все это направлено противъ него лично, если присмотрѣться поближе, на дѣлѣ тутъ совершенно простое святотатство.

4. Боясь, какъ бы Иродъ въ своей жестокости не разсвирѣпѣлъ на нихъ и не сдѣлалъ бы ихъ отвѣтственными за происшедшее, всѣ присут-

ствующіе стали утверждать, что все это произошло помимо ихъ вѣдома и что, по ихъ мнѣнію, этого дѣла нельзя оставить безнаказаннымъ.

Иродъ обошелся съ ними вообще довольно мягко, но смѣстилъ съ должности первосвященника Матѳія, какъ отчасти виновника всего случившагося, и назначилъ первосвященникомъ брата жены своей, Іозара. При этомъ же первосвященникѣ Матѳіи случилось, что на одинъ день былъ назначенъ другой первосвященникъ, именно на одинъ изъ дней постныхъ. Произошло это дѣло такимъ образомъ: наканунѣ постнаго дня Матѳій видѣлъ во снѣ, будто бы онъ общается съ женою. Такъ какъ онъ въ силу этого лишался возможности отправлять свои священническія обязанности, то его замѣстилъ его родственникъ Іосифъ, сынъ Эллима.

Итакъ, Иродъ смѣстилъ первосвященника Матѳія, а другого Матѳія, который поднялъ бунтъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами велѣлъ сжечь живьемъ. Въ эту ночь произошло лунное затмѣніе.

5. Между тѣмъ болѣзнь Ирода все ухудшалась, такъ какъ Господь Богъ наказывалъ его за всѣ его беззаконія. То былъ медленный огонь, который былъ не столько замѣтенъ наружно, сколько свирѣпствовалъ у него внутри тѣла; къ этому присоединялось еще страстное, неопреодолимое желаніе оторвать у себя какой нибудь членъ тѣла.

Его мучили также внутренніе нарывы, особенно же страшныя боли въ желудкѣ; ноги его были наполнены водянистою, прозрачною жидкостью. Такая же болѣзнь постигла и низъ его живота; на гніющихъ частяхъ появлялись черви; когда онъ хотѣлъ подняться, дыханіе причиняло ему страшныя страданія какъ вслѣдствіе зловонія, такъ и вслѣдствіе затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причемъ царь обнаруживалъ неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своимъ знаніямъ умѣли объяснять такія явленія, говорили, что теперь Предвѣчный наказываетъ царя за его великія беззаконія. Между тѣмъ больной, страдая болѣе всякого другого, все еще надѣялся на выздоровленіе, посылалъ за врачами и не переставалъ въ точности пользоваться всѣми предписываемыми ими средствами. Переправившись чрезъ Іорданъ, онъ даже погрузился въ горячіе ключи Каллирои [1], которые вообще очень цѣлебны и содержимое которыхъ годно для питья. Вода этихъ ключей стекаетъ въ

[1] Срв. Іуд. войну, I, 33,5. Каллироя находилась на восточномъ берегу Мертваго моря и представляла въ древности оживленный курортъ. Горячіе ключи съ большой примѣсью минеральныхъ ингредіентовъ, еще по сей день служатъ арабамъ для цѣлебныхъ цѣлей. Срв. Boettger, l. c. p. 72.

т. наз. Асфальтовое (Мертвое) море. Тутъ врачамъ показалось, будто онъ поправляется; но когда царь сѣлъ въ ванну, наполненную масломъ, онъ чуть не умеръ на глазахъ ихъ. Иродъ пришелъ въ себя лишь отъ громкихъ криковъ слугъ. Теперь онъ уже потерялъ всякую надежду на выздоровленіе и потому приказалъ выдать каждому солдату по пятидесяти драхмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ распорядился выдать крупныя награды военачальникамъ и друзьямъ своимъ. Затѣмъ онъ вернулся назадъ въ Іерихонъ и тутъ желчь такъ возбудила его противъ всѣхъ, что онъ передъ самою смертью выдумалъ слѣдующее страшное дѣло: когда, по его приказанію, явились отовсюду всѣ наиболѣе вліятельные іудеи (это была страшная масса людей, потому что всѣ повиновались предписанію, ибо ослушникамъ угрожала смертная казнь), царь, въ одинаковой мѣрѣ возбужденный какъ противъ невинныхъ, такъ и противъ виновныхъ, приказалъ всѣхъ ихъ запереть въ ипподромѣ. Затѣмъ онъ послалъ за своею сестрою Саломіею и ея мужемъ Алексасомъ и сказалъ имъ, что онъ скоро умретъ, такъ какъ его страданія неимовѣрны. Конечно, это вполнѣ естественно и бываетъ со всѣми, но его особенно огорчаетъ, что онъ умретъ и никто не станетъ оплакивать его и скорбѣть о немъ въ такой мѣрѣ, въ какой это было бы прилично, такъ какъ онъ вѣдь царь.

Ему прекрасно извѣстно настроеніе іудеевъ, и онъ знаетъ, насколько желательна и пріятна имъ смерть его, такъ какъ они еще при его жизни устроили бунтъ и нагло отнеслись къ его жертвеннымъ дарамъ. Поэтому, говорилъ онъ, теперь ихъ дѣло придумать для него какое нибудь облегченіе его страданій. Итакъ, если они (Саломія и ея мужъ) не откажутся помочь ему, то ему будутъ устроены такія пышныя похороны, какихъ не удостоился еще никто изъ царей, и тогда весь народъ обуяетъ искренняя скорбь, между тѣмъ какъ теперь народъ этотъ издѣвается и смѣется надъ нимъ. Поэтому, когда они (Саломія и ея мужъ) удостовѣрятся въ его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподромъ войсками, которымъ однако не слѣдуетъ пока сообщать объ его кончинѣ (это можно будетъ возвѣстить народу послѣ исполненія его воли) и прикажутъ имъ перестрѣлять заключенныхъ въ ипподромѣ людей. Тѣмъ, что они такимъ образомъ умертвятъ всѣхъ, они окажутъ ему двойную услугу, во первыхъ тѣмъ, что въ точности исполнятъ выраженное имъ передъ смертью желаніе, а во вторыхъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ народъ почтитъ его искреннимъ горемъ. Иродъ умолялъ ихъ объ этомъ со слезами на глазахъ, прося ихъ сдѣлать это изъ родственнаго чувства къ нему и изъ любви къ Господу Богу.

Такъ какъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы они оказали ему эту честь, тѣ обѣщали въ точности исполнить его желаніе.

6. Если кто либо вздумаетъ объяснять прежніе поступки этого человѣка относительно родныхъ тѣмъ, что онъ совершилъ ихъ изъ привязанности къ жизни (и боязни умереть), то это его приказаніе является окончательно безчеловѣчнымъ, такъ какъ онъ, покидая жизнь, желалъ повергнуть весь народъ въ горе вслѣдствіе утраты самыхъ дорогихъ ему лицъ. Вѣдь онъ приказалъ умертвить изъ каждаго дома по одному человѣку, притомъ безъ того, чтобы эти лица совершили что либо незаконное или обвинялись въ какомъ нибудь преступленіи; всѣ, кто цѣнитъ добродѣтель, обыкновенно въ такія минуты забываютъ свою ненависть къ дѣйствительнымъ врагамъ своимъ [1].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Пока Иродъ давалъ это порученіе родственникамъ своимъ, получилось письмо отъ отправленныхъ имъ къ римскому императору пословъ. Сущность этого письма сводилась къ тому, что Цезарь въ гнѣвѣ велѣлъ казнить Акмею за ея участіе въ преступленіяхъ Антипатра; послѣдняго же онъ вполнѣ отдавалъ въ распоряженіе Ирода, какъ отца и царя, и предоставлялъ царю право либо изгнать его изъ страны, либо казнить. Услышавъ это, Иродъ немного оправился отъ своихъ страданій, потому что письмо доставило ему удовольствіе; особенно же онъ былъ доволенъ казнью Акмеи и предоставленіемъ ему права по личному усмотрѣнію распорядиться съ Антипатромъ. Но такъ какъ вскорѣ страданія его опять возобновились съ страшною силою, онъ въ изнеможеніи захотѣлъ съѣсть чего нибудь и потребовалъ себѣ яблока и ножа. И раньше онъ обыкновенно самъ срѣзалъ съ яблокъ кожу и ѣлъ плодъ, нарѣзавъ его небольшими кусочками. Взявъ ножъ и оглянувшись, онъ вдругъ вздумалъ пронзить себя имъ. Онъ навѣрное привелъ бы это намѣреніе въ исполненіе, если бы его не предупредилъ его двоюродный братъ Ахіавъ, который схватилъ его за руку. Онъ громко закричалъ, и сейчасъ же по всему дворцу раздались крики и громкія стенанія, какъ будто царь уже умеръ. Въ виду этого

[1] Срв. Іуд. войну, I, 33, 2—7. Насколько несерьезно можно относиться къ этому разсказу Іосифа, видно изъ того, что то же дѣяніе приписывается въ Талмудѣ Яннаю. Срв. Derenbourg, Palestine, p. 163—164. Такимъ же вымысломъ, по мнѣнію Э. Ренана („Евреи подъ владычествомъ Рима") является и разсказъ объ оскверненіи золотого орла надъ фронтономъ храма.

Антипатръ, убѣжденный въ смерти отца, воспрянулъ духомъ, разсчитывая теперь выйти на волю и немедленно захватить въ свои руки царскую власть. Онъ тотчасъ вступилъ въ переговоры съ тюремщикомъ, обѣщая ему большую награду сейчасъ и впослѣдствіи и указывая на то, что теперь наступилъ моментъ дѣйствовать рѣшительно. Однако тюремщикъ не только не склонился на просьбы Антипатра, но и сообщилъ царю весьма краснорѣчиво объ его планахъ. Иродъ, который и раньше не былъ расположенъ къ сыну, услышавъ это сообщеніе тюремщика, громко возопилъ и сталъ биться головою объ стѣну, несмотря на то, что лежалъ уже при послѣднемъ издыханіи. Затѣмъ онъ оперся на локоть и приказалъ послать нѣсколькихъ копьеносцевъ, не откладывая умертвить Антипатра и похоронить его безъ всякихъ почестей въ Гирканіи [1].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Иродъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и вновь передѣлалъ свое завѣщаніе. Антипасу, котораго онъ сперва назначилъ своимъ преемникомъ на царскомъ престолѣ, онъ отдалъ тетрархію въ Галилеѣ и Переѣ, Архелая онъ провозгласилъ своимъ преемникомъ, а области Гауланитиду, Трахонъ, Батанею и Паніаду оставилъ въ видѣ тетрархіи Филиппу, сыну Архелая, царскаго брата. Ямнію, Азотъ, Фасаилиду онъ предоставилъ сестрѣ своей Саломіи, которая получила сверхъ того пятьсотъ тысячъ серебряной монеты. Царь подумалъ также о всѣхъ остальныхъ родственникахъ своихъ и, давъ каждому изъ нихъ денежныя суммы и значительныя ренты, сдѣлалъ ихъ всѣхъ богатыми людьми. Императору онъ завѣщалъ десять милліоновъ серебренниковъ, кромѣ различной золотой и серебряной утвари и весьма драгоцѣнной одежды, а женѣ его Юліи и нѣкоторымъ другимъ лицамъ онъ оставилъ по пятисотъ тысячъ. Затѣмъ онъ умеръ, спустя пять дней послѣ казни Антипатра, процарствовавъ тридцать четыре года послѣ умерщвленія Антигона и тридцать семь лѣтъ послѣ провозглашенія своего царемъ со стороны римлянъ. Это былъ человѣкъ, одинаково жестокій ко всѣмъ, необузданный въ гнѣвѣ, попиравшій справедливость, но притомъ пользовавшійся большею удачею, чѣмъ кто либо иной. (Вѣдь онъ, происходя изъ простого званія, добился царскаго сана и, несмотря на тысячи опасностей, всегда ускользалъ отъ нихъ, съумѣвъ при этомъ дожить до

[1] Ренанъ (l. c.) пишетъ: „Узнавъ объ этомъ печальномъ, крайне разстроившемъ его происшествіи, Августъ сказалъ: „Вотъ человѣкъ, быть свиньей котораго лучше, чѣмъ сыномъ!" Срв. Макроб. Saturn. II, 4.

преклоннаго возраста). Что же касается его домашней обстановки и его
сыновей, то и здѣсь все соотвѣтствовало его личнымъ желаніямъ и стрем-
леніямъ, потому что онъ могъ радоваться тому, что съумѣлъ совладать съ
ними, какъ съ своими врагами. Мнѣ однако онъ и въ этомъ отношеніи
представляется человѣкомъ крайне несчастнымъ.

2. Между тѣмъ Саломія и Алексасъ выпустили заключенныхъ въ иппо-
дромѣ на свободу, раньше чѣмъ стало извѣстно о смерти царя. При этомъ
они сказали, будто самъ царь распорядился, чтобы они вернулись къ себѣ
домой къ дѣламъ своимъ. Этимъ они оказали народу крупное благодѣяніе.
Когда вѣсть о смерти царя распространилась повсюду, Саломія и Алек-
сасъ собрали войско въ іерихонскій амфитеатръ и тутъ сначала прочитали
ему посланіе Ирода къ воинамъ, гдѣ царь благодарилъ послѣднихъ за
вѣрную преданность и просилъ ихъ такъ же отнестись и къ его сыну
Архелаю, котораго онъ назначаетъ своимъ преемникомъ. Затѣмъ Птолемей,
которому былъ довѣренъ царскій перстень съ печатью, прочиталъ завѣща-
ніе; послѣднее впрочемъ не иначе вступало въ законную силу, какъ съ
утвержденія императора. По прочтеніи завѣщанія немедленно поднялись
громкіе клики въ честь (новаго) царя, Архелая; воины по отдѣльнымъ ча-
стямъ, предводительствуемые своими начальниками, присягнули ему на вѣр-
ность и преданность и призвали Господа Бога въ хранители царя.

3. Затѣмъ состоялись похороны царя, причемъ Архелай озаботился
устроить ихъ какъ можно пышнѣе и не щадилъ средствъ, чтобы придать
имъ въ честь усопшаго больше блеска. Тѣло умершаго покоилось на золотомъ
ложѣ, усѣянномъ разнообразными драгоцѣнными камнями; покровъ былъ
пурпуровый, и тѣло покойнаго было облечено въ багряницу; на головѣ его
покоилась діадема, поверхъ которой былъ надѣтъ золотой вѣнецъ; въ
правой рукѣ находился скипетръ. Около ложа шли сыновья умершаго и
масса его родственниковъ; за ними слѣдовало войско по отрядамъ сообразно
своей національности: сперва шли копьеносцы, затѣмъ отряды ѳракійцевъ,
германцевъ и галловъ, всѣ въ полной походной формѣ. За ними слѣдовало
уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами и таксі-
архами и снаряженное какъ бы на войну. Затѣмъ шли пятьсотъ служи-
телей, несшихъ куренія. Вся процессія прошла (такимъ образомъ) восемь
стадій до Иродіума, гдѣ, сообразно повелѣнію покойнаго, и состоялось его
погребеніе.

4. Такъ умеръ Иродъ. Архелай справилъ въ честь отца, какъ того
требовалъ обычай, семидневный трауръ, затѣмъ угостилъ своихъ друзей и,
отмѣнивъ трауръ, направился въ храмъ. Вездѣ на пути его при-

вѣтствовали кликами радости и прославленіями, такъ какъ всѣ наперерывъ
другъ предъ другомъ старались высказать ему свои благопожеланія. Затѣмъ
Архелай взошелъ на устроенное возвышеніе, снабженное золотымъ трономъ,
и обратился съ привѣтственною рѣчью къ народу, выражая ему свое удо-
вольствіе по поводу его расположенія къ нему, которое высказалось въ
его благопожеланіяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ благодарилъ собравшихся, что
они предали забвенію всѣ несправедливости, совершенныя относительно ихъ
его отцомъ, и обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобы воздать имъ доб-
ромъ за ихъ къ нему расположеніе. При этомъ Архелай сказалъ, что онъ
пока не принимаетъ титула царя, потому что тогда только будетъ
имѣть на него право, когда императоръ утвердитъ завѣщаніе отца его. По
этой же причинѣ онъ отклонилъ и желаніе іерихонскаго войска, собирав-
шагося возложить на него діадему; онъ де отлично понимаетъ неумѣстность
такой почести, потому что еще не удостоился оффиціальнаго утвержденія
со стороны императора. Когда же онъ достигнетъ власти, то приложитъ
все свое стараніе, чтобы вознаградить ихъ за расположеніе къ нему; онъ
постарается доказать имъ, что хочетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ и
для всѣхъ лучше отца своего. Какъ это обыкновенно бываетъ съ толпою,
послѣдняя была увѣрена, что люди, достигшіе высокаго положенія и власти,
въ первые же дни выказываютъ весь свой характеръ; поэтому поскольку
Архелай говорилъ мягко и любезно съ народомъ, постольку же чернь еще
болѣе превозносила его похвалами, а затѣмъ стала требовать себѣ всякихъ
льготъ: одни громко требовали, чтобы имъ облегчили ихъ ежегодные налоги
другіе просили освободить узниковъ, заключенныхъ Иродомъ въ темницы
(тамъ ихъ давно томилось множество), были наконецъ и такіе, которые
требовали отмѣны налоговъ, безжалостно взимавшихся со всего покупаемаго и
продаваемаго на рынкахъ. Считая весьма важнымъ для себя съ самаго на-
чала заслужить расположеніе народа, нужное для утвержденія его во власти,
Архелай нисколько не отклонялъ этихъ просьбъ, но началъ съ полной го-
товностью исполнять всѣ эти желанія народа. Затѣмъ онъ принесъ жертву
Предвѣчному и отправился обѣдать со своими друзьями [1].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Въ это время нѣкоторые іудеи, собравшись для того, чтобы совер-
шить попытку къ возстанію, стали громко оплакивать Матѳія и его умерщ-
вленныхъ Иродомъ товарищей, которые изъ страха народа предъ послѣд-

[1] Срв. Іуд. войну, I, 33,7—II, 1,1.

нимъ до сихъ поръ не удостоились еще чести быть погребенными; эти люди были приговорены къ казни за снятіе золотого орла (съ храма). И вотъ бунтовщики съ криками и воплями стали поносить царя, какъ будто бы это могло облегчить положеніе казненныхъ. Собравшись на сходку, они потребовали, чтобы Архелай наказалъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя пользовались особымъ благоволеніемъ Ирода, а раньше всего смѣстилъ назначеннаго Иродомъ первосвященника и замѣнилъ его болѣе свѣдущимъ въ законахъ и болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Хотя Архелай и очень безпокоился этимъ ихъ движеніемъ, однако постарался успокоить ихъ, имѣя въ виду поскорѣе отправиться въ Римъ и тамъ гарантировать себѣ поддержку со стороны императора. Поэтому онъ выслалъ къ нимъ одного изъ своихъ военачальниковъ съ приказаніемъ уговорить ихъ, указать имъ, чтобы они оставили свою неразумную въ данный моментъ затѣю и приняли во вниманіе, что смерть, постигшая ихъ друзей, была вполнѣ законною; вмѣстѣ съ тѣмъ военачальнику было поручено доказать имъ, что въ ихъ требованіяхъ много оскорбительнаго и что современныя обстоятельства требуютъ на первомъ планѣ единодушія, пока Архелай не вернется къ нимъ обратно съ утвержденіемъ въ санѣ царя со стороны императора. Тогда онъ готовъ обсудить съ ними совмѣстно ихъ требованія, пока же проситъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ манифестацій, чтобы не навлечь на себя названія бунтовщиковъ.

2. Такое порученіе царь далъ военачальнику и отпустилъ его затѣмъ къ народу. Бунтовщики однако кричали и не дали военачальнику промолвить слово; они угрожали смертью ему, равно какъ всякому, кто бы вздумалъ уговорить и остановить ихъ въ ихъ намѣреніяхъ; при этомъ они придавали больше значенія своимъ собственнымъ желаніямъ, чѣмъ требованіямъ начальниковъ, считая безобразнымъ, что если они при жизни Ирода лишились друзей своихъ, не имѣть, послѣ его смерти, возможности отомстить своимъ врагамъ. Въ своемъ крайнемъ озлобленіи они считали законнымъ и справедливымъ всякій пріятный имъ поступокъ, совершенно игнорируя связанную съ этимъ для нихъ опасность; если кому нибудь изъ нихъ и приходила въ голову такая мысль, то онъ предпочиталъ насладиться скорѣе чувствомъ мщенія своимъ злѣйшимъ врагамъ, чѣмъ думалъ о возможныхъ послѣдствіяхъ этого мщенія. Несмотря на то, что Архелай высылалъ къ нимъ для переговоровъ нѣсколько лицъ и нѣкоторые сами, безъ его приказанія, отъ себя пытались успокоить недовольныхъ, послѣдніе никому не дали говорить. Напротивъ, они страшно разсвирѣпѣли и подняли цѣлый бунтъ; при этомъ было очевидно, что они рѣ-

шатся на крайнія мѣры, если къ нимъ присоединится побольше простонародья.

3. Въ это время наступилъ праздникъ, въ который іудеямъ древнимъ закономъ предписано ѣсть опрѣсноки. (Этотъ праздникъ носитъ названіе пасхи, служа напоминаніемъ ихъ удаленія изъ Египта; эти дни іудеи празднуютъ особенно охотно и у нихъ въ обычаѣ приносить тогда больше жертвъ, чѣмъ въ какой либо другой праздникъ; въ это же время на поклоненіе Всевышнему стекается въ городъ безчисленная масса жителей не только изъ предѣловъ ихъ собственной страны, но и изъ заграницы). И вотъ бунтовщики, оплакивавшіе смерть законоучителей Іуды и Матѳія, также собрались въ храмѣ, гдѣ у нихъ всего было вдоволь, потому-что имъ не было стыдно выклянчивать себѣ запасы у другихъ. Тогда Архелай, опасаясь, какъ бы эти люди въ своемъ ослѣпленіи не рѣшились на опасныя мѣры, выслалъ къ нимъ отрядъ тяжеловооруженныхъ подъ командою хиліарха съ предписаніемъ сдержать пылъ бунтовщиковъ раньше, чѣмъ къ нимъ присоединится и ими будетъ увлечена слишкомъ большая часть народа. При этомъ царь приказалъ привести къ нему всѣхъ тѣхъ, кто обнаружилъ бы слишкомъ большое увлеченіе безпорядками. На этихъ солдатъ руководители бунта и масса простонародья набросились съ яростью, крича и ободряя другъ друга, окружили ихъ и закидали большинство ихъ камнями. Спаслись бѣгствомъ лишь немногіе изъ солдатъ и ихъ военачальникъ, но всѣ они были ранены. Затѣмъ, совершивъ это, бунтовщики вновь принялись за жертвоприношенія. Между тѣмъ Архелай сталъ опасаться за [illegible] своего царства, если не подавитъ этого волненія народа. По этому онъ выслалъ все свое войско, а также кавалерію, предписавъ по[illegible]препятствовать тому, чтобы заключеннымъ въ храмѣ была оказываема какая либо поддержка со стороны расположившихся внѣ святилища, а также ловить тѣхъ, кто избѣгнетъ рукъ пѣхоты и считалъ бы себя уже въ безопасности. Такимъ образомъ всадники перебили до трехъ тысячъ человѣкъ; остальные ушли на ближайшія возвышенности. Затѣмъ Архелай велѣлъ возвѣстить всѣмъ, что разрѣшаетъ имъ вернуться къ дѣламъ своимъ. Тогда эти люди оставили празднованіе пасхи и возвратились домой, боясь всякихъ осложненій, хотя они (вначалѣ) и выказали, благодаря своей необразованности, такую дерзость.

Послѣ этого Архелай въ сопровожденіи своей матери, Птолемея, Николая и многихъ друзей отправился въ морское путешествіе, поручивъ завѣдываніе всѣми домашними и государственными дѣлами своему брату Филиппу. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхала также Саломія, сестра Ирода, со всею

многочисленною роднею своею, подъ предлогомъ поддержать Архелая въ его утвержденіи царемъ, на дѣлѣ же съ цѣлью противодѣйствовать ему въ этомъ и особенно для того, чтобы поднять шумъ изъ за случившагося въ храмѣ. Въ Цезареѣ съ Архелаемъ встрѣтился Сабинъ, сирійскій уполномоченный императора, отправлявшійся въ Іудею, чтобы заарестовать денежныя суммы Ирода. Однако отъ этого намѣренія удержалъ его прибывшій туда Варъ, котораго съ этою цѣлью Архелай спеціально пригласилъ чрезъ Птолемея. Въ угоду Вару Сабинъ воздержался отъ занятія іудейскихъ крѣпостей и отъ опечатанія казны, которую предоставилъ въ распоряженіе Архелая до постановленія соотвѣтствующаго рѣшенія со стороны императора. Самъ онъ остался въ Цезареѣ, обѣщавъ это Архелаю. Когда же Архелай отплылъ въ Римъ, а Варъ вернулся въ Антіохію, Сабинъ двинулся на Іерусалимъ и занялъ царскій дворецъ. Затѣмъ онъ послалъ за начальниками гарнизоновъ и всѣми чиновниками и прямо потребовалъ отъ нихъ отчета, распоряжаясь по личному усмотрѣнію судьбою укрѣпленій. Однако чиновники не ослушались ни въ чемъ приказаній Архелая, удержали у себя все, что имъ довѣрилъ царь, и сослались на то, что они берегутъ все для императора.

4. Въ это же самое время отправился въ Римъ также другой сынъ Ирода, Антипасъ, имѣя въ виду съ своей стороны выступить претендентомъ на престолъ. Онъ былъ побужденъ къ тому Саломіею, которая убѣдила его, что онъ имѣетъ больше правъ на престолъ, чѣмъ Архелай, такъ какъ онъ былъ объявленъ царемъ въ первомъ завѣщаніи, которое имѣетъ болѣе законной силы, чѣмъ написанное впослѣдствіи. Его сопровождали его мать и Птолемей, братъ Николая, который раньше принадлежалъ къ числу наиболѣе вліятельныхъ друзей Ирода, а теперь былъ близокъ къ нему. Особенно же сильно побуждалъ Антипаса домогаться престола нѣкій Иреней, человѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и достигшій благодаря этому своему недюжинному таланту высокаго общественнаго положенія. Поэтому Антипасъ и не внималъ совѣтамъ тѣхъ, которые уговаривали его уступить своему старшему брату Архелаю, вдобавокъ назначенному царемъ въ самомъ завѣщаніи Ирода.

Когда Антипасъ прибылъ въ Римъ, всѣ родные стали на его сторону, впрочемъ не изъ расположенія къ нему, но изъ ненависти къ Архелаю, особенно же оттого, что всѣ они жаждали свободы и желали быть подчинены римскому намѣстнику. Если бы однако тутъ вышла задержка, то они считали для себя болѣе выгоднымъ поддерживать Антипаса,

чѣмъ Архелая, и потому всячески отстаивали интересы перваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Сабинъ прислалъ Цезарю письменное обвиненіе противъ Архелая.

5. Архелай съ своей стороны представилъ императору прошеніе, въ которомъ излагалъ свои притязанія и, приложивъ къ этому завѣщаніе отца, равно какъ пославъ къ Цезарю Птолемея съ перечнемъ Иродова имущества и перстня, сталъ ожидать исхода своего дѣла. Императоръ прочиталъ бумаги его и письма Вара и Сабина, удостовѣрился въ состояніи имущества Ирода и въ его ежегодныхъ доходахъ, а также внимательно разобралъ всѣ доводы Антипаса относительно его правъ на царскій престолъ. Затѣмъ онъ собралъ для обмѣна мыслей своихъ друзей и въ томъ числѣ Гая, сына Агриппы и его дочери Юліи, который пользовался у него большимъ вліяніемъ и котораго онъ считалъ своимъ первымъ совѣтникомъ. Всѣмъ желающимъ высказаться относительно настоящаго положенія дѣлъ императоръ предоставилъ это право. Первымъ выступилъ съ рѣчью Антипатръ, сынъ Саломіи, человѣкъ, отличавшійся необыкновеннымъ краснорѣчіемъ и весьма враждебный Архелаю. Онъ сказалъ, что притязанія Архелая на престолъ являются насмѣшкой, потому что Архелай на самомъ дѣлѣ вполнѣ воспользовался царскою властью раньше, чѣмъ его утвердилъ въ этомъ санѣ императоръ; при этомъ онъ укорялъ его въ томъ, какъ дерзко онъ распорядился съ умерщвленными во время праздника, наказаніе которыхъ ему, даже если бы тѣ были дѣйствительно виновны, надлежало бы предоставить власть имущимъ, а не оставлять это право за собою: если онъ тутъ дѣйствовалъ какъ царь, то онъ оскорбилъ императора, не зная еще, какъ тотъ относится къ нему; если же онъ дѣйствовалъ, какъ частное лицо, то это еще хуже, такъ какъ нельзя имѣть притязанія на какое либо право и на утвержденіе въ немъ, если отнялъ у самаго Цезаря принадлежащее ему одному право. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обвинилъ Архелая также въ томъ, что тотъ уволилъ нѣкоторыхъ военачальниковъ, что самовольно сѣлъ на царскій престолъ, что онъ, какъ настоящій царь, постановлялъ рѣшенія и соглашался на требованія лицъ, предъявившихъ ему свои притязанія оффиціально, и что онъ вообще держалъ себя такъ, какъ только могъ себя держать человѣкъ, уже утвержденный Цезаремъ въ санѣ. При этомъ онъ поставилъ ему также на видъ, что Архелай выпустилъ лицъ, заключенныхъ въ ипподромѣ, и присоединилъ къ этому еще многое, что отчасти было вѣрно, отчасти по самому существу своему могло случиться вслѣдствіе того, что слишкомъ молодые люди злоупотребляютъ властью изъ честолюбія. Равнымъ образомъ онъ укорялъ его въ недостаточномъ уваженіи къ памяти отца, указывая

будто Архелай задалъ пиръ въ ту самую ночь, когда скончался Иродъ, слѣдствіемъ чего и явилась попытка народа устроить бунтъ. Если, продолжалъ онъ, Архелай такъ отплатилъ мертвому отцу своему, который оказалъ ему столько благодѣяній и притомъ такихъ значительныхъ, днемъ притворно обливался слезами, какъ актеръ, а ночью предавался всякимъ удовольствіямъ, которыя были ему доступны вслѣдствіе его высокаго положенія, то ясно, что Архелай такимъ же точно образомъ поступитъ и относительно Цезаря, если тотъ утвердитъ его въ власти, какъ онъ поступилъ и относительно отца своего: вѣдь онъ танцуетъ и поетъ, какъ будто бы умеръ его врагъ, а не ближайшій родственникъ и вдобавокъ благодѣтель. Весьма страннымъ поступкомъ со стороны Архелая является и то обстоятельство, что онъ теперь прибылъ къ Цезарю съ просьбою утвердить его на престолѣ, послѣ того какъ раньше сдѣлалъ все, на что уполномочить его могло лишь признаніе его верховнымъ властителемъ. Особенно же ярко онъ описывалъ преступное избіеніе людей въ святилищѣ, подробно разсказалъ, какъ они при наступленіи праздника были перерѣзаны на подобіе жертвенныхъ животныхъ, (причемъ въ числѣ ихъ находилось нѣсколько чужестранцевъ, остальные же были туземцами), какъ храмъ наполнился мертвыми тѣлами. Онъ подчеркивалъ, что такое злодѣяніе было совершено не иноземцемъ, но человѣкомъ, облеченнымъ священнымъ именемъ царя, и было сдѣлано имъ для того, чтобы удовлетворить ненавистную и прирожденную всѣмъ людямъ страсть къ тиранническому своеволію. Поэтому то отцу и во снѣ никогда не снилось сдѣлать такого человѣка своимъ преемникомъ на престолѣ: вѣдь Ироду былъ извѣстенъ характеръ Архелая. При этомъ ораторъ указалъ на [illegible]о, что [illegible] по смыслу завѣщанія преимущество принадлежитъ Антипа[illegible] котораго отецъ назначилъ своимъ преемникомъ на тронѣ тогда, когда [illegible] не страдалъ ни физически, ни душевно, но былъ въ полномъ владѣні[illegible] умственными силами и настолько здоровъ, что могъ соз[illegible]льно уп[illegible] и распоряжаться всѣми своими дѣлами. Впрочемъ, если бы отецъ Архелая въ прежнемъ своемъ завѣщаніи распорядился относительно его такъ же, какъ въ послѣднемъ, то ясно, какимъ бы царемъ могъ стать Архелай, который уже теперь пренебрегъ императоромъ, тогда какъ отъ послѣдняго только и зависитъ его утвержденіе въ санѣ, и который, будучи еще частнымъ человѣкомъ, не задумался перерѣзать своихъ согражданъ въ храмѣ.

6. Сказавъ все это и скрѣпивъ свою рѣчь свидѣтельскими показаніями цѣлаго ряда тутъ же находившихся родственниковъ, Антипатръ

смолкъ. Тогда въ качествѣ представителя интересовъ Архелая поднялся Николай и началъ говорить, что все случившееся въ храмѣ скорѣе должно быть приписано самовольному поведенію пострадавшихъ, чѣмъ властнымъ распоряженіямъ Архелая; вѣдь лица, рѣшающіяся на такія предпріятія, не только поступаютъ гнусно съ тѣми, кого они возбуждаютъ, но и принуждаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ людей совершенно спокойныхъ. Вполнѣ ясно, что бунтовщики возстали на словахъ какъ бы противъ Архелая, въ дѣйствительности же противъ императора. Вѣдь они напали на высланныхъ вполнѣ своевременно Архелаемъ воиновъ, которые должны были остановить ихъ въ дерзкомъ начинаніи, и перебили ихъ, не принимая во вниманіе ни близости Предвѣчнаго, ни святости праздника. За такихъ то людей Антипатръ выступилъ теперь ходатаемъ, потому ли, что желаетъ насытить вражду свою къ Архелаю, или оттого, что ненавидитъ голую истину. «Тѣ, кто приступаютъ неожиданно къ насильственнымъ дѣйствіямъ, именно и являются лицами, принуждающими другихъ даже противъ воли браться за оружіе для огражденія своей безопасности». Вмѣстѣ съ тѣмъ ораторъ привелъ цѣлый рядъ другихъ возраженій противъ доводовъ обвинителей, которые сами находились въ числѣ совѣтчиковъ (Архелая): ничто, что облекается въ форму обвиненія не произошло помимо ихъ вѣдома. Впрочемъ, все это само по себѣ и не является преступнымъ, но выставляется теперь таковымъ для того лишь, чтобы повредить Архелаю, ибо таково уже у нихъ желаніе насолить родственнику, который оказалъ крайне важныя услуги отцу своему, а по отношенію къ нимъ всегда выказывалъ родственныя чувства и обходился съ ними гуманно. При этомъ царь Иродъ составилъ свое завѣщаніе въ полномъ обладаніи умственными способностями, и это второе завѣщаніе уже потому дѣйствительнѣе перваго, что царь предоставилъ Цезарю, какъ верховному правителю, право утвердить его по всѣмъ пунктамъ. (Я убѣжденъ, что) Цезарь никоимъ образомъ не послѣдуетъ примѣру тѣхъ дерзкихъ людей, которые, пользуясь всѣми благами власти при жизни Ирода, теперь во всемъ нагло противодѣйствуютъ его желаніямъ, причемъ не имѣютъ даже права считать себя такими его слугами (какимъ является Архелай). Вѣдь Цезарь и не подумаетъ нарушить послѣднюю волю человѣка, который постоянно и во всемъ слѣдовалъ его указаніямъ, былъ его другомъ и сотрудникомъ и написалъ свое завѣщаніе въ упованіи на его лояльность. Императоръ по своей доблести и вѣрности, которыя извѣстны всему міру, не послѣдуетъ примѣру этихъ гнусныхъ людей и не признаетъ сумасброднымъ безумцемъ человѣка и царя, который назначилъ преемни-

комъ своимъ достойнаго сына и въ этомъ вполнѣ уповалъ на преданность Цезаря. Иродъ не могъ ошибиться въ выборѣ своего наслѣдника, если онъ былъ настолько разсудителенъ, что рѣшилъ все это оставить на утвержденіе императора."

7. Этимъ словомъ Николай закончилъ рѣчь свою, Архелай же бросился къ ногамъ Цезаря. Послѣдній велѣлъ ему подняться и сказалъ, что онъ считаетъ его вполнѣ достойнымъ престола. Этимъ онъ въ достаточной мѣрѣ ясно высказалъ свое личное на этотъ счетъ мнѣніе и доказалъ, что онъ поступитъ совершенно сообразно завѣщанію и вполнѣ приметъ во вниманіе интересы Архелая. Сейчасъ, впрочемъ, онъ не рѣшилъ дальнѣйшаго образа своихъ дѣйствій, но удовлетворился тѣмъ, что удостовѣрился въ полномъ успокоеніи Архелая. Распустивъ затѣмъ собраніе, императоръ сталъ обсуждать вопросъ о томъ, утвердить ли на престолѣ Архелая, или распредѣлить эту власть между всѣми представителями Иродовой семьи, которая вѣдь также нуждалась въ поддержкѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

1. Пока однако императоръ постановлялъ какое бы то ни было рѣшеніе, мать Архелая, Малѳака, заболѣла и умерла, а отъ сирійскаго намѣстника Вара получилось письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ о бунтѣ іудеевъ. Дѣло въ томъ, что послѣ отплытія Архелая народъ сталъ волноваться; самъ Варъ пріѣхалъ, жестоко наказалъ зачинщиковъ возстанія, по силѣ возможности успокоилъ волнующихся и возвратился въ Антіохію, оставивъ въ Іерусалимѣ одинъ легіонъ для подавленія всякой попытки іудеевъ къ возстанію. Впрочемъ, ему не вполнѣ удалось подавить возмущеніе. Дѣло въ томъ, что по отъѣздѣ Вара императорскій намѣстникъ Сабинъ, оставшійся на мѣстѣ, сталъ сильно удручать возставшихъ, разсчитывая на то, что при помощи оставленнаго ему войска онъ справится съ ними и съ народомъ. Онъ окружилъ себя значительнымъ числомъ тѣлохранителей, чѣмъ возбуждалъ лишь іудеевъ и побуждалъ ихъ къ возмущенію. При этомъ онъ пытался насильно овладѣть укрѣпленіями и въ своей алчности и своемъ корыстолюбіи всецѣло предавался разысканію царскихъ сокровищъ.

2. При наступленіи Пятидесятницы (такъ называется одинъ изъ нашихъ праздниковъ), огромныя толпы народа собрались въ городъ не только съ цѣлью помолиться, но и для того, чтобы выразить свое негодованіе по поводу насилій Сабина; много явилось также галилеянъ, идумеянъ, іерихонцевъ, а также жителей Заіорданья; къ нимъ присоединилось огромное множество іудеевъ, которые сильнѣе другихъ пылали желаніемъ отомстить Сабину. Всѣ собравшіеся разбились на три отряда и расположились каждый отдѣльно, причемъ одни заняли ипподромъ, а изъ прочихъ двухъ отрядовъ одинъ расположился вдоль восточной, южной и сѣверной сторонъ святилища, а другой вдоль западной стороны, гдѣ находился царскій дворецъ. У нихъ были сдѣланы приготовленія для осады отовсюду окруженныхъ ими римлянъ. Сабинъ испугался такой массы враговъ и опасался вспышки со стороны мужей, которые предпочли умереть чѣмъ подчиниться и всю свою доблесть полагали въ побѣдѣ; поэтому онъ немедленно послалъ Вару письмо и настоятельно просилъ его тотчасъ же поддержать его въ крайней опасности, угрожающей оставленному имъ войску; онъ писалъ ему о возможности быть вскорѣ захваченными въ плѣнъ и перебитыми. Самъ онъ занялъ высокую башню крѣпости, т. наз. Фасаилову башню, воздвигнутую въ честь Иродова брата Фасаила и получившую свое названіе послѣ убіенія Фасаила парѳянами, и далъ знакъ римлянамъ выступить противъ іудеевъ; и въ то время, какъ самъ онъ не рѣшался спуститься къ друзьямъ своимъ, онъ считалъ возможнымъ, чтобы другіе умирали за него и за его любостяжаніе. Когда римляне рискнули сдѣлать вылазку, произошелъ ожесточенный бой, въ которомъ римляне одержали верхъ надъ врагами. Однако, не взирая на такое бѣдствіе и несмотря на массу павшихъ, іудеи не переставали сохранять мужество. Они сдѣлали обходъ и взобрались на крыши галлерей, окружающихъ снаружи храмъ; тутъ снова возгорѣлся ожесточенный бой, причемъ іудеи бросали сверху камни; либо прямо руками, либо изъ пращей, они были на это мастера. Къ нимъ также присоединились всѣ стрѣлки, которые наносили римлянамъ значительный уронъ, потому что успѣли занять болѣе возвышенную позицію и были недосягаемы для непріятельскихъ дротиковъ, тогда какъ сами имѣли крупныя преимущества предъ врагами. Въ такомъ видѣ бой продолжался значительное время. Наконецъ римлянамъ надоѣло все это и они, незамѣтно отъ іудеевъ, взобравшихся на крыши галлерей, подожгли эти галлереи. Такъ какъ они при этомъ кидали въ огонь много горючаго матеріала, то пламя быстро охватило крышу, деревянныя части которой, особенно благодаря наличности массы смолы и воска, равно какъ покрытой лакомъ позолоты, вскорѣ были объяты пламенемъ. Такимъ образомъ это великое и дивное сооруженіе превратилось въ ничто, а находившіеся на крышѣ нашли тутъ нежданно свою гибель. Когда крыша рухнула, многіе упали вмѣстѣ съ нею въ огонь, другихъ при этомъ застрѣлили враги. Отчаиваясь въ своемъ спасеніи и страшась предстоящей участи, многіе сами ринулись

въ огонь, другіе же собственноручно покончили съ собою при помощи своихъ мечей. Тѣ наконецъ, которые пытались спастись тѣмъ же путемъ, какимъ взобрались на крышу, были всѣ перебиты римлянами вслѣдствіе своей безоружности, своего отчаянія и потери мужества, въ которую ихъ ввергала безоружность. Такимъ образомъ ни одинъ изъ тѣхъ, которые взобрались на крышу, не спасся. Римляне ринулись повсюду, гдѣ только можно было проникнуть, внутрь храма и старались овладѣть богатствами послѣдняго. При этомъ многое было разворовано солдатами, Сабинъ же унесъ на глазахъ у всѣхъ четыреста талантовъ.

3. Іудеи были огорчены несчастіемъ, постигшимъ павшихъ въ битвѣ друзей, а также похищеніемъ сокровищъ. Тѣмъ не менѣе однако они заняли царскій дворецъ всѣми своими наиболѣе дѣльными и храбрыми воинами и угрожали поджечь дворецъ и перебить всѣхъ; при этомъ они предлагали римлянамъ скорѣе удалиться, обѣщая имъ и Сабину съ его приверженцами въ этомъ случаѣ полную безопасность. Тогда большинство царскихъ войскъ перешло на ихъ сторону. Руфъ же и Гратъ, располагавшіе тремя тысячами отборнаго и рослаго войска Ирода, примкнули къ римлянамъ. То же самое сдѣлалъ и отдѣльный конный отрядъ, бывшій подъ командою Руфа. Іудеи въ свою очередь не ослабляли осады; они подкапывали стѣны и кричали осажденнымъ, чтобы тѣ не мѣшали имъ вернуть прежнюю свою свободу. Сабину, правда, хотѣлось удалиться со своими воинами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не рѣшался повѣрить (іудеямъ) вслѣдствіе учиненныхъ надъ ними насилій, да къ тому же его сильно сбивала неожиданная мягкость враговъ. Кромѣ того онъ ожидалъ прибытія Вара и потому подвергался дальнѣйшей осадѣ.

4. Въ это же самое время множество другихъ волненій охватило Іудею, причемъ многіе рѣшились на открытую борьбу либо въ надеждѣ на личную выгоду, либо изъ ненависти къ іудеямъ. Такъ, напр., двѣ тысячи бывшихъ солдатъ Ирода, вернувшихся теперь на родину, собрались въ предѣлахъ самой Іудеи и начали непріязненныя дѣйствія противъ царскихъ приверженцевъ. Сопротивленіе сталъ имъ оказывать двоюродный братъ Ирода, Ахіавъ, но такъ какъ болѣе опытные въ военномъ дѣлѣ противники оттѣснили его съ равнины на плоскогорье, то онъ искалъ по возможности спасенія въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ.

5. Былъ тамъ также нѣкій Іуда, сынъ могущественнаго атамана разбойниковъ, Езекіи, котораго Иродъ съ большими трудностями держалъ въ повиновеніи. Этотъ Іуда собралъ около галилейскаго города Сепфориса огромную толпу отчаянныхъ людей, сдѣлалъ набѣгъ на царскій дворецъ,

захватилъ все находившееся тамъ оружіе, вооружилъ имъ всѣхъ своихъ приверженцевъ и похитилъ всѣ находившіяся тамъ деньги. Такъ какъ онъ грабилъ и бралъ въ плѣнъ всѣхъ, кто ему попадался на пути, то онъ всюду вселялъ ужасъ. При этомъ имъ руководило желаніе добиться высшаго положенія и даже царскаго достоинства; впрочемъ, онъ разсчитывалъ достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзкимъ захватомъ.

6. Существовалъ тогда также одинъ изъ служителей царя Ирода, нѣкій Симонъ, человѣкъ красивый, огромнаго роста и крайне сильный, пользовавшійся довѣріемъ царя. Основываясь на безпорядочномъ состояніи дѣлъ, этотъ человѣкъ осмѣлился возложить на себя царскій вѣнецъ. Собравъ себѣ толпу приверженцевъ, которые въ своемъ безуміи провозгласили его царемъ, и считая себя вполнѣ достойнымъ этого высокаго сана, Симонъ разграбилъ и сжегъ царскій дворецъ въ Іерихонѣ. Равнымъ образомъ онъ предалъ пожару цѣлый рядъ другихъ дворцовъ въ странѣ, причемъ предоставлялъ толпѣ своихъ приверженцевъ грабить ихъ сколько угодно. Онъ навѣрное совершилъ бы еще болѣе значительныя беззаконія, если бы противъ него не были приняты мѣры: Гратъ присоединилъ царскія войска къ римскимъ и во главѣ этой рати выступилъ противъ Симона. Когда затѣмъ произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцевъ Симона, происходившихъ изъ Переи и представлявшихъ изъ себя безпорядочную толпу, сражавшуюся скорѣе храбро, чѣмъ умѣло, погибло, а самъ Симонъ, искавшій спасенія въ бѣгствѣ по узкому ущелью, попался въ руки Грата и былъ имъ обезглавленъ.

Около Іордана, въ Аиаѳѣ, дворецъ былъ также сожженъ толпою бродягъ, похожею на приверженцевъ Симона. Такимъ образомъ полная разнузданность овладѣла народомъ, такъ какъ у него не было своего царя, который могъ бы доблестнымъ правленіемъ сдерживать народную массу, а прибывшіе для успокоенія возмутившихся иноземцы лишь подливали масла въ огонь своимъ наглымъ отношеніемъ и своимъ корыстолюбіемъ.

7. Вмѣстѣ съ тѣмъ даже нѣкій Аѳронгъ, человѣкъ, не блиставшій ни знатностью рода, ни личною доблестью, ни обиліемъ денежныхъ средствъ, всего на всего простой пастухъ, отличавшійся впрочемъ огромнымъ ростомъ и недюжинною физическою силою, рѣшился домогаться царской власти. Удовольствіе пользоваться выдающимся положеніемъ заставляло его не дорожить даже личною жизнью и подвергнуться гибели. У него было четверо братьевъ, такихъ же рослыхъ и сильныхъ, какъ онъ самъ. Въ нихъ онъ разсчитывалъ имѣть хорошую поддержку при овладѣніи царскимъ престоломъ. Такъ какъ около нихъ собралась огромная толпа приверженцевъ, то

каждый изъ братьевъ взялъ на себя командованіе однимъ отрядомъ. Таковы то были его военачальники. Они помогали ему, вступая постоянно, по собственному усмотрѣнію, въ стычки.

Самъ же Аѳронгъ надѣлъ на себя царскій вѣнецъ и держалъ совѣтъ относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. При этомъ онъ всюду руководился лишь своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Въ рукахъ такого человѣка власть была долгое время; онъ назывался царемъ и могъ невозбранно дѣлать все, что ему было угодно. Какъ онъ самъ, такъ и его братья сильно вредили своею жестокостью римлянамъ и царскимъ войскамъ, питая какъ къ тѣмъ, такъ и къ другимъ сильную ненависть: послѣднія они ненавидѣли за надменность при жизни Ирода, римлянъ же за тѣ обиды, которыя они, по ихъ мнѣнію, наносили имъ. Съ теченіемъ времени озлобленность ихъ росла все болѣе и болѣе. Никому, кто попадался имъ въ руки, уже не было спасенія, либо вслѣдствіе ихъ корыстолюбія, либо вслѣдствіе ихъ любви къ убійствамъ. Однажды они напали близъ Еммауса на когорту римлянъ, которая везла войску хлѣбъ и оружіе. Окруживъ римскій отрядъ, они закидали дротиками начальника его, Арія, и сорокъ лучшихъ его пѣхотинцевъ. Испугавшись этого пораженія, остальные римляне спаслись бѣгствомъ, бросивъ трупы товарищей; имъ на выручку, впрочемъ, пришелъ Гратъ во главѣ царскихъ войскъ, бывшихъ въ его распоряженіи.

Такія стычки устраивали они въ теченіе долгаго времени, нанося римлянамъ не мало вреда и сильно притѣсняя свой собственный народъ. Впрочемъ, впослѣдствіи всѣ они пали, одинъ въ битвѣ съ Гратомъ, другой въ бою съ Птолемеемъ. Старшій попался въ руки Архелая, и тогда послѣдній, въ горѣ отъ постигшей братьевъ неудачи и не видя для себя спасенія вслѣдствіе своего одиночества и потери войска отъ переутомленія, отдался, уповая на Господа Бога, въ полное распоряженіе Архелаю.

8. Все это, впрочемъ, произошло значительно позже. Тѣмъ временемъ Іудея была полна разбойничьихъ шаекъ. Гдѣ только ни собиралась толпа недовольныхъ, она тотчасъ выбирала себѣ царя, на общую гибель. Правда эти цари наносили римлянамъ маловажный вредъ, зато свирѣпствовали среди своихъ собственныхъ единоплеменниковъ.

9. Лишь только Варъ узналъ изъ письма Сабина о случившемся, онъ сталъ опасаться за участь римскаго легіона. Поэтому онъ взялъ два остальныхъ легіона (въ Сиріи ихъ было всего три) и четыре отряда конницы, равно какъ вспомогательныя войска, которыя тогда предоставили въ его распоряженіе нѣкоторые цари и тетрархи, и поспѣшилъ съ ними на помощь осажденнымъ въ Іудеѣ. Войска, высланныя впередъ, получили приказаніе

спѣшить въ Птолемаиду. Между прочимъ, когда онъ проходилъ чрезъ городъ Беритъ, жители дали ему вспомогательный отрядъ въ полторы тысячи человѣкъ. Равнымъ образомъ и царь Каменистой Аравіи, Аретъ, который изъ вражды къ Ироду сдружился съ римлянами, послалъ ему довольно значительные пѣшіе и конные отряды. Когда же вся рать собралась въ Птолемаидѣ, онъ далъ часть ея своему сыну и одному изъ своихъ друзей для того, чтобы они начали войну съ галилеянами, населявшими окрестности Птолемаиды. Было совершено нападеніе и враги были обращены въ бѣгство. Затѣмъ былъ занятъ городъ Сепфорисъ, жители его проданы въ рабство, а городъ сожженъ. Самъ Варъ во главѣ всего войска двинулся къ Самаріи, но не причинилъ этому городу никакого вреда, такъ какъ жители его не принимали участія въ смутахъ. Тутъ онъ расположился станомъ въ деревушкѣ Арусъ, входившей въ составъ области Птолемея. Эту деревню подожгли арабы, побуждаемые къ тому ненавистью къ Ироду и потому также враждебно относившіеся ко всѣмъ друзьямъ послѣдняго. Выступивъ отсюда, арабы разграбили и сожгли другую деревню, Самфо, которая представляла изъ себя довольно укрѣпленный и неприступный пунктъ. Вообще на пути ихъ все подвергалось насилію, вездѣ царили пожаръ и убійство. Такимъ образомъ по приказанію Вара, желавшаго устроить нѣчто вродѣ искупительной жертвы въ память павшихъ воиновъ, былъ подожженъ и Еммаусъ; жители, впрочемъ, успѣли во-время покинуть этотъ городъ. Отсюда онъ двинулся уже къ Іерусалиму. Когда же расположившіеся у стѣнъ для осады іудеи увидѣли приближеніе его войска, то не стали дольше ждать и отступили, бросивъ осаду. Затѣмъ, когда Варъ жестоко накинулся на іерусалимскихъ іудеевъ, послѣдніе стали оправдываться тѣмъ, что стеченіе такой массы народа въ городѣ объясняется наступившими праздниками, и что войну слѣдуетъ приписать вовсе не ихъ желанію, но дерзости пришельцевъ и что они вмѣстѣ съ римлянами скорѣе подвергались осадѣ, чѣмъ думали сами осаждать римлянъ. На встрѣчу Вару выѣхали Іосифъ, двоюродный братъ царя Ирода, Гратъ и Руфъ во главѣ войскъ своихъ и всѣ осажденные римляне. Сабинъ, впрочемъ, не попадался Вару на глаза: онъ удалился изъ города къ морю.

10. Потомъ Варъ разослалъ по странѣ часть своего войска и сталъ ловить виновниковъ возмущенія. Когда ему указывали на таковыхъ, онъ ихъ наказывалъ какъ зачинщиковъ; многихъ, впрочемъ, онъ отпустилъ безъ наказанія. Такимъ образомъ было казнено (чрезъ пригвожденіе къ кресту) двѣ тысячи человѣкъ. Видя затѣмъ, что войска ему болѣе не нужны, онъ распустилъ ихъ, потому что они, вопреки повелѣніямъ и же-

ланіямъ Вара, совершили много насилій и грабежей изъ любостяжанія. Когда же онъ узналъ, что вновь собралось десять тысячъ іудеевъ, онъ поспѣшилъ захватить ихъ. Впрочемъ, они не вступили съ нимъ въ бой, но, по совѣту Ахіава, сдались Вару.

Послѣдній простилъ толпѣ ея провинность, руководителей же ея отправилъ къ императору. Большинство изъ нихъ Цезарь отпустилъ безнаказанными, подвергнувъ казни лишь тѣхъ изъ участниковъ бунта, которые принадлежали къ числу родственниковъ Ирода, потому что они вопреки всякой справедливости выступили противъ своихъ сородичей [1].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Устроивъ такимъ образомъ дѣла свои и оставивъ въ Іерусалимѣ въ качествѣ гарнизона прежній легіонъ, Варъ двинулся къ Антіохіи. Для Архелая же тѣмъ временемъ въ Римѣ возникли новыя осложненія по слѣдующему поводу: съ разрѣшенія Вара въ Римъ прибыло посольство іудеевъ, просившее автономіи. Этихъ представителей народа было всего пятьдесятъ; въ Римѣ къ нимъ присоединилось еще свыше восьми тысячъ іудеевъ. Когда Цезарь собралъ совѣтъ изъ своихъ приближенныхъ и главныхъ римскихъ должностныхъ лицъ въ храмѣ Аполлона, сооруженномъ имъ съ большими расходами, туда прибыли посланные въ сопровожденіи толпы мѣстныхъ евреевъ, а также Архелай со своими друзьями. Такъ какъ родственники царя питали ненависть къ Архелаю, то съ одной стороны они не желали поддержать его, съ другой же считали тягостнымъ вмѣстѣ съ посланными выступить противъ него, причемъ понимали, насколько будетъ позорно въ присутствіи Цезаря выступать противъ родственника. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Филиппъ, по совѣту Вара, прибылъ изъ Сиріи въ Римъ, главнымъ образомъ для поддержанія брата (къ которому питалъ большое расположеніе Варъ), а съ другой стороны также для того, чтобы въ случаѣ перемѣны порядка правленія (Варъ считалъ и это возможнымъ, такъ какъ предвидѣлъ раздѣленіе царства вслѣдствіе множества поборниковъ автономіи) не упустить случая гарантировать и себѣ нѣкоторую часть.

2. Когда было предоставлено слово іудейскимъ посланнымъ, собиравшимся говорить о необходимости уничтоженія царской власти, они приступили къ обвиненію Ирода въ всевозможныхъ беззаконіяхъ; правда, они называли его царемъ и онъ былъ таковымъ по имени, но позволялъ себѣ тиранническія дѣянія, направленныя къ гибели іудеевъ, и не от-

[1] Срв. Іуд. войну, II, 3,1—5,2.

ступалъ предъ самовольнымъ введеніемъ различныхъ новшествъ. Существовало множество людей, которыхъ онъ загубилъ дотолѣ неизвѣстнымъ по своей жестокости въ исторіи способомъ, а еще хуже страданія оставшихся въ живыхъ, такъ какъ онъ стѣснялъ ихъ не только лично, но и угрожалъ отнять у нихъ все ихъ имущество. Окрестные города, населенные иноземцами, не уставалъ украшать за счетъ гибели и разоренія своихъ собственныхъ подданныхъ; народъ онъ ввергъ въ безвыходную нищету, тогда какъ онъ засталъ его, за немногими исключеніями, въ положеніи благосостоянія; у знати, которую онъ подвергалъ казни по самымъ ничтожнымъ причинамъ, онъ отнималъ имущество, тѣхъ же представителей ея, которымъ оставлялъ жизнь, окончательно лишалъ всѣхъ денегъ. Помимо того, что насильно и безпощадно взимались налоги, назначенные каждому жителю ежегодно никогда нельзя было обойтись безъ взятокъ какъ ему самому, такъ его приближеннымъ, друзьямъ и чиновникамъ, которымъ было поручено взиманіе этихъ налоговъ. Иначе, если не заплатить денегъ, нельзя было спокойно жить. Можно обойти молчаніемъ растлѣніе имъ дѣвушекъ и опозореніе женщинъ. Такъ какъ эти злодѣянія совершались имъ въ пьяномъ видѣ и безъ свидѣтелей, то потерпѣвшія лучше молчали, какъ будто бы ничего и не было, чѣмъ разносили молву объ этомъ. Итакъ Иродъ выказалъ относительно ихъ такое же звѣрство, какое могло выказать лишь животное, если бы послѣднему была предоставлена власть надъ людьми. Хотя народъ претерпѣвалъ и раньше многія превратности и пертурбаціи, однако исторія не знаетъ о такомъ несчастіи, какое постигло народъ благодаря Ироду. Поэтому то они такъ охотно провозгласили царемъ Архелая, полагая, что, кто бы ни сѣлъ на престолѣ, онъ будетъ всетаки мягче Ирода; поэтому они охотно несли трауръ по его отцѣ и были готовы сдѣлать все, лишь бы расположить къ себѣ новаго царя. Послѣдній однако, видимо боясь показаться не роднымъ сыномъ Ирода, не задумался немедленно выказать народу весь свой характеръ и притомъ въ такое время, когда императоръ еще не успѣлъ утвердить его въ санѣ и дать ему безграничную власть. Онъ немедленно показалъ своимъ поданнымъ примѣръ той доблестной мягкости и законности, которую желалъ впослѣдствіи проявлять относительно ихъ: первымъ его поступкомъ относительно народа и Предвѣчнаго было что онъ учинилъ избіеніе трехъ тысячъ единоплеменниковъ въ святилищѣ. Какъ же имъ теперь не выказывать ему совершенно основательной ненависти, если онъ помимо своей жестокости еще возвелъ на нихъ обвиненіе въ беззаконномъ сопротивленіи его власти! Результатъ ихъ просьбы сводится теперь къ тому, чтобы освободиться отъ такого царства и такихъ

правителей, слиться съ населеніемъ Сиріи и подчиниться посылаемымъ туда намѣстникамъ. Тогда то обнаружится, дѣйствительно ли они безпокойны и добиваются смутъ, или же они могутъ быть добрыми подданными при мягкихъ правителяхъ.

3. Такъ говорили іудеи. Николай приступилъ къ оправданію царей отъ взводимыхъ на нихъ обвиненій и сказалъ, что они не выступали противъ Ирода, пока онъ былъ живъ (особенно неприлично обвинять мертваго, когда имѣли возможность сдѣлать это при его жизни и когда они могли добиться наказанія его). Поступокъ Архелая онъ отнесъ на счетъ ихъ собственной дерзости; они стремились къ противузаконнымъ дѣяніямъ и сами начали избивать тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало удерживать ихъ отъ насилій; теперь они жалуются на то, что и съ ними поступили такъ же. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упрекнулъ ихъ въ безпокойномъ нравѣ и въ томъ, что они находятъ удовольствіе въ возмущеніяхъ, причемъ ихъ невоспитанность выражается въ нежеланіи повиноваться справедливости и законамъ, такъ какъ они хотятъ вездѣ занимать первенствующее мѣсто.

4. Такъ говорилъ Николай. Услышавъ это, императоръ распустилъ собраніе. Чрезъ нѣсколько дней онъ назначилъ Архелая, правда, не царемъ но этнархомъ половины владѣній Ирода, причемъ обѣщалъ ему почетный титулъ царя, если только Архелай заслужитъ этого своимъ поведеніемъ. Вторую половину онъ раздѣлилъ на двѣ части и отдалъ ихъ двумъ другимъ сыновьямъ Ирода, а именно Филиппу и Антипасу. Послѣдній являлся конкуррентомъ своему брату Архелаю на всю область. Антипасу достались Перея и Галилея, дававшія ежегодный доходъ въ двѣсти талантовъ. Батанея, Трахонъ, Атранитида и область, носящая названіе «удѣлъ Зенодора», доставляли Филиппу доходъ въ сто талантовъ. Остальное, именно Идумея, Іудея и Самарія, достались Архелаю, причемъ самаряне были освобождены отъ четвертой части налоговъ; императоръ даровалъ имъ эту льготу за то, что они не приняли участія въ общемъ возстаніи народа. Такимъ образомъ Архелаю были подчинены города: Стратонова башня, Себаста, Яффа и Іерусалимъ.

Газа, Гадара и Иннось были городами съ греческимъ населеніемъ; императоръ отнялъ ихъ у него и включилъ ихъ въ составъ Сиріи. Архелай получалъ съ удѣленной ему области ежегоднаго дохода шестьсотъ талантовъ.

5. Это досталось сыновьямъ Ирода изъ отцовскаго наслѣдія. Саломіи императоръ подарилъ кромѣ того, что оставилъ ей по завѣщанію братъ ея (а именно Ямнію, Азотъ, Фасаилиду и 500000 серебряныхъ монетъ) еще

царскій дворецъ въ Аскалонѣ. Такимъ образомъ ежегодный доходъ ея достигалъ до шестидесяти талантовъ, а владѣнія ея находились въ области Архелая. Также и остальные родственники царя получили удѣлы, назначенные имъ по завѣщанію. Двумъ незамужнимъ дочерямъ царя императоръ подарилъ, помимо того, что оставилъ имъ отецъ, еще по 250000 серебренниковъ и выдалъ ихъ замужъ за сыновей Фероры. Всѣ тѣ суммы, до полутора тысячъ талантовъ, которыя были царемъ завѣщаны самому Цезарю, онъ вернулъ сыновьямъ его, а себѣ оставилъ лишь нѣсколько вещей, не столько, впрочемъ, вслѣдствіе ихъ цѣнности, сколько на память о царѣ Иродѣ [1].

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

1. Когда Цезарь распорядился такимъ образомъ, одинъ іудейскій юноша, воспитывавшійся въ городѣ Сидонѣ у нѣкоего римскаго вольноотпущенника, выдалъ себя за сына Ирода, такъ какъ очень походилъ лицомъ на Александра, котораго умертвилъ его отецъ Иродъ. Это сходство было подтверждено всѣми видѣвшими юношу. Это-то обстоятельство и побудило его добиваться царской власти. Въ сообщники онъ выбралъ себѣ единоплеменника, человѣка опытнаго въ придворныхъ интригахъ, впрочемъ большого негодяя, который по самой природѣ своей былъ искуснымъ интриганомъ. Этого человѣка іудей взялъ себѣ въ руководители въ своемъ гнусномъ предпріятіи и затѣмъ объявилъ себя Александромъ, сыномъ Ирода, говоря, что его спряталъ одинъ изъ тѣхъ, кому было поручено казнить его. Послѣдній умертвилъ другихъ юношей, чтобы ввести въ заблужденіе присутствовавшихъ при этомъ, его же и его брата Аристовула онъ спасъ. Этимъ онъ самъ былъ окончательно сбитъ съ толку и невольно вводилъ въ заблужденіе другихъ. Когда онъ прибылъ на островъ Критъ, то убѣдилъ въ томъ всѣхъ іудеевъ, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло. Снабженный съ ихъ стороны значительною денежною суммою, онъ поѣхалъ затѣмъ на островъ Мелосъ. Тутъ въ еще гораздо большей степени стали стекаться къ нему деньги, потому что люди вѣрили въ его царственное происхожденіе и давали ему деньги въ надеждѣ, что онъ, по достиженіи престола отца своего, вознаградитъ своихъ благодѣтелей. Затѣмъ онъ, въ сопровожденіи своихъ новыхъ друзей, поѣхалъ въ Римъ и, приставъ въ Дикеархеѣ, также удачно съумѣлъ обмануть тамошнихъ іудеевъ. Къ нему отнеслись какъ къ царю и особенно примкнули къ нему тѣ, кто былъ расположенъ къ Ироду и друженъ съ

[1] Срв. Іуд. войну, II, 6, 1—3.

нимъ. Причиною этого служило общечеловѣческое свойство, въ силу котораго охотно слушаешь рѣчи человѣка красиваго. Ему удалось вселить въ людяхъ, имѣвшихъ сношенія съ Александромъ, увѣренность, что онъ именно и есть самъ царевичъ, такъ что тѣ даже готовы были присягнуть въ этомъ. Молва о немъ достигла Рима раньше его, такъ что всѣ тамошніе іудеи вышли къ нему на встрѣчу. Ихъ особенно увлекала чудесность его спасенія и, когда онъ проѣзжалъ на колесницѣ по улицамъ, они выражали особенно бурную радость по поводу того, что онъ сынъ именно Маріамны. Вся обстановка Александра была, за счетъ друзей его, поистинѣ царская. Народъ окружалъ его толпою, въ честь его раздавались ликованія и вообще произошло все то, что обыкновенно бываетъ, когда противъ ожиданія находится мнимо погибшій.

2. Когда вѣсть о немъ дошла до императора, послѣдній не повѣрилъ ей, такъ какъ зналъ, что нелегко было обмануть Ирода въ столь серьезныхъ для него дѣлахъ. Однако не будучи вполнѣ увѣренъ, онъ приказалъ одному изъ своихъ вольноотпущенниковъ, Келаду, который былъ (когда то) близокъ съ царственными юношами, привести къ нему Александра. Такъ тотъ и сдѣлалъ, причемъ оказался не смышленнѣе прочихъ. Императоръ, впрочемъ, не далъ ввести себя въ заблужденіе. Сходство дѣйствительно было, но не настолько большое, чтобы можно было обмануть зоркій глазъ. Отъ тяжкой работы Лже-Александръ огрубѣлъ, и тогда какъ можно было бы ожидать у человѣка, такого происхожденія и получившаго такое воспитаніе, нѣжности кожи, послѣдняя напротивъ на всемъ его тѣлѣ была жестка и груба. Видя, насколько учитель и его ученикъ спѣлись въ своей лжи и держали себя одинаково дерзко, императоръ сталъ разспрашивать мнимаго Александра о судьбѣ спасшагося вмѣстѣ съ нимъ Аристовула и по какой причинѣ онъ не явился сюда для участія въ тѣхъ почестяхъ, которыя подобаютъ лицамъ столь высокаго происхожденія. Тотъ сказалъ, что Аристовулъ изъ боязни предъ опасностями моря остался на Кипрѣ, а также для того, чтобы, въ случаѣ если Александра постигнетъ неудача, родъ Маріамны не пресѣкся окончательно; тогда Аристовулъ, оставаясь въ живыхъ, могъ бы начать дѣйствовать противъ своихъ враговъ. Когда же выдумавшій всю эту комедію сталъ подтверждать слова юноши и поддерживать его, императоръ отвелъ юношу въ сторону и обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Если ты мнѣ скажешь всю правду, то я тебѣ въ награду за это подарю жизнь. Поэтому скажи мнѣ, кто ты такой и кто побудилъ тебя къ такому рискованному предпріятію; вѣдь это преступленіе, котораго ты, по юности своей, не могъ самъ при-

думать». Тутъ не было уже исхода. Пришлось разсказать Цезарю о всемъ планѣ, какимъ образомъ и кѣмъ онъ былъ придуманъ. Видя крѣпкое тѣлосложеніе Лже-Александра, императоръ (желавшій сдержать данное ему слово) отправилъ его гребцомъ на корабль, а виновника всей этой исторіи предалъ казни. Жителямъ острова Мелоса было уже достаточнымъ наказаніемъ, что они бросили на вѣтеръ въ пользу Лже-Александра такую кучу денегъ.

Такъ безславно окончился дерзкій планъ Лже-Александра [1].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

1. Когда назначенный тетрархомъ Архелай прибылъ въ Іудею, то лишилъ сына Боэта, Іоазара, первосвященническаго сана въ наказаніе за его участіе въ возстаніи и назначилъ на его мѣсто его брата Елеазара. Затѣмъ онъ роскошно отстроилъ іерихонскій дворецъ и провелъ половину воды, орошавшей въ избыткѣ деревушку Неару, къ городу, причемъ засадилъ всю окрестную равнину финиковыми пальмами. Тутъ онъ основалъ деревню, которую назвалъ Архелаидою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ позволилъ себѣ одно закононарушеніе, а именно женился на Глафирѣ, дочери Архелая, которая раньше была женою его брата Александра и имѣла отъ послѣдняго дѣтей. Іудеямъ строго возбраняется жениться на вдовахъ своихъ братьевъ. И Елеазаръ не долго былъ первосвященникомъ, такъ какъ еще при его жизни эту должность занялъ вмѣсто него Іисусъ, сынъ Сія.

2. На десятомъ [2] году правленія Архелая наиболѣе выдающіеся іудеи и самаряне, не будучи въ состояніи переносить его жестокость и тираннію, обвинили его предъ императоромъ, особенно въ виду того, что Архелай, какъ они узнали, нарушилъ предписаніе Цезаря обращаться мягко съ подданными. Когда это услышалъ императоръ, то разгнѣвался и послалъ за повѣреннымъ Архелая въ Римѣ (его также звали Архелаемъ), такъ какъ не считалъ нужнымъ писать этнарху Архелаю. Повѣренному этому онъ сказалъ: «Поѣзжай немедленно и привези къ намъ Архелая». Послѣдній тотчасъ же отправился въ путь и, прибывъ въ Іудею, засталъ Архелая за пиромъ въ обществѣ друзей. Тутъ онъ сообщилъ ему о желаніи Цезаря и сталъ торопить его съ отплытіемъ. Когда же онъ прибылъ (въ Римъ) и Цезарь выслушалъ нѣкоторыхъ обвинителей и его самого, то онъ

---

[1] Срв. Іуд. войну, II, 7, 1, 2.
[2] По Іуд. войн. II, 7, 3 на девятомъ году.

приговорилъ его къ изгнанію, назначилъ ему для жительства галльскій городъ Віенну [1] и конфисковалъ его имущество.

3. Раньше чѣмъ Архелай получилъ приглашеніе явиться въ Римъ, онъ разсказалъ своимъ друзьямъ о слѣдующемъ снѣ: онъ видѣлъ десять [2] зрѣлыхъ и полныхъ колосьевъ пшеницы, склонившихся низко; ихъ объѣдало десять воловъ. Проснувшись и считая этотъ сонъ весьма знаменательнымъ, онъ послалъ за снотолкователями, которые были искусны въ своемъ дѣлѣ. Пока тѣ еще спорили между собою и не могли придти къ соглашенію, нѣкій ессеянинъ Симонъ, потребовалъ, чтобы ему было предоставлено право говорить безъ стѣсненія, и сказалъ, что видѣнный Архелаемъ сонъ предвѣщаетъ поворотъ судьбы его къ худшему. Волы знаменуютъ собою горе, потому что трудъ этихъ животныхъ тяжкій, а перемѣна судьбы предвѣщается тѣмъ, что волы трудомъ своимъ вспахиваютъ землю, которая поэтому благодаря имъ подвергается измѣненіямъ. Десять колосьевъ указываютъ на такое же количество лѣтъ, потому что колосья зрѣютъ ежегодно одинъ разъ. Итакъ, наступаетъ конецъ правленію Архелая. Такимъ образомъ Симонъ объяснилъ сонъ, а на пятый день послѣ этого прибылъ посланный императоромъ въ Іудею уполномоченный Архелай.

4. Нѣчто подобное случилось также съ женою Архелая, Глафирою, дочерью царя Архелая, съ которою тотъ, какъ я упомянулъ выше, вступилъ въ бракъ, послѣ того какъ она была замужемъ за Александромъ, сыномъ Ирода и братомъ Архелая. Когда ея первый мужъ, Александръ, былъ казненъ отцомъ своимъ, то она вышла замужъ за ливійскаго царя ова. Послѣ смерти послѣдняго она жила вдовою въ Каппадокіи, у отца своего, и тутъ то на ней женился Архелай, разставшійся по этому поводу съ своею женою Маріамною. Такая сильная любовь къ Глафирѣ обуяла его. Уже въ бытность замужемъ за Архелаемъ ей приснился слѣдующій сонъ: ей приснилось, будто Александръ явился къ ней и она заключила его въ свои объятія. Онъ же сталъ укорять ее, говоря: «Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не слѣдуетъ довѣрять женщинамъ. Ты дѣвушкой вышла за меня и жила со мною, у насъ съ тобою были дѣти, но ты предала забвенію мои ласки и вступила

[1] Это главный городъ аллоброговъ въ нарбонинской Галліи, на лѣвомъ берегу рѣки Роны. Въ V вѣкѣ здѣсь была резиденція бургундскихъ королей. Нынѣ городокъ Vienne въ департаментѣ Isère. Срв. Boettger, l. c. p. 252.

[2] Въ параллельномъ мѣстѣ (Іуд. войн. II, 7, 3) число колосьевъ и воловъ опредѣлено въ девять, сообразно тамъ указанному числу лѣтъ правленія Архелая.

во второй бракъ. И съ тебя не было достаточно этого позора. Ты рѣшилась отдаться третьему мужу и притомъ безстыдно и нагло ввела его въ мой домъ. Выйдя за Архелая, ты связалась съ своимъ шуриномъ, моимъ братомъ. Я же не могу забыть своей любви къ тебѣ; поэтому я освобожу тебя отъ этого позора и верну тебя къ себѣ, какъ то было прежде».

Глафира разсказала это своимъ родственницамъ, а нѣсколько дней спустя умерла.

5. Я считалъ приведеніе этихъ фактовъ вполнѣ умѣстнымъ въ своемъ повѣствованіи, которое въ этомъ мѣстѣ посвящено исторіи царей. Кромѣ того, я полагаю, что тутъ мы имѣемъ отличное доказательство безсмертія души и того, что Предвѣчный печется о людяхъ. Кто же этому не повѣритъ, тотъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, никому не долженъ препятствовать признавать за истину то, что побуждаетъ человѣка къ добродѣтели.

Область, нѣкогда подчиненная Архелаю, была включена въ составъ Сиріи. Императоръ же послалъ туда бывшаго консула, Квиринія, чтобы сдѣлать перепись въ [1] Сиріи и продать домъ Архелая [2].

[1] Эта перепись, по времени вторая, упоминается въ Дѣян. Апост. V, 37, тогда какъ о первой, касавшейся всей римской имперіи, говорится въ Еванг. отъ Луки (II, 2).—(Kaulen).

[2] Срв. Іуд. войну, II, 7, 2, 3, 4.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

Содержаніе книги обнимаетъ періодъ въ тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Сенаторъ Квириній, который раньше занималъ всѣ государственныя должности и проложилъ себѣ дорогу къ консульству, человѣкъ, пользовавшійся во всѣхъ дѣлахъ огромнымъ вліяніемъ, явился въ Сирію, куда его посылалъ императоръ для того, чтобы творить судъ и оцѣнить все имущество населенія. Вмѣстѣ съ нимъ былъ посланъ и Копоній, происходившій изъ всадническаго сословія. Ему была предоставлена верховная власть (прокуратора) надъ всею Іудеею. Затѣмъ въ Іудею, которая тѣмъ временемъ вошла въ составъ Сиріи, прибылъ и Квириній, желая совершить общую перепись и конфисковать имущество Архелая.

Хотя іудеи, при первыхъ слухахъ о переписи, съ самаго начала были возмущены этимъ, но въ концѣ концовъ оставили всякую мысль о сопротивленіи, благодаря увѣщаніямъ первосвященника Іоазара, сына Боэта. Уступая увѣщаніямъ Іоазара, они наконецъ безпрепятственно допустили расцѣнку своего имущества. Однако нѣкій галилеянинъ Іуда, происходившій изъ города Гамалы, вмѣстѣ съ фарисеемъ Саддукомъ, сталъ побуждать народъ къ оказанію сопротивленія, говоря, что допущеніе переписи поведетъ лишь къ рабству. Они побуждали народъ отстаивать свою свободу. Ихъ не можетъ постигнуть неудача, говорили они, потому что на лицо самыя благопріятныя условія; даже если народъ ошибется въ своихъ разсчетахъ, онъ создастъ себѣ вѣчный почетъ и славу своимъ великодушнымъ порывомъ; Предвѣчный лишь въ томъ случаѣ окажетъ іудеямъ поддержку, если они приведутъ въ исполненіе свои намѣренія, особенно же, если они, добиваясь великаго, не отступятъ предъ осуществленіемъ своихъ плановъ.

Народъ съ восторгомъ внималъ этимъ рѣчамъ, и такимъ образомъ предпріятіе получило еще болѣе рискованный характеръ. Не было большаго бѣдствія для нашего простонародья, какъ то, какое уготовляли ему вышеназванные люди. Благодаря постояннымъ войнамъ, іудеи болѣе уже не были въ состояніи оказывать кому бы то ни было сопротивленіе; друзей, которые могли бы поддержать ихъ въ трудную минуту, также

больше не было; за то происходили постоянные разбойничьи набѣги и умерщвленія наиболѣе именитыхъ гражданъ подъ предлогомъ преслѣдованія общаго блага, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществомъ умерщвленныхъ. Отсюда возникли всевозможныя возмущенія, происходилъ рядъ политическихъ убійствъ, отчасти вслѣдствіе кровопролитной междоусобной борьбы, такъ какъ люди, озвѣрѣвъ, кидались другъ на друга и въ своемъ увлеченіи не желали оставлять въ живыхъ никого изъ своихъ противниковъ, отчасти же вслѣдствіе избіенія враговъ. Наконецъ наступилъ голодъ, доводящій людей до крайняго безстыдства; города брались насильно и разрушались, пока наконецъ эта смута не довела до того, что самый храмъ Предвѣчнаго сталъ жертвою пламени, брошеннаго врагами. Такое горе и такія осложненія приносятъ съ собою нарушеніе и отверженіе родныхъ установленій для всѣхъ участниковъ этого дѣла.

Между тѣмъ Іуда и Саддукъ ввели у насъ четвертую философскую школу. Имѣя большое число горячихъ приверженцевъ, они не только въ настоящій моментъ преисполнили государство смутою, но и необычными философскими ученіями положили на будущее время начало всевозможныхъ бѣдствій.

Я думаю на этомъ нѣсколько подробнѣе остановиться, особенно, уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому ученію молодежь.

2. У іудеевъ съ давнихъ поръ существовали три философскихъ школы, основывавшіяся на толкованіи древнихъ законовъ: школы ессевъ, саддукеевъ и фарисеевъ. Намъ уже приходилось говорить о нихъ во второй книгѣ (нашей) Іудейской войны [1], но вмѣстѣ съ тѣмъ я и здѣсь готовъ въ немногихъ словахъ упомянуть о нихъ.

3. Фарисеи ведутъ строгій образъ жизни и отказываются отъ всякихъ удовольствій. Всему тому, что разумъ признаетъ за благо, они слѣдуютъ, считая разумъ лучшимъ охранителемъ во всѣхъ желаньяхъ. Они выдаются своимъ почтительнымъ отношеніемъ къ людямъ престарѣлымъ и отнюдь не осмѣливаются противорѣчить ихъ предначертаніямъ. По ихъ мнѣнію, все

[1] Срв. Іуд. войну, II, 8, 2—14. Тутъ особенно подробно говорится объ ессеахъ. Впрочемъ, и въ Іуд. Древн. XIII, 5, 9, авторъ останавливается на этихъ сектахъ.

совершающееся происходитъ подъ вліяніемъ судьбы. Впрочемъ, они нисколько не отнимаютъ у человѣка свободы его воли, но признаютъ, что по предначертанію Божію происходитъ смѣшеніе Его желанія съ желаніемъ человѣка, идти ли ему по пути добродѣтели или злобы. Фарисеи вѣрятъ въ безсмертіе души и что за гробомъ людей ожидаетъ судъ и награда за добродѣтель или возмездіе за преступность при жизни; грѣшники подвергаются вѣчному заключенію, а добродѣтельные люди имѣютъ возможность вновь воскреснуть. Благодаря этому они имѣютъ чрезвычайное вліяніе на народъ, и всѣ священнодѣйствія, связанныя съ молитвами или принесеніемъ жертвъ, происходятъ только съ ихъ разрѣшенія. Такимъ образомъ отдѣльныя общины засвидѣтельствовали ихъ добродѣтель, такъ какъ всѣ были убѣждены, что фарисеи на дѣлѣ и на словахъ стремятся лишь къ наиболѣе высокому [1].

4. По ученію саддукеевъ души людей умираютъ вмѣстѣ съ тѣломъ; они не признаютъ никакихъ другихъ постановленій, кромѣ постановленій закона. Они считаютъ даже похвальнымъ выступать противъ учителей своей собственной философской школы. Это ученіе распространено среди немногихъ лицъ, притомъ принадлежащихъ къ особенно знатнымъ родамъ. Впрочемъ, вліяніе ихъ на столько ничтожно, что о немъ и говорить не стоитъ [2]. Когда они занимаютъ правительственныя должности, что случается впрочемъ рѣдко и лишь по принужденію, то саддукеи примыкаютъ къ фарисеямъ, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьемъ [3].

[1] Срв. Жизнеописаніе Іосифа Флавія, 2, гдѣ авторъ сравниваетъ фарисеевъ съ греческими стоиками. Іосифъ такъ выражается во II кн. Іуд. войны о фарисеяхъ: „Изъ двухъ первенствующихъ сектъ фарисеи слывутъ точнѣйшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставятъ все въ зависимость отъ Бога и судьбы и учатъ, что, хотя человѣку предоставлена свобода выбора между честными и безчестными поступками, въ этомъ участвуетъ предопредѣленіе судьбы. Души, по ихъ мнѣнію, всѣ безсмертны; но только души добрыхъ переселяются по ихъ смерти въ другія тѣла, а души злыхъ обречены на вѣчныя муки“ (перев. Чертока, стр. 176). Срв. дѣльное примѣчаніе тамъ же.

[2] Однако проф. Д. Хвольсонъ доказалъ ихъ огромное вліяніе на исторію Христа. (О нѣкотор. средневѣк. обвинен. противъ евреевъ, 2 изд. стр. 39—44).

[3] О взаимоотношеніяхъ саддукеевъ Флавій въ Іуд. войнѣ выражается слѣдующимъ образомъ: „Фарисеи сильно преданы другъ другу и, дѣйствуя соединенными силами, стремятся къ общему благу. Отношенія же саддукеевъ между собою суровѣе и грубѣе; и даже со своими единомышленниками они обращаются какъ съ чужими“. (Тамъ-же, стр. 177).

5. Ученіе ессеевъ требуетъ все предоставлять на волю Божію; они признаютъ безсмертіе душъ и считаютъ стремленіе къ справедливости высшею цѣлью. Въ храмъ они доставляютъ пожертвованія, но сами они не занимаются жертвоприношеніями, признавая другіе способы очищенія болѣе цѣлесообразными. Поэтому имъ запрещенъ доступъ въ общій храмъ и они совершаютъ свое богослуженіе отдѣльно. Впрочемъ, это наилучшіе люди, которые всецѣло отдаются земледѣльческому труду. Достойно удивленія то чувство справедливости у нихъ, которое они помимо всѣхъ прочихъ народовъ ставятъ не ниже добродѣтели и котораго не знаютъ ни греки, ни другіе народы. Это столь въ нихъ развитое чувство укоренилось у нихъ не со вчерашняго дня, а издревле, и въ силу его они не препятствуютъ никому жить со всѣми общею, равною жизнью: имущество у нихъ общее, и богачъ пользуется у нихъ не большимъ, чѣмъ ничего не имѣющій бѣднякъ. Такой образъ жизни ведутъ эти люди и число ихъ превышаетъ четыре тысячи человѣкъ. Они не имѣютъ ни женъ, ни рабовъ, полагая, что женщины ведутъ лишь къ несправедливостямъ, а вторые подаютъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Живя сами по себѣ, они услуживаютъ другъ другу. Для завѣдыванія доходами и произведеніями почвы они помощью голосованія избираютъ наиболѣе достойныхъ лицъ изъ священническаго сословія; послѣднія и должны заботиться о доставленіи хлѣба и прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Они живутъ всѣ одинаково и наиболѣе подходятъ къ тѣмъ дакійскимъ племенамъ, которыя носятъ названіе полистовъ [1].

[1] Гораздо обстоятельнѣе объ этой сектѣ разсказано Флавіемъ въ указанномъ мѣстѣ II кн. Іуд. войны. Г. Чертокъ (см. выше) пишетъ въ примѣчаніи къ данному мѣсту слѣдующее: „Несмотря на это сравнительное богатство матеріала и многочисленныя изслѣдованія, посвященныя европейскими учеными этому предмету (Систематич. указат. литературы о евреяхъ отмѣчаетъ четыре статьи объ этомъ вопросѣ, №№ 7343—7346), вопросъ о происхожденіи ессеевъ все еще остается не вполнѣ разъясненнымъ. Даже этимологія и значеніе имени ессеевъ еще не окончательно установлены. Нѣтъ сомнѣнія, что ессеизмъ получилъ свое начало въ Палестинѣ и выросъ на почвѣ іудаизма. Основныя части его ученія имѣютъ свои корни въ самомъ еврействѣ, и можно, поэтому, съ большой вѣроятностью допустить, что ессейскій орденъ образовался изъ среды тѣхъ „хассидеевъ“, которые во время борьбы противъ эллинизма проявили такую замѣчательную энергію и такое рѣдкое самоотверженіе въ дѣлѣ защиты вѣры отцовъ. Нельзя, однако, не замѣтить въ ессеизмѣ и нѣкоторыхъ постороннихъ элементовъ, чуждыхъ еврейству и привившихся ему

6. Родоначальникомъ четвертой философской школы сталъ галилеянинъ Іуда. Приверженцы этой секты во всемъ прочемъ вполнѣ примыкаютъ къ ученію фарисеевъ. Зато у нихъ замѣчается ничѣмъ не сдерживаемая любовь къ свободѣ. Единственнымъ руководителемъ и владыкою своимъ они считаютъ Господа Бога. Идти на смерть они считаютъ за ничто, равно какъ презираютъ смерть друзей и родственниковъ, лишь бы не признавать надъ собою главенства человѣка. Такъ какъ въ этомъ лично можетъ убѣдиться воочію всякій желающій, то я не считаю нужнымъ особенно распространяться о нихъ. Мнѣ вѣдь нечего бояться, что моимъ словамъ о нихъ не будетъ придано вѣры; напротивъ, мои слова далеко не исчерпываютъ всего ихъ великодушія и готовности ихъ подвергаться страданіямъ. Народъ сталъ страдать отъ безумнаго увлеченія ими при Гессіи Флорѣ, который былъ намѣстникомъ и довелъ іудеевъ злоупотребленіемъ своей власти до возстанія противъ римлянъ.

Таковы были философскія школы іудеевъ [1].

какъ будто извнѣ. Въ особенности поражаетъ обычай ихъ обращаться утромъ съ молитвой къ солнцу. Отверженіе брака и весь аскетическій характеръ ордена также не совсѣмъ согласуются съ воззрѣніями чистаго іудаизма. Не безъ основанія, поэтому, полагали, что ессеизмъ не чуждъ и нѣкоторому внѣшнему вліянію. Самъ Іосифъ Флавій, какъ мы видѣли, проводитъ параллель между ученіемъ ессеевъ о безсмертіи души и воззрѣніями грековъ на этотъ предметъ; въ другомъ же мѣстѣ (Иуд. Древн. XV, 10, 4) онъ прямо сопоставляетъ ессеизмъ съ пиѳагореизмомъ. Въ дѣйствительности нельзя не замѣтить много сходнаго между обоими этими ученіями. На это въ особенности обратилъ вниманіе извѣстный знатокъ греческой философіи, Эдуардъ Целлеръ (Die Philosophie der Griechen, Theil III, Abth. 4, p. 277—338 третьяго изданія, и Ueber den Zusammenhang des Essäismus mit dem Griechenthume въ Theolog. Jahrbücher 1856, стр. 401—433). Но Целлеръ заходитъ слишкомъ далеко, если онъ почти весь ессеизмъ хочетъ вывести изъ пиѳагореизма. Можно согласиться, что ессеи кое-что восприняли изъ пиѳагореизма, но нѣтъ сомнѣнія, что въ основныхъ своихъ чертахъ ученіе ихъ опирается на еврейство".— „Безусловною ошибкою будетъ производить ессейство исключительно отъ израильства ветхо-завѣтныхъ пророковъ; но не менѣе неправильнымъ будетъ мнѣніе, будто ессейство потому лишь явленіе не чисто іудейское, что на него оказывали воздѣйстіе парсизмъ и греческое міровозрѣніе. Именно два послѣднихъ явленія путемъ своего вліянія превратили міръ израильскій въ іудейскій" пишетъ Оскаръ Гольцманъ въ своемъ сочиненіи „Паденіе іудейскаго государства" (только что вышедшій русск. переводъ, стр. 320).

[1] Срв. Іуд. войну, II, 8.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Секвестровавъ имущество Архелая и окончивъ перепись въ тридцать седьмомъ году послѣ пораженія Антонія Цезаремъ Августомъ при Акціумѣ, [1] Квириній смѣстилъ первосвященника Іоазара за то, что онъ не поладилъ съ народомъ, и назначилъ на его мѣсто Анана, сына Сеѳа [2]. Иродъ (II) и Филиппъ получили каждый по предназначенной имъ тетрархіи. Иродъ затѣмъ окружилъ стѣнами Сепфорисъ, красивѣйшій городъ всей галилейской страны, и посвятилъ его императору, а другой городъ Виѳарамфту, онъ также окружилъ стѣною и назвалъ его въ честь императрицы Юліадою. Филиппъ съ своей стороны отстроилъ расположенную у истоковъ Іордана Панеаду и назвалъ ее Цезареею. Мѣстечко Виѳсаиду [3], расположенное у Генисаретскаго озера, онъ обратилъ въ городъ, увеличивъ число жителей и снабдивъ его всѣмъ нужнымъ, и назвалъ его Юліадою въ честь Юліи, дочери императора.

2. При прокураторѣ Копоніи, который, какъ я упомянулъ, прибылъ въ Іудею вмѣстѣ съ Квириніемъ, произошло слѣдующее событіе: во время праздника опрѣсноковъ, носящаго у насъ названіе пасхи, въ полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этотъ разъ послѣдовали этому обычаю, нѣсколько тайно прибывшихъ въ Іерусалимъ самарянъ разбросали подъ сводами галлерей человѣческія кости [4]. Вслѣдствіе этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать въ храмъ и вообще снабдить послѣдній большею охраною.

Вскорѣ послѣ этого Копоній возвратился въ Римъ и преемникомъ ему сталъ Маркъ Амбивій. При немъ умерла Саломія, сестра царя Ирода Великаго, оставивъ (императрицѣ) Юліи Ямнію, всю топархію, расположенный на равнинѣ городъ Фасаилиду и городъ Архелаиду, гдѣ находились огромныя плантаціи пальмъ съ наилучшими плодами. Послѣ Амбивія намѣстни-

---

[1] Битва эта произошла въ 30 г. до Р. Хр.

[2] Въ Новомъ Завѣтѣ онъ цитируется подъ именемъ Анны.

[3] Эту Виѳсаиду не слѣдуетъ смѣшивать съ расположеннымъ къ западу отъ Генисаретскаго озера мѣстечкомъ того же имени; тамъ родились апостолы Андрей и Петръ.

[4] По моисееву законодательству такой поступокъ оскверналъ храмъ и всѣхъ, пребывавшихъ въ немъ.

комъ сталъ Анній Руфъ, при которомъ умеръ второй римскій императоръ [1], послѣ пятидесяти семи лѣтъ, шести мѣсяцевъ и двухъ дней правленія (въ теченіи этого періода онъ четырнадцать лѣтъ дѣлилъ власть съ Антоніемъ) въ семидесяти семилѣтнемъ возрастѣ. Преемникомъ ему на престолѣ сталъ Тиверій Неронъ, сынъ его отъ императрицы Юліи [2]. Онъ былъ, слѣдовательно третьимъ римскимъ императоромъ. При немъ былъ посланъ въ Іудею пятый намѣстникъ, преемникъ Аннія Руфа, Валерій Гратъ. Онъ смѣстилъ первосвященника Анана и поставилъ на его мѣсто Исмаила, сына Фаби. Впрочемъ, не долго спустя онъ уволилъ и Исмаила и назначилъ на его мѣсто Елеазара, сына первосвященника Анана. По прошествіи года онъ удалилъ и его и передалъ этотъ постъ Симону, сыну Камиоа. Однако и послѣдній удержался не болѣе года и преемникомъ ему былъ назначенъ Іосифъ, прозванный также Кайафой [3]. Послѣ всего этого Гратъ возвратился въ Римъ, проведя въ Іудеѣ одиннадцать лѣтъ, и вмѣсто него прибылъ его преемникъ Понтій Пилатъ.

3. Тетрархъ Иродъ, находившійся въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ Тиверіемъ, основалъ въ честь послѣдняго въ самой плодородной мѣстности Галилеи, у Генисаретскаго озера [4], городъ Тиверіаду. Невдалекѣ отсюда, въ деревушкѣ Аммаусѣ [5], находятся горячіе ключи. Здѣсь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, въ числѣ которыхъ было не мало галилеянъ, множество насильно удаленныхъ и отправленныхъ въ ссылку людей, а также нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ. Сюда же были привлечены для поселенія всевозможные набранные отовсюду бѣдняки, равно какъ цѣлый рядъ лицъ, свободное происхожденіе которыхъ не было даже установлено. Всѣмъ имъ тетрархъ предоставилъ права свободнорожденныхъ гражданъ и далъ имъ различныя преимущества; а для

[1] Августъ здѣсь неправильно названъ вторымъ императоромъ. Очевидно Флавій считаетъ первымъ Гая Юлія Цезаря.

[2] Это невѣрно. Онъ былъ сыномъ Тиверія Клавдія Нерона и Ливіи Друсиллы, которая впослѣдствіи вышла за Августа, усыновившаго своего пасынка, Тиверія.

[3] Извѣстный изъ Нов. Зав. Кайафа, судившій Іисуса Христа.

[4] Озеро поэтому получило названіе Тиверіадскаго.

[5] Срв. Іуд. войну, IV, 1, 3, гдѣ эта деревня названа Аммаусомъ. „Веспасіанъ выступилъ изъ Аммауса, гдѣ стоялъ лагеремъ на виду Тиверіады (слово Аммаусъ означаетъ теплыя купанья, по находящимся здѣсь теплымъ цѣлебнымъ источникамъ)...“ Быть можетъ, это חמת, упоминаемое въ кн. Іисуса Навина, XIX, 35.

того, чтобы привязать ихъ къ городу, онъ настроилъ жилища и далъ имъ земельные участки. Онъ отлично понималъ, что поселеніе здѣсь людей было собственно противно іудейскимъ законамъ, вслѣдствіе того, что Тиверіада была основана на мѣстѣ множества находившихся здѣсь и разрытыхъ съ этою цѣлью могилъ. Тутъ законъ постановлялъ, что жители должны считаться ритуально нечистыми въ теченіе семидневнаго срока.

4. Около этого времени палъ отъ руки сына своего Фраатака пароянскій царь Фраатъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее: хотя у Фраата были законныя дѣти, однако онъ взялъ себѣ въ наложницы итальянскую рабыню Формусу, которую прислалъ ему въ числѣ прочихъ даровъ Юлій Цезарь. Сперва онъ находился съ нею въ незаконномъ сожительствѣ, но съ теченіемъ времени, увлеченный ея красотою, женился на ней и сдѣлалъ ее своею законною супругою, послѣ того какъ она успѣла родить ему сына Фраатака. Она вскорѣ достигла огромнаго вліянія на царя и задумала приложить всѣ старанія, чтобы укрѣпить за своимъ сыномъ престолъ пароянскій. Впрочемъ, она (вскорѣ) увидѣла, что достигнетъ этого не иначе, какъ если коварнымъ образомъ избавится отъ законныхъ дѣтей Фраата. Тогда она стала уговаривать послѣдняго отправить законныхъ дѣтей въ Римъ въ качествѣ заложниковъ. Такъ оно и было сдѣлано (Фраатъ не былъ въ состояніи отказать Формусѣ въ чемъ бы то ни было), и Фраатакъ, оставшись одинъ, получалъ теперь подготовку къ будущему правленію. Но вмѣстѣ съ этимъ юношѣ показалось слишкомъ долгимъ ждать смерти отца для полученія престола и потому онъ задумалъ умертвить отца при содѣйствіи своей матери, съ которою, какъ гласила молва, онъ даже находился въ преступной связи. Все это, т. е. отцеубійство, равно какъ кровосмѣшеніе съ матерью, возбудило въ одинаковой мѣрѣ ненависть къ нему его подданныхъ, и поэтому онъ, не успѣвъ достигнуть совершеннолѣтія, потерялъ власть во время мятежа и былъ убитъ. Тогда однако наиболѣе родовитые парояне пришли къ заключенію, что имъ невозможно жить безъ царя. Послѣдній долженъ былъ, иначе это противорѣчило бы закону, происходить непремѣнно изъ рода Арсакидовъ, тѣмъ болѣе, что и раньше неоднократно, да и теперь происходили въ правленіи затрудненія вслѣдствіе наличности итальянской наложницы и ея потомства. Поэтому они отправили депутацію къ Ороду и просили его сѣсть на престолъ. Впрочемъ, этотъ человѣкъ, по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости, вскорѣ заслужилъ ненависть всего народа, хотя и принадлежалъ къ царскому роду. Рѣшивъ убить его, заговорщики привели свой планъ въ исполненіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, во время пиршества за столомъ (парояне никогда не

разстаются съ своими мечами), а по мнѣнію большинства, во время охоты. Потомъ парѳяне послали въ Римъ и стали просить себѣ царя изъ числа тамошнихъ заложниковъ. Преимущество передъ прочими братьями было оказано Вонону, который теперь сталъ думать, что судьба улыбнулась ему, такъ какъ царство предлагали ему двѣ крупнѣйшія державы въ мірѣ, его собственная страна и чужая (ему римская имперія). Впрочемъ, варвары, вообще по природѣ своей не отличающіеся устойчивостью, быстро раскаялись въ своемъ выборѣ, считая послѣдній и неумѣстнымъ, и безславнымъ, такъ какъ не хотѣли повиноваться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабствомъ, да и къ тому же царь у нихъ явился не результатомъ правильной войны, но, что было гораздо хуже, былъ имъ позорно навязанъ въ мирное время. Поэтому они немедленно признали на царство мидійскаго правителя Артабана, происходившаго изъ рода Арсакидовъ. Артабанъ принялъ это приглашеніе и явился къ нимъ съ войскомъ. Навстрѣчу ему выступилъ Вононъ, а такъ какъ первоначально парѳяне еще оставались вѣрны послѣднему, то въ происшедшей затѣмъ битвѣ онъ побѣдилъ своего соперника и Артабанъ долженъ былъ бѣжать къ предѣламъ Мидіи. Вскорѣ впрочемъ Артабанъ набралъ новое большое войско и сразился съ Венономъ, котораго ему удалось побѣдить. Вононъ умчался верхомъ, въ сопровожденіи немногихъ приверженцевъ, въ Селевкію. Учинивъ затѣмъ страшную рѣзню среди неоправившагося еще отъ ужаса парѳянскаго войска, Артабанъ двинулся во главѣ своей многочисленной рати къ Ктесифону. Такимъ образомъ онъ сталъ наконецъ царемъ парѳянскимъ, а Вононъ бѣжалъ въ Арменію. Тутъ онъ продолжалъ сначала домогаться своей страны и отправилъ посольство къ римлянамъ. Однако Тиверій отвѣтилъ ему отказомъ, какъ вслѣдствіе его малодушія, такъ и по причинѣ угрозъ Артабана (который въ свою очередь отправилъ пословъ съ извѣщеніемъ, что онъ начнетъ войну). Такъ какъ теперь уже не было никакой возможности вернуть престолъ, тѣмъ болѣе, что и могущественные, жившіе около Нифаты, [1] армянскіе князья примкнули къ Артабану, Вононъ отдался подъ покровительство сирійскаго претора Силана. Послѣдній, принимая во вниманіе римское воспитаніе Вонона, оставилъ его у себя въ Сиріи, Артабанъ жа отдалъ Арменію одному изъ своихъ сыновей, именно Ороду.

5. Тѣмъ временемъ умеръ также царь Коммагены, Антіохъ. При этомъ простонародье возстало противъ знати; обѣ партіи послали (въ Римъ) депутаціи. Знать просила обратить область въ римскую провинцію, народъ однако желалъ имѣть по прежнему своихъ царей. Сенатъ рѣшилъ отправить Германика для улаженія положенія на востокѣ, но здѣсь судьба

[1] Снѣжныя горы Курдистана въ сѣверной Месопотаміи.

уготовила Германику найти смерть. Прибывъ на востокъ и устроивъ тамъ всѣ дѣла, онъ былъ отравленъ Пизономъ, какъ о томъ разсказывается въ другихъ источникахъ [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Когда преторъ Іудеи, Пилатъ, повелъ свое войско изъ Цезареи въ Іерусалимъ на зимнюю стоянку, онъ рѣшилъ для надруганія надъ іудейскими обычаями внести въ городъ изображенія императора на древкахъ знаменъ. Между тѣмъ законъ нашъ возбраняетъ намъ всякія изображенія. Поэтому прежніе преторы вступали въ городъ безъ такихъ украшеній на знаменахъ. Пилатъ былъ первымъ, который внесъ эти изображенія въ Іерусалимъ, и сдѣлалъ это безъ вѣдома населенія, вступивъ въ городъ ночью. Когда узнали объ этомъ, населеніе толпами отправилось въ Цезарею и въ теченіе нѣсколькихъ дней умоляло претора убрать изображенія. Пилатъ не соглашался, говоря, что это будетъ оскорбленіемъ императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, онъ на шестой день приказалъ своимъ воинамъ тайно вооружиться, помѣстилъ ихъ въ засадѣ въ зданіи ристалища, а самъ взошелъ на возвышеніе, тамъ же сооруженное. Но такъ какъ іудеи опять возобновили свои просьбы, то онъ далъ знакъ и солдаты окружили ихъ. Тутъ онъ грозилъ немедленно перерубить всѣхъ, кто не перестанетъ шумѣть и не удалится восвояси. Іудеи однако бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитаютъ умереть, чѣмъ допускать такое наглое нарушеніе мудраго закона. Пилатъ изумился ихъ стойкости въ соблюденіи законовъ, приказалъ немедленно убрать изъ Іерусалима (императорскія) изображенія и доставить ихъ въ Цезарею.

2. Затѣмъ Пилатъ соорудилъ водопроводъ въ Іерусалимѣ. На это онъ употребилъ деньги святилища. Водопроводъ питался ключами, находившимися въ разстояніи двухсотъ стадій [2] отъ города. Однако населеніе воспротивилось этому и много десятковъ тысячъ іудеевъ собралось около рабочихъ, занятыхъ сооруженіемъ водопровода, и стало громко требовать, чтобы намѣстникъ оставилъ свой планъ. Какъ то обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, нѣкоторые изъ нихъ позволили себѣ при этомъ оскорбить Пилата ругательствами. Послѣдній распорядился переодѣть значительное число солдатъ, далъ имъ дубины, которыя они должны были спрятать подъ платьемъ, и велѣлъ имъ окружить толпу со всѣхъ сторонъ. Толпа въ свою

[1] Срв. Tacit. Ann. XII, 72. Германикъ, сынъ Друза, долго воевалъ съ германцами по Рейнѣ. Его популярность безпокоила Тиверія, который отдалъ приказъ Пизону при случаѣ умертвить молодого человѣка. Пизонъ былъ подчиненъ Германику, но не ладилъ съ нимъ.

[2] Около тридцати восьми верстъ.

очередь получила приказаніе разойтись. Но такъ какъ она продолжала поносить его, то онъ подалъ воинамъ условный знакъ и солдаты принялись за дѣло гораздо болѣе рьяно, чѣмъ то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали какъ шумѣвшихъ мятежниковъ такъ и совершенно невинныхъ людей. Іудеи однако продолжали держаться стойко; но такъ какъ они были безоружны, а противники ихъ вооружены, то многіе изъ нихъ тутъ и пали мертвыми, а многіе ушли, покрытые ранами. Такимъ образомъ было подавлено возмущеніе.

3. Около этого времени жилъ Іисусъ, человѣкъ мудрый, если Его вообще можно назвать человѣкомъ. Онъ совершилъ изумительныя дѣянія и сталъ наставникомъ тѣхъ людей, которые охотно воспринимали истину. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ іудеевъ и эллиновъ. То былъ Христосъ. По настоянію нашихъ вліятельныхъ лицъ, Пилатъ приговорилъ Его къ кресту. Но тѣ, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третій день Онъ вновь явился имъ живой, какъ возвѣстили о Немъ и о многихъ другихъ Его чудесахъ боговдохновенные пророки. Понынѣ еще существуютъ такъ называемые христіане, именующіе себя такимъ образомъ по Его имени [1].

4. Около этого же самаго времени другое горе постигло іудеевъ. Впрочемъ, объ этомъ послѣ. Въ это же самое время не прекращались въ Римѣ безстыдства, совершавшіяся въ храмѣ богини Изиды [2]. Поэтому я сперва упомяну о послѣднемъ, а затѣмъ перейду уже къ разсказу о судьбѣ іудеевъ.

Въ Римѣ жила нѣкая знатная и славившаяся своею добродѣтелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и въ томъ возрастѣ, когда женщины особенно привлекательны. Впрочемъ, она вела образцовый образъ жизни. Замужемъ она была за нѣкіимъ Сатурни-

[1] Это самое знаменитое мѣсто Флавія. Подлинность его неоднократно подвергалась сомнѣнію, такъ какъ казалось невѣроятнымъ, чтобы такія слова могъ произнести іудей, фарисей Іосифъ Флавій. Вопросъ о подлинности этого мѣста, кстати, встрѣчающагося во всѣхъ рукописяхъ, породилъ цѣлую литературу. Естественно, что повторенія этой цитаты у отцовъ церкви (Евсевія, Іеронима, Оригена и др.) не можетъ еще служить убѣдительнымъ доказательствомъ ея подлинности. Нѣкоторые ученые считаютъ это мѣсто интерполяціею, другіе видятъ въ текстѣ умышленныя искаженія и добавленія. Къ числу послѣднихъ относится и Schürer, Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte, и особенно Wieseler (Jahrbücher f: deutsche Theologie XXIII). Въ послѣднее время появилась въ Revue des etudes juives, T. XXXV, № 69, обстоятельная объ этомъ статья Рейнака, гдѣ собранъ обильный библіографическій матеріалъ.

[2] Культъ египетской Изиды довольно рано нашелъ распространеніе въ Римѣ, гдѣ ему охотно предавались распущенныя представительницы знати. По ученію жрецовъ, богъ Анубисъ иногда осчастливливалъ своимъ вниманіемъ особенно ревностныхъ служительницъ богини.

номъ, который былъ такъ же порядоченъ, какъ и она, и не уступалъ ей въ хорошихъ качествахъ. Въ эту женщину влюбился нѣкій Децій Мундъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ тогда представителей всадническаго сословія. Такъ какъ Паулина была слишкомъ порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, какъ онъ узналъ отъ подосланныхъ лицъ, Децій возгорѣлъ еще большимъ желаніемъ обладать ею, такъ что обѣщалъ за единожды дозволенное сношеніе съ нею заплатить ей цѣлыхъ 200,000 аттическихъ драхмъ [1]. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознагражденіе и тогда юноша, не будучи далѣе въ силахъ переносить муки (неудовлетворенной) любви, рѣшилъ покончить съ собою и умереть голодной смертью. Рѣшивъ это, онъ не откладывалъ исполненія этого рѣшенія въ долгій ящикъ и сейчасъ же приступилъ къ нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, нѣкая Ида, женщина, способная на всякія гнусности. Видя, какъ юноша чахнетъ и озабоченная его рѣшеніемъ покончить съ собою, она явилась къ нему и, переговоривъ съ нимъ, выразила твердую увѣренность, что при извѣстныхъ условіяхъ вознагражденія сможетъ ему доставить возможность имѣть Паулину. Юноша обрадовался этому и она сказала, что ей будетъ достаточно всего 50000 драхмъ для того, чтобы овладѣть Паулиною. Подбодривъ такимъ образомъ Мунда и получивъ отъ него требовавшуюся сумму денегъ, она пошла не тою дорогою, какою пошелъ онъ, такъ какъ видѣла, что той женщины за деньги не купишь. Съ другой стороны зная, какъ ревностно относится Паулина къ культу Изиды, она выдумала слѣдующій способъ добиться своей цѣли: явившись къ нѣкоторымъ жрецамъ (Изиды) для тайныхъ переговоровъ, она сообщила имъ, подъ величайшимъ секретомъ, скрѣпленнымъ деньгами, о страсти юноши и обѣщала сейчасъ выдать половину всей суммы, а затѣмъ остальныя деньги, если жрецы какъ нибудь помогутъ Мунду овладѣть Паулиною. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обѣщали свое содѣйствіе. Старшій изъ нихъ отправился къ Паулинѣ и просилъ у нея разрѣшенія переговорить съ нею наединѣ. Когда ему это было позволено, онъ сказалъ, что явился въ качествѣ посланца отъ самого бога Анубиса, который-де пылаетъ страстью къ Паулинѣ и зоветъ ее къ себѣ. Римлянкѣ доставило это удовольствіе, она возгордилась благоволеніемъ Анубиса и сообщила своему мужу, что богъ Анубисъ пригласилъ ее раздѣлить съ нимъ трапезу и ложе. Мужъ не воспро-

[1] Около 50000 рублей на наши деньги.

тивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась въ храмъ. Послѣ трапезы, когда наступило время лечь спать, жрецъ заперъ всѣ двери. Затѣмъ были потушены огни и спрятанный въ храмѣ Мундъ вступилъ въ обладаніе Паулиною, которая отдавалась ему втеченіе всей ночи, предполагая въ немъ бога. Затѣмъ юноша удалился раньше, чѣмъ явились жрецы, не знавшіе объ этой интригѣ. Паулина рано поутру вернулась къ мужу, разсказала ему о томъ, какъ къ ней явился Анубисъ и хвасталась передъ нимъ, какъ ласкалъ ее богъ. Слышавшіе это не вѣрили тому, изумлялись необычайности явленія, но и не могли согласиться съ такимъ невѣроятнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе, что знали цѣломудріе и порядочность Паулины. На третій день послѣ этого событія, она встрѣтилась съ Мундомъ, который сказалъ ей:

«Паулина, я сберегъ 200000 драхмъ, которыя ты могла внести въ свой домъ. И всетаки ты не преминула отдаться мнѣ. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мнѣ не было дѣла до имени, мнѣ нужно было лишь наслажденіе, а потому я и прикрылся названіемъ Анубиса». Съ этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себѣ одежды, разсказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступленіе. Мужъ ея (немедленно) сообщилъ о всемъ императору.

Подвергнувъ дѣло относительно участія жрецовъ самому строгому и точному разслѣдованію, Тиверій приговорилъ къ пригвожденію къ кресту ихъ и Иду, которая была виновницею всего этого преступленія, совершеннаго столь гнусно надъ женщиною. Затѣмъ онъ велѣлъ разрушить храмъ Изиды, а изображеніе богини бросить въ рѣку Тибръ. Мунда онъ приговорилъ къ изгнанію, полагая, что наказалъ его такимъ образомъ достаточно за его любовное увлеченіе.

Таковы были позорные поступки жрецовъ храма Изиды.

Теперь я, по обѣщанію своему, возвращусь къ разсказу о судьбѣ, постигшей въ это время римскихъ іудеевъ.

5. Въ это время изъ Іудеи бѣжалъ человѣкъ, боявшійся обвиненія въ нарушеніи нѣкоторыхъ законовъ и наказанія за это. Вообще это былъ гнусный человѣкъ. Онъ тогда проживалъ въ Римѣ и соединился здѣсь съ треня подобными ему негодяями. Къ нимъ примкнула Фульвія, знатная женщина, принявшая іудаизмъ. Они убѣдили ее послать пурпуръ и золото въ іерусалимскій храмъ и, когда та сдала имъ это, то они присвоили его себѣ, какъ то и было ихъ первоначальнымъ намѣреніемъ. Тиверій, которому

по желанію Фульвіи сообщилъ объ этомъ мужъ ея Сатурнинъ, бывшій съ императоромъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, распорядился изгнать изъ Рима всѣхъ іудеевъ. Консулы выбрали изъ нихъ четыре тысячи человѣкъ и послали ихъ въ качествѣ солдатъ на островъ Сардинію. Гораздо большее число однако они предали казни, потому что тѣ отказались отъ участія въ военной службѣ, благодаря запрещенію этого іудейскими законами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Такимъ образомъ іудеи, вслѣдствіе гнусности четырехъ человѣкъ, были изгнаны изъ города. Также и самаряне не удержались отъ возмущенія. Ихъ смутилъ нѣкій лживый человѣкъ, который легко во всемъ вліялъ на народъ. Онъ побудилъ ихъ собраться къ нему на гору Гаризимъ, которую они считаютъ особенно священною. Тутъ онъ сталъ увѣрять пришедшихъ (отовсюду) самарянъ, что покажетъ имъ зарытые здѣсь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, повѣривъ этой баснѣ и расположились въ деревушкѣ Тиравана. Тутъ къ нимъ примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большею толпою подняться на гору. Однако Пилатъ предупредилъ это, выславъ впередъ отряды всадниковъ и пѣхоты, которые, неожиданно напавъ на собравшихся въ деревушкѣ, часть изъ нихъ перебили, а часть обратили въ бѣгство. При этомъ они захватили также многихъ въ плѣнъ, Пилатъ же распорядился казнить вліятельнѣйшихъ и наиболѣе выдающихся изъ этихъ плѣнныхъ и бѣглецовъ.

2. Когда этимъ дѣло кончилось, представители верховнаго совѣта самарянъ явились къ бывшему консулу Вителлію, который теперь былъ прокураторомъ сирійскимъ, и стали обвинять Пилата въ казни ихъ погибшихъ единоплеменниковъ, говоря, что послѣдніе пошли въ Тиравану вовсе не съ цѣлью отложиться отъ римлянъ, но для того, чтобы уйти отъ насилій Пилата. Тогда Вителлій послалъ Марцелла, одного изъ своихъ приближенныхъ, въ Іудею, чтобы принять тамъ бразды правленія, Пилату же велѣлъ ѣхать въ Римъ для отвѣта предъ императоромъ въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Проведя въ Іудеѣ десять лѣтъ, Пилатъ поѣхалъ въ Римъ, такъ какъ не смѣлъ ослушаться приказанія Вителлія. Но раньше, чѣмъ онъ успѣлъ прибыть туда, Тиверій умеръ [1].

3. Послѣ этого Вителлій поѣхалъ въ Іудею и прибылъ въ Іерусалимъ

[1] Это было, слѣдовательно, въ 37 г. по Р. Хр.

какъ разъ во время праздника пасхи. Такъ какъ онъ былъ встрѣченъ радушно, то Вителлій навсегда освободилъ населеніе отъ платежа налога на привозимые и продаваемые (въ городѣ) плоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ держать первосвященническое облаченіе и все къ этому относящееся въ храмѣ, предоставивъ надзоръ и охрану этихъ вещей священнослужителямъ, какъ то было нѣкогда раньше [1]. Теперь же эти облаченія хранились обыкновенно въ такъ называемой крѣпости Антоніи, по слѣдующей причинѣ: нѣкій Гирканъ, первый изъ цѣлаго ряда первосвященниковъ, носившихъ это имя, построилъ себѣ вблизи храма башню, въ которой обыкновенно и жилъ. Здѣсь у него хранилось его облаченіе, надѣвать которое онъ одинъ только былъ вправѣ, и когда онъ уходилъ въ городъ, то облекался въ свою простую собственную одежду. Такъ поступали затѣмъ его сыновья и ихъ дѣти. Овладѣвъ царствомъ, Иродъ Великій роскошно отстроилъ эту башню, названную имъ въ честь своего друга Антонія, Антоніею, и какъ нашелъ тамъ первосвященническое облаченіе, такъ и продолжалъ хранить его тамъ, не думая, что возбудить этимъ неудовольствіе народа противъ себя. Такого же образа дѣйствій держался и преемникъ и сынъ его Архелай. Овладѣвъ областью послѣдняго, римляне удержали у себя также облаченіе первосвященника, которое сохранялось въ каменномъ зданіи, запечатанномъ печатями священнослужителей и казначеевъ, причемъ начальникъ стражи башни обязанъ былъ ежедневно заботиться о томъ, чтобы предъ этимъ помѣщеніемъ всегда горѣлъ свѣтильникъ. За семь дней до наступленія праздника облаченіе выдавалось священнослужителямъ начальникомъ стражи. Освятивъ облаченіе, первосвященникъ возвращалъ его черезъ день послѣ окончанія праздниковъ и оно продолжало попрежнему храниться въ башнѣ. Такъ дѣлалось въ каждый изъ трехъ большихъ ежегодныхъ праздниковъ и въ день поста. Вителлій разрѣшилъ іудеямъ хранить облаченіе у себя и запретилъ вмѣшиваться въ это дѣло начальнику стражи, но предоставить іудеямъ пользованіе облаченіемъ, когда въ томъ представится надобность. Этимъ онъ расположилъ народъ въ свою пользу. Затѣмъ онъ смѣстилъ первосвященника Іосифа Кайафу и назначилъ на его мѣсто Іонаеа, сына бывшаго первосвященника Анана. Послѣ этого Вителлій вернулся обратно въ Антіохію.

4. Тѣмъ временемъ Тиверій отправилъ Вителлію письмо, въ которомъ

[1] Срв. выше, кн, XV, 11, 4. (т. II, стр. 181 нашего перевода).

просилъ его заключить дружественныя сношенія съ пареянскимъ царемъ Артабаномъ. Императоръ опасался его враждебныхъ дѣйствій, такъ какъ Артабанъ успѣлъ овладѣть Арменіей и могъ подать поводъ къ значительнымъ осложненіямъ. При этомъ императоръ указывалъ на то, что лишь въ томъ случаѣ можетъ довѣрять Артабану, если онъ выдастъ заложниковъ и главнымъ образомъ въ числѣ ихъ своего собственнаго сына. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Вителлію Тиверій отправилъ значительные денежные подарки царямъ Иберіи и Албаніи, убѣждая ихъ немедленно начать войну съ Артабаномъ. Цари однако воздержались отъ такой войны, но напустили на Артабана скиѳовъ, предоставивъ послѣднимъ свободный пропускъ чрезъ свои владѣнія и проходъ Каспійскій. Такимъ образомъ Артабанъ вновь лишился Арменіи, страна пареянская стонала подъ ужасами войны, наиболѣе вліятельныя лица были убиты, вездѣ царило полное смятеніе и сынъ самого царя палъ со многими тысячами войска въ одной изъ битвъ. Вителлій былъ готовъ умертвить старика Артабана и съ этою цѣлью за большія деньги подкупилъ друзей и родственниковъ царя, но Артабанъ понялъ, что этотъ замыселъ будетъ приведенъ въ исполненіе такъ какъ онъ окруженъ массою вліятельныхъ лицъ, которыя не остановятся ни передъ чѣмъ. Онъ ясно сознавалъ, что всѣ его родственники подкуплены и лишь коварнымъ внѣшнимъ образомъ выказываютъ ему преданность, которая у нихъ впослѣдствіи немедленно измѣнится, когда они перейдутъ на сторону враговъ. Поэтому онъ рѣшилъ спастись бѣгствомъ въ свои горныя сатрапіи. Тутъ ему удалось впослѣдствіи набрать большое войско изъ даевъ и саковъ, вступить затѣмъ въ борьбу съ противниками и вернуть себѣ власть.

5. При извѣстіи объ этомъ Тиверій пожелалъ заключить съ Артабаномъ дружественный союзъ. Получивъ приглашеніе въ этомъ смыслѣ, старикъ охотно принялъ предложеніе. Тогда Артабанъ и Вителлій встрѣтились у береговъ Евфрата. На рѣкѣ былъ сооруженъ мостъ и, посрединѣ этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядомъ своихъ тѣлохранителей. Послѣ того какъ они обо всемъ условились, тетрархъ Иродъ угостилъ ихъ въ роскошной палаткѣ, которую онъ съ большими расходами велѣлъ для этой цѣли соорудить на самой срединѣ моста. Вскорѣ послѣ этого Артабанъ послалъ Тиверію въ качествѣ заложника своего сына Дарія и отправилъ императору богатые дары. Въ числѣ послѣднихъ находился также нѣкій іудей Елеазаръ, человѣкъ семи футовъ роста, прозванный за это гигантомъ. Послѣ того Вителлій вернулся въ Антіохію, Артабанъ же въ Вавилонъ.

Желая, чтобы императоръ отъ него перваго узналъ о полученіи заложниковъ, тетрархъ Иродъ отправилъ къ нему посланныхъ съ письмами, гдѣ все было въ точности донесено, такъ что консуляру (Вителлію) не приходилось ничего прибавить къ этому. Когда императоръ извѣстилъ Вителлія, что онъ уже все знаетъ изъ донесенія Ирода, Вителлій страшно разсердился, видя въ этомъ поступкѣ (Ирода) большее оскорбленіе, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Однако онъ подавилъ въ себѣ гнѣвъ до тѣхъ поръ, пока власть не перешла къ Гаю Калигулѣ.

6. Тогда же, на двадцатомъ году правленія Тиверія, умеръ и братъ тетрарха Ирода, Филиппъ, послѣ того какъ въ теченіе тридцати семи лѣтъ правилъ Трахономъ, Гауланитидой и Батанеею. Его правленіе отличалось мягкостью и спокойствіемъ. Онъ провелъ всю жизнь въ предѣлахъ подчиненной ему области. Когда ему случалось выѣзжать, онъ дѣлалъ это въ обществѣ нѣсколькихъ избранныхъ. При этомъ за нимъ всегда возили его кресло, сидя на которомъ онъ творилъ судъ. Если по пути къ нему являлся кто либо съ жалобою, то онъ не долго думая тутъ же ставилъ кресло, садился на него и выслушивалъ обвинителя. Виновныхъ онъ тутъ же подвергалъ наказанію и немедленно отпускалъ тѣхъ, кого обвинили несправедливо. Филиппъ умеръ въ Юліадѣ. Трупъ его былъ доставленъ въ мавзолей, который онъ самъ заранѣе воздвигъ для себя, и торжественно похороненъ тамъ. Такъ какъ Филиппъ не оставилъ послѣ себя потомства, то Тиверій взялъ его область себѣ и присоединилъ ее къ Сиріи. Впрочемъ, доходы съ этой тетрархіи онъ распорядился сохранить за нею.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Около этого времени царь каменистой Аравіи Аретъ и тетрархъ поссорились между собою по слѣдующей причинѣ: Иродъ былъ давно уже женатъ на дочери Арета. Во время одного путешествія въ Римъ, онъ заѣхалъ къ своему сводному брату Ироду, который родился отъ дочери первосвященника Симона. Влюбившись въ жену брата, Иродіаду (она была дочерью ихъ общаго брата Аристовула и сестрою Агрипины Великаго), онъ рискнулъ предложить ей выйти за него замужъ. Иродіада согласилась и сговорилась съ нимъ войти въ его домъ, когда онъ возвратится изъ Рима. При этомъ было условлено, что Иродъ прогонитъ дочь Арета. Послѣ этого тетрархъ отплылъ въ Римъ, заключивъ вышеуказанный договоръ. Когда же онъ, по исполненіи въ Римѣ всего нужнаго, собирался вернуться домой,

жена его, безъ его вѣдома успѣвшая разузнать все объ его условіи съ Иродіадою, просила разрѣшенія уѣхать въ Махеронъ, находящійся какъ разъ на границѣ владѣній Арета и Ирода, причемъ никому не сказала о цѣли этой своей поѣздки. Иродъ согласился, не предполагая, что женѣ его что либо извѣстно. Послѣдняя между тѣмъ заранѣе послала въ Махеронъ къ начальнику, поставленному тамъ ея отцомъ, просьбу приготовить все къ дальнѣйшему путешествію. Затѣмъ она явилась сама и поѣхала тотчасъ же въ Аравію, причемъ арабскіе князья послѣдовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не пріѣхала къ отцу своему. Ему она разсказала о намѣреніи Ирода. Аретъ на основаніи этого рѣшилъ начать войну съ своимъ зятемъ, именно на границахъ Гамалитиды. Собравъ войска, обѣ стороны вступили въ борьбу, причемъ вмѣсто Арета и Ирода сражались ихъ военачальники. Въ происшедшей тутъ битвѣ все войско Ирода было уничтожено, благодаря измѣнѣ нѣсколькихъ перебѣжчиковъ, которые примкнули къ Ироду, принадлежа собственно къ числу подданныхъ тетрарха Филиппа. Иродъ отписалъ объ этомъ Тиверію. Императоръ разгнѣвался на образъ дѣйствіи Арета, послалъ Вителлію приказъ объявить ему войну и представить ему Арета либо живымъ въ оковахъ, либо прислать ему его голову.

2. Такой приказъ отдалъ Тиверій сирійскому намѣстнику. Нѣкоторые іудеи, впрочемъ, видѣли въ уничтоженіи войска Ирода вполнѣ справедливое наказаніе со стороны Господа Бога за убіеніе Іоанна. Иродъ умертвилъ этого праведнаго человѣка, который убѣждалъ іудеевъ вести добродѣтельный образъ жизни, быть справедливыми другъ къ другу, питать благочестивое чувство къ Предвѣчному и собираться для омовенія. При такихъ условіяхъ (училъ Іоаннъ) омовеніе будетъ угодно Господу Богу, такъ какъ они будутъ прибѣгать къ этому средству не для искупленія различныхъ грѣховъ, но для освященія своего тѣла, тѣмъ болѣе, что души ихъ заранѣе уже успѣютъ очиститься. Такъ какъ многіе стекались къ проповѣднику, ученіе котораго возвышало ихъ души, Иродъ сталъ опасаться, какъ бы его огромное вліяніе на массу (вполнѣ подчинившуюся ему) не повело къ какимъ либо осложненіямъ. Поэтому тетрархъ предпочелъ предупредить это, схвативъ Іоанна и казнивъ его раньше, чѣмъ пришлось бы раскаяться, когда будетъ уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода, Іоаннъ былъ въ оковахъ посланъ въ Махеронъ, вышеуказанную крѣпость, и тамъ казненъ. Іудеи же были убѣждены, что войско Ирода погибло лишь въ наказаніе за эту казнь, такъ какъ Предвѣчный желалъ проучить Ирода.

3. Приготовивъ для войны съ Аретомъ два легіона и присоединивъ къ нимъ тѣхъ легковооруженныхъ и всадниковъ, которыхъ ему предоставили подвластные римлянамъ царьки, Вителлій между тѣмъ двинулся къ Петрѣ (столицѣ Аравіи) и прибылъ (сперва) въ Птолемаиду. Когда же онъ собрался повести свое войско чрезъ Іудею, къ нему на встрѣчу вышли наиболѣе вліятельные граждане и умоляли его не проходить чрезъ ихъ страну, такъ какъ по закону они не вправѣ разрѣшить внесеніе въ Іудею тѣхъ изображеній, которыя въ такомъ значительномъ числѣ имѣются на его знаменахъ. Вителлій согласился, измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе и, велѣвъ войску идти по великой равнинѣ, самъ въ сопровожденіи тетрарха Ирода и нѣкоторыхъ друзей своихъ поѣхалъ въ Іерусалимъ, чтобы, въ виду наступленія іудейскаго національнаго праздника, принести тамъ жертву Предвѣчному. Здѣсь онъ былъ восторженно принятъ населеніемъ и пробылъ тамъ три дня, въ теченіе которыхъ отнялъ первосвященство у Іонаѳа и поставилъ на его мѣсто брата его Ѳеофила. На четвертый день онъ получилъ письменное извѣщеніе о смерти Тиверія и потому заставилъ населеніе присягнуть на вѣрность императору Гаю Калигулѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отозвалъ также свое войско и распустилъ его на зимнія стоянки, такъ какъ теперь съ переходомъ престола къ Гаю, Вителлій не имѣлъ уже полномочія продолжать войну. Разсказываютъ, что и Аретъ, при извѣстіи о походѣ Вителлія, сталъ гадать по полету птицъ и пришелъ къ заключенію, что непріятельское войско не дойдетъ до Петры: изъ военачальниковъ сторонъ умретъ либо тотъ, кто началъ войну, либо тотъ, кто отдалъ приказаніе къ выступленію войскъ, либо тотъ, противъ кого направленъ весь походъ.

Такимъ образомъ Вителлій вернулся въ Антіохію. Тѣмъ временемъ сынъ Аристовула, Агриппа, за годъ до смерти Тиверія отправился въ Римъ, чтобы тамъ, при первой представившейся возможности, добиться чего либо отъ императора. Мнѣ хочется здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться на потомствѣ Ирода Великаго, отчасти потому, что это потомство играло большую роль въ исторіи, отчасти потому, что тутъ оправдывается положеніе, что ни обиліе потомковъ, ни другая какая либо находящаяся въ распоряженіи людей сила не имѣетъ никакого значенія, если люди не отличаются истиннымъ благочестіемъ. Вѣдь въ теченіе столѣтняго періода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключеніями, подверглось гибели. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждому будетъ полезно ознакомиться съ постигшими этихъ потомковъ бѣдствіями. Особенно интересна въ этомъ отношеніи судьба наиболѣе выдающагося изъ нихъ, Агриппы, который, происходя изъ совершенно второстепенной семьи, помимо всякаго ожиданія, достигъ такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотѣлъ бы остановиться на этомъ подольше.

4. У Ирода Великаго было отъ Маріамны, дочери Гиркана, двѣ дочери. Одна изъ нихъ, Салампсіо, была выдана отцомъ своимъ замужъ за своего двоюроднаго брата Фасаила, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Киприда, также вышла замужъ за другого двоюроднаго брата своего, сына сестры Ирода, Саломіи. Салампсіо родила Фасаилу пятерыхъ дѣтей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Киприду. На послѣдней женился Агриппа, сынъ Аристовула. Александра же вышла замужъ за знатнаго кипрійца, Тимія, и умерла бездѣтною. Киприда родила Агриппѣ двухъ мальчиковъ, Агриппу и Друза (изъ нихъ послѣдній умеръ ребенкомъ), и трехъ дочерей: Беренику, Маріамну и Друзиллу. Отецъ ихъ, Агриппа, когда то воспитывался вмѣстѣ съ другими своими братьями, Иродомъ и Аристовуломъ. Всѣ трое были дѣтьми Береники и сына Ирода Великаго. Береника въ свою очередь была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломіи. Всѣ они остались сиротами послѣ казни, постигшей отца ихъ Аристовула и его брата Александра, какъ мы разсказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; именно указанный Иродъ, братъ Агриппы, взялъ себѣ въ жены Маріамну, дочь Олимпіады и внучку царя Ирода Великаго. Маріамна была дочерью Іосифа, племянника Ирода. Отъ нея Иродъ имѣлъ сына Аристовула. Третій братъ Агриппы, также носившій имя Аристовула, женился на дочери эмессійскаго царя Сампсигерама, Іотапѣ, которая родила ему глухую дочь, также названную Іотапою. Это было потомство по мужской линіи. Сестра ихъ Иродіада вышла замужъ за сына Ирода Великаго, Ирода же, происходившаго отъ Маріамны, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломію. Послѣ рожденія этой дѣвочки Иродіада, вопреки нашимъ законамъ, вышла замужъ за сводного брата своего мужа именно за галилейскаго тетрарха Ирода, но разошлась и съ нимъ еще при его жизни. Ея дочь Саломія вышла замужъ за трахонскаго тетрарха Филиппа, сына Ирода (Великаго). Такъ какъ Филиппъ умеръ бездѣтнымъ, то на ней женился Аристовулъ, сынъ Ирода и братъ Агриппы. У нихъ было трое дѣтей: Иродъ, Агриппа и Аристовулъ. Это слѣдовательно было потомство Фасаила и Салампсіо.

У Киприды родилась отъ Антипатра дочь того же имени, на которой впослѣдствіи женился Алексасъ Гелкій, сынъ Алексаса, и отъ которой онъ

также имѣлъ дочь Кипридy. Братья же Антипатра, Иродъ и Александръ, умерли бездѣтными. У казненнаго царемъ Иродомъ Александра были отъ дочери каппадокійскаго царя Архелая сыновья Александръ и Тигранъ. Последній сталъ царемъ Арменіи и умеръ бездѣтнымъ послѣ обвиненій, взведенныхъ на него въ Римѣ. У Александра же родился сынъ, прозванный въ честь дяди своего, Тиграномъ. Неронъ сдѣлалъ его царемъ Арменіи и у него родился сынъ Александръ. Послѣдній женился на Іотапѣ дочери коммагенскаго царя Антіоха, и былъ провозглашенъ Веспасіаномъ царемъ киликійскаго острова. Все потомство Александра сейчасъ же при рожденіи оставляло старинные іудейскіе обычаи и жило по образцу грековъ. Остальныя дочери царя Ирода умерли бездѣтными. А такъ какъ перечисленные мною потомки Ирода были еще въ живыхъ въ то время когда Агриппа Великій овладѣлъ престоломъ, то мнѣ остается теперь разсказать, какія превратности судьбы постигли Агриппу и какъ онъ, преодолѣвъ ихъ, съумѣлъ добиться величайшаго почета и власти [1].

[1] Жены Ирода Великаго и ихъ потомство:

I. *Дорисъ*—у нея сынъ Антипатръ.

II. Асмонеянка *Маріамна I*, у нея дѣти:

Александръ, Аристовулъ, (жена Береника) Саламисіо, Киприда

Александръ: Александръ, Тигранъ

Аристовулъ: Агриппа I, Иродъ, Аристовулъ, Иродіада

Саламисіо: Антипатръ, Иродъ, Александръ, Александра, Киприда.

Агриппа I: Агриппа II, Друзъ, Береника, Маріамна, Друзилла.

Иродъ: Аристовулъ (жена Саломія).

Аристовулъ: Іотапа.

Аристовулъ (жена Саломія): Иродъ, Агриппа, Аристовулъ.

III. *Маріамна II*, дочь первосвященника Симона.

Иродъ (Боэтъ), женатый на Иродіадѣ.

Саломія, замужемъ за а) Филиппомъ, за б) Аристовуломъ.

IV. *Мальѳака* изъ Самаріи.

Архелай, Тетрархъ Галилейскій Иродъ Антипасъ, женатый на дочери царя Арета, а затѣмъ на Иродіадѣ. Олимпіада.

Олимпіада: Маріамна.

V. *Клеопатра* изъ Іерусалима.

Филиппъ, тетрархъ Трахонскій. Иродъ.

VI. *Паллада*.

Фасаилъ.

VII. Дочь брата (бездѣтна).

VIII. Дочь сестры Саломіи (бездѣтна).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великаго Агриппа жилъ въ Римѣ, гдѣ очень сдружился съ своимъ сверстникомъ Друзомъ, сыномъ императора Тиверія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сблизился также съ Антоніею, женою Друза Великаго (т. е. старшаго) [1]. Антонія очень цѣнила мать Агриппы, Беренику, и хотѣла вывести въ люди также сына ея. Будучи по характеру своему человѣкомъ широкимъ и въ высшей степени щедрымъ, Агриппа однако сдерживалъ себя въ этомъ отношеніи, пока была жива его мать, такъ какъ боялся возбудить ея гнѣвъ. Когда же Береника умерла и онъ сталъ самостоятеленъ, Агриппа растратилъ свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путемъ той расточительности, съ которою онъ раздавалъ деньги. Наиболѣе значительныя суммы пошли въ карманы императорскихъ вольноотпущенниковъ, такъ какъ Агриппа разсчитывалъ на ихъ поддержку. Вскорѣ онъ впалъ въ такую бѣдность, что не могъ долѣе жить въ Римѣ. Кромѣ того и Тиверій запретилъ друзьямъ своего (недавно) скончавшагося сына показываться ему, чтобы видъ ихъ не вызывалъ въ немъ горестныхъ воспоминаній о покойномъ.

2. Вслѣдствіе этого Агриппа отплылъ въ Іудею. Онъ былъ убитъ потерею всѣхъ своихъ денегъ, а также невозможностью уплатить долги кредиторамъ, которыхъ было много и которые не давали ему случая какъ нибудь скрыться. Не зная, что дѣлать, и мучимый стыдомъ, онъ отправился въ идумейскую крѣпость Малаѳу, чтобы тамъ покончить самоубійствомъ. Объ этомъ намѣреніи узнала его жена Киприда и стала употреблять всѣ усилія, чтобы помѣшать приведенію его въ исполненіе. Такъ, напр., она отправила женѣ тетрарха Ирода, сестрѣ своей Иродіадѣ, письмо, въ которомъ разсказала о намѣреніи Агриппы и о томъ, что его къ этому

IX. *Федра*.

Роксана, замужемъ за племянникомъ Ирода I, Феророю.

X. *Эльпида*.

Саломія, замужемъ за сыномъ Фероры, брата Ирода I.

[1] Старшій, т. наз. Клавдій Неронъ Друзъ, былъ сыномъ Тиверія и Ливіи и племянникомъ того Тиверія, который впослѣдствіи сталъ императоромъ. Онъ совершалъ походы въ Германіи и умеръ 30 лѣтъ отъ роду. Жена его, извѣстная подъ именемъ Antonia minor, родила ему двухъ сыновей, Германика и Клавдія, впослѣдствіи ставшаго императоромъ, и Ливиллу.—Младшій Друзъ или иначе Друзъ Цезарь, былъ сыномъ Тиверія отъ перваго его брака съ Випсаніею Агриппиною. Онъ женился на указанной выше Ливиллѣ, которая впослѣдствіи при помощи любимца императора, Сеяна, отравила его.

побудило, и просила ее как родственницу помочь ея мужу выпутаться, причем указывала на свои собственныя въ этомъ направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродіада и мужъ ея послали за Агриппою, дали ему для жительства Тиверіаду, опредѣлили ему вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстную сумму денегъ на содержаніе и дали ему званіе тиверіадскаго агораноша [1]. Вскорѣ однако Иродъ измѣнилъ свое рѣшеніе относительно зятя, хотя то, что онъ для него сдѣлалъ, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды въ Тирѣ во время пиршества возникли у нихъ за виномъ какія то разногласія; Иродъ сталъ ругать зятя бѣднякомъ и укорять его въ томъ, что онъ получаетъ свое пропитаніе отъ него. Этого не снесъ Агриппа; онъ тотчасъ отправился къ консуляру Флакку, съ которымъ былъ когда то въ Римѣ особенно друженъ и который теперь былъ сирійскимъ намѣстникомъ.

3. Флаккъ его принялъ любезно и далъ ему помѣщеніе, принявъ къ себѣ раньше также брата Агриппы, Аристовула, съ которымъ Агриппа впрочемъ жилъ въ ссорѣ. Однако несмотря на ихъ взаимную вражду, консуляръ одинаково дружественно относился къ нимъ обоимъ и одинаково почиталъ ихъ. Впрочемъ, Аристовулъ успокоился не раньше, чѣмъ въ враждѣ своей къ брату возстановилъ противъ него также и Флакка, причемъ поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство: жители Дамаска спорили съ сидонцами относительно правильности границъ. Флаккъ собирался разрѣшить ихъ распрю. Зная, какимъ вліяніемъ пользуется Агриппа у Флакка, они рѣшили просить его о заступничествѣ и обѣщали ему за это крупную сумму денегъ. Агриппа постарался сдѣлать все въ пользу дамассцевъ. Между тѣмъ Аристовулъ, который узналъ объ обѣщанной брату взяткѣ, донесъ о томъ Флакку. Такъ какъ при разслѣдованіи этотъ доносъ оказался правильнымъ, то Флаккъ порвалъ свою дружбу съ Агриппой и прогналъ его отъ себя. Впавъ такимъ образомъ опять въ крайнюю бѣдность, Агриппа отправился въ Птолемаиду, а такъ какъ ему ни здѣсь ни въ другомъ мѣстѣ не представлялось возможности жить, онъ рѣшилъ ѣхать въ Италію. Однако онъ былъ стѣсненъ въ деньгахъ. Поэтому онъ просилъ своего вольноотпущенника Марсію занять у кого нибудь для него нужную сумму. Марсія обратился къ нѣкоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери Агриппы, которая однако въ завѣщаніи передала его въ распоряженіе (своей подруги) Антоніи, и просилъ его выдать ему деньги подъ письменное обязательство Агриппы съ его поручительствомъ. Петръ однако, который былъ золъ на Агриппу за то, что потерялъ за нимъ нѣсколько денегъ, потребовалъ отъ Марсіи расписку въ полученіи двадцатитысячъ аттическихъ драхмъ, хотя и выдалъ ему на двѣ съ половиною тысячъ меньше. Марсія долженъ былъ согласиться на это, такъ какъ иначе ничего нельзя было сдѣлать.

[1] Такъ назывались въ греческихъ городахъ чиновники, на обязанности которыхъ, подобно римскимъ эдиламъ, лежалъ присмотръ за рынками и взиманіе податей за доставляемые туда товары.

Получивъ эти деньги, Агриппа поѣхалъ въ Анѳедонъ, гдѣ нанялъ корабль, чтобы отправиться въ дальнѣйшій путь. Узнавъ объ этомъ, намѣстникъ Ямніи, Гереній Капитонъ, выслалъ военный отрядъ съ тѣмъ, чтобы вытребовать отъ Агриппы триста тысячъ сестерцій, взятыхъ имъ въ Римѣ изъ императорской казны, и вмѣстѣ распорядился насильно задержать должника. Агриппа наружно подчинился послѣднему распоряженію, съ наступленіемъ же ночи велѣлъ перерубить канаты и отплылъ въ Александрію. Тутъ онъ просилъ алабарха Александра дать ему взаймы двѣсти тысячъ драхмъ. Александръ отказалъ ему въ этомъ, но согласился выдать эту сумму подъ поручительство Киприды, въ уваженіе къ ея преданности мужу и вообще за ея порядочность. Киприда дала свое поручительство. Тогда Александръ выдалъ имъ въ Александріи пять талантовъ, а остальные обѣщалъ вручить въ Дикеархеѣ по прибытіи туда Агриппы: онъ зналъ и боялся расточительности послѣдняго. Киприда затѣмъ простилась съ мужемъ, который поѣхалъ въ Италію, и возвратилась съ дѣтьми своими въ Іудею.

4. Прибывъ въ Путеоли [1], Агриппа отправилъ письмо императору Тиверію, находившемуся тогда на островѣ Капреѣ, извѣщая его о своемъ пріѣздѣ и прося его разрѣшенія пріѣхать поклониться ему на Капреѣ. Тиверій былъ очень радъ этому, отвѣтилъ ему любезнымъ письмомъ и сказалъ, что съ удовольствіемъ приметъ его у себя на Капреѣ. Когда Агриппа пріѣхалъ, императоръ принялъ и привѣтствовалъ его съ тою же любезностью, которую выказалъ нему и въ письмѣ. На слѣдующій день однако Тиверій получилъ письмо отъ Геренія Капитона, который писалъ ему, что Агриппа задолжалъ 300000 сестерцій [2], пропустилъ условленный срокъ уплаты и, когда ему напомнили объ этомъ, бѣжалъ изъ страны своей; такимъ образомъ теперь Гереній совершенно не знаетъ, какъ вер-

[1] Puteoli, нынѣ Pozzuoli, небольшой приморскій городокъ къ сѣверу отъ Неаполя. Капрея теперь носитъ названіе Капри.

[2] Около 22000 рублей на наши деньги.

нуть эти деньги. Прочитавъ письмо, императоръ сильно разгнѣвался и запретилъ Агриппѣ доступъ ко двору, пока онъ не заплатитъ долга. Агриппа однако нисколько не испугался гнѣва императора, но обратился къ Антоніи, матери Германика и Клавдія, который впослѣдствіи сталъ императоромъ, съ просьбою одолжить ему 300000 сестерцій, чтобы не утратить дружбы Тиверія. Въ уваженіе къ памяти его матери Береники, съ которою ее связывала тѣсная дружба, равно какъ потому, что онъ былъ сверстникомъ и товарищемъ ея сына Клавдія, Антонія выдала ему деньги, такъ что онъ могъ уплатить означенный долгъ, и у него возобновились прежнія дружескія отношенія къ Тиверію. Послѣдній въ свою очередь даже поручилъ ему своего внука (Тиверія) и велѣлъ сопровождать его повсюду. Питая благодарность къ Антоніи, Агриппа сталъ особенно ласково относиться къ ея внуку Гаю [1], который пользовался особенною популярностью, благодаря расположенію всѣхъ къ его покойному отцу [2]. Въ это время жилъ нѣкій самарянинъ Θаллъ, императорскій вольноотпущенникъ. Сдѣлавъ у него заемъ въ милліонъ сестерцій, Агриппа вернулъ Антоніи долгъ свой, а помощью остальныхъ денегъ старался угождать Гаю, причемъ достигъ на него особенно значительнаго вліянія.

5. Между тѣмъ дружба между Агриппою и Гаемъ все росла. Когда они однажды вмѣстѣ выѣхали на прогулку, у нихъ зашла рѣчь о Тиверіи и, такъ какъ они были одни, Агриппа выразилъ желаніе, чтобы Тиверій поскорѣе умеръ и предоставилъ власть Гаю, какъ наиболѣе достойному во всѣхъ отношеніяхъ. Это услыхалъ Евтихъ, вольноотпущенникъ и возница Агриппы. Впрочемъ, пока онъ молчалъ объ этомъ. Впослѣдствіи Агриппа совершенно основательно обвинилъ этого вольноотпущенника въ похищеніи у него плаща. Евтихъ бѣжалъ, но, будучи пойманъ, былъ приведенъ къ городскому префекту Пизону. Когда послѣдній спросилъ его о причинѣ бѣгства, Евтихъ отвѣчалъ, что ему необходимо сдѣлать императору сообщеніе, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизонъ велѣлъ связать его и отправить на Капрею. Тиверій по своей привычкѣ оставилъ его въ оковахъ (и не торопился съ его допросомъ), потому что былъ вообще наиболѣе медлительнымъ государемъ. Такъ, напр., онъ никогда не принималъ посольствъ тотчасъ же по ихъ прибытіи и не смѣщалъ военачальниковъ и намѣстниковъ до ихъ смерти. Такъ же медленно происходилъ и допросъ арестантовъ. Когда друзья однажды спросили его о при-

[1] Впослѣдствіи императоръ, извѣстный подъ именемъ Калигулы.

[2] То былъ знаменитый Германикъ.

чинѣ такой его медлительности, Тиверій отвѣчалъ, что онъ потому задерживаетъ посольства, чтобы ихъ сейчасъ же не смѣнили новыя депутаціи уполномоченныхъ, которыхъ затѣмъ во множествѣ пришлось бы принимать и угощать; общественныя же должности онъ оттого даетъ людямъ одинъ разъ навсегда, чтобы тѣ нѣсколько совѣстились и не слишкомъ притѣсняли подчиненныхъ. Въ самой природѣ всякаго должностного лица, говорилъ онъ, лежитъ стремленіе къ любостяжанію. Если должности будутъ предоставляться чиновникамъ не на долго и не на опредѣленное, но на короткое время, то эти чиновники приложатъ все свое стараніе полнѣе обобрать людей состоятельныхъ. Если же ихъ назначать на болѣе продолжительный срокъ, то они, имѣя передъ собою возможность безпрепятственнаго грабежа, вскорѣ вслѣдствіе своего обогащенія утомятся этимъ и на долго оставятъ подчиненныхъ въ покоѣ. Если же перемѣщенія слѣдуютъ быстро другъ за другомъ, то начальники не успѣваютъ удовлетвориться наложенными на подчиненныхъ поборами, такъ какъ они не будутъ имѣть времени ощутить неудовольствіе по поводу своихъ вымогательствъ и не успѣютъ обогатиться до перемѣщенія на новую должность. Въ доказательство правильности этого своего взгляда онъ приводилъ слѣдующій примѣръ: нѣкій раненый лежалъ на дорогѣ и множество мухъ сѣло на его раны. Ктото изъ прохожихъ почувствовалъ состраданіе къ несчастному и, видя его безпомощное состояніе, рѣшился отогнать мухъ. Но раненый просилъ его оставить это и тогда прохожій удивленно спросилъ, почему онъ противится, чтобы тотъ облегчилъ ему его страданія. На это раненый отвѣчалъ: «Ты причинишь мнѣ еще болѣе сильныя страданія, если отгонишь этихъ мухъ. Такъ какъ онѣ успѣли уже насытиться моею кровью, то онѣ не съ такой силою кусаютъ меня и даже иногда совсѣмъ перестаютъ меня терзать. Если же затѣмъ явятся новые рои мухъ голодныхъ и найдутъ меня уже истощеннымъ, то я окончательно погибну». Поэтому то (продолжалъ императоръ) онъ, заботясь о состояніи безъ того уже сильно разоренныхъ подданныхъ своихъ, и не отправляетъ къ нимъ одного чиновника за другимъ, которые на подобіе мухъ, стали бы высасывать все изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что тогда къ ихъ любостяжательности присоединилась бы боязнь, что ихъ вскорѣ лишатъ предоставленнаго имъ удовольствія. Подтвержденіемъ этого взгляда Тиверія служитъ и соотвѣтственный образъ его дѣйствій: въ теченіе тѣхъ двадцати двухъ лѣтъ, что онъ былъ императоромъ, онъ послалъ въ Іудею всего только двухъ намѣстниковъ, Грата и его преемника Пилата. Такъ поступалъ онъ не только относительно Іудеи, но и относительно другихъ подвластныхъ ему про-

винцій. Также и преступленія арестантовъ онъ, по собственному признанію, подвергалъ разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрою казнью не получали облегченія своихъ страданій, котораго они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того чтобы наказаніе имъ увеличилось томительною неизвѣстностью.

6. По этой то причинѣ и Евтихъ не могъ добиться, чтобы его допросили, и оставался въ темницѣ. Черезъ нѣкоторое время Тиверій переѣхалъ съ острова Капреи въ Тускуланумъ, который находится въ разстояніи ста стадій отъ Рима. Тутъ Агриппа сталъ просить Антонію добиться (у императора) допроса Евтиха по взведенному на него обвиненію. Антонія пользовалась у Тиверія большимъ почетомъ отчасти вслѣдствіе близкихъ родственныхъ своихъ къ нему отношеній (она была женою его брата Друза), отчасти же вслѣдствіе своего добродѣтельнаго образа жизни. Дѣло въ томъ, что несмотря на свою молодость, она оставалась вдовою и отказывалась отъ всякаго новаго брака, хотя императоръ и уговаривалъ ее выйти вторично замужъ. При этомъ она вела незапятнанный образъ жизни. Кромѣ того она оказала Тиверію неоцѣнимую услугу: нѣкій Сеянъ, начальникъ преторіанской гвардіи, бывшій другъ мужа Антоніи и пользовавшійся, благодаря войскамъ, огромною властью, устроилъ опасный заговоръ, къ которому примкнули многіе сенаторы и вольноотпущенники [1]. Такъ какъ заговорщики сумѣли подкупить войско, то дѣло приняло бы серьезный оборотъ и Сеянъ привелъ бы свой планъ въ исполненіе, еслибы Антонія не выступила смѣлою противницею его гнусныхъ начинаній. Узнавъ о задуманномъ покушеніи на жизнь Тиверія, она написала послѣднему о томъ подробное письмо, которое вручила одному изъ преданнѣйшихъ слугъ своихъ, Палласу, для доставки Тиверію на островъ Капрею. Извѣщенный объ этомъ, императоръ велѣлъ казнить Сеяна и его заговорщиковъ. Съ этихъ поръ Антонія, которую Тиверій и раньше очень уважалъ, пользовалась въ его глазахъ еще большимъ почетомъ и довѣріемъ.

И вотъ, когда Антонія просила Тиверія допросить Евтиха, императоръ сказалъ: «Если Евтихъ выдумалъ слова, которыя онъ приписалъ Агриппѣ, то онъ получитъ отъ меня должное возмездіе; если же при разслѣдованіи окажется, что онъ сказалъ правду, то пусть Агриппа остерегается, какъ бы наказаніе, которое онъ собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную главу». Когда Антонія сообщила объ этомъ Агриппѣ, послѣдній еще болѣе настаивалъ на производствѣ слѣдствія, и

[1] Tac. ann. V, 3, VI, 25. Характеристика его тамъ же, IV, 1.

такъ какъ Агриппа не переставалъ просить объ этомъ Антонію, то она выбрала удобную минуту, когда Тиверія послѣ обѣда вынесли въ носилкахъ на прогулку въ сопровожденіи ея внука Гая и Агриппы, приблизилась къ носилкамъ и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиверій замѣтилъ: «Клянусь, Антонія, богами, что то что я теперь дѣлаю, я дѣлаю не по своей личной волѣ, но благодаря твоимъ просьбамъ». Съ этими словами онъ приказалъ Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тотъ вскорѣ затѣмъ явился, императоръ спросилъ его, что онъ можетъ сказать противъ человѣка, которому онъ обязанъ свободою. Евтихъ сказалъ: «Государь! Однажды этотъ вотъ Гай и Агриппа выѣхали на прогулку въ колесницѣ, а я сидѣлъ у ногъ ихъ. Они бесѣдовали долго о всякой всячинѣ и наконецъ Агриппа обратился къ Гаю съ слѣдующими словами: «Наступитъ ли день, когда этотъ старикъ умретъ и сдѣлаетъ тебя владыкою міра? Вѣдь внукъ его, Тиверій, не будетъ намъ препятствіемъ. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будетъ счастлива, а болѣе ея я». Тиверій повѣрилъ этому и въ немъ пробудилось прежнее неудовольствіе противъ Агриппы, такъ какъ онъ приказалъ ему когда то слѣдить за его внукомъ Тиверіемъ, сыномъ Друза; однако Агриппа не поступилъ сообразно этому, но всецѣло посвятилъ себя Гаю. Поэтому императоръ сказалъ; «Макронъ, наложи на него оковы». Макронъ однако не понялъ: о комъ говорилъ Тиверій, никакъ не предполагая, что послѣдній могъ имѣть въ виду Агриппу, и поэтому не привелъ приказанія въ исполненіе.

Вскорѣ затѣмъ императоръ засталъ Агриппу въ ипподромѣ. Тогда онъ обратился къ Макрону: «Вѣдь я же приказалъ наложить на него оковы!» Когда Макронъ еще разъ переспросилъ императора, о комъ идетъ рѣчь, послѣдній отвѣтилъ: «Объ Агриппѣ».

Тогда Агриппа сталъ просить о помилованіи, указывая на то, что вѣдь онъ воспитывался совмѣстно съ его сыномъ и руководилъ воспитаніемъ младшаго Тиверія. Однако онъ ничего не добился, и въ пурпуровой одеждѣ былъ отведенъ въ темницу. Тогда стояла сильная жара и, такъ какъ Агриппа за обѣдомъ выпилъ много вина, его теперь стала мучить жажда, такъ что онъ совершенно изнемогалъ отъ нея и жестоко страдалъ, вдругъ онъ увидѣлъ, что одинъ изъ рабовъ Гая, нѣкій Ѳаумастъ, несъ воду въ сосудѣ. Онъ попросилъ дать ему напиться. Тотъ охотно подалъ ему кувшинъ и Агриппа воскликнулъ: «Юноша, такъ какъ ты оказалъ мнѣ эту услугу, то, когда я освобожусь отъ оковъ, я не премину добиться у Гая освобожденія твоего; вѣдь ты услужилъ мнѣ, арестанту,

совершенно такимъ же образомъ, какъ дѣлалъ это раньше, когда я былъ
полноправнымъ человѣкомъ». Агриппа, дѣйствительно, сдержалъ это свое
обѣщаніе: когда онъ впослѣдствіи самъ сталъ царемъ, то добился у Гая
ставшаго тѣмъ временемъ императоромъ полнаго освобожденія Θаумаста и
сдѣлалъ его своимъ личнымъ управляющимъ; передъ смертью своею онъ
поручилъ его сыну своему Агриппѣ и дочери своей Береникѣ съ тѣмъ,
чтобы они оставили его въ этой должности. Θаумастъ и умеръ въ ней,
достигнувъ преклоннаго возраста.

7. Все это, впрочемъ, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа,
въ числѣ многихъ другихъ арестантовъ стоялъ предъ императорскимъ двор-
цомъ и въ отчаяніи прислонился къ дереву. На это дерево внезапно сле-
тѣлъ филинъ, и тогда одинъ изъ арестантовъ, германецъ по про-
исхожденію, увидя это, спросилъ стоявшаго тутъ же солдата, кто этотъ че-
ловѣкъ въ пурпуровомъ плащѣ. Узнавъ, что тотъ называется Агриппою,
іудей, принадлежащій къ числу наиболѣе видныхъ представителей своего
народа, онъ просилъ воина подвести его поближе къ Агриппѣ, такъ какъ
имѣетъ сообщить ему нѣчто и желалъ бы задать ему нѣсколько вопросовъ
относительно іудейскихъ законовъ. Когда ему это было разрѣшено, герма-
нецъ обратился чрезъ переводчика къ Агриппѣ и сказалъ ему: «Молодой
человѣкъ, теперь ты опечаленъ внезапнымъ поворотомъ въ судьбѣ своей,
которая такъ круто измѣнилась у тебя. Вѣроятно, ты не повѣришь сло-
вамъ моимъ, когда я скажу тебѣ, что Предвѣчный рѣшилъ измѣнить твою
судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готовъ
клясться какъ своими собственными богами, такъ и римскими, благодаря
которымъ мы томимся въ этихъ оковахъ, что скажу одну только правду, и
притомъ не ради празднаго времяпрепровожденія и болтовни и не для
того, чтобы тщетно ободрить тебя. Вѣдь обѣщанія, въ случаѣ ихъ неи-
сполненія, лишь усугубляютъ печаль и лучше ихъ съ самаго начала вовсе
не дѣлать. И несмотря на это, несмотря на то, что я рискую личною
безопасностью, я считаю себя обязаннымъ сообщить тебѣ о рѣшеніи бо-
говъ. По всей видимости ты скоро будешь освобожденъ отъ этихъ своихъ
цѣпей; тогда ты достигнешь величайшаго почета и власти, и всѣ тѣ, кто
теперь скорбитъ о постигшей тебя судьбѣ, будутъ заискивать предъ тобою.
Ты умрешь, добившись счастія и оставивъ состояніе дѣтямъ своимъ. Помни
однако, что когда ты вновь увидишь эту птицу, тебѣ предстоитъ умереть
чрезъ пять дней. Что все такъ и случится, это возвѣщаютъ тебѣ
боги, пославшіе эту птицу. Я, знакомый съ предсказаніемъ будущаго, не
счелъ себя вправѣ скрыть отъ тебя все это, дабы ты, зная, что тебя

ждетъ лучшее будущее, легче переносилъ страданія настоящей минуты и
не придавалъ имъ слишкомъ большого значенія. Помни также, что когда
счастье улыбнется тебѣ, то были мы, товарищи твои по заключенію, ко-
торые предсказали тебѣ скорое освобожденіе». Это предсказаніе германца
первоначально показалось Агриппѣ столь же смѣшнымъ, сколь оно впо-
слѣдствіе возбудило его удивленіе.

Тѣмъ временемъ Антонія, которую очень огорчало постигшее Агриппу
несчастіе, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и безполезно
будетъ заступаться за него у Тиверія, постаралась добиться отъ Макрона,
чтобы въ видѣ стражи Агриппы и въ лицѣ сотниковъ, которымъ пору-
чался неуклонный надзоръ за арестантами, назначались люди болѣе мягко-
сердечные, чтобы Агриппѣ ежедневно разрѣшалось купаться, чтобы ему
было дозволено видѣться съ друзьями и вольноотпущенниками своими, и
чтобы онъ вообще не ощущалъ никакого существеннаго недостатка ни въ
чемъ. Такимъ образомъ арестованнаго посѣщали его другъ Силасъ и воль-
ноотпущенники Марсія и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и
вообще всячески заботились о немъ; такъ, напр., они приносили съ собою
какъ будто бы для продажи, плащи, которые, съ наступленіемъ ночи, при
содѣйствіи солдатъ и съ вѣдома Макрона, подстилали Агриппѣ. Такъ про-
должалось дѣло въ теченіи шести мѣсяцевъ.

8. Таково-то было положеніе Агриппы. Между тѣмъ Тиверій возвра-
тился на островъ Капрею, гдѣ и заболѣлъ, сперва, правда, легко, но за-
тѣмъ, когда болѣзнь осложнилась, онъ сталъ сильно опасаться за свое
выздоровленіе. Поэтому онъ приказалъ Эводу, самому приближенному изъ
вольноотпущенниковъ своихъ, привезти къ нему дѣтей, съ которыми ему
необходимо было переговорить передъ смертью. Родныхъ дѣтей у Тиверія
больше не было, послѣ того какъ единственный сынъ его, Друзъ, умеръ.
Теперь оставались въ живыхъ еще сынъ Друза, Тиверій Гемеллъ, а также
сынъ брата Тиверія, Германика, Гай, юноша, получившій вполнѣ закон-
ченное образованіе и пользовавшійся въ глазахъ народа большою популяр-
ностью за доблесть отца своего Германика. Послѣдній (т. е. Гер-
маникъ) пользовался особеннымъ расположеніемъ простонародья благодаря
чистотѣ нравовъ, легкой доступности и тому, что онъ никогда не домо-
гался особенно выдающагося положенія. Поэтому то не только народъ и
римскій сенатъ весьма уважали Германика, но и всѣ подвластныя римля-
намъ племена, которыхъ подкупала мягкость его обращенія съ ними или
которыя слышали объ этой чертѣ его характера. Когда онъ умеръ, всѣхъ
обуяла скорбь, причемъ люди не представлялись опечаленными въ угоду

властямъ, но потому что всѣ въ государствѣ горевали о немъ, какъ о родномъ дорогомъ покойникѣ. Такъ воспоминаніе о немъ продолжало жить среди людей. Результатомъ всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были къ нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престолъ перешелъ къ нему, и въ случаѣ необходимости, готовы были умереть за него.

9. Тиверій, приказавъ Эводу привести къ нему на слѣдующій день рано утромъ дѣтей, сталъ теперь молить боговъ явить знаменіе, кому изъ юношей надлежитъ стать его преемникомъ. Правда, онъ охотнѣе всего оставилъ бы престолъ своему внуку, но еще больше значенія и вѣры, чѣмъ своему личному взгляду на дѣло и желанію, онъ придавалъ рѣшенію боговъ. У него, между прочимъ, было твердое убѣжденіе, что тотъ изъ претендентовъ получитъ престолъ, который первымъ явится къ нему рано утромъ.

Рѣшивъ это, онъ послалъ за воспитателемъ своего внука и приказалъ ему на зарѣ привести къ нему питомца. Тиверій предполагалъ, что этимъ онъ повліяетъ на рѣшеніе боговъ. Богъ однако рѣшилъ иначе. Въ такомъ разсчетѣ императоръ приказалъ Эводу, какъ только стало свѣтать, впустить къ нему того изъ юношей, который придетъ первымъ. Тотъ вышелъ и, найдя Гая (Тиверій еще не пришелъ, такъ какъ ему слишкомъ поздно подали завтракъ, а Эводъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ своего государя), сказалъ ему: «Отецъ зоветъ тебя» Съ этими словами онъ ввелъ его къ императору.

Увидя Гая, Тиверій понялъ всемогущество Бога и то, что онъ самъ ничего не могъ противъ этого подѣлать и не могъ теперь уже измѣнить принятое рѣшеніе. Затѣмъ онъ сталъ жалѣть какъ о самомъ себѣ, что у него отнята возможность привести въ исполненіе собственное желаніе, такъ и о своемъ внукѣ Тиверіи, который не только лишился римскаго престола, но и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь въ рукахъ другихъ, болѣе могущественныхъ лицъ, которыя не станутъ терпѣть его рядомъ съ собою. При этомъ императоръ понималъ, что и родственныя узы не окажутъ Тиверію услуги, такъ какъ наслѣдникъ престола будетъ бояться и ненавидѣть его отчасти какъ претендента на власть, отчасти какъ человѣка, который не сможетъ не злоумышлять противъ его особы съ цѣлью совершить государственный переворотъ.

Тиверій былъ вообще преданъ ученію о предзнаменованіяхъ и болѣе кого бы то ни было другого руководился этимъ въ теченіи всей

своей жизни. Такъ, напр., однажды при появленіи Гальбы [1], онъ сказалъ своимъ приближеннымъ, что входитъ человѣкъ, которому нѣкогда выпадетъ на долю честь быть римскимъ императоромъ. Такъ какъ Тиверій болѣе другихъ императоровъ придавалъ значенія предзнаменованіямъ, тѣмъ болѣе, что неоднократно видѣлъ ихъ оправдавшимися, то онъ руководствовался ими также въ дѣлахъ правленія. Теперь его крайне огорчало все случившееся, онъ страдалъ, какъ будто бы его внукъ уже былъ умерщвленъ, и упрекалъ себя въ томъ, что такъ положился на предзнаменованіе. Ему вѣдь было такъ легко спокойно и безъ печали умереть въ невѣдѣніи будущаго, а теперь приходилось разставаться съ жизнью, предвидя грядущее горе наиболѣе близкихъ ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престолъ неожиданно перешелъ къ нежелательному лицу, однако императоръ, правда нехотя и съ неудовольствіемъ, обратился къ Гаю съ слѣдующими словами: «Дитя мое! хотя Тиверій мнѣ и ближе, чѣмъ ты, однако я всетаки по доброй волѣ и съ утвержденія боговъ вручаю тебѣ власть надъ римскимъ народомъ. Но при этомъ прошу тебя, не забывай, когда ты будешь императоромъ, ни о моемъ къ тебѣ благоволеніи, въ силу котораго я поставилъ тебя на такое высокое мѣсто, ни о родствѣ своемъ съ Тиверіемъ. Знай, что я съ соизволенія боговъ даровалъ тебѣ такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родствѣ своемъ съ Тиверіемъ. Съ другой стороны помни, что, пока онъ будетъ живъ, Тиверій будетъ оплотомъ твоей власти и личности, а если умретъ, то это будетъ началомъ твоего несчастія. Стоять одинокимъ на такомъ высокомъ посту тяжело, и боги не оставятъ безнаказаннымъ беззаконнаго нарушенія какого либо предписанія». Такъ говорилъ Тиверій. Впрочемъ, ему не удалось повліять на Гая, который обѣщалъ ему, правда, повиновеніе, но который, вступивъ на престолъ, немедленно распорядился умертвить Тиверія, какъ то предвидѣлъ старый императоръ. Однако и самъ онъ не долго спустя погибъ, павъ жертвою заговора.

10. Нѣсколько дней спустя послѣ назначенія Гая своимъ преемникомъ Тиверій умеръ, пробывъ императоромъ двадцать два года пять мѣсяцевъ и три дня. Такимъ образомъ Гай сталъ четвертымъ римскимъ императоромъ [2]. Когда римляне узнали о смерти Тиверія, они очень обрадовались этому пріятному для нихъ извѣстію. Они все еще не рѣшались повѣ-

[1] Гальба былъ, дѣйствительно, римскимъ императоромъ въ 69 г. до Р. Х. Срв. Tac. ann. VI, 20.

[2] Собственно третьимъ. См. выше, т. II, стр. 296.

рить этому, хотя они того и страстно желали (за вѣрность этого сообщенія они готовы были заплатить огромныя деньги); однако вмѣстѣ съ тѣмъ они опасались, какъ бы въ случаѣ, если бы извѣстіе было опровергнуто, имъ не пришлось по доносамъ поплатиться жизнью за проявленіе такой своей радости. Вѣдь одинъ этотъ человѣкъ совершилъ ужаснѣйшія преступленія по отношенію къ римской знати, будучи крайне раздражительнымъ и совершенно не умѣя сдерживать свой гнѣвъ, даже когда не было никакого повода къ тому. Онъ ко всѣмъ относился крайне жестоко и за самыя маловажныя провинности сейчасъ же налагалъ смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извѣщеніи объ его смерти, настолько же имъ мѣшало предаваться этой радости опасеніе за то наказаніе, которому они подверглись бы, если бы слухъ оказался ложнымъ.

Узнавъ о смерти Тиверія, вольноотпущенникъ Агриппы, Марсія, поспѣшилъ къ послѣднему, чтобы сообщить ему эту добрую вѣсть. Онъ засталъ его отправляющимся на купанье, наклонился къ нему и по еврейски шепнулъ ему на ухо: «Левъ умеръ!» Агриппа сразу понялъ смыслъ этихъ словъ, очень обрадовался и сказалъ: «Я тебя отблагодарю за всѣ твои услуги и за эту добрую вѣсть. Лишь бы это была правда». Сотникъ, которому было поручено наблюденіе за Агриппой, видя, съ какою поспѣшностью прибылъ Марсія и какую радость вызвали въ Агриппѣ слова его, подумалъ, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросилъ ихъ объ этомъ. Тѣ сперва старались уклониться отъ отвѣта, но когда сотникъ сталъ приставать къ Агриппѣ, послѣдній (успѣвшій уже снискать его благоволеніе) открыто разсказалъ ему дѣло. Сотникъ раздѣлилъ радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложилъ ему вмѣстѣ пообѣдать. Пока они еще сидѣли за столомъ и наслаждались виномъ, пришелъ кто то съ извѣстіемъ, что Тиверій живъ и чрезъ нѣсколько дней вернется въ городъ. Тогда сотникъ страшно испугался, совершивъ проступокъ, за который полагалась смертная казнь, а именно, что онъ при извѣстіи о смерти императора въ радостяхъ пировалъ съ арестантомъ. Поэтому онъ столкнулъ Агриппу съ ложа и воскликнулъ: «Да развѣ ты думаешь, что безнаказанно обманулъ меня съ извѣстіемъ о кончинѣ императора? Вѣдь ты за это заплатишь мнѣ головою своею». Затѣмъ онъ приказалъ вновь заковать Агриппу въ цѣпи, которыя онъ передъ тѣмъ снялъ съ него, и усилилъ за нимъ надзоръ. Это была страшная ночь для Агриппы.

На слѣдующій день однако по городу распространилось извѣстіе, подтверждавшее кончину Тиверія; теперь населеніе уже не боялось открыто

говорить объ этомъ; нѣкоторыя лица даже стали приносить (благодарственныя) жертвы. Тѣмъ временемъ были получены письма отъ Гая. Одно изъ нихъ было адресовано въ сенатъ, которому Гай сообщалъ о смерти Тиверія и о томъ, что престолъ перешелъ къ нему. Другое письмо было получено городскимъ префектомъ Пизономъ съ тѣмъ же извѣстіемъ и приказаніемъ освободить Агриппу изъ военной тюрьмы и перевести его въ домъ, гдѣ онъ жилъ до своего ареста. Теперь онъ могъ спокойно ожидать будущаго. Правда, онъ былъ еще подверженъ аресту и охраняемъ стражею, но могъ жить по своему усмотрѣнію.

Когда затѣмъ Гай пріѣхалъ съ тѣломъ покойнаго Тиверія въ Римъ и, по римскому обычаю, устроилъ пышныя похороны, онъ хотѣлъ въ тотъ же самый день освободить Агриппу. Однако Антонія отговорила его отъ этого, впрочемъ не изъ нерасположенія къ арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гай не скомпрометировалъ себя и не навлекъ на себя обвиненіе будто онъ такъ обрадовался смерти Тиверія, что немедленно освободилъ человѣка, подвергнутаго покойнымъ императоромъ тюремному заключенію. Впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней Гай послалъ за Агриппой, велѣлъ его привести во дворецъ, поручилъ его заботамъ своего брадобрѣя и портного, а затѣмъ возложилъ ему на главу діадему и провозгласилъ его правителемъ тетрархіи Филиппа, къ которой онъ присоединилъ еще тетрархію Лисанія. Вмѣсто той желѣзной цѣпи, въ которую былъ закованъ Агриппа, онъ подарилъ ему золотую такого же вѣса. Начальникомъ стоявшей въ Іудеѣ римской кавалеріи онъ назначилъ Марилла.

11. На второмъ году правленія императора Гая (Калигулы) Агриппа просилъ разрѣшенія отправиться въ свои владѣнія, чтобы устроить тамъ дѣла свои. Затѣмъ онъ обѣщалъ возвратиться ко двору. Разрѣшеніе это было дано ему Гаемъ, и Агриппа поѣхалъ домой, куда, вопреки ожиданію всѣхъ, возвратился царемъ, причемъ наглядно показалъ людямъ, знавшимъ его нѣкогда въ бѣдности и теперь видѣвшимъ такое его благополучіе, насколько велика сила судьбы. Одни поздравляли его съ тѣмъ, что его надежды сбылись, другіе же не вѣрили всему этому.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Между тѣмъ сестра Агриппы, Иродіада, бывшая замужемъ за тетрархомъ Галилеи и Переи, Иродомъ, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что онъ занимаетъ гораздо болѣе высокое положеніе, чѣмъ ея мужъ, и вернулся покрытый почетомъ и богатый, тогда какъ ему нѣкогда пришлось спасаться бѣгствомъ отъ кредиторовъ. Она печалилась и

сердилась при такой перемѣнѣ въ положеніи брата, особенно же она была недовольна, когда видѣла Агриппу въ царскомъ облаченіи разъѣзжающимъ по улицамъ. Тутъ она не была въ состояніи скрыть свое неудовольствіе и зависть и уговаривала мужа отправиться въ Римъ и добиться тамъ подобныхъ же почестей. Она указывала на то, какъ трудно жить ей, если Агриппа, сынъ нѣкогда казненнаго роднымъ отцомъ своимъ Аристовула, человѣкъ, впавшій въ такую нужду, что люди изъ состраданія изо дня въ день доставляли ему все необходимое для жизни, человѣкъ, уѣхавшій отъ своихъ кредиторовъ, теперь вернулся домой царемъ, тогда какъ Иродъ, сынъ царя, которому самое происхожденіе даетъ право на занятіе такой высокой должности, сидитъ себѣ спокойно дома, оставаясь частнымъ человѣкомъ. «Если ты, Иродъ,—говорила она—раньше не огорчался тѣмъ, что занимаешь положеніе ниже отца своего, то теперь по крайней мѣрѣ воспользуйся своимъ царскимъ происхожденіемъ и не оставайся позади человѣка, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы онъ добился своею бѣдностью большаго, чѣмъ мы, такъ какъ мы можемъ многаго достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тѣхъ, кто вчера еще и позавчера жили благодаря твоему состраданію. Поѣдемъ въ Римъ и не будемъ щадить ни труда, ни денегъ, потому что нисколько не лучше копить деньги, чѣмъ добиться помощью ихъ царскаго престола».

2. Иродъ настойчиво отклонялъ это предложеніе, любя свой покой и подозрительно относясь къ шумной римской жизни. Иродіаду онъ старался отговорить отъ ея намѣренія. Въ виду этого послѣдняя однако еще болѣе приставала къ нему, настаивая на томъ, что необходимо пустить въ ходъ все, чтобы добиться царскаго престола. Она не раньше успокоилась, чѣмъ склонила его на свою сторону; впрочемъ, онъ не умѣлъ ей ни въ чемъ отказать и подчинялся ея рѣшеніямъ. Итакъ онъ приготовился къ отъѣзду, который обставилъ всевозможною пышностью, не щадя для этого денегъ, и отправился въ Римъ въ сопровожденіи Иродіады. Лишь только Агриппа узналъ объ ихъ намѣреніяхъ и приготовленіяхъ, какъ и самъ принялъ свои мѣры. Узнавъ объ ихъ отъѣздѣ, онъ отправилъ въ Римъ Фортуната, одного изъ своихъ вольноотпущенниковъ, которому вручилъ подарки для императора, а также письмо, направленное противъ Ирода. Остальное Фортунатъ при случаѣ долженъ былъ словесно сообщить Гаю. Фортунатъ поѣхалъ немедленно вслѣдъ за Иродомъ, и плаваніе его было столь благополучно, что онъ прибылъ къ императору единовременно съ Иродомъ. Послѣдняго онъ засталъ у Гая, которому Фортунатъ сейчасъ же

вручилъ письмо. Оба корабля единовременно пристали въ Дикеархеѣ. Гая они нашли въ кампанскомъ городкѣ Баяхъ, который отстоитъ отъ Дикеархеи на разстояніи пяти стадій. Тутъ въ Баяхъ находится цѣлый рядъ сооруженныхъ съ большими издержками императорскихъ виллъ, причемъ каждый государь старался при постройкѣ этихъ дворцовъ перещеголять своего предшественника. Въ этой мѣстности имѣются бьющіе изъ земли горячіе ключи, которые отличаются цѣлебными свойствами. Вообще, жизнь тутъ представляетъ много пріятнаго. Гай только что разговаривалъ съ Иродомъ, который явился къ нему раньше другихъ, какъ ему было подано письмо Агриппы, содержавшее обвиненія противъ Ирода. Дѣло въ томъ, что Агриппа обвинялъ послѣдняго въ участіи въ заговорѣ Сеяна при императорѣ Тиверіи [1] и въ заговорѣ съ пареянскимъ царемъ Артабаномъ, направленномъ противъ Гая. Онъ подкрѣплялъ свой доносъ указаніемъ, что въ арсеналѣ Ирода лежитъ заготовленное для 70,000 воиновъ оружіе. Гай, прочитавъ письмо, пришелъ въ безпокойство и спросилъ Ирода, правда ли то, что сказано въ письмѣ объ оружіи. Не имѣя возможности отрицать истину, Иродъ признался, что это такъ. Тогда Гай повѣрилъ также обвиненію въ соучастіи его въ заговорѣ, отнялъ у него тетрархію и присоединилъ ее къ царству Агриппы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставилъ послѣднему также всѣ деньги Ирода, котораго приговорилъ къ позорной ссылкѣ въ галльскій городъ Лугдунумъ [2]. Узнавъ, что Иродіада сестра Агриппы, императоръ вернулъ ей ея личныя средства и, полагая, что она не захочетъ раздѣлить печальную участь своего мужа, сказалъ, что отнынѣ защитникомъ ей будетъ братъ ея. Однако Иродіада отвѣтила на это: «Государь! Ты великодушно и милостиво предложилъ мнѣ исходъ, но мнѣ мѣшаетъ воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, раздѣлявшая съ нимъ все, когда онъ былъ счастливъ, теперь не считаю себя вправѣ бросить его при перемѣнѣ судьбы». Императоръ разсердился на нее за это великодушіе и приговорилъ ее къ ссылкѣ вмѣстѣ съ Иродомъ. Имущество ея онъ предоставилъ Агриппѣ. Такое наказаніе постигло Иродіаду отъ Господа Бога за ея зависть къ брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а онъ ее послушался.

Первый и слѣдующій годъ своего правленія Гай являлъ себя великодушнымъ государемъ и человѣкомъ мягкимъ, чѣмъ и заслужилъ глубокую любовь римлянъ и подчиненныхъ народовъ. Съ теченіемъ же времени онъ, благодаря своей власти, пересталъ считать себя обыкно-

[1] См. выше, Т. II, стр. 316.

[2] Теперешній Ліонъ.

венныиъ смертнымъ, самъ провозгласилъ себя божествомъ и вообще началъ всячески глумиться надъ Предвѣчнымъ [1].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Тѣмъ временемъ между александрійскими іудеями и жившими въ томъ же городѣ греками произошла распря, результатомъ которой было то, что къ императору Гаю явилось по депутаціи изъ трехъ выборныхъ съ той и съ другой стороны [2]. Въ числѣ представителей александрійскихъ гражданъ находился также нѣкій Апіонъ, который взводилъ на іудеевъ тяжкія обвиненія и между прочимъ утверждалъ, что они отказываются почитать императора. Всѣ-де, подданные римской имперіи говорилъ Апіонъ, воздвигаютъ въ честь Гая алтари и храмы и всюду почитаютъ его, какъ бога; одни только александрійскіе іудеи считаютъ позорнымъ воздвигать въ честь его статуи и клясться его именемъ. На эти гнусныя и тяжкія обвиненія, которыми Апіонъ естественно разсчитывалъ возстановить Гая противъ іудеевъ, готовился возражать главный представитель іудейской депутаціи, Филонъ, человѣкъ, пользовавшійся широкою извѣстностью, братъ алабарха Александра и большой знатокъ философіи. Но Гай не разрѣшилъ этого Филону и приказалъ ему удалиться. При этомъ императоръ былъ такъ озлобленъ, что очевидно замышлялъ что-то ужасное противъ іудеевъ. Филонъ, оскорбленный, удалился и сказалъ при этомъ своимъ товарищамъ-іудеямъ, что они не должны терять мужества, такъ какъ Гай на словахъ, правда, страшно озлобленъ противъ нихъ, но что на дѣлѣ онъ уже успѣлъ возстановить противъ себя Предвѣчнаго.

2. Разгнѣванный тѣмъ, что одни іудеи такъ презираютъ его, Гай послалъ въ Сирію легата Петронія, преемника Вителлія. Онъ приказалъ ему съ сильною ратью вторгнуться въ Іудею и, если іудеи добровольно уступятъ, воздвигнуть въ храмѣ Господнемъ его статую, если же они окажутъ сопротивленіе, сдѣлать это съ оружіемъ въ рукахъ. Принявъ начальство надъ Сиріею, Петроній поспѣшилъ исполнить порученіе императора. Онъ собралъ возможно больше союзническихъ войскъ, присоединилъ къ нимъ два римскихъ легіона и явился въ Птолемаиду на зимовку, чтобы весною начать правильную войну. Объ этихъ своихъ рѣшеніяхъ онъ написалъ Гаю. Послѣдній похвалилъ его за энергію и совѣтовалъ не уступать, но неуклонно преслѣдовать ослушниковъ войною. Между тѣмъ толпы іудеевъ являлись къ Петронію въ Птолемаиду, моля его не побуждать ихъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ и къ нарушенію древнихъ установленій. «Если тебѣ уже безусловно необходимо воздвигнуть статую (императора), говорили они, то дѣлай по своему, но сначала перебей насъ всѣхъ. Мы не въ состояніи допустить вещь, запрещенную намъ авторитетомъ законодателя нашего, а также нашими предками, которые въ этомъ запрещеніи видѣли главное побужденіе къ добродѣтели». Петроній, сдерживая гнѣвъ, отвѣтилъ: «Если бы я былъ императоромъ и постановилъ бы это самолично, то обращеніе ваше ко мнѣ имѣло бы смыслъ. Теперь же я, какъ уполномоченный государя, обязанъ всѣми силами исполнить его предначертанія, чтобы ослушаніемъ не навлекать на себя тяжкаго наказанія». «Такъ какъ, Петроній, таково твое рѣшеніе—сказали іудеи,—а именно не нарушать повелѣній Гая, то и мы сами не станемъ нарушать предписанія закона, которому мы, повинуясь Предвѣчному и памятуя о добродѣтели и трудахъ нашихъ предковъ, до сихъ поръ оставались вѣрны; мы не рѣшимся на гнусное нарушеніе тѣхъ предписаній, которыя, по постановленію Предвѣчнаго, должны принести намъ счастіе, и все это изъ страха передъ смертью. Поэтому мы попытаемъ счастья въ бою за соблюденіе нашихъ древнихъ установленій, и знаемъ, что разъ мы рѣшились подвергнуться опасности, у насъ будетъ надежда съ помощью Божіею на побѣду во славу Его, особенно, если мы ради Его рискнемъ на все это и подвергнемся военной судьбѣ. Если же мы послушаемся тебя, то навлечемъ на себя страшный позоръ трусости какъ по отношенію къ самому факту нарушенія законовъ, такъ и особенно тѣмъ, что вызовемъ неудержимый гнѣвъ Предвѣчнаго, котораго вѣдь и ты самъ признаешь болѣе могущественнымъ, чѣмъ Гая».

3. Видя изъ этихъ словъ непоколебимость іудеевъ и что ему безъ боя не удастся исполнить приказаніе Гая и воздвигнуть его статую лишь цѣною страшной рѣзни, Петроній рѣшилъ въ обществѣ своихъ приближенныхъ и слугъ отправиться въ Тиверіаду, чтобы ознакомиться съ настроеніемъ тамошнихъ іудеевъ. Сознавая всю опасность войны съ римлянами, но считая гораздо болѣе опаснымъ и преступнымъ нарушать законы, огромныя толпы іудеевъ и здѣсь встрѣтили Петронія по его прибытіи въ Тиверіаду. Они умоляли его не доводить ихъ до такой крайности и не осквернять города постановкою статуи. «Итакъ, воскликнулъ Петроній, вы желаете воевать съ императоромъ, не принимая во вниманіе его боевой готовности и своего собственнаго безсилія?» Іудеи отвѣчали: «Мы вовсе не

[1] Срв. Suet. Cal. 23 sqq. 52. Dio Cass. 59, 13, 17.

[2] Исторія посольства къ Калигулѣ подробно разсказана Филономъ въ его сочиненіяхъ: Adversus Flaccum и De legatione ad Gajum.

желаемъ войны; мы охотнѣе умремъ, чѣмъ нарушимъ законы». При этомъ они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Такъ поступали они въ теченіе сорока дней. При этомъ они окончательно запустили свои занятія земледѣліемъ, не смотря на то, что было время посѣва. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорѣе умереть, чѣмъ допустить постановку статуи.

4. При такомъ положеніи дѣлъ Аристовулъ, братъ царя Агриппы, и Хелкія Великій, въ сопровожденіи прочихъ знатныхъ членовъ семьи и главнѣйшихъ представителей народа, обратились къ Петронію съ просьбою, такъ какъ онъ видитъ рѣшимость народа, не доводить послѣдняго до изступленія, но написать Гаю, какъ толпа противится постановкѣ статуи, какъ она бросила даже земледѣльческія занятія, какъ она не желаетъ и не можетъ вступить въ войну, но охотнѣе соглашается умереть, чѣмъ преступить свои законы, и какъ по причинѣ невоздѣланности почвы явятся разбои неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого и невозможности платить повинности. Быть можетъ, Гай при такихъ условіяхъ оставитъ свою мысль о насильственномъ образѣ дѣйствій и не захочетъ погубить народъ во время возмущенія. Если же Гай всетаки будетъ настаивать на своемъ прежнемъ рѣшеніи начать войну, то и тогда Петроній сможетъ приняться за это дѣло. Такими представленіями товарищи Аристовула старались уговорить Петронія. Видя съ одной стороны столь серьезное отношеніе и настойчивыя просьбы ихъ, причемъ они не щадили средствъ убѣдить его, съ другой же стороны видя непоколебимость іудеевъ и считая большимъ грѣхомъ предъ Всевышнимъ пожертвовать жизнью столькихъ десятковъ тысячъ людей въ угоду сумасбродству Гая, Петроній, боясь также вѣчныхъ угрызеній совѣсти, рѣшилъ всетаки написать объ этомъ Гаю—о невозможности исполнить его приказаніе, хотя и былъ увѣренъ въ страшномъ гнѣвѣ императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть можетъ, Петроній разсчитывалъ также уговорить императора, а въ противномъ случаѣ уже, если тотъ будетъ настаивать на своемъ безумномъ мнѣніи, рѣшилъ начать войну съ іудеями. Даже если бы гнѣвъ императора обратился противъ него самого, Петроній готовъ былъ въ силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому онъ рѣшилъ послушаться іудеевъ, умолявшихъ его.

5. Созвавъ іудеевъ въ Тиверіаду (куда явились несмѣтныя толпы ихъ) и обратившись къ нимъ съ рѣчью, Петроній сказалъ, что теперешній шагъ онъ предпринимаетъ не по собственному желанію, но по повелѣнію императора, который приказалъ дать почувствовать его гнѣвъ немедленно всѣмъ тѣмъ, кто бы осмѣлился ослушаться его. Поэтому онъ,

Петроній, который достигъ такого почетнаго положенія, считаетъ своею обязанностью поступить вполнѣ согласно повелѣніямъ государя. «И тѣмъ не менѣе, продолжалъ онъ, я счелъ бы несправедливымъ пожертвовать своею личною безопасностью и своимъ почетнымъ положеніемъ ради васъ, которыхъ такъ много. Я преклоняюсь предъ величіемъ закона, который вы, благодаря его древности, считаете своею обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главнымъ образомъ предъ величіемъ и могуществомъ Всевышняго. Я не могу допустить, чтобы храмъ Его былъ оскверненъ дерзкимъ святотатствомъ правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесеніе о вашемъ рѣшеніи и по силѣ возможности поддержу васъ, чтобы доказать вамъ, что я соглашаюсь съ вашими, вполнѣ правильными взглядами. Предвѣчный же, могущество котораго выше всякаго человѣческаго начинанія и умѣнья, да поддержитъ васъ въ соблюденіи вами древнихъ законовъ и да предохранитъ его (Гая) отъ того, чтобы онъ въ своихъ нечеловѣческихъ требованіяхъ не лишился окончательно того почета, къ которому привыкъ. Если же Гай выйдетъ изъ себя и направитъ противъ меня всю силу гнѣва, я готовъ идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданію скорѣе, чѣмъ видѣть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, къ дѣламъ своимъ. Позаботьтесь о воздѣлкѣ земли. Самъ я пошлю въ Римъ и не упущу ни лично, ни чрезъ друзей своихъ никакого случая, чтобы добиться для васъ благопріятнаго результата».

6. Съ этими словами онъ отпустилъ іудеевъ, причемъ просилъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ принудить народъ къ занятію земледѣліемъ и успокоить его обѣщаніями всего лучшаго въ будущемъ. Такъ Петроній спѣшилъ ободрить народъ. Предвѣчный въ свою очередь явилъ Петронію свою помощь и заботливость во всемъ. Лишь только Петроній окончилъ разговоръ съ іудеями, Всевышній ниспослалъ сильный дождь. Это было большою неожиданностью, потому что съ самаго утра этого страшно жаркаго дня не было видно на небѣ ни одного облачка, да и жара въ теченіе цѣлаго года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видѣли на небѣ облачки. Когда поэтому теперь такъ неожиданно и внезапно полилъ сильный дождь, іудеи почерпнули въ этомъ надежду, что и Петронію удастся его ходатайство за нихъ. Самъ Петроній поразился еще больше, видя воочію, насколько Предвѣчный заботится объ іудеяхъ и какъ Онъ проявляетъ это; никто, даже если бы захотѣлъ, не могъ бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроній написалъ Гаю, должно было побудить императора къ перемѣнѣ

рѣшенія и заставить его отказаться отъ мысли довести до отчаянія столько тысячъ человѣкъ. При этомъ Петроній поставлялъ на видъ, что если Гай распорядится перебить ихъ всѣхъ (а по его мнѣнію было ясно, что они безъ борьбы не допустятъ нарушенія законовъ), онъ лишится доходовъ и подвергнетъ себя позору на вѣчныя времена. Затѣмъ Петроній охарактеризовалъ Гаю могущество Бога, покровительствующаго іудеямъ, какъ чрезвычайное, которое навѣрное не преминетъ вскорѣ же явить себя во всей своей силѣ.

Таковы были доводы Петронія.

7. Царь Агриппа, жившій пока еще въ Римѣ, все болѣе и болѣе сближался съ другомъ своимъ Гаемъ. Однажды Агриппа пригласилъ его обѣдать, причемъ постарался превзойти всѣхъ какъ расходами, такъ и роскошью блюдъ и всяческихъ удовольствій, такъ что, не говоря уже о другихъ, и самъ Гай не могъ бы, въ случаѣ желанія, не только превзойти его, но даже и помѣряться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Однимъ словомъ, Агриппа превзошелъ самого себя и сдѣлалъ все возможное въ угоду императору. Преклоняясь предъ его расположеніемъ къ нему и предъ великодушіемъ, съ которымъ Агриппа въ угоду ему принудилъ себя понести огромные, чрезмѣрные расходы, Гай, желая въ свою очередь не отставать отъ Агриппы и вознаградить его чѣмъ либо за доставленное ему удовольствіе, разгоряченный и развеселившійся отъ вина, которое ему постоянно подливалъ Агриппа за обѣдомъ, воскликнулъ: «Я и раньше чувствовалъ честь, которую ты мнѣ всегда оказывалъ, и знаю твою великую преданность мнѣ, выражавшуюся тобою съ личной опасностью при Тиверіи. И теперь ты ни въ чемъ не измѣнилъ своего ко мнѣ отношенія и стараешься даже выше силъ своихъ выказать мнѣ свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно, уступать тебѣ съ своей стороны въ подобномъ же рвеніи, желаю теперь наверстать упущенное. То, чѣмъ я до сихъ поръ одаривалъ тебя, конечно были сущіе пустяки. Теперь я хочу доставить тебѣ отъ всего сердца и по мѣрѣ силъ моихъ все, что могло бы сдѣлать счастье твое полнымъ». Гай говорилъ такимъ образомъ, предполагая, что Агриппа попроситъ себѣ обширной земельной собственности или доходовъ съ какихъ либо городовъ. Хотя у Агриппы была уже вполнѣ готова просьба, однако онъ пока умолчалъ о ней, а тотчасъ отвѣтилъ Гаю, что какъ въ прежнихъ его добрыхъ отношеніяхъ къ нему вопреки желанію Тиверія, такъ и въ теперешнемъ его добромъ расположеніи къ нему имъ, Агриппою, никогда не руководила мысль объ извлеченіи для себя какихъ либо выгодъ. То, что Гай далъ ему раньше,

уже является крупнымъ вознагражденіемъ, превосходящимъ всякія самыя смѣлыя надежды. «Даже если бы дары эти, сказалъ онъ, и были меньше, чѣмъ они есть то и въ такомъ случаѣ они всетаки явились бы слишкомъ большою наградою за мою любовь и заслуги предъ тобою».

Гай былъ пораженъ этою скромностью и сталъ настаивать, чтобы Агриппа сказалъ ему, чего онъ желаетъ. Тогда тотъ сказалъ: «Государь, такъ какъ ты столь милостиво считаешь меня достойнымъ награды, то я не стану просить тебя ни о чемъ такомъ, что имѣло бы въ виду мое обогащеніе; вѣдь я, благодаря твоему великодушію, и безъ того не бѣденъ. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая дастъ тебѣ славу человѣка благочестиваго, которая побудитъ Предвѣчнаго быть твоимъ защитникомъ во всѣхъ твоихъ начинаніяхъ и которою я смогу стяжать себѣ добрую намять у всѣхъ, кто о томъ узнаетъ; могу ли я разсчитывать на исполненіе съ твоей стороны моего желанія? Прошу тебя, откажись отъ мысли воздвигнуть твою статую въ іудейскомъ храмѣ, какъ ты о томъ послалъ распоряженіе Петронію».

8. Хотя Агриппа понималъ всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполненіе ея, то ему предстояла бы неизбѣжная смерть), однако онъ сознавалъ все значеніе ея и рѣшилъ попытаться счастія. Гай былъ очарованъ любезностью Агриппы, съ другой стороны не желалъ оказаться лжецомъ предъ столькими свидѣтелями, видѣвшими, какъ онъ самъ настаивалъ на просьбѣ Агриппы, и не хотѣлъ, чтобы эти люди подумали, будто онъ сейчасъ же раскаялся въ своемъ рѣшеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изумился сдержанности Агриппы, который отстранилъ на задній планъ личное счастіе въ видѣ ли денежныхъ доходовъ или другимъ какимъ либо способомъ, и выставилъ впередъ лишь общее благо, сохраненіе законовъ и поклоненіе Предвѣчному. Поэтому Гай согласился на исполненіе просьбы Агриппы и тотчасъ же отправилъ Петронію письмо, въ которомъ похвалилъ его за наборъ войска и за то, что онъ послалъ къ нему за совѣтомъ, какъ поступить дальше. Въ письмѣ этомъ между прочимъ было сказано:

«Если ты успѣлъ уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоитъ; если же ты не успѣлъ еще сдѣлать это, то не заботься дольше о томъ, но распусти войско и вернись къ тому дѣлу, ради котораго я тебя первоначально послалъ. Я не интересуюсь болѣе постановкою статуи и дѣлаю это въ угоду Агриппѣ, человѣку, котораго я слишкомъ высоко чту, чтобы могъ отказать ему въ какой либо просьбѣ».

Это письмо Гай написалъ Петронію раньше, чѣмъ получилъ его донесеніе

о томъ, что іудеи оказываютъ отчаянное сопротивленіе и открыто выражаютъ намѣреніе вступить въ борьбу съ римлянами. Получивъ это сообщеніе, Гай страшно разгнѣвался, что іудеи дерзнули испытать его могущество. Онъ былъ вообще человѣкомъ, которому все было безразлично, который не останавливался ни передъ чѣмъ, который, если озлоблялся противъ кого нибудь, уже не зналъ никакихъ предѣловъ, но находилъ удовольствіе лишь въ удовлетвореніи своей злобы. Поэтому онъ послалъ Петронію слѣдующій отвѣтъ: «Такъ какъ ты оцѣнилъ дары, преподнесенные тебѣ іудеями, выше моихъ приказаній и осмѣлился въ угоду имъ ослушаться моихъ повелѣній, то я повелѣваю тебѣ самому быть своимъ судьею и рѣшить, какъ тебѣ слѣдуетъ поступить, дабы почувствовать мой гнѣвъ. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила урокомъ для всѣхъ въ настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаній своего государя».

9. Такое письмо написалъ Гай Петронію. Однако послѣдній не получилъ его при жизни Гая, такъ какъ путешествіе тѣхъ, кому была поручена доставка этого письма, затянулось и Петроній раньше получилъ другое письмо съ извѣстіемъ о смерти Гая. Господь Богъ не забылъ объ опасностяхъ, которымъ добровольно подвергъ себя Петроній въ угоду іудеямъ и во славу Божію, но далъ ему удовлетвореніе тѣмъ, что въ гнѣвѣ своемъ низвергъ Гая за его дерзкую попытку объявить себя божествомъ. Вмѣстѣ съ Петроніемъ были довольны и Римъ и вся имперія, особенно же выдающіеся сенаторы, противъ которыхъ необузданно свирѣпствовалъ Гай. Послѣдній умеръ не долго спустя послѣ отправки Петронію письма съ приказаніемъ ему покончить самоубійствомъ. О причинѣ смерти Гая и о характерѣ составленнаго противъ него заговора я поговорю впослѣдствіи. Петроній сперва получилъ письмо, извѣщавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, въ которомъ ему предписывалось покончить самоубійствомъ. Онъ былъ доволенъ гибелью, постигшею Гая, и изумлялся Провидѣнію, которое вознаградило его такъ быстро за оказанное имъ Господу Богу почтеніе и за спасеніе храма и іудеевъ. Такимъ образомъ Петроній избѣгъ, самъ того не зная, смертельной опасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Тѣмъ временемъ жившихъ въ Месопотаміи и главнымъ образомъ въ Вавилонѣ іудеевъ постигло страшное, необычайное бѣдствіе, выразившееся въ томъ, что многіе изъ нихъ были перерѣзаны такъ, какъ раньше не бывало тому примѣра въ исторіи. Чтобы въ точности разсказать о всемъ

этомъ, мнѣ придется изложить причины, повелшія къ такому несчастію. Въ Вавилоніи находится городъ Наардея, крайне оживленный, обладающій отличною и обильною землею. Ко всѣмъ прочимъ преимуществамъ присоединялось еще и то, что тамъ былъ избытокъ населенія. Городъ этотъ недоступенъ врагамъ, такъ какъ рѣка Евфратъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ его и онъ, кромѣ того, защищенъ стѣнами. Въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ находится на той же рѣкѣ городъ Низибисъ. Уповая на укрѣпленность своихъ городовъ, тамошніе іудеи удерживали у себя двойныя драхмы, которыя законъ предписываетъ отдавать Предвѣчному [1], равно какъ не посылали никакихъ другихъ жертвенныхъ даровъ, и смотрѣли на свои города, какъ на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случаѣ посылались въ Іерусалимъ, причемъ огромныя тысячныя толпы людей сопровождали эту доставку денегъ изъ боязни предъ грабежами парѳянъ, которымъ Вавилонія платила дань. Въ это время въ Наардеѣ жило два брата, Асиней и Анилей. Такъ какъ они (рано) лишились отца, то мать пріучила ихъ ткать, тѣмъ болѣе, что въ этомъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, не было ничего позорнаго; у нихъ мужчины даже прядутъ шерсть. Однажды мастеръ, у котораго они учились, сталъ выговаривать имъ за ихъ опаздыванія на работу и затѣмъ подвергъ ихъ тѣлесному наказанію. Юноши приняли это за личное оскорбленіе, собрали все, хранившееся у нихъ въ домѣ оружіе, и отправились въ такое мѣсто, гдѣ рѣка раздѣляется на два рукава; тутъ были отличныя пастбища и множество хлѣба, запасеннаго на зиму.

Къ нимъ собрались всѣ негоднѣйшіе юноши; имъ братья роздали оружіе, сами стали во главѣ ихъ и не переставали руководить ими при совершеніи всевозможныхъ гнусностей. Уповая на недоступность своего убѣжища и соорудивъ себѣ укрѣпленіе, братья стали посылать товарищей къ сосѣднимъ пастухамъ съ предложеніемъ выплачивать извѣстную дань овцами, которыя могли бы имъ служить пищею. При этомъ они обѣщали, въ случаѣ повиненія, жить съ пастухами въ дружбѣ и ограждать ихъ отъ всѣхъ враговъ, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить ихъ стада въ случаѣ отказа. Такъ какъ при такихъ условіяхъ не было выбора, то пастухи послушались и послали имъ столько скота, сколько тѣ отъ нихъ потребовали. Такимъ образомъ силы юношей крѣпли и они были въ состоя-

[1] Каждый совершеннолѣтній іудей долженъ былъ ежегодно на пасхѣ доставлять въ іерусалимскій храмъ полъ-сикла (двѣ драхмы) или 60 коп. на наши деньги.

нiи внезапными нападенiями вредить кому угодно по личному своему усмотрѣнiю. Всякiй, кто имѣлъ съ ними дѣло, старался задобрить ихъ, а они наводили страхъ даже на смѣльчаковъ. Молва о нихъ дошла наконецъ до пароянскаго царя.

2. Тогда вавилонскiй сатрапъ, узнавъ объ этомъ и желая подавить мятежниковъ въ самомъ корнѣ раньше, чѣмъ они успѣли бы натворить бѣдъ, собралъ возможно большее войско изъ пароянъ и вавилонянъ и ринулся на нихъ, имѣя въ виду нагрянуть на нихъ врасплохъ, пока они еще не узнали о готовящемся на нихъ походѣ. Онъ тихо оцѣпилъ низменность и спокойно дожидался слѣдующаго дня. То была суббота, когда iудеи отдыхаютъ отъ трудовъ. Полагая, что враги въ этотъ день не рѣшатся вступить съ нимъ въ бой и что ему придется лишь схватить и перевязать ихъ, онъ понемногу началъ подвигаться впередъ, имѣя въ виду затѣмъ сразу неожиданно нагрянуть на нихъ. Въ это время Асиней сидѣлъ со своими товарищами въ сторонѣ, причемъ оружiе лежало вблизи ихъ. Вдругъ Асиней воскликнулъ: «Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободѣ, а такихъ, на которыхъ сидятъ всадники; при этомъ я слышу лязгъ удилъ, боюсь, какъ бы враги не застали насъ врасплохъ и не окружили насъ. Пусть кто нибудь выйдетъ впередъ соглядатаемъ, чтобы принести точную вѣсть о случившемся; я желалъ бы, чтобы мое предположенiе оказалось ложнымъ».

Такъ онъ говорилъ и немедленно нѣкоторые изъ его товарищей пошли удостовѣриться. Впрочемъ, они весьма быстро вернулись и сказали: Ты нисколько не ошибся относительно дѣйствiя враговъ, которые болѣе не желаютъ, чтобы мы дольше издѣвались надъ ними. Они насъ застигли хитростью и теперь нагрянутъ на насъ съ такою огромною ратью, что перебьютъ насъ какъ скотъ, причемъ мы оказываемся безсильными что нибудь подѣлать, такъ какъ нашъ законъ повелѣваетъ намъ воздерживаться отъ всякаго труда въ сегодняшнiй день. Однако Асиней не раздѣлялъ мнѣнiя лазутчиковъ на этотъ счетъ, но считалъ болѣе разумнымъ мужественно нагрянуть на враговъ, чѣмъ спокойно дать убить себя; поэтому онъ предпочелъ прибѣгнуть въ такой крайности къ силѣ, на которую его побуждали обстоятельства; онъ рѣшился даже переступить законъ и готовъ былъ въ случаѣ необходимости умереть. Послѣ этого онъ взялся за оружiе и тѣмъ подалъ примѣръ смѣлости и храбрости своимъ товарищамъ. Итакъ они ринулись на враговъ, перебили множество ихъ, которые столь безпечно разсчитывали на легкую побѣду, и обратили въ бѣгство остальныхъ.

3. Между тѣмъ пароянскiй царь, получивъ извѣстiе объ этомъ сраженiи и удивившись мужеству братьевъ, пожелалъ лично повидать ихъ и поговорить съ ними. Поэтому онъ послалъ къ нимъ самаго вѣрнаго своего тѣлохранителя съ слѣдующимъ порученiемъ: «Царь Артабанъ, хотя вы и позволили себѣ нанести дерзкое оскорбленiе ему и его странѣ, готовъ, однако, подавить свой гнѣвъ ради вашей доблести; онъ прислалъ меня предложить вамъ вступить съ нимъ въ союзъ, и съ этою цѣлью предоставляетъ вамъ безопасный проѣздъ по всѣмъ его дорогамъ и проситъ дружественно явиться къ нему безъ обмана и коварства. При этомъ онъ вамъ обѣщаетъ подарки и такой почетъ, который вамъ при вашемъ теперешнемъ положенiи будетъ особенно полезенъ, благодаря могуществу царя». Между тѣмъ Асиней самъ не рѣшился ѣхать, а послалъ своего брата Анилея съ дарами, какiе могъ набрать. Тотъ отправился и вскорѣ предсталъ предъ царемъ. Артабанъ, увидавъ одного только Анилея, спросилъ его о причинѣ отсутствiя Асинея. Узнавъ, что тотъ остался въ своей низинѣ изъ опасенiя, царь сталъ клясться всѣми богами, что онъ никогда не обидитъ никого, кто явится къ нему, полагаясь на его слово. При этомъ онъ протянулъ ему правую руку, что служитъ у всѣхъ варваровъ доказательствомъ величайшаго довѣрiя. Никто изъ нихъ, давъ правую руку, никогда не счелъ бы себя вправѣ обмануть другого и никто не сомнѣвается въ своей безопасности, если получитъ это доказательство вѣрности со стороны тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ бы въ желанiи причинить ему зло. Поступивъ такимъ образомъ съ Анилеемъ, Артабанъ отослалъ его назадъ къ брату для того, чтобы онъ уговорилъ его прiѣхать къ нему. Все это царь сдѣлалъ, имѣя въ виду воспользоваться доблестью этихъ iудейскихъ братьевъ въ свою пользу, а именно думая сдѣлать изъ нихъ себѣ оплотъ противъ своихъ собственныхъ сатрапiй, которыя уже возмутились или собирались возмутиться. Въ такомъ случаѣ онъ думалъ выпустить ихъ противъ сатрапiй; съ другой же стороны онъ боялся, что если будетъ принужденъ къ войнѣ противъ мятежниковъ, Асиней и вавилоняне лишь укрѣпятся въ своемъ могуществѣ, при первомъ слухѣ о войнѣ сами начнутъ непрiязненныя дѣйствiя и въ крайнемъ случаѣ не упустятъ возможности по мѣрѣ силъ разорить страну.

Съ такими разсчетами Артабанъ отправилъ Анилея. Послѣднiй крайне убѣдительно разсказалъ брату о любезности царя, вообще въ особенности же о данной имъ клятвѣ. Въ результатѣ оба поѣхали къ Артабану.

Послѣднiй принялъ ихъ съ большимъ удовольствiемъ и удивился Аси-

нею, который выказалъ такое геройство духа, тогда какъ на видъ былъ такъ малъ и настолько ничтоженъ, что вызывалъ во всѣхъ чувство презрѣнія. При этомъ царь сказалъ друзьямъ своимъ: «Онъ очевидно обладаетъ душою гораздо болѣе величественною, чѣмъ его тѣло». Во время пиршества царь указалъ на Асинея Авдагасу, начальнику своихъ тѣлохранителей, и сказалъ, какой онъ славный герой и какую доблесть обнаруживаетъ на войнѣ. Однако Авдагасъ просилъ царя разрѣшить ему убить этого человѣка и тѣмъ воздать ему за все то зло, которое онъ причинилъ странѣ пареянской. На это царь отвѣтилъ: «Не могу же я дать тебѣ такое разрѣшеніе по отношеніи къ человѣку, довѣрившемуся моему слову, человѣку, которому кромѣ того я далъ свою правую руку и которому поклялся именемъ боговъ. Но если ты толковый человѣкъ, то не заставишь меня прибѣгнуть къ нарушенію клятвы и самъ постараешься отомстить за попранную пареянскую страну. Поэтому, когда онъ поѣдетъ назадъ, ты нападй на него и безъ моего вѣдома расправься съ нимъ. На зарѣ царь послалъ за Асинеемъ и сказалъ ему: «Юноша, теперь пора тебѣ вернуться восвояси уже для того, чтобы не возбудить въ нѣкоторыхъ здѣшнихъ полководцахъ зависти и не вызывать въ нихъ желанія помимо моего вѣдома расправиться съ тобою. Я тебѣ предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее отъ грабежей и отъ всякихъ бѣдствій. Я считаю себя вправѣ видѣть въ тебѣ своего друга, такъ какъ я поклялся въ своей вѣрности, при этомъ ни въ какихъ нибудь мелкихъ дѣлахъ, а въ серьезномъ вопросѣ, касающемся твоей личной безопасности. Съ этими словами онъ вручилъ ему дары и немедленно отпустилъ Асинея. По возвращеніи послѣдняго на родину онъ принялся за сооруженіе крѣпостей и за укрѣпленіе запущенныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ онъ вскорѣ достигъ большого могущества, какого раньше не достигалъ никто, кто собственною смѣлостью добился столь высокаго положенія. Также и пареянскіе полководцы, которые посылались въ его распоряженіе, весьма раболѣпствовали передъ нимъ. Малымъ сравнительно съ ихъ почетомъ казался почетъ, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Такимъ образомъ Асиней достигъ величайшаго могущества: всѣ дѣла Месопотаміи сосредоточились въ его рукахъ и это счастіе его длилось пятнадцать лѣтъ.

5. Несмотря на такую удачу братьевъ, въ концѣ-концовъ и ихъ начали постигать бѣдствія, главнымъ образомъ потому, что они обратили свою добродѣтель, при помощи которой достигли такой великой власти, въ насмѣшку, рѣшившись ради удовлетворенія своихъ страстей и

удовольствія преступить древнія узаконенія. Дѣло въ томъ, что въ ихъ страну прибылъ нѣкій пареянскій военачальникъ; онъ привезъ съ собою и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотою своего стана вызывала всюду удивленіе. О красотѣ ея либо узналъ, либо лично въ ней убѣдился Анилей, братъ Асинея; онъ въ нее безумно влюбился и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ у него не было никакой надежды овладѣть этою женщиной иначе какъ силою; а съ другой стороны онъ никакъ не могъ противостоять своей страсти. Поэтому немедленно мужъ ея былъ признанъ врагомъ Анилея и лишь только между ними произошелъ поединокъ, въ которомъ конечно палъ мужъ, женщина должна была насильно выдти за Анилея. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вошла въ домъ братьевъ и принесла въ одинаковой мѣрѣ горе какъ Анилею такъ и Асинею, и причиною этого послужило слѣдующее обстоятельство. Когда она послѣ смерти мужа была захвачена насильно, то принесла съ собою также изображенія боговъ, которыхъ почитали она и ея мужъ. У жителей тѣхъ мѣстъ въ обычаѣ держать въ домахъ божковъ и брать ихъ съ собою во время путешествій; такъ и она привезла ихъ собою по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этимъ божкамъ втайнѣ, когда же стала женою Анилея, она стала попрежнему почитать ихъ и воздавать имъ тѣ почести, которыя воздавала при первомъ мужѣ. Тогда наиболѣе приближенныя къ брату лица стали укорять Анилея, что онъ нарушаетъ еврейскія постановленія и глумится надъ ихъ закономъ, взявъ себѣ въ жены иностранку, которая отвергаетъ жертвоприношенія и установленное богопочитаніе. Пусть онъ смотритъ, какъ бы ему въ погонѣ за удовольствіями не пришлось потерять власть, которая теперь благодаря Господу Богу достигла такого значенія. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убилъ даже одного изъ наиболѣе почитаемыхъ воиновъ за то, что онъ позволилъ себѣ слишкомъ вольныя рѣчи. Умирая за законы, этотъ воинъ сталъ взывать къ Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асинея, и просилъ послать остальнымъ товарищамъ такой же конецъ отъ руки враговъ. Такая месть должна была постигнуть братьевъ за то, что они подали примѣръ беззаконій, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такія его страданія за глумленіе надъ закономъ. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучія исключительно благодаря могуществу братьевъ. Когда же они услыхали, что среди нихъ происходитъ культъ пареянскихъ божествъ, они не сочли возможнымъ дольше допускать та-

кое глумленіе Анилея надъ законами. Поэтому они въ громадномъ количествѣ явились къ Асинею и громко требовали отъ Асинея, чтобы онъ, если раньше не съумѣлъ соблюсти своихъ интересовъ, теперь по крайней мѣрѣ вернулся на путь истинный раньше, чѣмъ его преступленіе станетъ причиною гибели какъ для него, такъ и для всѣхъ остальныхъ. Затѣмъ они жаловались на то, что бракъ его съ этою женщиною заключенъ противъ ихъ законовъ и обычаевъ, и говорили, что культъ этой женщины направленъ къ обезчещенію Господа Бога.

Асиней и самъ зналъ прекрасно, что преступленіе его брата является и явится причиною великихъ бѣдствій; впрочемъ онъ ничего не сдѣлалъ, уступая родственному чувству, противъ брата, который былъ охваченъ такою сильною страстью. Но когда ежедневно товарищи все въ большемъ числѣ стали приставать къ нему и все громче жаловаться на брата, онъ обратился къ Анилею съ соотвѣтственными представленіями и сталъ порицать его за прежніе его поступки, потребовалъ прекращенія этихъ безобразій на будущее время и велѣлъ отослать жену къ ея родственникамъ. Однако онъ этимъ ничего не достигъ; напротивъ, женщина узнавъ, что народъ волнуется изъ-за нея и, боясь какъ бы Анилей не пострадалъ изъ-за любви къ ней, подсыпала Асинею въ пищу яду и такимъ образомъ освободилась отъ этого человѣка. При этомъ она не безпокоилась о послѣдствіяхъ своего поступка, такъ какъ судить ее пришлось бы ея же сожителю.

6. Ставъ такимъ образомъ единовластнымъ правителемъ, Анилей задумалъ идти походомъ на нѣкоего Митридата, человѣка, занимавшаго въ странѣ парѳянской высокое положеніе и женатаго на дочери царя Артабана. Это владѣніе онъ подвергъ разграбленію, при чемъ захватилъ здѣсь массу денегъ, рабовъ, скота и многаго другого, что можетъ сдѣлать жизнь человѣка пріятною. Находившійся по близости Митридатъ, узнавъ о захватѣ своихъ владѣній, страшно разсердился на то, что Анилей безъ всякаго повода и не взирая на его высокое положеніе вздумалъ обидѣть его; потому онъ набралъ какъ можно болѣе всадниковъ и притомъ наилучшихъ и явился во главѣ ихъ, чтобы начать непріятельскія дѣйствія противъ Анилея. Прибывъ къ одной изъ своихъ деревень, онъ расположился здѣсь на отдыхъ, имѣя въ виду на слѣдующій день вступить въ бой, такъ какъ слѣдующій день была суббота, которую іудеи обыкновенно проводятъ въ бездѣйствіи. Анилей узналъ о томъ отъ нѣкоего сирійца, жителя другой деревни; этотъ человѣкъ между прочимъ сообщилъ ему все въ точности, а также указалъ ему мѣсто, гдѣ Митридатъ собирался ужинать; поэтому Анилей, накормивъ своихъ солдатъ заранѣе, ночью двинулся впередъ

въ расчетѣ застигнуть парѳянъ врасплохъ. Около четвертой стражи [1] онъ напалъ на враговъ, когда тѣ еще спали, перебилъ многихъ изъ нихъ, а остальныхъ обратилъ въ бѣгство. При этомъ онъ захватилъ Митридата живьемъ, посадилъ его голаго на осла и повезъ съ собою, а это у парѳянъ считается величайшимъ безчестіемъ. Приведя его затѣмъ въ такомъ жалкомъ видѣ въ лѣсъ, Анилей долженъ былъ приложить всѣ старанія отговорить товарищей своихъ, которые требовали смерти Митридата. Онъ указалъ имъ на то, насколько не хорошо убивать человѣка, занимающаго у парѳянъ столь высокое положеніе, притомъ особенно высоко чтимаго у царя, благодаря родству съ нимъ. Теперь дѣло еще возможно поправить, потому что, если Митридатъ и подвергся оскорбленію, то онъ всетаки будетъ относиться съ благодарностью къ тѣмъ, кто спасъ ему жизнь. Если же онъ подвергнется гибели, царь конечно не задумается устроить великую рѣзню среди вавилонскихъ іудеевъ. Послѣднихъ однако слѣдуетъ пощадить какъ изъ родственныхъ чувствъ, такъ и потому, что если приключится какая нибудь неудача, они лишатся послѣдняго убѣжища, тѣмъ болѣе, что цвѣтъ іудейскаго юношества уже призванъ подъ знамена. Такъ разсуждалъ Анилей и убѣдилъ собраніе, которое отпустило Митридата.

Когда послѣдній вернулся домой, жена встрѣтила его упреками и спросила его, неужели онъ, зять царя, такъ спокойно отнесется къ нанесенному оскорбленію и не подумаетъ отомстить обидчикамъ своимъ, удовлетворившись тѣмъ, что избѣгъ плѣна у іудеевъ. «Поэтому вернись теперь сказала она, къ своей прежней доблести или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой». Тогда Митридатъ, не будучи въ состояніи выносить изо дня въ день постоянныя глумленія, а съ другой стороны зная гордость жены и боясь расторженія брака съ нею, противъ воли и неохотно рѣшился собрать по возможности большое войско и двинулся во главѣ его на враговъ. При этомъ онъ рѣшилъ скорѣе погибнуть, чѣмъ попасть въ руки іудеевъ.

7. Когда Анилей узналъ, что Митридатъ приближается къ нему во главѣ огромнаго войска, онъ счелъ постыднымъ оставаться въ своихъ низинахъ, а не выступить на встрѣчу врагамъ. Поэтому онъ, полагаясь на прежнія свои удачи, разсчитывалъ и теперь справиться съ врагами и думалъ, что по обыкновенію возбудитъ мужество своихъ воиновъ. Такимъ образомъ онъ двинулъ впередъ свою рать. Къ его войску пристали многія лица въ разсчетѣ поживиться на чужой счетъ во время

[1] Между тремя и шестью часами ночи.

грабежа; кромѣ того, эти люди думали устрашить враговъ своимъ внѣшнимъ видомъ. Они прошли около 90 стадій [1], причемъ путь ихъ лежалъ по безводной мѣстности, былъ полдень и ихъ страшно мучила жажда. Тутъ то внезапно появился Митридатъ и нагрянулъ на нихъ, истощенныхъ жаждой и потому не бывшихъ въ состояніи въ такую жару даже нести оружіе. Началось постыдное бѣгство людей Анилея, такъ какъ имъ утомленнымъ приходилось сражаться съ бодрымъ непріятелемъ. Произошла страшная рѣзня и много десятковъ тысячъ народа пало.

Анилей съ трудомъ собралъ остатки войска и спасся бѣгствомъ въ лѣсъ. Этимъ онъ доставилъ большую радость Митридату, который одержалъ такую побѣду. Впрочемъ, къ Анилею вскорѣ собралось огромное количество всякаго сброда, который нисколько не дорожилъ своею безопасностью, но искалъ лишь минутной удачи. Конечно, эти люди нѣсколько заполнили ряды его порѣдѣвшаго войска, но они не могли сравниться съ павшими, благодаря своей полной неподготовленности; впрочемъ, онъ съ ними нагрянулъ на вавилонскія деревни и подвергъ ихъ полному опустошенію. Тогда вавилоняне и прочіе участники войны послали въ городъ Наарду къ жившимъ тамъ іудеямъ съ требованіемъ выдать имъ Анилея. Это было тщетное желаніе, потому что іудеи, даже если бы и хотѣли, не имѣли возможности выдать его; поэтому они предложили заключить миръ. Такъ какъ и тѣ желали мира, то они вмѣстѣ съ вавилонянами послали людей къ Анилею для переговоровъ. Вавилоняне, лично осмотрѣвъ и изучивъ то мѣсто, гдѣ расположился станомъ Анилей, ночью тайно напали на опьяненныхъ и покоившихся въ глубокомъ снѣ враговъ и безъ труда перебили всѣхъ и въ томъ числѣ Анилея.

8. Такимъ образомъ вавилоняне освободились отъ столь тягостнаго имъ сосѣда, который до сихъ поръ служилъ имъ препятствіемъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ іудеевъ. Съ послѣдними они всегда сильно ссорились вслѣдствіе разности религіозныхъ установленій и обѣ стороны старались дѣлать другъ другу непріятности. Поэтому теперь съ гибелью Анилея вавилоняне набросились на іудеевъ. Послѣдніе боялись насилія со стороны вавилонянъ и, не будучи въ состояніи оказать имъ сопротивленіе въ открытомъ бою, а съ другой стороны считая невозможнымъ жить съ ними, ушли въ Селевкію, одинъ изъ наиболѣе выдающихся городовъ, основанный Селевкомъ Никаторомъ. Населеніе этого города составляютъ въ большомъ числѣ македоняне, а еще въ большемъ греки; также имѣется тамъ значительное

[1] 17 верстъ.

ассирійское населеніе. Въ этотъ городъ бѣжали іудеи; тутъ они въ теченіе пяти лѣтъ жили спокойно, на шестой же годъ въ Вавилонѣ появилась среди нихъ чума. Вслѣдствіе этого въ Селевкію пришли новые іудеи. Ихъ постигло тогда болѣе крупное бѣдствіе, о которомъ я сейчасъ разскажу.

9. Между греками и сирійцами Селевкіи происходили постоянные споры и разногласія, причемъ однако побѣдителями всегда оставались греки. Теперь же, когда въ этотъ городъ переселились іудеи, перевѣсъ оказался на сторонѣ сирійцевъ, потому что къ нимъ примкнули іудеи, привыкшіе къ опасности и отличавшіеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они въ меньшинствѣ, и считая единственнымъ средствомъ къ возстановленію своего прежняго значенія по силѣ возможности разъединеніе іудеевъ и сирійцевъ, вступили въ переговоры съ тѣми сирійцами, съ которыми они раньше были близки, и обѣщали имъ миръ и дружбу. Тѣ охотно на это согласились. Такимъ образомъ обѣ стороны вступили въ переговоры, которые вели наиболѣе выдающіеся представители той и другой партіи. Вскорѣ состоялось полное соглашеніе. Послѣ этого, желая дать другъ другу вѣское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью къ іудеямъ, напали на нихъ неожиданно и перебили свыше 50,000 человѣкъ. Такимъ образомъ погибли всѣ іудеи, кромѣ тѣхъ, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бѣжать близкіе сосѣди. Бѣглецы направились въ Ктесифонъ, городъ съ греческимъ населеніемъ, недалеко отъ Селевкіи. Тутъ царь обыкновенно проводилъ зиму и здѣсь у него были собраны значительные запасы. Впрочемъ, и тутъ они не могли долго оставаться, потому что селевкійцы не питали никакого уваженія къ своему царю. Такимъ образомъ все тамошнее іудейское населеніе дрожало передъ вавилонянами и селевкійцами, тѣмъ болѣе, что всѣ жившіе въ тѣхъ мѣстахъ сирійцы соединились съ селевкійцами съ цѣлью истребить іудеевъ. Поэтому многіе іудеи ушли въ Наарду и въ Низибисъ изъ за безопасности въ этихъ городахъ и руководствуясь тѣмъ, что тамъ была сосредоточена масса воиновъ. Таково было положеніе вавилонскихъ евреевъ.

КНИГА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе.

Содержаніе книги обнимаетъ время въ три года и шесть мѣсяцевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Императоръ Гай не только выказывалъ сумасбродство относительно іерусалимскихъ и прочихъ жившихъ въ тѣхъ мѣстахъ іудеевъ, но и въ своемъ безуміи свирѣпствовалъ по всему протяженію римской имперіи, на сушѣ и на морѣ, преисполняя міръ тысячами такихъ бѣдствій, о которыхъ никогда раньше не было слышно. Наиболѣе чувствовалъ его гнетъ городъ Римъ, который онъ нисколько не выдѣлялъ изъ числа прочихъ городовъ; тутъ онъ своевольно обращался со всѣми гражданами и особенно съ сенаторами, главнымъ же образомъ съ тѣми, которые принадлежали къ числу патриціевъ и пользовались почетомъ за знатное происхожденіе. Онъ ревностно преслѣдовалъ сословіе всадниковъ, которые пользовались особеннымъ почетомъ и значеніемъ, благодаря своимъ деньгамъ, и которые почитались одинаково съ сенаторами; изъ числа ихъ поэтому пополнялись члены сената. Этихъ людей онъ подвергалъ безчестію и изгнанію, убивалъ ихъ и присвоивалъ ихъ имущество. Вообще всѣ эти казни въ большинствѣ случаевъ имѣли въ виду разграбленіе имущества казненныхъ. Онъ требовалъ себѣ божественныхъ почестей и желалъ, чтобы подданные его поклонялись ему, какъ Богу. Придя въ храмъ Зевса, который римляне называютъ Капитоліемъ и считаютъ наиболѣе священнымъ капищемъ своимъ, онъ осмѣлился назвать Зевса братомъ Въ прочихъ его поступкахъ также сказывалось безуміе. Такъ, напр., считая лишнимъ проѣзжать на кораблѣ отъ кампанскаго города Дикеархеи до другого приморскаго города Мисена и вообще признавая себя владыкою моря и земли и потому считая себя вправѣ требовать отъ нихъ покорности, онъ соединилъ эти города, находящіеся на разстояніи тридцати стадій, мостомъ и оставилъ такимъ образомъ въ сторонѣ весь заливъ, и ѣздилъ по мосту въ колесницѣ, утѣшая себя тѣмъ, что ему, какъ богу, такъ подобаетъ путешествовать. Онъ не оставилъ ни одного греческаго храма безъ разграбленія; вездѣ гдѣ находились какіе-нибудь рисунки или изваянія или утварь, онъ приказывалъ привозить все это къ нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться въ красивѣйшемъ мѣ-

стѣ, а такимъ является городъ Римъ. Похищенными такимъ образомъ вещами онъ украшалъ дворецъ и свои сады, а также свои многочисленныя разсѣянныя по всей Италіи виллы. Онъ даже распорядился перевезти въ Римъ статую почитаемаго греками Зевса Олимпійскаго, работы аѳинянина Фидія. Впрочемъ, это намѣреніе его не было приведено въ исполненіе, такъ какъ архитекторы сказали Манлію Регулу, которому была поручена перевозка статуи, что изваяніе сломается, если его вздумаютъ сдвинуть съ мѣста.

Говорятъ, что Манлій по этой причинѣ, а также потому, что ему явились во снѣ необыкновенныя знаменія, отказался отъ своего намѣренія и написалъ Гаю извиненіе, что не можетъ исполнить его порученіе. Въ результатѣ онъ конечно подвергся бы казни, если бы его не спасла неожиданная кончина Гая.

2. Сумасбродство императора достигло такой степени, что когда у него родилась дочь, онъ снесъ ее на Капитолій и положилъ на колѣни статуи Юпитера, увѣряя, что этотъ ребенокъ въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ какъ ему, такъ и Юпитеру, что у нея, значитъ, двое отцовъ и что онъ, Гай, поэтому оставляетъ вопросъ открытымъ, кто изъ нихъ обоихъ является болѣе могущественнымъ. Между тѣмъ народъ спокойно взиралъ на такіе его поступки. Гай также позволилъ рабамъ выступать съ какими угодно обвиненіями противъ своихъ хозяевъ; конечно все, что они говорили, было ужасно, потому что въ угоду Гаю и по его понужденію ими возбуждались страшнѣйшія обвиненія. Дѣло дошло даже до того, что нѣкій рабъ Полидевкъ рѣшился выступить съ обвиненіемъ противъ Клавдія, и Гай не постѣснился явиться послушать судебное разбирательство по дѣлу своего родственника; онъ питалъ даже надежду найти теперь предлогъ избавиться отъ Клавдія. Однако это дѣло у него не выгорѣло, ибо онъ преисполнилъ все свое государство навѣтами и зломъ, а такъ какъ онъ сильно возстановилъ рабовъ противъ господъ, то теперь во множествѣ стали возникать противъ него заговоры, при чемъ одни участвовали въ нихъ, желая отомстить за испытанныя бѣдствія, другіе же считали нужнымъ избавиться отъ этого человѣка раньше, чѣмъ онъ ввергъ бы ихъ въ большія бѣдствія. Поэтому смерть его была бы по законамъ всѣхъ народовъ всякому желательна, особенно же нашему народу, который чуть не погибъ, если бы смерть Гая не наступила такъ быстро. Я желаю подробно разсказать о немъ особенно потому, что этотъ разсказъ долженъ возбудить во всѣхъ, которые находятся въ какомъ нибудь стѣсненіи, большую увѣренность во всемогуществѣ Божіемъ и дать имъ утѣшеніе; для тѣхъ

же, которые считаютъ счастье вѣчнымъ, даже если оно не связано съ добродѣтелью, тутъ заключается предостереженіе.

3. Тремя способами собирались умертвить Гая и въ каждомъ изъ этихъ заговоровъ иниціаторами являлись благородные мужи. Такъ, напр., Эмилій Регулъ, родомъ изъ иберійскаго города Кордубы, собралъ товарищей, имѣя ввиду либо при помощи ихъ, либо самолично умертвить Гая. Во главѣ другой партіи заговорщиковъ стоялъ трибунъ Кассій Херея; наконецъ Аппій Минуціанъ былъ также готовъ покончить съ этой тираніей. Причиной ихъ ненависти къ Гаю являлись различныя обстоятельства. Такъ, Регулъ былъ человѣкомъ весьма вспыльчивымъ и съ ненавистью относившимся ко всему, въ чемъ проявлялась несправедливость; въ его характерѣ вообще была рѣшимость и любовь къ свободѣ, почему онъ и не скрывалъ своихъ плановъ, о которыхъ сообщилъ друзьямъ и другимъ людямъ, казавшимся ему достаточно рѣшительными. Минуціанъ пришелъ къ своему рѣшенію вслѣдствіе желанія отмстить за близкаго друга Лепида, одного изъ выдающихся гражданъ, котораго казнилъ Гай. Съ другой же стороны его побуждалъ страхъ за самого себя, такъ какъ Гай и ему подобно другимъ выразилъ свой гнѣвъ и намѣреніе казнить его. Наконецъ Херея былъ возмущенъ тѣми упреками въ трусости, которые швырялъ ему въ лицо Гай, а съ другой стороны, не смотря на свое расположеніе и готовность служить ему, отлично сознавалъ, что каждый день приноситъ ему опасность; поэтому онъ не усматривалъ въ убіеніи Гая постыднаго поступка. Всѣ эти заговорщики считали удобнымъ сообщать о своихъ намѣреніяхъ тѣмъ, которые видѣли безобразія Гая и послѣ его смерти могли надѣяться избѣгнуть затрудненій. Они разсчитывали на вѣроятный успѣхъ своего предпріятія и въ этомъ случаѣ считали большимъ преимуществомъ располагать такимъ количествомъ добрыхъ товарищей, которые на благо города и государства не задумались бы рискнуть собою даже съ возможностью собственной гибели. Главнымъ образомъ эти желанія ободривали Херею, который желалъ прославиться; съ другой же стороны ему, какъ трибуну, имѣвшему свободный доступъ къ Гаю, исполненіе покушенія представлялось менѣе затруднительнымъ, чѣмъ другимъ.

4. Въ это время начались игры. Зрѣлище это особенно любимо римлянами, которые охотно стекаются въ циркъ и толпою приступаютъ съ просьбами о своихъ нуждахъ къ императору. Послѣдній не считаетъ себя въ правѣ отказывать имъ и всегда исполняетъ эти просьбы. И этотъ разъ народъ приступилъ къ Гаю съ настоятельною просьбою объ ослабленіи поборовъ и облегченіи бремени налоговъ. Гай не согласился,

а такъ какъ народъ слишкомъ бурно выражалъ свои желанія, онъ распорядился схватить крикуновъ и безотлагательно казнить ихъ. Такъ велѣлъ Гай и приказаніе его было исполнено; тутъ погибла масса народа. Чернь перестала кричать и въ ужасѣ смотрѣла на это, убѣдясь воочію, насколько легко ихъ просьбы могутъ повести къ смерти. Между тѣмъ Херею все это побудило и еще болѣе убѣдило въ необходимости заговора и освобожденія человѣчества отъ озвѣрѣвшаго Гая. Неоднократно собирался онъ покончить съ нимъ во время пира, но каждый разъ удерживался, не потому, что затруднялся его умертвить, но потому, что желалъ выбрать наиболѣе удачное время, чтобы навѣрняка привести въ исполненіе свой замыселъ.

5. Онъ служилъ уже продолжительное время, но общеніе съ Гаемъ не доставляло ему ни малѣйшаго удовольствія. Когда Гай поручилъ ему собираніе податей и всякихъ недоимокъ императорской казнѣ, которыя успѣли съ теченіемъ времени удвоиться, Херея не торопился съ этимъ дѣломъ, слушаясь болѣе своего сердца, чѣмъ приказаній Гая, а такъ какъ онъ жалѣлъ и щадилъ людей при взиманіи этихъ поборовъ, то возбудилъ противъ себя гнѣвъ Гая, и тотъ вслѣдствіе такого медленнаго собиранія податей назвалъ его старой бабой. Императоръ вообще глумился надъ нимъ и всякій разъ, когда на его долю выпадала необходимость просить о назначеніи пароля, тотъ назначалъ слово «баба», дѣлая къ этому всевозможныя позорныя добавленія. Все это Гай дѣлалъ, хотя самъ не былъ свободенъ отъ упрека въ нѣкіихъ таинственныхъ похожденіяхъ. Дѣло въ томъ, что онъ облекался въ женскія одежды и выдумалъ своего рода прическу, причемъ вообще придавалъ себѣ видъ женщины; несмотря на все это, онъ осмѣливался называть Херею такими позорными именами. Всякій разъ, когда Херeѣ приходилось являться за паролемъ, у него вскипалъ гнѣвъ, особенно когда ему приходилось сообщать пароль войску, потому что тогда товарищи его смѣялись надъ нимъ. Всякій разъ, когда онъ являлся съ докладомъ къ императору, они разсчитывали на немалое удовольствіе. Поэтому у Хереи, который былъ доведенъ въ своемъ гнѣвѣ до крайности, окончательно созрѣла рѣшимость намѣтить нѣкоторыхъ товарищей по заговору. Тутъ былъ нѣкій Помпедій, имѣвшій званіе сенатора и прошедшій почти всѣ общественныя должности; впрочемъ, онъ былъ эпикурейцемъ и велъ праздный образъ жизни. На него донесъ его врагъ Тимидій, будто онъ позволилъ себѣ неприличные отзывы о Гаѣ; при этомъ онъ призвалъ въ свидѣтельницы актрису, Квинтилію, отличавшуюся большою красотою и имѣвшую множество поклонниковъ, и въ томъ числѣ Помпедія. Женщина эта отказалась лжесвидѣтельствовать противъ него и тѣмъ навлечь смерть на своего возлюбленнаго. Тогда Тимидій потребовалъ для нея пытки. Гай въ изступленіи приказалъ Хереѣ немедленно пытать Квинтилію; онъ охотно пользовался Хереей для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалась извѣстная жестокость. Онъ разсчитывалъ на особенную безжалостность Хереи, который конечно будетъ стараться избѣгнуть обвиненія въ слишкомъ большой мягкости. Когда Квинтилію повели на пытку, она наступила на ногу одному изъ своихъ поклонниковъ, побуждая его тѣмъ самымъ мужаться и не бояться за нее во время пытки, которую она собиралась перенести со стойкостью. Тогда Херея сталъ жестоко пытать ее, правда, онъ дѣлалъ это противъ воли и лишь изъ необходимости, дрожа за самого себя. Затѣмъ, когда она всетаки ничего не сказала, онъ представилъ ее Гаю. Квинтилія своимъ истерзаннымъ видомъ вызвала у всѣхъ присутствующихъ ужасъ. Самъ Гай почувствовалъ при видѣ ея жалость, оправдалъ и отпустилъ ее и Помпедія, причемъ почтилъ ее даже денежнымъ подаркомъ въ утѣшеніе за испытанныя страданія и въ награду за выказанную стойкость.

6. Этотъ случай разстроилъ Херею, какъ будто бы онъ добровольно причинялъ людямъ такія бѣдствія, которыя вызвали состраданіе даже въ Гаѣ; поэтому онъ сказалъ Клименту и Папинію, изъ которыхъ первый былъ начальникомъ стражи, а другой трибуномъ: «Мы, Климентъ, не можемъ упрекнуть себя, что не были на стражѣ императора; изъ тѣхъ, которые составили заговоръ противъ его власти, мы, благодаря нашей предусмотрительности и старанію, однихъ казнили, другихъ пытками привели въ такое состояніе, что они вызвали жалость даже въ Гаѣ; а кто станетъ укорять насъ въ нашемъ отношеніи къ войскамъ?». Такъ какъ Климентъ молчалъ, а съ другой стороны покраснѣвшее лицо его показывало, насколько онъ стыдился предписаній императора, но не рѣшался въ видахъ своей личной безопасности говорить о безуміи тиранна, Херея сталъ въ своихъ рѣчахъ смѣлѣе и безъ стѣсненія началъ говорить съ нимъ объ ужасахъ, постигшихъ городъ и всю имперію. При этомъ онъ сказалъ, что Гая упрекаютъ во всѣхъ этихъ позорныхъ поступкахъ. «Но, сказалъ онъ, тѣ, кто ищетъ истины, могутъ убѣдиться, что я и Климентъ, а также Папиній и болѣе насъ другіе нанесли римлянамъ и всѣму человѣчеству ужасные удары, причемъ поступали такъ не по приказанію Гая, но по собственному своему желанію. Хотя теперь было бы время покончить намъ съ жестокостями по отношенію къ на-

шимъ согражданамъ и подчиненнымъ, мы служимъ въ качествѣ палачей вмѣсто того, чтобы быть воинами, носимъ оружіе не за свободу и за власть римлянъ, но на благо человѣка, который порабощаетъ тѣла и души. При этомъ мы ежедневно обагряемъ себя кровью убійства и пытки этихъ людей до тѣхъ поръ, пока кто нибудь по приказанію Гая не поступитъ точно такъ же и съ нами. И несмотря на все это, Гай не относится къ намъ съ расположеніемъ, но скорѣе съ подозрительностью, не взирая на множество принесенныхъ ему нами человѣческихъ жертвъ. Гай никогда не успокоится потому что онъ ищетъ не справедливости, но наслажденія. Мы сами испытаемъ это на себѣ, тогда какъ намъ бы слѣдовало заботиться объ общемъ благѣ и свободѣ и ограждать себя отъ всякихъ опасностей».

7. Климентъ очевидно отнесся сочувственно къ мыслямъ Хереи, но совѣтовалъ ему молчать, чтобы эти рѣчи не проникли въ народъ, указывая на то, что если распространятся объ этомъ слухи раньше исполненія его и узнаютъ о заговорѣ, то они будутъ подвергнуты смертной казни: слѣдуетъ все предоставить времени и связаннымъ съ нимъ надеждамъ, потому что счастье неожиданно улыбнется имъ. Самъ онъ конечно слишкомъ старъ, чтобы идти на такія рискованныя предпріятія. «Конечно, сказалъ онъ, я съумѣлъ бы противопоставить твоимъ намѣреніямъ и рѣчамъ нѣчто болѣе безопасное, но кто бы могъ выставить противъ нихъ что либо болѣе благородное?» Затѣмъ Климентъ удалился въ смущеніи отъ всего слышаннаго и сказаннаго.. Между тѣмъ Херея испугался и поспѣшилъ къ Корнелію Сабину, который также былъ трибуномъ. Онъ вообще зналъ его за порядочнаго человѣка, любившаго свободу и потому враждебно относившагося къ настоящему положенію вещей. Онъ желалъ немедленно сообщить ему свои планы и побудить его къ исполненію ихъ, такъ какъ опасался болтовни Климента, а съ другой стороны ему надоѣли постоянныя неизвѣстность и откладываніе.

8. Сабину все это понравилось тѣмъ болѣе, что онъ и раньше былъ того же самого мнѣнія и лишь потому молчалъ, что у него не было никого, съ кѣмъ бы онъ могъ безопасно подѣлиться своими мыслями. Теперь же, когда онъ нашелъ человѣка, который не только былъ готовъ молчать о слышанномъ, но и вполнѣ раздѣлялъ его мнѣніе, онъ воспрянулъ духомъ и сталъ уговаривать Херею отнюдь не откладывать дѣла. Поэтому они отправились къ Минуціану, человѣку, не уступавшему имъ въ доблести и одинаково съ ними великодушному.

Этотъ Минуціанъ возбуждалъ въ Гаѣ подозрѣніе послѣ казни Лепида.

Дѣло въ томъ, что Минуціанъ и Лепидъ были очень дружны между собою, тѣмъ болѣе, что ихъ связывалъ постоянный страхъ за свою безопасность. На всѣхъ занимавшихъ высокое общественное положеніе Гай наводилъ ужасъ, такъ какъ не переставалъ свирѣпствовать противъ каждаго изъ нихъ. Такіе люди отлично знали, насколько каждый изъ нихъ страдаетъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, но отъ общенія другъ съ другомъ и отъ выраженія своего настроенія и ненависти къ Гаю ихъ удерживала боязнь за свою личную безопасность. Съ другой же стороны они отлично понимали всеобщую ненависть къ Гаю и потому не переставали дружественно относиться другъ къ другу.

9. И вотъ, когда эти три человѣка сошлись вмѣстѣ, они поздоровались, причемъ по обыкновенію, какъ и раньше, предоставили Минуціану первенство за его высокій санъ, за то, что онъ былъ однимъ изъ выдающихся гражданъ и пользовался общей популярностью; такъ они поступали и раньше, особенно когда Минуціану приходилось говорить. Теперь Минуціанъ ласково спросилъ Херею, какой пароль назначилъ ему императоръ на этотъ день. Весь городъ отлично зналъ, какимъ глумленіямъ подвергался Херея при назначеніи пароля. При этомъ ласковомъ обращеніи тотъ не желалъ болѣе медлить и отвѣтилъ Минуціану, что благодаритъ его за довѣріе и относительно этихъ вопросовъ желаетъ поговорить съ нимъ какъ съ другомъ.

«Ты мнѣ, сказалъ онъ, даешь теперь пароль свободы и я тебѣ благодаренъ, что ты тѣмъ самымъ окончательно и всецѣло разбудилъ меня отъ сна, въ который я былъ погруженъ. Я не нуждаюсь въ длинныхъ рѣчахъ, которыя возбудили бы мое мужество, разъ ты того же взгляда на вещи, что и я; если мы были сообщниками раньше, то съ тѣмъ сошлись сюда и сейчасъ; я опоясанъ лишь однимъ мечемъ, но этотъ мечъ будетъ достаточенъ для двоихъ; поэтому примемся за дѣло; будь ты руководителемъ, приказывай и я пойду, куда ты захочешь; или же я самъ при твоей помощи и твоемъ содѣйствіи возьмусь за дѣло. Люди, которые вносятъ въ дѣло душу, не нуждаются въ желѣзѣ; благодаря этой душѣ ихъ и желѣзо становится страшнѣе; я готовъ дѣйствовать и меня не пугаетъ представленіе о возможныхъ моихъ страданіяхъ; мнѣ нѣтъ времени думать о своей личной опасности, когда приходится оплакивать рабство моего столь свободнаго нѣкогда отечества, когда нужно плакать о попираемыхъ законахъ и когда приходится оплакивать всѣхъ людей, падающихъ отъ руки Гая. О, если бы я удостоился въ настоящую минуту найти въ тебѣ вѣрнаго судью, который смотритъ на дѣло моими глазами и который меня не осудитъ!»

10. Минуціанъ отлично понялъ смыслъ этихъ словъ, съ радостью заключилъ Херею въ объятія и тѣмъ самымъ укрѣпилъ его въ его рѣшимости. Затѣмъ онъ открыто похвалилъ его и обнявъ еще разъ, отпустилъ со всевозможными благопожеланіями.

Нѣкоторые увѣряютъ, будто Херея былъ укрѣпленъ въ своемъ намѣреніи еще слѣдующимъ случаемъ: дѣло въ томъ, что когда онъ разъ входилъ въ зданіе совѣта, изъ толпы раздался голосъ, побуждавшій его исполнить предпріятіе и полагаться на Божество. Сперва Херея испугался, подозрѣвая, что кто-либо изъ заговорщиковъ измѣнилъ и что теперь онъ будетъ схваченъ. Однако, въ концѣ концовъ, онъ убѣдился въ томъ, что этотъ призывъ обѣщаетъ ему удачу, такъ какъ въ немъ сказывалось либо одобреніе со стороны одного изъ товарищей, либо дѣйствительно Божество, взирающее на всѣ человѣческія дѣла, этимъ побуждало его не терять мужества. Между тѣмъ слухъ о заговорѣ распространился среди многихъ, и всѣ эти люди—сенаторы, всадники и простые воины — вооружились; не было вообще никого, кто бы не считалъ умерщвленіе Гая великимъ счастьемъ. Вслѣдствіе этого всѣ, кто какъ могъ, старались, не только не отставать другъ отъ друга въ доблести, но по силѣ возможности отъ всего сердца словомъ и дѣломъ способствовать убіенію тиранна. Даже Каллистъ принадлежалъ къ числу заговорщиковъ. Это былъ вольноотпущенникъ Гая, человѣкъ, достигшій величайшей власти, почти такой же, какъ самъ тираннъ, потому что всѣ его боялись, между прочимъ за его огромное богатство; онъ бралъ крупныя взятки и позволялъ себѣ величайшія несправедливости, злоупотребляя властью и отлично зная непримиримую натуру Гая, который никогда не отступалъ отъ разъ принятаго намѣренія. Онъ также зналъ, что имѣетъ много разнообразныхъ причинъ бояться за свою личную безопасность; особенно тутъ играло роль его несмѣтное богатство. Поэтому онъ сблизился съ Клавдіемъ и тайно примкнулъ къ нему въ надеждѣ, что послѣ смерти Гая власть должна же будетъ перейти къ Клавдію, и что онъ тогда, благодаря своему вліянію, достигнетъ у него подобнаго же почетнаго положенія, особенно оттого, что заранѣе успѣетъ доказать ему свою благодарность и расположеніе. По крайней мѣрѣ онъ позволилъ себѣ сказать Клавдію, будто Гай приказалъ ему отравить его, но будто онъ, Каллистъ, придумалъ различные способы уклониться отъ этого. Мнѣ же кажется, что Каллистъ выдумалъ все это, чтобы заслужить расположеніе Клавдія, такъ какъ если бы Гай дѣйствительно рѣшилъ избавиться отъ Клавдія, онъ не остановился бы предъ отговорками Каллиста, да и Кал-

листъ, получивъ такое приказаніе, исполнилъ бы его; нарушая предписанія своего государя, онъ бы самъ немедленно подвергся наказанію. Я полагаю, что Клавдій избѣгъ безумства Гая лишь по волѣ Предвѣчнаго, Каллистъ же приписалъ себѣ заслугу, на которую не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія.

11. Между тѣмъ, благодаря нерѣшительности большинства заговорщиковъ, планы Хереи отлагались со дня на день. Самъ Херея неохотно соглашался на такую проволочку, считая всякую минуту удобною для этого. Такой случай представлялся, напр., неоднократно, когда Гай ходилъ на Капитолій, чтобы принести жертвы за дочь свою. Тутъ не трудно было сбросить его съ высокой крыши на площадь, когда онъ стоялъ на этой крышѣ и кидалъ народу золотыя и серебряныя монеты; также не трудно было покончить съ нимъ во время введенныхъ имъ мистерій: онъ вѣдь заботился только о томъ, чтобы все было устроено какъ можно лучше и совершенно не вѣрилъ, что кто-нибудь могъ предпринять противъ него что-либо. Если даже не было доказательствъ тому, что боги внушатъ Хереѣ мысль покончить съ Гаемъ, у него самого было достаточно силы и безъ оружія расправиться съ нимъ. Поэтому Херея сердился на своихъ товарищей по заговору, боясь, что они упустятъ удобный случай. Тѣ должны были согласиться, что Херея правъ и вполнѣ основательно требуетъ большей поспѣшности, но съ другой стороны они просили его повременить еще немного, чтобы въ случаѣ, еслибы предпріятіе постигла неудача, городъ не былъ приведенъ въ замѣшательство тѣмъ, что начнутъ ловить соучастниковъ преступленія и тѣмъ отнимутъ у заговорщиковъ всякую возможность дѣйствовать, такъ какъ Гай будетъ имъ тогда недоступенъ. По ихъ мнѣнію было бы лучше взяться за дѣло во время палатинскихъ игръ. Эти игры установлены въ честь перваго императора, присвоившаго себѣ власть, и тутъ присутствуютъ, кромѣ самаго императора, римскіе патриціи съ дѣтьми и съ женами, причемъ недалеко отъ царской ложи для нихъ сооружается особая трибуна. Итакъ, заговорщики полагали, что въ присутствіи такой массы зрителей, собранныхъ на столь небольшомъ пространствѣ, имъ не трудно будетъ совершить покушеніе на Гая, когда онъ войдетъ въ театръ. Даже его тѣлохранители, еслибы и пожелали, не смогли бы оказать ему въ этомъ случаѣ помощь.

12. Такъ спѣшилъ Херея и, когда наступили игры, рѣшилъ въ первый же день привести въ исполненіе свое намѣреніе; однако сильнѣе его была судьба, которая потребовала отсрочки. Такимъ образомъ про-

шли первые три дня праздниковъ, пока наконецъ на четвертый и послѣдній дѣло было приведено въ исполненіе. Херея созвалъ своихъ товарищей и сказалъ имъ: «Уже много времени прошло, и это заставляетъ насъ стыдиться, что мы въ своемъ намѣреніи были такъ долго нерѣшительны. Ужасно будетъ, если произойдетъ доносъ, который заставитъ рухнуть все наше дѣло и побудитъ Гая къ еще большимъ насиліямъ; развѣ мы не видимъ, что отнимаемъ отъ свободы столько же дней, сколько мы потворствуемъ тиранническому правленію Гая? развѣ мы не должны на будущее время обезопасить себя и тѣмъ самымъ, давъ остальнымъ людямъ залогъ счастья, на вѣки вѣчные снискать себѣ удивленіе и всеобщій почетъ?». Но такъ какъ тѣ не умѣли на это ничего отвѣтить и всетаки не рѣшались взяться за дѣло, молчали и видимо были поражены, онъ сказалъ: «Чего же мы, друзья, медлимъ? Развѣ вы не видите, что сегодня послѣдній день игръ и что Гай собирается совершить морское путешествіе?». Дѣло въ томъ, что императоръ готовился отплыть въ Александрію, чтобы посѣтить Египетъ. «Красиво будетъ, если мы при громѣ рукоплесканій римлянъ выпустимъ изъ рукъ своихъ этого безобразника для того, чтобы онъ съ торжествомъ объѣзжалъ земли и моря; развѣ мы не испытаемъ справедливаго стыда, если его умертвитъ какой-нибудь египтянинъ, который не сочтетъ возможнымъ допустить его издѣвательство надъ свободнорожденными людьми? Я болѣе не въ состояніи выносить вашу медлительность и поэтому еще сегодня приступлю къ своему предпріятію, будучи готовъ съ удовольствіемъ снести всѣ его послѣдствія, которымъ въ случаѣ необходимости охотно подвергнусь. Что могло бы меня, разумнаго человѣка, болѣе обидѣть, еслибы на моихъ глазахъ кто-либо другой покончилъ съ Гаемъ и этимъ лишилъ меня моей славы?».

13. Сказавъ это, онъ не только еще болѣе возгорѣлъ желаніемъ осуществить свое дѣло, но возбудилъ и въ остальныхъ рѣшимость, такъ что у всѣхъ возникло желаніе, не откладывая, осуществить предпріятіе.

Съ ранняго утра, опоясавшись (короткимъ) всадническимъ мечомъ Херея явился во дворецъ. Таковъ уже былъ обычай, что трибуны въ подобномъ вооруженіи являлись къ императору за паролемъ. Въ этотъ день именно на долю Хереи выпала очередь принять пароль. Народъ въ большомъ множествѣ съ громкимъ крикомъ и толкотней уже стекался къ театру, чтобы запастись мѣстами на зрѣлище. Между тѣмъ Гай съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободныхъ мѣстъ ни для сенаторовъ, ни для всадниковъ. Всѣ садились въ перемежку: мужчины рядомъ съ женщинами и рабы рядомъ

со свободными гражданами. Между тѣмъ для Гая былъ оставленъ свободный проходъ. Онъ сталъ приносить жертву въ память Цезаря-Августа, въ честь котораго и были установлены эти игры. Случилось такъ, что при паденіи одного изъ жертвенныхъ животныхъ была совершенно забрызгана кровью одежда сенатора Аспрена. Это обстоятельство вызвало смѣхъ Гая, но для Аспрена являлось очевидно дурнымъ предзнаменованіемъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ Гаемъ. Вообще разсказываютъ, что Гай въ этотъ день вопреки своему обыкновенію былъ особенно обходителенъ и настолько ласковъ и доступенъ, что всѣ видѣвшіе это были поражены. Послѣ совершенія жертвоприношенія онъ направился къ своему мѣсту и сѣлъ тамъ, окруженный наиболѣе выдающимися изъ приближенныхъ. Театръ, который вновь ежегодно сооружался, былъ слѣдующаго устройства: онъ имѣлъ два выхода, изъ которыхъ одинъ велъ на улицу, а другой оставлялъ открытыми входъ и выходъ къ портику, дабы находившіеся внутри зрители не подвергались стѣсненію; здѣсь же былъ выходъ для актеровъ и для музыкантовъ, которые могли удаляться въ особое отдѣленное для нихъ помѣщеніе.

И вотъ, когда толпа усѣлась по своимъ мѣстамъ, а Херея съ своими трибунами помѣстился недалеко отъ Гая, который занималъ правую сторону театра, Ватиній, одинъ изъ сенаторовъ и бывшій преторъ, спросилъ сидѣвшаго рядомъ съ нимъ консуляра Клувія, не слышалъ ли онъ чего-нибудь новаго. При этомъ Ватиній нарочно говорилъ такъ тихо, чтобы никто другой не разслышалъ его словъ. Когда сосѣдъ отвѣтилъ на это отрицательно, Ватиній сказалъ: «А между тѣмъ, Клувій, имѣется ввиду представить убіеніе тирана». На это Клувій отвѣчалъ: «Помалкивай, милый другъ, дабы кто изъ ахеянъ не услышалъ твоего слова» [1]. Затѣмъ стали кидать въ зрителей огромное количество рѣдкихъ фруктовъ и разныхъ дорогихъ и рѣдкихъ птицъ; Гаю доставляло удовольствіе смотрѣть на борьбу и драку, происходившія изъ-за нихъ среди зрителей. Тутъ произошло два обстоятельства, которыя могли заключать въ себѣ дурное предзнаменованіе, а именно началось представленіе піесы, въ которой подвергался казни на крестѣ атаманъ разбойничьей шайки, а затѣмъ давалась піеса, представлявшая исторію Кинира. Въ этой піесѣ умирали какъ самъ Киниръ, такъ и его дочь Мирра [2]. Какъ во время казни раз-

---

[1] Это выраженіе заимствовано изъ Гомера.

[2] Киниръ былъ миѳическимъ царемъ о. Кипра. По преданію, его сыномъ былъ Адонисъ, котораго родила ему его дочь Мирра. Когда Киниръ узналъ,

бойника, такъ и при умерщвленіи Кинира, было пролито много искусственной крови. Разсказываютъ, что въ этотъ же самый день нѣкогда случилось убіеніе македонскаго царя Филиппа, сына Аминта, Павзаніемъ, однимъ изъ его товарищей, въ то время, когда Филиппъ входилъ въ театръ [1]. Между тѣмъ Гай былъ въ нерѣшимости, оставаться-ли ему до конца игръ въ театрѣ, такъ какъ то былъ послѣдній день, или же пойти выкупаться и позавтракать, а затѣмъ вернуться назадъ. Тогда сидѣвшій выше Гая Минуціанъ, опасаясь, какъ бы опять попусту не было потеряно время, и видя, что Херея всталъ и пошелъ къ выходу, поспѣшилъ къ нему, чтобы ободрить его, но въ эту минуту Гай любезно удержалъ его снизу за одежду, спросивъ: «Куда же ты, милѣйшій?». Тогда Минуціанъ, повидимому, изъ уваженія къ императору, сѣлъ на свое мѣсто (на самомъ же дѣлѣ онъ испугался), а немного спустя опять поднялся. Теперь уже Гай не препятствовалъ его уходу, полагая, что это обусловливается необходимостью. Между тѣмъ Аспренъ, который также участвовалъ въ заговорѣ, сталъ совѣтовать Гаю по примѣру прошлыхъ дней пойти выкупаться и позавтракать, а затѣмъ уже вернуться. Этимъ онъ думалъ ускорить исполненіе задуманнаго плана.

14. Херея со своими товарищами стали на извѣстныхъ пунктахъ и каждый долженъ былъ стараться по мѣрѣ возможности не покидать своего мѣста. Между тѣмъ они тяготились проволочкою и постояннымъ откладываніемъ дѣла, тѣмъ болѣе, что наступилъ уже девятый часъ дня [2]. При нерѣшимости Гая Херея уже былъ готовъ броситься въ его ложу и покончить съ нимъ. Однако онъ понималъ, что тутъ должно произойти большое кровопролитіе, такъ какъ было налицо такое количество сенаторовъ и всадниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ готовъ рискнуть на все, считая, что общая безопасность и свобода не будутъ куплены слишкомъ дорогой цѣною, даже если будетъ перебито столько народу. И вотъ поднялся шумъ, потому что Гай всталъ со своего мѣста. Народъ столпился у входа въ театръ, однако заговорщики стали отгонять и оттѣснять народъ, увѣряя, что такое скопленіе разсердитъ Гая, на самомъ же дѣлѣ потому, что желали навѣрняка совершить покушеніе и для того должны были по возможности удалить отъ Гая его защитниковъ. Впереди Гая шли его дядя Клавдій, его зять Маркъ Виницій и

что ошибочно совокупился съ собственною дочерью, то покончилъ съ собою. Срв. Ovid. Metam. X, 298 sqq.

[1] Въ 336 году до Р. Хр.—Филиппъ былъ отцомъ Александра Великаго.

[2] По нашему времени около 3-хъ часовъ дня.

Валерій Азіатикъ, которыхъ по ихъ высокому положенію никоимъ образомъ невозможно было разлучить съ императоромъ; за ними слѣдовалъ самъ Гай съ Павломъ Аррунціемъ.

Когда онъ вошелъ во дворецъ, то миновалъ главный входъ, гдѣ были выстроены прислуживающіе ему рабы и черезъ который прошли Клавдій и его товарищи, и свернулъ въ узкій и темноватый проходъ, ведшій въ ванную комнату. Тутъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ взглянуть на мальчиковъ, прибывшихъ изъ Азіи, которые должны были во время устраиваемыхъ имъ мистерій пѣть гимны или выступать въ театрѣ въ качествѣ танцовщиковъ. Здѣсь его встрѣтилъ Херея и просилъ у него пароль; когда же тотъ ему опять отвѣтилъ насмѣшкой, Херея не задумываясь произнесъ проклятіе по адресу Гая, извлекъ мечъ и нанесъ ему жестокій, впрочемъ несмертельный, ударъ. Нѣкоторые говорятъ, будто Херея умышленно не покончилъ съ Гаемъ однимъ ударомъ, но хотѣлъ наказать его, нанеся ему цѣлый рядъ ранъ. Однако такой взглядъ мнѣ кажется невѣроятнымъ, потому что въ такихъ случаяхъ страхъ не оставляетъ времени для размышленій; если Херея дѣйствительно имѣлъ ввиду это, я считалъ бы его величайшимъ глупцомъ, который охотнѣе желалъ удовлетворить свой гнѣвъ, чѣмъ освободить себя и своихъ товарищей сейчасъ же отъ грозившихъ всѣмъ имъ опасностей. Вѣдь много было способовъ оказать Гаю помощь, если бы тотъ не умеръ тотчасъ же; въ такомъ случаѣ Херея, значитъ, думалъ не о томъ, чтобы отомстить Гаю, но о томъ чтобы не наказать себя и товарищей если бы онъ напрасно загубилъ себя и потерялъ время; между тѣмъ при удобномъ исходѣ онъ втихомолку могъ избѣгнуть преслѣдованія стражи, при чемъ раньше было совершенно неизвѣстно, насколько все это кончится удачно. Впрочемъ я предоставляю судить объ этомъ каждому по его желанію. Между тѣмъ Гай, терзаемый болью (мечъ проникъ между плечомъ и горломъ, но его остановила на пути ключица), даже не вскрикнулъ въ первую минуту и не позвалъ никого изъ друзей своихъ, потому ли что онъ не довѣрялъ имъ или просто потому, что не догадался. Застонавъ отъ страшной боли, онъ сдѣлалъ попытку къ бѣгству. Тутъ его встрѣтилъ Корнелій Сабинъ, который уже приготовился къ этому. Онъ толкнулъ его, Гай упалъ на колѣни, и тутъ по данному знаку заговорщики окружили его и стали рубить его мечами, ободряя другъ друга. Извѣстно, что послѣдній, окончательно смертельный ударъ нанесъ ему Аквила. Однако Херею нужно разсматривать какъ настоящаго виновника [illegible]

свой планъ въ исполненіе въ сообщничествѣ со многими, онъ былъ все-таки первымъ, который задумалъ это дѣло; онъ раньше всѣхъ другихъ приступилъ къ его осуществленію, первый смѣло рѣшился говорить съ остальными объ этомъ; когда же они выслушали его призывъ къ покушенію, онъ собралъ заговорщиковъ отовсюду, вездѣ являлся со своимъ совѣтомъ и не только всюду достигалъ успѣха, гдѣ онъ дѣйствовалъ путемъ убѣжденія; своими умѣлыми рѣчами онъ убѣдилъ всѣхъ, даже нерѣшительныхъ людей; когда же наступилъ моментъ дѣйствовать, то и здѣсь онъ былъ первымъ, который взялся за дѣло, произвелъ покушеніе и нанесеніемъ смертельнаго удара Гаю облегчилъ задачу остальнымъ. Вслѣдствіе этого мы по справедливости должны приписать разсудительности, доблести и отвагѣ Хереи все то, что было сдѣлано остальными.

15. Убитый такимъ образомъ Гай лежалъ на полу, покрытый множествомъ ранъ. Когда товарищи Хереи покончили съ Гаемъ, то поняли, что имъ невозможно спастись тѣмъ же путемъ, какимъ они пробрались во дворецъ; съ другой стороны они ужаснулись своего поступка, потому что убійство императора было связано для нихъ съ большою опасностью, ввиду того, что онъ былъ почитаемъ и любимъ безразсудною толпою и солдаты, отыскавъ его, не оставили бы этого дѣянія безъ кровавой мести; съ другой же стороны корридоръ, въ которомъ они совершили покушеніе, былъ узокъ и вблизи находилась большая масса прислуги, равно какъ тѣ солдаты, на долю которыхъ въ этотъ день выпало охранять особу императора. Поэтому они избрали другіе пути и проникли во дворецъ отца убитаго Гая, Германика. Этотъ домъ былъ связанъ съ дворцомъ, такъ какъ собственно весь дворецъ составлялъ одно собраніе различныхъ пристроекъ, сооруженныхъ разными правителями, дававшими каждой пристройкѣ свое имя, либо по готовому зданію, либо по начатому. Такимъ образомъ заговорщики избѣгли ярости толпы и пока находились въ безопасности: бѣдствіе, постигшее императора, не получило еще огласки. Вѣсть о смерти Гая дошла впервые до германскихъ тѣлохранителей, называющихся такъ по народу, изъ среды котораго набираются. Изъ нихъ же набирается такъ называемый кельтскій легіонъ. Эти варвары легко раздражаются; этимъ они походятъ на нѣкоторыя варварскія племена, отличающіяся недостаточною разсудительностью въ своихъ поступкахъ. Обладая страшною физическою силою, они всегда совершаютъ первый натискъ на тѣхъ, которыхъ считаютъ врагами, и нерѣдко пользуются успѣхомъ.

Когда они узнали объ умерщвленіи Гая, то страшно опечалились, впрочемъ, не потому, что подумали о томъ, что здѣсь произошло нѣчто недо-

блестное, но только оттого, что вспомнили о своей выгодѣ: Гай пользовался у нихъ большою популярностью, успѣвъ снискать расположеніе ихъ денежными подарками. Извлекши мечи, они подъ предводительствомъ Сабина, который былъ трибуномъ ихъ не вслѣдствіе доблести или знатнаго происхожденія (онъ былъ гладіаторомъ), но съумѣлъ своей огромной физическою силою снискать власть надъ этими людьми, бросились по всему зданію разыскивать убійцъ императора. Сперва имъ попался въ руки Аспренъ, котораго одежда, какъ я выше разсказалъ, была забрызгана кровью жертвеннаго животнаго, что было дурнымъ предзнаменованіемъ. Его они искрошили на мелкіе куски. Вторымъ попался имъ Норбанъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ гражданъ, считавшій въ числѣ своихъ предковъ цѣлый рядъ полководцевъ. Такъ какъ они не обратили вниманія на его санъ и набросились на него, то Норбанъ, отличавшійся значительной физическою силою, выхватилъ мечъ у перваго попавшагося германца и нанесъ ему ударъ, тѣмъ самымъ показывая, что не дешево продастъ имъ свою жизнь. Однако, массою нападающихъ онъ былъ наконецъ сбитъ съ ногъ и палъ весь покрытый ранами; третьимъ попался имъ въ руки Антей, одинъ изъ сенаторовъ. Впрочемъ германцы схватили его не случайно, какъ двухъ предшествующихъ лицъ: ненависть къ покойному Гаю, любопытство и желаніе убѣдиться въ его смерти понуждало его проникнуть во дворецъ. Дѣло въ томъ, что Гай не только не удовлетворился тѣмъ, что присудилъ къ изгнанію, его отца, котораго тоже звали Антеемъ, но еще подослалъ солдатъ убить его. Итакъ Антей явился сюда, чтобы испытать удовольствіе отъ личнаго созерцанія убитаго. При суматохѣ, охватившей всѣхъ, онъ захотѣлъ спрятаться, но не избѣгъ германцевъ, которые въ поискахъ за убійцами одинаково свирѣпствовали какъ надъ виновными, такъ и надъ невинными.

16. Такимъ образомъ погибли эти люди. Когда въ театръ пришло извѣстіе о смерти Гая, всѣхъ охватило смятеніе и недовѣріе. Одни съ удовольствіемъ приняли вѣсть объ его гибели и считали ее великимъ для себя счастіемъ, но не вѣрили ей изъ страха. Были и такіе, которые, не желая подобнаго конца Гаю, не могли повѣрить этому и никакъ не хотѣли свыкнуться съ фактомъ, такъ какъ не считали возможнымъ, чтобы какой нибудь человѣкъ могъ рѣшаться на столь смѣлый поступокъ. Къ числу послѣднихъ относились женщины, молодые люди, многіе рабы и нѣкоторые воины. Солдаты эти получали отъ него плату, поэтому поддерживали его тиранническія наклонности, потворствовали его насиліямъ и, умерщвляя наиболѣе видныхъ гражданъ, тѣмъ добивались личнаго по-

чета и всякихъ выгодъ. Женщины и молодежь, какъ это обыкновенно бываетъ, увлекались даровыми зрѣлищами, гладіаторскими боями и массовыми истребленіями (звѣрей), которыя производились какъ будто въ угоду народу, на самомъ же дѣлѣ служили лишь къ удовлетворенію сумасбродной жестокости Гая. Рабы получили при немъ возможность обвинять своихъ господъ и глумиться надъ ними, находя при каждомъ случаѣ поддержку въ самомъ императорѣ. Даже если они рѣшались на ложные доносы на своихъ господъ, имъ довольно легко вѣрили; при этомъ нужно было лишь указать на денежныя средства господъ, и тогда рабы-доносчики получали не только свободу, но и вознагражденіе за свои доносы, такъ какъ имъ полагалась за это восьмая часть всего имущества оклеветанныхъ. Что же касается наконецъ патриціевъ, то, хотя многіе изъ нихъ и вѣрили слуху объ этомъ, такъ какъ съ одной стороны знали о заговорѣ, съ другой же страстно желали умерщвленія Гая, они однако должны были при этомъ извѣстіи либо молча скрывать свою радость, либо подавать видъ, будто совсѣмъ не слышатъ, о чемъ идетъ рѣчь: одни боялись, какъ бы упованія ихъ не оказались ложными и какъ бы ихъ не постигла кара, если они безъ стѣсненія выкажутъ такимъ образомъ свой взглядъ на вещи; другіе, хотя и были вполнѣ увѣрены въ справедливости слуховъ, однако будучи соучастниками заговора, тѣмъ болѣе хранили молчаніе, не зная настроенія другихъ лицъ; при этомъ были и такіе, которые боялись сказать что либо лишнее людямъ, извлекавшимъ личную выгоду изъ тиранническаго правленія Гая: они опасались доноса и наказанія, если бы Гай остался въ живыхъ, такъ какъ (по городу) распространился слухъ, будто Гай только сильно раненъ, не умеръ, но остался живъ и находится на попеченіи врачей. Такимъ образомъ никто никому не могъ довѣриться и смѣло высказать свое мнѣніе. Если собесѣдникъ былъ другомъ (Гая), то возникало подозрѣніе, что онъ загубитъ вслѣдствіе своей приверженности къ тирану, если же ненавидѣлъ императора, то его боялись и не вѣрили ему именно въ силу этой ненависти. Нѣкоторыя лица стали распускать слухъ (этимъ они особенно разочаровали и убивали патриціевъ), будто Гай, не взирая на опасность и не думая о своихъ ранахъ, явился, какъ былъ, залитый кровью на форумъ и тамъ говоритъ съ народомъ. Впрочемъ, эти слухи распространялись лишь тѣми людьми, которые] старались посѣять смуту и желали угодить всякимъ партіямъ. Между тѣмъ, однако, никто не покидалъ своего мѣста, боясь, что если уйдетъ, навлечетъ на себя отвѣтственность: всякому приходилось опасаться, что его осудятъ не за

дѣйствительный образъ мыслей но за то, что пожелаютъ приписать ему обвинители и судьи.

17. Когда же толпа германскихъ тѣлохранителей съ мечами наголо окружила театръ, всѣ зрители подумали, что настали ихъ послѣднія минуты. При каждомъ появленіи германца они содрогались, какъ будто бы уже началась рѣзня. Люди были въ полномъ отчаяніи, не смѣя удалиться изъ театра, а съ другой стороны видѣли, что дальнѣйшее ихъ пребываніе тамъ связано съ большою опасностью. Когда же германцы дѣйствительно ворвались въ театръ, поднялся крикъ и вопль; стали умолять воиновъ о пощадѣ, указывая на то, что преступленіе было совершено безъ вѣдома здѣсь собравшихся и что никто не зналъ о возмущеніи, если таковое дѣйствительно имѣло мѣсто. Поэтому ихъ слѣдуетъ, вопили они, пощадить, не наказывать ни въ чемъ неповинныхъ людей за чужое преступленіе и стараться разыскать настоящихъ виновниковъ того, что случилось. Такимъ и подобнымъ образомъ съ воплемъ и отчаяніемъ призывая и умоляя боговъ, кричали люди въ виду близкой опасности и видя неизбѣжность смерти. Гнѣвъ воиновъ смягчился при этомъ и имъ стало жаль своего намѣренія относительно собравшихся въ театрѣ зрителей. Не смотря на всю свою озвѣрѣлость, германцы наконецъ сами поняли жестокость, послѣ того какъ они возложили головы Аспрена и павшихъ вмѣстѣ съ нимъ на алтарь (въ театрѣ). Однако зрители при этой картинѣ еще болѣе содрогнулись, видя, что тѣхъ не спасло ихъ высокое общественное положеніе. Имъ особенно стало жаль ихъ, такъ какъ и сами они вскорѣ могли подвергнуться такой же печальной и опасной участи, причемъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ, удастся ли имъ въ концѣ концовъ избѣгнуть этой участи. Такимъ образомъ даже тѣ, которые отъ всей души и справедливо ненавидѣли Гая, были теперь лишены возможности радоваться постигшей его судьбѣ, такъ какъ они сами подвергались опасности погибнуть и у нихъ не было никакой увѣренности, что при теперешнихъ обстоятельствахъ имъ удастся избѣгнуть какъ нибудь этой своей гибели.

18. Въ то время жилъ въ городѣ Еварестъ Аррунцій, по профессіи аукціонный глашатай. Благодаря послѣднему обстоятельству онъ отличался громовымъ голосомъ. Кромѣ того онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ римлянъ и поэтому имѣлъ возможность какъ теперь, такъ и впослѣдствіи пріобрѣтать какія угодно имущества въ городѣ. Хотя онъ и ненавидѣлъ Гая всею силою души, однако страхъ за свою личную безопасность и боязнь лишиться жизни при выраженіи своего удовольствія въ настоящую

минуту побудили его прибѣгнуть къ хитрости. Онъ притворился въ высшей степени опечаленнымъ, надѣлъ на себя трауръ, какъ будто потерялъ кого либо изъ самыхъ дорогихъ ему людей, и явился въ театръ, гдѣ со слезами объявилъ о смерти Гая. Этимъ самымъ онъ положилъ конецъ общей неизвѣстности по поводу случившагося. Вскорѣ прибылъ и (Павелъ) Аррунцій, за которымъ послали. Онъ немедленно отозвалъ германцевъ, а сопровождавшіе его трибуны приказали имъ вложить мечи въ ножны. При этомъ они также объявили о смерти Гая. Это-то обстоятельство окончательно спасло всѣхъ, находившихся въ театрѣ, которымъ раньше угрожали германцы. Дѣло въ томъ, что пока у послѣднихъ еще имѣлась надежда, что Гай живъ, они не останавливались ни предъ какими насиліями: въ нихъ было столько расположенія и привязанности къ императору, что они готовы были отдать жизнь за него, чтобы оградить его отъ покушенія или подобнаго несчастія. Когда же они получили опредѣленное извѣстіе о смерти Гая, то весь ихъ гнѣвъ и вся ихъ мстительность сразу прекратились, тѣмъ болѣе, что теперь было совершенно безполезно стараться за того, кто погибъ и не могъ уже вознаградить ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ приходилось при дальнѣйшихъ насиліяхъ опасаться наказанія либо со стороны сената, къ которому могла теперь перейти верховная власть, либо со стороны вновь назначеннаго правителя. Поэтому германцы, правда неохотно, всетаки должны были сдержать свой порывъ, который охватилъ ихъ при первомъ извѣстіи о кончинѣ Гая.

19. Между тѣмъ Херея, который очень боялся, какъ бы Минуціанъ не попалъ въ руки обезумѣвшихъ германцевъ и не погибъ бы, обращался къ каждому воину, прося пощадить его, и всячески старался узнать что либо о судьбѣ Минуціана. Тѣмъ временемъ Клименъ, къ которому привели Минуціана, отпустилъ послѣдняго и тѣмъ самымъ вмѣстѣ съ прочими сенаторами явно засвидѣтельствовалъ правильность совершеннаго поступка и доблесть тѣхъ лицъ, которые задумали его, хотя и не могли лично почему либо принять участіе въ этомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ подтверждалось, что тираннъ, правда, короткое время можетъ быть довольнымъ, удовлетворяя своей страсти къ насиліямъ, но что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ разсчитывать хорошо окончить жизнь свою, такъ какъ онъ, благодаря ненависти къ нему всѣхъ, въ концѣ концовъ найдетъ такую смерть, какая постигла Гая. Послѣдній вѣдь еще раньше, чѣмъ возникъ противъ него заговоръ и было рѣшено покончить съ нимъ, самъ сталъ врагомъ себѣ. Этимъ самымъ онъ же показалъ, что, совершая безобразія и совершенно пренебрегая законами, онъ обратилъ своихъ луч-

шихъ друзей въ заклятыхъ враговъ. Итакъ, если эти люди теперь какъ будто и являлись убійцами Гая, то на самомъ дѣлѣ Гаю приходилось себѣ же приписывать собственную гибель.

20. Теперь, когда стража удалилась, всѣ въ театрѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, чтобы уйти. Тутъ среди присутствующихъ произошли сильный шумъ и давка. Причиною такого поспѣшнаго бѣгства изъ театра явился врачъ Алкіонъ, который отлучался подъ предлогомъ, что ему необходимо поспѣшить къ нѣкоторымъ тяжелораненымъ, и который услалъ впередъ своихъ людей якобы для того, чтобы они приготовили все нужное для операцій надъ ранеными, а на самомъ дѣлѣ съ разсчетомъ спасти ихъ отъ опасности въ настоящую критическую минуту. Въ это же самое время сенатъ собрался на совѣщаніе, а народъ, по обыкновенію, двинулся къ форуму и расположился тамъ. Какъ сенаторы, такъ и народъ занялись изслѣдованіемъ вопросъ, кто убійцы Гая, причемъ народъ взялся за это дѣло вполнѣ серьезно, а сенатъ дѣлалъ лишь видъ, будто также серьезно заботится объ этомъ. Между тѣмъ бывшій консулъ Валерій Азіатикъ явился къ народу, шумѣвшему и очень недовольному тѣмъ, что до сихъ поръ еще не найдены убійцы императора. Когда всѣ набросились на него съ вопросомъ, кто же преступникъ, то Валерій рискнулъ сказать: «О если бы имъ былъ я самъ!»

Въ то же самое время консулы издали прокламацію съ обвиненіями противъ Гая. Здѣсь они предлагали народу и войскамъ разойтись по домамъ; при этомъ они обѣщали народу значительное сокращеніе налоговъ, а войску почетные дары, если только они соблюдатъ обычное спокойствіе и не вздумаютъ прибѣгать къ насиліямъ. Дѣло въ томъ, что возникло опасеніе, какъ бы народъ и войска не обратились къ грабежу и разоренію храмовъ, и городъ такимъ образомъ не пострадалъ бы при такомъ возбужденномъ состояніи ихъ. Впрочемъ, скоро всѣ собравшіеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившіе убіеніе Гая, стали выказывать большую смѣлость и рѣшимость, какъ будто бы власть уже перешла въ ихъ руки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Во время всѣхъ этихъ событій Клавдій внезапно былъ увезенъ изъ своего дворца. Дѣло въ томъ, что солдаты собрались на сходку и стали совѣщаться относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Они понимали, что при обширности римской имперіи демократическій образъ правленія былъ бы неумѣстенъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ они сами

остались бы въ накладѣ. Съ другой стороны, разсуждали они, если какое либо лицо съумѣетъ захватить верховную власть въ свои руки, имъ самимъ навсегда придется отказаться отъ своихъ выгодъ, такъ какъ они ничѣмъ не способствовали его возвышенію. Поэтому, такъ какъ дѣла находились пока въ столь неопредѣленномъ положеніи, они сочли наилучшимъ провозгласить императоромъ Клавдія, дядю убитаго Гая, тѣмъ болѣе, что Клавдій не уступалъ никому изъ сенаторовъ ни въ знатности происхожденія, ни въ образованіи. При этомъ естественно было предположить, что Клавдій, будучи провозглашенъ ими императоромъ, навѣрное воздастъ имъ по заслугамъ и богато одаритъ ихъ. Рѣшивъ это, они немедленно приступили къ исполненію своего плана, и такимъ образомъ Клавдій былъ уведенъ солдатами. Тогда (сенаторъ) Гней Сенцій Сатурнинъ, лишь только узналъ о томъ, что Клавдій уведенъ воинами, дѣлая видъ, будто неохотно принимаетъ предлагаемое ему императорское достоинство, на самомъ же дѣлѣ очень доволенъ этимъ, поднялся въ сенатѣ съ своего мѣста и безбоязненно и вполнѣ достойно свободнаго и благороднаго человѣка обратился къ товарищамъ съ слѣдующею рѣчью:

2. «Римляне! Какъ это ни невѣроятно, однако мы достигли того, на что мы такъ долго не смѣли разсчитывать, а именно свободы. Правда, неизвѣстно, на сколь продолжительное время мы удержимъ ее. Это зависитъ отъ воли боговъ, даровавшихъ ее намъ. Теперь однако мы можемъ пока наслаждаться ею и если бы даже мы (вновь) лишились ея, она всетаки принесетъ намъ счастіе. Вѣдь уже одного часа довольно для хорошихъ людей, если только они проживутъ въ теченіе этого часа съ чистымъ сердцемъ и въ свободномъ государствѣ по тѣмъ законамъ, благодаря которымъ эта ихъ родина нѣкогда достигла цвѣтущаго состоянія. Что касается прежней нашей свободы, то я не могу здѣсь говорить о ней, такъ какъ, родившись значительно позже того (какъ мы ее утратили), я не зналъ ея; теперь же я вполнѣ отдаюсь минутѣ и считалъ бы весьма счастливыми всѣхъ тѣхъ, кто родится именно теперь или въ это время юнъ. Послѣ боговъ поэтому я считалъ бы особенно достойными всякаго почета тѣхъ мужей, которые, хотя и поздно, однако всетаки и въ такомъ возрастѣ дали намъ возможность вкусить этой свободы. О если бы эта свобода теперь на вѣки оставалась намъ невозбранною! Намъ же, будь мы молоды или близки къ могилѣ, пусть будетъ удовлетвореніемъ хотя бы (одинъ уже) этотъ день. Старики могутъ быть довольны, если умирая, почувствуютъ всѣ блага свободы, для молодежи

же эта свобода будетъ доказательствомъ и примѣромъ доблести мужей, даровавшихъ имъ это благо и являющихся ихъ предками. И намъ поэтому, которые мы достигли уже зрѣлаго возраста, не можетъ быть другой, болѣе священной задачи, какъ жить по завѣтамъ добродѣтели, которая одна можетъ гарантировать человѣчеству свободу. Я самъ знаю изъ примѣровъ древности и убѣдился личнымъ опытомъ въ томъ, какими бѣдствіями преисполняютъ тиранны свои государства, какъ они подавляютъ всякую доблесть, какъ отнимаютъ у всѣхъ свободнорожденныхъ всякую самостоятельность, какъ распространяютъ всюду лесть и страхъ, причемъ всѣ дѣла ведутся не сообразно мудрости законовъ, но по произволу правителей. Съ тѣхъ поръ, какъ Юлій Цезарь рѣшилъ отнять у народа власть и произвольнымъ насиліемъ надъ законодательствомъ потрясъ основы государственности, попирая право и направляя все сообразно личному своему удобству, съ тѣхъ поръ не было такого бѣдствія, которое не постигло бы нашего города. При этомъ всѣ преемники Юлія Цезаря, сколько ихъ ни было, наперерывъ другъ передъ другомъ старались о томъ, чтобы уничтожить древнія установленія и чтобы по возможности избавится отъ всѣхъ благородныхъ гражданъ, считая необходимымъ въ видахъ якобы личной безопасности привлечь на свою сторону самыхъ отъявленныхъ негодяевъ. Такимъ образомъ они не только подавляли всякую самостоятельность людей порядочныхъ, но и считали своею задачею навсегда загубить послѣднихъ. Хотя этихъ тиранновъ было много и каждый изъ нихъ старался ознаменовать свое правленіе невыносимыми притѣсненіями, однако сегодня погибшій Гай превзошелъ въ своихъ преступленіяхъ всѣхъ ихъ, обращая свой необузданный гнѣвъ не только противъ согражданъ, но и противъ своихъ родственниковъ и приближенныхъ; онъ одинаково насиловалъ и безвинно наказывалъ всѣхъ, и одинаково свирѣпствовалъ противъ людей и противъ боговъ. Вѣдь тиранну недостаточно путемъ насилія удовлетворять своимъ страстямъ и распространять вокругъ себя печаль, похищая имущество и женъ своихъ противниковъ; онъ находитъ удовлетвореніе лишь въ безусловномъ и окончательномъ истребленіи всей родни этихъ своихъ противниковъ. А такими противниками его являются всѣ свободомыслящіе люди, и даже тѣ не въ состояніи снискать себѣ его расположеніе, которые терпѣливо подчиняются ему и сносятъ его обиды. Такъ какъ эти тиранны отлично сознаютъ несправедливости, которыя они причинили многимъ людямъ, а эти послѣдніе въ свою очередь великодушно мирятся съ постигшею ихъ судьбою, то тираны наконецъ сами начинаютъ думать, не

будучи въ состоянiи обманывать себя относительно своей виновности, что только въ томъ случаѣ смогутъ гарантировать себѣ полную личную безопасность, если окончательно избавятся отъ этихъ несчастныхъ. Теперь вы избавились отъ подобныхъ бѣдствiй и равноправны; а такъ какъ подобный способъ правленiя наиболѣе способствуетъ не только минутному благополучiю, но и дальнѣйшему спокойствiю и славѣ благоустроеннаго государства, то вы должны каждый подумать о томъ, какъ принести наивозможную пользу обществу и открыто высказать свое мнѣнiе, если кому либо не нравится то, что сдѣлано было до сихъ поръ: пусть при этомъ никто не боится за свою безопасность, такъ какъ теперь уже нѣтъ болѣе деспота, который безнаказанно могъ бы причинить вредъ городу или могъ бы своевольно умертвить лицъ, безъ стѣсненiя высказавшихъ свое мнѣнiе. Тиранiю ничто такъ не поддерживало, какъ трусость и боязнь противорѣчить ея предначертанiямъ. Подавленные, убаюканные спокойствiемъ и прiученные вести жизнь рабовъ, мы изъ боязни доблестно умереть старались избѣжать этого, сносили величайшiй позоръ и гнуснѣйшiя бѣдствiя и спокойно взирали на позорную смерть нашихъ товарищей. Поэтому раньше всего слѣдуетъ оказать величайшiя почести тѣмъ, кто избавилъ насъ отъ тиранна, а именно Кассiю Хереѣ. Съ помощью боговъ этотъ одинъ человѣкъ какъ по своей сообразительности, такъ и вслѣдствiе своей рѣшимости, даровалъ намъ свободу. Не слѣдуетъ объ этомъ забывать, что мы должны сообразно съ тѣмъ, какъ онъ единовременно не только подумалъ о возвращенiи намъ свободы, но и подвергся опасности для достиженiя ея, не долго думая и размышляя выразить ему за это наше почтенiе и благодарность. Является поступкомъ прекраснѣйшимъ и достойнѣйшимъ свободныхъ мужей воздавать благодарностью своимъ благодѣтелямъ; въ числѣ послѣднихъ находится и тотъ мужъ, который облагодѣтельствовалъ всѣхъ насъ, при томъ совершенно не такъ, какъ это сдѣлали убiйцы Гая Юлiя (Цесаря), Кассiй и Брутъ. Они своимъ поступкомъ посѣяли смуту и междоусобныя распри въ государствѣ, этотъ же, убивъ тирана, тѣмъ самымъ избавилъ городъ отъ всякихъ бѣдствiй».

3. Такъ говорилъ Сенцiй и рѣчь его была съ восторгомъ принята сенаторами и тѣми всадниками, которые присутствовали въ засѣданiи. Тогда вдругъ вскочилъ нѣкiй Требеллiй Максимъ и совлекъ съ пальца Сенцiя перстень съ камнемъ, на которомъ было выгравировано изображенiе Гая[1]. Этотъ перстень Сенцiй въ пылу своей рѣчи и сгорая желанiемъ сдѣлать

[1] Это такъ наз. гемма.

то, что онъ только что совершилъ, забылъ снять. Въ эту же самую минуту камень съ портретомъ Гая сломался.

Между тѣмъ наступила ночь и Херея обратился къ консуламъ съ просьбою назначить пароль. Они дали ему пароль, гласившiй «свобода». Они при этомъ сами удивились, и подобный поступокъ ихъ вызвалъ даже недовѣрiе. Дѣло въ томъ, что теперь вновь, спустя сто лѣтъ послѣ утраты власти, консуламъ пришлось назначать пароль: раньше чѣмъ городъ попалъ во власть тиранновъ, консулы были главнокомандующими надъ войсками. Получивъ этотъ пароль, Херея сообщилъ его солдатамъ, стоявшимъ у зданiя сенатскаго собранiя. То были четыре когорты, которыя охотнѣе желали оставаться совершенно безъ императора, чѣмъ служить тиранну. Итакъ, войска ушли подъ предводительствомъ своихъ трибуновъ, а затѣмъ разошелся по домамъ и народъ, радуясь, полный надеждъ и упованiй и сознавая, что власть въ его рукахъ, а не въ рукахъ верховнаго вождя. Теперь Херея сталъ въ глазахъ народа воплощенiемъ всѣхъ доблестей.

4. Между тѣмъ Херея былъ очень недоволенъ тѣмъ, что въ живыхъ оставались еще дочь и вдова Гая и что не вся семья его истреблена, такъ какъ онъ полагалъ, что всѣ остающiеся въ живыхъ члены семьи его могутъ быть причиною гибели города и законовъ. А такъ какъ Херея хотѣлъ довести свое дѣло до конца и вполнѣ удовлетворить своей ненависти къ Гаю, то послалъ трибуна Юлiя Лупа съ приказанiемъ убить вдову и дочь Гая. Лупъ получилъ это порученiе, такъ какъ онъ былъ родственникомъ Климена и такъ какъ было желательно, чтобы онъ, принявъ хотя бы это участiе въ истребленiи тиранновъ, могъ гордиться своею гражданскою доблестью, какъ будто бы онъ принималъ участiе въ заговорѣ съ самаго начала возникновенiя его.

Однако нѣкоторымъ изъ заговорщиковъ казалось слишкомъ жестокимъ убивать вдову Гая, потому что послѣднiй всегда дѣйствовалъ скорѣе по своимъ собственнымъ природнымъ побужденiямъ, чѣмъ по ея указанiямъ во всемъ, что принесло государству бѣдствiя и погубило цвѣтъ его гражданъ. Другiе же наоборотъ приписывали все ея влiянiю и считали именно ее виновницею всѣхъ содѣянныхъ Гаемъ несправедливостей, говоря, будто она дала Гаю любовное зелье, чтобы окончательно поработить его себѣ и сдѣлать изъ него игрушку своихъ прихотей. Этимъ-де она довела его до безумiя и навлекла такое горе на судьбу римлянъ и всей подчиненной имъ имперiи. Такимъ образомъ мнѣнiе, что ее слѣдуетъ умертвить, одержало верхъ, такъ какъ желавшiе спасти ее ничего не смогли подѣлать, и Лупу было дано это порученiе. Послѣднiй не замедлилъ ни

минуты приведеніемъ въ исполненіе приказанія пославшихъ его, ибо не желалъ навлекать на себя укоръ въ томъ, будто онъ задумался предъ чѣмъ либо, что могло послужить на пользу народа.

Придя во дворецъ, Лупъ нашелъ вдову Гая, Кесонію, рядомъ съ трупомъ убитаго, лежащимъ на землѣ, совершенно не удостоившимся того, что законъ повелѣваетъ оказывать мертвому. Кесонія была покрыта кровью, которая вытекла изъ ранъ покойнаго ея мужа, и представляла картину полнѣйшаго несчастія и отчаянія, а рядомъ съ нею на полу лежала ея дочь. Женщина твердила только одно: она упрекала Гая, что онъ не хотѣлъ послушаться ея, когда она неоднократно уговаривала его. Уже тогда эти рѣчи вдовы Гая подверглись двоякаго рода толкованію, да и теперь еще можно понимать ихъ такъ или иначе, какъ угодно. Одни истолковывали эти рѣчи въ томъ смыслѣ, что она уговаривала его отказаться отъ своей безумной жестокости по отношенію къ гражданамъ и мягко и добропорядочно править дѣлами, чтобы не погибнуть отъ руки гражданъ. Другіе же увѣряли, будто, когда стали распространяться слухи о существованіи заговора, она совѣтовала Гаю, не откладывая, перерѣзать всѣхъ заговорщиковъ, даже если они еще не успѣли причинить ему никакого зла, и тѣмъ обезопасить себя; такимъ образомъ будто бы въ ея словахъ заключался упрекъ въ бездѣятельности въ то время, какъ она уговаривала его принять рѣшительныя мѣры. Таковы были рѣчи Кесоніи и такимъ-то образомъ люди истолковывали ихъ.

Когда Кесонія замѣтила приближающагося Лупа, она указала ему на трупъ Гая и со слезами и стонами просила подойти поближе. Когда же она увидѣла, что Лупъ явился вовсе не изъ состраданія къ ней и не для того, чтобы оказать ей поддержку, она сразу поняла причину его прихода и съ полною готовностью обнажила шею, умоляя его въ полномъ отчаяніи готоваго къ смерти человѣка не медлить дольше и привести въ исполненіе то, что ему поручено. Такимъ образомъ Кесонія мужественно пала отъ руки Лупа и вмѣстѣ съ нею погибла также ея дочь. Лупъ послѣ этого поспѣшилъ извѣстить о томъ Херею и его товарищей.

5. Такимъ образомъ погибъ Гай послѣ четырехлѣтняго безъ четырехъ мѣсяцевъ правленія надъ римлянами. Еще раньше, чѣмъ власть перешла къ нему, онъ явилъ себя человѣкомъ жестокимъ и въ высшей степени испорченнымъ, преслѣдовавшимъ исключительно свои личныя удовольствія, и доступнымъ клеветѣ; онъ легко пугался всего и поэтому былъ кровожаденъ тамъ, гдѣ могъ бы быть вполнѣ покоенъ; всю свою власть и безумное чванство онъ направилъ къ тому, чтобы обижать наименѣе того заслуживавшихъ людей; при этомъ онъ извлекалъ для себя выгоды изъ казней и противозаконій. Онъ желалъ быть и казаться выше самого Бога и Его законовъ, съ другой же стороны рабски преклонялся предъ похвалою толпы. Все то, что законъ считаетъ постыднымъ и клеймитъ позоромъ, онъ признавалъ высшею добродѣтелью. Онъ совершенно забывалъ о своихъ друзьяхъ, несмотря даже на безчисленныя крупнѣйшія услуги ихъ, и за мельчайшія провинности готовъ былъ жестоко наказывать ихъ. При этомъ онъ считалъ враждебнымъ себѣ все то, что дѣлалось въ видахъ добродѣтели, и принималъ все, даже самое невѣроятное, если только къ тому побуждала его страстность его.

Такъ, напр., онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ родною сестрою своею, что и положило начало особенной ненависти гражданъ къ нему, такъ какъ они этому сперва не хотѣли вѣрить и такой безобразный поступокъ доселѣ былъ въ исторіи еще неизвѣстенъ. Съ другой стороны, никто не былъ бы въ состояніи привести въ примѣръ какой-либо великій чистоцарственный поступокъ его на пользу его современниковъ или потомства. Исключеніе составляютъ развѣ только задуманныя имъ гавани въ Регіумѣ и Сициліи для стоянки прибывающихъ изъ Египта судовъ съ хлѣбомъ. По общему признанію эти сооруженія имѣли громадное значеніе и представляли большую пользу для моряковъ. Однако онъ такъ и не довелъ ихъ до конца и дѣло остановилось на полпути. Причиною тому служило то обстоятельство, что Гай думалъ о разныхъ ненужныхъ вещахъ и тратилъ деньги на свои удовольствія, которыя могли удовлетворить его одного и которыя дѣлали невозможнымъ болѣе щедрый отпускъ суммъ на полезныя предпріятія.

Между прочимъ Гай былъ отличнымъ ораторомъ, одинаково хорошо владѣвшимъ греческимъ и латинскимъ языками. При этомъ онъ сразу понималъ все; пока другимъ приходилось соображать и сопоставлять, онъ сразу находилъ, что отвѣтить, и тѣмъ далеко оставлялъ за собою любого оратора въ любомъ дѣлѣ. Онъ развилъ свои природныя дарованія трудомъ и достигъ силы въ этомъ отношеніи благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатнымъ племянникомъ Тиверія, преемникомъ котораго ему пришлось сдѣлаться, Гай долженъ былъ особенно заботливо отнестись къ требованіямъ образованія, потому что самъ Тиверій придавалъ образованію большое значеніе.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованіямъ императора, Гай старался угодить ему въ этомъ смыслѣ. Такимъ образомъ онъ занималъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ среди своихъ согражданъ;

впрочемъ, плоды его образованія не были въ состояніи оградить его отъ гибели, надвигавшейся на него вслѣдствіе его произвола. Такъ тяжела добродѣтель самообладанія для тѣхъ, которые могутъ не отдавать (никому) отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и слѣдовать личному своему желанію. Первоначально Гай окружилъ себя друзьями и по своему образованію и любви къ славѣ, стремился имѣть дѣло съ наиболѣе достойными людьми, пока съ увеличеніемъ его произвола онъ понемногу не сталъ утрачивать свою популярность; когда же наконецъ ненависть къ нему стала возрастать, ему пришлось погибнуть отъ руки заговорщиковъ, бывшихъ первоначально его приближенными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Когда Клавдій, какъ я выше разсказалъ, разстался съ Гаемъ и услышалъ, что весь дворецъ огласился криками и стонами по поводу смерти Цезаря, онъ сталъ безпокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался въ узкомъ проходѣ; впрочемъ, онъ зналъ, что ничто, кромѣ его высокаго происхожденія, ему не можетъ теперь повредить. Дѣло въ томъ, что онъ велъ замкнутый образъ жизни частнаго человѣка и вполнѣ удовлетворялся этимъ, работая надъ расширеніемъ своего образованія и особенно занимаясь греческою литературою. Такимъ образомъ онъ вполнѣ ушелъ отъ шумной внѣшней жизни. И вотъ, когда теперь народъ находился въ большомъ смятеніи, весь дворецъ былъ преисполненъ обезумѣвшими солдатами, а отрядъ тѣлохранителей обуяли тѣ же смущенность и растерянность, что и частныхъ лицъ, такъ называемые преторіанцы, представлявшие изъ себя отборный отрядъ войска, собрались на совѣщаніе о томъ, что слѣдуетъ предпринять.

Всѣ эти воины менѣе всего думали о томъ, чтобы отмстить за смерть Гая, котораго постигла лишь вполнѣ заслуженная кара, а скорѣе заботились о своемъ личномъ благосостояніи, подобно тому какъ и германцы, столь кровожадно преслѣдовавшіе убійцъ, дѣлали это скорѣе въ своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ для общаго блага.

Все это, однако, приводило въ смущеніе Клавдія, который сталъ безпокоиться за свою участь, особенно когда увидѣлъ, какъ пронесли головы Аспрена и его товарищей. И вотъ, подъ покровомъ ночи, онъ сталъ на возвышеніи, къ которому вело нѣсколько ступеней. Тутъ его увидалъ Гратъ, одинъ изъ дворцовыхъ солдатъ, и такъ какъ онъ не могъ разглядѣть въ темнотѣ лицо его, съ другой же стороны думалъ, что имѣетъ вѣроятно

дѣло съ человѣкомъ злонамѣренным, подошелъ къ нему поближе и, когда Клавдій просилъ его удалиться, сталъ наступать на него. Схвативъ его, онъ однако призналъ Клавдія и, обратившись къ товарищамъ, воскликнулъ: «Да это Германикъ; возьмемъ и провозгласимъ его императоромъ». Когда же Клавдій увидѣлъ, что воины собрались насильно увести его, онъ испугался, какъ бы его не постигла участь Гая, и сталъ молить о пощадѣ, напоминая солдатамъ о томъ, что онъ никогда никого не притѣснялъ и вообще находится въ полномъ невѣдѣніи о случившемся. Тогда Гратъ съ улыбкою схватилъ его правую руку и сказалъ: «Перестань же повторять малодушныя слова о своемъ спасеніи; будь храбръ и подумай объ императорской власти, которую боги, заботясь о вселенной, отняли у Гая и предоставили теперь тебѣ въ награду за твою добродѣтель. Иди и возсядь на тронѣ своихъ предковъ!» При этомъ онъ поддержалъ Клавдія, который отъ страха, а также отъ радости едва удержался на ногахъ.

2. Между тѣмъ къ Грату присоединилось еще много тѣлохранителей, которые, видя, что Клавдія куда-то ведутъ, опечалились, такъ какъ предполагали, что его тащатъ также на казнь; а между тѣмъ они знали его, какъ человѣка всегда очень смирнаго, который неоднократно при правленіи Гая подвергался со стороны послѣдняго значительнымъ опасностямъ. Поэтому нѣкоторые воины рѣшили обратиться къ консуламъ за заступничествомъ за него. Тѣмъ временемъ число прибывавшихъ солдатъ все росло и росло; приближенные же Клавдія, которому по его физической слабости было очень тяжело идти, разбѣжались, равно какъ разбѣжались при извѣстіи о взятіи Клавдія и его слуги, которые обыкновенно носили его носилки. Они всѣ думали, что пришелъ конецъ ихъ господину. И вотъ, когда воины и Клавдій пришли къ площадкѣ на палатинскомъ холмѣ (тутъ по преданію, были воздвигнуты первыя постройки города Рима и тѣмъ положено его основаніе) и собирались рѣшить участь народа, толпа солдатъ стала прибывать. Всѣ они съ радостью желали взглянуть на Клавдія и изъ расположенія къ Германику особенно охотно готовы были провозгласить его императоромъ: Клавдій вѣдь былъ братомъ Германика, а послѣдній, какъ извѣстно, распространилъ свою славу на всѣхъ близкихъ ему. При этомъ солдатамъ пришло на умъ вспомнить о корыстолюбіи лицъ, засѣдавшихъ теперь съ властью въ рукахъ въ сенатѣ, и о томъ, какія беззаконія эти люди позволяли себѣ въ предшествующія царствованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ они подумали также о своемъ собственномъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ они очутились бы, если бы былъ выбранъ кто

нибудь другой въ императоры, тогда какъ если эта власть перешла бы при ихъ посредствѣ и благодаря ихъ преданности именно къ Клавдію, они могли разсчитывать на то, что онъ въ память этой услуги воздастъ имъ такъ, какъ того заслуживала ихъ помощь.

3. Такимъ образомъ разсуждали воины между собою и сообщили свои взгляды на дѣло вновь прибывавшимъ. Узнавая, въ чемъ дѣло, послѣдніе охотно присоединялись къ рѣшенію, и затѣмъ воины окружили Клавдія плотною стѣною и торжественно повели его въ казарму, чтобы такъ никто не могъ помѣшать ихъ начинанію. Тѣмъ временемъ однако произошелъ разладъ во взглядахъ народа и сенаторовъ. Послѣдніе добивались прежней власти и, пользуясь представившимся случаемъ, хотѣли свергнуть съ себя иго, которое наложили на нихъ насилія тирановъ. Народъ между тѣмъ относился къ этому недоброжелательно, такъ какъ понималъ, что въ лицѣ императора имѣлъ сдерживающее начало противъ притязаній знати и могъ опереться на личность императора, и потому радовался уводу Клавдія, предполагая, что избраніе его на престолъ положитъ предѣлъ междоусобной смутѣ. Примѣръ тому былъ уже при Помпеѣ. Когда сенатъ узналъ, что Клавдій въ сопровожденіи солдатъ прибылъ въ казарму, то послалъ къ нему нѣсколькихъ выдающихся членовъ своихъ съ совѣтомъ не настаивать на полученіи престола, но уступить сенату, противъ численнаго превосходства котораго онъ стоитъ одинокимъ, и предоставить законной власти озаботиться объ общемъ благѣ; пусть онъ при этомъ вспомнитъ, насколько прежніе правители повредили государству и насколько онъ самъ вмѣстѣ съ ними, сенаторами, подвергался разнымъ опасностямъ со стороны Гая. Итакъ, если онъ былъ возмущенъ тягостью тиранническихъ насилій другихъ, то пусть самъ добровольно не осмѣливается предпринять что либо противъ блага своей родины. Если онъ послушается ихъ и удовлетворится по прежнему прочнымъ почетомъ спокойной жизни частнаго человѣка, онъ удостоится этого почета со стороны своихъ свободныхъ согражданъ и сможетъ снискать себѣ славу доблестнаго мужа, который въ предѣлахъ законности готовъ находить благо не только во власти, но и въ добровольномъ своемъ отреченіи. Если же онъ не раздѣляетъ ихъ взгляда и не приметъ въ соображеніе примѣра Гая, они съумѣютъ съ нимъ справиться: на ихъ сторонѣ большая часть войска, у нихъ большіе запасы оружія и они располагаютъ множествомъ рабовъ, которые съумѣютъ воспользоваться этимъ оружіемъ. Главная при этомъ надежда ихъ сводится къ тому, что судьба и боги оказываютъ поддержку лишь

тѣмъ, кто доблестно идетъ въ бой за правду, а таковыми въ свою очередь являются всѣ тѣ, кто готовъ сразиться за независимость своего отечества.

4. Такъ говорили посланные, Вераній и Брокхъ (оба были народными трибунами), причемъ пали на колѣни и просили не навлекать на государство войнъ и бѣдствій. Когда же они увидѣли, какая масса воиновъ окружаетъ Клавдія и что въ этомъ случаѣ сами консулы не смогутъ ничего подѣлать, они просили его, если онъ уже непремѣнно добивается власти, принять таковую отъ сената: вѣдь онъ будетъ править куда спокойнѣе и счастливѣе, если добромъ получитъ эту власть отъ сената, чѣмъ если добьется ея путемъ насилія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Понимая, съ какимъ разсчетомъ были посланы эти депутаты, Клавдій однако въ данную минуту подъ вліяніемъ ихъ словъ былъ готовъ идти на нѣкоторыя уступки. Впрочемъ, онъ уже успѣлъ оправиться отъ страха за свою личную безопасность съ одной стороны потому, что ему придавало мужества наличность войскъ, а съ другой царь Агриппа совѣтовалъ ему не выпускать изъ рукъ такую явившуюся къ нему сама собою власть. Между прочимъ Агриппа поступилъ и относительно Гая такъ, какъ могъ поступить человѣкъ, котораго тотъ столь любилъ. Дѣло въ томъ, что онъ взялъ и снесъ трупъ Гая на его ложе, покрылъ его тамъ одѣялами, а затѣмъ отправился къ отряду тѣлохранителей и объявилъ имъ, что хотя Гай еще живъ, однако сильно страдаетъ отъ полученныхъ ранъ и требуетъ медицинской помощи. Когда же Агриппа услыхалъ, что солдаты увели Клавдія, онъ побѣжалъ къ нему и засталъ его въ ту самую минуту, когда тотъ былъ въ полномъ смущеніи и уже намѣревался уступить требованіямъ сената. Онъ ободрилъ Клавдія и совѣтовалъ ему не упускать власти. Затѣмъ онъ отправился къ себѣ домой. Когда изъ сената прислали за нимъ, онъ умастилъ себѣ волосы, какъ будто бы только что явился съ пира, пришелъ въ собраніе и спросилъ сенаторовъ, что подѣлываетъ Клавдій. Сенаторы сообщили ему о положеніи дѣлъ и спросили его мнѣнія на счетъ этого. Тогда Агриппа отвѣтилъ, что онъ самъ охотно готовъ умереть за сенатъ, но что нужно имѣть въ виду (общую) пользу и отрѣшиться отъ всего, что могло бы быть полезно отдѣльнымъ личностямъ. Онъ сказалъ, что если сенаторы хотятъ удержать власть въ своихъ рукахъ, имъ нужно будетъ подумать объ оружіи и войскѣ, которое могло бы оградить ихъ, чтобы имъ неожиданно не попасть въ просакъ неподготовленными. Когда же сенатъ возразилъ, что у него въ распоря-

женіи масса оружія и будетъ много денегъ, что у нихъ уже имѣется нѣкоторая часть войска и что они уже согласились освободить съ этою цѣлью рабовъ, Агриппа воскликнулъ: «Да будетъ вамъ, сенаторы, удача во всемъ сообразно вашему желанію! Я долженъ теперь безъ обиняковъ высказать свое мнѣніе, касающееся общаго блага. Знайте, что войско, которое готово сражаться за Клавдія, испытано долголѣтнею службою. Наша же рать будетъ состоять изъ разнаго сброда и случайно освобожденныхъ рабовъ, а это скверно. Намъ придется сражаться съ испытанными воинами и выставить противъ нихъ людей, наврядъ ли знающихъ, какъ извлечь мечъ изъ ноженъ. Поэтому мнѣ сдается, что слѣдуетъ послать теперь же къ Клавдію депутатовъ съ предложеніемъ отказаться отъ власти, и я самъ готовъ принять на себя это порученіе».

2. Такъ сказалъ Агриппа. Съ нимъ согласились, и онъ былъ вмѣстѣ съ другими посланъ къ Клавдію. Говоря съ нимъ наединѣ, онъ совѣтовалъ ему отвѣчать потверже, какъ достойно будущаго императора, и опираться при этомъ на могущество своей будущей власти. Поэтому Клавдій отвѣчалъ, что онъ нисколько не удивляется, если сенатъ неохотно подчинится чужой власти, такъ какъ онъ уже столько выстрадалъ отъ жестокости прежнихъ правителей; теперь же настали болѣе благопріятныя времена, сенаторы испытаютъ его, Клавдія, мягкость, такъ какъ онъ лишь по имени будетъ правителемъ, на дѣлѣ же готовъ съ ними дѣлиться этою властью. Въ виду того, что онъ на глазахъ ихъ велъ столько разныхъ дѣлъ, они наврядъ ли не повѣрятъ ему. Съ такими данными депутаты были отправлены назадъ. Затѣмъ Клавдій потребовалъ отъ собравшихся воиновъ присяги на вѣрность и подарилъ каждому изъ тѣлохранителей по пяти тысячъ драхмъ; начальствующимъ лицамъ онъ сдѣлалъ соотвѣтственно большіе подарки и обѣщалъ всѣмъ частямъ войскъ, гдѣ бы онѣ ни были расположены, подобное же вознагражденіе.

3. Между тѣмъ консулы, несмотря на поздній ночной часъ, созвали сенатъ на совѣщаніе въ храмъ Юпитера-Побѣдоносца. Однако при извѣстіи объ отвѣтѣ Клавдія одни испугались и спрятались въ городѣ, другіе поспѣшили уѣхать въ свои помѣстья, предвидя, къ какому печальному концу придетъ все дѣло, и потому они отказались отъ мысли о свободѣ и предпочитали въ безопасномъ подчиненіи вести бездѣятельный образъ жизни, чѣмъ сохранить за собою власть и положеніе своихъ предковъ и постоянно дрожать за свое личное спокойствіе. И все-таки собравшихся было сто человѣкъ. Пока они совѣщались относительно положенія вещей, бывшее въ ихъ распоряженіи войско внезапно

подняло крикъ, требуя, чтобы сенатъ выбралъ кого нибудь одного императоромъ и не ослаблялъ власти, раздѣливъ ее между многими лицами. Войска высказывались въ томъ смыслѣ, что власть слѣдуетъ предоставить не всѣмъ (сенаторамъ), но одному лицу, и требовали, чтобы имъ, солдатамъ, было предоставлено выбрать того, кто по ихъ мнѣнію является наиболѣе достойнымъ ея. Теперь положеніе сената стало особенно затруднительнымъ, потому что съ одной стороны приходилось отказаться отъ свободы, а съ другой слѣдовало опасаться Клавдія. Между тѣмъ среди сенаторовъ были люди, которые разсчитывали сами быть избранными, какъ вслѣдствіе своей родовитости, такъ и вслѣдствіе родства съ императорскимъ домомъ. Такимъ претендентомъ, напр., являлся Маркъ Виниций, который происходилъ изъ очень знатнаго рода и кромѣ того былъ женатъ на сестрѣ Гая, Юліи. Когда онъ объявилъ себя кандидатомъ на императорскій престолъ, консулы стали однако приводить противъ его кандидатуры всевозможнаго рода возраженія. Валерія Азіатика, который также подумывалъ объ этомъ, удержалъ Минуціанъ, одинъ изъ убійцъ Гая. Если бы кандидаты на престолъ получили удовлетвореніе, то при неизбѣжной борьбѣ ихъ съ Клавдіемъ произошла бы крайне кровопролитная рѣзня. Тѣмъ временемъ и гладіаторы (которыхъ въ городѣ было довольно значительное количество) и ночная городская стража и гребцы направились къ (преторіанскимъ) казармамъ, такъ что лица, домогавшіяся (первоначально) власти, теперь отказались отъ своего намѣренія, отчасти чтобы оградить и пощадить городъ, отчасти изъ опасенія за свою личную безопасность.

4. На самомъ разсвѣтѣ Херея и его товарищи отправились къ войскамъ, имѣя въ виду обратиться къ нимъ съ рѣчью. Когда же масса солдатъ увидѣла, какъ они дѣлали знаки рукой, чтобы вызвать тишину и начать свою рѣчь, она закричала, что не дастъ имъ говорить, а настаиваетъ на томъ, чтобы имъ былъ данъ единовластный правитель. Они требовали императора, такъ какъ имъ надоѣло ждать. Тѣмъ временемъ сенатъ находился въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ разрѣшить вопросъ о формѣ правленія: солдаты не хотѣли признавать компетентности сената, а убійцы Гая не допускали вмѣшательства войска въ это дѣло. При такомъ положеніи вещей Херея не могъ удержаться, чтобы не выразить своего гнѣва по поводу требованія ими императора, и обѣщалъ дать имъ таковаго, если кто либо изъ солдатъ принесетъ ему удостовѣреніе отъ Евтиха. Евтихъ этотъ былъ однимъ изъ возницъ партіи зеленыхъ [1] и былъ особенно преданъ Гаю, что наглядно

[1] Участники конскихъ ристалищъ въ циркѣ дѣлились на четыре группы

выразилось въ его отношеніяхъ къ солдатамъ во время постройки царскихъ конюшенъ. Тутъ Евтихъ обременялъ воиновъ всевозможными позорными для нихъ работами. На послѣднія теперь иронически намекалъ Херея, равно какъ осыпалъ воиновъ насмѣшками въ томъ же родѣ и говорилъ, что принесетъ (имъ) голову Клавдія. При этомъ онъ указывалъ что будетъ ужасно, если они послѣ сумасшедшаго передадутъ власть слабоумному. Однако солдаты не смущались его рѣчами, но извлекли мечи и, поднявъ знамена, отправились къ Клавдію, чтобы присоединиться къ тѣмъ, которые уже принесли присягу. Такимъ образомъ сенатъ остался безъ защитниковъ и консулы обратились въ частныхъ лицъ. Всюду наступили смущеніе и уныніе, такъ какъ никто не зналъ, что предпринять и какъ оградить себя отъ гнѣва Клавдія; люди стали укорять другъ друга и всѣ раскаивались въ своей горячности. Тогда Сабинъ, одинъ изъ убійцъ Гая, выступилъ впередъ и объявилъ, что онъ скорѣе самъ убьетъ себя, чѣмъ согласится на избраніе Клавдія и допуститъ возстановленіе рабства. Затѣмъ онъ сталъ укорять Херею въ трусости, если онъ, который первый пошелъ на Гая, теперь готовъ остаться въ живыхъ, когда онъ своимъ поступкомъ не смогъ вернуть отечеству свободы. Херея отвѣтилъ на это, что онъ ни минуты не задумается умереть, но сперва желалъ бы узнать о настроеніи Клавдія.

5. Пока дѣла были въ такомъ положеніи, всѣ воины отовсюду стали стекаться къ Клавдію, чтобы выразить ему свою преданность. При этомъ они обвиняли одного изъ консуловъ, именно Квинта Помпонія, въ томъ, что онъ особенно возбуждалъ сенаторовъ къ отстаиванію свободы. Солдаты даже извлекли мечи и, устремившись на консула, покончили бы съ нимъ, если бы ихъ во-время не остановилъ Клавдій. Освободивъ его такимъ образомъ отъ опасности, Клавдій посадилъ затѣмъ Помпонія рядомъ съ собою. Однако тѣ сенаторы, которые были тутъ вмѣстѣ съ Квинтомъ, не удостоились со стороны Клавдія подобнаго почета. Нѣкоторые изъ нихъ подверглись даже побоямъ, такъ какъ ихъ насильно не хотѣли допустить къ Клавдію; Апоній долженъ былъ удалиться, совершенно израненый, и всѣ вообще сенаторы подверглись крайней опасности. Тогда царь Агриппа приблизился къ Клавдію и просилъ его оградить сенаторовъ и обойтись съ ними помягче, потому что если они подвергнутся истребленію, ему некому будетъ показать свою власть. Клавдій внялъ этому совѣту и

и внѣшнимъ образомъ отличались другъ отъ друга цвѣтомъ одежды (бѣлые, красные, голубые и зеленые).

предложилъ сенаторамъ собраться въ палатинскомъ дворцѣ, куда онъ затѣмъ велѣлъ снести себя въ носилкахъ чрезъ весь городъ, причемъ войско сопровождало его и по пути позволяло себѣ совершать различныя насилія надъ народомъ. Тогда вышли на улицу также убійцы Гая, Херея и Сабинъ, хотя это имъ было запрещено Полліономъ, котораго не задолго передъ тѣмъ Клавдій назначилъ начальникомъ отряда тѣлохранителей. Когда Клавдій прибылъ во дворецъ, онъ собралъ приближенныхъ и предложилъ имъ рѣшить участь Хереи. Хотя тѣ и признали въ поступкѣ послѣдняго много благородства, однако вмѣстѣ съ этимъ они обвиняли его также въ извѣстномъ вѣроломствѣ (по отношенію къ Гаю) и рѣшили подвергнуть его смертной казни, какъ примѣръ на будущее время. Такимъ образомъ Херея былъ поведенъ на казнь и вмѣстѣ съ нимъ Лупъ и еще цѣлый рядъ римлянъ. Говорятъ, что Херея мужественно отнесся къ постигшему его несчастію и не только не измѣнился при этомъ въ лицѣ, но и осыпалъ упреками разрыдавшагося Лупа. Когда же послѣдній снялъ одежду и сталъ жаловаться на холодъ, Херея замѣтилъ ему, что холодъ вѣдь привыченъ волку [1]. Масса народа шла за осужденными, чтобы присутствовать при казни. Когда они пришли къ мѣсту казни, Херея спросилъ солдата (который долженъ былъ исполнить обязанность палача), ловко ли онъ дѣлаетъ свое дѣло или же ему впервые приходится дѣйствовать мечомъ. Затѣмъ онъ просилъ принести мечъ, которымъ онъ самъ убилъ Гая.

Херея умеръ, не дрогнувъ, подъ первымъ же ударомъ меча. Лупъ, вслѣдствіе своего отчаянія, не такъ счастливо окончилъ жизнь свою; ему пришлось нанести повторный ударъ, такъ какъ онъ недостаточно спокойно подставилъ свою голову.

6. Нѣсколько дней спустя наступилъ праздникъ поминовенія усопшихъ, когда римскій народъ приноситъ жертвы въ память своихъ покойниковъ. Тогда же римляне почтили и память Хереи, бросивъ въ честь его лепешки въ огонь и умоляя его быть милостивымъ къ нимъ и не воздавать зломъ за народную неблагодарность.

Таковъ былъ конецъ Хереи. Сабинъ же, которому Клавдій не только простилъ его вину, но котораго онъ даже утвердилъ въ его прежней должности, счелъ безчестнымъ отречься такимъ образомъ отъ прежнихъ своихъ товарищей по заговору и самъ покончилъ съ собою, бросившись на мечъ, который вонзился въ его тѣло вплоть до самой рукоятки.

---

[1] Въ этомъ игра словъ. Лупъ (lupus) по латыни значитъ „волкъ".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Между тѣмъ Клавдій немедленно удалилъ изъ войска всѣ ненадежные элементы, а затѣмъ издалъ указъ, которымъ утверждалъ за Агриппою власть, дарованную ему Гаемъ, причемъ отозвался о царѣ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ. Онъ прибавилъ къ его владѣніямъ всѣ области, которыми правилъ дѣдъ Агриппы, Иродъ Великій, а именно Іудею и Самарію. Эти области онъ отдалъ ему, какъ принадлежавшія ему по праву рожденія. Кромѣ того, Клавдій предоставилъ ему еще Авилу [1], которою управлялъ нѣкогда Лисаній, и всю мѣстность въ предѣлахъ Ливанскаго хребта. Затѣмъ онъ на форумѣ въ Римѣ заключилъ клятвенный союзъ съ Агриппою. Антіоху онъ подарилъ отнятыя у него владѣнія, а именно часть Киликіи и Коммагену. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освободилъ также алабарха Александра (Лисимаха), который навлекъ на себя гнѣвъ Гая и томился въ темницѣ; онъ былъ съ нимъ издавна друженъ, тѣмъ болѣе, что тотъ завѣдывалъ дѣлами его матери Антоніи. Сынъ этого алабарха женился на дочери Агриппы, Береникѣ. Когда Маркъ—такъ звали сына алабарха—умеръ, Агриппа выдалъ его вдову за своего брата Ирода и упросилъ Клавдія предоставить Ироду царство халкидское.

2. Въ это время произошли смуты между іудейскимъ и греческимъ населеніемъ города Александріи. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Гая, подъ властью котораго народъ іудейскій былъ очень притѣсняемъ и подвергался со стороны александрійцевъ страшнѣйшимъ насиліямъ, онъ воспрянулъ духомъ и немедленно взялся за оружіе. Клавдій приказалъ египетскому намѣстнику подавить смуту. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, по настоянію царей Агриппы и Ирода, отправилъ въ Александрію и въ Сирію указъ слѣдующаго содержанія:

«Такъ постановляетъ императоръ Тиверій Клавдій Германикъ Августъ, верховный жрецъ, облеченный властью народнаго трибуна: принимая во вниманіе, 1) что александрійскіе іудеи, называющіеся александрійцами были поселены въ Александріи вмѣстѣ съ первыми жителями этого города и пользовались, благодаря распоряженію царей, одинаковыми (съ греками) гражданскими правами, какъ-то явствуетъ изъ писанныхъ документовъ и имѣющихся на сей счетъ указовъ; 2) что во время нашего (римскаго) владычества Александрія была подчинена Августу и при этомъ въ различныя времена дарованныя тамошнимъ іудеямъ права были соблюдаемы посылаемыми туда намѣстниками, которые отнюдь не умаляли этихъ правъ; 3) что вмѣстѣ съ этимъ въ то время, когда въ Александріи находился Аквила и умеръ іудейскій этнархъ, Августъ не препятствовалъ избранію новыхъ этнарховъ, такъ какъ желалъ, чтобы всѣ его подданные невозбранно пользовались самоуправленіемъ и не были принуждаемы къ нарушенію своихъ исконныхъ религіозныхъ обрядовъ; и наконецъ 4) что возмущеніе александрійскихъ грековъ противъ тамошнихъ іудеевъ датируетъ еще со временъ императора Гая, который въ своемъ великомъ безуміи и недомысліи притѣснялъ іудеевъ за то, что они не желали отречься отъ религіи своихъ предковъ и признать самого его богомъ,—принимая все это во вниманіе, я не желаю чтобы, вопреки глупому распоряженію Гая, іудейскій народъ былъ чѣмъ либо стѣсненъ въ своихъ правахъ, но требую, чтобы за нимъ были утверждены всѣ прежнія права его, дабы іудеи могли жить по своимъ обычаямъ. При этомъ я требую, чтобы съ обѣихъ сторонъ было приложено всяческое стараніе избѣгнуть какихъ бы то ни было волненій послѣ обнародованія этого моего распоряженія».

3. Таково было содержаніе императорскаго указа относительно александрійскихъ іудеевъ. Другое же распоряженіе, касавшееся остальныхъ частей имперіи, гласило слѣдующимъ образомъ:

«Я, Тиверій Клавдій Августъ Германикъ императоръ, верховный жрецъ съ трибунскою властью и вторично консулъ, постановляю: Такъ какъ любезнѣйшіе мнѣ цари Агриппа и Иродъ обратились ко мнѣ съ просьбою утвердить за всѣми римскоподданными іудеями тѣ же права, которыя я утвердилъ за іудеями александрійскими, я съ удовольствіемъ согласился на это и притомъ не только въ угоду просителямъ, но и потому, что счелъ того достойными тѣхъ, за которыхъ они просили, ибо они всегда соблюдали вѣрность римлянамъ; поэтому я рѣшилъ, чтобы права эти распространились на всѣ даже греческіе города, гдѣ есть іудейское населеніе, такъ какъ права эти были признаны еще божественнымъ Августомъ. Пусть поэтому іудеи, живущіе на всемъ протяженіи нашей славной имперіи, невозбранно соблюдаютъ свои исконные обычаи, причемъ я, по своему великодушію позволивъ имъ это, требую, чтобы они держали себѣ спокойнѣе, не глумились надъ религіозными обрядами иновѣрцевъ и соблюдали въ точности свои собственные законы. Это мое распоряженіе пусть будетъ сообщено всѣмъ правителямъ городовъ, колоній и муниципій

[1] По Поливію (V, 71, 2) это была столица области Авилены въ Келесиріи, недалеко отъ Дамаска. До сихъ поръ сохранились тамъ развалины подъ именемъ Nebi Abel. Срв. Boettger, l. c. p. 4—5.

не только въ предѣлахъ Италіи, но и внѣ ея, а также царямъ и князьямъ чрезъ ихъ собственныхъ посланниковъ. Пусть этотъ указъ будетъ вывѣшенъ въ теченіе тридцатидневнаго срока на видномъ мѣстѣ, гдѣ каждый легко сможетъ прочитать его».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Этими распоряженіями, разосланными въ Александрію и вообще по всей имперіи, Клавдій достаточно ясно выказалъ свой взглядъ на іудеевъ. Затѣмъ онъ съ величайшимъ почетомъ отпустилъ Агриппу въ его царство, причемъ послалъ всѣмъ преторамъ и намѣстникамъ письменные указы съ требованіемъ принимать его любезно. Агриппа, въ свою очередь, какъ это и было вполнѣ естественно со стороны человѣка, судьба котораго приняла самый благопріятный оборотъ, поспѣшилъ воспользоваться разрѣшеніемъ уѣхать. По прибытіи своемъ въ Іерусалимъ онъ принесъ благодарственныя жертвы и исполнялъ всѣ предписанія законовъ. Такъ, напр., онъ распорядился остричь волосы множеству назиреевъ.[1] Подаренную ему Гаемъ золотую цѣпь, которая вѣсила столько же, сколько желѣзная, нѣкогда отягчавшая его царственныя руки,[2] онъ повѣсилъ внутри храма надъ входомъ въ ризницу въ память тяжелой участи своей и въ доказательство того, какъ судьба человѣка можетъ перемѣниться къ лучшему; эта цѣпь служила напоминаніемъ, что и великіе міра сего могутъ когда нибудь пасть и что Предвѣчный можетъ поднять павшихъ. Посвященіе этой цѣпи Богу показывало всѣмъ, что царь Агриппа по маловажной причинѣ утратилъ свою прежнюю власть и попалъ въ темницу, откуда нѣкоторое время спустя вышелъ, чтобы сдѣлаться еще болѣе могущественнымъ, чѣмъ былъ прежде. Все это являло наглядный примѣръ того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться къ прежнему величію.

2. Исполнивъ всѣ ритуальныя предписанія, Агриппа смѣстилъ первосвященника Ѳеофила, сына Анана, и поручилъ его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канѳеры. У этого Симона было два брата и отецъ Боэтъ, дочь котораго, какъ нами было упомянуто выше,

[1] Какъ извѣстно, назиреи были люди, давшіе обѣтъ на всегда или на опредѣленное время вести воздержный образъ жизни, не пить вина и т. п., и въ знакъ этого отращавшіе себѣ волосы. По окончаніи срока обѣта священнослужители при особенно торжественной обстановкѣ стригли имъ волосы.

[2] См. выше, стр. 323

была замужемъ за царемъ Иродомъ. Такимъ образомъ, и Симонъ и его отецъ и его братья были первосвященниками подобно тому, какъ нѣкогда, во времена македонскаго владычества, первосвященство переходило последовательно къ тремъ сыновьямъ Симона, сына Оніи. Впрочемъ, объ этомъ мы уже упоминали въ предшествующихъ книгахъ.

3. Устроивъ такимъ образомъ дѣла, касавшіяся первосвященническаго достоинства, царь задумалъ вознаградить іерусалимцевъ за ихъ преданность ему. Поэтому онъ, желая воздать имъ за любовь ихъ, освободилъ каждый изъ домовъ ихъ отъ спеціальнаго налога. Затѣмъ онъ назначилъ начальникомъ надъ всѣмъ войскомъ Силаса, человѣка, который нѣкогда раздѣлялъ съ нимъ всѣ его бѣдствія.

Спустя нѣкоторое время, нѣсколько юношей изъ города Дора, рѣшившихся поглумиться надъ священными вещами и по природѣ своей отличавшихся необычайною смѣлостью, задумали поставить въ одной изъ синагогъ статую императора. Это привело Агриппу въ страшную ярость, потому что тѣмъ могло быть положено начало попиранія исконныхъ іудейскихъ законовъ. Поэтому онъ немедленно отправился къ сирійскому намѣстнику Публію Петронію и выступилъ передъ нимъ съ жалобой на доритянъ. Петроній не менѣе самого Агриппы разсердился на этотъ поступокъ послѣднихъ (дѣло въ томъ, что онъ самъ считалъ нарушеніе законовъ верхомъ безбожія) и въ гнѣвѣ своемъ послалъ доритскимъ отступникамъ письмо слѣдующаго содержанія: «Публій Петроній, представитель императора Тиверія Клавдія Августа Германика, обращается къ начальствующимъ лицамъ доритянъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ дошли въ своей безразсудной дерзости до того, что, вопреки предписанію императора Клавдія Августа Германика относительно предоставленія іудеямъ права соблюдать ихъ законы, рѣшились не послушаться его и поступить какъ разъ наоборотъ, а именно, что осквернили собраніе іудеевъ постановкою статуи императора въ залѣ ихъ засѣданій, вы поступили противозаконно не только относительно іудеевъ, но и относительно самой личности императора. Вѣдь постановка статуи послѣдняго была бы гораздо умѣстнѣе въ его собственномъ, лично ему посвященномъ храмѣ, чѣмъ въ чужомъ мѣстѣ, тѣмъ менѣе въ синагогѣ. По самой природѣ вещей справедливо, чтобы каждый былъ у себя дома своимъ хозяиномъ; такъ посмотрѣлъ на дѣло и императоръ. При этомъ было бы смѣшно упоминать здѣсь относительно моего постановленія послѣ императорскаго указа, въ силу котораго іудеямъ разрѣшено жить по собственнымъ законамъ и пользоваться полною равноправностью съ гре-

ческимъ населеніемъ. Такъ какъ ослушники рѣшились на свой поступокъ вопреки распоряженію Августа, чѣмъ они навлекли на себя вѣроятно и неудовольствіе своихъ начальниковъ, и такъ какъ они при этомъ указали на то, что поступили такимъ образомъ не по собственному побужденію, а по требованію простонародья, я распорядился, чтобы центуріонъ Проклъ Вителлій представилъ мнѣ виновныхъ для расправы. Вмѣстѣ съ тѣмъ я предлагаю лицамъ начальствующимъ, если они не желаютъ навлекать на себя подозрѣнія въ соучастіи въ этомъ закононарушеніи, назвать центуріону имена виновныхъ и тѣмъ предотвратить всякія смуты и междоусобія, которыя, по моему мнѣнію, должны быть вызваны этими дѣлами. При этомъ я, равно какъ почтеннѣйшій другъ мой, царь Агриппа, не заботимся ни о чемъ болѣе, какъ о томъ, чтобы предотвратить смуты среди іудейскаго населенія, которое подъ предлогомъ самозащиты уже начало собираться и дѣлать рядъ неосмотрительностей. А для того, чтобы было вполнѣ извѣстно, какъ смотритъ на все дѣло императоръ, я присоединяю къ своему письму его указъ относительно жителей Александріи, указъ, который, несмотря на свою общеизвѣстность, былъ мнѣ въ собраніи прочитанъ любезнѣйшимъ царемъ Агриппою. Послѣдній счелъ нужнымъ въ свое время заступиться предъ императоромъ за іудеевъ и постарался, чтобы у нихъ не были отняты прежнія императорскія милости. Поэтому я на будущее время предлагаю вамъ не выискивать никакого предлога для смутъ и волненій, но дать каждому возможность по своему отправлять свое богослуженіе».

4. Такимъ-то образомъ Петроній позаботился загладить нанесенную іудеямъ обиду и оградить ихъ отъ подобныхъ явленій на будущее время. Между тѣмъ Агриппа лишилъ Симона Каноеру первосвященства и вновь поставилъ на эту должность Іонаоа, сына Анана, считая его достойнымъ этого высокаго сана. Однако Іонаоъ отказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ отъ этой чести: «Царь! Получая отъ тебя столь почетное предложеніе, я радуюсь, тѣмъ болѣе, что ты самъ собою пришелъ къ этому рѣшенію. Однако Предвѣчный никакъ не можетъ считать меня достойнымъ первосвященства. Съ меня довольно, что я единожды облекся въ это священное одѣяніе. Тогда я сдѣлалъ это съ болѣе чистымъ сердцемъ, чѣмъ сдѣлалъ бы это теперь. Если же ты желаешь, чтобы нынѣ эта честь была оказана человѣку, болѣе меня достойному ея, то позволь дать тебѣ совѣтъ. У меня, царь, есть братъ, который совершенно чистъ отъ всякаго грѣха, какъ относительно Бога, такъ и относительно тебя. Его я предлагаю тебѣ, какъ лицо, достойное этой чести».

Царь вполнѣ согласился съ этими доводами, высоко почтилъ мнѣніе Іонаоа и утвердилъ въ первосвященническомъ санѣ брата послѣдняго, Матоія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Немного спустя Петронія смѣнилъ Марсъ и сталъ намѣстникомъ сирійскимъ.

Между тѣмъ Силасъ, царскій главнокомандующій, который оставался вѣренъ Агриппѣ во всѣхъ превратностяхъ его судьбы и не только неизмѣнно раздѣлялъ съ нимъ нѣкогда всѣ тягости, но и неоднократно подвергалъ себя крайней опасности, очень чванился этимъ, думалъ, что царь долженъ воздавать ему за его вѣрную дружбу высшимъ почетомъ. Въ виду этого онъ никоимъ образомъ не желалъ уступать первенство царю, но обходился съ нимъ всегда крайне фамиліарно, а во время дружескихъ бесѣдъ даже становился крайне тягостнымъ, такъ какъ онъ безмѣрно кичился и часто напоминалъ царю о превратностяхъ его судьбы. Дѣлалъ онъ это съ единственною цѣлью, чтобы выказывать ему свою большую давнишнюю преданность. Поэтому онъ часто и подробно перечислялъ царю всѣ тягости, которымъ онъ подвергался ради него.

Такія хвастливыя рѣчи въ концѣ концовъ звучали какъ насмѣшка, почему царь однажды возмутился такою несдержанною нескромностью этого человѣка. Вѣдь никому не доставляетъ удовольствія напоминаніе о безславномъ прошломъ, а постоянное повтореніе этой темы можетъ быть дѣломъ лишь близорукаго глупца. Въ концѣ концовъ Силасъ добился того, что страшно разсердилъ царя, который, уступая чувству раздраженія предъ разсудительностью, не только смѣстилъ Силаса, но и велѣлъ заковать его въ цѣпи и отправить на родину. Съ теченіемъ времени однако гнѣвъ царя смягчился и онъ, припоминая цѣлый рядъ заслугъ Силаса, понялъ, что слишкомъ сурово обошелся съ этимъ человѣкомъ. Поэтому когда наступилъ день рожденія Агриппы, который ознаменовывался празднествами всѣхъ его подчиненныхъ, онъ велѣлъ призвать Силаса обратно и пригласить его во дворецъ къ нему на пиръ. Силасъ же, отличавшійся откровенностью, нисколько не постѣснился выказать предъ посланными справедливый, по его мнѣнію, гнѣвъ и сказалъ имъ: „Зачѣмъ царь приглашаетъ меня для такой чести, которой онъ все равно немного погодя лишитъ меня? Вѣдь и прежнія доказательства благодарности его ко мнѣ за мою преданность были непродолжительны, такъ какъ онъ позорно лишилъ меня ихъ. Или онъ думаетъ, что я разъ навсегда отказался отъ свободы своего

слова? Сознавая свою правоту и это право за собою, я теперь еще громче буду говорить о томъ, въ сколькихъ тяжелыхъ положеніяхъ я выручалъ Агриппу, какимъ тягостямъ подвергался ради него, доставляя ему спасеніе и почетъ; и за все это въ благодарность я получилъ лишь кандалы и темную тюрьму. Конечно, я объ этомъ никогда не забуду Быть можетъ, вскорѣ мнѣ придется разстаться съ жизнью и тогда моя смерть облегчится сознаніемъ доблестно исполненнаго долга».

Такъ энергично говорилъ Силасъ и требовалъ, чтобы его слова были переданы царю. Видя его столь непримиримымъ, Агриппа оставилъ Силаса въ крѣпости.

2. Тѣмъ временемъ царь сталъ укрѣплять стѣны Іерусалима со стороны новаго города. Дѣлалъ онъ это за счетъ государственный казны, расширяя стѣны и значительно возвышая ихъ. Ему удалось бы придать этимъ стѣнамъ окончательную неприступность, если бы сирійскій намѣстникъ Марсъ письменно не сообщилъ о томъ императору Клавдію. Послѣдній, усмотрѣвъ въ этомъ предпріятіи нѣкоторое опасное новшество, приказалъ Агриппѣ немедленно пріостановить постройку стѣнъ. Агриппа не считалъ возможнымъ ослушаться [1].

3. Этотъ царь былъ по природѣ своей весьма щедръ на подарки и любилъ одаривать подчиненныхъ. Расходуя на это часто значительныя суммы, онъ снискалъ себѣ славу, находя удовольствіе въ своей щедрости и въ томъ, что жизнь его отъ этого лишь выигрывала. Этимъ онъ совершенно не походилъ на своего предшественника Ирода (Великаго). Послѣдній отличался страстною мстительностью и неудержимою ненавистью ко всѣмъ противникамъ своимъ и въ то же время открыто признавался, что симпатіи его скорѣе на сторонѣ грековъ, чѣмъ іудеевъ. Иностранные города Иродъ одарилъ значительными денежными суммами, сооружая термы, театры и всякія другія зданія; въ однихъ онъ строилъ храмы, въ другихъ портики. Между тѣмъ онъ рѣшительно ничего не сдѣлалъ ни для одного іудейскаго города и не подарилъ ему ничего, что было бы достойно упоминанія.

Агриппа, напротивъ, былъ мягкаго характера и одинаково щедръ ко всѣмъ. Съ иноземцами онъ былъ предупредителенъ и любилъ одаривать ихъ, но зато онъ не менѣе щедрымъ являлъ себя также къ своимъ единоплеменникамъ и даже старался особенно выказывать имъ сочувствіе и благоволеніе. Поэтому онъ любилъ подолгу жить въ Іерусалимѣ; онъ

[1] Срв. Іуд. войну, II, 11, 6.

всегда въ точности исполнялъ предписанія законовъ. Во всемъ онъ старался точно соблюдать требованія ритуала и не проходило дня, чтобы онъ не совершилъ установленнаго закономъ жертвоприношенія.

4. Въ Іерусалимѣ въ это время жилъ іудей, считавшійся особенно глубокимъ знатокомъ законовъ. Его звали Симономъ. Когда однажды царь уѣхалъ въ Цезарею, онъ собралъ народъ на сходку и рѣшился выступить тутъ съ обвиненіями противъ Агриппы, говоря, что послѣдній не религіозенъ и что ему слѣдовало бы запретить доступъ въ храмъ, куда могли входить лишь природные іудеи. Эти рѣчи Симона къ народу были (немедленно) письменно сообщены царю военачальникомъ города. Тогда Агриппа послалъ за Симономъ и по прибытіи его велѣлъ ему сѣсть рядомъ съ собою (Агриппа въ это время былъ въ театрѣ). Затѣмъ онъ мягко спросилъ его: «Скажи мнѣ, что дѣлается тутъ противозаконнаго?» Симонъ не нашелся, что отвѣтить на это, и сталъ просить у царя прощенія. Царь простилъ его раньше всякаго другого; вообще онъ считалъ мягкость особенно царственнымъ качествомъ и понималъ, что великимъ міра сего болѣе приличествуетъ доброта, чѣмъ гнѣвъ. Затѣмъ онъ далъ Симону еще кое-что въ подарокъ и съ этимъ отпустилъ его.

5. Среди множества воздвигнутыхъ Агриппою сооруженій тѣ, которыми онъ почтилъ городъ Беритъ, занимаютъ особенно выдающееся мѣсто. Тутъ онъ воздвигъ роскошнѣйшій театръ, который могъ равняться съ любымъ зданіемъ этого рода, а также необычайно красивый амфитеатръ, равно какъ термы и портики. Не желая стѣснять себя въ смыслѣ красоты и объемовъ всѣхъ этихъ зданій, онъ не щадилъ средствъ на нихъ. Освященіе этихъ зданій онъ обставилъ особенною торжественностью. Въ театрѣ онъ велѣлъ устроить представленія, во время которыхъ далъ зрителямъ всевозможную музыку и поэтическія состязанія. Масса гладіаторовъ въ амфитеатрѣ должна была служить доказательствомъ необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителямъ особенное удовольствіе, Агриппа распорядился устроить бой двухъ отрядовъ по семисотъ человѣкъ въ каждомъ. Для этого онъ отрядилъ рѣшительно всѣхъ имѣвшихся въ странѣ преступниковъ, дабы нѣкоторые изъ нихъ получили тутъ заслуженное наказаніе и это воинственное зрѣлище положило основаніе продолжительному миру. Такъ онъ избавилъ страну отъ злодѣевъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Поступивъ въ Беритѣ такъ, какъ нами было разсказано, Агриппа отправился въ галилейскій городъ Тиверіаду. Въ это время Агриппа пользо-

вался уже большимъ уваженіемъ въ глазахъ прочихъ царей. Поэтому къ нему сюда съѣхались Антіохъ, царь Коммагены, Сампсигерамъ, царь эмесскій, Полемонъ, владѣтель Понта, и наконецъ его собственный братъ Иродъ, царь халкидскій. Всѣхъ этихъ лицъ Агриппа принялъ радушно и любезно, выказывая тѣмъ самымъ большое великодушіе, почему эти цари и считали его достойнымъ своего почетнаго посѣщенія. Пока гости еще были у него, прибылъ сирійскій намѣстникъ Марсъ. Желая почтить въ его лицѣ римлянъ, царь Агриппа выѣхалъ ему на встрѣчу за семь стадій отъ города. Впрочемъ, этотъ же самый поступокъ его относительно Марса послужилъ поводомъ къ недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что Агриппа выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ сообществѣ прочихъ гостившихъ у него царей. Однако это согласіе между послѣдними и такая ихъ дружба показались Марсу подозрительными, такъ какъ онъ полагалъ, что столь тѣсное общеніе нѣсколькихъ правителей между собою не можетъ быть особенно полезно въ римскихъ интересахъ. Поэтому Марсъ вскорѣ послалъ къ каждому изъ царей по одному изъ своихъ приближенныхъ и совѣтовалъ каждому немедленно вернуться въ свою область. Агриппа отнесся къ этому поступку Марса съ крайнимъ неудовольствіемъ и съ этихъ поръ между ними установились дурныя отношенія. Впослѣдствіи царь лишилъ Матѳія первосвященническаго сана и поставилъ на его мѣсто Эліонея, сына Канѳеры.

2. Между тѣмъ исполнилось три года, что Агриппа царствовалъ надъ всею Іудеею. Однажды онъ поѣхалъ въ городъ Цезарею, которая раньше называлась Стратоновою башнею. Тутъ онъ устроилъ игры въ честь императора, такъ какъ наступилъ какой-то праздникъ, установленный въ честь Клавдія. На эти игры стеклась масса лицъ начальствующихъ и такихъ, которыя занимали видное общественное положеніе. На второй день игръ, рано утромъ царь явился въ театръ въ затканной серебромъ одеждѣ, удивительнымъ образомъ блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось въ лучахъ восходящаго солнца, такъ что всѣ были ослѣплены и съ содроганіемъ должны были отвращать свои взоры отъ Агриппы. Сейчасъ же нѣсколько льстецовъ съ разныхъ концовъ стали, впрочемъ не на благо царю, громко возносить его и называть его богомъ, говоря: «Будь милостивъ къ намъ! Если мы до сихъ поръ преклонялись предъ тобою, какъ предъ человѣкомъ, то теперь мы готовы признать, что ты по природѣ своей выше всякаго смертнаго». Царь не особенно былъ пораженъ этими заявленіями и не думалъ остановить кощунствующихъ льстецовъ. Когда же онъ, немного погодя, поднялъ взоръ кверху, то увидалъ на перекладинѣ сидящаго тамъ филина. Онъ немедленно призналъ въ немъ предвозвѣстника грядущихъ бѣдствій, какъ эта же птица нѣкогда принесла ему счастіе [1]; скорбь обуяла сердце царя. Вскорѣ затѣмъ Агриппа почувствовалъ, что во внутренностяхъ его начинается сильнѣйшая боль. Онъ поднялся съ мѣста и обратился къ своимъ съ слѣдующими словами: «Я, котораго вы признали своимъ богомъ, теперь готовъ разстаться съ жизнью. Судьба неожиданно изобличила мнѣ всю лживость вашихъ увѣреній, ибо я, котораго вы (только что) назвали безсмертнымъ, теперь долженъ умереть. Впрочемъ, слѣдуетъ покорно отнестись къ рѣшенію Предвѣчнаго. Я радъ, что прожилъ не какъ бездѣятельный лѣнивецъ, но счастливо и съ блескомъ». Лишь только Агриппа сказалъ это, какъ его охватила особенно сильная боль [2]. Тогда его поскорѣе перенесли во дворецъ. Быстро повсюду разнеслась вѣсть, что царю придется вскорѣ умереть. Тогда масса народа съ женами и дѣтьми облеклась въ мѣшки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравіи царя. Вездѣ раздавались плачъ и стенанія. Царь же тѣмъ временемъ лежалъ въ верхнемъ этажѣ дворца и могъ видѣть толпу колѣнопреклоненныхъ. При видѣ этого зрѣлища онъ не былъ въ состояніи удержаться отъ слезъ. Затѣмъ, промучившись еще пять дней страшными болями въ желудкѣ, царь умеръ въ возрастѣ пятидесяти четырехъ лѣтъ, на седьмомъ году своего правленія. При императорѣ Гаѣ онъ царствовалъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, правя три года тетрархіею Филиппа, а на четвертый получивъ въ удѣлъ еще область Ирода. Затѣмъ онъ прожилъ еще три года во время правленія императора Клавдія. Тутъ онъ не только былъ царемъ вышеупомянутыхъ областей, но царствовалъ надъ всею Іудеею, Самаріею и Цезареею. Онъ извлекалъ изъ своихъ владѣній крупнѣйшіе доходы, доходившіе до двухъ милліоновъ. Однако, не смотря на это, ему пришлось дѣлать крупные займы; такъ какъ онъ былъ очень щедръ, то доходы не покрывали его расходовъ, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ сдерживать свою щедрость.

3. Народъ еще не зналъ о кончинѣ Агриппы, когда сговорившіеся заранѣе халкидскій царь Иродъ и намѣстникъ и другъ царя Хелкій послали одного изъ преданнѣйшихъ слугъ, нѣкоего Аристона, убить Силаса

[1] См. выше, стр. 318.

[2] Въ Дѣян. Апост. XII, 21—23 читаемъ: Въ назначенный день Иродъ (Агриппа), одѣвшись въ царскую одежду, сѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и говорилъ къ нимъ; а народъ восклицалъ: это голосъ Бога, а не человѣка. Но вдругъ ангелъ Господень поразилъ его за то, что онъ не воздалъ славы Богу; и онъ, бывъ изъѣденъ червями, умеръ.

(который былъ во враждебномъ съ ними отношеніяхъ). Сдѣлали они это какъ бы по распоряженію самого царя Агриппы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1. Такимъ образомъ окончилъ жизнь свою царъ Агриппа. Онъ оставилъ послѣ себя сына, Агриппу же, которому шелъ тогда семнадцатый годъ, и трехъ дочерей: шестнадцатилѣтнюю Беренику, вышедшую замужъ за своего родного дядю Ирода, и двухъ дѣвочекъ, Маріамну и Друсиллу, изъ которыхъ первой было десять, а второй шесть лѣтъ. Отецъ предназначилъ Маріамну въ жены Юлію Архелаю, сыну Хелкіи, а Друсиллу Епифану, сыну коммагенскаго царя Антіоха.

Когда распространилось извѣстіе о смерти Агриппы, жители Цезареи и самаряне забыли о полученныхъ отъ него благодѣяніяхъ и позволили себѣ поступить, какъ отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшаго насмѣшками, неподдающимися описанію, а всѣ находившіеся тамъ (въ довольно значительномъ количествѣ) солдаты отправились домой, вытащили статуи царскихъ дочерей, понесли ихъ въ торжественной процессіи въ дома терпимости и, поставивъ ихъ тамъ на крышахъ, стали изо всѣхъ силъ издѣваться надъ ними, такъ что и разсказывать о томъ неприлично. Затѣмъ они расположились пировать на площадяхъ и устроили всенародныя празднества, причемъ надѣвали вѣнки, умащались благовонными мазями и совершали возліянія въ честь Харона [1], чокаясь между собою по поводу кончины царя, такъ неблагодарны были они не только къ памяти Агриппы, щедростью котораго они столь часто пользовались, но и къ памяти его дѣда, Ирода Великаго, отстроившаго имъ города ихъ и съ крупными издержками соорудившаго имъ гавани и храмы.

2. Въ это время сынъ усопшаго, Агриппа, находился въ Римѣ, воспитываясь при дворѣ императора Клавдія. Когда послѣдній узналъ о кончинѣ Агриппы и о томъ, какъ издѣвались надъ нимъ жители Цезареи и Самаріи, онъ глубоко опечалился и страшно разгнѣвался на ихъ неблагодарность. Клавдій сперва немедленно хотѣлъ послать молодого Агриппу на мѣсто отца его и вмѣстѣ съ тѣмъ собрался возобновить съ нимъ клятвенный союзъ. Однако отъ этого удержали его пользовавшіеся огромнымъ вліяніемъ вольноотпущенники и приближенные, указывавшіе на то, что было бы рисковано поручать юношѣ, едва вышедшему изъ дѣтскаго возраста, управленіе такимъ обширнымъ царствомъ, съ которымъ ему невозможно будетъ справиться и которое для взрослаго человѣка представляло бы значительныя затрудненія. Императоръ вполнѣ призналъ правильность ихъ доводовъ. Поэтому онъ отправилъ въ качествѣ намѣстника надъ Іудеею и всѣми владѣніями Агриппы Куспія Фада и оказалъ тутъ честь покойному царю, не поручивъ этой должности Марсу, съ которымъ, какъ узналъ Клавдій, усопшій находился въ натянутыхъ отношеніяхъ. Раньше всего онъ приказалъ Фаду наказать жителей Цезареи и Самаріи за оскорбленіе памяти умершаго и за ихъ глумленія надъ его дочерьми. Затѣмъ Фаду было поручено перевести эскадронъ, состоявшій изъ гражданъ Цезареи и самарянъ, равно какъ сформированныя изъ нихъ пять когортъ, на службу въ Понтъ, и выбрать въ качествѣ замѣстителей сосланныхъ соотвѣтственное число расположенныхъ въ Сиріи римскихъ легіонеровъ. Однако это приказаніе не было приведено въ исполненіе, потому что виновные отправили депутацію къ Клавдію, смягчили его гнѣвъ и добились того, что имъ было разрѣшено остаться въ Іудеѣ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени эти именно люди положили начало величайшимъ бѣдствіямъ для іудеевъ, потому что они посѣяли смуту, изъ за которой впослѣдствіи произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасіанъ, какъ мы вскорѣ раскажемъ, подчинилъ себѣ эту страну, онъ распорядился выслать ихъ изъ предѣловъ данной области.

---

[1] Харонъ—миѳическій лодочникъ, по представленіямъ древнихъ грековъ, перевозившій въ челнѣ чрезъ подземную рѣку Стиксъ души умершихъ въ царство Аида.

КНИГА ДВАДЦАТАЯ.

Содержаніе:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. Когда умеръ царь Агриппа, императоръ Клавдій послалъ, какъ мы разсказали въ предшествующей книгѣ, преемникомъ Марсу Кассія Лонгина. Это Клавдій сдѣлалъ въ угоду памяти покойнаго царя, такъ какъ Агриппа неоднократно при жизни своей обращался къ императору съ просьбою не оставлять Марса во главѣ Сиріи. Когда же въ Іудею прибылъ новый намѣстникъ, Фадъ, то нашелъ здѣсь распрю между перейскими іудеями и жителями Филадельфіи [1] изъ за границъ области Міи, причемъ населеніе уже взялось за оружіе. Между тѣмъ жители Переи помимо вѣдома своихъ начальниковъ, успѣли перебить множество филадельфійцевъ. Узнавъ объ этомъ, Фадъ очень разсердился что они не предоставили ему разрѣшенія своего спора, если считали себя обиженными со стороны филадельфійцевъ, но немедленно приступили къ военнымъ дѣйствіямъ. Поэтому онъ велѣлъ схватить трехъ начальниковъ ихъ и заковать въ кандалы, какъ виновниковъ всей этой смуты. Одного изъ нихъ, Аннибала, онъ затѣмъ приказалъ казнить, а двухъ другихъ, Амарама и Елеазара, приговорилъ къ изгнанію. Немного спустя къ нему привели также схваченнаго атамана разбойниковъ, нѣкоего Ѳоломея, который причинилъ много вреда Идумеѣ и арабамъ. Фадъ распорядился казнить его. Такимъ образомъ, благодаря заботливости и усердію Фада, вся Іудея и Аравія была избавлена отъ разбойниковъ. Затѣмъ онъ, сообразно предписанію императора, призвалъ первосвященника и наиболѣе именитыхъ іерусалимскихъ гражданъ и предложилъ имъ доставить, какъ то практиковалось прежде, головной уборъ и священную ризу, которую могъ надѣвать на себя одинъ лишь первосвященникъ, въ крѣпость Антонію, чтобы они тамъ находились подъ наблюденіемъ римлянъ. Собравшіеся, правда, не осмѣлились противорѣчить требованію намѣстника. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они просили Фада и Лонгина, также явившагося въ Іерусалимъ во главѣ значительнаго войска изъ боязни, чтобы требованія Фада не вызвали волненій среди іудейскаго простонародья, сперва разрѣшить имъ

[1] Это была столица аммонитской области. Раньше она называлась Раббатъ-Аммономъ.

отправить пословъ къ императору съ просьбою оставить священную одежду въ ихъ распоряженіи. При этомъ они умоляли Фада подождать съ исполненіемъ своего требованія, пока не получится отвѣтъ Клавдія на ихъ ходатайство. Римляне отвѣчали, что они готовы разрѣшить іудеямъ отправку депутаціи при условіи выдачи ими дѣтей въ качествѣ заложниковъ. На это іудеи охотно согласились и, выдавъ заложниковъ, отправили своихъ пословъ. Когда послѣдніе прибыли въ Римъ и Агриппа Младшій, сынъ умершаго царя, узналъ о причинѣ ихъ пріѣзда (Агриппа, какъ мы уже раньше упоминали, жилъ при дворѣ императора), онъ сталъ просить Клавдія исполнить просьбу іудеевъ относительно священнаго облаченія и написать въ этомъ смыслѣ письмо Фаду.

2. Призвавъ затѣмъ депутатовъ, Клавдій сообщилъ имъ, что исполняетъ ихъ просьбу, и велѣлъ имъ благодарить за это Агриппу (по ходатайству котораго онъ, императоръ, это дѣлаетъ). При этомъ онъ вручилъ имъ въ видѣ письменнаго отвѣта бумагу слѣдующаго содержанія: «Императоръ Клавдій Германикъ, въ пятый разъ облеченный властью народнаго трибуна, въ четвертый разъ консулъ и въ десятый разъ главный военачальникъ, отецъ своего отечества, симъ посылаетъ привѣтъ начальникамъ, членамъ совѣта, населенію іерусалимскому и всему вообще іудейскому народу. Такъ какъ мой любезный Агриппа, котораго я воспиталъ и который такъ преданъ мнѣ, представилъ мнѣ вашихъ пословъ, поблагодарившихъ меня за мою заботливость о вашемъ народѣ и усердно и почтительно просившихъ меня представить въ ваше собственное распоряженіе священную одежду и головной уборъ первосвященника, я симъ выражаю свое на это согласіе, подобно доблестному и любезнѣйшему мнѣ Вителлію. На эту вашу просьбу я согласился, во-первыхъ, какъ вслѣдствіе своего благочестія, такъ и желанія чтобы каждый могъ исполнять по своему требованія религіи; а во-вторыхъ, я согласился на это потому, что знаю, что этимъ я доставлю удовольствіе царю Ироду и младшему Аристовулу, преданность которыхъ ко мнѣ и заботливость которыхъ о васъ мнѣ одинаково извѣстны. Къ тому же я особенно расположенъ къ этимъ отличнымъ и милымъ людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ своему намѣстнику Куспію Фаду соотвѣтственное распоряженіе. Это письмо вручено Корнелію, сыну Керона, Трифону, сыну Ѳейдіона, Дороѳею, сыну Іоанна. Составлено оно за четыре дня до іюльскихъ календъ [1], въ консульство Юлія Руфа и Помпея Сильвана».

[1] Т. е. 28 іюня.

3. Тогда же Иродъ, братъ покойнаго Агриппы, управлявшій въ это время Халкидою, обратился къ императору Клавдію съ просьбою предоставить ему право завѣдыванія (іерусалимскимъ) храмомъ, его суммами и назначеніемъ первосвященниковъ. Клавдій согласился на это. Съ того времени право это оставалось за всѣми его потомками вплоть до конца (іудейской войны). Между прочимъ, Иродъ смѣстилъ первосвященника, прозваннаго Каноерой, и предоставилъ его санъ Іосифу, сыну Камея.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Около того же времени адіабенская царица Елена и ея сынъ Изатъ, приняли іудаизмъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство:

Царь Адіабены, Монобазъ, извѣстный также подъ именемъ Базея, влюбился въ свою сестру Елену и сталъ жить съ нею. Затѣмъ она забеременѣла. Когда онъ однажды спалъ съ нею, то случайно во снѣ прикоснулся рукою къ ея животу. Тутъ ему показалось, будто онъ слышитъ голосъ, требующій, чтобы онъ отнялъ руку и не повредилъ бы младенца въ утробѣ жены своей, такъ какъ это дитя зачалось по особенному желанію Господа Бога и будетъ всю свою жизнь счастливо. Голосъ поразилъ царя, который тотчасъ же проснулся и сообщилъ обо всемъ женѣ. Когда у нихъ родился сынъ, царь назвалъ его Изатомъ. У Монобаза былъ еще другой, старшій сынъ отъ Елены, равно какъ были другіе сыновья отъ другихъ женъ. Однако всю свою любовь онъ очевидно сосредоточилъ на Изатѣ, какъ будто бы онъ былъ единственнымъ его сыномъ.

2. Въ результатѣ получилось то, что другіе братья стали завидовать Изату. Вскорѣ это чувство зависти перешло въ ненависть, такъ какъ всѣ были огорчены явнымъ предпочтеніемъ, которое Изату оказывалъ отецъ его. Хотя Монобазъ и отлично замѣчалъ это, однако онъ простилъ другихъ сыновей своихъ, зная, что они поступаютъ такъ не по злобѣ, а потому, что каждый изъ нихъ считалъ и себя достойнымъ такой же любви со стороны отца. Однако, опасаясь какъ бы ненавидѣвшіе его братья не устроили Изату какой-нибудь непріятности, Монобазъ отправилъ его съ большими подарками къ Авенноригу, царю Спасинхараксы [1], и поручилъ ему озаботиться о безопасности юноши. Авеннеригъ любезно принялъ послѣдняго, очень полюбилъ его и выдалъ за него замужъ свою дочь

[1] Объ этой мѣстности см. выше, Іуд. Древн. I, 6, 4 (Т. I, стр. 31. нашего перевода).

Симахо, причемъ подарилъ ему область, изъ которой Изатъ могъ извлекать значительные доходы.

3. Состарившись и видя, что ему уже немного остается жить, Монобазъ передъ смертью захотѣлъ повидаться съ сыномъ. Поэтому онъ послалъ за нимъ. Когда Изатъ прибылъ, онъ сердечнѣйшимъ образомъ привѣтствовалъ его и подарилъ ему область, носящую названіе Карры [2]. Эта мѣстность отличается обиліемъ смолы амома. Тутъ же сохраняются и остатки ковчега, въ которомъ, по преданію, Ной спасся во время потопа; эти остатки по сей день показываются всѣмъ желающимъ.

Изатъ оставался тутъ вплоть до смерти отца своего. Въ самый день кончины Монобаза царица Елена послала за всѣми высшими начальниками, за сатрапами и тѣми, кому были ввѣрены отвѣтственныя должности. Когда всѣ они явились къ ней, она сказала имъ: «Я полагаю, что вамъ не безъизвѣстно, что мой покойный мужъ призналъ Изата достойнымъ себѣ преемникомъ на престолѣ; впрочемъ, я ожидаю теперь и вашего на этотъ счетъ рѣшенія; счастливъ можетъ быть лишь тотъ правитель, которому вручается власть не однимъ человѣкомъ, но который получаетъ ее добровольно отъ многихъ». Царица сказала все это, чтобы испытать настроеніе созванныхъ ею лицъ. Послѣдніе, лишь только услышали слова царицы, преклонились передъ нею, по обычаю своей страны, а затѣмъ выразили полное сочувствіе рѣшенію покойнаго царя и сказали, что, охотно повинуются ему, такъ какъ Монобазъ вполнѣ справедливо предпочелъ, по ихъ мнѣнію, Изата всѣмъ его братьямъ. Затѣмъ они предложили умертвить всѣхъ прочихъ братьевъ и родственниковъ, дабы Изатъ былъ гарантированъ въ безопасности и прочности своей власти. Они указывали на то, что когда эти будутъ умерщвлены, исчезнетъ всякій страхъ изъ за ненависти ихъ къ Изату. На это Елена выразила имъ свою признательность за ихъ преданность ей и Изату, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовала удержаться отъ умерщвленія остальныхъ братьевъ, хотя бы до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ Изатъ и дастъ имъ на то свое разрѣшеніе. Не убѣдивъ такимъ образомъ царицы въ необходимости избавиться отъ соперниковъ, придворные стали уговаривать ее по крайней мѣрѣ арестовать братьевъ и держать ихъ, для своей же безопасности, въ заключеніи, пока не пріѣдетъ Изатъ. Вмѣстѣ съ

[2] Это евр. חרן, столь извѣстное изъ Пятикнижія. У арабовъ этотъ городъ долго былъ извѣстенъ подъ именемъ Харрана (сосредоточіе сабейскаго культа). Амомомъ называлась пахучая смола, изъ которой приготовляли цѣнный бальзамъ.

тѣмъ они совѣтовали ей временно поручить бразды правленія человѣку, которому она наиболѣе довѣряетъ. Елена согласилась съ этимъ и назначила временно исполняющимъ обязанности царя старшаго сына своего Монобаза. Она сама возложила на него діадему, вручила ему именной перстень отца (у нихъ это называется самисерою) и велѣла ему управлять государствомъ до прибытія брата. Послѣдній скоро пріѣхалъ, узнавъ о смерти отца. Затѣмъ онъ смѣнилъ своего брата Монобаза, который передалъ ему правленіе.

4. Въ то время, какъ Изатъ жилъ въ Спасинхараксѣ, нѣкій іудей-купецъ, по имени Ананія, вошелъ въ сношенія съ женами (покойнаго) царя и познакомилъ ихъ съ сущностью іудейской религіи. Такимъ образомъ Ананія при посредствѣ женщинъ сталъ извѣстенъ также Изату, котораго ему тоже удалось склонить на свою сторону, и когда Изатъ былъ призванъ отцомъ своимъ въ Адіабену, Ананъ сопровождалъ его по настоятельной просьбѣ Изата. Тѣмъ временемъ и Елена, которую просвѣтилъ другой іудей, приняла іудаизмъ.

Когда Изатъ, ставъ царемъ, прибылъ въ Адіабену и увидалъ тутъ своихъ братьевъ и прочихъ родственниковъ въ оковахъ, онъ былъ очень недоволенъ этимъ. Считая безбожнымъ не только умерщвлять ихъ, но и томить въ темницѣ, а съ другой стороны не считая безопаснымъ держать ихъ при себѣ, когда они могли быть злопамятны, онъ отправилъ часть ихъ вмѣстѣ съ ихъ семьями въ Римъ къ императору Клавдію, а прочихъ послалъ въ качествѣ заложниковъ къ парѳянскому царю Артабану. Узнавъ затѣмъ, насколько его матери нравятся положенія іудейской религіи, онъ поспѣшилъ и самъ принять эту вѣру, а такъ какъ не могъ считать себя настоящимъ іудеемъ, пока не принялъ обрѣзанія, то выразилъ готовность подвергнуться и этому.

5. Когда же его мать узнала объ этомъ, она пыталась отговорить его и указывала ему на опасность, связанную съ такимъ переходомъ: вѣдь онъ царь и можетъ навлечь на себя неудовольствіе своихъ подданныхъ, которые, узнавъ объ его расположеніи къ иноземцамъ и ихъ обычаямъ, смогутъ не пожелать повиноваться царю-іудею. Такъ разсуждала Елена и всячески старалась отговорить сына отъ его намѣренія; послѣдній между тѣмъ передалъ всѣ ея рѣчи Ананіи. Ананія вполнѣ согласился съ взглядами царицы и сталъ грозить Изату покинуть его и уѣхать, если онъ будетъ настаивать на своемъ. При этомъ Ананія указывалъ на то, что онъ самъ, если все это дѣло станетъ извѣстнымъ, долженъ опасаться и за себя, такъ какъ всѣ будутъ считать именно его виновникомъ такого перехода и наставникомъ царя въ столь недостойномъ

дѣлѣ. Ананія присовокуплялъ, что Изатъ можетъ поклоняться Господу Богу и не принимая обрѣзанія, если уже онъ непремѣнно желаетъ примкнуть къ іудейству. Такое поклоненіе, по его мнѣнію, будетъ гораздо важнѣе принятія обрѣзанія. Когда же Ананія указалъ еще на то, что Предвѣчный проститъ ему это упущеніе, такъ какъ онъ согласился на него по необходимости и изъ соображеній политическаго свойства, царь наконецъ склонился въ пользу мнѣнія Ананіи. Однако Изатъ не могъ вполнѣ подавить въ себѣ желаніе подвергнуться обрѣзанію. Послѣ этого къ нему однажды прибылъ нѣкій Елеазаръ, галилейскій іудей, пользовавшійся славою большого знатока закона. Этотъ-то человѣкъ и склонилъ Изата подвергнуться обрѣзанію. Войдя къ царю и привѣтствовавъ его Елеазаръ засталъ его за чтеніемъ Моисеева Пятикнижія и воскликнулъ: «О царь, ты не исполняешь главнаго закона и этимъ грѣшишь противъ Господа Бога. Тебѣ слѣдуетъ не только читать эти законы, но раньше всего исполнять ихъ. Доколѣ-же ты хочешь оставаться необрѣзаннымъ? Если тебѣ до сихъ поръ не извѣстны законоположенія на этотъ счетъ, и ты не знаешь, въ чемъ заключается настоящее благочестіе, то познакомься теперь съ этимъ». При этихъ словахъ царь пересталъ откладывать дѣло, но перешелъ въ другую комнату, позвалъ врача и велѣлъ ему совершить операцію. Затѣмъ онъ послалъ за своею матерью и за своимъ наставникомъ Ананіею и сообщилъ имъ о случившемся. Послѣдніе были поражены и очень испуганы этимъ, боясь, какъ бы, при распространеніи извѣстія о поступкѣ царя, Изатъ не подвергся опасности потерять царство, такъ какъ подданные не захотятъ повиноваться человѣку, который предался чужимъ обычаямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они боялись и за себя, такъ какъ ихъ могли признать виновниками всего этого дѣла. Однако Господь Богъ оградилъ ихъ отъ осуществленія ихъ боязни. Когда Изату и его дѣтямъ пришлось дѣйствительно подвергнуться серьезнымъ опасностямъ, Онъ выручалъ ихъ всегда изъ затруднительнаго положенія и тѣмъ показывалъ, что люди, уповающіе на Него и довѣряющіеся Ему одному, постоянно получаютъ награду за свое благочестіе.

6. Впрочемъ, объ этомъ мы поговоримъ впослѣдствіи. Тѣмъ временемъ мать царя, Елена, видя, что миръ въ странѣ не нарушается, что ея сынъ счастливъ, всѣми любимъ и благодаря заступничеству Предвѣчнаго, заслужилъ расположеніе даже иноземныхъ народовъ, возымѣла желаніе поѣхать въ городъ Іерусалимъ, поклониться пользовавшемуся знаменитостью храму Господа Бога и принести тамъ благодарственныя жертвы. Поэтому она просила сына дать ей на то разрѣшеніе. Изатъ весьма охотно испол-

нилъ просьбу матери, распорядился приготовить все нужное для поѣздки, снабдилъ ее очень крупною суммою денегъ и проводилъ ее довольно далеко, когда она отправилась въ Іерусалимъ. Пріѣздъ царицы былъ весьма полезенъ и кстати для жителей, потому что въ это время городъ страдалъ отъ голода и многіе жители умирали отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Тогда царица Елена послала нѣсколькихъ лицъ своей свиты съ крупными суммами въ Александрію для закупки хлѣба, а другихъ приближенныхъ на Кипръ за сушеными финиками. Порученія ея были быстро исполнены, и когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся. Этимъ благодѣяніемъ она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себѣ память. Когда же ея сынъ Изатъ узналъ объ этомъ голодѣ, то и онъ послалъ значительныя деньги іерусалимскимъ начальникамъ. Распредѣленныя среди нуждающихся, эти суммы спасли многихъ отъ жестокихъ мученій голода. Эта династія вообще оказала нашему городу большія услуги; какъ мы за то выручали ее, мы разскажемъ впослѣдствіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

1. Между тѣмъ пареянскій царь Артабанъ узналъ, что его сатрапы устроили противъ него заговоръ. Не считая себя безопаснымъ среди нихъ, онъ рѣшилъ уѣхать къ Изату, чтобы просить его о помощи и о возстановленіи своемъ въ царской власти, если это будетъ возможно. Такимъ образомъ онъ поѣхалъ къ нему въ сопровожденіи своихъ родственниковъ и слугъ и встрѣтился на пути съ Изатомъ, котораго онъ самъ прекрасно зналъ, но который не зналъ его вовсе. Подъѣхавъ ближе, Артабанъ началъ съ того, что, по обычаю своей страны, палъ ницъ а затѣмъ уже обратился къ нему съ слѣдующими словами: «О царь! Не отвращай отъ меня, явившагося къ тебѣ просителемъ, взора своего и не относись безучастно къ моей просьбѣ. Меня постигло несчастіе, я превратился изъ царя въ частное лицо, и теперь прибѣгаю къ твоему заступничеству. Подумай о томъ, сколь непостоянна судьба, вспомни, что всѣхъ насъ можетъ постигнуть несчастіе, и подумай о моей любви къ тебѣ. Вѣдь если я буду покинутъ тобою безъ помощи, то могутъ явиться и другіе, болѣе смѣлые злоумышленники, которые возстанутъ противъ другихъ царей». Эти слова Артабанъ произнесъ со слезами на глазахъ и низко склонивъ голову.

Когда Изатъ узналъ имя просителя и увидѣлъ его въ такомъ жалкомъ и измученномъ положеніи, то немедленно соскочилъ съ коня и воскликнулъ: «Мужайся, царь, и пусть теперешнее несчастіе не сокрушаетъ тебя. Настоящая печаль твоя скоро смѣнится радостью. Во мнѣ ты найдешь друга и товарища, который будетъ лучше, чѣмъ ты самъ разсчитывалъ: или я верну тебѣ обратно твой пареянскій тронъ, или предоставлю тебѣ свой собственный».

2. Съ этими словами онъ предложилъ Артабану сѣсть на коня, а самъ пошелъ пѣшкомъ рядомъ съ нимъ, чтобы оказать ему тѣмъ высокую честь. Артабанъ не могъ равнодушно отнестись къ этому, сталъ отказываться отъ предложенной ему чести и сказалъ, что положительно сойдетъ съ коня, если Изатъ въ свою очередь не сядетъ на лошадь и не поѣдетъ впередъ. Изатъ наконецъ уступилъ его настояніямъ и также поѣхалъ верхомъ. Привезя затѣмъ гостя во дворецъ, онъ сталъ оказывать ему всевозможный почетъ, сажая его во время засѣданій и обѣдовъ на первое мѣсто. При этомъ онъ не взиралъ на теперешнее его положеніе, но дѣлалъ все это изъ уваженія къ его прежнему сану, отлично сознавая, что всякаго человѣка могутъ постигнуть превратности судьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Изатъ написалъ пареянамъ письмо, убѣждая ихъ вновь принять къ себѣ своего царя Артабана, причемъ ручался имъ клятвенно и своимъ царскимъ словомъ, что всѣмъ имъ будетъ дарована амнистія. Хотя пареяне и не отказывались вновь принять къ себѣ Артабана, однако они отвѣтили, что это имъ теперь невозможно потому, что они уже довѣрили власть другому лицу (его звали Киннамономъ) и теперь опасаются, какъ бы среди нихъ изъ за этого не произошли волненія. Когда Киннамонъ узналъ объ этомъ отвѣтѣ пареянъ, онъ немедленно самъ написалъ Артабану (воспитанникомъ котораго онъ былъ; Киннамонъ отличался добрымъ и благороднымъ сердцемъ), чтобы тотъ довѣрился ему и пріѣхалъ назадъ получить отъ него обратно бразды правленія. Артабанъ довѣрился ему и поѣхалъ. Киннамонъ же выѣхалъ ему на встрѣчу, преклонился предъ нимъ, какъ предъ царемъ, и, снявъ съ своей головы діадему, возложилъ ее на главу Артабана.

3. Такимъ образомъ Артабанъ при содѣйствіи Изата вернулъ себѣ тронъ, котораго раньше лишился благодаря своимъ сановникамъ. Онъ не забывалъ оказанныхъ ему Изатомъ благодѣяній, но старался воздать ему за это тѣмъ, что у парѳянъ считается особенно почетнымъ, а именно онъ разрѣшилъ ему носить прямую тіару и спать на золотой кровати.

Эти привиллегіи принадлежатъ однимъ только пареянскимъ царямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставилъ Изату также обширную и плодородную область, которую отнялъ у армянскаго царя. Имя этой области—Низибисъ; тутъ когда-то македоняне основали городъ Антіохію, прозванную Епимигдонійской.

4. Таким почетом пареянскій царь отличил Изата. Вскорѣ затѣм однако Артабан умер и оставил царство сыну своему, Вардану. Прибыв к Изату и намѣреваясь начать войну с римлянами, этот Вардан просил его о помощи и предложил примкнуть к нему. Однако Изат не согласился, потому что знал силу и удаль римлян и не считал возможным помѣряться с ними. Вмѣстѣ с тѣм Изат послал своих пятерых сыновей, находившихся еще в юном возрастѣ, в Іерусалим, чтобы они там научились нашему языку и законам и получили законченное образованіе. Он очень охотно, как я уже упомянул выше, отпускал свою мать на поклоненіе храму. Тѣм временем, постоянными разсказами о могуществѣ и подвигах римлян, он старался удержать Вардана от его намѣренія, разсчитывая, таким образом запугать его и подавить в нем желаніе воевать с римлянами. В концѣ концов пареянин на все это разсердился и объявил войну самому Изату; однако он не привел своей угрозы в исполненіе, потому что Предвѣчный разстроил всѣ его планы. Дѣло в том, что пареяне, узнав характер Вардана и его рѣшеніе вступить в борьбу с римлянами, умертвили его, а царство передали его брату Котарду. Впрочем и этот немного времени спустя пал жертвою заговора, и преемником ему стал его брат Вологез, который в свою очередь довѣрил двѣ больших части своих владѣній двум братьям своим, а именно отдал область мидійскую старшему брату Пакору, а Арменію младшему, Тиридату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Тѣм временем брат Изата, Монобаз, и его родственники видѣли благочестіе царя, его душевную чистоту и то, насколько он любим всѣми. Поэтому они и сами пожелали отказаться от своей религіи и принять іудаизм. Дѣйствительно, это свое намѣреніе они и привели в исполненіе. Между тѣм их поступок стал извѣстен среди подданных; сановники очень разсердились на это, но впрочем не выказывали гнѣва, имѣя в виду выбрать удобный момент и расправиться с ними. Поэтому они написали Авіи, царю арабскому, письмо, в котором обѣщали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в первом же сраженіи покинут Изата, ибо желают наказать его за его вѣроотступничество. Они готовы были связать себя с Авіею клятвенным договором и просили его явиться поскорѣе. Арабскій царь согласился на это и, не откла-

дывая, во главѣ большой рати двинулся против Изата. В первой же стычкѣ, даже еще до начала настоящаго рукопашнаго боя, всѣ заговорщики по данному знаку покинули Изата и, будто охваченные паническим ужасом, повернули тыл и бросились бѣжать. Впрочем Изат не испугался этого; он понял, что начальствующія лица совершили измѣну. Поэтому он сам пока отступил к своему лагерю и стал изслѣдовать дѣло. Когда же он узнал, что дѣйствительно было заключено соглашеніе с царем арабским, он казнил виновных. На слѣдующій день он вновь сразился с врагами, перебил множество их, а всѣх остальных обратил в бѣгство. При этом, преслѣдуя самаго арабскаго царя, он добрался до крѣпости Арсамы; он стал упорно осаждать ее и в концѣ концов взял ее силою. Захватив там крупную добычу, он возвратился в Адіабену. Авію же ему не удалось поймать живьем, так как он, находясь в таком стѣсненном положеніи, раньше чѣм попасть в руки Изата, сам покончил с собою.

2. Потерпѣв таким образом неудачу в своем первом предпріятіи, так как Предвѣчный выдал их царю головою, вліятельные адіабенцы однако не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к пареянскому царю Вологезу с предложеніем умертвить Изата и дать им какого нибудь другого правителя, хотя бы пареянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который измѣнил их древней вѣрѣ и ревностно предан чужим обычаям. При этом извѣстіи царь пареянскій приготовился к войнѣ; но так как у него не было достаточнаго повода к ней, то он послал Изату требованіе отказаться от предоставленных ему его отцом (Артабаном) почетных преимуществ. В противном случаѣ он угрожал войною. Изат очень смутился при этом извѣстіи; однако отреченіе от раз дарованных ему прав он считал позорным и боялся этим навлечь на себя обвиненіе в трусости. С другой же стороны, он также понимал, что даже в случаѣ его отреченія пареянскій царь не успокоится. Поэтому Изат в такой опасности рѣшил обратиться к всемилосердному Богу. Видя в Нем своего могущественнѣйшаго заступника, он распорядился отвезти дѣтей и женщин в наиболѣе безопасную крѣпость, собрать туда весь хлѣб и сжечь все сѣно и подножный корм. Сдѣлав эти приготовленія, он стал ожидать врагов. Тѣм временем пареянскій царь, совершая непрерывные переходы, прибыл раньше, чѣм его ожидали, во главѣ огромнаго пѣшаго и коннаго войска, и расположился станом вблизи рѣки, отдѣляющей Адіабену от Мидіи. Невдалекѣ от него и Изат стал лагерем, имѣя

въ своемъ распоряженіи около шести тысячъ всадниковъ. Въ это время къ Изату явился посланный пароянскимъ царемъ вѣстникъ, который объявилъ, какъ велико могущество пароянскаго царя и что его владѣнія простираются отъ рѣки Евфрата до границъ Бактріи. При этомъ онъ также перечислилъ всѣхъ царей, находившихся у него въ зависимости. Посланный грозилъ, что пароянскій царь накажетъ Изата за его неблагодарность, и говорилъ, что отъ власти врага не сможетъ избавить его даже столь почитаемый имъ Богъ его. Когда вѣстникъ кончилъ, Изатъ отвѣтилъ ему, что онъ знаетъ, насколько могущество пароянъ больше его собственной власти, однако онъ знаетъ также и то, что Предвѣчный могущественнѣе всѣхъ въ мірѣ. Давъ такой отвѣтъ, онъ обратился съ молитвою къ Богу, палъ ницъ, посыпалъ главу пепломъ и сталъ съ женами и дѣтьми своими поститься. Затѣмъ онъ обратился къ Господу Богу съ слѣдующею мольбою: «Всевышній! Если я не напрасно уповалъ на Твою милость, считая Тебя главнымъ заступникомъ и владыкою, яви мнѣ теперь свою помощь и отрази враговъ не столько ради меня, сколько потому, что они дерзко отзывались о Твоемъ могуществѣ и не сдержали своего нахальнаго языка». Такъ со слезами и стенаніями молилъ Изатъ Предвѣчнаго и Господь услышалъ его: еще въ ту же ночь, пока царь молился, Вологезъ получилъ письмо съ извѣщеніемъ, что даи и саки [1] собрали огромное войско, воспользовались его отсутствіемъ и предаютъ страну пароянскую разграбленію. Поэтому Вологезъ тотчасъ вернулся назадъ, не причинивъ Изату ни малѣйшаго вреда. Такимъ образомъ Изатъ, благодаря заступничеству Предвѣчнаго, счастливо избавился отъ грознаго пароянскаго царя.

3. Не много времени спустя Изатъ умеръ пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду, на двадцать четвертомъ году своего правленія. Онъ оставилъ послѣ себя 24 сыновей и столько же дочерей. Преемникомъ онъ назначилъ своего брата Монобаза въ благодарность за то, что онъ во время его отсутствія, послѣ смерти отца ихъ, такъ вѣрно сохранилъ ему престолъ. Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, какъ подобало матери, лишившейся столь благочестиваго сына. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей послужило утѣшеніемъ извѣстіе, что преемникомъ ему сталъ старшій братъ его. Она немедленно поспѣшила къ Монобазу. По прибытіи своемъ въ Адіабену Елена не долго пережила сына своего Изата, но вскорѣ умерла отъ старости и отъ тоски по немъ. Монобазъ отправилъ останки ея и брата въ Іерусалимъ, гдѣ распорядился похоронить ихъ въ тѣхъ трехъ

[1] Это были скиѳскія племена, кочевавшія у береговъ Аральскаго моря.

пирамидахъ, которыя, въ разстояніи трехъ стадій отъ города, воздвигла Елена. О дѣяніяхъ же царя Монобаза во время его царствованія мы разскажемъ впослѣдствіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

1. Во время намѣстничества Фада въ Іудеѣ, нѣкій Ѳевда, [1] обманщикъ, уговорилъ большую массу народа забрать съ собою все имущество и пойти за нимъ, Ѳевдою, къ рѣкѣ Іордану. Онъ выдавалъ себя за пророка и увѣрялъ, что прикажетъ рѣкѣ разступиться и безъ труда пропустить ихъ. Этими словами онъ многихъ ввелъ въ заблужденіе. Однако Фадъ не допустилъ ихъ безумія. Онъ выслалъ противъ нихъ отрядъ конницы, которая неожиданно нагрянула на нихъ, многихъ изъ нихъ перебила и многихъ захватила живьемъ. Остервенившись, воины отрубили самому Ѳевдѣ голову и повезли ее въ Іерусалимъ. [2] Это было все, что случилось выдающагося у іудеевъ во времена намѣстничества Куспія Фада.

2. Преемникомъ Фада сталъ Тиверій Александръ, сынъ александрійскаго алабарха Александра, который выдавался среди своихъ согражданъ какъ знатностью происхожденія, такъ и богатствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ алабархъ отличался также благочестіемъ, тогда какъ сынъ его не оставался вѣренъ древнимъ традиціямъ. Въ это же самое время случился въ Іудеѣ и тотъ большой голодъ, когда, какъ я разсказалъ выше, царица Елена на большія деньги закупила хлѣба въ Египтѣ и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Іуды, Іаковъ и Симонъ, которые, какъ мы упомянули выше, во время переписи Квирина возбудили народъ къ отпаденію отъ римлянъ. Александръ велѣлъ ихъ пригвоздить ко кресту. Тогда же и халкидскій царь Иродъ смѣстилъ первосвященника Іосифа, сына Кемея, и передалъ эту должность Ананіи, сыну Недевея.

Преемникомъ Тиверія Александра сталъ Куманъ. При немъ умеръ Иродъ, братъ царя Агриппы Великаго, на восьмомъ году правленія императора Клавдія. Онъ оставилъ послѣ себя троихъ сыновей: Аристовула, котораго родила ему его первая жена, Берениківна, и Гиркана отъ дочери своего брата, Береники. Царство Ирода императоръ Клавдій передалъ Агриппѣ Младшему.

3. Во времена намѣстничества Кумана въ Іудеѣ въ Іерусалимѣ произошли волненія, причемъ погибли многіе изъ іудеевъ. Но сперва я раз-

[1] Срв. о немъ Дѣян. Апост. V, 36.
[2] Срв. Іуд. войну, II, 11, 6.

скажу о причинѣ этого волненія. Когда наступилъ праздникъ Пасхи, въ который у насъ принято ѣсть опрѣсноки, и когда отовсюду въ городъ стеклось большое количество народа, Куманъ сталъ опасаться, какъ бы не произошли безпорядки. Поэтому онъ приказалъ одному отряду солдатъ съ оружіемъ въ рукахъ занять галлереи храма и подавлять, въ случаѣ необходимости, всякій безпорядокъ. Такъ обыкновенно поступали во время празднествъ и прежніе намѣстники.

На четвертый день праздника какой то солдатъ позволилъ себѣ непристойную выходку въ храмѣ предъ народомъ, который при видѣ этого разсвирѣпѣлъ, говоря, что солдатъ оскорбилъ не ихъ, но самого Господа Бога. Нѣкоторые изъ болѣе смѣлыхъ іудеевъ стали даже поносить Кумана, указывая на то, что онъ разрѣшилъ это солдату. Кода Куманъ узналъ объ этомъ, онъ самъ крайне разсердился и сталъ увѣщевать народъ успокоиться, не волноваться и избѣгать смутъ и волненій. Но онъ не могъ убѣдить ихъ; они еще болѣе поносили его. Тогда онъ собралъ всѣ войска и повелъ ихъ въ полномъ вооруженіи въ замокъ Антонію, который, какъ мы уже раньше упоминали, примыкалъ къ самому храму. При видѣ солдатъ толпа испугалась и бросилась бѣжать. Но улицы были узки и народъ, предполагая погоню враговъ, сталъ тѣсниться и толкаться и такимъ образомъ на улицахъ были задавлены во время этого бѣгства многіе; число человѣческихъ жертвъ тутъ было исчислено въ двадцать тысячъ. Такимъ образомъ праздникъ обратился въ печаль. Народъ оставилъ свои молитвы и жертвоприношенія, плакалъ и предавался горю. Вотъ какое бѣдствіе навлекъ на народъ святотатственный поступокъ одного солдата.

4. Еще не успѣли люди успокоиться отъ постигшаго ихъ горя, какъ произошло новое бѣдствіе. Дѣло въ томъ, что нѣсколько людей, искавшихъ повода къ смутамъ, напали на большой дорогѣ въ разстояніи ста стадій отъ города на ѣхавшаго тамъ императорскаго чиновника Стефана и окончательно ограбили его. Узнавъ о томъ, Куманъ немедленно выслалъ воиновъ съ приказаніемъ разграбить ближайшія мѣстности и, схвативъ наиболѣе видныхъ представителей населенія, доставить ихъ въ оковахъ къ нему, чтобы онъ могъ привлечь ихъ къ отвѣту за содѣянное. Въ то время какъ воины предавали мѣстность разграбленію, какой то безразсудный молодой солдатъ нашелъ въ одной деревнѣ хранившійся тамъ экземпляръ Моисеева законодательства. Вытащивъ этотъ свитокъ, солдатъ безсовѣстно разодралъ его на глазахъ у всѣхъ, причемъ глумился, ругался и всячески издѣвался надъ нимъ. Узнавъ объ этомъ, іудеи собрались въ большомъ

числѣ и отправились въ Цезарею, гдѣ находился тогда Куманъ. Тутъ они просили отмстить не за нихъ, но за Предвѣчнаго, законы котораго подверглись поруганію. Они при этомъ указывали на то, что не могутъ оставаться долѣе въ живыхъ, если ихъ старинныя установленія попираются такимъ образомъ. Въ свою очередь Куманъ опасался новыхъ народныхъ волненій. Поэтому онъ, по совѣту друзей своихъ, велѣлъ отрубить виновному солдату голову и тѣмъ подавилъ уже готовое вспыхнуть возстаніе [1].

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

1. Между самарянами и іудеями произошла распря по слѣдующей причинѣ: галилеяне, которые отправлялись во время праздниковъ въ священный городъ, имѣли обыкновеніе проходить чрезъ предѣлы Самаріи. И вотъ, когда они однажды держали такимъ образомъ путь свой, изъ деревни Гинеи, лежавшей между Самаріею и Великою равниною, на галилеянъ напало нѣсколько человѣкъ и перебило множество ихъ. Узнавъ объ этомъ происшествіи, именитые галилеяне явились къ Куману и просили его отмстить за смерть невинно погибшихъ. Однако Куманъ далъ себя подкупить крупною суммою денегъ, полученныхъ отъ самарянъ, принялъ ихъ сторону и отказался отъ наказанія виновныхъ. На это галилеяне разсердились и стали уговаривать народъ іудейскій взяться за оружіе, перебить враговъ и тѣмъ отстоять свою свободу, потому что, какъ говорили они, рабство само по себѣ уже тяжело и становится совершенно нестерпимымъ, если связано съ глумленіемъ. Хотя начальники и пытались умиротворить ихъ и положить предѣлъ волненіямъ и обѣщали склонить Кумана къ наказанію убійцъ, однако они ничего не добились: іудеи взялись за оружіе, призвали къ себѣ на помощь Елеазара, сына Динея (то былъ разбойникъ, уже много лѣтъ хозяйничавшій въ горахъ), подожгли нѣсколько самарянскихъ деревень и предали ихъ разграбленію.

Когда вѣсть объ этомъ дѣлѣ дошла до Кумана, онъ взялъ себастійскій отрядъ и четыре роты пѣхоты, вооружилъ также самарянъ и двинулся противъ іудеевъ. Сойдясь съ ними, онъ многихъ изъ нихъ перебилъ, а еще большее количество ихъ взялъ въ плѣнъ. Видя, до какого ужаснаго бѣдствія дожилъ народъ, наиболѣе почитаемые и родовитые граждане облеклись въ мѣшки, посыпали головы пепломъ и всѣ вмѣстѣ стали уговаривать возмутившихся успокоиться. Они наглядно

[1] Срв. Іуд. войну, II, 11, 6—12, 2.

представляли толпѣ, какъ погибнетъ отъ этого родина, какъ будетъ преданъ пламени храмъ, какъ ихъ жены и дѣти попадутъ въ рабство, и убѣждали ихъ опомниться, бросить оружіе, успокоиться на будущее время и разойтись по домамъ. Эти увѣщанія имѣли успѣхъ. Народъ разошелся, а разбойники вновь удалились въ свои неприступныя убѣжища. Съ той поры вся Іудея наполнилась разбойниками.

2. Въ это время главные представители самарянъ отправились къ сирійскому намѣстнику Уммидію Квадрату, который тогда жилъ въ Тирѣ, съ жалобою на то, что іудеи сожгли и разграбили ихъ деревни. При этомъ самаряне заявляли не столько о своемъ личномъ неудовольствіи, сколько указывали на то, что іудеи отнеслись презрительно къ римлянамъ; имъ бы слѣдовало обратиться къ ихъ суду, если они почувствовали себя обиженными, вмѣсто того чтобы самостоятельно совершать набѣги, какъ будто бы римляне не были хозяевами страны. Въ виду всего этого они, самаряне, и явились къ нему съ просьбою взыскать съ виновныхъ. Такъ формулировали обвиненіе самаряне, іудеи же съ своей стороны говорили, что виновниками всей смуты и военныхъ дѣйствій являются самаряне, уже потому, что они задобрили Кумана дарами, такъ что тотъ не далъ хода дѣлу объ умерщвленіи (галилеянъ). Когда Квадратъ узналъ объ этомъ, онъ отложилъ постановленіе своего рѣшенія, сказавъ, что сдѣлаетъ это, когда пріѣдетъ въ Іудею, въ точности разслѣдуетъ все дѣло и узнаетъ истину. Такимъ образомъ тѣ уѣхали ни съ чѣмъ.

Немного погодя Квадратъ прибылъ въ Самарію, гдѣ предполагалъ найти виновныхъ въ смутахъ самарянъ. Когда же онъ узналъ, что и нѣкоторые іудеи находились въ числѣ бунтовщиковъ, онъ распорядился пригвоздить ко кресту тѣхъ, которыхъ забралъ Куманъ. Отсюда онъ поѣхалъ въ деревню Лидду, которая, впрочемъ, по величинѣ своей не уступала цѣлому городу. Здѣсь онъ вторично сталъ публично творить судъ надъ самарянами. Тутъ ему сообщилъ одинъ самарянинъ, что нѣкій вліятельный іудей, по имени Дортъ, и вмѣстѣ съ нимъ четыре бунтовщика, уговаривали народъ отложиться отъ римлянъ.

Квадратъ распорядился казнить виновныхъ, первосвященника же Ананію и военачальника Анана велѣлъ заковать въ цѣпи и отправить въ Римъ, чтобы они тамъ дали отвѣтъ императору Клавдію о всемъ случившемся. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предписалъ наиболѣе вліятельнымъ самарянамъ и іудеямъ, равно какъ намѣстнику Куману и трибуну Целеру, отправиться въ Италію къ императору, который де разберетъ ихъ жалобы

другъ на друга. Самъ же онъ, опасаясь новыхъ волненій со стороны іудеевъ, поѣхалъ въ Іерусалимъ. Однако онъ нашелъ городъ спокойнымъ и занятымъ отправленіемъ праздника въ честь Предвѣчнаго.

Убѣдившись такимъ образомъ, что ему нечего бояться волненій, онъ покинулъ іудеевъ и вернулся въ Антіохію.

3. Когда Куманъ и вліятельнѣйшіе самаряне прибыли въ Римъ, императоръ назначилъ день для разбора ихъ взаимныхъ жалобъ другъ на друга. Императорскіе вольноотпущенники и приближенные тѣмъ временемъ усердно хлопотали за Кумана и самарянъ, и тѣ навѣрное одержали бы верхъ надъ іудеями, если бы случайно находившійся въ Римѣ Агриппа Младшій, видя интриги противъ іудеевъ, не обратился къ императрицѣ Агриппинѣ съ настоятельною просьбою уговорить мужа внимательно и безпристрастно отнестись ко всему дѣлу и уже тогда наказать настоящихъ виновниковъ смуты. Подготовленный этимъ путемъ, Клавдій выслушалъ дѣло, призналъ самарянъ главными зачинщиками и приказалъ казнить тѣхъ изъ нихъ, которые явились къ нему. Кумана онъ приговорилъ къ ссылкѣ, трибуна же Целера велѣлъ отвести въ Іерусалимъ, позорно провезти по всему городу, чтобы всѣ видѣли его, и затѣмъ подвергнуть казни [1].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1. Послѣ этого Клавдій послалъ въ качествѣ правителя въ Іудею Феликса, брата Палланта. На тринадцатомъ году своего правленія императоръ отдалъ Агриппѣ тетрархію Филиппа, и Батанею и Трахонъ съ Авилою (входившіе нѣкогда въ составъ тетрархіи Лисанія). Вмѣстѣ съ тѣмъ однако онъ отнялъ у него Халкиду, послѣ того какъ Агриппа правилъ ею въ теченіе четырехъ лѣтъ. Получивъ эти области въ удѣлъ отъ императора, Агриппа выдалъ свою сестру Друсиллу замужъ за эмесскаго царя Азиза, пожелавшаго принять обрѣзаніе. Дѣло въ томъ, что Епифанъ, сынъ царя Антіоха, отклонилъ бракъ съ нею, не желая принимать іудаизмъ, хотя онъ раньше и обѣщалъ ея отцу сдѣлать это. Маріамму Агриппа выдалъ за Архелая, сына Хелкія; она уже раньше еще отцомъ Агриппы была объявлена невѣстою Архелая. Отъ этого брака родилась дочь Береника.

2. Впрочемъ, немного спустя разстроился бракъ Друсиллы съ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство:

[1] Срв. Іуд. войну, II, 12, 3—7.

тъ.

Въ то время намѣстникомъ Іудеи былъ Феликсъ [1]. Когда онъ увидалъ Друсиллу, отличавшуюся необыкновенною красотою, онъ захотѣлъ сблизиться съ этою женщиною. Поэтому онъ подослалъ къ ней нѣкоего Симона, іудея, происходившаго съ острова Кипра и выдававшаго себя за мага, и сталъ уговаривать ее бросить мужа и выйти замужъ за него, Феликса. При этомъ онъ, въ случаѣ ея согласія, обѣщалъ сдѣлать все для ея счастія. Друсилла была настолько испорчена, что дала себя уговорить преступить законъ и выйти замужъ за Феликса. Къ этому ее между прочимъ побудило также желаніе избавиться отъ постояннаго выраженія зависти со стороны своей сестры Береники, которая не мало досаждала ей ея красоту. Она родила затѣмъ Феликсу сына, котораго назвала Агриппою. О томъ, какимъ образомъ этотъ юноша погибъ вмѣстѣ со своею матерью при изверженіи горы Везувія во времена императора Тита, я разскажу впослѣдствіи.

3. Послѣ смерти своего мужа и дяди Ирода Береника долго оставалась вдовою. Но затѣмъ, когда стали носиться слухи, будто она живетъ со своимъ братомъ, она уговорила Полемона, царя киликійскаго, принять обрѣзаніе и жениться на ней. Такимъ путемъ она разсчитывала покончить со всѣми сплетнями. Полемонъ согласился на это, особенно въ виду ея богатства. Впрочемъ, этотъ бракъ продолжался не долго: Береника, какъ говорятъ, вслѣдствіе своей невоздержности, вскорѣ покинула Полемона, который при этомъ отказался отъ іудаизма. Около этого же самаго времени и Маріамна бросила Архелая и вышла замужъ за Димитрія, родовитаго и богатаго александрійскаго іудея, который тогда былъ тамъ алабархомъ. Родившагося отъ этого брака сына она назвала Агриппиномъ. Впрочемъ, о каждомъ изъ нихъ мы впослѣдстіи разскажемъ подробно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

1. Около этого времени [2] умеръ императоръ Клавдій, процарствовавъ тринадцать лѣтъ, восемь мѣсяцевъ и двадцать дней. Между нѣкоторыми лицами распространился слухъ, что онъ былъ отравленъ женою своею Агриппиною [3]. Отцомъ послѣдней былъ Германикъ, братъ Клавдія. Сперва она была замужемъ за Домиціемъ Агенобарбомъ, однимъ изъ выдающихся

[1] ...в. Дѣян. Апост. XXIV, 24 и слѣд.
[2] ...54 году по Р. Хр.
[3] ...Dio Cass. 6, 14—16, 34. Tac. ann. XII, 64 Suet. Claud. XLIV, ...27.

римскихъ гражданъ. Послѣ его смерти она долго вдовѣла, а затѣмъ вышла за Клавдія; у нея тогда былъ уже сынъ отъ перваго брака, Домицій. Передъ этою женитьбой на Агриппинѣ Клавдій изъ ревности развелся съ женою своею Мессалиною, отъ которой у него было двое дѣтей, Британникъ и Октавія. Кромѣ того, у него была еще дочь, Антонія, которую родила ему его первая жена, Петина. Октавію онъ выдалъ за Нерона, какъ Клавдій впослѣдствіи, послѣ усыновленія, назвалъ Домиція [1].

2. Агриппина, опасаясь, какъ бы достигшій зрѣлаго возраста Британникъ не сталъ преемникомъ отца своего, и желая гарантировать своему собственному сыну (Нерону) престолъ, отравила, какъ говорятъ, Клавдія. Затѣмъ она немедленно послала за военачальникомъ Бурромъ, равно какъ за трибунами и наиболѣе вліятельными вольноотпущенниками, чтобы они представили Нерона войскамъ и провозгласили его императоромъ.

Такимъ образомъ власть перешла къ Нерону. Онъ тайно распорядился отравить Британника, а затѣмъ недолго спустя уже открыто умертвилъ родную мать, отплативъ ей такимъ образомъ не только за то, что она даровала ему жизнь, но и за то, что благодаря ея стараніямъ онъ сталъ римскимъ императоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ велѣлъ убить также жену свою Октавію, равно какъ цѣлый рядъ выдающихся лицъ подъ предлогомъ, будто они составили заговоръ противъ него.

3. Однако довольно объ этомъ! Многіе писатели повѣствовали о Неронѣ; одни изъ нихъ, которымъ онъ оказывалъ благодѣянія, изъ признательности къ нему извращали истину, другіе изъ ненависти и вражды настолько налгали на него, что не заслуживаютъ никакого извиненія. Впрочемъ, мнѣ не приходится удивляться тѣмъ, кто сообщилъ о Неронѣ столь лживыя данныя, такъ какъ эти люди не говорили истины даже относительно предшественниковъ его, несмотря на то, что они не имѣли никакого повода относиться непріязненно къ нимъ и жили гораздо позже ихъ. Однако пусть тѣ, кто не дорожитъ истиною, пишетъ о немъ, какъ ему угодно, если это доставлятъ ему такое удовольствіе. Мы же на первомъ планѣ ставили истину и потому коснулись лишь вскользъ всего того, что не относится прямо къ нашему предмету [2], касательно же іудейскихъ дѣлъ мы распространяемся подробно, не останавливаясь ни передъ постигшими іудеевъ бѣдствіями, ни передъ ихъ ошибками. Итакъ, я возвращаюсь къ своему повѣствованію о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ.

[1] Срв. Іуд. войну, II, 12, 8.
[2] Послѣднія двѣ книги сочиненія этого не подтверждаютъ.

4. Въ первый же годъ правленія Нерона умеръ эмесскій царь Азизъ, и преемникомъ его сталъ его братъ Соэмъ. Управленіе Малою Арменіею Неронъ поручилъ Аристовулу, сыну халкидскаго царя Ирода. Агриппѣ онъ отдалъ часть Галилеи, Тиверіаду и Тарихею, равно какъ перейскій городъ Юліаду и двадцать четыре окрестныя деревни.

5. Между тѣмъ дѣла Іудеи приходили со дня на день въ большій упадокъ. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародіе въ заблужденіе. Тѣмъ временемъ Феликсъ ежедневно ловилъ и казнилъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Такъ, напр., онъ хитростью захватилъ Елеазара, сына Динея, собравшаго вокругъ себя огромную шайку разбойниковъ: увѣреніями полнѣйшей безопасности онъ заманилъ его къ себѣ, затѣмъ велѣлъ заковать въ оковы и отправилъ его въ Римъ. Особенную непріязнь Феликсъ питалъ къ первосвященнику Іонаѳу за то, что тотъ часто напоминалъ ему о необходимости лучшаго управленія іудейскими дѣлами, дабы Феликсъ, котораго императоръ по просьбѣ Іонаѳа же послалъ намѣстникомъ въ Іудею, не навлекалъ на себя ненависти народа. Поэтому Феликсъ сталъ придумывать предлогъ, подъ которымъ онъ могъ бы избавиться отъ столь тягостнаго ему Іонаѳа, потому что постоянныя увѣщеванія тяжелы тѣмъ, кто имѣетъ въ виду поступать противозаконно. По этой причинѣ Феликсъ за огромную сумму денегъ подкупилъ одного изъ преданнѣйшихъ друзей Іонаѳа, іерусалимскаго жителя Дораса, и уговорилъ его подослать къ Іонаѳу наемныхъ убійцъ. Дорасъ согласился и слѣдующимъ образомъ рѣшилъ привести, при помощи убійцъ, въ исполненіе свой замыселъ: нѣсколько человѣкъ отправились въ городъ подъ предлогомъ поклониться Господу Богу; при этомъ у нихъ подъ платьемъ были спрятаны ножи. Затѣмъ они приблизились къ Іонаѳу, обступили его и покончили съ нимъ. Такъ какъ это убійство прошло безнаказаннымъ, то разбойники впослѣдствіи стали совершенно безбоязненно являться во время праздниковъ въ городъ, держа подъ платьемъ ножи наготовѣ. Затѣмъ они смѣшивались съ народною толпою и убивали тутъ какъ своихъ личныхъ враговъ, такъ и тѣхъ, противъ которыхъ ихъ нанимали за деньги. Это они дѣлали не только въ предѣлахъ города, но и въ самомъ храмѣ, такъ какъ не стѣснялись осквернять святилище столь святотатственными убійствами. Поэтому, полагаю я, и Господь Богъ, въ гнѣвѣ на такое кощунство, лишилъ насъ нашего города и напустилъ на насъ римлянъ, не видя болѣе въ своемъ храмѣ прежней его чистоты и незапятнанности, предалъ городъ всеочищающему пламени и далъ увести насъ съ женами и дѣтьми въ рабство, желая, чтобы мы образумились при такихъ бѣдствіяхъ.

6. Итакъ, дѣянія убійцъ преисполнили весь городъ ужасомъ. Тѣмъ временемъ разные проходимцы и обманщики старались побудить народъ послѣдовать за ними въ пустыню, гдѣ обѣщали ему явить всякія чудеса и необыкновенныя вещи [1], которыя будто бы должны случиться по желанію Предвѣчнаго. Многіе повѣрили этому и (жестоко) поплатились за свое безуміе, потому что Феликсъ возвращалъ ихъ обратно и наказывалъ. Около того же времени въ Іерусалимъ явился нѣкій египтянинъ, выдававшій себя за пророка; онъ уговорилъ простой народъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ Елеонской горѣ, отстоящей отъ города на разстояніи пяти стадій. Тутъ онъ обѣщалъ легковѣрнымъ іудеямъ показать, какъ по его мановенію падутъ іерусалимскія стѣны, такъ что, по его словамъ, они будто бы свободно пройдутъ въ городъ. Когда Феликсъ узналъ объ этомъ, онъ приказалъ войскамъ вооружиться; затѣмъ онъ во главѣ большого коннаго и пѣшаго отряда выступилъ изъ Іерусалима и нагрянулъ на приверженцевъ египтянина. При этомъ онъ умертвилъ четыреста человѣкъ, а двѣсти захватилъ живьемъ. Между тѣмъ египтянину удалось бѣжать изъ битвы и исчезнуть [2]. Впрочемъ, разбойники вновь стали побуждать народъ къ войнѣ противъ римлянъ, говоря, что не слѣдуетъ повиноваться. При этомъ они разграбляли и сжигали деревни тѣхъ, кто не примыкалъ къ нимъ [3].

7. Около того же времени возникли разногласія и между іудейскимъ населеніемъ Цезареи и ея сирійскими жителями изъ-за вопроса о политической равноправности. Дѣло въ томъ, что іудеи требовали себѣ первенства вслѣдствіе того, что основатель Цезареи, царь Иродъ, былъ іудейскаго происхожденія. Сирійцы съ этимъ хотя и соглашались, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на то, что Цезарея первоначально называлась Стратоновой башней и тогда въ городѣ не было ни одного жителя изъ іудеевъ. Когда римскіе чиновники узнали объ этомъ, они распорядились арестовать зачинщиковъ всей смуты какъ съ той, такъ и съ другой стороны, велѣли наказать ихъ палочными ударами и такимъ образомъ ненадолго подавили волненіе. Однако вскорѣ іудейскіе жители города, кичась своимъ богатствомъ и потому презрительно относясь къ сирійцамъ, вновь стали глумиться надъ послѣдними, имѣя въ виду вызвать ихъ неудовольствіе. Сирійцы, правда, уступали іудеямъ въ зажиточности, но за то пола-

[1] Какъ видно изъ Тацита и другихъ писателей той эпохи, вѣра въ разныя знаменія и чудеса тогда была особенно распространена.

[2] Срв. Дѣян. Апост. XXI, 28.

[3] Срв. Іуд. войну. II, 13, 6.

гались на то обстоятельство, что большинство римскихъ легіонеровъ, тамъ квартировавшихъ, состояло изъ цезарейцевъ и себастійцевъ. Поэтому и они въ свою очередь нѣкоторое время глумились надъ іудеями. Впослѣдствіи однако дѣло дошло до того, что они стали кидать другъ въ друга каменьями, пока много человѣкъ съ обѣихъ сторонъ не было ранено и пало. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, побѣдителями остались іудеи.

Когда Феликсъ замѣтилъ, что эта распря переходитъ въ открытую войну, онъ поспѣшилъ уговорить іудеевъ прекратить ее. Но такъ какъ тѣ не повиновались ему, онъ выпустилъ на нихъ вооруженныхъ солдатъ, многихъ іудеевъ перебилъ, а еще большее количество ихъ захватилъ живьемъ, причемъ разрѣшилъ солдатамъ разграбить нѣсколько особенно богатыхъ домовъ. Болѣе сдержанные и вліятельные іудеи между тѣмъ испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велѣть трубить отбой, вообще пощадить ихъ согражданъ и дать имъ возможность загладить проступокъ. Феликсъ внялъ ихъ просьбамъ.

8. Около этого времени царь Агриппа передалъ первосвященство Измаилу, сыну Фаба. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболѣе вліятельными іерусалимскими гражданами. Каждый изъ враждующихъ собиралъ вокругъ себя толпу крайне отчаянныхъ и безпокойныхъ приверженцевъ, становился во главѣ ихъ и велъ ихъ въ бой. При столкновеніяхъ эти отряды осыпали другъ друга сперва бранью, а затѣмъ и каменьями. Между тѣмъ не было никого, кто бы могъ ихъ припугнуть и тѣмъ положить предѣлъ смутѣ; напротивъ, всѣ эти злоупотребленія происходили, какъ будто бы въ городѣ не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякій стыдъ и дошли до такой дерзости, что рѣшались отправлять своихъ слугъ къ гумнамъ, чтобы забирать тамъ десятину, предназначавшуюся для простыхъ священнослужителей. Такимъ образомъ случилось, что нѣсколько бѣдныхъ священниковъ умерло отъ голода. Насилія бунтовщиковъ подавили всякое понятіе о справедливости.

9. Когда Неронъ назначилъ Феликсу преемникомъ Порція Феста, наиболѣе вліятельные изъ цезарейскихъ іудеевъ отправились въ Римъ и тамъ выступили съ обвиненіями противъ Феликса. Послѣдній вѣроятно поплатился бы за совершенныя надъ іудеями притѣсненія, если бы братъ Нерона, Паллантъ, котораго императоръ тогда особенно цѣнилъ, не заступился за него. Тогда же главные сирійцы Цезареи путемъ огромной суммы денегъ склонили Бурра, бывшаго воспитателя Нерона и теперь его греческаго секретаря, выхлопотать для нихъ у императора указъ, ко-

торымъ бы у іудеевъ отнималась всякая равноправность. Бурру дѣйствительно удалось склонить императора къ изданію такого указа, который впослѣдствіи подалъ поводъ къ разнымъ бѣдствіямъ для нашего народа. Дѣло въ томъ, что, когда жившіе въ Цезареѣ іудеи узнали объ этомъ указѣ Нерона въ пользу сирійцевъ, они стали еще болѣе предаваться смутамъ, пока не дошли до открытой войны [1].

10. Когда Фестъ прибылъ въ Іудею, онъ нашелъ страну бѣдствующею отъ разбойниковъ, которые предавали грабежу и пожарамъ всѣ селенія. Эти разбойники носили названіе сикаріевъ. Ихъ расплодилось тогда очень много и они пускали въ ходъ ножи, по величинѣ своей схожіе съ персидскими акинаками, а по изогнутости съ римскими sicae; отъ этихъ-то ножей убійцы, умерщлявшіе много народа, и получили названіе сикаріевъ.

Какъ мы упоминали выше, они смѣшивались во время праздниковъ съ народною толпою, отовсюду стекавшеюся въ городъ для отправленія своихъ религіозныхъ обязанностей, и безъ труда рѣзали тѣхъ, кого желали. Нерѣдко они появлялись также въ полномъ вооруженіи въ враждебныя имъ деревни, разграбляли и сжигали ихъ. Фестъ между прочимъ выслалъ конный и пѣшій отряды противъ людей, введенныхъ въ заблужденіе нѣкіимъ проходимцемъ, который обѣщалъ имъ спасеніе и избавленіе отъ всѣхъ бѣдствій, если они пожелаютъ послѣдовать за нимъ въ пустыню. Высланные противъ нихъ воины перебили какъ самого обманщика, такъ и его жертвы.

11. Около этого времени царь Агриппа воздвигъ огромное зданіе вблизи царскаго дворца въ Іерусалимѣ, у гимназіи. Самый же дворецъ возникъ еще при асмонеяхъ. Такъ какъ этотъ дворецъ былъ расположенъ на возвышенности, то отсюда открывался прелестнѣйшій видъ на городъ. Лежа тамъ на своемъ ложѣ, царь могъ оттуда видѣть все, что происходило въ храмѣ. Когда іудейскіе главари замѣтили это, то страшно разсердились, потому что никогда закономъ не было дозволено глядѣть на происходившее въ святилищѣ, особливо во время службы. Поэтому они построили у галлереи съ западной стороны храма высокую стѣну, которая не только скрывала видъ изъ царской столовой, но и замыкала видъ на западную галлерею, тянувшуюся вдоль храма; тамъ римляне ставили караулы во время религіозныхъ іудейскихъ праздниковъ.

Агриппа разсердился на это, но еще болѣе былъ недоволенъ намѣстникъ Фестъ, приказавшій іудеямъ снести стѣну. Тѣ однако просили его

[1] Срв. Іуд. войну, II, 14, 1.

разрѣшить имъ отправить относительно этого дѣла посольство къ Нерону, говоря, что они предпочитаютъ умереть, чѣмъ снести какую-либо изъ построекъ храма. Фестъ разрѣшилъ имъ это, и тогда іудеи отправили къ Нерону десять наиболѣе вліятельныхъ лицъ изъ своей среды, равно какъ первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкію.

Выслушавъ ихъ, Неронъ не только простилъ имъ ихъ поступокъ, но и согласился оставить стѣну; это онъ сдѣлалъ въ угоду женѣ своей Поппеѣ (она отличалась истиннымъ благочестіемъ) [1], которая просила его за іудеевъ. Императрица затѣмъ отпустила десять депутатовъ [2], Хелкію же и Измаила оставила у себя въ качествѣ заложниковъ. Когда царь (Агриппа) узналъ о томъ, онъ сдѣлалъ первосвященникомъ сына первосвященника же Симона, Іосифа, прозваннаго Кавіемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

1 Узнавъ о смерти Феста, императоръ послалъ въ Іудею намѣстникомъ Альбина. Около того же времени царь (Агриппа) лишилъ Іосифа первосвященническаго сана и назначилъ преемникомъ ему Анана, сына Анана же. Послѣдній, именно Ананъ старшій, былъ очень счастливъ: у него было пять сыновей, которые всѣ стали первосвященниками послѣ того, какъ онъ самъ очень продолжительное время занималъ это почетное мѣсто.

Такое счастіе не выпадало на долю ни одного изъ нашихъ первосвященниковъ. Ананъ же младшій, о назначеніи котораго мы только что упомянули, имѣлъ крутой и весьма неспокойный характеръ; онъ принадлежалъ къ партіи саддукеевъ, которые, какъ мы уже говорили, отличались въ судахъ особенною жестокостью. Будучи такимъ человѣкомъ, Ананъ полагалъ, что вслѣдствіе смерти Феста и неприбытія пока еще Альбина наступилъ удобный моментъ (для удовлетворенія своей суровости). Поэтому онъ собралъ синедріонъ и представилъ ему Іакова, брата Іисуса, именуемаго Христомъ, равно какъ нѣсколькихъ другихъ лицъ, обвинилъ ихъ въ нарушеніи законовъ и приговорилъ къ побитію камнями. Однако всѣ усерднѣйшіе и лучшіе законовѣды, бывшіе (тогда) въ городѣ, отнеслись къ этому постановленію непріязненно. Они тайно послали къ царю съ просьбою запретить Анану подобныя мѣропріятія на будущее время и указали на то, что и теперь

[1] Этого уже никакъ нельзя сказать о Поппеѣ. Все ея благочестіе заключалось въ томъ, что она внѣшнимъ образомъ приняла іудейство.

[2] Срв. Tac. ann. XIII, 15, XIV, 3 sqq. Suet. Ner. XXXIV, 39 (вмѣсто этого): Въ числѣ ихъ находился и самъ Флавій Іосифъ.

онъ поступилъ неправильно. Нѣкоторые изъ нихъ даже выѣхали навстрѣчу Альбину, ѣхавшему изъ Александріи, и объяснили ему, что Ананъ не имѣлъ права, помимо его разрѣшенія, созывать синедріонъ. Альбинъ раздѣлилъ ихъ мнѣніе на этотъ счетъ и написалъ Анану гнѣвное письмо съ угрозою наказать его. Въ виду этого царь Агриппа лишилъ Анана первосвященства уже три мѣсяца спустя послѣ его назначенія и поставилъ на его мѣсто Іисуса, сына Дамнея.

2. Когда Альбинъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ, онъ приложилъ всяческое стараніе и усердіе, чтобы умиротворить страну. При этомъ онъ умертвилъ множество сикаріевъ. Тѣмъ временемъ вліяніе первосвященника Анана росло со дня на день и онъ пользовался любовью и почетомъ среди своихъ согражданъ. Дѣло въ томъ, что онъ давалъ взаймы деньги и постоянно умѣлъ склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Іисуса). При этомъ у него были крайне испорченные слуги, которые въ обществѣ подонковъ народа отправлялись на гумна и тамъ насильно овладѣвали предназначавшеюся для простыхъ священнослужителей десятиною; въ случаѣ же сопротивленія они прибѣгали къ побоямъ. Такъ какъ никто не могъ препятствовать этому, то и другіе первосвященники дѣлали то же, что и слуги Анана. Тогда то многимъ изъ священниковъ, для которыхъ раньше десятина представляла источникъ существованія, пришлось умереть отъ голода.

3. Когда во время наступившаго праздника сикаріямъ удалось ночью пробраться въ городъ, они схватили письмоводителя храмового смотрителя Елеазара, который былъ сыномъ первосвященника Анана, связали его и увели съ собою. Затѣмъ они послали къ Анану, обѣщая, что отпустятъ къ нему письмоводителя, если Ананъ уговоритъ Альбина освободить захваченныхъ имъ десять сикаріевъ. Ананъ былъ принужденъ уговорить Альбина и тотъ исполнилъ его просьбу. Между тѣмъ этотъ случай подалъ поводъ къ большимъ бѣдствіямъ. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь изъ членовъ семьи или близкихъ Анана и систематически держать ихъ у себя до тѣхъ поръ, пока не получатъ въ обмѣнъ нѣсколько сикаріевъ. Тѣмъ временемъ число послѣднихъ вновь увеличилось и они съ неслыханною дотолѣ дерзостью опустошали всю страну.

4. Около этого времени царь Агриппа расширилъ городъ Цезарею Филиппу и назвалъ ее въ честь Нерона Нероніадою. Равнымъ образомъ онъ съ большими издержками воздвигъ въ Беритѣ театръ, въ которомъ ежегодно устраивалъ на свой счетъ представленія. На это онъ тратилъ огромныя суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздавалъ народу хлѣбъ и масло. Весь

городъ онъ украсилъ статуями и картинами древнихъ мастеровъ и вообще почти весь блескъ своего двора онъ перенесъ именно въ этотъ городъ. Впрочемъ это то обстоятельство и усилило нерасположеніе къ нему его подданныхъ, потому что онъ отнималъ у нихъ многое для украшенія чужого города.

Потомъ Іисусъ, сынъ Гамаліила, былъ назначенъ въ преемники первосвященнику Іисусу, сыну Дамнея. Результатомъ этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый изъ нихъ собралъ вокругъ себя толпу отчаянныхъ приверженцевъ, которые нерѣдко отъ ругательствъ переходили къ закидыванію другъ друга камнями. Тѣмъ временемъ Ананъ, благодаря своему богатству, пользовался огромнымъ вліяніемъ, такъ какъ помощью денегъ склонялъ людей на свою сторону. Также и Костобаръ и Саулъ, происходившіе изъ царскаго рода и пользовавшіеся большою популярностью благодаря своему родству съ Агриппой, набрали себѣ каждый по толпѣ негодяевъ, совершали во главѣ которыхъ всякія насилія и были всегда готовы отнять имущество болѣе слабыхъ. Съ этого времени для нашего города начались особенно тяжкія бѣдствія, такъ какъ всѣ дѣла стали клониться къ окончательному упадку.

5. Когда Альбинъ узналъ, что прибылъ его преемникъ, Гессій Флоръ, онъ пожелалъ оставить какіе нибудь результаты своего пребыванія среди іерусалимцевъ. Поэтому онъ велѣлъ предать казни всѣхъ арестантовъ, которые заслужили смерть, тѣхъ же лицъ, которыя сидѣли въ тюрьмѣ по какимъ либо незначительнымъ и маловажнымъ причинамъ, онъ освободилъ за извѣстную сумму денегъ. Такимъ образомъ тюрьма, правда, опустѣла, за то страна наполнилась разбойниками.

6. Тѣ представители левитовъ, которые исправляли обязанности пѣвчихъ, обратились къ царю съ просьбою созвать синедріонъ и внести предложеніе о разрѣшеніи всѣмъ левитамъ носить такую же льняную одежду, какую носили священники. При этомъ они говорили, что онъ такимъ достойнымъ его правленія нововведеніемъ сможетъ снискать себѣ вѣчную славу. Просьба ихъ была уважена и царь, по постановленію членовъ синедріона, разрѣшилъ пѣвчимъ замѣнить прежнія одежды льняными, какъ они того желали. Такъ какъ одна часть левитовъ участвовала въ [illegible] богослуженіи, то онъ, по просьбѣ ихъ, разрѣшилъ и имъ также изучить псалмы. Все это однако находилось въ противорѣчіи съ древними законоположеніями, нарушеніе которыхъ не могло не повлечь за собою наказанія.

7. Въ то время была вполнѣ закончена постройка храма. Когда же народъ увидѣлъ рабочихъ, которыхъ было свыше восемнадцати тысячъ человѣкъ, безъ дѣла и понялъ, что теперь они, по окончаніи работъ, останутся безъ хлѣба, а съ другой стороны изъ страха предъ римлянами не желалъ копить храмовыя деньги, то онъ, думая о рабочихъ и имѣя въ виду употребить эти деньги на нихъ (всякій рабочій, который поработалъ хотя бы одинъ часъ въ день, немедленно получалъ свой заработокъ), обратился къ царю съ просьбою приняться за перестройку восточной галлереи храма. Эта галлерея тянулась внѣ храма и была воздвигнута надъ глубокимъ обрывомъ. Она покоилась на стѣнахъ, имѣвшихъ въ длину четыреста локтей. Эти стѣны были сооружены изъ бѣлаго мрамора, каждая глыба котораго имѣла въ длину двадцать, а въ вышину шесть локтей, и представляли дѣло царя Соломона; онъ первый отстроилъ весь храмъ. Однако Агриппа, которому императоръ Клавдій поручилъ завѣдываніе дѣлами храма, полагая, что разрушеніе всякой вещи не трудно, тогда какъ тяжело ея созданіе, особенно же въ примѣненіи къ такой галлереѣ, которая потребуетъ много времени и громадныхъ денежныхъ затратъ, отказалъ населенію въ этой просьбѣ. За то онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы весь городъ былъ вымощенъ бѣлымъ мраморомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ царь лишилъ первосвященническаго сана Іисуса, сына Гамаліила, и поставилъ на его мѣсто сына Ѳеофила, Матѳія, при которомъ началась война іудеевъ съ римлянами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Теперь я считаю необходимымъ и полезнымъ въ видахъ полноты историческаго повѣствованія остановиться на первосвященникахъ, разсказать о возникновеніи ихъ, кто удостоился этой высокой чести и сколько ихъ было всего до окончанія (іудейской) войны. По преданію, первымъ первосвященникомъ былъ Ааронъ, братъ Моисея; послѣ его смерти преемниками ему немедленно становились сыновья и потомки его, среди которыхъ это званіе оставалось наслѣдственнымъ. Поэтому то и вошло въ обычай не назначать никого на эту должность, кто не происходилъ бы изъ рода Ааронова. Лицо, принадлежащее къ другой семьѣ, даже къ царской, не имѣетъ права на первосвященство. И вотъ всѣхъ первосвященниковъ, отъ упомянутаго нами родоначальника ихъ, Аарона, до Финееса, который бунтовщиками былъ провозглашенъ первосвященникомъ во время войны, было восемьдесятъ три. Изъ нихъ съ того времени, какъ Моисей въ пустынѣ воздвигъ скинію въ честь Предвѣчнаго, до прибытія (народа) въ Іудею, когда царь Соломонъ построилъ Господу Богу храмъ, первосвященствовало тринадцать человѣкъ. Сначала они были несмѣняемы до самой смерти, а затѣмъ смѣща-

лись. Эти тринадцать первосвященниковъ, которые являлись потомками двухъ сыновей Аарона, послѣдовательно другъ за другомъ удостоивались своего высокаго сана. При нихъ государственное устройство іудеевъ первоначально носило аристократическую, потомъ единодержавную, а затѣмъ царскую (съ извѣстными ограниченіями) форму. Указанныя тринадцать лицъ первосвященствовали съ того дня, когда предки наши подъ предводительствомъ Моисея покинули Египетъ, вплоть до сооруженія въ Іерусалимѣ Соломонова храма, т. е. въ теченіе шестисотъ двѣнадцати лѣтъ. Послѣ указанныхъ тринадцати лицъ званіе это принадлежало восемнадцати первосвященникамъ, а именно въ теченіе періода отъ іерусалимскаго царя Соломона и до нападенія Навуходоносора, царя вавилонскаго, который при этомъ сжегъ храмъ, увелъ народъ въ рабство въ Вавилонію и захватилъ въ плѣнъ первосвященника Іосадака. Эти лица занимали свои должности въ теченіе четырехсотъ шестидесяти шести лѣтъ, шести мѣсяцевъ и десяти дней.

Въ это время іудеи управлялись царями. Спустя семьдесять лѣтъ послѣ вавилонскаго плѣненія персидскій царь Киръ вновь отпустилъ жившихъ въ Вавилоніи іудеевъ назадъ на родину и разрѣшилъ имъ воздвигнуть храмъ. Первосвященническое званіе перешло тогда къ одному изъ возвратившихся изъ плѣна, именно къ Іисусу, сыну Іосадака. Онъ и его потомки, всего пятнадцать человѣкъ, управляли получившимъ демократическій строй государствомъ въ теченіе трехсотъ четырнадцати лѣтъ, вплоть до царя Антіоха Евпатора. Этотъ-то упомянутый Антіохъ вмѣстѣ со своимъ военачальникомъ Лисіемъ рѣшили смѣстить первосвященника Онію и умертвить его въ Берѣ; при этомъ они обошли его сына и назначили первосвященникомъ Іакима, происходившаго, правда, изъ рода Ааронова, но не принадлежавшаго къ семьѣ Оніи. Поэтому-то другой Онія, двоюродный братъ вышеупомянутаго называвшійся такъ же какъ и отецъ его, отправился въ Египетъ, снискалъ дружбу Птолемея Филометора и его жены Клеопатры, и уговорилъ ихъ построить въ геліополитанскомъ номѣ Предвѣчному храмъ на подобіе іерусалимскаго и назначить его, Онію, первосвященникомъ. Впрочемъ, объ этомъ египетскомъ храмѣ мы говорили уже неоднократно.

Между тѣмъ Іакимъ пробылъ первосвященникомъ всего три года и затѣмъ умеръ. Ему не тотчасъ же былъ назначенъ преемникъ, но городъ въ теченіе семи лѣтъ обходился безъ первосвященника. Затѣмъ уже асмонеи, которымъ было довѣрено управленіе народомъ, по окончаніи войны съ македонянами назначили первосвященникомъ Іонаѳа, занимавшаго эту должность семь лѣтъ. Когда же онъ палъ жертвою интригъ и заговора

Трифона, какъ мы въ свое время разсказали, то первосвященство перешло къ брату его, Симону. Но и этотъ, пробывъ въ своей должности годомъ дольше брата былъ во время обѣда коварно умерщвленъ своимъ зятемъ.

Преемникомъ ему сталъ его сынъ Гирканъ. Послѣдній былъ первосвященникомъ въ теченіе тридцати одного года и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, оставивъ санъ свой Іудѣ, прозванному также Аристовуломъ. Ему наслѣдовалъ его братъ, царь Александръ, когда Іуда умеръ отъ болѣзни; этотъ Іуда былъ единовременно царемъ и первосвященникомъ, такъ какъ онъ за годъ до своей смерти воздѣлъ на главу свою царскій вѣнецъ. Александръ умеръ, пробывъ царемъ и первосвященникомъ въ теченіе двадцати семи лѣтъ, и поручилъ женѣ своей Александрѣ назначить первосвященника по собственному усмотрѣнію. Александра поручила эту должность Гиркану, сама же въ теченіе десяти лѣтъ вплоть до своей смерти была царицею. Столько же времени былъ первосвященникомъ и сынъ ея Гирканъ. Дѣло въ томъ, что послѣ ея смерти братъ Гиркана, Аристовулъ, вступилъ въ борьбу съ нимъ, побѣдилъ его и отнялъ у него власть, которую присвоилъ себѣ, какъ царь и какъ первосвященникъ. Однако по истеченіи трехъ лѣтъ и столькихъ же мѣсяцевъ его правленія (въ Іудею) явился Помпей, силою взялъ Іерусалимъ и затѣмъ отправилъ Аристовула съ дѣтьми его плѣнными въ Римъ. При этомъ Помпей вернулъ Гиркану первосвященническій санъ и поручилъ ему управленіе народомъ, но въ то же время запретилъ носить діадему. Такимъ образомъ Гирканъ былъ еще двадцать четыре года правителемъ. Послѣ того пареянскіе князья Барзафарнъ и Пакоръ перешли черезъ Евфратъ, объявили войну Гиркану, взяли послѣдняго въ плѣнъ и провозгласили царемъ сына Аристовула, Антигона. Онъ успѣлъ процарствовать (лишь) три года и три мѣсяца, какъ Соссій и Иродъ осадили его. Затѣмъ Антоній повезъ его въ Антіохію и казнилъ тамъ. Послѣ этого царская власть была передана римлянами Ироду (Великому), который не сталъ болѣе назначать первосвященниковъ изъ рода асмонеевъ, но, за исключеніемъ одного только Аристовула, передавалъ этотъ почетный санъ нѣкоторымъ ничѣмъ невыдававшимся, простымъ священникамъ. Если же онъ назначилъ первосвященникомъ Аристовула, внука взятаго пареянами въ плѣнъ Гиркана и брата жены своей Маріамны, то онъ сдѣлалъ его лишь въ угоду простонародью, которое высоко чтило память Гиркана. Но такъ какъ онъ впослѣдствіи сталъ опасаться слишкомъ большой популярности Аристовула, то онъ, какъ мы уже разсказали, рѣшилъ избавиться отъ него, утопивъ

его во время купанья въ Iерихонѣ. Послѣ него Иродъ уже болѣе не поручалъ первосвященства потомкамъ асмонеевъ. Подобно Ироду, поступали въ дѣлѣ назначенія первосвященниковъ также его сынъ Архелай и римляне, къ которымъ впослѣдствіи перешло управленіе Iудеею. И вотъ со временъ Ирода вплоть до того дня, когда Титъ взялъ городъ и сжегъ храмъ, было всего двадцать восемь первосвященниковъ въ теченіе ста семи лѣтъ. Нѣкоторые изъ нихъ правили еще при жизни царя Ирода и его сына Архелая. Послѣ же смерти ихъ форма правленія стала опять аристократическою, причемъ однако управленіе народомъ было довѣрено первосвященникамъ. Однако этого достаточно о первосвященникахъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. Между тѣмъ Гессій Флоръ, котораго Неронъ назначилъ преемникомъ Альбина, навлекъ на іудеевъ большія бѣдствія. Самъ онъ происходилъ изъ города Клазоменъ и привезъ съ собою свою жену Клеопатру, бывшую въ дружбѣ съ женою Нерона, Поппеею. Клеопатра нисколько не отличалась отъ послѣдней своею испорченностью [1]. Благодаря Поппеѣ, Гессій Флоръ и достигъ своего назначенія. Флоръ настолько злоупотреблялъ своею властью и позволялъ себѣ такія насилія, что іудеи, въ своемъ крайнемъ горѣ, вспоминали объ Альбинѣ, какъ о благодѣтелѣ. Послѣдній по крайней мѣрѣ старался скрывать свою гнусность и заботился о томъ, чтобы не уронить себя окончательно; Гессій же Флоръ кичился своими беззаконіями относительно нашего народа, какъ будто бы онъ былъ присланъ лишь для выказанія своей испорченности: онъ не упустилъ ни одного случая, гдѣ онъ могъ грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему и его любостяжаніе было прямо ненасытно, такъ что онъ не дѣлалъ различія между большимъ и малымъ, но дѣлилъ свою добычу съ разбойниками. Большинство послѣднихъ дѣйствовало смѣло, потому что могло быть увѣрено въ безнаказанности со стороны намѣстника, которому за это удѣлялась часть награбленнаго. Однако это было еще не все. Такъ какъ несчастные іудеи не могли дольше сносить грабежей разбойниковъ, то они видѣли себя принужденными отказаться отъ своихъ привычекъ и массою выселяться, думая найти убѣжище гдѣ бы то ни было среди иноземцевъ. Чего же еще больше? Флоръ былъ тѣмъ, кто принудилъ насъ начать войну съ римлянами, такъ какъ онъ

[1] Срав. однако выше стр. 412, восторженный отзывъ Iосифа о Поппеѣ

держался того мнѣнія, что лучше гибнуть многимъ заразъ, чѣмъ умерщвлять немногихъ отдѣльныхъ лицъ. Эта война началась во второмъ году намѣстничества Флора и на двѣнадцатомъ году правленія Нерона.

Къ чему мы тогда были вынуждены и что намъ пришлось перенести, объ этомъ подробно можетъ узнать всякій желающій изъ моихъ книгъ объ іудейской войнѣ.

Здѣсь я закончу свое сочиненіе «Древности», продолженіемъ которыхъ служитъ моя книга «Iудейская война». Содержаніе его обнимаетъ разсказъ отъ возникновенія перваго человѣка до двѣнадцатаго года правленія Нерона. Тутъ повѣствуется о судьбѣ нашей въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ, какъ мы страдали отъ ассирійцевъ и вавилонянъ, что съ нами сдѣлали персы и македоняне и впослѣдствіи римляне. Надѣюсь, что все это передано мною съ возможною точностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ я попытался также установить преемство первосвященниковъ за двухтысячелѣтній періодъ ихъ существованія. Равнымъ образомъ я въ точности передалъ, какъ я и обѣщалъ въ началѣ своего повѣствованія, послѣдовательно исторію царей, ихъ дѣяній и образа правленія, равно какъ предѣлы ихъ власти сообразно съ тѣмъ, что имѣется объ этомъ въ Писаніи.

Въ заключеніи своего сочиненія позволю себѣ смѣло сказать, что передать все это настолько подробно погречески не смогъ бы, при всемъ своемъ желаніи, никто другой, будь то іудей или иноземецъ. Мои соотечественники всѣ согласны съ тѣмъ, что я являюсь однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи страны нашей. Я старался съ большимъ усердіемъ преодолѣть трудности въ изученіи греческаго языка и литературы, основательно усвоивъ его грамматику. Впрочемъ свободно говорить погречески мѣшаетъ мнѣ мое іудейское происхожденіе. Дѣло въ томъ, что у насъ не уважаются тѣ, кто изучилъ много языковъ или умѣютъ украшать рѣчь свою красивыми оборотами. Это умѣнье считается принадлежностью не только свободнорожденныхъ людей, но и рабовъ. Лишь тѣ, которые въ точности знаютъ законъ и отличаются умѣньемъ толковать Св. Писаніе, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многіе и трудились надъ пріобрѣтеніемъ такихъ познаній, однако едва двое или трое вполнѣ преуспѣли въ томъ. Впрочемъ, за то они и вкусили отъ плодовъ трудовъ своихъ.

Вѣроятно большинству не покажется неумѣстнымъ и неудобнымъ, если я здѣсь вкратцѣ упомяну о своемъ происхожденіи и о своихъ дѣяніяхъ

въ жизни [1]. Пока живы еще люди, которые могли бы либо изобличить либо поддержать меня [2].

На этомъ я и покончу свои «Древности», которыя распадаются на двадцать книгъ и состоятъ изъ шестидесяти тысячъ строкъ. Если Господу Богу будетъ угодно, я впослѣдствіи кратко разскажу объ (іудейской) войнѣ и исторію нашей іудейской жизни до сегодняшняго дня, т. е. до тринадцатаго года правленія императора Домиціана и до пятидесятишестилѣтняго года моей жизни [3]. Я имѣю также въ виду изложить въ четырехъ книгахъ наше іудейское вѣроученіе о Господѣ Богѣ и Его существѣ, равно какъ поговорить о законахъ и о причинахъ, почему одно намъ разрѣшено, а другое запрещено [4].

КОНЕЦЪ.

[1] Это сдѣлано Флавіемъ въ его еще неизданной въ русскомъ переводѣ автобіографіи. См. нашъ очеркъ о жизни Флавія Іосифа.

[2] То былъ 83 годъ по Р. Хр.

[3] Вѣроятно Флавій не привелъ этого намѣренія въ исполненіе; такой книги, по крайней мѣрѣ, не сохранилось отъ него. Срв. Niese l. c. p. 230.

[4] Срв. B. Niese, Der jüdische Historiker Josephus, въ Histor. Zeitschr. 76 Bd. III Heft, p. 229.

Флавій Іосифъ, его жизнь и творчество.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Страшную во всѣхъ отношеніяхъ картину представляла Іудея въ первой половинѣ I вѣка по Р. Хр. Терзаемая внутренними неурядицами, борьбою партій, грабежами разбойничьихъ шаекъ, ежеминутно дрожа предъ кинжалами наемныхъ убійцъ—сикаріевъ, угнетаемая множествомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, страдая отъ хищничества собственныхъ первосвященниковъ и стеня подъ гнетомъ непопулярныхъ царей, готовыхъ продать свою страну за ласковое слово римскаго императора,—Іудея была воистину несчастна. Сюда присоединялись еще жестокое иго римскихъ прокураторовъ, послушныхъ орудій сумасбродныхъ безумцевъ на тронѣ (Тиверій, Гай Калигула), грубость легіонеровъ, вражда и доносы самарянъ, вѣчная борьба съ сирійскимъ населеніемъ страны, отсутствіе личной безопасности въ дорогѣ, на улицѣ, даже дома; все это дѣлало тогда жизнь іудеевъ ужасною. Посягательства римлянъ на юридическія и, главнымъ образомъ, религіозныя права населенія также не могли особенно способствовать процвѣтанію избраннаго народа, который именно теперь, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда либо раньше, чувствовалъ свое великое умственное превосходство надъ грубыми завоевателями. Вѣчныя насмѣшки и глумленія надъ самымъ священнымъ, что есть у іудея, надъ его Богомъ и вѣрою, постоянно служили предметомъ раздоровъ. Пробудившаяся подъ вліяніемъ эллинизма потребность въ философскомъ мышленіи, въ стремленіи къ созерцательной жизни, постоянно нарушаемой чисто внѣшними вторженіями грубыхъ римлянъ, наконецъ органическое отвращеніе іудеевъ отъ занятій искусствомъ и

военнымъ дѣломъ, въ чемъ ихъ угнетатели достигли такого совершенства, все это вело къ развитію обособленности іудейскаго населенія маленькой страны.

Когда рядъ назначенныхъ римскими императорами въ Іудею и Сирію т. наз. прокураторовъ (Куспій Фадъ, Тиверій Александръ, Куманъ, Феликсъ Фестъ, Альбинъ, Гессій Флоръ и Цестій Галлъ), поддерживаемые іерусалимскою и цезарейскою знатью, чиновниками и богачами, стали хозяйничать въ своихъ намѣстничествахъ, давая ходъ полному произволу и всѣхъ подвергая насиліямъ и грабежамъ, терпѣніе народное истощилось, и населеніе, неоднократно пытавшееся покинуть страну, взялось наконецъ за оружіе.

Какъ то нерѣдко бываетъ въ переходныя эпохи, невѣжество съ одной, суевѣріе и безвыходность положенія съ другой стороны благопріятствовали появленію въ странѣ цѣлаго ряда лжепророковъ и маговъ, сулившихъ народу золотыя горы, благоденствіе въ настоящей и будущей загробной жизни. Эти лица, за немногими исключеніями всѣ кончившія на плахѣ или на крестѣ, мнимыми чудесами вводили народъ въ заблужденіе и жестокій обманъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесли ему и извѣстную долю пользы: они пробуждали его религіозное самосознаніе, въ извѣстной степени фанатизировали его за религіозную идею и тѣмъ нравственно поднимали его. Люди гибли тысячами отъ меча римскихъ легіонеровъ, но это дѣлало ихъ лишь мучениками въ глазахъ собственныхъ и прочаго населенія. Всѣ эти казни вели къ результатамъ какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, которыхъ добивались кровожадные и корыстолюбивые римскіе прокураторы. Въ вѣчной борьбѣ за идею и свободу іудеи черпали тѣ силы, которыя они во второй половинѣ I вѣка по Р. Хр. съумѣли столь геройски противоставить своимъ угнетателямъ. Если имъ и не суждено было выйти побѣдителями изъ этой численно неравной борьбы, то тутъ были виноваты скорѣе внѣшнія причины, чѣмъ внутреннія.

Въ такое смутное время, какъ описываемое, всегда найдутся люди слабовольные и безъ надлежащей подготовки, которые, часто противъ своей воли, становятся предателями своего же собственнаго интереса. Неопредѣленность условій существованія въ такія эпохи, недостаточная нравственная выдержка, надежда найти исходъ при другихъ формахъ жизни нерѣдко побуждаютъ подобныхъ лицъ къ шагамъ, въ которыхъ впослѣдствіи имъ самимъ приходится раскаиваться.

Одною изъ наиболѣе типичныхъ личностей такого рода является историкъ, которому посвященъ настоящій очеркъ. Какъ, надѣюсь, выяснится изъ него, почти вся первая половина его жизни была сплошною ошибкою, чтобы не сказать сознательною гнусностью. Если нѣмецкій историкъ Гейнрихъ Эвальдъ (въ своей Geschichte Israels, т. 7, изд. 1859 г., стр. 86 – 87) и находитъ возможнымъ провести параллель между пророкомъ Іереміею и Іосифомъ Флавіемъ, то эта параллель можетъ быть названа только внѣшнею. Какъ тотъ, такъ и другой присутствовали при паденіи Іерусалима; какъ тотъ, такъ и другой навлекли на себя ненависть іудеевъ; но первый дѣйствовалъ честно, прямо и въ концѣ концовъ ни минуты не измѣнялъ своему народу, почему и оказалъ на него столь глубокое вліяніе. Флавій же является предателемъ, шпіономъ, виновникомъ гибели своихъ единоплеменниковъ. Онъ также, подобно Іереміи, которому не въ чемъ было упрекать себя, оставилъ потомству выдающіяся сочиненія, написанныя въ защиту правъ попраннаго народа, но не достигъ своей цѣли ни у іудеевъ, ни среди языческаго міра. Лишь долго спустя послѣ его смерти, особенно въ III и IV вѣкахъ христіанской эры, отцы церкви извлекли эти сочиненія изъ пыли библіотекъ и стали черпать въ нихъ то, что могло быть употреблено на пользу юной религіи, судьба послѣдователей которой имѣла первоначально такъ много общаго съ участью іудеевъ. Но о сочиненіяхъ и міровоззрѣніи Флавія мы будемъ говорить впослѣдствіи. Теперь разсмотримъ явленія жизни этой, во всякомъ случаѣ, недюжинной личности, воплотившей въ себѣ, по выраженію того же Эвальда (ibidem, p. 78) исторію нравственной неустойчивости своей эпохи.

I.

Іосифъ-баръ-Маттаеія [1], сынъ богатыхъ родителей, родился въ Іерусалимѣ, по исчисленіямъ Шюрера [2], между 13 сентября 37 и 16 марта 38 года христіанской эры. Отецъ его былъ священникомъ, ведшимъ свое происхожденіе отъ Гиркана, мать же принадлежала къ потомкамъ асмонейской династіи. Впрочемъ, свѣдѣнія генеалогическаго характера, сообщаемыя Іосифомъ о себѣ (Vita, § 1), крайне неточны. У него былъ еще братъ, носившій имя Маттаеіи. Отецъ далъ Іосифу тщательное воспитаніе и старался рано посвятить его въ изученіе Св. Писанія. Эти попытки увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: 14 лѣтъ мальчикъ поражалъ стариковъ книжниковъ своею начитанностью и сообразительностью. Черезъ два года, успѣвъ последовательно ознакомиться съ доктринами фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ, шестнадцати-лѣтній юноша настолько проникся ученіемъ послѣднихъ, что рѣшилъ посвятить себя отшельнической жизни. Съ этою цѣлью онъ ушелъ въ пустыню, къ аскету Банусу, который питался исключительно кореньями и носилъ одежду изъ древесной коры [3].

Пробывъ у Бануса три года, Іосифъ почувствовалъ влеченіе къ болѣе дѣятельному образу жизни. Вернувшись въ родительскій домъ, онъ примкнулъ къ сектѣ фарисеевъ, но не ограничился только теоретическимъ изученіемъ и разработкою ихъ доктрины, а принялъ живѣйшее участіе въ ихъ политической и общественной дѣятельности. Намъ здѣсь нечего останавливатся на характеристикѣ послѣдней: вліяніе фарисеевъ на народъ, ихъ популярность въ противо-

---

[1] Литература: Сочиненія Іосифа Флавія, особенно его автобіографія. Затѣмъ: *H. Ewald*, Geschichte Israels, Bd. 7, p. 89 sqq.; *E. Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, 2 Aufl. Bd. I, p. 56 sqq; статьи *Hausrath'a* (въ Historische Zeitschr. XI, p. 263 sqq) и *B. Niese* (ibidem, 76, III Heft, p. 193—237: Der jüdische Historiker Josephus); *O. Гольцманъ*, Паденіе іудейскаго государства. Москва, 1899, стр. 336 и слѣд.

[2] Schürer, l. c. p. 57.

[3] Срв. Hausrath, l. c. p. 292.

положность гордымъ и замкнутымъ саддукеямъ-эллинистамъ, факты общеизвѣстные.

Неудивительно, что принадлежавшій къ знатной и богатой семьѣ, даровитый и многосторонне образованный юноша не долго оставался въ тѣни. Его честолюбивая натура требовала широкой сферы дѣятельности. И вотъ уже въ 63 году мы видимъ Іосифа, тогда 26-лѣтняго молодого человѣка, въ числѣ членовъ депутаціи, отправленной при прокураторѣ Фестѣ жителями Іерусалима въ Римъ, къ императору Нерону. Миссія, возложенная на эту депутацію, во главѣ которой стояли первосвященникъ и храмовой казначей, не принадлежала къ числу легкихъ. Дѣло въ томъ, что іудеи воздвигли во дворѣ храма высокую стѣну, чтобы лишить царя Агриппу II возможности смотрѣть съ балкона дворца на то, что дѣлалось въ святилищѣ. Установленіе такого надзора однако противорѣчило всѣмъ обычаямъ. Агриппа и Фестъ потребовали срытія стѣны. Іудеи отказались и отправили депутацію къ Нерону. Благодаря содѣйствію принявшей іудаизмъ императрицы Поппеи Сабины, посланнымъ удалось блестящимъ образомъ исполнить возложенную на нихъ задачу. Члены миссіи, за исключеніемъ первосвященника и казначея, которыхъ Поппея оставила при себѣ, вернулись въ Іерусалимъ.

Эта поѣздка имѣла для Іосифа рѣшающее значеніе: тутъ онъ познакомился съ Римомъ, съ прелестями его жизни, его величіемъ, его силою. Тутъ въ немъ, вѣроятно, впервые зародилось несчастное убѣжденіе въ непреодолимомъ могуществѣ властнаго города и его побѣдоноснаго народа. Особенно плѣнила юношу столь же красивая, сколь и развратная Поппея, благоволеніе которой ему удалось снискать при помощи актера Алитира. [1]) Благоволеніе это выразилось, между прочимъ, въ богатомъ подаркѣ, который императрица на прощанье вручила Іосифу.

Возвращеніе Іосифа въ Іерусалимъ было для него настоя-

---

[1] Schürer, l. c., p. 58.

щимъ тріумфомъ. Если богато одаренный природой юноша до того съумѣлъ снискать себѣ расположеніе фарисеевъ, этихъ руководителей народа, то съ даннаго момента его вліяніе стало особенно замѣтнымъ. Онъ принимаетъ живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ, голосъ его часто является рѣшающимъ, и популярность его вскорѣ доходитъ до того, что іерусалимскіе книжники поручаютъ ему самыя серьезныя и отвѣтственныя должности. Теперь жизнь Іосифа, вплоть до 70 года до Р. Хр., тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбами Палестины и ея народа. Поэтому и намъ придется бросить бѣглый взоръ на то, что происходило тогда въ Св. землѣ.

Въ срединѣ ноября 66 года сирійскій намѣстникъ Цестій Галлъ напалъ на Іерусалимъ, положивъ этимъ начало роковой іудейской войнѣ. Іерусалимскіе граждане рѣшили избрать нѣсколько особенно выдающихся лицъ для веденія всѣхъ дѣлъ и для борьбы съ врагами внутренними и внѣшними, потому что не только римляне угрожали самостоятельности Іудеи, но и различныя партіи внутри самого священнаго города грозили истребить другъ друга. Въ такую критическую минуту выборъ гражданъ палъ на Іосифа, который первоначально пытался склонить ихъ къ миру, но затѣмъ принялъ отвѣтственную должность [1]. Сначала пришлось успокоить умы враждовавшихъ между собою и разбившихся на два стана гражданъ. Эта задача была имъ исполнена. Затѣмъ нужно было бороться противъ Цестія Галла, который собралъ войско въ 30000 человѣкъ и двинулся къ Птолемаидѣ. Предавъ разграбленію городокъ Завулонъ, прокураторъ занялъ Яффу и сжегъ ее. Тутъ было перерѣзано 8400 человѣкъ. Такъ же были опустошены окрестности Цезареи. Затѣмъ Цестій отправилъ своего помощника, Галла, въ Галилею, гдѣ городъ Сепфорисъ немедленно передался римлянамъ. Цестій же двинулся чрезъ Лидду къ Іерусалиму. Здѣсь ему было оказано отчаянное сопротивленіе и

[1] Niese l. c. p. 193.

на первыхъ порахъ іудеи, предводительствуемые Симономъ баръ-Гіорою, одержали надъ нимъ блестящую побѣду. Послѣ этого Цестій еще разъ пытался штурмовать городъ, но, прождавъ передъ нимъ три дня, внезапно отступилъ. Онъ потерялъ при этомъ 400 воиновъ и почти весь обозъ. Желая взвалить всю вину въ этой постигшей его неудачѣ на прокуратора Флора, онъ послалъ къ Нерону, находившемуся тогда въ Греціи, депутацію изъ богатыхъ и знатныхъ іудеевъ, которые съ самаго начала совѣтовали своимъ согражданамъ не поднимать оружія противъ римлянъ; однако же мы видѣли, что этотъ совѣтъ не былъ исполненъ. Такимъ образомъ іерусалимцы фактически стали бунтовщиками и тѣмъ самымъ потеряли всѣ права и привиллегіи, дарованныя имъ нѣкогда Юліемъ Цезаремъ и Клавдіемъ.

Руководящая партія въ Іерусалимѣ однако отлично понимала случайность побѣдъ надъ Цестіемъ и не дѣлала себѣ иллюзій, что тѣмъ дѣло и кончилось. Напротивъ, трагедія теперь только стала разыгрываться и послѣдній актъ ея былъ еще впереди. Поэтому было рѣшено раздѣлить страну на цѣлый рядъ областей и надъ каждой поставить отдѣльныхъ военачальниковъ. Іосифу поручили управленіе Галилеи, куда онъ отправился въ сопровожденіи двухъ священниковъ, набравъ войско, ядро котораго составляли 4500 наемниковъ. Затѣмъ ученый мужъ, но плохой военачальникъ и администраторъ, принялся укрѣплять различные пункты страны и при этомъ раскидалъ и разъединилъ всѣ свои и безъ того не надежныя боевыя силы. Занявшись единовременно укрѣпленіемъ 16 галилейскихъ поселеній, онъ тѣмъ показалъ всю свою неопытность. Послѣдняя еще болѣе обнаружилась, когда нашъ ученый законовѣдъ принялся за устройство администраціи въ этихъ городахъ. Онъ назначилъ совѣтъ изъ 70 старѣйшинъ (то былъ верховный трибуналъ страны), въ отдѣльныхъ городахъ власть была передана 7 судьямъ и всюду введена строгая регламентація жизни по моисееву законодательству. При другихъ условіяхъ это сдѣлало бы честь Іосифу, но теперь, когда странѣ

угрожали враги, когда въ отдѣльныхъ городахъ происходила ожесточенная борьба партій, когда войско было набрано случайно и совершенно не обучено, Іосифу слѣдовало бы забыть на время о своемъ фарисейскомъ ригоризмѣ. Наивность, съ которою онъ самъ (въ Іуд. войнѣ II, 21,2 и Vita § 13) разсказываетъ о своихъ неудачныхъ административныхъ и военныхъ мѣропріятіяхъ, прямо поразительна. Если бы онъ, даже дѣлая массу ошибокъ, вспомнилъ о своихъ сосѣдяхъ, арабахъ и особенно грозныхъ Риму пареянахъ, и постарался привлечь ихъ на свою сторону [1] (а это тогда было такъ легко!), онъ могъ бы одержать верхъ надъ врагами и Іудея, можетъ быть, отстояла бы свою независимость.

Между тѣмъ никакой подобной попытки имъ не было сдѣлано; напротивъ, сподвижники и товарищи Іосифа думали о томъ только, какъ бы путемъ насильственнаго взиманія десятинъ съ истощеннаго уже и безъ того населенія, набивать себѣ карманы. Самъ военачальникъ не уступалъ имъ въ корыстолюбіи. Исторія съ похищеннымъ багажемъ Агриппы II и его сестра Береники [2] служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Въ то же время Іосифъ съумѣлъ возстановить противъ себя двухъ другихъ руководителей народа, Іоанна изъ Гисхалы, съ которымъ его первоначально связывала тѣсная дружба, и Симона-баръ-Гіора. Первый укрѣпился въ столь важномъ съ стратегической точки зрѣнія городѣ Сепфорисѣ, второй—въ Масадѣ. Результатомъ этого было не только отпаденіе Сепфориса отъ Іосифа, но и Тиверіады и Гисхалы. Іоаннъ даже сдѣлалъ попытку умертвить Іосифа помощью наемныхъ убійцъ, но Іосифъ спасся поспѣшнымъ бѣгствомъ на Генисаретское озеро. Іоаннъ тѣмъ временемъ безъ труда овладѣлъ укрѣпленною Гамалою. Такимъ образомъ

[1] Hausrath, l. c. p. 296.

[2] Гольцманъ, стр. 345—346.

сама Галилея распалась на части и соперники только облегчали дѣло нагрянувшихъ на нее римлянъ [1].

Въ это время (весною 67 года) императоръ Неронъ, находившійся въ Греціи, послалъ въ Іудею опытнаго консуляра, хотя и человѣка плебейскаго происхожденія, Тита Флавія Веспасіана. Въ лицѣ новаго римскаго полководца, стяжавшаго себѣ лавры на Рейнѣ и въ Британіи, іудеи и галилеяне встрѣтили опытнаго и энергичнаго противника, отличавшагося желѣзною волею и идеально дисциплинировавшаго свое войско. Послѣднее, по удачному выраженію Гаусрата, [2] представляло изъ себя огромную машину, двигавшуюся исключительно волею своего вождя.

Прибывъ къ Птолемаидѣ, Веспасіанъ и сынъ его Титъ встрѣтили здѣсь посольство изъ Сепфориса съ предложеніемъ отдать городъ римлянамъ и впустить туда римскій гарнизонъ. Это было первымъ результатомъ плачевной дѣятельности Іосифа. Жители не довѣряли ему и не надѣялись на устойчивость Іоанна изъ Гисхалы. Сколько ни старался Іосифъ путемъ красивыхъ убѣжденій склонить жителей къ возмущенію противъ римлянъ, эти попытки его оставались тщетными. Когда же римское войско двинулось къ предѣламъ Галилеи, Іосифъ отступилъ съ нѣсколькими приверженцами въ Тиверіаду, такъ какъ по собственному выраженію, «въ ту минуту онъ рѣшилъ *по возможности избѣгать опасности*». Хорошъ полководецъ! Онъ даже не постыдился отправить изъ Тиверіады письмо въ Іерусалимъ съ предложеніемъ вступить съ римлянами въ мирные переговоры или прислать ему сильное войско. Очевидно, что его просьба осталась безъ отвѣта. Тогда Іосифъ рѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ въ укрѣпленный городокъ Іотапату, къ сѣверу отъ Генисаретскаго озера. Населеніе этого городка успѣло разбить римскаго полководца Плацида, послан-

[1] Срв. Vita 3, 115. 212. 281. 384 и 398 sqq. Срв. также брошюру *A. Baerwald'a*, Flavius Josephus in Galiläa u. sein Verhältniss zu den Parteien, 1877.

[2] l. c. p. 300.

наго Веспасіаномъ съ приказаніемъ овладѣть городомъ. Сюда сбѣжалось и большинство галилейскихъ воиновъ и наемниковъ Іосифа. Послѣдній прибылъ въ Іотапату 31 мая 67 года [1].

Исторія сорокасемидневной ожесточенной осады Веспасіаномъ этого городка всѣмъ хорошо извѣстна [2], равно какъ извѣстны также различныя военныя хитрости, пущенныя въ ходъ Іосифомъ для введенія римлянъ въ заблужденіе. Когда нашъ герой увидѣлъ, что городку не выдержать осады, онъ хотѣлъ бѣжать, но былъ во-время удержанъ населеніемъ отъ столь постыднаго поступка. Геройская защита жителей и ихъ подвиги съ достаточною подробностью извѣстны изъ сочиненій нашего историка [3]. 20 іюля 67 года римляне овладѣли Іотапатою, Титъ и трибунъ Домицій Сабинъ первыми взошли на городскую стѣну.

Тогда Іосифъ въ обществѣ 40 сподвижниковъ укрылся въ глубокой цистернѣ городского водопровода. Въ числѣ скрывшихся была также одна женщина, впослѣдствіи донесшая римлянамъ объ убѣжищѣ Іосифа. Тѣмъ временемъ бѣглецы, снабдивъ, видимо, заранѣе свое убѣжище достаточнымъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ, спокойно выжидали случая ускользнуть изъ города. Когда римляне узнали, гдѣ находится Іосифъ, они предложили ему сдаться, обѣщая пощадить жизнь его. Бывшій галилейскій военачальникъ имѣлъ достаточно дерзости согласиться, но во-время былъ остановленъ товарищами. Видя, что запасы клонятся къ концу и римская стража оберегаетъ выходъ изъ цистерны, Іосифъ рѣшился на хитрость, о которой самодовольно повѣствуетъ въ третьей книгѣ своей «Іудейской войны», хотя похвастать тутъ, право, было нечѣмъ. Онъ предложилъ своимъ товарищамъ не сдаваться живыми, но лучше покончить самоубійствомъ. При этомъ жребій долженъ былъ рѣшить, кому кого убивать. По счастливой, но странной случайности всѣ товарищи Іосифа перебили такимъ образомъ другъ

[1] Bell jud. III, 6, 1 и слѣд.
[2] Bell. jud. III, 3.
[3] Срв. Hausrath, l. c. p. 303.

друга; теперь въ живыхъ оставались лишь двое, нашъ герой и одинъ изъ его сподвижниковъ. Съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ Іосифъ убѣдилъ товарища не совершать смертельнаго грѣха смертоубійства и лучше сдаться римлянамъ. Такъ они и поступили. При выходѣ изъ цистерны Іосифъ былъ арестованъ трибуномъ Никаноромъ, закованъ въ цѣпи и приведенъ къ Веспасіану, который долженъ былъ рѣшить его участь.

Въ такой крайности Іосифъ опять рѣшился прибѣгнуть къ хитрости. Отлично зная суевѣріе римлянъ, которымъ, впрочемъ, тогда былъ зараженъ весь міръ, догадливый фарисей на-время прикинулся благочестивымъ ессеемъ и попросилъ разрѣшенія предстать предъ побѣдителемъ въ одеждѣ восточнаго отшельника. Это подѣйствовало. Іосифъ затѣмъ сказалъ Веспасіану, что имѣетъ сообщить ему наединѣ нѣчто весьма важное Когда и эта аудіенція была разрѣшена ему, онъ разсказалъ полководцу о томъ снѣ, который ему будто бы приснился, и предсказалъ ему полученіе императорской власти [1]. Насколько это предсказаніе подѣйствовало именно въ то тревожное и смутное время на Веспасіана, можно себѣ легко представить. Огромная власть преторіанской гвардіи, интриги всемогущихъ придворныхъ и императорскихъ вольноотпущенниковъ, своеволіе солдатъ, безсиліе римской знати, сумасбродство непопулярнаго въ глазахъ народа Нерона, наконецъ общее недовольство существующимъ порядкомъ вещей,— все это могло вести къ различнымъ неожиданностямъ. Судьба династіи Клавдіевъ висѣла на волоскѣ. Каждый день могъ принести съ собою новые сюрпризы. Поэтому мысль о возможности достигнуть когда либо верховной власти не была въ состояніи показаться честолюбивому и боготворимому легіонерами Веспасіану слишкомъ дерзкой. Какъ бы то ни было, но маневръ Іосифа удался. Онъ не былъ казненъ, но долженъ былъ оставаться при войскѣ плѣннымъ, причемъ носилъ цѣпи.

[1] Bell. jud. III, 9 и слѣд. и съ различными добавленіями въ Contra Apionem, I, 48. Срв. также Suet. Vesp. V и Dio Cassius LX, 1, 4.

Тѣмъ временемъ Іоаннъ изъ Гисхалы какимъ то чудомъ спасся, прибылъ въ Іерусалимъ и сообщилъ тамъ о поступкахъ Іосифа, возбудивъ тѣмъ самымъ партію зелотовъ къ открытой революціи противъ фарисеевъ. Веспасіанъ же вернулся къ Птолемаидѣ, пошелъ затѣмъ на приморскую Цезарею и взялъ Яффу. Послѣ этого онъ поѣхалъ въ Цезарею Филиппа, гдѣ находился тогда Агриппа II со своею сестрою Береникою. Тутъ Веспасіанъ отдыхалъ втеченіе трехъ недѣль, такъ какъ наступило самое жаркое время года. Его сынъ Титъ между тѣмъ усердно ухаживалъ за красивою и кокетливою Береникою, которая охотно отдалась ему, разсчитывая такимъ образомъ по окончаніи несомнѣнно побѣдоносной для римлянъ борьбы сохранить брату Агриппѣ его престолъ. Такъ отстаивали права своихъ подданныхъ тѣ, кто долженъ былъ бы являться наиболѣе ярымъ противникомъ римлянъ!

Изъ Цезареи Веспасіанъ двинулся на Тиверіаду, гдѣ его отрядъ впрочемъ потерпѣлъ пораженіе. Тѣмъ не менѣе городской совѣтъ добровольно отдалъ городъ римлянамъ. Отсюда Веспасіанъ пошелъ къ Тарихеѣ и взялъ ее не безъ труда. Еще больше затрудненій представило ему взятіе Гамалы, которая однако въ сентябрѣ 67 года досталась имъ въ руки. Титъ въ то время овладѣлъ Гисхалою, а Веспасіанъ подчинилъ себѣ города Ямнію и Азотъ. Такимъ образомъ къ зимѣ 67 года вся приморская область равно какъ вся Галилея, вновь были во власти римлянъ. Зиму 67/68 года Веспасіанъ употребилъ на востановленіе и укрѣпленіе взятыхъ пунктовъ, а весною расположился лагеремъ вблизи Іерихона, чтобы отсюда начать осаду и штурмъ Іерусалима.

Тѣмъ временемъ въ Римѣ трагикомическое правленіе Нерона разрѣшилось самоубійствомъ послѣдняго (9 іюня 68 года). Наступившее затѣмъ междуцарствіе, если можно такъ назвать кратковременныя правленія Гальбы, Отона и Вителлія, ничего не измѣнило въ положеніи Іудеи и находившагося тамъ Веспасіана вмѣстѣ съ нимъ и Іосифа. Внезапно 1 іюля

69 года [1] Веспасіанъ былъ провозглашенъ императоромъ. Это радостное для него событіе немедленно отразилось на судьбѣ Іосифа, о предсказаніи котораго вспомнили Веспасіанъ и Титъ. Послѣдній немедленно приказалъ освободить Іосифа отъ оковъ, причемъ собственноручно перерубилъ цѣпи топоромъ. Этимъ Іосифъ не только освобождался отъ плѣна, но и возстановлялся во всѣхъ своихъ гражданскихъ правахъ. Новый императоръ, собираясь въ Египетъ, взялъ съ собою и Іосифа.

Хотя Іосифъ былъ женатъ, но его жена оставалась въ Іерусалимѣ, и онъ долго не видалъ ея. Въ Александріи, а быть можетъ еще и въ Цезареѣ, Веспасіанъ женилъ его на плѣнной іудейкѣ, которая однако вскорѣ покинула насильственно навязаннаго ей мужа. Затѣмъ Іосифъ женился еще разъ, но также неудачно: вскорѣ ему пришлось развестись. Четвертый и послѣдній бракъ его на богатой критянкѣ изъ уважаемой семьи состоялся значительно позже. Отъ третьей жены своей онъ имѣлъ сына Гиркана, отъ критянки Юста и Симонида, прозваннаго также Агриппою (Vita §§ 422—430).

Вернувшись изъ Египта въ Іудею, Іосифъ засталъ Тита готовящимся къ окончательному взятію непокорнаго Іерусалима. То было весною 70 года. Титъ немедленно назначилъ Іосифа переводчикомъ при сношеніяхъ съ іудеями и пользовался имъ также въ качествѣ парламентера [2]. Живя въ римскомъ лагерѣ, Іосифъ не съумѣлъ расположить къ себѣ римскихъ офицеровъ, которые сплошь и рядомъ жестоко глумились надъ нимъ. Его положеніе особенно затруднялось тѣмъ, что іерусалимцы, совершенно впрочемъ основательно, видѣли въ немъ предателя и шпіона и всячески старались выказать ему свою ненависть. Случаевъ для этого представилось имъ нѣсколько, именно каждый разъ, какъ Іосифу приходилось подходить въ качествѣ парламентера къ стѣнамъ священнаго города. Правда, его поведеніе при этомъ было иногда прямо возмутительно: онъ

[1] 3 іюля Веспасіанъ былъ провозглашенъ императоромъ жителями Цезареи. Tacit. Hist. II, 79.

[2] Contra Apion. I, 48. Vita § 415 sqq.

не только уговаривалъ своихъ согражданъ сдаться, но и употреблялъ при этомъ самые недостойные пріемы. Такъ, напримѣръ, восхваляя могущество римлянъ, онъ старался убѣдить іерусалимцевъ въ божественности ихъ миссіи. Въ видѣ доказательства онъ сослался между прочимъ на то, что будто бы съ появленіемъ Тита подъ стѣнами города изсякшая передъ тѣмъ силоамская купель давала теперь втрое больше воды, чѣмъ когда либо раньше [1].

Неудивительно поэтому, что пока Іосифъ разсыпался въ подобныхъ похвалахъ угнетателямъ, угнетенные и осажденные осыпали его градомъ копій, стрѣлъ и камней. Іосифу стоило подчасъ огромнаго труда уберечься отъ этого. Однажды, впрочемъ, въ него такъ мѣтко бросили камнемъ, что парламентеръ палъ на землю и былъ замертво унесенъ въ римскій лагерь. По этому поводу въ Іерусалимѣ началось ликованіе: граждане были убѣждены въ смерти измѣнника. Когда объ этомъ сообщили престарѣлой матери Іосифа, томившейся тогда съ прочими членами семьи въ темницѣ (ярые зелоты такимъ жестокимъ образомъ отомстили несчастной за измѣну сына и за принадлежность его къ фарисейству), та, говорятъ, воскликнула, что и лучше, чтобы измѣнникъ умеръ, чѣмъ чтобы онъ продолжалъ вести свою позорную жизнь.

Тѣмъ временемъ Титъ свирѣпствовалъ противъ іудейскихъ плѣнныхъ. Сохранилось указаніе, будто онъ ежедневно казнилъ до 500 ихъ. Іосифъ между тѣмъ разспрашивалъ несчастныхъ о положеніи дѣлъ въ городѣ и, по собственному заявленію, дѣлалъ себѣ письменныя на этотъ счетъ замѣтки [2].

Я не стану утомлять читателей подробнымъ описаніемъ всѣхъ перипетій осады и конечнаго штурма Іерусалима. Іосифъ посвятилъ этому V и VI книги своей «Іудейской войны», гдѣ съ большою подробностью разсказываетъ объ этомъ. 5 іюля

[1] Bell. jud. V, 6, 2; VI, I, 8; Vita § 75. C. Apion. I, 9.

[2] Впрочемъ, во время осады Іерусалима Іосифу удалось спасти нѣсколькихъ плѣнныхъ (Vita, §§ 417—430).

70 года палъ замокъ Антонія и съ нимъ священный городъ. Политическая самостоятельность Іудеи погибла навсегда.

Къ чести Іосифа нужно сказать, что тутъ онъ заступился за іерусалимцевъ и многимъ изъ нихъ (между прочимъ его родному брату, Матѳеіи) это заступничество спасло жизнь. Когда Титъ по взятіи города предложилъ Іосифу «взять себѣ что онъ желаетъ», онъ взялъ лишь нѣсколько священныхъ книгъ (βίβλων ἱερῶν) и просилъ щадить гражданъ. Нѣкоторое время спустя ему пришлось ѣхать за городъ. На дорогѣ онъ увидѣлъ массу крестовъ съ распятыми іудеями. Въ числѣ послѣднихъ, притомъ еще не умершихъ, онъ замѣтилъ трехъ друзей своихъ. Іосифъ немедленно вернулся къ Титу, вымолилъ у него прощеніе несчастнымъ и сталъ лѣчить ихъ. Двое, впрочемъ, скоро умерли, третій остался живъ и выздоровѣлъ [1].

Титъ прекрасно относился къ Іосифу. За его труды парламентера и вообще за его преданность римлянамъ онъ подарилъ ему обширное помѣстье на равнинѣ Сарона. Впослѣдствіи императоръ Домиціанъ освободилъ это имѣніе отъ всѣхъ налоговъ и повинностей (Vita, § 76). Титъ, окончивъ войну и собираясь въ Римъ, взялъ съ собою и Іосифа, который присутствовалъ при тріумфѣ Веспасіана и Тита и имѣлъ возможность видѣть въ числѣ военноплѣнныхъ своего стариннаго врага Іоанна изъ Гисхалы (приговореннаго впослѣдствіи къ пожизненному тюремному заключенію) и Симона-баръ-Гіору, который былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы. Агриппа съ сестрою своею Береникою, возлюбленною Тита, конечно также принималъ самое дѣятельное участіе въ тріумфѣ побѣдителей.

Въ Римѣ для Іосифа началась новая жизнь. Получивъ отъ Веспасіана разрѣшеніе поселиться въ домѣ Флавіевъ, онъ вскорѣ добился даже права римскаго гражданства (съ этого момента Іосифъ сталъ называться Флавіемъ) и различныхъ привилегій, какъ, напр., назначенія ежегодной ренты (Suet. Vespas. 18 говоритъ по этому поводу: primus e fisco latinis

[1] Срв. Hausrath, l. c. p. 112—113.

graecisque rhetoribus annua centena constituit). Кромѣ того Іосифу были возмѣщены убытки, которые онъ потерпѣлъ во время осады, когда подверглись разграбленію его помѣстья въ Палестинѣ. Вообще Іосифъ пользовался большою милостью при дворѣ Тита, его преемника Домиціана и у императрицы Домиціи, несмотря на то, что неоднократно находились недоброжелатели - іудеи (въ томъ числѣ даже наставникъ его собственныхъ сыновей), которые старались очернить его предъ императоромъ. Эти попытки впрочемъ остались безуспѣшными. Пользуясь милостивымъ расположеніемъ правителей, будучи матеріально вполнѣ обезпеченъ, Іосифъ задумалъ навсегда остаться въ Римѣ и посвятить свои досуги исторіографіи и наукѣ. Въ лицѣ Домиціана, Агриппы II и богатаго Епафродита онъ имѣлъ сильную поддержку. Нѣкоторые историки (Niese, Ewald и др.) считаютъ этого Епафродита, которому Флавій Іосифъ посвятилъ всѣ свои сочиненія, вольноотпущенникомъ императора Домиціана, но противъ этого можно представить вѣскія возраженія. Вѣроятнѣе всего, это былъ выдающійся грамматикъ, отождествлять котораго съ указаннымъ вольноотпущенникомъ не допускаютъ нѣкоторыя соображенія хронологическаго характера [1].

Въ Римѣ Іосифъ прожилъ около 25 лѣтъ. Хотя мы ничего не знаемъ о смерти его, однако по нѣкоторымъ даннымъ (Шюреръ, стр. 59), онъ еще былъ живъ во всякомъ случаѣ въ первое десятилѣтіе II вѣка. Въ заключеніе упомянемъ, что Евсевій (Hist eccl. III, 9) разсказываетъ, будто Іосифъ былъ почтенъ въ Римѣ постановкою статуи. Если онъ и заслужилъ таковую, то во всякомъ случаѣ не за первую половину своей жизни, когда онъ столь наглядно доказалъ свою неспособность, какъ государственный дѣятель, а за вторую, посвященную написанію тѣхъ удивительныхъ произведеній, которыя создали ему неувядаемую славу и къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь перейдемъ.

[1] Срв. Niese, l. c. p. 199 и Ewald, l. c. p. 90, 91. Вольноотпущенникъ Епафродитъ былъ (по Suet. Domit. 14 и Dio Cass. 67, 14, 4) казненъ въ 95 году. Между тѣмъ посвященная ему автобіографія Іосифа Флавія написана, по мнѣнію Hausrath'а и Шюрера (стр. 59), не ранѣе 101 года по Р. Хр., т. е. уже послѣ смерти Агриппы II (срв. Vita, § 65).

II.

Несмотря на геройскую защиту Іерусалима, а можетъ быть именно вслѣдствіе упорнаго сопротивленія, іудеи не могли снискать себѣ уваженіе побѣдителей: римляне, не признававшіе ничего, кромѣ успѣха и славы, относились теперь болѣе, чѣмъ когда либо, съ пренебреженіемъ къ покореннымъ. Пониманіе нравственнаго превосходства послѣднихъ, особенно же ихъ возвышенной религіи въ то пестрое и богатое всевозможными вѣрованіями и суевѣріемъ, а еще болѣе безвѣріемъ время оставалось побѣдителямъ вселенной совершенно чуждымъ. Покоренный противникъ въ ихъ глазахъ былъ только презрѣннымъ рабомъ, надъ которымъ можно было безнаказанно издѣваться, котораго каждый былъ вправѣ обидѣть, который существовалъ лишь для удовлетворенія прихотей своего господина или, какъ въ данномъ случаѣ, своихъ господъ.

Лично мало страдая отъ всего этого, Флавій Іосифъ однако не могъ не видѣть тяжелаго положенія своихъ единоплеменниковъ въ Римѣ, не могъ не слышать о насиліяхъ, совершаемыхъ надъ ними, по примѣру римлянъ, другими менѣе самостоятельными и покладистыми народами. И вотъ онъ задумалъ великое дѣло: желая возстановить доброе имя своихъ единовѣрцевъ, находя для этого нужнымъ раскрыть истинные мотивы ихъ борьбы съ властнымъ Римомъ, наконецъ стремясь разсѣять много злыхъ нелѣпостей, которыми и тогда уже, въ то отдаленное время, разные недоброжелатели украшали исторію происхожденія, характеръ вѣрованій и образъ жизни іудеевъ, Флавій рѣшилъ раскрыть истину и представить ее въ формѣ связнаго разсказа гордымъ, но невѣжественнымъ побѣдителямъ. Поэтому онъ, предназначивъ свои сочиненія на первомъ планѣ для языческой публики, рѣшилъ написать ихъ на наиболѣе распространенномъ тогда языкѣ—

греческомъ. Слѣдовательно цѣль его сочиненій была чисто *апологетическая*.

Такой умный и хитрый человѣкъ, какимъ представляется намъ Флавій, не могъ не понимать, насколько, благодаря его собственному печальному поведенію во время послѣднихъ событій, долженъ былъ пасть его престижъ въ глазахъ единовѣрцевъ. Быть можетъ, тутъ играли извѣстную роль и угрызенія совѣсти. Нужно было такъ или иначе реабилитировать себя, а это представлялось возможнымъ только такимъ путемъ: слѣдовало доказать *историческую необходимость* той развязки, которая постигла Іудею и ея народъ въ 70 г. по Р. Хр. Беззаконія, такъ давно творившіяся іудеями въ собственной средѣ, разбои, грабежи первосвященниковъ, насилія фанатичныхъ зелотовъ, убійства наемныхъ сикаріевъ, все это не могло не возбудить гнѣва Предвѣчнаго. Какъ и неоднократно въ былыя времена, Онъ отвратилъ взоръ свой отъ избраннаго народа и предалъ іудевъ въ руки непріятелей для истребленія. Римляне смѣнили вавилонянъ и македонянъ, Веспасіанъ и Титъ являлись прямыми преемниками Навуходоносора и Сеннахериба. Вотъ съ какой точки зрѣнія Флавій считалъ свое сочиненіе полезнымъ для единовѣрцевъ. Преслѣдуя тутъ цѣль *дидактическую*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не забывалъ и себя: поневолѣ ему приходилось изображать римлянъ въ видѣ мощнаго орудія въ рукахъ Всевышняго, а это давало ему широкій просторъ для лести по адресу правителей римскаго народа.

Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній, Іосифъ предался въ Римѣ усердному изученію греческаго языка, его грамматики, стилистики и литературы. Онъ успѣлъ въ этомъ въ сравнительно непродолжительный промежутокъ времени, потому что уже между 75 и 79 годами [1] появилось его первое сочиненіе, считаемое многими [2] наилучшимъ изъ всѣхъ его твореній; оно

[1] Niese, l. c. p. 200.

[2] Напр. *Эвальдомъ* l. c. p. 90. Впрочемъ, по мнѣнію этого ученаго, пальму первенства съ „Іудейской войною" дѣлитъ знаменитое „Возраженіе противъ Апіона" (l. c. p. 93).

посвящено *описанію іудейской войны*, столь всѣмъ еще памятной. Составленная въ 7 книгахъ исторія περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου по содержанію своему представляетъ слѣдующее: I книга начинается съ разсказа о событіяхъ при Антіохѣ Епифанѣ (175—164 до Р. Хр.) и даетъ исторію до смерти Ирода Великаго (4 до Р. Хр.). Содержаніе второй книги знакомитъ насъ съ эпохою отъ 4 г. до Р. Хр. вплоть до начала Іудейской войны и захватываетъ также первый (66—67) годъ ея. Въ III книгѣ подробно повѣствуется о войнѣ въ Галилеѣ (67 г.). Въ концѣ IV книги мы видимъ приготовленія Тита къ осадѣ Іерусалима. V и VI книги даютъ исторію осады и взятія священнаго города, а послѣдняя посвящена разсказу о дальнѣйшихъ событіяхъ до полнаго уничтоженія послѣднихъ вспышекъ іудеевъ и взятія Масады.

Итакъ, мы видимъ, что содержаніе этого сочиненія обнимаетъ эпоху въ 246 лѣтъ (175 г. до Р. Хр.—72 г. по Р. Хр.). Всему сочиненію предпослано введеніе, въ общихъ чертахъ знакомящее съ цѣлью предлежащаго труда. Изъ этого предисловія (гл. I) мы узнаемъ, что первоначально исторія іудейской войны была составлена Іосифомъ по-арамейски. Впослѣдствіи, какъ видно изъ Contra Apion. I, 9, Флавій переработалъ ее по-гречески, причемъ ему помогли опытные сотрудники (συνεργοί). Но во всякомъ случаѣ, какъ съ достаточною ясностью доказываетъ сохранившаяся по сей день сирійская версія шестой книги «Войны» (остальныя исчезли безслѣдно, такъ какъ по содержанію были менѣе интересны для неримлянъ), то былъ не переводъ, а вольная и главнымъ образомъ значительно расширенная и дополненная переработка [1].

Переходя теперь къ характеристикѣ «Іудейской войны», мы должны на первомъ планѣ отмѣтить значительную полноту данныхъ и крупные объемы этой книги. Хотя до Іосифа на ту же тему писали Антоній Юліанъ и другіе, а послѣ него

[1] Schürer, l. c. p. 201.

этого же вопроса коснулся и Тацитъ, однако имъ обоимъ далеко до нашего историка. То, о чемъ Тацитъ говоритъ въ нѣсколькихъ строкахъ (напр., Tacit. Hist., V, [1]) разработано Флавіемъ на многихъ страницахъ (Bell. jud. IV, 39—53), чему Тацитъ посвящаетъ часть своей пятой книги, разсказано нашимъ авторомъ въ цѣлыхъ трехъ книгахъ (5, 6 и 7).

Факты, приводимые Іосифомъ, не всегда достаточно провѣрены, нерѣдко преувеличены, тенденціозно окрашены, иногда даже, гдѣ это казалось автору необходимымъ ad majorem gloriam judaeorum, прямо извращены или просто опущены [2]. Такъ наприм., тенденціозно все описаніе гибели іерусалимскаго храма. Въ «Іудейской войнѣ» разсказывается, будто святилище стало жертвою пламени помимо вѣдома и желанія Тита, который якобы противился разрушенію его. Тацитъ же говоритъ какъ разъ противоположное, и мы не имѣемъ основанія не вѣрить ему [3].

Преувеличено также описаніе голода въ Іерусалимѣ, во время осады; общеизвѣстенъ разсказъ о матери, заклавшей и съѣвшей своего ребенка, фактъ прямо невѣроятный. Равнымъ образомъ невозможно, чтобы число погибшихъ при взятіи города іудеевъ достигало 1.000.000 человѣкъ. Сколько же тогда было жителей во всей Іудеѣ?

Но Флавій, несмотря на указанныя погрѣшности, съумѣлъ придать своему сочиненію обаятельную внѣшность, тщательно и искусно обработавъ языкъ, избѣгая всѣхъ шероховатостей [4], придавъ ему элегантную легкость и живость изложенія, снабдивъ его поэтическимъ паѳосомъ (срв., напр., рѣчь Агриппы во II книгѣ) и пересыпавъ разсказъ массою данныхъ легендарнаго и анекдотическаго характера. Неудивительно, если

[1] Срв. Bell. jud. предисл. гл. I, а также предисловіе къ Древностямъ.

[2] Напр., о грабежахъ и насиліяхъ іудеевъ во времена послѣднихъ Асмонеевъ. Объ этомъ имѣются весьма обстоятельныя данныя у Страбона, Діодора и Юстина.

[3] Срв. C. Bernays, Gesammelte Abhandlungen, II, 159.

[4] Во всей „Іуд. войнѣ" нѣтъ ни одного стеченія гласныхъ, т. наз. hiatus. Schürer, l. c. p. 207.

книга имѣла шумный успѣхъ. Манера Ѳеопомпа, Плутарха, Саллюстія, Цезаря, Ливія, Тацита, Амміана Марцеллина и особенно Квинта Курція Руфа оказывала на средняго читателя чарующее впечатлѣніе. Эта манера была избрана и Флавіемъ. Масса, это уже ея удѣлъ, всегда преклоняется предъ риторикой, а въ ней Флавій былъ силенъ. Весьма вѣроятно, что въ расположеніи и обработкѣ матеріала большую роль играли вышеупомянутые его греческіе сотрудники (συνεργοι).

Какъ бы тамъ ни было, но книга имѣла въ Римѣ шумный успѣхъ и сразу упрочила славу автора. Когда она была вручена Веспасіану и Титу, они немедленно занялись распространеніемъ ея среди знати и военнаго міра. Агриппа II, какъ разсказываетъ Іосифъ (Vita 65, C. Apion. I, 9), написалъ автору не менѣе 62 писемъ, въ которыхъ удостовѣрилъ точность сообщаемыхъ Флавіемъ свѣдѣній. Это, быть можетъ, заставляетъ Эвальда (l. c. p. 88) сказать, что Іосифъ *значительно* превосходилъ своими познаніями по исторіи даже ученаго Филона.

Объ источникахъ, которыми могъ пользоваться Флавій при написаніи «Іудейской войны», мы поговоримъ ниже, когда коснемся того же вопроса относительно «Древностей», второго въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія его.

Его полное заглавіе—Ἰουδαικα ἀρχαιολογια. Оно издано между 93 и 94 г. по Р. Хр. и было вызвано подготовительными работами Флавія къ его «Іудейской войнѣ». Цѣль написанія этого обширнаго труда совершенно аналогична цѣли изданія «Войны»: «Уже раньше, когда я описывалъ (іудейскую) войну, я подумывалъ, не показать ли, кто такіе по своему происхожденію іудеи, какимъ превратностямъ судьбы они подвергались, какой законодатель воспиталъ въ нихъ стремленіе къ благочестію и побуждалъ ихъ развивать въ себѣ добродѣтель, какія войны вели они въ продолжительный періодъ времени своего существованія, и какъ они, противъ своего собственнаго желанія, впутались въ послѣднюю войну съ римлянами», читаемъ въ предисловіи.

Попытки объяснить темный вопросъ о происхожденіи и главнымъ образомъ исторіи израильскаго народа были дѣлаемы іудеями значительно раньше Іосифа. Къ числу лицъ, писавшихъ объ этомъ, слѣдуетъ отнести между прочимъ *Димитрія*, египетскаго іудея, жившаго при Птолемеѣ Филопаторѣ, т. е. около 210 года до Р. Хр., извѣстнаго *Аристея*, изложившаго по обработкѣ LXX толковниковъ исторію Іова. (Polyhist., въ Euseb. praep. evang. IX, 25), и кизикийца *Тевкра*, почти современника Флавія. Этому Тевкру приписываются «шесть книгъ іудейской исторіи», равно какъ повѣствованіе «о Митридатѣ» [1].

Но всѣ эти труды пользовались среди большой публики сравнительно малою извѣстностью, во всякомъ случаѣ меньшею, чѣмъ сочиненія писателей неевреевъ, удѣлившихъ долю вниманія интереснымъ судьбамъ народа израильскаго. Сюда должны быть отнесены Поливій, Страбонъ, Діодоръ Сицилійскій, Юстинъ и Тацитъ [2]. Всѣми ими пользовался Флавій, какъ видно изъ его Contr. Apion. I, 223 sqq:, II, 8 sqq. Въ этомъ же сочиненіи онъ приводитъ рядъ другихъ именъ, но это сюда не относится. Вопросу объ источникахъ Іосифа мы удѣлимъ нѣсколько словъ въ концѣ нашего очерка.

Отлично сознавая всѣ трудности, связанныя съ изданіемъ задуманнаго труда, Флавій однако не остановился ни предъ обиліемъ матеріала, ни предъ обширностью темы. Онъ приложилъ всѣ старанія, чтобы книга его вышла интересною, чтобы въ ней не было опущено ничего существеннаго, чтобы ходъ событій исторіи еврейскаго народа былъ попутно освѣщаемъ данными изъ исторической жизни тѣхъ племенъ и народовъ, съ которыми іудеевъ сталкивала судьба. И нужно отдать Флавію справедливость, онъ разрѣшилъ эту задачу блестяще. До сихъ поръ еще, послѣ почти двухъ тысячъ лѣтъ, нашъ авторъ не только не утратилъ своего интереса, но напротивъ, всѣ болѣе и болѣе пробуждаетъ его въ насъ. Являясь почти

[1] Срв. Ewald, l. c. p. 96. 97. 80, и Schürer, l, p. 53—54.

[2] Срв. Niese, l. c. p. 222, 223 и Schürer l. c. I, p. 63.

единственнымъ источникомъ при выясненіи исторіи своего времени, онъ въ то же время не мало дополняетъ свѣдѣнія у писателей-классиковъ, а главнымъ образомъ даетъ обильный матеріалъ для критики текста Св. Писанія.

«Іудейскія Древности» по содержанію своему въ 20 книгахъ [1]) даютъ намъ слѣдующее:

Послѣ довольно обширнаго предисловія, въ первыхъ десяти книгахъ повѣствуется о судьбахъ еврейскаго народа отъ сотворенія міра до конца вавилонскаго плѣна. XI книга посвящена періоду отъ Кира до Александра Великаго. Въ XII мы доходимъ до смерти Іуды Маккавея (въ 161 г. до Р. Хр.), а въ XIII и XIV до вступленія на престолъ Ирода Великаго (37 г. до Р. Хр.), разсказу о царствованіи котораго посвящены три послѣдующихъ книги (XV, XVI и XVII). Слѣдовательно здѣсь мы доходимъ до года смерти Ирода, 4 г. до Р. Хр. Въ послѣднихъ трехъ книгахъ разсказъ доводится до 66 года по Р. Хр. Такимъ образомъ мы видимъ изъ этого краткаго перечня содержанія, что конецъ «Древностей» захватываетъ значительную долю событій, уже разсказанныхъ въ первыхъ книгахъ «Іудейской войны», которая является естественнымъ продолженіемъ «Древностей».

Здѣсь же мы должны указать на огромное различіе въ манерѣ изложенія и даже въ выборѣ и обработкѣ матеріала какъ тутъ, такъ и тамъ. Іосифъ при разсказѣ объ одномъ и томъ же событіи нигдѣ не цитируетъ и не выписываетъ текста изъ «Іудейской войны». Онъ передаетъ его параллельно, переразсказываетъ, иногда дополняетъ, иногда слегка варьируетъ его. Изъ этого нѣкоторые изслѣдователи пытались сдѣлать выводъ, будто у Іосифа въ разное время былъ различный взглядъ на историческія событія, а нѣкоторые (Эвальдъ) заходятъ даже такъ далеко, что подчасъ подвергаютъ сомнѣнію даже достовѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ. Намъ объ-

[1] Это дѣленіе принадлежитъ самому Іосифу. (См. Древности, конецъ послѣдней главы).

ясняется это гораздо проще: болѣе обширный трудъ съ болѣе отвѣтственнымъ содержаніемъ, трудъ, потребовавшій у автора 13-лѣтней работы, естественно заставилъ Іосифа детальнѣе и подробнѣе изучить источники, разобраться въ нихъ и постоянно дополнять собранный матеріалъ новыми данными. Мы уже видѣли, что нашъ авторъ имѣлъ предшественниковъ, видѣли, что онъ цитируетъ ихъ. Тогда какъ при написаніи исторіи «Іудейской войны», въ которой Флавій принималъ столь близкое личное участіе, однимъ изъ главныхъ источниковъ была его собственная память и сообщенія перебѣжчиковъ и плѣнныхъ изъ Іерусалима, къ чему присоединились еще данныя Николая Дамасскаго, современника Ирода Великаго (поэтому-то разсказъ объ Иродѣ такъ пространенъ у Іосифа), «Іудейскія Древности» свидѣтельствуютъ объ его всестороннемъ образованіи и обширной начитанности. Если принять во вниманіе, что говоритъ Флавій въ послѣдней главѣ Antiquitates о трудностяхъ, которыя ему пришлось преодолѣть при изученіи греческаго языка и литературы [1], если принять во вниманіе тринадцатилѣтній періодъ, употребленный авторомъ на составленіе «Древностей» и на постоянно оказываемую ему, по его же признанію (см. предисловіе къ «Древностямъ»), поддержку со стороны ученаго грамматика Епафродита, то станетъ яснымъ, что въ эти годы кругъ историческихъ познаній Флавія долженъ былъ значительно расшириться сравнительно со временемъ написанія «Іудейской войны».

Прямо классическое изслѣдованіе H. Bloch'a—Die Quellen des Josephus in seiner Archäologie (Lpz. 1879)—съ достаточною ясностью раскрываетъ намъ картину научной работы Флавія. Тамъ мы видимъ, что нашъ авторъ пользовался для первой части «Древностей» (до средины XI книги) греческимъ переводомъ книгъ Св. Писанія, извѣстнымъ подъ именемъ LXX толковниковъ [2]. Значительныя, сравнительно съ масо-

[1] Онъ такъ и не научился бѣгло говорить по гречески. За то изученіе и вліяніе Ѳукидида сказывается у него, особенно вездѣ, въ послѣднихъ книгахъ. Срв. Niese, l. c. p. 214, Bloch, p. 8, Schürer, p. 62.

ретскимъ текстомъ, отступленія (въ объясненіи отдѣльныхъ словъ, въ транскрипціи именъ собственныхъ, въ хронологическихъ данныхъ), дополненія (напр., исторія похода Моисея въ Эѳіопію, магическая власть царя Соломона и т. п.) варіанты, наконецъ вся эллинистская окраска повѣствованія (срв. Antiq. VI, 7 sqq., гдѣ говорится о филистимлянахъ) допускаютъ мысль, что Флавій либо имѣлъ предъ собою дополненный всѣми этими данными экземпляръ текста перевода LXX толковниковъ [1], либо обильно черпалъ изъ кладезя устнаго преданія (т. наз. агады). Глубокое знаніе галахи особенно рельефно сказалось у него въ детальномъ знакомствѣ съ различными религіозными постановленіями. Все что могъ Флавій почерпнуть изъ книгъ Св. Писанія, онъ извлекъ оттуда, пользуясь рѣшительно всѣмъ матеріаломъ. Послѣднимъ каноническимъ источникомъ при этомъ является у него книга Эсѳири. Первая книга Маккавеевъ была у него подъ руками лишь въ отрывкѣ; онъ пользуется ею вплоть до разсказа о смерти первосвященника Іонаѳана. Извлеченныя имъ оттуда данныя имѣютъ значительную цѣнность для критики текста этой книги. Насколько Іосифъ пользовался религіозною традиціею, видно, между прочимъ, изъ систематически составленной и помѣщенной имъ въ концѣ «Древностей» исторіи іудейскихъ первосвященниковъ. Кромѣ того, устнымъ источникомъ могли ему служить также сыновья и братья принявшаго іудаизмъ адіабенскаго царя Изата, которые одновременно съ Іосифомъ жили въ Римѣ [2].

Что касается отношенія Флавія къ эллинистамъ, то онъ, какъ доказалъ Bloch (p. 23—53), не только былъ знакомъ съ ними, но и пользовался ихъ данными, особенно Александромъ Полигисторомъ. Берossъ, Менандръ Ефесскій, Манеѳонъ, Гестіей, Іеронимъ, Геродотъ, Мнасея, Мегасѳенъ, Діоклъ, Филостратъ, Гезіодъ, Гелланикъ, Акусилай, Ефоръ цитируются неоднократно самимъ Іосифомъ въ его «Древно-

[1] Это мнѣніе Niese, l. c. p. 215.

[2] Объ отношеніи Флавія къ Библіи см. также: *Tachauer*, Flavius Josephus Verhältniss zur Bibel und Tradition, Erlangen 1871.

стяхъ». Историки Поливій, Агаѳархидъ Книдскій, Страбонъ и Николай изъ Дамаска, служили ему серьезными источниками. Поскольку онъ черпалъ изъ сочиненій Филона старшаго, это до сихъ поръ не выяснено. Bloch отрицаетъ его знакомство съ александрійскимъ ученымъ, Шюреръ, С. Зигфридъ (Philo von Alexandria, p. 278—281) и Фрейденталь (Alexander Polyhistor p. 218) обратнаго мнѣнія.

При всемъ томъ отношеніе Флавія къ источникамъ, куда нужно еще отнести римскихъ писателей, римскіе архивы и мемуары Ирода Великаго равно какъ Веспасіана [1], далеко не было рабскимъ, но отличалось самостоятельною критикою [2]. Это нагляднѣе всего показываетъ примѣръ съ Николаемъ Дамасскимъ, другомъ Ирода Великаго и его лейбъ-хронографомъ. Къ сообщаемымъ Николаемъ даннымъ Флавій не только относится осторожно и недовѣрчиво, но всю исторію Великаго Ирода онъ строитъ, различно отъ Николая, на новыхъ точкахъ отправленія, разбивъ весь матеріалъ не хронологически, а прагматически. Подобнаго явленія мы стали бы тщетно искать въ «Іудейской войнѣ», не говоря уже о сочиненіяхъ другихъ историковъ его эпохи. Располагая объ явленіяхъ римской исторіи примѣрно такими же данными, какъ Тацитъ, Іосифъ съумѣлъ изъ нихъ сдѣлать куда больше своего знаменитаго римскаго собрата по наукѣ.

Съ средины XI книги, т. е. со времени первосвященника Симона, разсказъ «Древностей» ведется параллельно (но лишь по содержанію, а не по формѣ, какъ было уже выше указано) повѣствованію первой части «Іудейской войны». Въ извѣстномъ смыслѣ впрочемъ Шюреръ (p. 220) правъ, называя послѣднее сочиненіе оригиналомъ «Древностей».

Здѣсь слѣдуетъ указать еще на нѣкоторыя различія этихъ двухъ трудовъ по ихъ формѣ. Такъ какъ «Древности» представлялись по сравненію съ популярно написанною «Іудейскою войною» сочиненіемъ строго научнымъ и серьезнымъ, то и

[1] Bloch, l. c. p. 140 sqq.

[2] Срв. Antiquit. XVI, 8 sqq; XV, 183 sqq

языкъ въ этихъ двухъ книгахъ совершенно разный. Въ «Древностяхъ» авторъ удѣлялъ меньше вниманія стилистикѣ, заботясь лишь о полнотѣ фактическаго матеріала и правильности его группировки. Риторики у него, правда, не мало и здѣсь, но нѣтъ уже того поэтическаго паѳоса, который такъ характеризуетъ «Іудейскую войну». Серьезность, и такъ сказать, святость темы, естественно, требовала и серьезности языка, который тутъ проще и скромнѣе, чѣмъ въ «Іудейской войнѣ». Особенно убѣдительное доказательство этому представится намъ, если мы начнемъ сопоставлять между собою рѣчи, влагаемыя Іосифомъ въ уста различныхъ лицъ въ томъ и другомъ сочиненіяхъ.

Въ послѣднихъ книгахъ «Древностей» особенно сильно сказывается вліяніе греческаго историка Ѳукидида.

Общимъ съ «Іудейскою войною» въ «Древностяхъ» является лишь тема, главнымъ образомъ цѣль изданія, и наконецъ нѣкоторая тенденціозность, выражающаяся между прочимъ, какъ и тамъ, пропусками неудобныхъ съ точки зрѣнія іудейской религіи фактовъ (такъ напр., Флавій совершенно умалчиваетъ о поклоненіи евреями золотому тельцу у Синая).

Послѣ всего сказаннаго мы, естественно, должны будемъ съ осторожностью отнестись къ слѣдующей характеристикѣ «Древностей», которую далъ о ней Эвальдъ (стр. 91 и 92) и которая претендуетъ быть классической: «О томъ, какъ мало удовлетворительно это сочиненіе для болѣе древняго и слѣдовательно для менѣе яснаго и всетаки важнѣйшаго періода исторіи (израильскаго) народа, мы говорили уже выше: вездѣ тутъ какъ будто покровъ лежитъ на глазахъ повѣствователя и это мѣшаетъ ему понять истинное величіе его народа во время полнаго расцвѣта всѣхъ его силъ. Труды (Флавія), прилагаемые имъ часто къ тому, чтобы доказать такое величіе или, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы оградить свой древній народъ отъ навѣтовъ современниковъ, почти не имѣютъ успѣха. Лишь съ изложенія фактовъ новѣйшей исторіи болѣе ему извѣстной и доступной его пониманію, сочиненіе

становится живѣе, привлекательнѣе и полезнѣе. Но именно тутъ авторъ не признаетъ настоящихъ и крупныхъ заблужденій, которымъ предавался его народъ. Поэтому мы теперь можемъ ему быть благодарны лишь за свѣдѣнія изъ нынѣ утраченныхъ сочиненій, свѣдѣнія, которыя онъ вставлялъ при случаѣ въ разныхъ мѣстахъ исторіи древняго періода».

Приговоръ безусловно рѣзкій и несправедливый. Насколько важно сочиненіе Флавія «Іудейскія Древности» видно между прочимъ изъ того, что христіанство первыхъ вѣковъ усердно изучало его и черпало изъ него. Оно, можно сказать, сохранило намъ эту замѣчательную книгу, не имѣвшую, при жизни автора, того шумнаго успѣха, какой выпалъ на долю популярно обработанной «Іудейской войны». Блаженный Іеронимъ называетъ автора даже «греческимъ Ливіемъ», а средніе вѣка усердно читали и изучали его. «Древности»—серьезнѣйшій и почти единственный полностью сохранившійся источникъ, знакомящій насъ съ эпохою возникновенія христіанства, и огромная порожденная имъ литература служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ этого.

III.

Разобравъ главныя два сочиненія нашего историка, мы должны теперь разсмотрѣть остальные труды его. Они носятъ исключительно *апологетическій* характеръ, при этомъ отчасти личный.

Третье и въ свое время, вѣроятно, имѣвшее наибольшій успѣхъ сочиненіе Флавія было, изданное вскорѣ послѣ «Древностей», знаменитое «Возраженіе противъ Апіона о древности іудейскаго народа». Извѣстный неоплатоникъ Порфирій цитируетъ это сочиненіе подъ заглавіемъ «Обращеніе къ грекамъ» (προς τους Ἕλληνας), Евсевій и Оригенъ знаютъ эту книгу подъ именемъ «О древности іудеевъ» (περὶ της των Ἰουδαίων αρχαιτητος), а св. Іеронимъ озаглавилъ его просто и кратко Contra Apionem. Подъ этимъ именемъ оно извѣстно болѣе всего.

Такъ какъ въ книгѣ встрѣчаются ссылки на «Іудейскія Древности», то она очевидно написана послѣ капитальнаго труда. Впрочемъ, обо всемъ этомъ, равно какъ о содержаніи и характерѣ этого сочиненія, мы не будемъ здѣсь распространяться, но отошлемъ читателей къ мастерски написанному магистромъ Я. И. Израэльсономъ введенію къ русскому переводу этого сочиненія [1].

Остается сказать еще нѣсколько словъ о четвертомъ и послѣднемъ трудѣ Флавія, его *автобіографіи* или βίος, какъ ее кратко озаглавилъ самъ составитель.

Она, собственно, не представляетъ отдѣльнаго сочиненія, но является продолженіемъ или, вѣрнѣе, окончаніемъ «Іудейскихъ Древностей», въ послѣдней главѣ которой Іосифъ анонсируетъ ее. Дѣйствительно, отчасти какъ по содержанію, такъ и по формѣ (βίος типично начинается съ соединительной частицы δέ, какъ остроумно замѣтилъ Шюреръ, стр. 66) она прямо примыкаетъ къ «Древностямъ», хотя значительно отличается отъ послѣднихъ по цѣли своей. Во всякомъ случаѣ автобіографія Флавія тѣсно связана съ его крупнѣйшимъ трудомъ, такъ что она еще въ древности (срв. Euseb. Hist. eccles. III, 10, 8 sqq.) всегда издавалась вмѣстѣ съ «Древностями». Это побуждаетъ Низе (стр. 227) предположить, будто она вышла въ свѣтъ единовременно съ «Древностями», т. е. въ 93—94 г. по Р. Хр., что однако оспаривается Эвальдомъ и, какъ мы увидимъ ниже, не безъ основанія.

Βίος въ сущности менѣе всего автобіографія. Это скорѣе полемическое сочиненіе, направленное противъ стариннаго противника и врага Флавія, Юста изъ Тиверіады. Послѣдній по выходѣ въ свѣтъ «Іудейскихъ Древностей» напалъ на автора, изобличая его не только въ передержкѣ фактовъ, но и въ завѣдомой лжи. При этомъ Юстъ коснулся личности Флавія, какъ человѣка, и, видимо, даже выразился о немъ,

[1] Флавій Іосифъ. О древности іудейскаго народа противъ Апіона. Переводъ съ греческаго Я. И. Израэльсона и Г. Г. Генкеля. Спб., 1898 (стр. III—XXXIV).

что онъ не чистъ на руку. Къ сожалѣнію, сочиненіе Юста до насъ не дошло. Все, что мы знаемъ о немъ, почерпнуто изъ того же жизнеописанія Флавія и можетъ быть выведено какъ логическое слѣдствіе его самозащиты. Послѣдняя, впрочемъ, въ общемъ крайне слаба, и можно съ увѣренностью сказать, что Іосифъ ею не разсѣялъ подозрѣній Юста. Такъ какъ главная и большая часть этой книги посвящена исторіи приготовленій къ галилейской войнѣ, въ которой Флавій такъ позорно отличился, и автобіографическія свѣдѣнія даются составителемъ лишь въ началѣ и концѣ сочиненія, то βίος не можетъ даже претендовать на названіе жизнеописанія. Къ тому же къ приводимымъ тутъ даннымъ, изъ которыхъ многія противорѣчатъ фактамъ, разсказаннымъ въ «Древностяхъ» и «Іудейской войнѣ» нельзя не относиться съ достаточною осторожностью и осмотрительностью.

Въ виду того, что и автобіографія посвящена, какъ и всѣ другія сочиненія Флавія, грамматику Епафродиту (о времени смерти его мы говорили уже выше), а Юстъ изъ Тиверіады написалъ уже послѣ смерти Агриппы II, т. е. послѣ 101 г. по Р. Хр., сочиненіе «Вѣнецъ іудейскихъ царей» (στέμμα των βασιλέων Ἰουδαίων), то Эвальдъ, стр. 96, кажется правъ, говоря, что βίος вышло въ видѣ дополненія къ *новому изданію* «Іудейскихъ Древностей».

Кромѣ указанныхъ и разобранныхъ нами четырехъ сочиненій Іосифа Флавія, сохранились указанія еще на нѣсколько трудовъ его, изъ которыхъ онъ самъ цитируетъ въ концѣ «Древностей» одно, задуманное имъ и посвященное религіозно-философскимъ вопросамъ [1]. Онъ собирался посвятить четыре книги выясненію «Сущности Предвѣчнаго» (περὶ της ουσιας θεου) и въ «Древностяхъ» неоднократно говоритъ о немъ [2].

[1] Выясненію религіозно-философскаго міровоззрѣнія посвящены двѣ, вышедшія въ 1887 году диссертаціи: *A. Poznansky* Ueber die religionsphilosophischen Anschauungen des Flavius Josephus, и *N. Lewinsky*: Beiträge zur Kenntniss des Flavius Josephus.

[2] Срв. Antiquitt. введеніе 4; I, 1. 1; 10, 5; III, 5. 6; 6, 6; 8, 10 и IV, 8, 4.

Нѣкоторые историки полагаютъ, что эта книга должна была служить дополненіемъ къ философскимъ трудамъ Филона. Какъ бы то ни было, но Флавій такъ и не написалъ ея.

Цитируемое Фотіемъ bibl. cod. 48 сочиненіе нѣкоего Іосифа περὶ του παντος или περὶ της του παντος ουσιας (о сущности мірозданія) ложно приписано имъ нашему автору. Оно несомнѣнно христіанскаго происхожденія и вѣроятно принадлежитъ перу епископа Ипполита (срв. S. Volkmar, Hippolytus und die römischen Zeitgenossen, p. 2 sqq. 60 sqq.).

Въ заключеніе остается сказать еще нѣсколько словъ о также приписываемой Іосифу нѣкоторыми отцами церкви т. наз. IV книги Маккавеевъ (περὶ αὐτοκρατορος λογισμου), что совершенно невозможно. По вѣскому замѣчанію Эвальда (стр. 87, прим.), Флавій долженъ былъ бы написать эту книгу въ Римѣ до начала іудейской войны, тогда какъ мы знаемъ, что онъ пріѣхалъ въ Римъ лишь послѣ окончанія военныхъ дѣйствій въ Палестинѣ и тутъ только сталъ пользоваться помощью и указаніями своихъ греческихъ сотрудниковъ.—Встрѣчающіяся же столь часто у Флавія выраженія, вродѣ: «какъ мы разсказали въ другомъ мѣстѣ» или «какъ мы говорили», выраженія, которыя по мнѣнію Шюрера и Дестинона (Die Quellen des Josephus, p. 21—23) нашъ авторъ прямо выписывалъ вмѣстѣ съ приводимыми имъ цитатами изъ текстовъ источника, Низе принимаетъ какъ простыя «благозвучныя формулы, удобныя къ тому, чтобы ими закончить какой нибудь разсказъ» (стр. 235). Съ этимъ нельзя не согласиться.

Мы собственно пришли къ концу нашей задачи. Остается лишь вкратцѣ резюмировать результаты.

Если разсматривать Іосифа, какъ человѣка, то мы найдемъ нъ немъ мало отраднаго. Всѣ тѣ отрицательныя качества его, которыя намъ пришлось отмѣтить при разсказѣ объ его жизни, съ достаточною доказательностью подкрѣпляются обиліемъ данныхъ изъ его историческихъ сочиненій. Хитрость, неискренность, льстивость, неустойчивость во мнѣніяхъ рядомъ съ большою хвастливостью и самомнѣніемъ обнаруживаются тутъ на

каждомъ шагу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ отказать Іосифу въ необычайномъ трудолюбіи и усидчивости, въ огромной эрудиціи, въ осмотрительномъ и умѣломъ пользованіи источниками, наконецъ въ извѣстной идейности (вспомнимъ, какими цѣлями задавался онъ при написаніи своихъ сочиненій). Не его вина, если единоплеменники его отнеслись холодно къ его трудамъ, если языческій міръ не принялъ ихъ съ тѣмъ энтузіазмомъ, на который, очевидно, разсчитывалъ авторъ. За то послѣдующіе вѣка и особенно послѣднее время по достоинству оцѣнили этого выдающагося и талантливаго писателя. Для насъ теперь совершенно безразлично, какимъ *человѣкомъ* былъ Флавій; для насъ онъ неоцѣнимъ, какъ *писатель*: онъ раскрываетъ намъ исторію цѣлой эпохи, даетъ обиліе цѣннѣйшаго матеріала по экзегетикѣ, исторіи христіанства, римской и греческой исторіи, по библейской археологіи и т. п. Мы никогда не должны забывать, что Іосифъ Флавій въ своихъ двухъ крупныхъ трудахъ восполняетъ пробѣлъ между книгами Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Являясь дополненіемъ книги книгъ, его труды смѣло могутъ и должны разсчитывать на вниманіе всѣхъ образованныхъ людей. Богатая литература о Флавіи, множество его изданій, переводы его на всѣ европейскіе языки служатъ лучшимъ тому доказательствомъ [1].

---

[1] Русскій переводъ Флавія является теперь впервые. Вышедшаго въ концѣ прошлаго вѣка нельзя принимать во вниманіе уже потому, что онъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ латинскаго языка. До 1849 года (по даннымъ Bibl. judaica Furst'a, I p. 118—132) было въ разное время издано не болѣе и не менѣе, какъ 102 перевода (изъ нихъ 35 на лат. яз.; 16 на нѣм.; 9 на франц.; 15 на италіянск.; 11 на англійск.; по 5 на голландскій и испанскій яз.; 2 на португальск. и по 1 на чешскій, русскій, шведскій и датскій языки). Кромѣ того, извѣстный І. Б. Левинзонъ, равно какъ Менашэ-бенъ-Израэль, перевели его „Возраженіе противъ Апіона" на древнееврейскій яз.—За полвѣка до нашего времени библіографія отмѣчаетъ 93 сочиненія, посвященныя объясненію трудовъ Флавія. Изъ нихъ 60 написаны на латинскомъ языкѣ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ *

А.

---

* Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницу сочиненія.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОГО ТОМА *

СОЧ. ІОСИФА ФЛАВІЯ:

„Іудейскія Древности"

* Раздѣленіе на два тома, не имѣющагося въ греческомъ текстѣ, сдѣлано въ русскомъ переводѣ для удобства читателей.